

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Виктор УСТИНОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Виктор УСТИНОВ

Почему Гесс летал в Англию,
а Риббентроп – в Москву?

ПОЛИТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Сканировал и создал книгу - vtakhanov

Виктор УСТИНОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ

алгоритм
МОСКВА

2012

УДК 355/359
ББК 63.3
У 80

Разработка дизайна серии Александра Новикова

Оформление переплета *Юрия Щербакова*

Устинов В. И.
У 80 Политические тайны Второй мировой / Виктор Устинов. – М. : Алгоритм, 2012. – 576 с. – (Политический бестселлер).

ISBN 978-5-4438-0029-5

Вторая мировая война – историческое событие такого масштаба, что оказывает огромное влияние и на современную политику ведущих государств планеты. Стоит вспомнить хотя бы скандал вокруг Катюни, нескончаемые споры по поводу т.н. пакта Молотова – Риббентропа и прочие будоражащие умы вопросы, так и не получившие на сегодняшний день ответа. Несмотря на то что прошло уже более 70 лет со дня начала Второй мировой войны, многие политические события, сопровождавшие ее, так и остались тайной за семью печатями. Автор этой книги – политик, журналист, военачальник – попытался приподнять таинственный покров, скрывающий истину, и рассказать читателю подлинную политическую подоплеку самой кровавой войны в истории человечества.

УДК 355/359
ББК 63.3

ISBN 978-5-4438-0029-5

© Устинов В.И., 2012
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2012

*Светлой памяти Верховного Главнокомандующего,
Генералиссимуса Советского Союза т. Сталина И.В.,
его солдатам и офицерам, а также труженикам тыла,
спасшим нашу страну и все человечество
от фашизма, — посвящается.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

1 сентября 2012 года исполняется 73 года со дня начала Второй мировой войны, а 22 июня Россия отмечала скорбную 71-ю годовщину со дня нападения фашистской Германии на Советский Союз. И чем дальше будут от нас уходить в прошлое эти трагические даты, тем острее и глубже историки, политики и простые люди будут вникать в вопросы разрастания Второй мировой войны, в орбиту которой оказались втянуты 61 государство и 110 млн. человек. Война обошлась в 50 млн. убитых и оставила после себя 35 млн. инвалидов — вот та страшная дань, которую человечество уплатило за непринятие решительных мер по обузданию гитлеровского режима на этапе его возникновения. Особенно большой урон был причинен Советскому Союзу, на плечи которого легла главная тяжесть борьбы. Наша страна потеряла 27 млн. своих сыновей и дочерей. Три четверти из них составляют мирные жители и военнопленные, замученные гитлеровцами на оккупированных территориях.

Как могло случиться, что в центре Европы, только что пережившей трагедию Первой мировой войны, такие ведущие страны, как Англия и Франция, потакали возрождению Германии, помогали ей вооружаться и молчаливо наблюдали за тем, как Гитлер покоряет одну страну за другой? Безучастно наблюдала за разрастанием военного конфликта и Лига Наций, образованная победителями в Первой мировой войне, и главной целью которой было разоружение европейских стран:

Меня, как и любого исследователя, заинтересовало начало войны, ее первые дни, ставшие трагедией для нашей страны. Кто виноват в этом? И как это могло случиться? Заинтересовало не с позиции осуждения тех руководителей, что стояли во главе страны и ее вооруженных сил, а с точки зрения правды, которая с умыслом долгое время извращается. Извращение этой правды началось с Н. Хрущева, великого честолюбца и великого самодура, вознамерившегося разрушить культ личности Сталина и, топчась на его могиле, попытаться создать свой культ, намного превосходящий культ предыдущего вождя. Толкало его к этому неумное честолюбие, недостаток интеллекта и переоценка своей роли в истории страны, которую он захотел заново переписать по своему сценарию. Именно Н. Хрущев нанес страшный, кощунственный и несправедливый удар по стратегическим способностям Верховного Главнокомандующего т. Сталина, чей талант в области стратегии был непререкаем в стане наших союзников, а все советские полководцы Великой Отечественной войны считали свой талант в военном искусстве производным от таланта вождя. Маршалы и генералы Великой Отечественной не сумели подняться на защиту Сталина, как это сделал маршал Ней по отношению к Наполеону, но они по-русски восприняли эту боль душой, и многие из них из-за этого в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов прошлого века, вслед за оклеветанным вождем, ушли раньше времени из жизни.

Нашлись и такие военачальники, кто вслед за Хрущевым поддержал хор очернителей истории, смешивая в ней глупость с абсурдом. Но был и маршал К. Рокоссовский, который пострадал от советского режима и мог сказать о нем много нелицезных слов, но, следуя правде, он, на просьбу Хрущева поделиться негативными воспоминаниями о Верховном Главнокомандующем, ответил ему: «Никита Сергеевич! Вы же знаете, что для меня Сталин является богом». Наутро К. Рокоссовский, маршал Советского Союза и маршал Польши, был понижен в должности, но зато он не потерял совести.

Почему нападение фашистской Германии организовано встретили моряки Северного, Балтийского и Черноморского флотов, подчиненные наркомун военно-морского флота адмиралу Н. Кузнецову и пограничные войска НКВД, подчинявшиеся Л. Берии? Почему отдельные командующие приграничными армиями и округами так медленно и нерасчетливо выводили войска к полям сражений, когда, находясь в еще более невыгодных условиях, партийные и советские руководители областей и республик успешно эвакуировали все военные

предприятия на восток? Когда на шестой день войны немецко-фашистские войска ворвались в Минск — их взору предстали пустые заводские корпуса — все ценное, что могло быть использовано для выпуска военной продукции, было вывезено в глубь страны или взорвано.

Опираясь на архивные документы и воспоминания военачальников, написанные ими до хрущевской поры, я сделал попытку рассказать правду о войне: не в целях осуждения тех маршалов и генералов, что стояли во главе Наркомата обороны, а для осознания печальных уроков неправильного применения вооруженных сил Советского Союза при отражении агрессии фашистской Германии в 1941 году и недопущения их повторения в будущем.

Еще древние заметили, что война, так же, как и пожар, всегда подступает внезапно, и к этому бедствию надо готовить страну и народ заранее. Тем более сейчас, когда реформа в российской армии ведется людьми, далекими от военного дела и преследующими личные выгоды, а не интересы государства.

Автор

ГЛАВА I

Создание национал-социалистической партии Германии и приход Гитлера во власть. — Диктатура вождя. — Милитаризация политической жизни и экономики страны. — Пересмотр итогов Первой мировой войны и денонсация Версальского договора. — Промышленные «четырёхлетки» Геринга. — Аншлюс Австрии. — Мюнхенское соглашение и оккупация Чехословакии

До 1928—1929 годов национал-социалистическая партия в Германии не имела сколько-нибудь заметного влияния в политической жизни страны. После неудавшегося путча в Мюнхене (1923 г.) эта партия очутилась в положении бережно опекаемого монополистической буржуазией стратегического резерва. Фашизм превратился в активную силу лишь после того, как германские империалисты, воссоздав основу военно-экономической мощи страны, успешно конкурируя с американскими, английскими и французскими монополиями на мировых рынках, настойчиво и нагло потребовали полной свободы перевооружения Германии, расширения ее границ и равноправного участия в решении всех политических проблем на Европейском континенте.

Германские монополии, с их широкими международными связями играли основную роль в развитии германской военной экономики и подготовке гитлеровской агрессии. Однако возрождение и обновление тяжелой промышленности и военной индустрии Германии, являвшееся важнейшей предпосылкой гитлеровской агрессии, стало возможным лишь при условии прямой поддержки германского империализма правящими кругами США, Англии и Франции.

Существенную помощь в возрождении германской экономики сыграл репарационный план, разработанный группой американских экспертов под председательством банкира Ч. Дауэса, главной целью которого было восстановление военно-промышленного потенциала Германии и возрождение в этой стране агрессивного империализма, которому предназначалась важная роль в борьбе против Советского Союза и революционного движения в Европе.

С помощью американского золота и американских технологий к 1929 году был в основном восстановлен военно-про-

мысленный потенциал Германии. Политической надстройкой «плана Дауэса» явились Локкарнские договоры, подписанные 1 декабря 1925 года. Главным среди них был Рейнский гарантийный пакт. Обеспечив границы западных соседей Германии, Локкарнские договоры не предусматривали аналогичных гарантий для ее восточных соседей, что сразу было воспринято как поощрение германских агрессивных кругов, мечтавших о завоевании нового жизненного пространства за счет Советского Союза.

Один из творцов «плана Дауэса», германский финансовый король Шахт, сыгравший впоследствии важную роль в установлении фашистской диктатуры, откровенно признавал, что он «финансировал перевооружение Германии деньгами, принадлежащих иностранным кампаниям»¹. Хорошо известны связи американского химического концерна Дюпона и британского имперского химического треста с крупным германским концерном «И.Г. Фарбениндустри», и вливание капиталов Форда в развитие автомобильной и военной промышленности Германии. Тесная связь существовала между Федерацией британской промышленности и Германской промышленной палатой. Англо-американо-германский банк Шредера, крупные американские банки «Чейз Нейшнэл Бэнк», «Диллон Рид и К^о» и другие щедро финансировали германскую промышленность, главным образом, тяжелую и военную. Только в 1927—1929 годах Германия получила около 4 млрд. долларов иностранных займов, из них 2,5 млрд. долларов из США². В 1929 году Германия стала сильнейшим конкурентом на мировых рынках не только для Англии и Франции, но и для США. Ураган мирового капиталистического кризиса 1929—1933 годов потряс главнейшие капиталистические страны, но Германия сравнительно легко вышла из него, в то время как США, Англия и Франция даже в 1935 году по размерам производства в тяжелой промышленности оставались ниже докризисного уровня.

Мировой экономический кризис не затронул и экономику Советского Союза, наоборот, молодое советское государство в этот период стремительно развивалось. Первая советская пятилетка (1929—1932 гг.) заложила фундамент социалистической экономики и вывела страну из аграрной в развитую индустриальную державу. Пятилетка была выполнена за 4 года и 3 месяца, а сделано неимоверно много. Было введено в действие 1500 крупных промышленных предприятий, заново созда-

¹ Военная мысль, №4, 1974, с. 76.

² ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 977444, д. 124, л. 6.

ны ряд новых отраслей: тракторная и автомобильная, станкостроения и приборостроения, производство алюминия, авиационная и химическая промышленность, которых не имела царская Россия. В черной металлургии — важнейшей отрасли тяжелой промышленности, ставшей основой индустриализации страны — были созданы электрометаллургия, налажено производство ферросплавов, качественных сталей. Коренным образом были реконструированы нефтяная и другие отрасли промышленности.

За эти годы вступили в строй ДнепроГЭС, Зуевская, Челябинская, Сталинградская и Белорусская тепловые электростанции. Создана вторая угольно-металлургическая база на востоке СССР — Урало-Кузнецкий комбинат. Построены Кузнецкий и Магнитогорский металлургические комбинаты, крупные угольные шахты в Донбассе, Кузбассе и Караганде, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Московский и Горьковский автомобильные заводы, Кондопожский и Вишерский целлюлозно-бумажные комбинаты, Березниковский азотно-туковый завод, Ивановский меланжевый комбинат, 1-й Государственный подшипниковый завод в Москве и многие другие предприятия.

Национальный доход страны увеличился почти в два раза, промышленное производство — более чем в два раза, производительность труда — на 41%. В СССР за короткий период времени была создана мощная тяжелая индустрия и механизированное коллективное сельское хозяйство, ликвидирована безработица и введен 7-часовой рабочий день.

Западный мир плохо знал Сталина, но там хорошо знали его стратегические способности по разгрому армий Деникина и выдворению английских, французских и японских воинских контингентов с территории Советской России, а его успешное и умелое руководство партией большевиков, возглавившей переустройство России и делавшей колоссальные успехи в развитии экономики страны, глубоко настораживали правящие классы европейских стран, опасавшихся, что создаваемое на востоке мощное советское государство в будущем может угрожать их существованию.

В Лондоне, Париже и Вашингтоне опасались, что набирающая силу экономика Советского Союза Сталиным будет направлена на расширение идей социалистической революции на запад, как это пытались делать вожди Октябрьской революции Троцкий, Радек, Бухарин и что эта угроза будет, прежде всего, опасна для Германии, где были сильны коммунистические лозунги и стремление к переменам среди рабочего класса

и крестьянства. Первая советская пятилетка успешно выполнялась, и лидеры капиталистического мира определенно сделали ставку на национал-социалистическую партию Германии, которую возглавлял Гитлер, в программе которой основным стержнем являлась борьба с красной опасностью внутри страны и с большевизмом на внешнем фронте.

Сталин еще должен был доказать им, что его жизненная цель — созидание, а не война, которую он ненавидел. Невольно, в силу исторически сложившихся политических и экономических отношений в Европе на тот период, нарождавшаяся сильная советская экономика и личность Сталина послужила тем трамплином, на который был поднят Гитлер организаторами соревнований, чтобы он мог не только противостоять советскому лидеру, но и вступить с ним в борьбу.

Это невиданное для того времени стремительное развитие экономики молодого Советского государства, когда весь капиталистический мир переживал тяжелый экономический кризис, породил в самых верхних слоях крупной буржуазии и воротил мирового капитала тревогу относительно будущего всего капиталистического мира, управление над которым они не хотели терять. Нужно было противопоставить этому динамично развивающемуся государству на востоке не менее сильное государство на западе и победителям Первой мировой войны — Франции, Англии и США — таким государством виделась Германия, единственная страна, где можно было быстро воссоздать вооруженные силы, и где к власти рвалась национал-социалистическая партия во главе с Гитлером. Гитлер прямо и открыто заявлял на весь мир, что он, придя к власти, в короткие сроки покончит с красной опасностью внутри страны и создаст сильные вооруженные силы, чтобы еще при его жизни уничтожить Советский Союз. Он с убежденностью писал: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы, и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»¹.

¹ А. Гитлер. Моя борьба. М., 2006.

«Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование, и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель».

При этом идеология стояла где-то в отдалении от задуманной подготовки Гитлером войны Германии против СССР, но она нередко выходила у него на передний план, чтобы обосновать свои захватнические цели, а во главе угла стояла обеспокоенность правящих западных кругов, доходившая до паники, обусловленной невиданным ростом экономики СССР.

Грандиозные планы на вторую советскую пятилетку вызвали еще большую тревогу империалистических кругов в Западной Европе и США. Куда будет направлена индустриальная мощь Советского Союза и куда направить возрастающую экономическую силу Германии — об этом все чаще и чаще стали задумываться в правящих кругах Лондона, Парижа и Вашингтона. В конечном итоге, лучшим выходом там посчитали прибегнуть к извечной исторической карусели — направить возрастающее могущество Германии на восток, в сторону Советской России, и там возродить рынок для сбыта немецких товаров, и заодно попытаться столкнуть эти две державы в противоборстве, в котором иссякнут их силы и сами по себе исчезнут и проблемы, возникшие с ростом их могущества.

Среди мировых воротил капитала, возрождавших Германию и помогавших нацистам придти к власти, было много ев-

реев, пошедших на сотрудничество с Гитлером. Это кажется странным. Ведь они не могли не знать, что еще в книге «Моя борьба» Гитлер писал, что для выполнения своей задачи «национал-социалистское движение» должно относиться к евреям как к своим смертельным врагам¹. Но, видимо, страх перед большевиками у них был сильнее страха перед Гитлером. Нисколько не отходя от истины, можно смело утверждать, что появление на свет такой зловещей политической фигуры, как Гитлер, и его национал-социалистической партии было делом рук правящего класса Великобритании, Франции и Соединенных Штатов Америки, осуществивших приход его во власть за их деньги, и с помощью прусской армии, рвавшейся к пересмотру итогов Первой мировой войны, и крупной германской буржуазии, напуганной ростом могущества Советской России и заразительным влиянием на жизнь простых людей в Германии исходивших из Москвы коммунистических идей.

С приходом к власти Гитлера не только усилилась финансовая и деловая помощь Берлину со стороны США и Англии, но планы гитлеровской агрессии, направленной против Советского Союза, получили прямую политическую направленность и поддержку со стороны этих двух великих держав. Гитлеровская военная машина становилась ударной силой для борьбы с Советским Союзом, народы которого совершали индустриальную и культурную революцию, по своей грандиозности и масштабам не имевшую аналогов в мировой истории. Без миллиардов американских долларов германский милитаризм не мог бы восстановить свои силы и в короткие сроки создать сильную военную машину для ведения захватнических войн. Больше всех старались накачать военные мускулы Германии правящие круги Англии и Франции, не задумываясь над тем, что они в скором времени сами могут стать объектами для испытания этой силы. «Этот золотой дождь американских долларов оплодотворил тяжелую промышленность гитлеровской Германии, в частности, военную промышленность. Это миллиарды американских долларов, вложенные заокеанскими монополиями в военную экономику Германии, воссоздали германский военный потенциал и вложили в руки гитлеровского режима оружие, необходимое для осуществления агрессии. В короткий срок, опираясь на финансовую поддержку, главным образом, американских монополий, Германия воссоздала мощную военную промышленность, способную производить в огромных количествах первоклассное вооруже-

¹ Нюрнбергский процесс, т. IV, М., 1959, с. 659.

ние, многие тысячи танков, самолетов, военно-морских кораблей новейшего типа и другие виды вооружения.

Германские правящие классы стали выдвигать фашистскую партию на авансцену политической жизни страны не только потому, что она показала себя ревностным зачинщиком их интересов, но и в силу того, что с начала своей деятельности фашисты откровенно пропагандировали идеи реванша. Призыв к подготовке новой мировой войны, как известно, содержался в программе национал-социалистической партии, принятой в 1920 году, в книге Гитлера «Mein Kampf», изданной в 1924 году, в «14 тезисах», изданных фашистами в 1929 году, и во многих других письменных и устных заявлениях лидеров этой партии. В этих тезисах говорилось, что фашисты во имя осуществления своих целей пойдут на любую борьбу. «Нет такой жертвы, — подчеркивалось в этом документе, — которая была бы для нее слишком велика. Нет той войны, которая была бы для нее слишком кровавой»¹. Эта сторона деятельности фашистов особенно импонировала германской империалистической буржуазии, которая делала все возможное, чтобы поднять престиж гитлеровской партии, приписав ей незаслуженную славу «поборника» национального освобождения Германии и непримиримого противника Версаля.

Всячески поддерживая фашистскую партию и щедро оплачивая ее расходы, германские господствующие классы некоторое время не настаивали на включение представителей этой партии в состав веймарских правительств. Они предпочитали держать ее на положении «оппозиционной партии», якобы выступавшей с «принципиальных» позиций не только против коммунизма, но и капитализма, Версальского договора и тех партий, которые участвовали в принятии этого договора. Спекулируя на ненависти широких слоев населения Германии к Версальской системе, монополистическая буржуазия с помощью фашистов смогла создать себе опору в массах и даже постепенно подготовить их к восприятию идей реваншизма и фатальной необходимости войны для освобождения страны от «цепей Версаля» и захвата под тем или иным предлогом чужих территорий.

Мировой экономический кризис, до крайности обостривший все империалистические противоречия, содействовал усилению здесь реваншистских и милитаристских тенденций и, следовательно, повышению политического престижа фашистской партии в глазах германской монополистической бур-

¹ Вопросы истории, №3, 1960, с. 153.

жуазии. В гитлеровской партии она видела единственную силу, на которую можно было опереться, чтобы предотвратить угрозу распада капиталистической системы и силу, способную разрешить империалистические противоречия путем войны.

К установлению фашистской диктатуры германскую буржуазию толкало и обострение противоречий внутри страны. К началу 1930 года германская промышленность работала со средней нагрузкой 55—70%. Но даже сократившаяся в своем объеме продукция, однако, не находила сбыта, что вело к банкротству не только мелких и средних, но и некоторых крупных предприятий. В 1933 году в Германии было 6 млн. безработных, а если считать и их иждивенцев, то эта цифра выростала до 20—25 миллионов людей, ожидавших перемен к лучшему, которые пообещал им Гитлер. И став канцлером, он действительно быстро ликвидировал безработицу, прекратил борьбу партий, поднял дух нации и ему немцы стали безгранично доверять¹.

Получив поддержку буржуазии и правых лидеров социал-демократии, гитлеровская партия расширяла масштабы своей деятельности, направленной на создание условий для захвата власти и идеологическую подготовку войны. Она постепенно проникала в самую толщу немецкого народа, вовлекая его в свои организации, вербовала сторонников среди различных слоев населения, отравляла умы миллионов людей ядом расизма, реваншизма, идеей «тотальной войны», сосредоточив усилия на борьбе с другими партиями, и прежде всего, с Коммунистической партией и ее идеологией.

При проведении своей милитаристской деятельности фашисты уделяли особое внимание молодежи, понимая, что от степени влияния фашистской пропаганды на молодых людей в большой мере зависело осуществление их реакционных и экспансионистских планов. Организация работы среди молодежи была продумана во всех деталях. Фашисты учитывали и склонность юношества к романтическому образу мышления, и возможность возбудить в нем антагонизм к «консерватизму» старшего поколения, и его готовность к активным действиям, и его любовь к униформе, спорту и т.д. Самая крупная молодежная организация, находившаяся под воздействием фашистской партии, — «Союз гитлеровской молодежи» — имела ответвления в каждом округе, непосредственно подчинявшиеся гитлеровским штурмовым отрядам. Лозунгом фашистской молодежи становились слова: «Если сегодня нам принадлежит

¹ Мировые экономические кризисы 1848—1945 гг. М., 1956, с. 18; Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. М., 1956, с. 18—19.

Германия, то завтра нашим будет весь мир»¹. Многочисленной организацией являлся также «Орден молодых немцев», насчитывающий уже в 1928 году около 300 тыс. человек. Для работы среди учащихся средних школ был создан в ноябре 1928 г. при правительстве Мюллера «Национал-социалистический школьный союз». Фашистская организация «Немецкое студенчество» возглавлялась Бальдуром фон Ширахом, будущим руководителем «Союза гитлеровской молодежи», одним из главных военных преступников². Фашистская партия все больше проникала в лагеря так называемой добровольной трудовой повинности, в которых, по официальным данным, насчитывалось в сентябре 1932 г. 200 375 молодых немцев, и среди них велось воспитание юношества в духе махрового национализма и милитаризма.

Фашисты настойчиво распространяли свою идеологию и среди рабочего класса Германии, обещая им повышение заработной платы, «отмену нетрудовых доходов», «огосударствление трестов», «обеспечение старости» и другие блага. В отдельных случаях они даже прикидывались сторонниками забастовок, но поступали при этом всегда так, чтобы не повредить интересам империалистов.

Благоприятной для проникновения фашистской идеологии была обстановка и в германской деревне. Руководящие деятели Веймарской республики неизменно проводили политику поддержки дворян, кулачества, в то время как мелкие и средние крестьянские хозяйства пребывали на грани разорения и их положение с каждым годом ухудшалось. Если до 1930 г. значительная часть крестьянства ориентировалась на кулацко-помещичью организацию «Ландбунд», то выборы в рейхстаг 14 сентября 1930 г. показали, что фашисты в борьбе за влияние на крестьянство оттеснили эту партию на задворки, а с течением времени «Ландбунд» постепенно стал принимать фашистскую окраску, и все большее число его местных отделений открыто требовали включения союза в гитлеровскую партию.

Большим влиянием пользовались гитлеровцы и среди мелкой буржуазии. Провозглашенные ими лозунги: «Борьба против процентного рабства», «дешевый кредит», «ликвидация универмагов» и обещание льгот при реализации продукции привлекла на сторону фашистов большую часть мелкой буржуазии³.

¹ К. Гейден. История германского фашизма. М., 1935, с. 204.

² Там же, с. 81—83.

³ И.П. Трайнин. Механизм немецко-фашистской диктатуры. Ташкент, 1942, с. 18.

Начиная с 1929 года, германская буржуазия заметно усилила финансовую помощь национал-социалистической партии. По инициативе крупнейшего промышленника Фрица Тиссена германские монополисты приняли решение, обязывавшее предпринимателей производить регулярные взносы в кассу фашистской партии¹. Это решение неукоснительно выполнялось. Поощряя пропагандистскую деятельность фашистов, направленную на разжигание шовинизма и реваншизма в стране, А. Крупп при избрании его в 1931 г. председателем Союза германских промышленников заявил, что он будет заботиться о расширении помощи гитлеровцам.

Особые отношения складывались у фашистской партии с рейхсвером, в подразделениях которого воспитывались в духе реваншизма, расовой идеологии и ненависти к СССР основные кадры будущей немецко-фашистской армии и фашистского чиновничьего аппарата. Даже германская буржуазная печать вынуждена была признать, что воспитание личного состава рейхсвера осуществлялось «методами реакционной прусско-кайзеровской школы». «Все офицеры, начиная от капитана и выше, — писала одна из центральных газет Германии, — отборные феодально-реакционные элементы. Всякая самостоятельная мысль в рейхсвере бесцеремонно убивается, культивируется вера в авторитет, слепое подчинение начальству»². В общественно-политической жизни Германии все большую роль стала играть военщина прусско-милитаристского толка. В 1925 году на пост президента был избран фельдмаршал Гинденбург, с именем которого были связаны все важнейшие сражения Первой мировой войны и его знали как вдохновителя итогов пересмотра той войны. Его переизбрание на выборах в 1932 году означало победу крайних реакционных сил в Германии. Генералы рейхсвера фон Сект, Людендорф, Шлейхер и другие задавали тон в политической жизни страны. Именно эти видные генералы кайзеровской Германии прокладывали дорогу Гитлеру к власти и разрабатывали теорию «тотальной войны», чтобы избавиться от версальских ограничений и попытаться на новом историческом витке добиться для немецкой нации мирового господства.

«Теория» тотальной войны стала официальной военной доктриной в период подготовки Германии к войне. Политическим основанием «теории» тотальной войны является расовая теория, пропагандирующая «превосходство» немцев и их «естественное» право завоевания мирового господства. Она

¹ К. Гейден. История германского фашизма. М., 1935, с. 238.

² Вопросы истории, №3, 1960, с. 163.

включает признание войны «вечным» и всегда «прогрессивным» явлением общественной жизни. По мнению разработчика «теории» тотальной войны генерала Людендорфа, Германия должна была, не считаясь ни с чем, напрячь все свои силы, чтобы выиграть новую войну, для чего он предлагал ... «с самого начала применить последнюю винтовку»¹. Генерал особенно убеждал Гитлера и стоящий за ним генералитет, что новую войну немцы должны сделать «молниеносной», ибо это единственное средство победить в борьбе «за существование». В своей книге «Тотальная война» Людендорф провозгласил и новую религию — «религию германского богопознания», сущность которой сводилась к двум основным задачам: убедить немцев, что они должны «жертвовать жизнью для своей расы» и «очистить путь для полководца»².

Цинично утверждая, что «военное искусство» требует отказать от обычая объявления войны, этот идеолог разбоя и вероломства призывал подражать в этом вопросе другим империалистическим государствам. «Это ошибочное мнение, — писал он, — что войну надо начинать с объявления ее. В 1894 году Япония начала войну с Китаем, а в 1904 году с Россией с внезапного нападения на китайские и соответственно на русские транспортные средства или военные корабли. Англия начала войну с Бурской республикой вторжением на территорию буров добровольческого отряда».

Понимая слабость немецкой экономики и недостаточность ресурсов для осуществления военной авантюры, Людендорф строил все расчеты на быструю победу в начале войны. Он советовал еще в мирное время накапливать возможно большие запасы вооружения, боеприпасов, трестировать всю экономику, не считаясь с разорением мелких и средних буржуа, развивать только необходимые для ведения войны отрасли народного хозяйства, не считаясь с его уродованием, и главное, не останавливаться перед любыми формами и методами эксплуатации и ограбления народных масс.

Последнюю главу своей книги Людендорф посвятил роли полководца в войне, где он высказывался в духе доктрин Клаузевица и Шлиффена, еще более ужесточая требования к роли военного лидера в стране. Генерал наделял его правами неограниченного диктатора и говорил, что «во всех областях жизни» только «он сам решает, и его воля являются законом»³. При диктаторе Людендорф предлагал иметь свой штат, в который,

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 977444, д. 14, л. 13.

² Там же, л. 15.

³ Там же, л. 19.

помимо военных специалистов, должны были входить представители трестов, а также «знатоки народной души» — лидеры национал-социалистической партии Германии.

Для усиления своего влияния на рейхсвер, гитлеровцы еще в 1928 г. создали особую «Организацию-2» (во главе с подполковником Гирмо, которого они прочили на пост военного министра). Эта организация вела фашистскую пропаганду в рейхсвере и полиции. С течением времени связи между рейхсвером и гитлеровской партией становились теснее, что объяснялось ростом численности и влияния фашистской партии и ее боевых союзов; перед ними отступали на задний план остальные реакционные организации германской монополистической буржуазии.

Несмотря на ограничения в отношении вооружений, наложенных Версальским мирным договором, германские империалисты спешно воссоздавали армию, военно-морской и военно-воздушный флот. Наряду с легально существовавшим сотысячным рейхсвером, они создали сеть замаскированных военных и полумилитарных формирований, таких, как черный рейхсвер, добровольческий корпус, штурмовые отряды, насчитывавшие в 1932 году около 400 тыс. человек¹.

Созванная в октябре 1931 г. Гарцбургская конференция реакционеров признала ведущую роль фашистской партии среди других партий и организаций германского империализма. От рейхсвера здесь присутствовали 15 генералов и адмиралов, в том числе фон Сект, Гельтц и Лютвиц, а также два сына бывшего императора, присоединивших свои голоса к решению конференции о «необходимости передачи власти подлинно национальному правительству», то есть фашистам.

Готовясь к захвату власти в Берлине, Гитлер и его сподвижники по всей стране стали устраивать антисемитские погромы, разгон собраний, организуемых другими партиями, а потом пошли на организацию зверских убийств демократических деятелей и передовых представителей рабочего класса. Этот террор гитлеровцы сочетали с непрерывно усиливающейся милитаристской и реваншистской пропагандой, которая проводилась в неслыханных до тех пор масштабах. Огромными тиражами печаталась книжка «Mein Kampf», к массовому распространению которой приступили в 1929 году. В духе ее члеловеконенавистнических, расистских, экспансионистских идей были приняты решения на Нюрнбергском съезде фашистской партии в 1929 г. Используя прессу, радио, право

¹ Вопросы истории, №5, 1959, с. 33.

проведения собраний и митингов, располагая для этого неограниченными средствами, фашисты широко рекламировали свою программу. Выступления главарей фашистской партии представляли собой чудовищную смесь демагогии, антисоветских выпадов, расизма, реваншизма, обращения к низменным инстинктам людей, открытой лжи и преднамеренного извращения фактов. Речи Гитлера и его пособников постоянно вращались вокруг темы о «виновниках страданий народа»; к их числу фашисты относили тех лиц, кто заключал Версальский договор и те партии, к которым принадлежали эти лица, и нанесших, по выражению Гитлера, заимствованному им у битых кайзеровских генералов, «удар в спину» германским вооруженным силам.

Обязательной частью выступлений фашистских лидеров были обещания всевозможных благ всем слоям населения, призывы к «здоровым силам нации» «пробудиться от сна» и «спасти Германию», бороться за ее «величие и процветание», за «тысячелетнее существование рейха». Немцам настойчиво внушалась мысль о войне как единственном, якобы, реальном средстве ликвидации нищеты и безработицы, малоземелья, бедственного положения мелкой буржуазии, устранения последствий экономического кризиса. Фашисты твердили о «праве» германской нации на завоевание мирового господства¹. Нелепая, антинаучная «теория» исключительности германской «арийской» расы с течением времени занимала все большее место в фашистской пропаганде.

Воинственный тон реваншистского хора задавали военные, подталкивавшие политические круги страны невыполнять условий Версальского договора. Первые штабные разработки рейхсвера, в которых в качестве ближайших целей определялись устранение особого статуса Рейнской зоны, ликвидация «польского коридора», возвращение в состав рейха Верхней Силезии, аншлюс Австрии, датируются декабрем 1925 года. Армия лишь ждала вождя, который возьмется за исполнение таких решений, дух всегда был². Вождь пришел в лице Гитлера, являвшегося одним из основателей национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), и в 1921 году он стал ее фюрером. У Гитлера был особый талант выражать свои идеи в простой и доходчивой форме и доносить их до сознания немцев посредством постоянного повторения. Он пообещал

¹ И.П. Трайнин. Механизм немецко-фашистской диктатуры. Ташкент, 1942, с. 18.

² Второй фронт. М., 2000, с. 25.

щал народу Германии освободить его от несправедливого Версальского договора и поднять величие государства.

Германская армия была решающей силой, обеспечившей приход Гитлера к власти. Не только генералы, участники Первой мировой войны, но и офицерский корпус в целом «требовал правительства во главе с сильным человеком, способного опрокинуть наземь Версальский договор и возродить военную и экономическую мощь Германии»¹. В момент прихода Гитлера к власти в 1933 году высший командный состав рейхсвера состоял, главным образом, из опытных командиров, участвовавших в Первой мировой войне и жаждавших реванша за поражение, понесенное Германией в 1918 году. Безоговорочно подчинившись Гитлеру и его идеалам, генералитет Германии в августе 1934 года связал солдат новой присягой, которая заменила старую форму присяги конституции и гласила: «Я клянусь перед Богом, что буду полностью подчиняться Адольфу Гитлеру, вождю рейха, верховному командующему вермахта, и я ручаюсь своим словом храброго солдата всегда соблюдать эту клятву даже ценой свой жизни»².

Видный исследователь национал-социалистической партии Германии Джефри Нокс писал: «Мы должны понять, что ... нацистская партия до тех пор, пока ее не подобрали руководители прусской военщины, была всего лишь жалкой шайкой сводников и бродяг, не имевшей ни малейшего значения»³.

В августе 1932 года президент Гинденбург предложил Гитлеру возглавить правительство, но с условием, что оно будет опираться на большинство в рейхстаге, которого нацисты не имели. Вмешались промышленники и представители крупного капитала, настаивая, чтобы президент передал Гитлеру власть без каких-либо условий и чтобы, кроме того, обеспечивалось «решающее участие нацистской партии в правительстве». Требования подписали рурские магнаты Тиссен, Феглер, а также Шредер и Шахт, и владельцы пароходных компаний — Вермар и Бейндорф и другие — всего 30 человек. На заседании Союза рурских магнатов раздавались требования установления военной диктатуры и ликвидации версальской системы.

От имени Союза промышленников и представителей крупного капитала канцлер Германии Папен, готовясь передать власть Гитлеру, выдвинул ряд требований будущему нацистскому правительству и сформулировал программу действий:

¹ Военно-исторический журнал, №10, 1962, с. 62.

² А. Кларк. Вторая мировая война. План «Барбаросс». Крушение Третьего рейха. М., 2004, с.18.

³ *Полторацк АИ.* От Мюнхена до Нюрнберга. М., 1961, с. 210.

усилить борьбу с коммунистической и социал-демократической партиями, подчинить крупному капиталу мелких и средних предпринимателей, поднять экономику с помощью государственного заказа, разорвать Версальский договор и сделать Германию сильной. Все эти требования нацистские лидеры и положили в основу своей правительственной программы.

30 января 1933 года Гитлер стал рейхсканцлером Германии, а 3 февраля, на четвертый день после своего избрания, он встретился с высшим командным составом рейхсвера и произнес перед ними двухчасовую речь, которая была выслушана генералами с особым воодушевлением. Не утруждая себя сомнениями и тревогами относительно верности избранного пути, он заявил, что главная цель его политики — «завоевание нового жизненного пространства для немцев, вслед за которым должна следовать беспощадная германизация», милитаризация всей экономики страны, чтобы Германия уже через пять-шесть лет смогла быть готова к большой войне.

Разумеется, то, что говорил Гитлер, не было внове его генералам. Аналогичные идеи фюрер излагал в своей книге «Майн Кампф», в предыдущих беседах и выступлениях. Однако на этот раз речь шла не об абстрактных целях, а о конкретном планировании политики правительства Германии на ближайшую перспективу.

Снова, устами Гитлера и его национал-социалистической партии, германский империализм заговорил об обширной захватнической программе. Он поставил целью, прежде всего, колонизировать страны Европы, превратив их в поставщиков сырья и продовольствия для германской промышленности, а население этих стран — в своих рабов. Разъясняя в 1937 г. планы германских империалистов, Гитлер говорил: «Но мы не будем следовать политике либеральных капиталистических стран, которые опираются на эксплуатацию колоний. Здесь речь идет...о завоевании полезного и удобного для сельского хозяйства пространства. Также было бы наиболее рационально иметь сырьевые материалы на территории Европы, в странах, которые непосредственно прилегают к нашей империи, а не за морями»¹. После этого гитлеровцы намеревались подчинить своему господству и все остальные страны мира. Один из фашистских теоретиков, Э. Бергман в книге «Дух познания и материнское право» писал: «На развалинах мира водрузит свое победное знамя та раса, которая окажется самой сильной и сумеет превратить весь культурный мир в дым и пепел»².

¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I. М., 1957, с. 608.

² Там же, с. 560, 593.

Основным содержанием внутренней и внешней политики фашистов являлась подготовка к войне. Геринг официально провозгласил лозунг «Пушки вместо масла», проведение которого означало бешеную гонку вооружений, которую можно было выдержать несколько лет без войны, а потом, как заявлял Гитлер перед представителями высшего немецкого командования, «нам не остается ничего другого, как только действовать»¹.

Подготовка войны против СССР была одной из главных задач внешней политики гитлеровского руководства с момента прихода фашистов к власти в 1933 году. Известные исторические факты, вне всяких сомнений, свидетельствуют об этом. Так, подписанию «антикоминтерновского пакта» непосредственно предшествовало одобрение съездом фашистской партии в сентябре 1936 года второго четырехлетнего плана подготовки Германии к войне. В секретном меморандуме, написанном Гитлером для объяснения целей этого плана, содержалась конкретная программа войны против Советского Союза². Хотя Гитлер уже тогда прибегал к демагогии, маскируя свои агрессивные цели, меморандум не оставляет никакого сомнения в том, против кого готовилась война. Так, он гласил: «Германия всегда будет рассматриваться как основной центр западного мира при отражении большевистского натиска». Далее, изложив конкретную программу перестройки экономики на военный лад, Гитлер заключал: «Я ставлю следующие задачи: 1) через 4 года мы должны иметь боеспособную армию; 2) через четыре года экономика Германии должна быть готова к войне»³.

Новое правительство во главе с Гитлером быстро расправилось со всеми партиями, кто так или иначе выражал несогласие с идеями и программой национал-социалистической партии. Первой была запрещена Коммунистическая партия, члены которой подвергались всяческому гонениям, которые закончились арестами и заключением в концентрационные лагеря.

Поджог фашистами в ночь на 28 февраля 1933 года здания германского рейхстага был использован гитлеровским правительством не только для организации невиданного массового террора, но и в качестве предлога для уничтожения буржуазно-демократических свобод и лишения немецкого народа его основных прав. Опубликованный сразу через несколько часов после поджога чрезвычайный декрет президен-

¹ А. Норден. Так делаются войны. М., 1951, с. 85.

² Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. II, М., 1958, с. 27.

³ Военно-исторический журнал, №12, 1964, с. 75, 79.

та «О защите народа и государства»¹ отменял все статьи Веймарской конституции о свободе личности, слова, собраний, союзов, печати, неприкосновенности жилища, охране тайны корреспонденции и телефонных переговоров. Германские власти получали неограниченные права в производстве арестов и обысков и конфискации имущества. Основными наказаниями, предусмотренными этим декретом, являлись смертная казнь и бессрочная каторга.

Крупнейшая социал-демократическая партия некоторое время продолжала работать легально, но образование нового руководящего органа в Праге дало повод нацистам запретить ее деятельность на территории Германии, конфисковать имущество и объявить ее организацией, «враждебной немецкому государству и его народу». Все остальные партии, испытывая давление со стороны режима, были вынуждены объявить о своем самороспуске.

Гитлеровское правительство, протаскив закон о чрезвычайных полномочиях, именовавшийся для обмана масс «Законом по устранению бедствий народа и государства», сосредоточило в своих руках всю законодательную власть, принадлежавшую ранее, согласно Веймарской конституции, рейхстагу. Этим законом фактически ликвидировался и сам рейхстаг, а также последние остатки конституционных буржуазно-демократических свобод.

Узурпировав всю полноту центральной власти, гитлеровцы стали поспешно укреплять свои позиции и на местах. Закон правительства от 31 марта 1933 г. «Об унификации земель с рейхом»² был также направлен, прежде всего, на уничтожение демократических завоеваний. Были распущены избираемые населением ландтаги, крейстаги, районные представительства, районные советы уполномоченных, советы общин и другие организации. Выборы «новой» власти на местах проводились в очень короткие сроки и в состав представительных органов были избраны приверженцы нацистского режима в Германии.

Не прошло и полугодия после избрания Гитлера рейхсканцлером, как национал-социалисты провели через рейхстаг «Закон против образования новых партий», который одновременно провозглашал нацистскую партию единственной партией германского народа и устанавливал наказание за иную политическую деятельность. Параллельно с запретом на деятельность других политических партий Гитлер начал насту-

¹ Вопросы истории, №2, 1962, с. 118.

² Там же, с. 119.

пление и на профсоюзы. Они были просто задушены и крупные промышленники, которым перевооружение армии несло крупные барыши, перестали с ними считаться. В соответствии с законом от 19 мая 1933 года регулирование отношений между рабочими и работодателями было возложено на «уполномоченных по труду» — по одному на каждый крупный производственный район числом 12 на всю страну. На деле это были частично чиновники, частично юристы, представлявшие интересы предпринимателей¹.

За короткий срок правления Гитлера в нацистской Германии была подавлена воля, мысль и всякое сопротивление немцев его режиму. Лучше всего это выразил протестантский пастор, узник Дахау, Мартин Нимеллер, оставивший потомкам свою жуткую исповедь: «Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я же не был коммунистом. Потом они пришли за социалистами, я молчал, я же не был социал-демократ. Потом они пришли за профсоюзными деятелями, я молчал, я же не член профсоюза. Потом они пришли за евреями, я молчал, я же не был евреем. Когда они пришли за мной, больше не было никого, кто бы мог протестовать»².

Германская культура возвращалась в Средневековье, и на немецких площадях оболваненная нацистами молодежь жгла произведения Г. Манна, С. Цвейга, Л. Фейхтвангера и других еврейских писателей, которых геббельсовская пропаганда отнесла к врагам германской нации.

В 1935 году Гитлер, отменив односторонним актом ограничения Версальского договора и введя всеобщую воинскую повинность, восстановил германский Генеральный штаб. Увеличивая армию, Гитлер заполнял командные кадры «высочками из «СС» и штурмовых отрядов», что вызвало протесты главнокомандующего сухопутными войсками генерала Фрича и военного министра генерал-фельдмаршала Бломберга³. Уволив этих генералов из армии, Гитлер ликвидировал и пост военного министра. Он распределил министерские функции между главнокомандующим сухопутной армией и военно-воздушными силами, а сам «фюрер» фактически сосредоточил в своих руках всю верховную власть над вооруженными силами.

Гитлер был рожден для войн, и в его характере было заложено неистребимое влечение к ее подготовке и развязыванию, а фантастическая способность втягивать свое близ-

¹ Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Смоленск, 1998, с. 460.

² Завтра, №12, март 2011.

³ Военная мысль, № 4—5. М., 1942, с. 58.

кое окружение в выполнение задуманных им военных акций делало его непревзойденным игроком на военном поприще. Ему все легко удавалось. Став канцлером, он в самые короткие сроки ликвидировал безработицу и вселил в души немцев уверенность в завтрашнем дне, и твердую веру в способность Германии снова стать одной из великих держав Европы. Его выступлениями на многочисленных митингах и по радио заслушивались; он стал символом возрождаемой Германии, и никто не задумывался вначале, куда может повести Германию этот неутомимый человек, овладевший такой полнотой власти в стране, которой не имели даже ее императоры. Исподволь, незаметно для обывателя, в речах Гитлера уже в конце 1933 года забрезжили идеи о возвращении Германии утраченных ею в годы Первой мировой войны германских земель и колоний в Африке, а быстрое возрождение армии, получившей новое название вермахта, лишь подтвердило догадку проницательных политиков, что неограниченная власть Гитлера в своей стране роковым образом скажется на судьбах немцев и всей Европы, еще не позабывшей ужасы Первой мировой войны.

Первую пробу возрождаемых сил рейхсвера и реакции западных держав на их применение при нарушении основных положений Версальского договора Гитлер провел в марте 1936 года, когда он ввел войска в Рейнскую демилитаризованную зону, в которой запрещалось размещать германские вооруженные силы и возводить укрепления. Три поезда с тремя батальонами переехали Рейн: один направился к Аахену, второй — к Триру, третий — к Саарбрюккену. Факт попрания международных норм был налицо, но в столицах европейских государств царил покойствие. В Совете министров Франции лишь генерал Гамелен высказался за всеобщую мобилизацию, но его поддержали только трое министров: М. Сарро, Ж. Мандель и П. Фланден¹. Путь к пересмотру Версальского мирного договора был проложен, и Гитлер почувствовал себя свободным в задуманной им политике милитаризации Германии и пересмотру ее роли и значения в европейских делах.

Хранила молчание и Великобритания. Ее правящие круги сразу стали укреплять и поддерживать нацистскую диктатуру в расчете на то, что она, возможно, и представляет угрозу для Великобритании, однако ее агрессивные и экспансионистские устремления удастся направить на Восток, против Советского Союза. Ярким проявлением этой политики со стороны государственных деятелей Великобритании явилось широко

¹ *Р. Картье*. Тайны войны. Саратов, 2000, с. 41.

известное заявление английского министра иностранных дел лорда Галифакса Гитлеру сделанное им 19 ноября 1937 года о том, что вождь нацизма оказал «большие услуги» не допустив коммунизма в своей собственной стране и его «дальнейшего распространения на Запад»¹.

Германский посол в Англии фон Диркенс сообщал Риббентропу 10 июля 1938 года: «Настоящее английское правительство в качестве первого послевоенного кабинета сделало поиски компромисса с Германией одним из существеннейших пунктов своей программы; поэтому данное правительство по отношению к Германии проявляет максимум понимания, какой только может проявить какая-либо из возможных комбинаций английских политиков»².

Активными сторонниками сближения с Германией в Англии были король Эдуард VIII, премьер-министр Н. Чемберлен, и видные политические деятели, такие, как Горацій Вильсон, лорд Ренсимен, посол Англии в Берлине Гендерсон и многие представители крупного капитала и большого бизнеса, определявшие политический курс страны. «Состоятельный класс в Англии, — говорил Ф. Рузвельт лорду Лотиану, — настолько боится коммунизма, который на самом деле не представляет никакой угрозы для Англии, что бросился в объятия нацизма, и теперь не знает, что предпринять»³.

Но был в Англии и политик, сразу увидевший в Гитлере и нацистской партии, приведшей его к власти в Германии, смертельную угрозу не только для Великобритании, но и для всего мира. Это был член парламента У. Черчилль, не перестававший предупреждать правящий класс страны об опасности сближения с нацистской Германией, режим которой он называл «зрелищем кучки людей, зажавших в свой кулак великую нацию». В первые месяцы существования фашистской власти в Германии Черчилль подчеркнул кровавый, варварский характер этого режима. «Великий доминирующий факт, — говорил он в парламенте еще в ноябре 1933 года, — состоит в том, что Германия уже начала вооружаться. В этой стране мы видим, что философия жажды крови вбивается в головы германского юношества в размерах, совершенно небывалых с дней варварства»⁴. После захвата Гитлером Рейнской области и ее милитаризации, Черчилль одним из первых предложил создать в Ев-

¹ Военно-исторический журнал, №6, 1960, С.68—69.

² Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. Ноябрь 1937—1938 гг. Из архива министерства иностранных дел Германии. М., 1948, с. 155.

³ Л. Мосли. Утраченное время. М., 1972, с. 72.

⁴ Исторический журнал, №9, 1941, с. 133.

ропе союз государств по коллективному отпору агрессору. Он предвидел, что агрессор (которого он всегда сравнивал с удавом), не остановится на этом пути до тех пор, пока не увидит реального и могучего вооруженного сопротивления. «Европу можно спасти от войны только коллективно, организованно через Лигу Наций, решительным отпором»¹.

Правящие круги США, Англии и Франции видели всевозрастающее могущество вооруженных сил Германии, но до начала Второй мировой войны они надеялись разрешить все возникающие отсюда тревоги и противоречия за счет Советского Союза. Они упорно толкали Германию к нападению на Советский Союз, вооружая ее и расчищая путь для фашистской агрессии, в результате которой, как они думали, будут ослаблены и Германия, и Советский Союз. Собираясь вступить в войну со свежими силами на ее завершающем этапе, англо-франко-американские империалисты полагали, что ослабленная Германия станет их легкой добычей, а страна социализма будет уничтожена и станет колонией победителя.

Но Гитлер и его генералы, мечтавшие о мировом господстве, планировали разгром своих противников как на востоке, так и на западе Европы. Но к моменту установления гитлеровской диктатуры Германия еще не обладала необходимыми военно-экономическими ресурсами и вооруженными силами. Ее правящему классу нужна была свобода рук для того, чтобы развить тяжелую промышленность, вооружаться и наращивать силы армии и флота. В этой обстановке нехитрый маневр германского правительства выразился в том, что оно стало подыгрывать западным державам, заверяя их в своей готовности вести войну против СССР, и только против СССР. В секретных инструкциях гитлеровского правительства германской зарубежной прессе, разосланных в 1935 г., указывалось: «Задача германской политики — создавать впечатление миролюбия Германии и готовности ее участвовать в международных договорах. Германия изолирована, и ей угрожает окружение. Германия должна иметь полнейшую свободу вооружений. Вооруженная Германия станет притягательной силой для других стран. Для достижения этой цели весьма удобно использовать идею крестового похода против большевиков».

Гитлер был еще более откровенен. В беседах с близким окружением он говорил: «Мне придется играть в мяч с капитализмом и сдерживать версальские державы при помощи призрака большевизма, заставляя их верить, что Германия — по-

¹ Исторический журнал, №9, 1941, с. 131.

следний оплот против красного потопа. Это единственный способ пережить критический период, разделаться с Версалем и снова вооружаться»¹.

1 мая 1937 года на параде в Берлине впервые приняла участие полностью укомплектованная танковая дивизия и сотни самолетов. Это была первая демонстрация военной силы фашистской Германии. Через три дня, выступая в берлинском Спортпаласе, рейхсканцлер поставил все точки над «i», вызвав бурю восторженного ликования и энтузиазма присутствующих: «Теперь, — кричал Гитлер, — я могу открыто заявить о том, что всем вам уже известно. Мы создали такое вооружение, какого мир еще никогда не видел»².

По мере возрастания военного могущества Германии, Гитлер усиливал агрессивный тон в отношении Советского Союза. В речи на ежегодном собрании немецкого рабочего фронта в Нюрнберге 12 сентября 1936 года он недвусмысленно обозначил наличие германских интересов к природным ресурсам Украины, Сибири и Урала: «Если бы Урал с его неисчислимыми сырьевыми богатствами, Сибирь с ее лесами и Украина с необозримыми плодородными землями находились в Германии, то под национал-социалистическим руководством наступило бы изобилие. Мы будем производить столько, что каждый отдельный немецкий гражданин будет иметь больше, чем нужно для жизни»³.

Выступая через два дня перед партийным активом, он фактически объявил долгосрочный план действий: «Нет никаких сомнений в том, что национал-социализм везде и при любых обстоятельствах посадит большевизм в оборону, разобьет его и уничтожит. Мы идем навстречу большим историческим эпохам, в которых восторжествует не одно мудрствование, а мужество... Горе тому, кто не верит Адольфу Гитлеру»⁴.

Представление о масштабах и характере перестройки экономики гитлеровской Германии на военный лад дает анализ капиталовложений промышленных монополий и характеристика материального результата этих капиталовложений: рост производственных мощностей, промышленной продукции и т.д. Общий размер германских капиталовложений во все отрасли народного хозяйства за период с 1933 г. по 1939 г. достиг 101,5 млрд. марок, в том числе в промышленность 17,4

¹ Вопросы истории, №5, 1959, с. 36.

² Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Кордэлла Хэла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М., 1990, с. 195.

³ Исторические записки, №9(127), 2006, с. 223.

⁴ Там же, с. 203.

млрд. марок, или 18,7%¹. Основной капитал германской промышленности к началу Второй мировой войны достиг 45—50 млрд. марок, против приблизительно 30—35 млрд. марок в 1936 году; к 1944 году он увеличился примерно до 55—60 млрд. марок. Характерной особенностью германских капиталовложений в предвоенные годы являлось то, что они направлялись главным образом в тяжелую промышленность, то есть, промышленность военного значения или непосредственно в военную индустрию. С приходом фашистов к власти, всестороннюю подготовку к войне Германия осуществляла в форме так называемых «четырёх летних планов»².

Основной целью первой фашистской «четырёхлетки» (1933—1936 гг.) являлось создание прочной базы для военной промышленности, путем форсированного развития добычи угля, производства чугуна и стали, машиностроения, химической и некоторых других отраслей промышленности. Свою вторую «четырёхлетку» (1937—1940 гг.), декларированную на съезде фашистской партии в Нюрнберге в сентябре 1936 года, гитлеровцы маскировали заявлениями о неотложной необходимости борьбы за дальнейшее развертывание добычи и производства важнейших видов стратегического сырья, за полное освобождение Германии от импортной зависимости, за еще большее расширение машиностроительной и химической промышленности³. В действительности же эта вторая «четырёхлетка» имела своей целью окончание экономической подготовки Германии к войне и создание значительного экономического превосходства ее над другими странами.

В 1939 году Германия по уровню своих военных расходов (40 млрд. марок) далеко опередила другие страны; ее военные расходы составляли тогда более 60 процентов всего государственного бюджета. Еще большие расходы потребовала сама война. Если на первом году войны они увеличились с 41,23 млрд. марок до 104,08 млрд. марок, то на пятый год войны они увеличились в 2,5 раза. Всего же за годы Второй мировой войны прямые военные расходы Германии составили свыше 425 млрд. марок. Это сумма в три с лишним раза превосходит военные расходы Германии в Первую мировую войну⁴. За период с 1934 по 1940 год военное производство в фашистской Германии увеличилось в 22, а численность вооруженных сил

¹ И. Файнгар. Промышленный потенциал гитлеровской Германии. // Мировое хозяйство и мировая политика, №3, 1947, с. 29.

² ЦАМО РФ. Ф.15, О. 977444, д.124, л.17.

³ Там же, л. 17.

⁴ ЦАМО РФ. Ф.15, О. 977444, д.124, л.376—377.

в 35 раз. К середине 1941 года в составе вермахта находилось более 7,3 млн. человек¹.

В феврале 1938 года Гитлер стал Верховным главнокомандующим вооруженных сил Германии и объявил о создании Главного штаба во главе с генералом Кейтелем, а 4 сентября был образован Совет государственной обороны, который возглавил самый воинственный соратник фюрера фельдмаршал Геринг, но номинальным его главой считался Гитлер. В состав Совета входили: начальник Главного штаба, главнокомандующие сухопутными войсками, военно-воздушными силами и военно-морским флотом, министры и государственный уполномоченный по военной экономике. Задачи Совета определил Геринг на заседании 23 июня 1938 года: «...Совет обороны является ...решающим центром в империи по вопросам подготовки войны»².

Как только нацисты пришли к власти, Гитлер сразу заговорил о присоединении Австрии. Еще ведя борьбу за власть, национал-социалистическая партия Германии сумела создать в Австрии сеть партийных организаций, исповедовавших те же националистические идеи, что и в Германии. Они стали обретать силу и в июле 1934 года Берлин попытался с помощью этих фашистских организаций осуществить вооруженный путч в Вене, главы которого намеревались сразу объявить о присоединении Австрии к Германии. Путч был подавлен верными правительству войсками. В июле 1936 года фашистская Германия навязала Австрии соглашение, в соответствии с которым Австрия объявлялась «вторым германским государством» и фактически обязывалась подчинить свою политику интересам германского фашизма. В феврале 1938 года Гитлер добился включения австрийского нациста Зейс-Инкварт в австрийское правительство в качестве министра внутренних дел. С его назначением угроза полной оккупации Австрии вермахтом нарастала с каждым днем. 11 марта 1938 года австрийский канцлер Курт фон Шушнинг обратился к народам планеты по радио: «Перед лицом всего мира я сообщаю во всеуслышание, что правительство Германии вручило сегодня австрийскому президенту Микласу ультиматум. В нем предписывается, чтобы на пост канцлера Австрии было назначены лица по выбору германского правительства; это лицо должно сформировать кабинет министров, удобный правительству Германии. Если эти требования не будут выполнены, немецкие войска вступят на территорию Австрии»³.

¹ Военная мысль, № 6, 1981, с. 16.

² Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. II. М., 1958, с. 85.

³ Военная мысль, №5, 1960, с. 5.

Это выступление австрийского канцлера в мировых СМИ было подано как сенсационная весть, на которую ведущие правительства европейских стран и США откликнулись ничего не значащим дипломатическим протестом. Германское правительство ответило, что «аншлюс есть внутреннее дело немцев». Так появился новый канцлер Австрии Зейс-Инкварт, который сразу обратился к Гитлеру с просьбой «помочь в поддержании порядка и спокойствия в стране, выслав для этого войска как можно скорее». 12 марта «отзывчивые» немецкие войска вступили в Австрию¹.

Пассивность и безразличие, с каким английское и французское правительства восприняли вступление немецких войска в Австрию и присоединение этой страны к Германии показали Гитлеру, что его политика расширения границ Третьего рейха находит поддержку в Лондоне и Париже, и он надеялся продолжать их дурачить под маской необходимости приращения могущества для нападения на Советский Союз.

После захвата Гитлером Австрии Черчилль убежденно говорил, что со стороны Германии неизбежно последует «новый шаг» — захват Чехословакии. «Зря думают в Англии, что фашистская Германия, подобно удаву, проглотившему свою жертву, задремлет, насытившись на сравнительно длинный период. Нет! Это удав особого рода. Громадная машина вооружений, приводимая Гитлером в действие, не может бездействовать сравнительно долгий период. В этом внутренняя логика режима»².

Черчилль настойчиво требовал от английского правительства защиты во чтобы то ни стало Чехословакии от всяких посягательств со стороны Германии. В захвате Чехословакии он видел угрозу со стороны фашистской Германии всему Дунайскому бассейну. Этот захват обеспечил бы Гитлеру возможность вести большую и длительную войну, тогда как до захвата Чехословакии он мог вести только короткую войну. И во время чехословацкого кризиса Черчилль считал, что Англия, Франция и Советская Россия должны послать Гитлеру ультиматум — оставить в покое Чехословакию.

Советское правительство не признало аншлюса Австрии и в лице народного комиссара иностранных дел сделало заявление для представителей печати, в котором указало, что «на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором одиннадцати стран, но и «для всех европейских государств, и не только европейских... В первую очередь возникает угроза Чехо-

¹ Военная мысль, №5, 1960, с. 5—6.

² Исторический журнал, №9, 1941, с. 130.

словакии, а затем опасность, в силу заразительности агрессии, грозит разрастись в новые международные конфликты». Нарком Литвинов заявил о готовности Советского правительства «участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усиливающейся опасности новой мировой бойни»¹. Сталин, обладавший чутким предвидением, увидел в аншлюсе Австрии повторение событий прошлого века, когда, вооружаясь, Пруссия стала расправляться со своими соседями поодиночке, что привело к развязыванию Первой мировой войны. Вот почему так пророчески и предостерегающе прозвучали слова Советского правительства, что «завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердою недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»².

Эти предостережения не были услышаны, прежде всего, в Лондоне, Париже и Вашингтоне, где правительства уподобились глухарям, и чьим тайным и сильным инстинктом оставалось стремление направить возрастающую мощь Германии против Советской России, о чем, как заклинание, твердил им и сам Гитлер. Он еще больше уверовал в свою непогрешимость и в свое предназначение сделать Германию великой, когда узнал, что «премьер-министр Англии и министр иностранных дел Галифакс отклонили после захвата Австрии советское предложение о коллективных действиях против немецких захватчиков»³. С Францией он не считался, видя, как она слепо двигается в фарватере английской политики.

После аншлюса Австрии Гитлер не скрывал своих захватнических планов по присоединению новых земель за счет соседних государств. «История всех времен, в том числе Римской и Британской империй доказывает, — твердил он своим генералам, — что всякое расширение пространства может происходить только путем преодоления сопротивления, и, причем, с риском». На себя и своих генералов он возложил всю проблему расширения границ в Европе в интересах Третьего рейха заявив, что ее надо решить в течение шести-семи лет, так как «после этого периода можно ожидать лишь изменения обста-

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. Ноябрь 1937—1938 гг. Из архива министерства иностранных дел Германии. М., 1948, с. 102—105.

² Известия, №65 от 18 марта 1938 г.

³ *Бл. Гарт*. Важнейшие стратегические решения. От «Барбароссы» до «Терминал». Взгляд с Запада. М., 1988, с. 16.

новки не в нашу пользу»¹. На одном из совещаний с военными руководителями Гитлер откровенно изложил свои планы по захвату Чехословакии, утверждая, что того же хотят и жители этой страны.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Л. Бек одним из первых среди немецких военачальников противился вводу германских войск в Чехословакию и представил Гитлеру меморандум, в котором он назвал его политику опасной и предупреждал, что она неизбежно приведет к новой мировой войне и «краху Германии»². Зная, что Бек не может быть единственным выразителем таких взглядов, Гитлер собрал весь высший генералитет и произнес перед ними вдохновляющую речь о величии Германии при содействии армии его планам и целям, убедив всех, что при оккупации германскими войсками Чехословакии английское правительство во главе с Чемберленом будет оставаться на позициях невмешательства. После ухода в отставку с поста начальника Генерального штаба генерал Бек в новой памятной записке «Германия в будущей войне» (август 1938 г.) еще более определенно указывал на неподготовленность Германии к войне на два фронта, в которой в качестве противника будет выступать Советский Союз. «В случае войны против мировой коалиции, — писал Бек, — Германия будет побеждена и, в конце концов, окажется выданной на милость победителей». С началом войны против СССР генерал Бек не был возвращен на военную службу. В беседе с одним из офицеров он сказал, что «эта война была проиграна еще до того, как раздался первый выстрел немецкого солдата».³

Быстрый успех, с каким была присоединена Австрия к Германии, придала Гитлеру еще большие силы и уверенность в потворстве западных стран его агрессивной политике, направленной которой он ни от кого не скрывал — подготовке войны против Советского Союза. Гитлер открыто стал готовиться к отторжению Судетской области Чехословакии и ликвидации чехословацкого государства. Он даже считал, что англичане и французы должны ему еще больше за колонии, которые они отняли у Германии в результате своей победы в Первой мировой войне. Английское правительство уступало в этом вопросе напору Германии, соблюдая на словах принцип исторической справедливости, а на деле прикрывала воинственную политику Берлина в надежде, что руками фюрера и его армии оно покончат с большевизмом в России, откуда,

¹ Военная мысль, №6, 1981, с. 19.

² Там же, с.16.

³ Вопросы истории, №1, 1966, с. 70.

как казалось, исходит главная угроза миру и опасность британскому привилегированному классу. Прикрывая свою политику попустительства Гитлеру, английское правительство направило в Чехословакию лорда Ренсимена, который должен был на виду у международного общественного мнения выработать приемлемую дипломатическую форму для раздела Чехословакии и поглощения ее фашистской Германией. Английский лорд разыскал в древней истории удобное политическое решение для разрешения надуманного кризиса вокруг чехословацкого государства, которое коренилось, как он сообщал в Лондон, в вековых противоречиях «между тевтонской и славянскими расами в области, ныне называемой Чехословакией»¹. Искажая действительность и игнорируя факты, лорд Ренсимен, без всякого стыда, повествовал своему правительству о притеснении славянами немцев, в то время как немцы имели равные права с чехами и словаками и были хозяевами положения даже в тех районах, где они составляли меньшинство, и посоветовал все эти районы (включая Судетскую область) передать Германии. По сути, лорд изложил своему правительству взгляды лидера Судетско-немецкой партии в Чехословакии К. Генлейна, и действовавшего по прямому указанию из Берлина. Судьба Чехословакии была решена: английское и французское правительства толкали чехословацкое правительство на капитуляцию. Это читалось в предложении Англии и Франции президенту Чехословакии, сделанное 19 сентября 1938 года, в котором было сказано, что «...оба правительства вынуждены придти к заключению, что поддержание мира и безопасности и жизненных интересов Чехословакии не может быть эффективно обеспечено, если эти районы (Судетскую область. — *Авт.*) сейчас же не передать Германской империи»².

В ответ, через сутки, 20 сентября, чехословацкое правительство сообщило Великобритании и Франции, что их предложения не пригодны для достижения цели, которое преследует британское и французское правительства в своих усилиях в пользу сохранения мира. В Праге был сделан очень верный вывод, который вскоре сбудется: «Паралич Чехословакии имел бы в результате глубокие политические перемены во всей Средней и Юго-Восточной Европе. Равновесие сил в Средней Европе и Европе вообще было бы уничтожено; это повлекло бы за собой далеко идущие последствия для всех остальных государств и особенно для Франции». В самом конце

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. Ноябрь 1937—1938 гг. Из архива министерства иностранных дел Германии. М., 1948, с. 227.

² Там же, с. 203.

своего послания чехословацкое правительство снова делает зловещее предупреждение, что «в этот решительный момент речь идет не только о судьбе Чехословакии, но также и о судьбе других стран и особенно Франции».

Советское правительство, видя неизбежность надвигающейся всеобщей войны, к которой стремительно шла фашистская Германия, 20 сентября заявило, что оно окажет Чехословакии «немедленную и действительную помощь», если Франция останется ей верной и также окажет помощь¹. Москва не просто заявляла, а практически осуществила ряд мер, направленных на поддержку Чехословакии, если она подвергнется нападению со стороны Германии. На ее аэродромы было отправлено 300 советских самолетов, а войска Киевского военного округа были приведены в боевую готовность и 30 дивизий были сосредоточены у его западных границ.

В ответ Гитлер усилил подрывную деятельность в Чехословакии, преследуя цель взорвать изнутри обстановку в этой стране. С помощью агентуры он подталкивал судетских немцев к неповиновению чешским властям. Воспользовавшись небольшим пограничным инцидентом, в результате которого погибло несколько немцев, Гитлер выдвинул германские войска к границе с Чехословакией в надежде оказать политическое и военное давление на страну, чья армия исчислялась в 400 тыс. человек. Но так как Советский Союз и Франция в 1935 году заключили с Чехословакией договор о взаимопомощи, и на тот исторический момент Париж готов был вместе с Москвой выполнить свои обязательства, то Гитлер вынужден был отвести свои войска от границы.

Продолжавшиеся переговоры о судьбе Чехословакии с премьер-министрами Англии и Франции, проходившие в Берхтерсгадене и Бад-Годесберге в конце сентября Гитлер вел с позиции угроз и грубых намеков, что, приобретая новые территории на востоке, он приближается к своей извечной цели — войне с большевистской Россией. Потворствуя фашистской Германии, английский премьер-министр Чемберлен 27 сентября сообщил президенту Бенешу, что «если в течение дня Чехословакия не примет требований Гитлера, она подвергнется нападению и ничто не спасет ее от поражения и оккупации»².

Теперь судьба Чехословакии всецело зависела от того, как поведет себя в этих условиях президент Чехословакии Бенеш и его правительство. Ведь на тот период времени Чехословакия имела одну из самых сильных армий в Европе: 45 дивизий,

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны, с. 240.

² Советская историческая энциклопедия, т. 9. М., 1966, с. 852—853.

1582 самолета, 469 танков, 5700 артиллерийских орудий и минометов, а ее границу с Германией прикрывала полоса долговременных оборонительных укреплений в Судетских горах, не уступавших по своей мощи французской «линии Мажино». Но могущество армии кроется не в прочности оборонительных укреплений, а в силе духа лидеров нации, которые могут поднять и воодушевить свой народ к сопротивлению, сделать их нестигаемыми и непобедимыми, или совершенно ослабить своим бездействием и нерешительностью. К сожалению, те государственные деятели, что стояли в то время у государственного руля Чехословакии, оказались людьми слабыми и слишком осторожными, считавшимися не с настроением народа и армии, готовыми сражаться и умирать за свою свободу и независимость, а с мнением западных лидеров, прежде всего Чемберлена и Даладье, которые настаивали на капитуляции Чехословакии перед притязаниями гитлеровской Германии.

Гитлер подталкивал руководителей Великобритании и Франции к подписанию этого соглашения. 26 сентября на массовом митинге во дворце спорта в Берлине, он не скупился на обещания: «Мы подходим сейчас к последней проблеме, требующей своего разрешения. Это последнее территориальное требование, которое я выдвигаю перед Европой. В 1919 году три с половиной миллионов немцев были отрезаны от своих соотечественников группой сумасшедших политиков. Чехословацкое государство выросло из чудовищной лжи, а имя этого лгуна — Бенеш»¹.

У чехословацких руководителей не хватило воли противостоять диктату великих европейских держав и на Мюнхенской конференции, состоявшейся 29—30 сентября 1938 года, на которую их даже не пригласили, был рассмотрен проект соглашения, подготовленный Муссолини, в котором были отражены все требования Гитлера. Главами Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладье), нацистской Германии (А. Гитлер) и фашистской Италии (Б. Муссолини) было подписано соглашение, в соответствии с которым Чехословакия должна была передать Германии не только Судетскую область, но и пограничные районы с Австрией, захваченные гитлеровцами в 1938 году. Подписывая этот документ международно-го разбоя, Чемберлен и Даладье были убеждены, что теперь все воинственные устремления Гитлера будут направлены на Восток. Весь замысел был прост и состоял в следующем: чтобы вызвать войну между Германией и СССР, надо было связать эти государства общей границей, которой у них до этого не было.

¹ Гаек И. Мюнхен. М., 1960.

Ведь еще Бисмарк заметил, «что географически Германия и Россия так расположены в Европе, что они не могут угрожать друг другу без завоевания стратегических позиций на севере и юге восточноевропейских стран и пока они остаются свободными и независимыми мирное спокойствие обеспечено всем европейским народам»¹.

Накануне подписания Мюнхенского соглашения, в Англии и Франции правительственные средства информации нагнетали психоз «приближения войны». В среду 28 сентября война уже всем казалась неизбежной. Во Франции основные дороги, ведущие из Парижа на запад, были забиты автомобилями, которые двигались непрерывным потоком. Треть жителей покидала французскую столицу. В Англии население раздавали противогазы, в парках рыли щели, которые при воздушных налетах служили бы убежищами, началась эвакуация детей. Первые зенитные орудия вытянули к небу длинные зенитные стволы, чтобы защищать девять миллионов лондонцев от нападения с воздуха; по официальным подсчетам, такое нападение должно было в первые же дни войны унести пятнадцать тысяч человеческих жизней².

Предательское соглашение было подписано и Чемберлен, вернувшись в Лондон, радостно заявил в аэропорту, размахивая текстом соглашения: «Я принес мир нашему времени». Депутат английского парламента Черчилль, критикуя миротворца Чемберлена в палате общин, пророчески произнес: «Не думайте, что это конец. Это только начало расплаты. Это первый глоток. Первое предвкушение той горькой чаши, которую нам будут подносить год за годом»³.

После присоединения Чехословакии к Германии она была преобразована в «протекторат Чехии и Моравии»⁴.

Ближние соседи Чехословакии, Польша и Венгрия, увидев неизбежность беды, вместо помощи чехословацкому правительству поспешили в Берлин, где руководители этих стран наперебой предлагали свои услуги по расчленению соседнего государства и просили для себя новых территорий при начале неправомерного грабежа. Гитлер сполна воспользовался услугами сателлитов и придал своему захвату Чехословакии всевропейское значение, разрешив полякам овладеть Тишинской Силезией, а венграм отдал часть Словакии и часть Закарпатской Украины, лицемерно заявив при этом, что Польша и

¹ Бисмарк О. Воспоминания. Минск-М., 2001.

² Л. де Йонг. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М., 1958, с. 64.

³ Гаек И. Мюнхен. М., 1960.

⁴ Военно-исторический журнал, № 1, 1960, с. 83.

Венгрия являются важнейшими политическими образованиями, «защищающими Европу от России»¹. Для поляков дар Гитлера был страшнее дара данайцев — в Тишинской области существовала мощная профашистская организация, которая держала в напряжении все южные земли Польши и способствовала быстрому продвижению фашистских войск к Кракову, когда Германия напала на Польшу. Не меньшую цену заплатит Венгрия за свою приверженность курсу гитлеровской Германии — на полях Второй мировой войны, в которую втянул ее Гитлер, венгры потеряют около полумиллиона своих граждан и сполна испытают горечь поражений и тяжелых утрат.

Легкость, с какой Германия овладела Чехословакией на глазах у удивленного мирового сообщества, породила у Гитлера небывалый подъем духа, вскруживший ему голову, и он окончательно уверовал в свою способность переделать окружающий мир и сделать его таким, каким он виделся в его честолюбивом воображении. В этом мире должны были главенствовать только одни немцы, всем остальным народам предназначалась судьба если не рабов, то людей, относящихся к низшей расе. Войной он жил и ею был пропитан весь его незаурядный ум, а врожденная способность подчинять и обволакивать окружающих его людей своими идеями, сделала его непревзойденным лидером в нацистской партии, которую он взлелеял собственными руками и привел к власти в Германии. Аншлюс Австрии и овладение Чехословакией, сделанное по его непосредственным планам и под его контролем, снискало ему такой авторитет в партии и среди германского генералитета, что Гитлеру стали поклоняться и обожествлять его, выполнять его поручения и приказания вплоть до самопожертвования, почиталось за честь. Воинственный дух, исходивший от фюрера, поразил генералитет и весь высший чиновный люд рейха. Во всем высшем нацистском обществе обсуждались новые планы по распространению германского влияния в Европе, а нацистская верхушка усиленно готовила немцев к новой войне и, прежде всего, с Советской Россией, откровенно описанной фюрером в его книге «Майн Кампф». Выражая это общее настроение, Гитлер, вскоре после оккупации Чехословакии, 23 ноября 1938 года, выступая с большой речью перед командующими войсками вермахта, заявил, что он не имеет еще ясного представления как действовать: «Начать войну сначала против Востока и затем против Запада, или наоборот»².

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. Ноябрь 1937—1938 гг. Из архива министерства иностранных дел Германии. М., 1948, с. 210—213.

² В. Блейер, К. Дрекслер и др. Германия во Второй мировой войне (1939—1945). М., 1971, с. 17.

Но были в германском обществе и те государственные деятели, кто с тревогой смотрел на возрастающие политические притязания Гитлера в Европе, видя в этом повторение того тяжелого пути, который прошла Германия в годы Первой мировой войны. Когда немецкие войска входили в Чехословакию, то находящийся с рабочим визитом в Вене начальник службы контрразведки вермахта адмирал Канарис, узнавший по радио об этом событии, прозорливо заявил: «Теперь Вторая мировая война неизбежна», и добавил, что «роковой ход событий уже нельзя остановить»¹. Адмирал испытал страшное душевное потрясение, и по всему было видно, что у этого офицера была потеряна цель жизни, а вся его работа служила захватническим целям Гитлера, рано или поздно обреченным на провал.

Потворство правительств Великобритании и Франции политическим устремлениям Гитлера дорого стоило европейским народам, да и сами англичане и французы заплатили слишком большую цену за нахождение во власти правительств во главе Н. Чемберленом и Э. Даладье, не увидевших в главаре германских нацистов международного разбойника, сумевшего создать в своей стране жестокий режим единовластия.

Коллективной безопасности от угрозы агрессии, исходящей от нацистской Германии, к созданию которой так настойчиво призывал Советский Союз, не получилось, и теперь ведущим государствам в Европе, каждому в отдельности, нужно было решать вопросы безопасности в одиночку. Англичанам не представляло большого труда к этому подготовиться — они имели самый мощный флот в мире, и их островное положение, пока Дания, Бельгия, Голландия и Норвегия оставались независимыми, во все века обеспечивало им надежную безопасность. В таком же положении находились и США — они имели возможность выжидать развития событий до самых крайних угроз для их безопасности на Европейском континенте, как это случилось в Первой мировой войне, чтобы вмешаться на той воюющей стороне, где победа была им обеспечена. Самый губительный для себя путь избрала Франция, и большую долю вины за это несут британские политики, руководившие в тот исторический период внешней политикой Франции. Видный государственный деятель Франции А. Бриан всегда отстаивал систему коллективной безопасности, в которой ключевую роль в Европе играли бы Англия и Франция. Он считал, что такое направление отвечало и жизненным интересам Англии. Выступая в 1924 году в Каннах, он говорил: «Прийти на Рейн защищать нашу границу — это вовсе не будет оказанием по-

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 977444, д.51, л.15.

мощи только Франции. Этим вы, англичане, окажете помощь также и самим себе. Вы защитите вашу и нашу границу»¹.

Стратегическое положение Франции было настолько шатким и незащищенным, что Англия должна была после захвата Гитлером Чехословакии образовать единое командование, как это было сделано в годы Первой мировой войны, и вместе с Францией разделить ее судьбу. Но англичане не сделали этого, и более трагичной судьба оказалась у французов. Гитлер сумел перессорить государства Запада с Советским Союзом, разъединить их намечавшиеся усилия к сближению и объединению и, обретя силу, стал готовиться к их уничтожению поодиночке.

17 апреля 1939 года Советское правительство выдвинуло официальное предложение о создании единого фронта взаимопомощи между Великобританией, Францией и СССР для противодействия возможной агрессии со стороны Германии. По замыслу предложений, эти три державы должны были гарантировать неприкосновенность государств Центральной и Восточной Европы, к которым могла примкнуть и Польша. На переговоры Лондон и Париж откликнулись, но прибывшие в Москву делегации не были наделены необходимыми полномочиями и они не хотели связывать себя никакими обязательствами по отношению к СССР, стремились навязать нашей стране неравноправное соглашение, взвалив на Советский Союз всю тяжесть ведения возможных военных действий с германским агрессором. У Черчилль после войны вспоминал: «Мюнхен и многое другое убедили Советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что даже в таком случае от них будет мало проку. Надвигающаяся буря была готова вот-вот разразиться. Россия должна была позаботиться о себе»².

С этого времени Сталин решил не унижаться перед Лондоном и Парижем, не просить о совместных действиях против Германии, а вооружаться и попробовать завязать политические отношения с Гитлером, от кого зависела судьба войны или мира в Европе — чтобы отодвинуть схватку с ним и чтобы лучше к ней подготовиться.

¹ История дипломатии. Т. 3, с. 316.

² У. Черчилль. Вторая мировая война. Т.1. М., 1991, с. 166.

ГЛАВА II

Ю. Пилсудский и его режим «санации» в Польше. — Нарастание угроз Польше со стороны Гитлера и «гарантии безопасности» Англии и Франции. — Переговоры в Москве военных делегаций Англии, Франции и СССР по противодействию агрессии Германии и их срыв. — Позиция Польши. — Пакт Молотова — Риббентропа

Первая мировая война помогла Польше освободиться как от русского, так и немецкого гнета и во вновь созданном Версальском договоре польском государстве ее бессменным лидером стал Ю. Пилсудский, с которым связано создание польской социалистической партии (ППС), которая ставила своей главной целью обретение независимости. Это был один из тех лидеров, о ком всегда идет двойная молва: одна — хорошая, другая — плохая и они уходят в другой мир, так и не раскрыв своего подлинного «я». Пилсудский рано встал на путь политической борьбы за обретение независимости Польши и основным методом борьбы с царским самодержавием, он, как и эсеры, избрал террор. Он был причастен к убийству императора Александра II¹, за что был осужден к ссылке в Сибирь, где в нем укрепились идеи бескомпромиссной борьбы за независимость Польши, за отделение ее от России. Встав на этот путь, он не брезговал сотрудничать и получать материальную помощь от всех государств, кто вел постоянную тайную и открытую борьбу с царской Россией за лидерство в Европе и Азии. Во время Русско-японской войны, он предлагал свои услуги Японии для организации польского легиона для борьбы с русской армией на территории польского царства, взаимодействовал с финскими сепаратистами и постоянно сотрудничал с австрийским генеральным штабом, и австрийской разведкой в деле нанесения вреда военной и экономической мощи царской России. А так как австрийская разведка работала под эгидой прусской разведки, то Пилсудский обслуживал две сильные разведки и был одним из самых засекреченных их агентов². Свои боевые террористические отряды он, с одобрения австрийских властей, укрывал в Австрии, они затем стали ядром для создания польского легиона, действовавшего

¹ Советская историческая энциклопедия, т. 11. М., 1968, с. 144.

² Исторический журнал, №11, 1939, с. 58.

в Первую мировую войну в составе австро-венгерских войск против русской армии и содержавшегося за счет австрийской казны. К моменту объявления войны Пилсудский занимался комплектованием особых польских добровольческих батальонов, которые первыми, еще утром 6 августа 1914 года, за несколько часов до объявления Австро-Венгрией войны России, нарушили русскую границу и, совершая диверсии и убийства, вторглись на русскую территорию, неся смерть и разрушения¹. Окончание Первой мировой войны стало взлетом Пилсудского к вершинам власти в Польше, и немцы всячески помогали ему в подавлении революционного движения в Варшаве и других городах страны.

Вместе со своими сторонниками Пилсудский мечтал возродить Польшу от Гданьска до Одессы и все земли восточнее линии Керзона польский диктатор считал несправедливо отторгнутыми. В 1919 году его войска, воспользовавшись слабостью молодой советской республики и гражданской войной, захватили ряд районов Украины и Белоруссии, включая Минск. Советско-польская война в 1920 году была развязана в угоду тех сил на Западе, кого пугала идея построения социалистического общества в Советской России, основанная на программе всеобщего равенства и всеобщего процветания. В подготовке армии и ее перевооружении для нападения на Советскую Россию, Пилсудскому помогали как страны Антанты, прежде всего Франция и Англия, так и Германия с Австрией, попытавшихся через поляков взорвать непрочный мир после Версальских соглашений и добиться для себя послаблений в репарациях и в военной сфере. Война была неудачной для обоих государств. После первых успехов, результатом которых было овладение Киевом и левым берегом Днепра, польская армия была вынуждена отступить до Варшавы, у стен которой она смогла не только отразить наступление Красной Армии, но и нанесла мощный охватывающий удар с севера по правому флангу фронта, возглавляемого Тухачевским, в результате чего более 100 тыс. русских солдат было пленено и их всех ждала мученическая смерть в польских лагерях от голода, издевательств и прямых убийств. Рижский мирный договор, подписанный воюющими сторонами в 1921 году, установил новые границы между Польшей и Советской республикой, и они пролегли восточнее линии Керзона, отторгая от России Западную Украину и Западную Белоруссию², что делало этот мир непрочным и недолгим, потому что он был несправедлив.

¹ Исторический журнал, №11,1939, с. 59.

² Дипломатический словарь. Т.3. М., 1986, с. 273.

Пилсудский старался служить Польше, но, связанный крепкими агентурными узами с австрийской и германской разведками, он все делал с оглядкой на Берлин и Вену, всячески угождал им, но порой и пренебрегал их советами и рекомендациями, отчего там не уменьшалось, а, наоборот, росло к нему пренебрежение и ненависть, перекинувшиеся затем на всех поляков. У него была патриотическая риторика, в которой он изливал свою любовь к Польше и полякам, но в действительности он служил Германии, постоянно делая ей экономические и политические уступки.

В 1923 году Пилсудский был вынужден отказаться от управления Польшей, но при поддержке германского капитала он в 1926 вновь захватывает власть и демагогически обещает провести «санацию», то есть, оздоровить и укрепить польское государство, и навести в нем порядок и спокойствие. На деле его санационное правительство, состоящее из агентов Австрии и Германии, довело Польшу до полного разорения и ослабления. Ее промышленное производство в 1937 году, в сравнении с промышленным производством на тех же территориях в 1913 году было значительно ниже отнюдь не высокого уровня тех прошлых лет¹. Польша была слабым, отсталым, неразвитым в промышленном и культурном отношении государством, и одной из самых бедных стран Европы.²

При Пилсудском были налажены тесные политические и экономические связи с фашистской Германией, и даже ненависть берлинских властей к евреям была перенесена в варшавские коридоры власти. «Скамеечное гетто» в высших учебных заведениях Польши и еврейские погромы, спровоцированные полицией при помощи старого, испытанного и примитивного средства — средневековой легенды о ритуальном убийстве — вызывали восторженные и хвалебные оды фашистских заправил Геринга, Гиммлера, Розенберга, Франка и самого Гитлера.

Последние предвоенные годы были временем усиливающегося сближения ведущих политических фигур санации в Польше и нацистского режима в Германии. Геринг, Гиммлер, Розенберг, Франк, Риббентроп были почетными гражданами крупных польских городов, и они же были постоянными гостями Варшавы. В свою очередь, ведущие польские политики надолго отъезжали в Берлин, скрепляя «нерасторжимые узы» двух государств в преддверии антисоветского «крестового похода»³.

¹ В. Грош. У истоков сентября 1939 года. М., 1951, с. 6—7.

² Там же, с. 25—26.

³ Там же, с. 52—54.

Особенно тесным было сотрудничество разведок двух государств — ведь все «сливки санационного правительства» Пилсудского, а потом и Рыдз-Смиглы были заготовлены в темных кабинетах разведок Австрии и Германии. Всей политической и военной жизнью Польши заправлял второй отдел Генерального штаба, в недрах которого стажировались все тогдашние политики, и здесь же формировалось общественное мнение, которое могло влиять на ход политической жизни в Польше. Рыдз-Смиглы, Бек, Перацкий, Матушевский, Косцялковский, Славек, Медзинский, Шецель, Голувка, Сцежинский и многие другие видные министры и политики Польши были выходцами второго отдела Генерального штаба, который в свою очередь управлялся шефом гестапо и СС Гиммлером¹. Министр иностранных дел Польши Ю. Бек с молодых лет усердно служил интересам Германии, и французское правительство еще в 1920 году постаралось выдворить его из Франции, когда тот работал в польском посольстве в Париже, как агента, сотрудничавшего с немцами.

Когда к власти в Германии пришел Гитлер, Пилсудский в своем угодничестве превзошел самого себя, отдав немцам всю свою агентуру, которую он имел в Советском Союзе, и Гитлер тут же заставил все ее звенья приступить к активной работе, что привело к многочисленным провалам и разоблачениям, и помогло Сталину раскрыть все преступления, связанные с изменой и предательством в партии и советских органах власти за несколько лет до начала войны. Пилсудский сделал это из-за ненависти к советской власти и к русскому народу, к которому он всегда питал недобрые чувства. Ненависть у поляков может затмить их разум, и тогда они совершают ошибки, несовместимые со своей приверженностью к жизни, которой они готовы пожертвовать ради этой ненасытного чувства.

В Польше всю внутреннюю жизнь направляли видные руководители гитлеровского режима. Гиммлер управлял действиями польских властей на фронтах внутренней борьбы с рабочим классом и крестьянством и «красной опасностью, исходящей от восточного соседа», Канарис — глава немецкой разведки — имел возможность влиять на назначения в польском правительстве и польской армии, Геббельс определял тон польского радио и печати, Риббентроп, через польского посла в Берлине Линского и самого министра иностранных дел Бека, располагал солидными влиянием на формирование польской внешней политики в интересах Германии. Государ-

¹ В. Грош. У истоков сентября 1939 года. М., 1951, с. 55.

ственным аппаратом полностью овладела немецкая разведка, люди Гимmlера и Канариса распорядились в Польше, как у себя дома¹.

Фашизация политической жизни в Польше шла долгие годы. Годами польскому народу внушали, что пример национал-социалистов в гитлеровской Германии, прикрывающихся маской борцов с большевиками, является единственным верным путем для их развития. И польское руководство долго шло по этому пути. Гитлер надеялся, что после того, как польское правительство приняло участие в разделе Чехословакии, оно намертво связало себя с целями захватнической политики Германии, и Польша примет участие в войне как с западными странами на стороне немцев, так и с Советским Союзом. Варшава проявляла рабскую готовность участвовать вместе Берлином в нападении на Советский Союз, но долго медлила, а потом и вовсе отказалась от участия в войне на стороне Германии против Франции и Англии. Заслуга в этом принадлежит британской политике и британской разведке, сумевшим среди польских лидеров того времени привлечь на свою сторону ряд влиятельных политиков, чье мнение перевесило стремление польского руководства слепо следовать в русле гитлеровского курса войны против западных стран. Но как только в Берлине узнали об этом — судьба Польши была решена. Долго сдерживаемое в Гитлере презрение к польским политикам, которых он считал продажными слугами прусской разведки, и ко всем полякам вообще, тут же переродилось в ненависть, этому глубинному чувству немцев, постоянно присутствующему в них, точно также, как и у поляков к русскому народу. Гитлер записал Польшу в стан своих заклятых врагов, и перед нападением на Францию и Англию он решил расправиться Польшей, разгром которой создавал ему выгодные условия для ведения войны как на западе, так и на востоке. Польша граничила с Советским Союзом и Гитлеру, как воздух, для задуманной им войны с Советской Россией, нужен был выход к этим границам. В его хитром и коварном уме еще не было намерения привлечь к разделу Польши Советский Союз, потому что он тогда не допускал даже мысли, что может возникнуть такая политическая ситуация, когда правительства Франции и Англии пойдут наперекор своим национальным интересам и в ненависти к Советскому Союзу откажутся заключать оборонительный союз с Москвой, а поляки не захотят опираться на помощь русских. Этот безумный курс оттолкнет от них Сталина, и он вынуж-

¹ В. Грош. У истоков сентября 1939 года. М., 1951, с. 60.

денно пойдет на сотрудничество с Германией, чтобы отодвинуть от себя войну хотя бы на несколько лет.

Трения между двумя странами, переросшие в неприязнь и острейшие противоречия, возникли после того, как руководители Польши в ходе переговоров с германской делегацией отказались удовлетворить требования Гитлера передать Германии Данциг (Гданьск) и права на строительство в Польском коридоре экстерриториальных автострасы и железной дороги. Поляки не уступили даже тогда, когда немцы потребовали выполнить их условия ультимативно. Но судьба Польши была решена еще раньше. Сразу после захвата Чехословакии Гитлер, предвидя дальнейшее развитие своих военных устремлений, отдал Генеральному штабу распоряжение немедленно приступить к разработке плана операции против Польши. В январе 1939 года в Кенигсберге и Штеттине были проведены командно-штабные учения с командующими армиями и командирами корпусов и их штабами по отработке задач по вторжению в эту страну¹. Вся группировка немецких войск у польской границы в течение нескольких месяцев выстраивалась для вторжения на польскую территорию. Война вплотную подошла к польскому порогу, но в Варшаве польское руководство продолжало разыгрывать антисоветскую карту и пыталось играть роль великой державы, от позиции которой зависит мир в Европе.

Замечая нарастание угроз Польше со стороны Германии, которые одновременно вели и к нарастанию угроз Советскому Союзу, правительство СССР отправило в Варшаву в мае со специальной миссией заместителя наркома по иностранным делам В. Потемкина, который привез польскому правительству предложения о политическом и военном сотрудничестве. Не получив ясного ответа на свои предложения, Москва предложила польскому правительству заключить пакт о взаимопомощи. Но польское правительство 11 мая 1939 года отвергло военную помощь со стороны СССР. Оно также не согласилось разрешить проход через территорию Польши советских войск в случае военного конфликта с Германией. Позиция «санационного» правительства Польши затруднила происходившие в это время в Москве политические и военные переговоры между СССР, Великобританией и Францией о заключении договора о взаимной помощи в случае агрессии со стороны фашистской Германии.

Польша не хотела пропускать советские войска через свою территорию только потому, что этому противились Анг-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15, О. 1160, д.93, л.2.

лия и Франция. «Раздор на Востоке, грозящий Германии и России вовлечением в него... здесь повсеместно и подсознательно считается «меньшим злом», могущим отодвинуть на более длительный срок опасность от империи и ее заморских составных частей», — писал посол Польши в Лондоне Э. Рачинский¹. Советское правительство предложило Варшаве согласиться если не на пропуск войск, то на советскую помощь в деле обустройства польского государства для обороны от фашистской агрессии, но президент Польши маршал Рыдз-Смиглы в переговорах с высшими французскими руководителями «решительно отклонил какие-либо переговоры или дискуссию на эту тему: «не о пропуске войск, а о возможной материальной помощи и о помощи сырьем со стороны Советской России», — доносил польский посол в Париже Ю. Лукаевич министру иностранных дел Ю. Беку.

Для Советского Союза назревала опасная и неразрешимая ситуация, в которой отчетливо просматривалась возможность создания единого фронта империалистических государств против Советского Союза, в котором Польша играла роль капкана, в который должна была угодить Советская Россия. В этих условиях Советское правительство искало способы избежать войны, или передвинуть ее начало на более поздний срок, и одновременно работало над созданием оборонительного союза по типу того, что образовали Великобритания, Франция и Россия перед Первой мировой войной.

Внимательно отслеживало нарастание напряженности между Германией и Польшей и правительство Великобритании, отводившее последней роль разменной монеты, которую она собиралась бросить на весы при столкновении фашистской Германии с Советским Союзом. Но скрывая свое истинное отношение к Польше, правительство Англии делало вид, что оно обеспокоено агрессивными устремлениями Германии по отношению к полякам. Министр иностранных дел Великобритании Н. Чемберлен заверил польское правительство, что в случае угрозы независимости Польши ей будет оказана помощь. Аналогичная декларация была сделана 13 апреля 1939 года Францией, связанной с Польшей военным союзом еще с 1921 года. Сделав такие заявления, и Англия, и Франция рассчитывали на доверчивость поляков к их военной силе, которую они ни в чем не проявили как до нападения фашист-

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. Ноябрь 1937—1938 гг. Из архива министерства иностранных дел Германии. М., 1948, с. 351—352.

ской Германии на Польшу, так и во время самой войны. Правда, и Англия, и Франция, когда Гитлер напал на Польшу, объявили Германии войну, но они ее не вели. Эту войну называли «странной» и ее основным замыслом было не спасение Польши, а объявление двумя самыми сильными государствами Западной Европы рубежа неприкосновенности, очерченный границами Бельгии, Люксембурга и Франции, на который не должен был посягать Гитлер. Лондон и Париж лишней раз напомнили диктатору фашистской Германии, что, не ведя с ним никакой войны, там ждут направления всех его военных усилий на восток, против СССР. Правительства Великобритании и Франции в тот период еще не осознали, что Гитлер использовал модный в тот период жупел борьбы с большевизмом для того, чтобы придти во власть, возродить военную мощь Германии и снова направить ее на завоевание мирового господства, как это пытался сделать кайзер Вильгельм II. Для выполнения этой цели Гитлеру были совершенно безразличны общественные устроения в тех странах, которые он собирался завоевать. В них он устанавливал «новый» порядок, превращая немцев-завоевателей в господ, а местное население — в рабов. Франции это вскоре предстояло познать.

Начиная с Мюнхенского соглашения, Англия и Франция строили свою политику на стремлении всячески умиротворить Гитлера и направить его воинственные устремления в сторону СССР, как и было заявлено в доктрине «Дранг нах Остен». Но после того как 15 марта 1938 года Чехословакия была оккупирована, Гитлер, выступая в рейхстаге, публично подверг резкой критике Версальскую систему договоров и откровенно заявил об экспансионистских намерениях в отношении Румынии, Югославии и Венгрии и своих претензиях на бывшие колониальные владения кайзеровской Германии, которые Англия и Франция поделили после Версаля. В правящих кругах Лондона и Парижа произошло некоторое прозрение. Но страх перед успехами советского правительства в области экономики и промышленности был сильнее германских угроз миру, и там по-прежнему велась политика уступок Гитлеру ради его движения на восток. То, что он может повернуть свои все возрастающие военные силы и на запад, в Лондоне и Париже совсем не предполагали. Даже денонсация Гитлером англо-германского морского соглашения от 1935 года и польско-германского соглашения о ненападении от 1934 года не встревожила лондонско-парижские круги, хотя У. Черчилль неустанно предупреждал английское правительство о губительности потворствования гитлеровскому курсу войны. И толь-

ко под давлением общественности и парламента английское правительство, а вслед за ним и французское, согласились рассмотреть возможные формы сотрудничества между Англией, Францией и Советским Союзом в деле противодействия гитлеровской экспансии в Европе.

Весной 1939 года такие переговоры начались в Москве, и 17 апреля Советское правительство выдвинуло предложение о заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи и военной конвенции, признав также необходимым, чтобы Великобритания, Франция и СССР гарантировали безопасность восточноевропейских государств, граничащих с Советским Союзом. Но уже через два дня на заседании английского правительственного комитета по вопросам внешней политики премьер-министр Чемберлен негативно высказался о советских предложениях, заявив, что его правительство «не отвергая русское предложение должно создать впечатление, что для военного союза время еще не пришло»¹.

Прошло более месяца, прежде чем Великобритания приняла предложение СССР положить в основу обсуждаемого договора принцип взаимности и равных обязательств всех его участников. В конце мая британское и французское правительства дали согласие начать переговоры с СССР, которые вел нарком иностранных дел Литвинов с британским и французским дипломатическими представителями в Москве.

В ходе переговоров по политическим вопросам британское правительство потребовало от Советского Союза дать гарантии Румынии и Польше, если они подвергнутся агрессии. В ответ Советское правительство предложило, чтобы СССР, Великобритания и Франция заключили трехсторонний пакт, обязавшись немедленно оказывать друг другу помощь, включая военную, в случае нападения на одну из этих держав; оказывать такую же помощь граничащим с Советским Союзом государствам Восточной Европы, расположенным между Балтийским и Черным морями, если они подвергнутся нападению; в короткий срок заключить военную конвенцию, установить форму и размеры оказания взаимной помощи в обоих этих случаях. Принятие советских предложений должно было поставить прочный заслон дальнейшему распространению гитлеровской агрессии как на восток, так и на запад.

Отклонив советские инициативы, английское правительство 8 мая выступило с предложением, суть которого сводилась к принятию Советским Союзом односторонних обяза-

¹ Советская Россия, 20 августа 2009 г.

тельств об оказании немедленной помощи Великобритании и Франции в случае вовлечения их в войну, в то время как о помощи СССР, если он подвергнется агрессии, в предложениях ничего не говорилось.

Налицо просматривалось нежелание англо-французской стороны заключить с Советским Союзом тройственный договор, основанный на принципах равенства и взаимности, что завело политические переговоры в тупик. Тогда Советское правительство предложило направить в Москву военные миссии с тем, чтобы начать конкретные переговоры о мерах противодействия агрессорам. Это предложение правительствами Великобритании и Франции было принято только 25 июля.

Когда военные миссии Великобритании и Франции в начале августа прибыли в Москву, выяснилось, что они укомплектованы лицами, не имевших никаких полномочий для заключения договора. И, несмотря на такой подход британцев и французов к этим переговорам, советская военная делегация, возглавляемая народным комиссаром обороны маршалом К. Ворошиловым, изъявила готовность выставить в случае возникновения войны 136 дивизий, 5 тыс. средних и тяжелых орудий, 10 тыс. танков и танкеток и 5 тыс. самолетов. Великобритания брала на себя обязательства предоставить 1 мотомеханизованную и 5 пехотных дивизий¹. Со своей стороны английская и французская делегации не желали брать на себя никаких обязательств, и по всему было видно, что они сознательно затягивают переговорный процесс, заводя его в тупик.

Продолжение переговоров в Москве военных делегаций Великобритании, Франции и СССР не имело перспектив. Лондон и Париж вели их ради одной цели — выиграть время, чтобы столкнуть в противоборстве Советский Союз и Германию. Английское правительство знало о готовящемся нападении Германии на Польшу, и ожидало, что Гитлер не остановится на этом завоевании, и что он неизбежно после этого сразу направит свои войска против Советского Союза, после чего Великобритания и Франция могли бы открыть второй фронт на Западе и продиктовать Германии свои условия дальнейшего развития обстановки в Европе. Это было время колоссального напряжения, преддверием большой войны в Европе и мире, и в Лондоне, Париже и Москве правительства ждали развязки событий вокруг Польши, ждали того первого выстрела, который должен был взорвать мир в Европе. Все было всем извест-

¹ Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г. // «МДЖ», 1959, №2—3.

но, и отношение каждой страны к ожидаемому военному конфликту можно было предположить, а вот поведение поляков никто не мог предсказать и предвидеть.

Лондон и Париж не желали заключать с советским правительством никаких оборонительных соглашений по противодействию германской агрессии, и Гитлер, внимательно отслеживавший переговорный процесс, сделал вывод, что возможный лагерь новой Антанты против Германии можно взорвать изнутри, если вынудить одного из переговорщиков пойти на сотрудничество с ним. Францию Гитлер люто ненавидел, он только и ждал удобного момента, чтобы разделаться с ней, в то время как Великобритания вела губительную для себя политику самоизоляции, проявляя имперское высокомерие как к немцам, так и к русским. Информация, поступавшая к Гитлеру из Москвы, убеждала его в том, что и Сталин испытывает недоверие к англичанам и французам из-за их нежелания сотрудничать с ним и заключать оборонительный союз против Германии.

И Гитлер сделал свой выбор. С мая, на военном предгрозовом фоне, отношение правящих кругов Германии к Советскому Союзу начинает резко меняться, особенно после того, как Польша отвергла всякую возможность заключения пакта о взаимопомощи с СССР. Исчезают антисоветские выступления в прессе и на радио, различные должностные лица рейха все прозрачнее стали намекать на желательное улучшение отношений двух стран. В Лондоне, Париже и Варшаве не могли не заметить этих разительных перемен, но в туманном Альбионе существовало убеждение, что агрессия Гитлера будет непременно направлена на восток. В Москве заметили эти перемены и, чтобы избежать скорой войны с фашистской Германией, о которой не уставали говорить в Лондоне и Париже, решили рассмотреть возможные варианты сотрудничества с немцами.

Москва не была первой страной, которая по предложению берлинских властей заключал с гитлеровской Германией договор о ненападении и взаимном сотрудничестве. Первой такой страной, заключившей договор с фашистской Германией о ненападении, была Польша, подписавшая в 1934 году в Берлине пакт Бека — Риббентропа сроком на 10 лет; в 1935 году мир узнал о весьма однозначном пакте Хора — Риббентропа между Англией и Германией, разрешавшем нацистскому режиму Гитлера, вопреки Версальскому мирному договору, продолжить уже начатое создание сильных вооруженных сил. Договор этот был заключен даже несмотря на решительный протест правительства Франции. Однако в 1938 году Франция,

следуя примеру Англии, и сама заключила подобный пакт Бонне — Риббентроп «о мирных и добрососедских отношениях» с фашистской Германией. 7 июня 1939 года Латвия и Эстония подписали с фашистской Германией договор о двухсторонней дружбе между государствами. Все остальные государства Европы стали строить свои отношения с фашистской Германией на ее преобладающей роли в их внешней политике.

15 августа народный комиссар иностранных дел В. Молотов, отвечая на многочисленные немецкие предложения о сближении с Советским Союзом, в беседе с послом Германии графом фон Шуленбургом впервые сформулировал советские политические пожелания в отношениях с Германией: пакт о ненападении, совместные гарантии нейтралитета Прибалтийским государствам, содействие Германии в урегулировании взаимоотношений Советского Союза с Японией, заключение соглашения по экономическим вопросам. Гитлер, изготавившись для нападения на Польшу, был готов пойти на любые уступки, чтобы избежать войны на два фронта, как это было при развязывании кайзеровской Германией Первой мировой войны, и потому 20 августа он лично направляет телеграмму Сталину, в которой он сообщил, что в любой день «может разразиться кризис», в который может быть втянут Советский Союз, «если он не согласится на подписание с Германией договора о ненападении и что он настаивает на согласии приезда Риббентропа в Москву в ближайшие два-три дня»¹.

По дипломатическим каналам послы Советского Союза в Лондоне и Париже предупредили правительства Англии и Франции о возможности подписания такого соглашения с Германией с потаенной надеждой, что это подтолкнет их к перемене взглядов на союз с Москвой, но не получив никакого ответа, маршал Ворошилов, возглавлявший советскую делегацию на военных переговорах, заявил на очередном заседании, что «собираться более нет необходимости, ибо главного ответа нет». Вечером этого же дня В. Молотов пригласил германского посла Шуленбурга и дал согласие на прибытие Риббентропа в Москву 23 августа.

В ночь с 23 на 24 августа стороны подписали договор о ненападении и немецко-советский вариант секретного протокола со разграничением сфер интересов двух государств, вошедший в историю дипломатии как пакт Молотова — Риббентропа. Он устанавливал, что к сфере интересов СССР относятся Прибалтика (включая Финляндию), вплоть до северной

¹ Советская Россия, 20 августа 2009 г.

границы Литвы (признавалась заинтересованность последней в Виленской области с городом Вильно, отторгнутой поляками в 1920 году) и территория Польши до линии рек Писсы, Нарева, Висла и Сена; подчеркивался также интерес СССР к Бессарабии. Две последние территории были захвачены у нас во время гражданской войны и Сталин, по крупицам собиравший разваленную царскую Россию, настойчиво добивался возвращения всех отторгнутых земель в состав своего государства. Главной причиной, побудившей Сталина пойти на подписание договора о ненападении с Гитлером, послужил отказ Великобритании пойти на заключение с нами серьезного и равноправного военно-политического оборонительного соглашения и информация о том, что Лондон тайно готовился подписать с Германией секретное соглашение о разделе мира и рейхсмаршал Геринг того же 23 августа должен был скрепить их своей подписью. История дает нам немало примеров вероломства англичан перед началом войн в Европе, когда они бросали своих союзников и примыкали к стану врагов, если они видели в этом для себя большую выгоду. Как поступит Британия — не знали ни в Берлине, ни в Москве, но путь к миру, пусть и к короткому, Советское правительство избрало верный. Пакт Молотова — Риббентропа означал провал большой политики Англии и Франции, проводивших в течение многих лет линию на сталкивание Советского Союза с Германией, и теперь тень войны нависла и над их странами.

Одновременно с политическим соглашением Советское правительство подписало с Германией и ряд торгово-финансовых соглашений, выведившее отношение двух государств на новый уровень, выгодный обеим странам. Советский Союз продавал Германии продовольствие и сырье, что, разумеется, представляло для Германии определенную ценность. Однако СССР делал эти поставки только потому, что взамен Германия передавала ему крайне необходимые для его обороны и промышленности машины и предметы вооружения. «На основании договора от 19 августа 1939 г., — пишет Б. Мюллер-Гиллебрандт, — было заключено соглашение о товарообмене с Советским Союзом, по которому СССР согласился поставлять продовольствие и сырье, а Германия — машины, корабельное оснащение, оружие и лицензии на производство важной в военном отношении продукции... Так в счет ответных поставок были переданы находившийся на оснащении тяжелый крейсер «Лютцов», корабельное вооружение, образцы тяжелой артиллерийской техники и танков, а также важные лицензии. Гитлер отдал распоряжение о предпочтительном осуществ-

лении этих поставок, к чему, однако, отдельные виды вооруженных сил, ввиду испытываемых трудностей в области вооружений, приступили без должной энергии»¹. Если поставить вопрос о том, что с точки зрения ведения войны представляет большую непосредственную ценность — сырье и продовольствие, поставлявшееся Советским Союзом Германии, или предметы вооружения, получаемые из Германии, то бесспорно, что поставки из Германии имели не меньшее, если не большее значение, чем поставки СССР. Следовательно, ни о каком умиротворении Германии в этом случае не могло быть и речи. Советский Союз не только осуществлял свое бесспорное право на внешнюю торговлю, но и использовал эту торговлю для укрепления своего оборонительного потенциала.

В тот исторический период времени упрочение стратегических позиций Советского Союза, его оборонной мощи отвечало интересам Англии не только в том смысле, что став впоследствии союзником Англии, СССР мог лучше выполнить свои союзнические обязательства, но и в плане отвлечения сил Германии на Восток в то время, когда СССР в войне еще не участвовал. Член английского парламента Артур Вудборн говорил в 1941 г.: «Все мы мало отдаем отчет в том, что великая мощь России, даже находившейся вне войны, являлась свинцовой гирей на ноге у Гитлера, которая помешала ему прыгнуть на нас»². Да и на закате своей жизни, незадолго до самоубийства, Гитлер говорил близкому окружению, что он не рискнул напасть на Англию только потому, что в тылу у него оставалась великая Россия, поведение которой ему не удавалось предугадать.

¹ Б. Мюллер-Гиллебранд. С. 64—65.

² Вопросы истории, №12, 1963, с. 61.

ГЛАВА III

Нападение Гитлера на Польшу и объявление Англией и Францией «странной войны» Германии. — Разгром Польши и вступление советских войск в Восточную Польшу — Вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР. — Советско-финляндская война. — Захват Гитлером Норвегии, Дании и Голландии и нападение на Францию. — «Дюнкерское чудо». — Капитуляция Франции

Перед нападением на Польшу, Гитлер 22 августа 1939 года собрал генералитет в Оберзальцберге и напутствовал их так: «Наша сила, — заявил он, — в быстроте и жестокости. Я издал приказ и расстреляю всякого, кто вымолвит слово критики против моей установки, которая заключается в том, что наши военные цели состоят не в достижении определенных границ, а в физическом уничтожении противника... Только таким образом мы добудем то жизненное пространство, которое нам необходимо. Вам, господа, открывается честь и слава, каких не видели века. Будьте тверды, будьте безжалостны! Действуйте!»¹ Восхищенный воинственной проповедью фюрера, Геринг вскочил на стол и исполнил жуткий танец варвара, в который он вложил все свое одобрение жестокостью Гитлера.

Области германской империи, Силезия, Померания и Восточная Пруссия, клещами охватывали западно-польскую территорию, заключающуюся в четырехугольнике городов Познань — Лодзь — Варшава — Быдгощ. При этом северная часть провинции Восточной Пруссии выступала далеко на восток за пределы территории Польши. Такое же опасное положение складывалось на юге, где после захвата поляками Тишинской области Чехословакии были созданы предпосылки для подобного охвата. Польское руководство ничего не сделало, чтобы улучшить стратегическое положение своих войск и на направлениях возможного вторжения немецких войск не создало необходимых группировок для его отражения.

В операции против Польши участвовало 62 дивизии вермахта, в том числе 7 танковых, 4 легкие и 4 моторизованные, имевшие на вооружении 2800 танков. Общая численность сил вторжения была доведена до 1200 тыс. человек и их поддер-

¹ Военная мысль, № 8—9, 1944, с. 65—66.

живало два воздушных флота¹. Было еще мобилизовано 2 млн. немцев на случай возможной войны на западе.

Необходимый для оправдания агрессии «инцидент» был без труда инсценирован эсэсовцами в виде «польского нападения на немецкую радиостанцию в приграничном городе Глейвиц». Польских солдат изображали 13 преступников, переодетых в польскую униформу. Все они, как только сделали свое дело, были тут же расстреляны на месте, а их трупы остались лежать специально для иностранных фоторепортеров.

Рано утром 1 сентября две группы германских армий начали одновременное наступление с юга и севера в общем направлении на Варшаву, чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг основных сил польской армии, не успевших занять оборонительные рубежи и подвергшихся в первый же день войны массированным бомбардировкам с воздуха, в которых участвовало до 2000 самолетов люфтваффе. Те слабые польские военно-воздушные силы, что имелись в польской армии, были сразу уничтожены на аэродромах, и польские солдаты оказались совершенно незащищенными от ударов с воздуха. В первом эшелоне у немцев действовало до 40 дивизий, в том числе все имевшиеся танковые и моторизованные соединения; следом за ним еще продвигалось 13 дивизий резерва.

Группа армий «Юг», которой командовал генерал-полковник Г. Рундштедт, в составе 33 дивизий, из которых 4 танковые и 2 моторизованные, наносила удар с территории немецкой Силезии в общем направлении на Ченстохов — Варшаву, и, обойдя столицу польского государства с юго-востока, должна была соединиться там с войсками, наступавшими с севера.

Группа армий «Север», которой командовал генерал-полковник Ф. Бок, в составе 21 дивизии, в том числе 2 танковых и 2 моторизованных, наступала с территории Померании и Восточной Пруссии также в направлении на Варшаву, чтобы замкнуть кольцо окружения вокруг польской столицы с северо-востока и соединиться там с войсками, действовавшими с юга.

Немецко-фашистским войскам противостояла группировка вооруженных сил Польши, которая создавалась в соответствии с планом «Захуд» («Запад»), разработанный накануне войны. Опрометчивое стремление к наступательным действиям в сочетании с крайней переоценкой своих реальных боевых возможностей привело польское военное руководство к составлению такого оперативного плана, который предусматривал сдерживание немецкого наступления на флангах и бы-

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, О. 977444, д.1, л.11.

строе продвижение польской кавалерии в центре; эта кавалерия должна была наступать на Берлин, чтобы напоить коней в Шпрее и Хафеле. В соответствии с этим замыслом в западной части Польши сосредотачивались многочисленные польские войска. Однако к моменту начала войны лишь около половины польских дивизий было выведено в предусмотренные для них районы сосредоточения; другие дивизии только начинали выдвижение, а в некоторых из них солдаты-запасники едва успели добраться до поездов, которые должны были доставить их к местам назначения. Но основной недостаток плана заключался в том, что его выполнение было поставлено в зависимость от помощи западных союзников — Великобритании и Франции — которые в течение всей войны ничего не предприняли для оказания военной помощи Польше.

На большинстве участков фронта польское сопротивление непосредственно у границ было быстро подавлено; танковые соединения немцев устремились в прорыв и в течение двух-трех дней далеко проникли в глубь страны. В тех районах, где немецкие дивизии наталкивались на польские войска, развертывались ожесточенные бои; во всех таких случаях превосходство немцев в вооружении и военном искусстве склоняло чашу весов в их пользу. Немцы окружали одно за другим польские соединения, дробили их на части и уничтожали. Бои местного значения продолжались до конца сентября, но то была лишь затянувшаяся предсмертная агония.

В первый же день вторжения гитлеровских войск в Польшу начальник Генерального штаба сухопутных сил Германии генерал Гальдер отметил в своем дневнике: «Запад: ничего нового. Никаких признаков всеобщей мобилизации (во Франции). Сроки стратегического развертывания удлинены на 48 часов. Граница со стороны Франции не закрыта»¹. А ведь Гитлер начал войну, оставив Западный фронт без танков и авиации и только с трехдневным запасом боеприпасов. Там находилось 33 германские дивизии (25 из них второго класса) против 70 французских дивизий с тремя сотнями танков и господством в воздухе².

3 сентября правительства Великобритании и Франции объявили Германии войну, но французы после этого даже не попробовали вступить в бой, а английские военно-воздушные силы ограничились разбрасыванием листовок над германскими городами.

¹ Ф. Гальдер. Военный дневник. Т. 1. М., 1968, с. 89.

² А. Буллок. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Т. II. Смоленск, 1998, с. 240.

В день объявления этой войны Гитлер, ни о чем не беспокоясь, отбыл на специальном поезде в Померанию и каждый день выезжал в места боев танковых и моторизованных дивизий, продвигавшихся в сторону Варшавы с темпом 80—100 км в сутки, решая для себя задачи, связанные с усилением бронетанковых войск и их взаимодействия с авиацией. В его голове уже созрело решение начать через несколько месяцев войну против Франции и Великобритании, и уже 7 сентября, как только обозначилась победа вермахта над польской армией, он распорядился готовить дивизии к отправке на запад.

12 сентября Гитлер, заслушивая главнокомандующего сухопутными войсками вермахта генерал-полковника В. Браухича о ходе польской кампании, поставил ему задачу разработать наступательную операцию против Франции, чтобы вывести «из строя ее армию, что заставит капитулировать и Великобританию»¹. С этого же дня началась быстрая переброска высвобожденных немецких дивизий с польского фронта на западный.

8 сентября германские войска прорвались к Варшаве, и польское правительство обороной столицы не руководило. И в этот же день Риббентроп послал Молотову телеграмму с требованием, чтобы советские войска оккупировали ту часть Польши, о которой было оговорено в секретном протоколе. Сталин не спешил с принятием такого ответственного решения. Он надеялся, что польское сопротивление будет нарастать, ведь вся история Польского государства полна героизма и мужества не ее панов из верховной власти, а простых людей, ее населяющих.

Руководители польского национального режима «санации», большинство которых были одновременно агентами прусской и австрийской разведок, бежали из страны: президент Игнаций Мосцицкий исчез из Варшавы в первый же день войны, главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы бежал из столицы в ночь на 7 сентября, и оборону города возглавила Рабочая бригада, вставшая во главе рабочих батальонов и поднявшая на борьбу с захватчиками все патриотические силы варшавян. Только 28 сентября, после страшных бомбардировок Варшавы, гитлеровцам удалось взять польскую столицу. Немецкие войска захватили огромные трофеи; значительная часть Варшавы была обращена в развалины; сгоревшие селения и фермы, разбросанные по польской равнине, как путевые знаки, указывали, что тут и там прошли немецкие танки и пролетели немецкие пикирующие бомбардировщики

¹ Ф. Гальдер. Военный дневник. Т. I. М., 1968, с. 131.

Только после того, как в Москве стало известно, что руководители Польши во главе с маршалом Э. Рыдз-Смиглы постыдно бежали из своей страны, Красная Армия 17 сентября перешла польскую границу и менее чем за неделю заняла восточную часть Польши. Советским войскам было дано указание ни в коем случае не применять оружие против польской армии, если она не станет вести бой. Запрещалось также обстреливать из артиллерийских орудий и бомбардировать с воздуха города и другие населенные пункты.

В оправдание того, что могли назвать неспровоцированным нападением на потерпевшую поражение страну, Москва опубликовала коммюнике, что «Советское правительство не может оставаться равнодушным к тому факту, что родственные украинский и белорусский народы, которые живут на польской территории, брошены на произвол судьбы».

Четвертый раздел Польши позволил Советской России вернуть бывшие территории, захваченные поляками в 1920 году. Более 12 млн. человек, в том числе 6 млн. украинцев, 3 млн. белорусов и около миллиона евреев были спасены от фашистской оккупации. В советскую зону бежали евреи со всей Польши, спасаясь от неминуемой гибели. В результате похода советская граница в этом районе была отодвинута на запад на 250—300 км¹.

24 сентября германское верховное командование опубликовало коммюнике, в котором сообщалось: «Польская кампания закончена. В ряде боев польская армия, насчитывающая миллион солдат, была разбита, взята в плен или уничтожена. Наиболее крупные и решающие бои происходили у изгиба реки Вислы. Ни одна дивизия польской действующей армии, ни одна резервная дивизия или отдельная бригада не смогла избежать своей судьбы»². Итоги войны исключительны по своим масштабам. По германским данным, было взято в плен 694 тыс. польских солдат и офицеров, при этом немцы якобы потеряли всего 10 572 человека убитыми. Огромные военные трофеи — по существу все вооружение и снаряжение развернутых против Германии польских армий — попали в руки немцев³.

Несколько сот лет подряд Польша не может похвастаться победой хотя бы в одном сражении, потому что ее армия была всегда раздираема изменой и предательством, корнями уходящему к польским королям и их последователям, но ее ру-

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 3. М., 1975, с. 357.

² Военно-исторический журнал, № 1, 1940, с. 72.

³ Там же, с. 73.

ководители научились извращать ход исторических событий и всю вину за поражения и утраты сваливать на соседей ближних и дальних, находя в этом странное искупление своей вины перед собственным народом.

После захвата гитлеровской Германией Польши и овладения Советским Союзом восточными польскими землями, У. Черчилль заметил, что «Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть»¹. Он предвидел неизбежность столкновения Советского Союза с фашистской Германией предсказывая, что «Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Германия обосновалась на Черном море или чтобы она оккупировала Балканские страны и покорила славянские народы Юго-восточной Европы. Это противоречило бы исторически сложившимся жизненным интересам России».

12 октября 1939 года Гитлер специальным декретом большую часть польской территории — польскую Силезию, Великую Польшу, Поморье, и некоторые районы Лодзинского и Варшавского воеводств — включил в состав Германской империи. Позднее к Третьему рейху были присоединены районы Сувалок (1940 год), Цеханова (1941 год) и Белосток (1942 год). Гитлеровский функционер, прибывший в Варшаву исполнять должность генерал-губернатора, заявил о цели политики Третьего рейха: «Отныне, политическая роль польского народа закончена. Он объявляется рабочей силой, больше ничем... Мы добьемся того, чтобы стерлось навеки само понятие Польша. Никогда уже не возродится Речь Посполитая или какое-либо иное польское государство»².

После оккупации Польши Гитлер, выслушав панегирики приближенных, недолго оставался в покое. Он уже не мог жить без войны, и его изощренный ум искал новые военные цели, при выполнении которых он испытывал крайнее возбуждение, как и всякий игрок, поставивший на карту все свое состояние. Его самыми доверительными собеседниками были Гесс и Геринг, с благоговением выслушивавшие своего патрона, и всегда поддерживавшие все военные начинания фюрера.

¹ Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Кордэлла Хэла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М., 1990, с.17.

² Военно-исторический журнал, № 1, 1960, С.83—84.

Голова Гитлера все время была занята переделом границ Европы, и стоявший в его огромном кабинете большой глобус и развешенные карты Европы давали ему возможность не только мысленно, но и зрительно окидывать просторы, на которых разыгралась его безграничная фантазия. Во многих странах у него были пламенные почитатели, и когда он начинал военную кампанию против соседних государств, то все его разведывательные органы всегда опирались на разветвленную и организованную сеть идейных пособников Гитлера, помогавших вермахту быстрее свергнуть собственное правительство и сокрушить мощь своей армии. В Австрии и Чехословакии эти силы сделали больше, чем военные усилия вермахта, почти мирно оккупировавших эти государства. В быстром поражении Польши огромная доля вины лежала на соратниках Пилсудского, служивших, как и он, не своей стране и бежавших из нее в трудный для польского народа час. Но многое для поражения Польши сделали и немцы, проживавшие в ней. Все немцы в Польше были объединены в так называемую Лигу немцев в Польше. Члены этой Лиги были настроены экстремистски и считали, что они должны помогать вторжению гитлеровской армии. Среди наиболее активных членов Лиги были созданы «ударные подразделения», которые приняли участие в боевых действиях немецких войск в Польше¹. Кроме того, местные немцы широко использовались в качестве проводников войск, для организации местной администрации, в контрразведке и других органах.

Не было почти ни одной страны, где бы немцы после 1933 года не объединялись под знаком свастики. Немецкие подрывные и разведывательные организации за границей были очень эффективны, и все они оказывали Гитлеру большую помощь в его информационной войне против населения европейских стран, которые он хотел завоевать или вовлечь в сферу своего влияния. Успех Гитлера в Судетской области и в Австрии был обеспечен нацистскими партиями, представлявшими, прежде всего, германские пятые колонны в этих странах. Имелся еще десяток таких стран в Европе, где немецкое национальное меньшинство было готово стать политической, а затем и военной пятой колонной фашистской Германии.

Пока Гитлер купался в лучах славы и разрабатывал планы нападения на Францию и Англию, Сталин спешил по всему западному направлению стратегически улучшить положение Советского Союза в предстоящей схватке с Гитлером, добиваясь

¹ Л. де Йонг. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М., 1958, с. 20—21.

от гитлеровского руководства все новых территориальных уступок. Он перестал доверять Франции и Англии и усилил давление на близлежащие страны, граничащие с Советским Союзом, чтобы побудить их к заключению добрососедских договоров о нейтралитете, или взаимопомощи и сотрудничеству, если кто-то из них подвергнется нападению со стороны Германии. Такие предложения нескончаемой чередой поступали в правительства Турции, Болгарии, Румынии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, но нигде они не находили благожелательной поддержки из-за открытого противодействия Германии, Франции и Англии. Политика восточноевропейских государств в то время строилась с оглядкой как на Германию, так и на Францию и Англию, которые игнорировали вековые и глубокие связи этих стран с Россией. Их пугала не сама Россия, а политическая строй в ней, где существовала подлинная свобода и равенство людей, где люди труда олицетворяли собой власть, и где был наложен запрет на обогащение.

Но как только Германия напала на Польшу, Сталин не стал терять отпущенное ему мирное время и решительно приступил к блокированию всех возможных путей, способных связать прибалтийские страны и Финляндию с Германией и поработанной Гитлером Европой. Одно из этих направлений шло из Восточной Пруссии через Прибалтийские государства, второе — через воды Финского залива и третье — через Финляндию и Карельский перешеек и заканчивалось у советской границы, отстоявшей от Ленинграда всего на 32 километра. Эти направления были блокированы советской стороной. К блокаде, введенной Англией сразу же после нападения фашистской Германии на Польшу, добавилась советская блокада, которая стала удушающей петлей для экономик Эстонии, Латвии и Литвы, а Финляндия, пользуясь поддержкой Швеции, сумела избежать экономического и торгового голода и продолжала поддерживать тесные связи с гитлеровской Германией. Одновременно с этими мерами, Советское правительство предложило Эстонии, Латвии и Литве открыть советский необъятный рынок для торговли и товаров, но требовало взамен права занять своими войсками порты, аэродромы и другие важные пункты на территории этих государств, которые, в случае захвата фашистской Германией, угрожающе нависали над всеми западными областями Советского Союза и Ленинградом. Большая война в Европе была неизбежна и в столицах прибалтийских государств правительства и народ предпочли союз и сотрудничество с Советским Союзом, спасавшие их от голода и нищеты, возможности быть раздавленными гитле-

ровской Германией в скором будущем. В Европе с ужасом говорили о зверствах, совершенных германскими войсками в Польше, и никто не хотел попадать под уничтожающую нацистскую машину Гитлера.

24 сентября в Москву был приглашен министр иностранных дел Эстонии, и спустя четыре дня эстонское правительство подписало акт о взаимопомощи, по которому войскам Красной Армии предоставлялось право разместить свои гарнизоны на базах в Эстонии¹. Та же процедура была применена к Латвии и Литве, и Советский Союз вписал в свой актив одно из важнейших политических решений, послужившее укреплению обороны Советского государства при нападении на него фашистской Германии. Группа армий «Север» в течение двух месяцев с тяжелыми боями преодолевала эти территории и истощила на этом пути свои силы, и их не хватило для захвата Ленинграда.

Особенно искусно была проведена политическая работа вокруг Литвы. Эта небольшая страна по пакту Молотова — Риббентропа входила в сферу влияния Германии, и Сталин считал это угрожающим фактором для Балтийского коридора и серьезной угрозой для советских войск, дислоцированных в Восточной Польше и Белоруссии. Он воспользовался необходимостью уточнения договорных условий, на которых шел раздел Польши, и Москва 27 сентября пригласила Риббентропа, чтобы пересмотреть в пользу Советского Союза сферы дальнейшего влияния двух стран и окончательно уточнить свои границы. Вместо Молотова переговоры вел сам Сталин, и он без всяких обиняков заявил Риббентропу, что Москва настойчиво требует включить в сферу своего влияния Литву. В обмен Сталин предлагал Германии ряд незначительных районов в восточной части Польши, занятых советскими войсками. В свою очередь, Риббентроп еще в Берлине обещал литовцам вернуть им Вильнюс, их древнюю столицу, захваченную поляками в 1919 году, но в Москве ему стало известно, что в нем уже находятся советские войска. Незадачливому министру иностранных дел Германии ничего не оставалось, как сослаться на необходимость проконсультироваться с Гитлером. Сталин продолжал «обхаживать» Риббентропа и устроил в честь него торжественный обед в Кремле, не уступавший по своей пышности былому царскому гостеприимству. На этом обеде нескончаемой чередой звучали хвалебные оды в честь Риббентропа и Гитлера; дело того стоило.

¹ Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Кордэлла Хэла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М., 1990, с. 30.

Польщенный обходительностью Сталина и оказанным ему приемом, Риббентроп сумел уговорить Гитлера пойти на этот обмен, невыгодный для Германии и исключительно важный для Советского Союза.

На очереди была Финляндия, где большинство правящего класса тайно сотрудничало с германскими нацистами, и это особенно настораживало Москву, потому что в Первую мировую войну финская территория стала открытой для нахождения там войск кайзеровской Германии, да и само финское правительство проявляло враждебность к Советской России. Президент П. Свинхувуд, продолжая прежнюю политику, заявлял: «Любой враг России должен всегда быть другом Финляндии»¹.

Сталин опирался на историю и знал, что финские правящие круги из века в век в годы войны всегда примыкали к врагам России, хотя сама Финляндия в мирные периоды своего существования от союза и сотрудничества с русскими и Россией имеет основные политические и экономические выгоды. Не будь этой извечной исторической константы, Финляндия могла бы и раствориться среди северных немцев, и ее существование без поддержки России могло бы и прекратиться.

Думая о неизбежности столкновения с фашистской Германией, Советское правительство стремилось наладить отношения с Финляндией, или договорится с финским правительством о демаркации государственной границы, целью которой было отодвинуть финскую границу на север и снять угрозу Ленинграду. В апреле 1938 года Советское правительство предложило правительству Финляндии начать переговоры о заключении пакта о взаимопомощи, но реакционные финские круги сорвали эти переговоры и стали открыто готовиться к войне. Самым воинственным и непримиримым противником Советской России, был финский немец Карл Маннергейм, который до 1917 года состоял в близком окружении русского царя Николая II и был членом «немецкой партии войны» в Петербурге, которая втянула Россию в Первую мировую войну в качестве германской жертвы. Он много сделал, вместе с другими пруссаками в окружении царя, чтобы русская армия потерпела в той войне поражение. В нацистских кругах этот пруссак занимал особое место, и сам Гитлер 4 июня 1937 года приехал в Финляндию, чтобы лично поздравить генерала Маннергейма с семидесятилетием и поблагодарить его за верность фатерлянду и рейху.

Граница с Финляндией проходила в 32 километрах от Ленинграда, и с началом войны город мог подвергнуться мас-

¹ Советская Россия. Отечественные записки №20. 26 ноября 2009 г.

сированному артиллерийскому обстрелу, кроме того, здесь нужно было всегда держать крупные оборонительные силы, чтобы северная столица могла отразить вторжение. В марте 1939 года Финляндия отказалась сдать Советскому Союзу в аренду ряд островов в Финском заливе, взамен которых Советское правительство предоставляла финнам в два раза больше территории в Карелии и на полуостровах Рыбачий и Средний. Эти предложения были завышенными, но выдвигая их, Сталин надеялся исключить участие финской армии в войне на стороне гитлеровской Германии, хотя движение к этому просматривалось все отчетливее. Летом 1939 года Финляндию посетил начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Гальдер, и он инспектировал линию Маннергейма, которая была сооружена под руководством немецких инженеров. Советскому правительству было хорошо известно, что тяжелая артиллерия, установленная в 32 км от советско-финской границы, была доставлена из Германии, а на территории Финляндии «было сооружено 23 аэродрома, способных принять в десять раз больше самолетов, чем то, которое имела финская армия»¹.

После победы над Польшей воинственная натура Гитлера могла бросить военную силу Германии в любую сторону, и Финляндия могла легко стать плацдармом для антисоветских действий как со стороны немцев, так и британцев и французов. Наконец, Финляндия могла стать той разменной монетой, какой стала Польша накануне своего крушения, «превратившись в науськивающую на Советский Союз страну и застрельщика большой войны». Безрассудные руководители Финляндии позволили вовлечь свою страну в тяжелую и опасную международную авантюру и вместо упрочения дружественных отношений с СССР лишь накаляли обстановку.

Вместо добрососедских уступок и продолжения переговорного процесса, финское правительство объявило в стране мобилизацию и страна начала открыто готовиться к войне с Советским Союзом. А те переговоры, которые проходили в Москве и Хельсинки, финскими политиками велись высокомерно и вызывающе, что побудило всегда сдержанного Председателя Советского правительства В. Молотова сказать финским представителям: «Вы сознательно срываете переговорный процесс. У нас нет больше слов. Пусть нас рассудит гром орудий!»

Накануне Советско-финской войны Гитлер сообщил финскому послу в Берлине, что требования Москвы разумны, и их

¹ Л.П. Лавров. История одной капитуляции. М., 1964, с. 160.

надо выполнить. Одновременно он официально заявил, что в случае войны Советского Союза с Финляндией Германия будет поддерживать нейтралитет. Шведский исследователь Свен Хедин, зондируя почву относительно судьбы Финляндии и других небольших государств в Европе, встречаясь в Берлине с Герингом 15 октября 1939 года, услышал от него жуткую исповедь: «Если война станет испытанием силы, в которой ставкой будет жизнь и свобода, боюсь, что судьба нейтралов будет печальна. Вследствие неблагоприятной географической ситуации Голландии и Бельгии их дни будут сочтены. Судьба малых стран Балтии тоже предрешена. Финляндия будет присоединена к России, которая также оккупирует Румынию. Югославия будет разделена. Положение Турции неопределенно, поскольку Сталин, подобно всем своим предшественникам — русским государственным деятелям, желает получить Дарданеллы»¹.

Войну с Финляндией военные руководители Советского Союза недооценили. Маршал К. Ворошилов и другие высокопоставленные генералы убедили Сталина, что для разгрома Финляндии достаточно привлечь одну 7-ю армию Ленинградского военного округа и поддержать ее боевые действия авиацией округа и Балтийским флотом. Советская разведка не владела объективной информацией о силе финской армии и считала ее слабой. В действительности финская армия насчитывала более 600 тысяч человек, и накануне войны и в первые ее недели финской армии западными державами было передано 350 самолетов, 500 орудий, свыше 6 тысяч пулеметов и много другой военной и материальной помощи². Из Западной Европы прибыло более 11,5 тысяч вооруженных добровольцев, а Франция и Англия готовились к отправке в Финляндию экспедиционного корпуса.

Основу военной мощи Финляндии составляли уникальные фортификационные сооружения — линия Маннергейма. Здесь были умело использованы особенности озерного края и лесисто-пересеченной местности. Оборонительный рубеж имел глубину 90 км. Толщина стен и перекрытий дотов из железобетона и гранита достигала 2 м. Поверх дотов на земляных насыпях толщиной до 3 м рос лес. На все трех полосах линии Маннергейма насчитывалось 1000 дотов и дзотов, из которых 296 представляли собой мощные крепости.

Зимняя война началась 30 ноября, и советские войска наносили главный удар на Карельском перешейке. Здесь раз-

¹ В. Таннер. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. М., 2003, с. 118.

² Советская Россия, 26 ноября 2009 г.

вернулись самые тяжелые бои, долгое время не приносившие Красной Армии никакого успеха, кроме больших потерь. Избрав традиционный способ прорыва финской обороны пехотой, плохо поддержанной артиллерией, и совсем неумело авиацией, войска 7-й армии под командованием К. Мерецкова за три недели боев продвинулись на ряде участков на глубину 25—60 км в приграничном предполье и были остановлены у переднего края главной полосы обороны линии Маннергейма. Неоднократные попытки прорвать ее с ходу успеха не имели. Война принимала затяжной характер, в то время как Советскому правительству стало известно, что премьер-министр Франции Даладье 19 декабря предложил Высшему совету союзников проект военной интервенции через Финляндию путем отправки туда союзных сил, который был отклонен англичанами. Даладье стремился взорвать непрочный мир на Востоке, чтобы отвести большую войну от Запада. Идеология здесь была вторична. Несмотря на объявленную войну Германии, Франция ее не вела, и ее правительство усиленно готовило к отправке в Финляндию экспедиционный корпус и «одновременно предлагало Великобритании осуществить военно-морскую операцию против Советского Союза, имеющего своей целью перекрыть коммуникации, связывающие советские войска, укрепившиеся в районе Петсамо, с Мурманском»¹.

Все эти тревожные события заставили Сталина активно вмешаться в Советско-финскую войну и бросить на ее завершение главные силы Красной Армии. 7 января 1940 года на Карельском перешейке был создан Северо-Западный фронт, который возглавил генерал армии С. Тимошенко. На этот раз были мобилизованы все ресурсы Красной Армии. 15 января советская тяжелая артиллерия начала массированный, продолжавшийся шестнадцать дней, обстрел линии Маннергейма. В наступление на узком участке фронта были брошены тысячи танков и 21 стрелковая дивизии, в которых числилось около 150 тыс. офицеров и солдат. Только 17 февраля советским войскам удалось осуществить прорыв — финская армия не располагала больше пополнениями для измотанных войск. 22 февраля Маннергейм отвел свои войска на новые позиции.

Сообщения о том, что англичане и французы намерены вмешаться в войну, усилили растущую обеспокоенность Сталина ее последствиями — начавшись как местный конфликт, она грозила стать частью всеобщей войны, которая пока что тлела в Европе. По предложению Сталина Советское прави-

¹ Л.П. Лавров. История одной капитуляции. М., 1964, с. 157—158

тельство, не теряя престижа, обратилось к финскому правительству с предложением возобновить переговоры о мире и одновременно, после небольшой паузы, советские войска в конце февраля начали новое мощное наступление. В начале марта им удалось охватить Выборгскую группировку финнов с северо-востока, а затем, форсировав Выборгский залив, обойти Выборгский укрепленный район с северо-запада, и полностью очистить его от противника к утру 13 марта. Падение линии Маннергейма и разгром основной группировки финских войск поставили Финляндию на грань поражения.

В первых числах марта правительство Финляндии само обратилось к Советскому правительству с просьбой о мире. И хотя СССР имел полную возможность занять своими войсками всю Финляндию, Сталин ограничился минимальными требованиями, необходимыми для обеспечения безопасности северо-западных границ. У западных лидеров, признавших после Советско-финской войны умеренность СССР в территориальных притязаниях к другим странам, рассеялись опасения по отношению к Сталину.

Мир, подписанный в Москве 12 марта, отодвигал границу на Карельском перешейке на 150 км от Ленинграда. СССР была передана часть территории на полуостровах Средний и Рыбачий и предоставлен в аренду на 30 лет полуостров Ханко. СССР обязывался вывести свои войска из района Петсамо¹.

Победа над Финляндией была достигнута большой ценой. Наши потери убитыми, умершими, пропавшими без вести составили 126 875 человек. Из них убитых — 65 384 человек. Потери финских войск убитыми — 48,3 тыс. человек.

Но подлинный ущерб Советскому Союзу принесло падение престижа Красной Армии как военной силы. Военные ведомства в Лондоне, Париже и Вашингтоне списали Советскую Россию как военную державу. Правительства Англии и Франции, анализируя итоги Советско-финской войны, сделали вывод, что их опора на Восточный фронт не имеет перспектив, и они стали избегать сотрудничества с Советским Союзом, и одновременно подталкивать Гитлера к разгрому слабого противника.

Война советскими генералами велась бездарно, на основе опыта Первой мировой войны, тактика и оперативное искусство которой устарели. Выстроенную оборону финской армии командующие армиями и командиры корпусов и дивизий пыгались прорвать одной пехотой, плохо поддержанной ар-

¹ История внешней политики СССР. Ч.1. М., 1966.

тиллерией и танками и еще хуже авиацией. Пехота, артиллерия, танки, авиация действовали в той войне не как одно целое, а разрозненно, и эта болезнь была присуща Красной Армии и в начале Великой Отечественной войны.

Все что применил германский вермахт в войне с Польшей: массированное применение танков и массированное применение авиации, действовавших как единое целое — осталось для советских генералов незамеченным. Повсеместно шла недооценка артиллерии, а если она и применялась, то большей частью для поражения наземных целей в глубине обороны противника, а не для непосредственной поддержки атакующей пехоты. Боялись поразить свою пехоту, а то, что она массово гибла при прорыве оборонительных позиций — списывали на врага. Авиация не училась работать в интересах ближнего боя, и ее роль была принижена и оторвана от боевых действий сухопутных войск. Управление войсками и материально-техническое обеспечение войск находилось на уровне гражданской войны, и должных выводов народный комитет обороны до нападения фашистской Германии на Советский Союз так и не сделал.

После плохо проведенной Советско-финской войны наркомат обороны Красной Армии медлил с изучением боевого опыта и совершенно не занимался устранением ошибок при использовании различных родов войск и специальных войск в бою и операции, наивно полагая, что война уже многому научила командный состав. А вот в Германии для войск вермахта был подготовлен обзор под названием «Из опыта Русско-финской войны», который, по указанию главнокомандующего сухопутными войсками, осенью 1940 года был направлен во все нижестоящие штабы вплоть до дивизии. В обзоре обобщалась тактика советских войск в наступлении и обороне, приводились конкретные примеры их действий, давалась им оценка. В частности, обращалось внимание на умение советских военнослужащих быстро и основательно окапываться, а также на то, что после этого их трудно было выбить с занятых позиций. Сообщалось, что финны поэтому контратаковали остановившегося противника сразу, не давая ему закрепиться, что обычно приносило им успех. В отчете подчеркивалось упорство советских войск в обороне, но одновременно отмечалась ее небольшая глубина, неумелое использование местности, плохая маскировка. Указывалось на однообразие и большую длительность советской артиллерийской подготовки. Это позволяло финнам уходить из под обстрела, а затем возвращаться на старые позиции в полной готовности к отражению атаки. Отме-

чались также многие недостатки в организации советским командованием наступления: плохая разведка, демаскирующий шум танков в выжидательных районах, отсутствие четкого взаимодействия между сухопутными войсками и авиацией и т.д. Командование вермахта предполагало, что опыт Советско-финской войны с пользой будет применен при подготовке немецких войск к операции «Барбаросса»¹.

Пока шла Советско-финская война, Гитлер готовился к нападению на Францию, и чтобы исключить вмешательство Англии на континенте, он разрабатывал операции по захвату Дании, Голландии и Норвегии.

Норвегия и Дания принадлежали к тому типу государств, где нацистская пропаганда одерживала верх над национальной политикой, для которой вечными ценностями являются отстаивание суверенитета и независимости своей страны. В этих странах, в среде правящего класса и в политических партиях, шло сильное брожение, и многие влиятельные государственных чиновников стали или откровенными коллаборационистами, или их пособниками. Все они с воодушевлением ждали появления в своей стране сил вермахта, чтобы открыто возглавить движение в поддержку гитлеровской Германии на европейском континенте. Целью оккупации Дании и Норвегии стало стремление Гитлера к завоеванию морских и воздушных опорных пунктов для усиления позиций Германии в войне против Англии и Франции. Особое внимание отводилось завоеванию военно-морских баз этих государств. Их захват обеспечивал надежный выход немецкому флоту и подводным силам из узкой «немецкой бухты», а также свободный выход в Северную Атлантику и доставку шведской железной руды через Нарвик вдоль норвежского побережья в Германию². Этих целей намечалось достичь внезапным нападением, без применения в широких масштабах военной силы и без боя, чтобы одновременно занять Данию и все норвежское побережье от Осло до Нарвика, упреждая возможное вмешательство англичан и французов. При этом было предусмотрено, что в Норвегии немцам могло быть оказано сильное сопротивление, и для ее завоевания были выделены достаточные силы вермахта. Оккупацию Дании предполагалось осуществить одновременно с оккупацией Норвегии, и «по возможности, в согласии с датским правительством». После оккупации немецкие войска должны были взять на себя защиту датского нейтралитета.

¹ Военно-исторический журнал, №5, 1989, с. 69—70.

² ЦАМО РФ. Ф. 15, О. 11600, д. 882, л. 3.

Норвегия представлялась более сильным противником и большие трудности для немецкого командования представляла переброска за 2000 км немецких войск на важнейшие пункты укрепленного побережья Норвегии, труднодоступные в силу своих природных условий. Нельзя было не считаться с английским флотом, господствовавшим в Норвежском море.

Разработка плана захвата Дании и Норвегии сначала была возложена на Генеральный штаб, но там оказалось так много сомневающихся в успехе, что к ним примкнул и Кейтель. Гитлера осенила идея поручить разработку плана операции непосредственному ее исполнителю, генералу фон Фолькенхорсту, который быстро разработал смелую и рискованную операцию, отвечающую духу Гитлера и тот сразу назвал ее «самым дерзким мероприятием в истории»¹. 1 апреля, в полдень, в имперской канцелярии в Берлине после короткого обсуждения плана операции с Герингом, Редером, Кейтелем и фон Фолькенхорстом Гитлер в качестве дня «X» утвердил 9 апреля. Операция готовилась с величайшими предосторожностями и скрытностью, и относительно настоящих ее целей все участники были сознательно введены в заблуждение. Немцы спешили с ее проведением, так как им стало известно, что англичане и французы намерены в марте провести десантную операцию в Норвегии. Но Гитлеру неизвестно было высказывание У. Черчилля, сказанное им на заседании правительства, что «...мы больше выиграем, чем проиграем, от нападения Германии на Норвегию и Швецию»². Глубокий и аналитический ум подсказывал Черчиллю, что чем больше Гитлер будет расплывать силы, тем меньше у него будет шансов навязать Англии свою стратегию.

Оккупация Дании прошла легко, без пролития крови. Начавшиеся в 5 часов утра 9 апреля переговоры немецких посланников с датским правительством в Копенгагене, как и предвиделось, через короткое время закончились принятием германских условий — безоговорочной капитуляции. Датское правительство и король приказали датским войскам не оказывать сопротивления и уже к вечеру все важнейшие пункты страны, порты, гарнизоны и аэродромы находились в руках немцев³. Коллаборационисты ликовали, они пришли к власти и стали служить захватническим целям Гитлера.

Завоевание Норвегии проходило в более сложных условиях, так как в судьбу этой страны вмешались англичане и французы, и хотя их усилия не дали того результата, на кото-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15, О. 11600, д. 882, л. 5.

² История Второй мировой войны. 1939—1945, т. 3. М., 1975, с. 74.

³ ЦАМО РФ. Ф. 15, О. 11600, д. 882, л. 26.

рый рассчитывали в Лондоне и Париже, но они способствовали тому, чтобы в Англии, в ее правящих кругах, произошло резкое размежевание между теми, кто хотел и дальше потворствовать агрессивной политике Гитлера и его непримиримыми противниками во главе с Уинстоном Черчиллем, который в разгар германо-норвежской войны возглавил правительство Великобритании. Это было событие поважнее завоевания немцами Дании и Норвегии. В лице Черчилля мир приобрел непримиримого борца с фашистской идеологией, который поднимет неисчислимые силы британской империи на войну с Гитлером, и это будет знаменательным событием в ходе Второй мировой войны.

Супрямством, свойственным большинству англичан, Черчилль призывал соотечественников к решительной и смертельной борьбе с гитлеровской Германией. Его речи было сродни факелу для людей, бежавших в ночи, и искавших верного пути к спасению. Правительство, которое он возглавил, было коалиционное, и в нем министрами оставались Чемберлен, Галифакс и Вуд, одобрявшие Мюнхенское соглашение и разделявшие, вместе с большей частью влиятельных людей в Англии, идею дальнейшего сотрудничества с Гитлером, а не противоборства. И силу этого прогитлеровского крыла в правящих кругах Лондона не скрывал и сам Черчилль в своем письме к Рузвельту: «Я не могу отвечать за своих преемников, которые в условиях крайнего отчаяния и беспомощности могут оказаться вынужденными выполнить волю Германии»¹.

Десантные войска гитлеровской Германии, численностью в три дивизии, перебрасывались в Норвегию на военных кораблях и самолетах, чтобы с ходу захватить города Осло, Кристиансунн, Ставангер, Берген, Тронхейм и Нарвик. 5 апреля вышедшая первая группа германских эсминцев, имевших на борту горно-стрелковые войска для высадки в Норвегии, были замечены английскими разведывательными самолетами, и они сопровождали их на всем пути. Немцы ожидали разгрома от встречи с английской эскадрой, но движение немецких военных кораблей английское командование приняло не за переброску войск, а рассматривало как мероприятие, направленное против их подготовки к высадке десантных войск.

Англичане медлили с собиранием своих военно-морских сил, и они ограничились постановкой минных заграждений на пути немецкой эскадры между Тронхеймом и Бергеном, что не помешало немцам достичь намеченной цели. Строго

¹ Д. Балтер. Большая стратегия. Т. II. М., 1958, с. 234.

в соответствии с планом операции, рано утром 9 апреля началась высадка немецких десантных войск в портах Нарвика, Тронхейма, Бергена, Ставангера, Эгерсунна, Кристиансунна и Арендаля. В Осло немецкие войска смогли прорваться только к 9 часам утра¹. За несколько дней немцы смогли овладеть наиболее важными портами и административными центрами Норвегии, но англичане в середине апреля попытались выбить немецкий десант из стратегически важного района Нарвика, где немецкая авиация еще не могла проявить большой активности из-за удаленности аэродромов. Однако высаженные в Намсусе, Ондальснесе и Харстаде, а потом и в Нарвике английские и французские десанты числом около дивизии в каждом порту, хотя и действовали несогласованно и разрозненно — все же могли бы заставить немцев покинуть Северную Норвегию, если бы 10 мая не началось наступление немецких войск на западе против Франции. Война вступала в новую важную фазу, и сейчас надо было думать об усилении обороны самой Англии и спасении Франции. Оставляя Норвегию, англичане сумели нанести существенный урон военноморскому флоту немцев, так что победа досталась тем дорогой ценой. В морском сражении в Нарвик-фиорде были потоплены девять германских миноносцев, а три крейсера получили тяжелые повреждения.

10 мая 1940 года, в день начала наступления вермахта на западе, с целью оправдать варварские налеты германской авиации на города Бельгии и Голландии, гитлеровцы совершили чудовищную провокацию. Германская авиация подвергла бомбардировке университетский город Германии Фрейбург. Были разрушены женский пансионат, больница. По сообщению фашистской прессы, в городе было убито 24 человека. Этот провокационный налет был приписан авиации Бельгии и Голландии и использован как предлог для налета на эти страны, а также и для оправдания варварских действий немецко-фашистских властей против народов других стран. Гитлеровское правительство угрожало, что в случае налетов вражеской авиации на немецкие города последуют пятикратные налеты люфтваффе на города противника².

Отвлекающие удары Гитлера по Дании, Голландии и Норвегии не насторожили правительство Франции, хотя предупреждения о готовящемся нападении немцев непрерывно поступали в Париж.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15. О. 11600, Д 882, л. 29.

² Вопросы истории, №1, 1966. с. 66.

Накануне Второй мировой войны Франция переживала длительный период экономического застоя. Достаточно сказать, что в 1938 году она добывала столько же угля, сколько и в 1913 году, а чугуна и стали выплавлялось даже меньше по сравнению с тем же периодом. В целом, объем промышленной продукции в 1938 году был на 8% меньше, чем в 1913 году¹. Страной управляли «200 семейств», сплотившихся в финансовую олигархию, и они меньше всего думали о развитии индустриальной базы; извлечь как можно быстрее прибыль было их главной целью, и они достигали этого путем размещения капиталов за рубежом. В канун войны они организовали бегство капиталов из Франции, что нанесло мощный удар экономике страны и нормальному функционированию всей государственной системы.

Объявив войну Германии, Англия и Франция ее не вели, и они ничем не провоцировали Гитлера — ни бомбежками городов и сосредоточений войск, ни задержанием германских судов в море — ведь английский флот был сильнее германского в несколько раз, а вместе с французским они господствовали в Атлантике. Гитлер в личных встречах с Чемберленом и Даладье хорошо изучил их характеры и знал их безволие и бесхребетность, что совершенно справедливо позволяло ему говорить о руководителях Англии и Франции того времени: «Если они и объявили войну, то это еще не значит, что они будут ее вести»². В это время и в самой Франции среди правящего класса существовало три основных течения, по-разному относящихся к войне. К первому принадлежал круг влиятельных лиц во главе с Анри де Кериллиса, или Марэна, которые считали, что война есть извечное соперничество между французами и немцами за лидерство на Европейском континенте и этим положением можно временно и поступиться. Их деятельность носила скорее декларативный характер, и они не имели большого влияния в обществе. Совершенно в другом ключе действовала группировка мюнхенцев во главе с Жоржем Бонне, Фланденом и другими политическими деятелями, твердо стоявших на позициях сговора с фашистским агрессором. И было еще третье, основное течение в политической жизни Франции, в которой сформировалась и открыто действовала пятая колонна, лидерами которой были агенты германской разведки типа Лавалья, Дорио, де Бринона, требовавшие сговора с Гитлером и установления в стране тоталитарного режима наподобие про-

¹ ЛП. Лауров. История одной капитуляции. М., 1964, с. 21.

² Там же, с.101.

фашистских режимов в Германии и Италии¹. Их духовным отцом был маршал Петен, и они чувствовали поддержку своих политических взглядов 200 богатыми семействами Франции, что делало приверженцев двух последних течений хозяевами положения в стране.

Самые пораженческие настроения во Франции исходили от военных руководителей армии и флота, перевозивших боевую мощь вермахта и разуверившихся в способностях французской армии противостоять ему в войне. Маршал А. Петен, адмирал Ж. Дарлан, генералы М. Вейган и Ж. Вьюменен распространяли пораженческие настроения не только в военной среде, но и среди членов правительства, и они надломили их волю к сопротивлению.

Французское командование надеялось обеспечить безопасность своих границ пограничными укреплениями с полумиллионной армией, вооруженной в значительной степени устаревшей материальной частью. Вместо того чтобы перевооружить армию современными средствами вооруженной борьбы, насытить ее автотранспортом с целью повышения ее подвижности, подготовить промышленность на случай мобилизации и увеличить общую численность армии, французское правительство пошло по другому пути. Оно свелось к разработке оборонительной доктрины, в основу которой были положены оборонительные действия на базе прочно укрепленных пограничных рубежей. За несколько месяцев до начала Второй мировой войны на совещании английских и французских военных штабов (в апреле 1939 года) «было решено, что на первом этапе война будет носить со стороны Англии и Франции оборонительный характер»². При этом считалось, что подобная стратегия не потребует массовых количеств новых подвижных средств борьбы³. Другими словами, Франция стала придерживаться преимущественно оборонительной военной идеологии, что наложило свой отпечаток на состояние вооруженных сил и воспитание командного и рядового состава. Отсюда необычайная, почти слепая, вера в решающее значение обороны на линии Мажино. Остается непреложным фактом, «что командование как французской, так и английской армий верили в миф о невозможности для Германии предпринять крупное наступление через Арденны»⁴. О своей

¹Л.П. Лавров. История одной капитуляции. М., 1964, с. 105, 106.

²А.М. Некрич. Война, которую назвали «странной». М., 1961, с. 21.

³Военная мысль, № 2—3, 1946, с. 91.

⁴Э. Дж. Кингстон-Макклори. Руководство войной. Анализ роли политического руководства и высшего военного командования. М., 1957, с. 109.

армии французское правительство проявляло мало заботы. Лучшие танки оно отправляло в Польшу, Турцию, Румынию и Югославию с расчетом их применения не столько в войне с Германией, сколько в войне против Советского Союза.

Нельзя при этом забывать, что до 10 мая Франция и Англия уже восемь с лишним месяцев находились в состоянии войны с Германией, их войска были отмобилизованы и занимали боевые оборонительные позиции, в том числе линию Мажино. Англо-французы видели, как немцы разделились с Польшей, с Данией, Норвегией, но и это их не насторожило. Мало того, правительство Франции и Англии из надежных источников имели сведения о скором наступлении немцев. Еще в марте министр иностранных дел Италии граф Чиано, зять Муссолини, будучи противником войны и предвидевший крах Италии, раскрыл планы Гитлера французскому послу А. Франсуа-Понсе, а через несколько дней — американскому эмиссару Уоллесу. А 7 мая уже Генштаб Франции предупредили из Бельгии о готовящемся германском вторжении. Почему не среагировали? Во французском правительстве и военном министерстве было много чиновников, сознательно умалявших значение этой информации и готовивших Францию к поражению. Послевоенные суды над Лавалем, Петеном и другими государственными деятелями Вишистского правительства только подтверждают этот вывод. Никакое государство не может победить в войне, если в ее правительстве имеются пособники врага. Характерной чертой французской политической мысли в 1940 году являлось надежда на возможность умиротворения Германии и предотвращения войны. Она питалась также надеждами высших кругов, определяющих политику Франции, что Германия ввяжется в войну против СССР и оставит в покое западные страны. Базируясь на этих призрачных надеждах, стратегия западных держав не имела даже какого-либо плана активного противодействия германской агрессии.

Несмотря на объявление войны Германии, финансовая и промышленная кооперация между французскими и германскими капиталистами ни в чем не ослабла, и она продолжала функционировать, несмотря на все причуды «странной» войны. На франко-германской границе стояла тишина, какую можно ощущать только в заповедниках: солдатам строго запрещено приближаться к границе и провоцировать немецких солдат. Неуклонно падало и моральное состояние французской армии. Значительная часть офицерского корпуса не желала войны с Германией, и такие настроения им насаждали профашистские органы буржуазной печати Франции.

Военная мысль во Франции была придавлена поклонниками фашистского режима в Германии, а ее доктрина носила чисто оборонительный характер. Перед Первой мировой войной французская армия воспитывалась в духе наступательных действий, и достижение стратегических целей считалось возможным только путем уничтожения противника в наступлении¹.

Когда правительство возглавлял Э. Даладье, «то он, казалось, олицетворял собою чувство покорности и отчаяния, которое испытывала страна... На страницах газет он всегда казался главным плакальщиком на похоронах своей родины»². Когда кабинет Даладье пал — депутаты осудили его не за то, что он не выполнил обещаний защищать Польшу и не смог организовать фронт антигитлеровской войны, а за то, что он не сумел воспользоваться Советско-финским конфликтом для перерастания его в активную коалиционную войну против Советского Союза с участием на стороне Франции и Англии скандинавских стран и гитлеровской Германии. Мир, на который пошли белофинны в результате поражения, нанесенного им Красной Армией, спутал все карты французских стратегов. Именно это обстоятельство и повергло французскую реакцию в ярость, которая обрушилась на правительство Даладье. Возглавил правительство Поль Рейно, отличавшийся огромным честолюбием и заурядным умом, и более решительно настроенный на недопущение войны с гитлеровской Германией. В своей программной речи он «ни словом не обмолвился о намерениях правительства предпринять хоть какие-либо шаги для организации войны с гитлеровской Германией». Но в то же время, в своем послании английскому правительству, Рейно предлагал начать совместные боевые действия на севере — в скандинавских странах и на юге — со стороны Кавказа с тем, «чтобы парализовать Россию»³.

Настаивая на высадке англо-французских войск в Скандинавии, французское правительство было уверено, что мир между Финляндией и СССР непрочен и его, при содействии той же Германии, легко можно было взорвать. За предшествующие семь месяцев «странной войны» французское правительство окончательно уверовало, что бездействие обеих сторон может продлиться долго, и оно всячески стремилось перенести войну на Восток, на те земли и территории, которые Гитлер наметил для расширения жизненного пространства Германии в своем программном труде «Моя борьба». И совсем не

¹ Военная мысль, № 2—3. М., 1946, С.90

² А. Верт. Франция 1940—1955. М., 1959, с. 42.

³ Л.П. Лавров. История одной капитуляции. М., 1964, с. 158, 176.

случайно, что за месяц до нападения Германии на Францию французский кабинет детализирует способы бомбардировок нефтяных промыслов на Кавказе через Турцию и усиливал свою военно-воздушную группировку в Сирии. В качестве объектов бомбардировок намечались города Баку, Батуми, Грозный и Потти. 23 апреля 1940 года, за семнадцать дней до нападения Германии на Францию, вопрос об агрессии против СССР в районе Кавказа был предметом специального обсуждения высшего совета союзников, состоявшегося в Париже. На этом совещании англичане заявили, что вся их авиация задействована в сражении за Норвегию и потому не может быть использована для намеченных операций на Востоке, что вызвало неудовольствие премьер-министра Рейно¹. Война стояла уже у порога Франции, но ее правящие круги заботило не укрепление обороноспособности собственной страны перед гитлеровской агрессией, а военные провокации против Советского Союза, с помощью которых они надеялись отвести угрозу от себя и навлечь ее на других.

Но Гитлера больше беспокоила Франция, чем Советский Союз, и он сначала решил разделаться с этой страной, к которой он питал откровенную ненависть, вынесенную еще с полей Первой мировой войны. Гитлер не решился нападать на Советский Союз до разгрома западных держав. Он говорил в узком кругу своих приближенных: «Советская Россия — большой кусок. Им можно и подавиться»². Уже после успешной польской военной кампании 23 ноября 1939 г. состоялось совещание Гитлера с главнокомандующими отдельных родов войск, на котором он заявил: «Я долго сомневался, не начать ли мне нападение на Восток, а затем уже на Запад... Вынужденно получилось так, что Восток на ближайшее время выпал... У нас имеется договор с Россией. Однако договоры соблюдаются лишь до тех пор, пока... они выгодны»³.

Все политические деятели Европы знали, что основным объектом завоевательной политики фашистская Германия объявила Советский Союз. Уничтожение Советской России и овладение территориями на Востоке было вождельной мечтой гитлеровского режима. Но решение этой проблемы зависело от того, как отнесутся Франции и Англии к восточной политике Германии. Можно ли было ожидать, что, например,

¹ Внешняя политика СССР. Т. 4. М., 1946, док. 409, с. 498.

² История дипломатии. Т. 3. М.-Л., 1945, с. 488.

³ Ф.Н. Телегин. О фальсификации западногерманской историографией вопроса о подготовке фашистской агрессии против СССР. // Новая и новейшая история, 1958, №6, с. 128.

Франция предоставит Германии полную свободу действий на Востоке? Гитлер отвечал на это отрицательно. Он был убежден, что Россия и Франция имеют взаимные интересы, находятся в «одной лодке» перед лицом германской агрессии, что французские правящие круги никогда не потерпят гегемонии Германии в Европе¹.

В лучшем случае можно было надеяться на то, что французское правительство будет терпимо относиться к продвижению германской экспансии на Восток, но лишь до известного предела, ожидая, когда Германия израсходует свои силы в борьбе против Советского Союза. Германские нацистские круги не видели никаких шансов на успех в вооруженной борьбе с Советским Союзом, пока в тылу Германии, на ее западных границах, находилась французская армия. Для них путь на Восток лежал через Францию. «Будущая цель нашей внешней политики, — писал Гитлер, — ...восточная политика, направленная на приобретение необходимых земель для нашего немецкого народа. Но поскольку для этого нужны силы, а смертельный враг нашего народа — Франция неумолимо душит нас и отнимает эти силы, мы должны взять на себя любые жертвы, которые смогут привести к уничтожению всякого стремления Франции к гегемонии в Европе»².

Что касается Англии, то подход к разрешению германо-английских противоречий с течением времени претерпевал существенные изменения. С середины 20-х годов германские фашисты считали возможным найти общий язык с Англией на почве размежевания сфер интересов и тем самым удерживать ее вне войны на континенте. Достижение союза с Англией, по идее Гитлера, привело бы к распаду антигитлеровской коалиции и позволило бы Германии успешно вести войну и «рассчитаться» с ее смертельным врагом — Францией. После 1933 года высшее военно-политическое руководство фашистской Германии существенно пересмотрело эти взгляды. Ход политических событий показал, что английские правящие круги никогда не откажутся от своей традиционной политики поддержания равновесия сил в Европе и недопущения гегемонии какой-либо одной державы на континенте. Лондон сразу дал недвусмысленно понять германскому правительству, что тысячелетние устои внешней политики Англии не подлежат пересмотру, и они их будут защищать силой.

Стало совершенно очевидно, что экспансия гитлеровской Германии в Европе неизбежно приведет к военному конфлик-

¹ Военно-исторический журнал, №12, М., 1964, с. 37.

² Там же, с. 38.

ту с Англией и на совещании высшего командного состава 23 мая 1939 года Гитлер определил свои цели: «Необходимо готовиться к борьбе. Англия видит в нашем развитии опасность возникновения господствующей державы, которая подорвет ее могущество. Поэтому Англия — наш враг, и борьба с ней будет не на жизнь, а на смерть». Здесь же, на совещании, Гитлер определил и последовательность выполнения своей завоевательной политики: «Союз Франции, Англии и России против Германии, Италии и Японии потребует сначала напасть на Англию и Францию, нанеся им быстрые уничтожающие удары».¹ Объективные условия, по мнению фашистского руководства, не позволяли Германии начинать борьбу против главных противников с нападения на Советский Союз. В войне на Востоке фактор пространства действовал против фактора времени.

Немалую роль для выбора удара по Франции сыграл и тот факт, что на западе Германии располагался один из ее ведущих промышленных районов — Рурская область, с потерей которого серьезно нарушалась бесперебойная работа промышленных предприятий других регионов страны, и это вело к подрыву военной экономики и всей мощи вермахта. В одной из своих директив Гитлер писал, что «...поскольку эта слабость известна Англии и Франции также хорошо, как и нам, англо-французское руководство, если оно захочет уничтожить Германию, попытается любой ценой добиться этой цели».²

Стратегические основы предстоящей военной кампании против Франции и Англии были изложены Гитлером 9 октября 1939 года в его «Памятной записке и руководящих указаниях о ведении войны на Западе». Цель этой кампании заключалась в «окончательном военном сокрушении Запада, то есть, в уничтожении сил и способностей западных держав воспрепятствовать еще раз государственной консолидации и дальнейшему развитию немецкого народа в Европе».³

Париж и Лондон в течение восьми месяцев ведения «странной» войны ничего не предпринимали, чтобы обезвредить Италию, чего можно было достичь, предложив ей выбор между угрозой вторжения на ее территорию с одновременной блокадой с моря и рядом уступок за ее нейтралитет. Перед Первой мировой войной такая угроза со стороны Франции и Англии заставила итальянское правительство придерживаться нейтралитета и заявить германскому послу, «что война, начатая Австро-Венгрией... носит агрессивный характер, который

¹ Военно-исторический журнал, № 12, М., 1964, с. 39.

² Там же, с. 39.

³ Там же, с. 41.

не соответствует оборонительному характеру Тройственного союза, и Италия не может участвовать в этой войне»¹. Надо сказать, что влиятельные круги во Франции и Англии «усматривали врага скорее в Сталине, чем в Гитлере. Они были больше озабочены тем, как нанести удар России»².

Значительно ухудшилось по сравнению с Первой мировой войной общее политическое и стратегическое положение Англии и Франции на Европейском континенте. Не было русского Восточного фронта, который во время Первой мировой войны отвлекал значительную часть армий противника. Своей политикой попустительства агрессору и сговора с ним, Англия и Франция избавили Германию от опасности одновременной войны на два фронта и тем облегчили гитлеровцам осуществление их агрессивных замыслов. Система французских союзов в Европе также оказалась разрушенной; преданные Англией и Францией Чехословакия и Польша утратили свою независимость и попали под иго фашистских захватчиков. Румыния фактически впряглась в колесницу фашистской «оси». Югославия и Греция были слишком слабы, чтобы оказать какую-либо помощь Франции и Англии. Они старались изо всех сил сохранить своей нейтралитет и больше всего опасались дать Германии или Италии повод для нападения на них. Во французском тылу находилась враждебная франкистская Испания, и никто не мог заранее предсказать, как поведет себя испанский диктатор Франко. Правительства Бельгии и Голландии хотя и давали публичные заявления, что они не возражают против вступления в военный союз с Францией и Англией, тем не менее, опасались официально это подтвердить обоюдными соглашениями. Во-первых, события предвоенных лет убедили их в том, что Англия и Франция склонны к сговору с фашистскими державами, что их обещания помощи малым странам остаются лишь на бумаге, а когда дело доходит до выполнения этих обещаний, то гарантированные государства оказываются наедине с хорошо вооруженными и во много раз превосходящим их по силам фашистскими агрессорами. Судьбы Эфиопии, Австрии, Чехословакии и Польши были достаточно наглядными для них примерами. Во-вторых, они опасались, что даже если они войдут в соответствующие секретные соглашения с Францией и Англией, то это немедленно станет известно Германии и явится поводом для нападения на них. Таким образом, Англия и Фран-

¹ Томази А. Морская война на Адриатическом море. 1914—1918. М., 1940, с. 11.

² Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Кордэлла Хэла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М., 1990, с. 197.

ция перед нападением фашистской Германии в значительной степени находились в состоянии политической изоляции на Европейском континенте.

К началу боевых действий, то есть к 10 мая 1940 года, французская армия в своем составе имела примерно 115 дивизий, объединенных в 35 армейских корпусов. Таким образом, количество дивизий, отмобилизованных к началу войны, почти в четыре раза превышало количество дивизий мирного времени. Из этих 115 дивизий только 67 составляли полевую армию, 21 дивизия были использованы для обеспечения театров второстепенного значения, таких, как Северная Африка, Сирия и Ливия, а еще 27 дивизий составляли резерв французского командования, главнокомандующего французской армии, которыми никто не руководил из-за измены Франции ее главнокомандующего генерала Гамелена¹.

Армия Германии за зиму 1939/40 г. выросла с 103 дивизий до 156, и большая часть этих дивизий была сосредоточена в западных землях Третьего рейха. Количество танковых дивизий было увеличено до 10 и моторизованных — до 7. В целом немецко-фашистским войскам, состоявшим из 135 дивизий и одной бригады противостояли силы союзников в количестве 142 дивизий, в том числе 99 французских, 10 английских, 22 бельгийских, 10 голландских и одной польской².

Основные силы Франции и Англии были направлены на северо-восток Франции, где располагалась первая группа армий под командованием генерала Бийота в составе четырех французских армий и английского экспедиционного корпуса. Эти войска занимали фронт от Ла-Манша до Лонгви, и в случае германского наступления через Бельгию они, как и в Первую мировую войну, должны были немедленно вступить в эту страну на линию Антверпен — Намюр и во взаимодействии с бельгийской и голландской армиями в оборонительных сражениях разгромить вторгшиеся немецкие войска. Составив ложное представление о планах немцев, союзное командование не только не препятствовало, но, наоборот, содействовало своим организационными мероприятиями осуществлению замыслу германской армии, наносившей главный удар через Арденны.

На фронте от Лонгви до Селеста (Эльзас) находилась группа армий под командованием генерала Претала в составе трех французских армий, а южнее оборону до швейцар-

¹ Большая Советская энциклопедия. Т. 6. М., 1971, с. 89.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т.1. М., 1960, с. 219.

ской границы держала еще одна группа армий под командованием генерала Бессона, в состав которой входило две французские армии. Оценивая прошлые события и весь ход боев, можно сделать вывод, что германское командование владело информацией о стратегическом плане обороны Франции и сполна учло все его просчеты и ошибки. Имитируя удар в направлении Бельгии, ударные дивизии вермахта в это же время форсированным маршем прошли через территорию Люксембурга, осуществив глубокий прорыв через Арденны и Северную Францию, и к 12 мая вышли к р. Маас. В течение трех дней они взломали оборону французов на фронте протяженностью 100 км, куда стремительно хлынули немецкие танковые и моторизованные дивизии, имеющие задачу выйти к побережью Ла-Манш.

Потрясенные силой танковых ударов и подавляющим господством в воздухе немецкой авиации, французские армии начали отступать к Парижу и на запад к морю. Главная группировка французских и английских войск была втянута в Бельгию, где они вскоре оказались отрезанными от других армий. Но катастрофы армии можно было избежать, если бы она не поразила сначала умы и волю правительства Франции и ее высший командный состав, откуда действующая армия в течение первых десяти дней не получила ни одного приказа или распоряжения. Главнокомандующий союзными войсками генерал Гамелен, выполняя волю профашистских кругов в правительстве и влиятельных кругах Франции, самоустранился от руководства вооруженными силами, а премьер-министр Рейно рано утром 15 мая связался по телефону с Черчиллем, возглавившем 11 мая новый кабинет Великобритании, и взволнованным голосом заявил: «Нас разбили, мы проиграли сражение»¹. По словам Черчилля, Рейно говорил так, как будто вся война уже проиграна, и сражаться дальше нет никакого смысла.

Осознав, что катастрофа неминуема, и чтобы упредить возможный сговор французского правительства с Гитлером, Черчилль, по прибытии в Париж, выдвинул смелую идею о создании единого франко-британского союза, в котором каждый англичанин и француз имели бы двойное гражданство. Проект предусматривал объединение министерств по оборонным, экономическим и финансовым делам, создания единого правительства и единого командования; при этом французская армия и ее флот должны были эвакуироваться в Северную Африку и объединиться с британскими силами в Египте и Пале-

¹ Л.П. Лавров. История одной капитуляции. М., 1964, с. 220.

стине и с французскими войсками в Сирии. Генерал де Голль, находившийся в это время в Лондоне, поддерживал этот проект, и он добивался от англичан выделения транспортных средств для эвакуации французских сил в Северную Африку¹. В это время в правительстве Франции пораженцы во главе с маршалом Петеном выступили против франко-британского проекта об объединении двух государств для борьбы с Германией, уверяя себя и других, что «через три недели Англии свернут шею как цыпленку»². Лицемеря перед французской нацией и прислуживая Гитлеру, они отвергали предложение «из боязни, что это превратит Францию в английский доминион» и превращали Третью республику в одну из колониальных провинций фашистской Германии. Премьер-министр Рейно солидаризировался с капитулянтами и пораженцами и 16 июня на заседании правительства он заявил, что «необходимо прекратить борьбу»³. В тот же день было официально объявлено об отставке Рейно и избрании председателем правительства Франции маршала Петена, 86-летнего старца, почитателя и поклонника Гитлера. В состав нового кабинета вошли единомышленники маршала, предавшие Францию и надеявшиеся в новом европейском переустройстве, задуманном фашистским лидером Германии Гитлером, найти «лидирующее место» и для Франции.

К 20 мая, на десятый день войны, немецкому командованию удалось выполнить одну из основных задач плана кампании против Франции (План «Гельб») — глубоким ударом танковой группы генерала Клейста через Арденны на Абвиль рассечь стратегический фронт союзников. В результате этого 1-я французская армия, британская экспедиционная и бельгийские армии, а также остатки 9-й и часть сил 7-й французских армий, насчитывающие в общей сложности около 45 дивизий, оказались отрезанными в Северной Франции и Фландрии от основных союзных сил. 9-я и 2-я французские армии, по которым прошелся главный удар группы армий «А», прекратили свое существование. В образовавшуюся брешь в союзном фронте хлынул поток немецких танковых и моторизованных дивизий, а за ними пехотные дивизии. На северном крыле Западного фронта в это время 18-я и 6-я немецкие армии вышли на рубеж реки Лис и захватили за ней несколько плацдармов.

¹ Ш. де Голль. Военные мемуары. Т. 1. М., 1957, с. 104—105.

² И.С. Киссельгоф. История Франции в годы Второй мировой войны. М., 1975, с. 16.

³ Там же, с. 16.

Теперь успех всей войны зависел от того, как быстро удастся германскому командованию ликвидировать отрезанную группировку союзных войск и воспрепятствовать усилиям французского командования создать прочную оборону по рубежам рек Сомма и Эн до северной оконечности линии Мажино. Немцы это понимали, и в день прорыва немецких танков к Ла-Маншу главным командованием сухопутных войск был в общих чертах составлен план второго завершающего этапа кампании, получивший вскоре наименование операции «Рот»¹. Он предусматривал проведение с рубежа рек Сомма и Эн глубокого обходного маневра в тыл линии Мажино².

Первая же попытка германских войск продвинуться на север для рассечения союзной группировки на отдельные части наткнулась на сильное сопротивление в районе Арраса, где три английские бригады, совместно с 3-й французской механизированной дивизией, при поддержке 70 танков, нанесли сильный контрудар в южном направлении, тяжелые потери понесли лучшие дивизии немцев — 7-й танковой дивизии генерала Роммеля и дивизии СС «Мертвая голова». Под Аррасом англичане продемонстрировали свои лучшие боевые качества, и этот инцидент оказал довольно сильное психологическое воздействие на немецкое верховное командование. Только создав значительное превосходство в силах над союзниками в районе Арраса, немцы с трудом заставили англичан отступить 23 мая в район Бетюна. До этого времени вся британская экспедиционная армия фактически крупных боев не вела и сохраняла свою высокую боеспособность. Продвигаясь к побережью — на север и восток, германские танковые войска впервые с начала кампании столкнулись с очень неприятным для них явлением — господством авиации противника в приморских районах. Английская авиация действовала против немцев непосредственно с территории Англии, в то время как германская авиация оказалась далеко в тылу, а перебазирование самолетов на захваченные французские аэродромы еще не было осуществлено³.

Положение немецких ударных группировок было незавидным — немецкие танковые части уже две недели действовали в отрыве от пехоты, которая далеко отстала, и образовавшиеся в силу этого танковые коридоры могли в любое время оказаться захлопнутыми французскими войсками как с севера, так и с юга. Именно в этом состояла суть плана союзного главнокомандующего генерала Вейгана, принятого им 22 мая.

¹ Военно-исторический журнал, №6. М., 1962, с. 46.

² Служебный дневник Гальдера. Запись от 20 мая 1940 г.

³ Там же. Запись от 24 мая 1940 г.

Только отсутствие целеустремленного руководства, нерешительность, удивительная неповоротливость, медлительность всех звеньев французского командования и исключительно плохая координация действий союзных войск, разногласие в лагере союзников, привели к тому, что наступление англичан под Аррасом не было поддержано ударом с юга силами 3-й группы армий генерала Бессона¹.

К 24 мая три союзные армии были прижаты к побережью в треугольнике Мальдеген — Валансьенн — Гравлин. Бельгийские войска, численностью около 17-ти дивизий оборонялись на рубеже Мальдеген — Леенен. Южнее, перед Лиллем, оборону удерживали четыре английские дивизии. В южной вершине треугольника на участке Кондэ — Валенсьенн — Лан действовали соединения 1-й французской армии. На западе, по линии каналов Аа — Эр — Ла Бассе оборонительные позиции занимали французская 68-я пехотная дивизия и несколько английских изолированных групп. На 24 мая было спланировано нанесение контрудара 1-й группы армий на юг, но оно не было осуществлено, так как на французскую армию разлагающе действовало ее правительство во главе с маршалом Петеном, изо дня в день призывавшего свою армию прекратить сопротивление. Ему вторил новый начальник штаба национальной обороны и главнокомандующий французскими вооруженными силами генерал Вейган, докладывавший президенту Лебрену и правительству, что Франция «совершила огромную ошибку, вступив в войну» и что «сейчас положение безнадежно». В таких условиях пребывание английской экспедиционной армии на территории Франции становилось ненужным и неприемлемым, и правительство Англии уже разрабатывало план эвакуации своих войск на родину. Гитлер, все время находившийся в составе наступающей немецкой армии, знал об этих настроениях в союзной армии. Ему также уже было известно и о готовности бельгийской армии капитулировать, и перед ним открывалась блестящая перспектива быстро покончить с войной на Западе, если не мешать английской армии покинуть Францию. К такому решению Гитлера подталкивал и ряд серьезных обстоятельств, сложившихся на театре войны. Нельзя было не считаться с тем, что боеспособность танковых дивизий германской армии снизилась до 50 процентов, а предстоящие сражения во Фландрии должны были происходить на местности, изрезанной широко разветвленной сетью рек и каналов, местами сильно заболоченной, да к тому же английское

¹ Военно-исторический журнал, №6, 1962, с. 48.

командование 23 мая начало затопление районов южнее Дюнкерка, лежащих ниже уровня моря. Это давало возможность усилить оборону английских войск на танкоопасных направлениях, а то и вовсе лишить немецкие танковые войска способности к маневру и наступлению. Довлели над Гитлером и воспоминания прошлого — здесь, во Фландрии, в Первую мировую войну, немцы не имели успеха. В двух весенних наступлениях 1918 года на англичан во Фландрии немецкое командование обескровило 126 дивизий, но победа над английской и французской армиями достигнута не была¹.

Гитлер уже видел, что дни Франции сочтены, что ее мощь повержена немецким оружием и в его коварном, хитром уме неожиданно возникла идея разобщить и перессорить противников, предоставив их дальнейшую судьбу разной участи: для Франции — продолжение мощных и сильных ударов в направлении ее столицы, а для Англии — прекращение преследования и предоставление возможности ее экспедиционному корпусу возвратиться на родину. С первых дней правления своего фашистского режима Гитлер нащупывал нити, способные связать две нации, два народа и две столицы, Берлин и Лондон, союзом для передела мира, который отвергала Великобритания, так как она на протяжении многих столетий активно участвовала в современном мироустройстве, и ей совсем не хотелось выстраивать его заново, так как она могла и потерять свои позиции. Милостиво даря английским войскам спасение, Гитлер надеялся через этот шаг побудить англичан если не к союзу с Германией, то хотя бы к достойному миру с ними. В его практичный ум в тот период не пришла мысль, что гордые британцы никогда не простят ему своего унижения.

Придя к такому решению, Гитлер приказал остановить наступление на английскую армию, и основные силы направил против французской. Продолжение англо-германской борьбы у Дюнкерка не состоялось не потому, что англичане уклонились от него из-за недостатка сил, а потому, что германская армия не обладала достаточной силой, чтобы одержать победу над англичанами. При попытке разгромить английскую армию германские войска могли понести такие невосполнимые потери, что это воодушевило бы французов к дальнейшему сопротивлению. В холодном и расчетливом уме Гитлера созрел план: британскую армию отпустить, чтобы поскорее разгромить французскую.

К такому решению Гитлера подталкивали и генералы Рундштедт и Клюге, которые высказали ему согласованное мне-

¹ Исторический журнал, №1, 1944, с. 68.

ние о необходимости временно отложить наступление на английскую армию, чтобы подтянуть войска и дать им небольшую передышку для подготовки к завершающим боям. Все эти проблемы долго обсуждались на совещании в Шарлевиле, где Гитлер дал возможность высказать свое мнение всем командующим германской армии, воевавшим на западном фронте. Итогом его явилось решение Гитлера остановить назначенное на 24 мая наступление германских войск на север, а уничтожение английских войск было возложено на авиацию Геринга, для которого эта задача была непосильной. При отступлении из Франции английская армия потеряла около 1200 полевых и тяжелых орудий, 1350 зенитных и противотанковых пушек, свыше 6400 противотанковых ружей, 11 тысяч пулеметов, более 75 тысяч автомашин, почти все танки и громадное количество боеприпасов¹. Не располагая к началу войны достаточными запасами современно вооружения, Великобритания оказалась в очень тяжелом положении. По признанию самих англичан, их промышленность к началу лета 1940 года «находилась в положении более ужасном, чем в сентябре 1939 года»².

Все свои главные силы германская армия повернула на юг, где лежала Франция, поверженная и раздираемая противоречиями.

После разгрома в Бельгии, французское командование пыталось организовать сопротивление на реках Сомма и Эн с участием 54 французских дивизий, но во главе этих войск не было генералов, какими были Жоффри и Фош в Первую мировую войну, как не было во власти и таких политиков, как Пуанкаре и Клемансо, чья вдохновляющая сила влекла народ Франции к победе, а не к поражению. Операция длилась с 5 по 18 июня и закончилась отступлением французских войск за реку Луара. Одновременно с оборонительными боями, которые велись на реках Сомма и Эн, французские войска вели бои с противником, наступавшим в Шампани и на линии Мажино, но все эти бои уже не могли оказать решающего влияния на исход войны.

Утром 17 июня радио Франции передало выступление маршала Петена, призвавшего армию «немедленно прекратить сражения», поскольку он, Петен, уже направил Германии просьбу «найти средство прекратить борьбу, положить конец враждебным действиям»³. В это же время стало известно о нападении Италии на южные провинции Франции. Муссоли-

¹ Военно-исторический журнал, №2, 1962, с. 51.

² Военная мысль, №5, 1947, с. 75.

³ И.С. Киссельгоф. История Франции в годы Второй мировой войны. М., 1975, с. 17—18.

ни, как шакал, выжидал полного поражения французской армии, чтобы у слабоющего соседа отхватить для себя куски приглянувшихся ему французских территорий. Преданная своим правительством, французская армия, истекая кровью, все же пыталась отстаивать свою территорию от германских и итальянских оккупантов. Ницца, Корсика и Тунис — территории, на которые итальянские фашисты претендовали в 1938 году, и которые теперь, казалось, уже некому защищать, должны были стать легкой добычей для итальянской армии. Но 25 итальянских дивизий, успех которых должны были развивать сосредоточенные за ними 9 дивизий армии «По», были остановлены несколькими французскими дивизиями. Морально потрясенные уже совершившимся разгромом своей основной армии, французские альпийские войска, в тылу которых к этому времени появились крупные германские мотомеханизированные соединения, достойно встретили итальянских фашистов. Успехи итальянцев на этом фронте свелись к продвижению лишь на несколько километров¹. Гитлер, через послушное правительство вишистской Франции, остановил наступление итальянской армии, заставив противников 24 июня подписать перемирие. Это перемирие не дало Италии реальных выгод; Муссолини не удалось добиться оккупации сколь-нибудь значительных французских территории и овладеть французским флотом, что было главной целью при его нападении на Францию.

Катастрофа 1940 года заставила многих французозов вернуться к оценке роли «восточного союза» в судьбах Франции. «Франция проиграла войну по многим причинам, но одна из них намного превосходит по своему значению все остальные. Эта причина — саботаж русского союза». Так писал А. де Кериллис, редактор одной из ведущих буржуазных газет Франции. Ссылаясь на опыт дальнего прошлого и на опыт Наполеона и Жоффра, он делал заключение, что каждый раз, когда Франция была союзницей России, она выигрывала войны; каждый раз, когда она не являлась им, то проигрывала их. «Речь, следовательно, идет об основном законе французской политики»².

22 июня на станции Ретонд в Компьенском лесу, в унизи-тельной обстановке для французской делегации, и в том же вагоне, в котором маршал Фош в год окончания Первой мировой войны продиктовал условия перемирия с Германией, теперь немецкий генерал Кейтель продиктовал французам уже условия их, немецкого перемирия. По этим условиям германские войска оккупировали 2/3 французской территории,

¹ Военная мысль, № 6, 1942, с. 67.

² И.В. Овсянний. Тайна, в которой война рождалась. М., 1975, с. 168—169.

включая столицу страны — Париж. Около трети французской территории на юге страны оставались под властью французского правительства Петена, которое должно было проводить всю внутреннюю и внешнюю политику в строгом соответствии с требованиями и интересами германского правительства. Было еще одно унижительное требование немцев, придуманное Гитлером — условия перемирия французское правительство должно было подписать и с союзником Германии — диктатором Италии Муссолини. Представители поверженной Франции подписали этот документ в пригороде Рима. Никогда еще в истории Франции так низко не опускались в унижении и бесславии ее вожди, чтобы сохранить свою власть над французским народом. И этот народ с достоинством и величавой гордостью вознесет на своих национальных знаменах борцов организации Сопротивления с оккупантами, когда придет час освобождения, а петеновцы в освобожденной от фашистов Франции, будут преданы суду, и их грязные дела будут выброшены на свалку истории.

Вся военная кампания продолжалась 42 дня, с 10 по 22 июня 1940 года. Французская армия, потеряв инициативу в первые дни войны, так и не вернула ее до полного поражения. Французская армия потеряла 84 тыс. убитыми, 1 547 тыс. французских солдат и офицеров оказались в плену, и большая их часть была отправлена в качестве рабов на работы в Германию¹.

С большой помпезностью гитлеровцы отмечали свою победу над Францией. Сто фанфаристов ежедневно по радио специальным сигналом оповещали немцев о новых победах вермахта. По всей Германии звонили колокола. 19 июля на специальном заседании рейхстага, созванном в честь победы над Францией, с шовинистической речью выступил Гитлер. Фашистская печать и радио превозносили «непобедимость» вермахта, столь быстро разгромившего грозного противника, подсчитывали трофеи, рекламировали грабительские условия Компьенского перемирия, навязанного побежденной Франции. Шовинистический угар охватил многомиллионные массы немецкого народа. Ведь в течение короткого времени (10 месяцев), без больших потерь, Германия поработила или поставила в зависимое положение целый ряд европейских государств, с территорией в 5 млн. кв. км и с населением в 290 млн. человек. В гитлеровской Германии, включая сателлитов и оккупированные государства, производилось в 1941 г. 31,8 млн. т стали и 400 млн. т угля, добывалось 7,5 млн. т нефти. Продукция немецкой военной промышленности летом 1941 г. возросла на 75% по срав-

¹ Вопросы истории, №1, 1966, с. 60.

нению с началом войны. Фашистская Германия была могущественной военной державой капиталистического мира. Общие потери гитлеровской армии в первый период войны были невелики — 97 тыс. убитыми и пропавшими без вести. В ходе войны с таким сильным противником, как Франция, Германия потеряла всего 45 тыс. убитыми и 110 тыс. было ранено.

Нападение Германии на Францию имело важные последствия во внутрисполитической жизни Великобритании. Фиаско, которое потерпело большинство правящей консервативной партии и поражение английской армии под Дюнкерком привели к тому, что на несколько месяцев страна оказалась беззащитной от ночных налетов немецкой авиации и возможного вторжения. Все большее количество самолетов стало нападать на английские суда; потери Великобритании стали расти, и достигли критических размеров. Пополнение тоннажа за счет собственного строительства и получение судов от нейтральных стран уже перестало покрывать потери¹. В восточной и центральной части Средиземного моря с весны 1941 года господствовали германские и итальянские военноморские и военно-воздушные силы. Англичанам пришлось отказаться от кратчайшего пути в Египет, Сирию и Палестину через Гибралтар, и везти грузы вокруг Африки, через Индийский океан и Красное море.

В Африке немцы высадили армейский корпус генерала Роммеля, который совместно с итальянскими войсками к апрелю 1941 года оттеснил английские войска на территорию Египта. Значительные силы англичан были окружены в Тобруке, и немецкое командование хотело оккупировать Египет и овладеть Суэцким каналом. Но итало-немецких войск, особенно танковых и авиационных, было недостаточно для завершения операции, предпринятой Роммелем, и выхода к Каиру, а гитлеровское командование отказалось послать в Африку дополнительные силы, так как в это время полным ходом шла подготовка фашистской Германии к нападению на Советский Союз. 21 июня Гитлер сказал Муссолини: «Наступление на Египет исключено до осени»². Это и спасло английскую армию «Нил» в 1941 году от полного разгрома, а Англию — от потери Египта и Суэцкого канала. Линия фронта в Северной Африке временно стабилизировалась близ ливийско-египетской границы.

В течение нескольких веков Англия, являясь главным действующим лицом на европейской политической сцене, всегда умела сколотить коалицию государств для борьбы с Испанией,

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, О.11600, д.1062, л.8

² В. Селюстов. «Странная» война. М., 1958, с. 216.

Францией, Германией или Россией, когда одно из этих ведущих государств Европы стремилось к единоличному господству на континенте. Но в преддверии Второй мировой войны она исполнила свою роль исключительно плохо. Правительство Чемберлена сумело из всех доступных для Англии политических вариантов того времени избрать для себя лишь те, что приближали страну к войне с фашистской Германией, в то время как он сам и его правительство отталкивали от себя друзей и возможных союзников. После поражения Франции Англия осталась в полном одиночестве, и ей некого было винить, кроме самой себя. Ее политическим деятелям пришлось отбросить гордость и постепенно осознать принадлежность Великобритании к числу второразрядных держав до тех пор, пока не будет сломлено могущество гитлеровской Германии, что было возможно лишь с помощью Советского Союза и США. После Дюнкерка Гитлер надеялся, что профашистские элементы в самой Англии сумеют подтолкнуть свое правительство к заключению мира с Германией и, наверное, так бы оно и случилось, если бы премьером страны стал не У. Черчилль, а кто-либо другой, похожий на Чемберлена. Стремление добиться мира диктовалось еще и тем, что гитлеровское руководство не видело возможности прямого захвата британской метрополии. Чтобы силой завоевать Англию, нужно было обеспечить четыре важнейших условия победы: иметь полное превосходство в воздухе и на море, хотя бы в районе вторжения и, кроме того, нужны были достаточные силы для десантирования и преодоления укреплений английской береговой обороны при вторжении. Ни одно из этих условий в то время Германия не могла выполнить. Гитлеровским главарям оставалось одно — рассказывать немецкому народу и всему миру о своей подготовке к вторжению на Британские острова, а самим готовиться к нападению на Советский Союз.

На Британских островах грозному противнику, оккупировавшему большую часть Западной Европы, командование метрополии могло противопоставить 16 наполовину укомплектованных дивизий, вооруженных устаревшей техникой и почти лишенных танков и противотанковой артиллерии. Сознывая слабость обороны подступов с моря, английское правительство проводило мероприятия по выводу из строя ряда портов, чтобы противник не смог их использовать для выгрузки тяжелой техники с обычных морских транспортов, не приспособленных для выгрузки на необорудованном побережье. Разрушению подверглись около 100 портов и гаваней по всему побережью Англии; кроме того, примерно 50 гаваней было заминировано¹.

¹ Военно-исторический журнал, №2, 1962, с. 52.

Такие меры были не случайны. С начала войны германский военный флот захватил у побежденных и оккупированных стран Европы или конфисковал 872 судна общим тоннажем в 1900 тысяч регистровых брутто-тонн¹. Так что десантно-высадочных средств для организации десантной операции по захвату островов Великобритании у гитлеровской Германии хватало, и это больше всего тревожило англичан.

Главная причина отказа от вторжения летом 1940 года состояла в том, что немецко-фашистское командование, приняв решение напасть на СССР, опасалось рисковать значительными силами для проведения операции «Морской лев», в успехе которой у немцев не было полной уверенности. «...Перед лицом предстоящей борьбы против Советской России, — указывал Йодль в своем выступлении перед рейхслейтерами и гаулейтерами 7 ноября 1943 года, — никто не мог решиться на то, чтобы немецкая авиация была полностью обескровлена в боях над Англией».²

Поэтому Гитлер и высшее руководство фашистской Германии решили сначала выполнить «континентальные» задачи, к которым вермахт был наиболее подготовлен, то есть, разгромить в скоротечной кампании Советский Союз, а уж затем покончить с Англией. «Наступление против Британских островов, — говорил Гитлер в январе 1941 года, — это наша последняя задача. В данном отношении мы уподобляемся человеку, который имеет в ружье один патрон. Если будет промах, ситуация станет хуже, чем раньше. Высадку нельзя предпринимать несколько раз, так как в случае неудачи мы потеряем много техники»³. О том, что сразу же после сокрушения Советского Союза гитлеровское командование намеревалось осуществить операцию «Морской лев», свидетельствует директива ОКВ №32 от 11 июля 1941 года под названием «Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса»⁴.

Временно отложив вторжение в Англию, гитлеровское командование использовало связанные с ним мероприятия для стратегической маскировки готовящегося нападения на Советский Союз.

¹ Правда, №115, 26 апреля 1941 г

² Военно-исторический журнал, №10,1962, с. 82.

³ Там же, №2,1962, с. 67.

⁴ Там же, №6,1961, с. 89—92.

ГЛАВА IV

Зарождение замысла нападения фашистской Германии на Советский Союз. — Разработка плана «Барбаросса». — Авантюристичность расчета на «молниеносную» победу. — Мобилизация экономики Германии и оккупированных стран на войну с СССР. — Тайна полета Р. Гесса в Англию. — Характер развертывания и сосредоточения немецко-фашистских войск у границ Советского Союза

Как только обозначилась победа над Францией, Гитлер заговорил с Герингом и Кейтелем о необходимости беречь силы и готовить их к переброске на восток против Советской России. Гитлер полагал, что понеся большие потери под Дюнкерком, англичане смирят свою британскую гордость и вскоре запросят мира. 2 июня Гитлер сообщил своим командующим: «Теперь, поскольку Англия готова к миру, мы должны приступить к сведению счетов с большевиками»¹.

Записи в дневнике генерала Гальдера констатируют, что уже 30 июня 1940 года, то есть, через 8 дней после капитуляции Франции начальник Генерального штаба в беседе со статс-секретарем министерства иностранных дел Вейцзекером развивал мысль о том, что успешно завершившуюся кампанию на Западе необходимо закрепить военной силой. Наши «взоры обращены на Восток», записал тогда Гальдер². А уже через три дня эта идея обретает практическое воплощение в указаниях Гальдера начальнику оперативного отдела приступить к разработке плана нападения на Советский Союз, в котором должна быть четко продумана мысль о том, «как нанести России военный удар, чтобы заставить ее признать господствующую роль Германии в Европе»³.

21 июля Гитлер на совещании высшего командного состава вермахта распорядился начать «теоретическую подготовку» к решению «русской проблемы». На этом же совещании главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. Браунхич заявил, что в Красной Армии насчитывается 50—75 «хороших» соединений и поэтому для ее быстрого разгрома понадобится 80—100 немецких дивизий, на развертывание ко-

¹ Вопросы истории, №9, 1965, с. 11.

² Служебный дневник Гальдера. Запись от 30.6.1940 г.

³ Там же, запись от 30.7.1940 г.

торых уйдет не более 4—6 недель. Цель предстоящего наступления Браухич видел в захвате европейской части СССР, в продвижении немецких войск на такую глубину, при которой полностью исключалась бы вероятность нанесения ударов советской авиации по Берлину и промышленному району в Силезии¹.

Многое из доложенного Гитлеру не понравилось и, сделав свои замечания, он потребовал от главнокомандующего сухопутными силами, чтобы тот «энергичнее занялся русской проблемой»².

Для работы над планом Гальдер привлек офицеров оперативного звена из войск — подполковника Г. Фейерабенда и генерал-майора Э. Маркса, считавшихся лучшими «специалистами по России». Фейерабэнд представил Гальдеру свою оперативную разработку 27 июля, а Маркс — 1 августа 1940 года. Обе разработки отличались лишь в незначительных деталях. В них предусматривалось развертывание немецких войск для нападения на Советский Союз с таким расчетом, чтобы сломить оборону советских войск на северном и южном участках советского фронта. Предпочтение все же отдавалось сосредоточению основной массы соединений вермахта на южном участке. Они должны были нанести главный удар на Украине, а затем в глубине советской территории изменить направление наступления на север и продолжить его ударом с юга в целях овладения Москвой.

Гальдер отнесся к первым разработкам плана нападения на Советский Союз критически и искал новые решения. По его мнению, планировать нанесение главного удара по Украине было нецелесообразно по нескольким причинам, а именно: серьезным препятствием для развития успеха в глубину являлись такие крупные водные преграды как Днестр и Днепр, а также отсутствие необходимых политических предпосылок для тесного сотрудничества с Румынией, где должны были сосредотачиваться крупные немецкие силы. А главное — предусматривался слишком длинный обходной путь для овладения Москвой с юга. Он считал, что чем короче будет путь к захвату Москвы, тем быстрее удастся одержать победу над СССР. Он был склонен развертывать наиболее мощную стратегическую группировку немецких войск в Восточной Польше для наступления на Москву прямым путем, с ее последующим поворотом на юг, чтобы выйти в тыл советских войск на Украине и вынудить их сражаться перевернутым фронтом.

¹ Военная мысль, №4, 1991, С. 63—64.

² *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933—1945 гг., т. 2. М., 1956, с. 84.

Гитлер настаивал на ускоренной концентрации германских сил для нападения на СССР и требовал от командования вермахта быть в готовности к войне осенью 1940¹. Такая уверенность Гитлера подкреплялась тем, что вооруженные силы Германии в ходе войны на Западе понесли ничтожные потери в сравнении с результатами, которых они достигли. По данной иностранной печати, немецко-фашистская армия в войне против Польши и Франции потеряла: убитыми 37 646 человек, ранеными — 141 365 и без вести пропавшими 21 793 человека². После капитуляции Франции в вооруженных силах Германии имелось 157 дивизий, из них 10 танковых.

Только после серьезных обоснований Генеральный штаб сумел убедить Гитлера в необходимости переноса срока нападения на Советскую Россию с осени 1940 года на весну 1941-го. 31 июля состоялось совещание высшего командного состава вермахта, с участием политического руководства Третьего рейха, на котором Гитлером было принято окончательное решение о нападении на СССР не в 1940 году, а мае 1941 года. Им же был установлен срок «уничтожения жизненной силы России» — 5 месяцев, то есть до наступления осенней распутицы. Он ориентировал участников совещания на разгром Красной Армии в ходе «одного стремительного удара». Им же были намечены и основные элементы оперативно-стратегического замысла: 1) удар на Киев с выходом к Днепру; 2) удар через Прибалтику и Белоруссию на Москву; 3) затем двухсторонний охватывающий удар с севера и юга с целью захватить европейскую часть СССР; 4) проведение отдельной операции по овладению нефтеносными районами Баку. Гитлер согласился для нападения на Советский Союз количество дивизий увеличить до 120. Вопрос о направлении главного удара остался открытым³.

Вскоре к разработке плана были подключены штаб оперативного руководства ОКВ во главе с генералом А. Йодлем и обер-квартирмейстером Генерального штаба генерал Ф. Паулусом, и общими усилиями в ноябре он был в основном завершен. Новым вариантом плана предусматривалось создание трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг», которые должны были наступать на Ленинград, Москву и Киев. В восточном походе намечалось применить 130—140 дивизий. Считалось, что этих сил будет достаточно для разгрома Красной Армии в течение 6—8 недель. 5 декабря 1940 года Гальдер представил его

¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 2. М., 1955, с. 6.

² *Титтельскирх К* История Второй мировой войны. М., 1956, с. 29, 93; Дитма, Бутлар и др. Мировая война. 1935—1945 годы. Сборник статей. М., 1957, с. 20.

³ Военная мысль, №4, 1991, с. 65.

Гитлеру. В целом представленная разработка была им одобрена, однако он распорядился внести в нее поправку, суть которой заключалась в том, чтобы после разгрома основных сил Красной Армии в приграничных сражениях наиболее сильная группа армий «Центр» оказала помощь группе армий «Север» в захвате Прибалтики и лишь после этого, во взаимодействии с группой армий «Юг», возобновила наступление на Москву. Эта поправка противоречила первоначальному замыслу Гальдера о «прямом ударе на Москву». Однако ни он сам, ни кто-либо из других участников планирования не ставил под сомнение ее правильность. Все они были уверены, что результат войны будет предрешен быстрым разгромом Красной Армии в течение нескольких недель в приграничной полосе и ничто уже не помешает немецким войскам действовать в глубине советской территории в соответствии с их замыслами.

Были еще планы: Браухича — Гальдера, предлагавшие сначала разгромить советские вооруженные силы, а затем овладеть экономическими районами; фельдмаршала Рундштедта — захват Ленинграда и выдвижение главных сил на рубеж Одесса, Киев, Орша, озеро Ильмень, с перенесением основных наступательных операций на 1942 год; фельдмаршала Клюге — овладение Москвой после удара главных сил через Минск, Оршу, Смоленск «Затем можно подумать и о планах на 1942 год»¹. Два основных плана, Гитлера и Браухича — Гальдера, не имели принципиального различия. Оба плана были построены на необходимости разгрома Советского Союза в «молниеносной войне» и предполагали одно и то же стратегическое развертывание вооруженных сил: две группы армий севернее Припятских болот, одна — южнее. Оба плана предусматривали глубокое, безостановочное вторжение на советскую территорию и овладение важными политическими и экономическими центрами — Ленинградом, Москвой, Донбассом и другими. Оба плана предусматривали уничтожение советских войск в Прибалтике, Белоруссии и на Украине².

В первой половине декабря работа над планом была завершена и под руководством Йодля была подготовлена директива ОКВ под №21, которая 18 декабря 1940 года и была подписана Гитлером. Она была адресована главнокомандующим сухопутными войсками, военно-морскими и военно-воздушными силами Германии. Все приготовления к нападению на Советский Союз предписывалось завершить не позднее 15 мая 1941 года.

¹ Военная мысль, №1, 1959, с. 87—88.

² Там же, №1, 1959, с. 88—89.

Небезынтересно отметить: через 11 дней после принятия Гитлером окончательного плана войны против Советского Союза (18 декабря 1940 года) «этот факт и основные данные решения германского командования стали известны советским разведорганам»¹. Вскоре этот план лежал на столе Сталина, и эта была вершина усилий советского вождя по внедрению советских агентов в высшие органы власти фашистской Германии и вербовке на свою сторону видных чиновников гитлеровской администрации. Во всех государствах Европы резидентами советской разведки были евреи, снискавшие себе посмертную славу за подвиг, который они совершили в борьбе с фашистским режимом. Некоторые из них работали легально, большинство же под другими именами или тайно, имея своих сторонников среди правящего класса, в правительстве, армии и на флоте в тех странах, в которых они работали.

В плане «Барбаросса» в концентрированном виде отразилась абсолютизация опыта германского военного командования «молниеносных войн» против Польши и Франции, и полная уверенность в том, что война против СССР будет развиваться по такому же сценарию. План нападения на Советский Союз получил название «Барбаросса». Он был так назван в честь императора Священной Римской империи Фридриха I, прозванного «Красной бородой». В XII веке этот император участвовал в крестовом походе против мусульман, захвативших Святую землю. Как подчеркивала нацистская пропаганда, германская кампания против СССР имела похожий характер. Утверждалось, что Гитлер возглавит поход Третьего рейха против варварской большевистской империи, угрожающей европейской цивилизации. При этом нацистская печать никогда не сообщала читателям, что тот крестовый поход для Барбароссы закончился трагически². Позабыли фашистские главарь и предупреждение Мольтке-старшего: «Не смейте залезать в безбрежные просторы Восточной Европы, бойтесь силы сопротивления России»³.

Чтобы скрыть подготовку к нападению на Советский Союз, штабы групп армий и армий все подготовительные работы проводили в прежних районах дислокации, и только в марте 1941 от этих штабов были высланы на восток рабочие группы с ограниченным составом. Они были размещены совместно с соответствующими штабами группы армий «В» и работали как

¹ Военно-исторический журнал, №6, 1966, с. 8.

² Рыжов К. Все монархи мира. Западная Европа. М., 2000, с. 553—556.

³ Военная мысль, №9, 1941, с. 4.

бы в составе последних¹. Переброску войск на восток планировалось осуществить постепенно, не увеличивая интенсивность железнодорожного движения, при этом вначале перебрасывались пехотные дивизии в районы западнее Кенигсберга, Варшавы, Тарнува. Подвижные соединения планировалось перевести в самом конце стратегического сосредоточения войск. Выдвижение войск к границе с СССР должно было произойти в последний момент и только в ночное время.

Сосредоточение огромного количества немецких войск для войны против СССР проводилось с большой осторожностью, и гитлеровцы совершали величайший в истории обманный маневр, пытаясь создать впечатление о готовившемся десанте в Англию, однако слухи о предстоящей войне с Советским Союзом быстро распространились среди немецкого населения и в армии. Бывший гитлеровский генерал Блюментрит писал о настроениях, царивших среди немецких офицеров весной 1941 года: «Среди офицеров чувствовалось какое-то беспокойство, неуверенность... Все карты и книги, касающиеся России, вскоре исчезли из книжных магазинов. Помню, на столе фельдмаршала Клюге в Варшаве всегда лежала кипа таких книг. Наполеоновская кампании 1812 года стала предметом особого изучения. С большим вниманием Клюге читал отчеты генерала Коленкура об этой кампании. В них раскрывались трудности ведения войны, и даже жизнь в России. Места боев Великой армии Наполеона были нанесены на наши карты. Мы знали, что вскоре пойдем по следам Наполеона².

В первый период времени, примерно до апреля 1941 года, предписывалось по-прежнему поддерживать в общественном мнении неопределенность относительно немецких намерений и выдвигать на первый план предстоящее вторжение в Англию, распространяя слухи о новых средствах нападения и транспорта, а переброску войск в Восточную Пруссию и Польшу в это время рекомендовалось объяснять как замену частей между Западом и Востоком, или, в конце концов, как обеспечение прикрытия тыла германских войск со стороны России при вторжении в Англию. На следующем этапе, когда подготовку к нападению на Советский Союз уже было невозможно скрыть, ее предписывалось представлять как маскировочный маневр для отвлечения внимания Англии от последних приготовлений к вторжению на Британские острова³.

Подготовка к войне велась с широким размахом. Все генералы вермахта, связавшие свою судьбу с Гитлером, исту-

¹ ЦАМО РФ. Ф.15. О.11600, д.1062, л. 16.

² Роковые решения. Сб. статей. М., 1958, с. 68.

³ ЦАМО РФ. Ф.15. О.11627, д.1062. Л. 17.

пленно и самоотверженно работали над разработкой плана «Барбаросса», и с немецкой настойчивостью и педантизмом готовили войска к войне с русскими, нося в душе заносчивое предубеждение, что в мире нет такой силы, которая могла бы им противостоять. 3 февраля в Берхтесгадене Гитлер заслушал подробный доклад Браухича и Паулюса о ходе концентрации германских войск на Востоке и, одобрив его, заявил: «Когда начнется операция «Барбаросса», мир затаит дыхание и не сделает никаких комментариев»¹.

В другом выступлении Гитлер открыто заявил: «Если мы хотим создать нашу великую Германскую империю, мы должны, прежде всего, вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов... Для выполнения этой цели я не поколеблюсь ни одной секунды принять на свою совесть смерть двух или трех миллионов немцев...»²

В период подготовки к операции «Барбаросса» среди нацистских функционеров появился термин «Vernichtungskrieg» — «война на уничтожение» — под которым подразумевалось полное уничтожение коммунистической организации в Советском Союзе и физическое истребление всех евреев, проживавших там. Согласно нацистской идеологии, Советский Союз представлял собой «жидо-большевистское государство», где коммунистический режим находился под полным контролем и влиянием евреев³. Другие документы более подробно раскрывают кровавые методы истребления и порабощения покоренных народов, к которым германские империалисты готовили армию и немецкий народ. 12 декабря 1940 г. Гиммлер приказал начать обучение полицейских для службы в колониях. Оккупированные страны, в первую очередь Польша, уже были использованы в качестве опытного поля для осуществления этой колониальной политики в Европе. Но если зимой 1940/41 г. гитлеровцы еще не решались открыто назвать колониями эти новые территории, то спустя полгода Геринг писал, что «все вновь оккупированные территории на востоке будут эксплуатироваться как колонии и при помощи колониальных методов». Еще более цинично эти цели германского империализма были сформулированы в известной «Памятке» солдатам вермахта, которой они должны были руководствоваться в войне против Советского Союза и других стран. «Ни одна миро-

¹ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. М., 1955, с. 395.

² Исторический журнал, №7, 1941, с. 4.

³ Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю. М., 2003, с. 39.

вая сила, — говорилось в ней, — не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Германия — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты, германец, как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»¹.

Большая роль в осуществлении кровавых преступлений против человечества принадлежала министерству внутренних дел фашистской Германии, возглавлявшемуся Фриком. Именно это министерство, тесно сотрудничавшее с СС, руководило созданием концентрационных лагерей, направляло террористическую деятельность гестапо, подготавливало и проводило в жизнь самые жестокие акции фашистского режима. Именно Фрик и Гиммлер летом 1940 года подготовили и издали чудовищный закон об уничтожении душевнобольных и престарелых. После издания этого закона производилось систематическое умерщвление бесполезных для германской военной машины людей: душевнобольных, калек, престарелых и иностранных рабочих, которые не могли больше работать. Для осуществления этой акции было создано так называемое «Имперское общество лечебных и попечительских заведений». Одновременно в различных частях Германии были подготовлены для массового уничтожения людей лечебницы, попечительские заведения, которые получили наименование «заведений эвтаназии» (легкой смерти). В них были смонтированы газовые установки и печи для сжигания трупов. Эти газовые камеры имели внешний вид ванн или душевых. Под такие «заведения эвтаназии» были переоборудованы лечебницы в Гартгейме, близ Линца, в Зоннейштейне, близ Пармы, в Графенеке, в Вюртемберге, в Бранденбурге и Хадамаре. После умерщвления «бесполезных едоков» в душегубках, их родственникам сообщалось, что они умерли естественной смертью. В этих лечебницах и домах призрения было убито только в 1940—1941 гг. 275 тысяч немцев и иностранных рабочих². Наиболее потрясающим примером подобного рода убийств является знаменитое Хадамарское дело. 13 августа 1941 года епископ города Лимбурга написал имперскому министру юстиции о том, что «примерно в восьми километрах от Лимбурга, в маленьком городке Хадамаре, на холме, который расположен выше города, имеется учреждение, которое прежде использовалось для различных целей, а в последнее время оно

¹ Сборник сообщений чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946, с. 7—8.

² СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 1960, с. 424—425.

используется как лечебница. Это учреждение было отремонтировано и оборудовано как место, в котором, по единодушному мнению, примерно с февраля 1941 г., систематически совершается «лишение жизни людей с целью милосердия». И далее: «Несколько раз в неделю в Хадамар прибывают автобусы, на которых привозят эти жертвы в большом количестве. Школьники, которые живут поблизости, уже знают эти автомашины и говорят: «Снова едет этот автомобиль смерти». После прибытия этих автомобилей, граждане Хадамара видят дым, который поднимается из трубы, и в зависимости от направления ветра до них доносится ужасный смрад¹.

Гитлеровская пропаганда прибегала к запугиванию населения страны и пыталась убедить немецкий народ, что единственным выходом для него является победоносная война и что в случае поражения Германию ждет новый Версаль. «Эта растленная гитлеровская демагогия, а также успехи фашистских армий в начальный период войны и коррумпирование большей части населения страны за счет ограбления других народов, позволяли гитлеровскому режиму все крепче привязывать немецкий народ к фашистской военной колеснице вопреки его коренным интересам»². Усиливалась роль полиции и террористического аппарата гитлеровской диктатуры как внутри Германии, так и в оккупированных государствах. Увеличивались войска СС, и их количество было доведено до 35 дивизий. Гестапо стало спешно сколачивать из числа уголовных элементов различные «украинские», «русские», и «прибалтийские» фашистские легионы, которые проходили военную подготовку и предназначались для проведения карательных мероприятий на оккупированных территориях.

Авторы плана «Барбаросса» определили задачи группам армий «Север», «Центр» и «Юг» на глубину одной стратегической операции до рубежа Днепр — Западная Двина. Группа армий «Центр» должна была наступать «особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы советских войск в Белоруссии». Затем ей предписывалось передать часть подвижных войск группе армий «Север» для полного уничтожения советских войск в Прибалтике и захвата Ленинграда. Только после проведения этих операций группа армий «Центр» должна была возобновить наступление на Москву. Раздельное ведение наступления двумя группами армий на Ленинград и Москву разрешалось только в случае «неожиданно быстрого разва-

¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 4. М., 1959, с. 823.

² Очерк истории немецкого рабочего движения. М., 1964, с. 155.

ла русской силы сопротивления». Перед группой армий «Юг» была поставлена задача «посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, полностью уничтожить находящиеся на Украине русские войска западнее Днепра»¹.

В качестве общей стратегической цели войны в плане «Барбаросса» значилось: «Победить Советскую Россию в результате быстрой кампании». Ближайшей целью ставилось: глубоко выброшенными вперед «танковыми клиньями» уничтожить всю массу советских войск, находящихся в западной приграничной полосе Советского Союза, не допустив отхода ее боеспособных соединений в глубь страны, при этом захватить все советские военно-морские базы на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, и тем самым лишить советский флот на Балтике возможности продолжать борьбу². Исключительное значение придавалось захвату Москвы, что, по мнению немцев, должно было положить конец войне на Восточном фронте. Конечной целью операции по плану «Барбаросса» являлось стремительное продвижение немецких войск на линию: Архангельск — Горький — р. Волга, чтобы иметь возможность, если это будет необходимо, уничтожить воздушными силами «последний индустриальный район русских в Уральских горах».

В директиве подчеркивалось важное значение для победоносного завершения Восточного похода быстреего захвата Москвы и Донецкого бассейна. Однако вопрос о взаимодействии групп армий «Центр» и «Юг» при развитии наступления от Днепра не рассматривался. Авторы директивы самонадеянно полагали, что последующие действия немецких войск будут носить характер «преследования» остатков разгромленного противника и им без особого труда удастся выйти на линию Волги, где они создадут «заградительный барьер против Азиатской России».

Таким образом, основная стратегическая цель немецкого военного плана — уничтожение одним ударом военной мощи Советского государства — цель, навеянная шлиффеновской дефективной теорией о возможности осуществления «Канн» стратегического масштаба, была нереальной. Помимо невозможности вообще поймать в гигантский «котел» многомиллионную армию, само соотношение сил, говорило о вздорности такого замысла. А какие еще стратегические преимущества надеялись получить главаря вермахта по сравнению с Красной Армией?

¹ Военная мысль, №4, 1991, с. 67—68.

² ЦАМО РФ. Ф.15, О.11600, д.1062, л.36.

Стало известно, что ставка делалась на временные факторы и на авантюризм в стратегических методах. Вероломство и внезапность нападения расценивались Гитлером и Генштабом как решающий стратегический фактор для победы в войне. Внезапность удара, по мнению немцев, должна была обеспечить полный срыв мобилизации вооруженных сил в Советском Союзе, что могло привести к невозможности создания стратегического фронта. Именно внезапность первых ударов в сочетании с их силой, по мнению немецко-фашистских руководителей, должны были обеспечить широкий размах и высокие темпы последующего почти беспрепятственного продвижения немецких войск в глубь советской территории.

Верховное командование и Генеральный штаб придавали исключительное значение скрытности проведения всех подготовительных мероприятий, имеющих хоть какое-то отношение к готовящейся войне на Востоке. Во всех документах эта мысль проведена отчетливо. «Из-за огласки наших приготовлений, — указывалось в плане «Барбаросса», — могут возникнуть тяжелейшие политические и военные последствия»¹. Сам Гитлер на всех совещаниях неоднократно повторил, что концентрация германских сил для операции «Барбаросса» должна маскироваться подготовкой нападения на Англию, а также проведением операции «Марита» по захвату Югославии и Греции.

Стратегические планы Гитлера строились на политических и военно-экономических соображениях, без опоры на которые нельзя начинать войну. Это был в первую очередь захват Ленинграда, который он рассматривал как колыбель большевизма и который должен был принести ему устойчивую связь с финнами, и господство над Прибалтикой. Одновременно должна была вестись операция по овладению источниками сырья на Украине и угольными ресурсами Донбасса, а затем нефтяными промыслами Кавказа.

Готовясь к нападению на Советский Союз, фашистская Германия была более чем когда-либо обеспечена топливными и сырьевыми ресурсами. Добыча угля в Германии вместе с подвластными ей странами достигала 400—410 млн. т. Это в два с лишним раза превышало добычу угля в Германии накануне Первой мировой войны, и было равно производству угля в США в 1939 году (401,9 млн. т). Развязав войну, фашистская Германия захватила и подчинила себе людские и материальные ресурсы почти всей Европы. Страны, входившие в гитлеровскую коалицию и оккупированные Германией, в общей

¹ Военно-исторический журнал, № 12, 1959, с. 32.

сложности насчитывали до 290 млн. человек населения¹. По обеспеченностью нефтью Германия также оказалась в гораздо более благоприятном положении, чем в Первую мировую войну. Общее количество поставок нефти в Германию в предвоенные годы достигало 7—8 млн. т., что покрывало годовую потребность страны в жидком топливе. В начале Второй мировой войны запасы нефти в Германии равнялись 6—7 млн. т., а после изъятия нефти из оккупированных стран, они выросли до 10—11 млн. т.

Сталелитейная промышленность, которой располагала гитлеровская Германия, давала 42—44 млн. т в год, а это было всего на одну треть меньше производства сталелитейной промышленности США и в 3—3,5 раза больше той мощности, с какой Германия вступала в Первую мировую войну. Гитлеровской Германии удалось создать и значительные запасы важнейших стратегических материалов, необходимых для ведения войны: алюминия, магния, цинка, марганца, каучука. Одним из важнейших элементов экономического потенциала является производственная мощность всей промышленности. К началу Второй мировой войны промышленность собственно Германии давала 11—12 процентов мировой промышленной продукции, а вместе с оккупационными странами — 18—20 процентов².

Но при ведении большой войны немецкая индустрия в высокой степени зависела от импорта. Так, за счет импорта покрывалось 99% потребности бокситов, 95% никеля, 90% олова, 80% каустика, 70% меди, 50% свинца, 45% железа и 26% цинка. Поэтому в одной из своих речей Гитлер говорил, что «единственный выход... лежит в приобретении достаточно большого жизненного пространства. Для решения германского вопроса может только путь насилия»³. 22 августа 1939 года, выступая перед высшим командным составом, Гитлер еще раз указал на необходимость завоеваний: «Наше экономическое положение является настолько тяжелым, что мы еще можем продержаться лишь несколько лет... Нам ничего не остается другого, мы должны действовать»⁴.

Экономические цели в войне оставались главными. «Надо завоевать то, в чем мы нуждаемся и чего у нас нет. Нашей целью должно быть — завоевание всех областей, имеющих для нас

¹ Военная мысль, №7. М., 1954, С.45.

² Там же, с. 56.

³ В. Блейер, К. Дрехслер и др. Германия во Второй мировой войне. (1939—1945). М., 1971, с. 41.

⁴ Там же, с. 4.

особый военно-экономический интерес». Именно так Гитлер обрисовал министру вооружений Ф. Тодту политику фашистской Германии в предстоящей войне. Геринг смотрел еще дальше: «Если Германия выиграет войну, то она станет величайшей державой в мире, она будет господствовать на мировых рынках. Германия обогатится. Ради этой цели стоит рисковать»¹.

Нешадной эксплуатации были подвергнуты экономика и промышленность оккупированных фашистской Германией стран. Захватив Австрию, германские монополии присвоили себе до 60% ее промышленности. После оккупации Чехословакии германские монополии захватили контроль над экономикой страны, поставив ее на службу германскому милитаризму. Для фашистской Германии большой интерес представляла ее металлургическая и военная промышленность. По производству стали в 1937 году (2 314 тыс. тонн) Чехословакия относилась к важнейшим производителям металла в Европе². Продукция военной промышленности Чехословакии была хорошо известна за пределами страны. Ее военные заводы являлись самыми лучшими в Европе. Только производственная мощность авиационной промышленности достигала 1500 самолетов в год. В целом военная промышленность Чехословакии была рассчитана на снабжение армии в 40—45 дивизий, общей численностью до 1,5 млн. человек. В руки германских милитаристов попало целиком все вооружение и запасы 30 чехословацких дивизий, в том числе материальная часть трех бронетанковых дивизий, оснащенных по тому времени наиболее совершенными танками.

После оккупации Польши немецкие концерны захватили 294 крупных, 9 тысяч средних и 76 тысяч мелких польских промышленных предприятий, а также 9 120 крупных и 112 тысяч мелких торговых фирм³. В оккупированных европейских странах гитлеровские войска захватили в 1940 году в качестве трофеев большое количество разнообразной техники: почти все вооружение 6 норвежских, 10 голландских, 22 бельгийских, 12 английских и 92 французских дивизий. В одной только Франции агрессоры захватили 3 тысячи самолетов и 4 930 танков (включая и транспортеры для боеприпасов)⁴. За счет французских автомашин германское командование к моменту нападения на Советский Союз, обеспечило автотранспортом 88 пехотных дивизий, 3 моторизованных и одну танковую

¹ Военная мысль, №12,1969, с. 77.

² Военно-исторический журнал, № 6,1961, с. 37.

³ А. Норден. Уроки германской истории. М., 1948, с. 219.

⁴ Служебный дневник Гальдера. Запись от 10.10.1940 г. и 23.12.1940 г.

дивизию¹. Германскими железными дорогами было конфисковано 4 260 голландских, бельгийских и французских локомотивов и 140 тысяч товарных вагонов².

Золотой фонд и все казначейские и ценные бумаги оккупированных стран были обращены на пользу Германии, а в Дании, Голландии, Норвегии, Бельгии и Франции был налажен выпуск бумажных денег, подконтрольных рейху и одновременно были наложены большие контрибуции. За один год оккупации, с 25 июня 1940 года по 25 июня 1941 года только одни оккупационные платежи Франции немецким оккупантам составили сумму в 70—75 млн. немецких марок, или в пересчете на франки 14 150 млн. французских франков. Эта сумма в 1,7 раза превышала сумму репараций, уплаченную Германией Франции более чем за пятилетний период (с 2 сентября 1924 по 17 мая 1930 года). Общая сумма средств, полученных фашистской Германией в 1940 году под видом возмещения оккупационных расходов, квартирных и транспортных средств с Франции, Голландии, Бельгии, Дании, Норвегии, Польского генерал-губернаторства, протекторатов Чехии и Моравии, Греции, Сербии и Хорватии, составило 9486 млн. немецких марок³.

В 1941 году сумма средств, полученных с оккупированных стран, стала возрастать, и, кроме того, все союзные государства Третьего рейха под видом помощи — так называемого «вклада для борьбы с Советской Россией» — перечисляли фашистской Германии крупные денежные средства. Италия, Финляндия, Румыния, Венгрия и Болгария предоставили в 1941 году для немецкой армии средств на сумму 230 млн. германских марок. Таким образом, общая сумма средств, полученная Германией с оккупированных ею стран и союзных государств в 1940 и 1941 годах составила 22 905 млн. германских марок. Все эти средства были затрачены на финансирование подготовки войны с Советским Союзом. На гитлеровскую Германию работала военная промышленность Швеции, Португалии, Испании и Турции. Так, союз владельцев верфей Швеции дал обязательство построить для Германии в течение 1941—1942 годов новых судов общим водоизмещением 114 400 тонн⁴.

Гитлеровцы заготовили огромные запасы вооружений, и им казалось, что в мире нет такой силы, которая может противостоять их могуществу и их устремлению к мировому господству. В большой тревоге за свое будущее жили народы Велико-

¹ Военно-исторический журнал, №6, 1961, с. 38.

² ЦГАОР. Документы Нюрнбергского процесса, О.1, д. 18, л. 815.

³ Военно-исторический журнал, №6, 1961, с. 41.

⁴ Там же, с. 43.

британии и США, а их правительства с напряженным вниманием следили за нарастанием угрозы новой большой войны, отказываясь от военного союза с Советским государством и со страхом думая о том, что может их ожидать, если Гитлер одержит победу над русскими. Ведь фашистская Германия задолго до войны перевела свою экономику на военное производство, скрытно провела мобилизацию, и задолго до нападения сосредоточила свои войска вблизи границы СССР, и развернула их в соответствии со стратегическим и оперативным построением.

Вера в «молниеносную» победу над Красной Армией была настолько твердой, что нацистское руководство отбрасывает всякие колебания в отношении войны против Советского Союза. Несомненно, в результате успехов на Западе, немецко-фашистские вооруженные силы приобрели боевой опыт и стали намного сильнее. Значительно усилились экономический и военный потенциалы Германии в целом, она могла поставить себе на службе экономику почти всей Европы и в качестве рабочей силы использовать миллионы иностранных рабочих. В результате против Советского Союза, лицом к лицу встал коварный, беспринципный и очень сильный враг, руки которого после побед на Западе были полностью развязаны. Мало того, это был враг, встречавший тайную поддержку во влиятельных кругах формально воевавшей с ним Англии и не вступавших еще в войну США, где были сильны прогерманские позиции в правящем классе. Бурная вспышка шовинизма в Германии под влиянием легких побед давала уверенность гитлеровцам в том, что немцы охотно пойдут на войну против СССР. Все это вскружило прусской военщине голову настолько, что все частные возражения против немедленной войны на Востоке были окончательно отброшены. У всех прусских генералов, стоявших во главе вермахта, сохранилось пренебрежительное отношение к боеспособности русской армии, заложенное в них еще со времен Первой мировой войны, участником которой все они были, и такое мнение у них с годами никак не менялось. «Все мы жили под гипнозом, что Россия осталась такой же слабой, какой она была до 1917 года, а может быть, стала еще слабее», — вспоминали генералы, плененные советскими войсками под Сталинградом. Никто из высшего руководства нацистской Германии не захотел глубоко вникнуть в политико-экономические преобразования, проводившиеся в Советском Союзе, в то время как они коренным образом изменили весь облик страны. Из отсталой страны, какой являлась царская Россия в правление Николая II, советское государство за очень короткий исторический срок превратилось в могучую индустриальную державу, которой

под силу было выпускать самое современное для того времени вооружение, и которая имела все необходимые предпосылки для их массового производства. Власть и народ молодого советского государства успешно созидали великие промышленные стройки, росла экономическая и военная мощь страны, а все население страны, особенно молодое, гордилось своим участием в индустриализации, одновременно преобразовывавшей уклад страны и открывавшей им большие перспективы в будущем. Германским руководством совсем не была осмыслена и тот факт, что новый общественный строй явил и такой феномен, как советский человек, обладающий высокими нравственными качествами и занимающий ответственную гражданскую позицию в деле защиты тех ценностей, которые принесла советская власть. А этих ценностей было очень много: равенство всех перед законом, и социальное равенство в обществе, которое достигалось простыми человеческими устремлениями — трудом и знаниями — доступным для всех и поощряемое властью и всеми общественными структурами. Образование было не просто бесплатное — оно было обязательным для всей молодежи и при равенстве прав и возможностей, первенство всегда отдавалось тому, кто стремился глубже овладеть знаниями. Бесплатная медицина, практически бесплатный отдых в профсоюзных и молодежных здравницах и копейная оплата за проезд в общественном транспорте делали жителей Советской страны горячими приверженцами социализма, у которого было притягательное человеческое лицо. Молодежь Советского Союза гордилась своей страной, и готова была ее защищать, что и проявилось в годы войны.

В Советском Союзе очень умело велась пропаганда достижений социалистического строя, а так как во всех структурах партийной и советской власти, образовании и искусстве было много евреев, всегда отличавшихся мастерством в пропаганде передовых идей, то масштабы этой работы были впечатляющими. Молодые люди Советской страны при нападении фашистской Германии проявили такой патриотизм и такую жертвенность в защите социалистических идей, что это не могло остаться незамеченным врагом. В первых донесениях командующих групп армий и в дневниковых записях начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Гальдера отмечалась необычная самоотверженность советских солдат при исполнении своего воинского долга и сквозила тревога за исход каждого боя.

В плане «Барбаросса» был сконцентрирован весь опыт Генерального штаба Германии за время его существования. В нем наиболее выпукло выражена авантюристическая сущ-

ность германской стратегической мысли. Гитлер и германское военное руководство были твердо уверены в возможности молниеносного разгрома вооруженных сил Советского Союза: они были убеждены, что поражение войск Красной Армии, расположенных в Прибалтике, Белоруссии и на Украине, обязательно приведет к быстрому выигрышу всей войны. Все операции на востоке немцы рассчитывали закончить до наступления зимы. Именно эту насквозь авантюрную цель и поставили перед вермахтом его руководители Кейтель и Браухич, планируя полное уничтожение кадровых вооруженных сил СССР к западу от Днепра и в Прибалтике и оккупацию нашей страны вплоть до линии Архангельск — Волга — Каспий в течение 1,5—2 месяцев.

На совещании в ставке Гитлера 3 февраля 1941 года по плану «Барбаросса», Гальдер и Кейтель, при оценке возможного соотношения фашистских и советских военных сил, сделали вывод, что общее количественное превосходство в живой силе и технике будет на стороне СССР, но качественное превосходство, по их расчетам, будет в пользу германской армии. Согласно сведениям германской разведки, в начале 1941 года в составе Вооруженных Сил СССР имелось 12—14 тыс. боевых самолетов, 10 тыс. танков (без учебных), 180 соединений масштаба дивизии. К середине июня 1941 года число расчетных дивизий в СССР, по немецким данным, достигли 240, 195 из которых располагались в западных районах страны и с началом войны могли быть использованы против войск Германии и их сателлитов. Командование вермахта учитывало опыт всех своих предшествующих кампаний во Второй мировой войне. К примеру, успех в военных действиях против англо-французской коалиции в мае-июне 1940 года был достигнут в результате качественного превосходства немецких войск над противником, ведь по количеству войск и вооружений западные союзники не уступали Германии, а кое в чем даже превосходили. В Восточном походе планировалось достичь более высокой степени качественного превосходства немецко-фашистских войск и одновременно увеличить их численность.

Достижению качественного превосходства над Красной Армией, имевшей больше самолетов, чем вермахт, могли послужить, по мнению немецкого командования, более совершенная материальная часть ВВС Германии, насыщение войск зенитными средствами и налаживание тесного взаимодействия между авиацией и сухопутными войсками. К началу 1941 года был увеличен выпуск самолетов, хорошо зарекомендовавших себя в ходе Западной кампании, осуществлена их модификация. Большое внимание уделялось подготовке

ВВС к нанесению ударов по советским аэродромам, для чего были расширены возможности ведения воздушной разведки. Из 3664 боевых самолетов, выделенных германским командованием для обеспечения операции «Барбаросса», 623 (т.е. 17 проц. общего числа) были разведывательными¹. Этот показатель в несколько раз превышал аналогичный, характеризующий советские ВВС.

Невольно возникает вопрос: сумело ли военное руководство СССР правильно оценить особенности подготовки вермахта к войне с советскими вооруженными силами? Развитие событий в начальный период Великой Отечественной войны показывает, что в Наркомате обороны эта проблема не обсуждалась и там, в основном, занимались подсчетом количества дивизий, других средств вооруженной борьбы немцев, но не анализом их качественного превосходства над советскими дивизиями.

Сделав упор на качественное совершенствование своих вооруженных сил, германское военно-политическое руководство сумело использовать все имевшиеся перед войной в его распоряжении ресурсы и время более эффективно, чем советское. Руководство СССР, несмотря на то, что с ноября 1940 года неизбежность войны с Германией стала вполне очевидной, продолжало проводить прежний курс на увеличение численности вооруженных сил, количества оружия и военной техники. Даже в феврале 1941 года правительство СССР, по предложению начальника Генерального штаба Красной Армии Г. Жукова, приняло план расширения сухопутных войск еще почти на сто дивизий, хотя более целесообразно в той обстановке было бы доукомплектовать, перевести на штаты военного времени имевшиеся двести с лишним дивизий и повысить их боеспособность.

Общее количество вооруженных сил рейха с мая 1940 по июнь 1941 года возросло на одну треть и составило 7 млн. 254 тыс. При этом численность сухопутных войск увеличилась до 5 млн. 170 тыс. человек, ВВС — до 1 млн. 680 тыс., ВМС — до 404 тыс. В сухопутных войсках, в действующей армии насчитывалось 3 млн. 800 тыс. человек, в армии резерва — 1 млн. 200 тыс., в войсках СС — 150 тыс., в иностранных формированиях — 20 тыс. человек². Стремясь увеличить количество живой силы вермахта, немецко-фашистское руководство не считало, однако, это главным в подготовке войны против СССР. Основная ставка делалась на качественное совершенствование вооруженных сил.

¹ Военно-исторический журнал, № 5, 1989, с. 68—69.

² Там же, с. 63—64.

Исключительно важное значение для этого имело формирование в период с августа 1940 года по январь 1941-го 23 новых дивизий, которые немецкое командование относило к подвижным и предназначало для создания танковых клиньев, призванных обеспечить высокие темпы наступления во время продвижения войск вермахта по советской территории. Было сформировано 11 танковых, 8 моторизованных и 4 легких пехотных дивизий. В результате к июню 1941 года общее количество танковых дивизий в вермахте, по сравнению с маем 1940 года, возросло в 2,1 раза (с 10 до 21 дивизии), моторизованных (с учетом дивизий СС) — в 2,7 раза (с 6,5 до 17,5 расчетной дивизии). Доля танковых и моторизованных соединений в действующей армии увеличилась за тот же период с 10,5 до 18 процентов¹.

Для нанесения сокрушительного первоначального удара немецко-фашистское командование выделило до 90 процентов имевшихся у него военных сил. На северном участке фронта немцы готовили к наступлению три танковые дивизии (более 600 танков), в центре, где сосредотачивалась наиболее мощная группировка гитлеровской Германии, удар должны были наносить девять танковых дивизий — около 1500 танков, в южном секторе советско-германского фронта — пять танковых дивизий — 600 танков. Помимо танковых дивизий в состав четырех танковых групп входило 14 моторизованных дивизий².

В своем резерве гитлеровское командование оставило 24 дивизии, которые предназначались для развития наступления после достижений целей начальных операций. Этих сил было явно недостаточно для успеха в большой кампании, но Гитлер и его военные советники войну с СССР представляли такой, какой видели ее в Польше и во Франции, и других вариантов они просто не рассматривали. Одновременно велась работа по оболваниванию солдатских масс вермахта, которым внушали мысли о легкой победе в Восточной кампании, о приобретении для них новых земель, о счастливом будущем и великой Германии. Офицерам и солдатам вермахта в будущей войне и при оккупации новых земель предоставлялось право на месте решать судьбу побежденных. Им обещали безнаказанность при совершении жестокостей с местным населением, и это им заявил их фюрер: «Немецкие солдаты, виновные в нарушениях международных правовых норм... будут прощены» — высказывание, которое широко распространялось в средствах массо-

¹ Военно-исторический журнал, № 5, 1989, с. 65.

² *Бл. Гарт*. Важнейшие стратегические решения. От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М., 1988, с. 62.

вой информации и среди солдат вермахта¹. С армии была снята всякая ответственность за все зверства, которые они совершали во время войны.

Особенно выделялся жестокостью начальник штаба верховного главнокомандования (ОКВ) генерал-фельдмаршал В. Кейтель. В период подготовки бандитского нападения на Советский Союз и в годы самой войны Кейтель был вдохновителем и автором многих чудовищных документов. В марте 1941 года он принимал участие в совещании «Об особом обращении с советскими военнопленными», где разрабатывались методы массового истребления советских людей. 13 мая 1941 года он издал распоряжение «О военной подсудности в районе «Барбаросса»», которое провозглашало безнаказанность военных преступников. Немецким офицерам предоставлялось право расстреливать советских граждан без всякого суда². В мае Кейтель подписал директиву о расстреле всех политработников Красной Армии. В распоряжении от 16 сентября 1941 года сей мастер разбоя требовал «иметь в виду, что человеческая жизнь... (советских граждан. — *Авт.*) ничего не стоит...» Приказ под зловещим названием «Мрак и туман» требовал истребления советских военнопленных. Тех военнопленных, кого, по решению немецких властей, оставляли в живых, по приказу Кейтеля должны были клеймить «с помощью раскаленного ланцета, смоченного китайской тушью»³.

Уже в ходе войны гитлеровцы сочинили специальный устав, в котором излагались различные методы подавления партизанского движения советского народа и истребления мирного населения. Это «Боевое наставление о борьбе с партизанским движением на Востоке» написал генерал Йодль, а подписал его Кейтель. В нем говорилось: «Каждый командир отряда несет персональную ответственность за то, чтобы все пойманные в результате боя партизаны и гражданские лица (включая и женщин) были расстреляны или, лучше, повешены»⁴. Статья 86 этого наставления предусматривала «коллективные меры наказания... против сел, в которых партизаны находят различного рода поддержку... даже уничтожения села».

В Берлине исключали всякую возможность нанесения Красной Армией превентивного удара по сосредотачиваемым германским войскам в Восточной Пруссии, Польше, Румынии

¹ *Бл. Гарт*. Важнейшие стратегические решения. От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М., 1988, с. 41.

² ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 977444, д. 14, л. 25.

³ Там же, л. 27.

⁴ Там же, л. 28

и Финляндии. Изучив характер Сталина и политику, проводимую его правительством, Гитлер и генералы Генштаба, исключали всякую возможность его осуществления. Даже там, где проходила спорная территория, Генштаб приходил к несостоятельности таких взглядов, иногда проскальзывающих среди руководящего состава вермахта.

Кейтель и Браухич рассчитывали громить советские силы по частям, и, смело используя результаты внезапного нападения на неподготовленную Красную Армию, прорваться в кратчайший срок к жизненно важным центрам страны, питающим войну: к Ленинграду, Москве, Харькову и Донбассу. Немцы были уверены, что внезапность удара, как и во время западных кампаний, вызовет в Советской стране растерянность, панику, чувство беспомощности, а дальше все последует так, как это было в Польше и Франции, и Советский Союз развалится, как картонный домик.

Все эти беспочвенные расчеты, как известно, с треском провалились. Внезапность удара поставила советские войска прикрытия в исключительно тяжелое положение, но решающего успеха гитлеровскому командованию не принесла и через 3—4 месяца после начала войны утратила свое значение.

Логическим следствием переоценки германской военной значения внезапности явилось безоговорочное принятие ошибочной стратегической концепции о необходимости безостановочного наступления «танковыми клиньями». Так, если в 1939 году глубина вторжения «танковых клиньев» в Польшу была рассчитана на 200—250 км, и 350 км в 1940 году на Западе, то по плану «Барбаросса» — на 500—550 км; отсюда происходили и планы среднего темпа наступления, который в польской кампании был равен 20 км, а в войне против СССР планировалось довести его до 30—35 км в сутки. Считалось, что путем такого безостановочного движения вперед, даже если в тылу остаются не разгромленные советские армии, можно достигнуть того, что элемент внезапности постоянно будет давать все больший и больший эффект. При этом совсем не учитывалась протяженность территории Советского Союза, на преодоление которой требовалось время, новая техника, выносливость солдат и зимняя форма одежды для армии. Немецкие генералы, если бы они заглянули в историю походов Александра Македонского в Индию и Наполеона в Испанию и Россию, могли бы найти там указание на то, что в пространстве территории нередко заключена такая сила, что она становится сильнее армии, пытающейся ею овладеть. Так случилось и с гитлеровской армией: силы ее танковых моторов хватило

до Ленинграда и Смоленска, а чтобы двигаться дальше — нужно было менять двигатели, или поставлять новые танки, к чему германская промышленность не была готова, а сила пехотных дивизий была утрачена наполовину.

Расчет на сокрушительность и решающее значение первого удара привел гитлеровское руководство к ошибочной идее, глубоко противоречащей всему развитию военного искусства, — к линейности стратегического развертывания сил и к отказу от стратегических резервов. Это был возврат к стратегическим идеям Шлиффена и Мольтке, к идеям пеших армий прошлого века, к идеям, потерпевшим свое крушение уже в 1914 году. За Днепром, в связи с расширением советско-германского фронта, оперативная плотность фашистской армии, естественно, оказалась еще меньшей, и фронт получил прерывистый характер. Но это обстоятельство не вызвало никакой тревоги у немецких генералов, поскольку, вопреки здравому смыслу, фашистский Генеральный штаб исходил из порочной идеи о «прогрессивно затухающем сопротивлении противника» по мере продвижения немецкой армии вперед.

То, что Гитлер и его прусская военщина встали на путь линейности в стратегии, на путь ведения большой войны без стратегических резервов, было крайне рискованным и опасным шагом. Как верные последователи учения Клаузевица, отрицавшего значение стратегических резервов, они механически перенесли этот принцип военных действий первой половины XIX века в совершенно другие условия — войны машинного периода, когда значение стратегических резервов необычайно возросло. В отрицании значения стратегических резервов заключался один из главных элементов авантюризма немецко-фашистской агрессии.

Замысел немецкого командования — нанесение двух скрещивающихся ударов в Белоруссии и двух глубоких ударов в Прибалтике и на Украине преследовал явно непосильную цель — одновременного окружения сил четырех советских группировок войск: белорусской, прибалтийской, украинской и бессарабской. Такое распыление сил немецкой армии свидетельствовало о явно неразрешимой задаче — одним ударом покончить с Красной Армией и выиграть войну. Это также свидетельствовало о разбойничьем намерении Гитлера сразу захватить нетронутые войной обширные промышленные и сельскохозяйственные районы западных областей, центра и юга страны. Эти стратегические цели по своему масштабу и глубине не соответствовали имевшимся у немцев возможностям.

Уже через месяц после начала войны стало ясно, насколько авантюристичны были все беспочвенно оптимистические оперативные и стратегические расчеты гитлеровского командования. При линейных формах развертывания своих сил и низкой оперативной плотности фронтов, при все возрастающей силе сопротивления советских войск, осуществить непрерывное и стремительное наступление на большую глубину немцы были не в состоянии.

Перед началом русской кампании немцы изменили организацию танковых дивизий, сократив в них число танков и увеличив количество действующей вместе с ними моторизованной пехоты. Это было сделано отчасти для того, чтобы заставить советское командование поверить, что у Германии гораздо больше танковых дивизий, чем было на самом деле, а также из-за неспособности военной промышленности восполнить танковые потери, понесенные вермахтом в войнах с Францией и Англией, и при оккупации Греции и Югославии. В 1939 году в большинстве немецких танковых дивизий было в среднем по 324 танка, к лету 1941 года — по 194 танка.

Германское руководство считало, что у него достаточно сил для быстрого разгрома Красной Армии. Поэтому оно не планировало участие в осуществлении операции «Барбаросса» своих главных союзников — Италии и Японии. Им отводилась роль сковывающей силы по отношению к Англии и США на Средиземноморском и Тихоокеанском театрах военных действий с тем, чтобы обеспечить тыл и фланги Германии во время «молниеносной» кампании против СССР. В директиве о «Сотрудничестве с Японией», подписанной 4 марта 1941 года, указывалось, что «не следует сообщать никаких сведений об операции «Барбаросса», а добиваться от Японии скорейшего вступления в войну с Англией»¹. Гитлер не хотел допускать Италию и Японию к «делажу русского пирога» и уже с начала 1941 года намечал использовать своих союзников для расширения германской агрессии против Великобритании и США.

К нападению на Советский Союз готовились вооруженные силы Румынии, Венгрии и Финляндии, которые имели под своим ружьем до 1 400 000 человек, а их мобилизационные возможности достигали около 3 млн. человек². Позже, для борьбы с советскими вооруженными силами были направлены войска и отдельные дивизии из стран Италии, Испании, Франции, Словакии, Чехии, Польши, Словении, Хорватии, Да-

¹ Военная мысль, №4, 1991, с. 68—69.

² Там же, № 9, 1941, с. 10.

нии, Голландии, Норвегии и Бельгии и их общая численность превышала два миллиона человек.

Вся Европа была под пятой Гитлера. Одни государства были оккупированы, другие стали его сателлитами, третьи — к числу которых относились Испания, Португалия, Швейцария и Швеция — объявили о своем нейтралитете, но продолжали активно сотрудничать с германскими властями в политической и экономической областях, ни в чем не противясь гитлеровским притязаниям на роль лидера на европейском континенте. Только две страны — Англия и СССР — являлись препятствием для полного господства Гитлера в Европе, с завоеванием которого он намеревался взяться за осуществление плана на мировое господство. С Советским Союзом Гитлер не собирался искать примирения, хорошо зная, что Сталин никогда не поступит политическими и идейными принципами. Там же, на Востоке, лежало то «жизненное пространство», завоевание которого было целью всей политики Гитлера. Все было готово для войны с Советским Союзом: огромная армия, ожидавшая только его приказа, послушный и дисциплинированный немецкий народ, безоглядно веривший в «божественную миссию» своего фюрера на земле, и, наконец, победа над Грецией и Югославией завершила цепь великих побед и преобразований, которые он, Гитлер, готовил для всей Европы и мира. В Греции потерпели поражение и английские войска, для них это был второй Дюнкерк — все тяжелое вооружение английский экспедиционный корпус оставил на древней земле Эллады, и в Берлине посчитали, что теперь английское правительство будет более сговорчивым в деле заключения мирного соглашения с Германией. Немалое значение имел и тот факт, что англичане принадлежали к германской расе, с которой немцы были связаны кровными аристократическими узами, восходившие еще к временам древних викингов. В тот период среди правящего класса Англии, в ее королевских дворцах и правительственных коридорах существовало сильное желание примириться с Гитлером и дать ему возможность напасть на Советский Союз. Это снимало угрозу вторжения на острова немецких войск и вело весь европейский континент к большой войне, где победитель был неизвестен. Вся история Англии свидетельствовала, что чем яростнее были войны на Европейском континенте, тем меньше они затрагивали коренные интересы англичан. Влиятельная группировка герцога Гамильтона, одного из высокопоставленных придворных чинов Великобритании, открыто высказывалась в пользу заключения соглашения о мире с Германией. Ее-то и решил использовать Гитлер в своих интересах. Фюрер и его приближенные

фанатично боялись открытия второго фронта на Западе. Его способна была открыть только Англия, и для устранения этой угрозы, за 40 дней до нападения фашистской Германии на Советский Союз, личным посланником Гитлера на английскую землю отправился третий по рангу государственный деятель Германии и личный друг фюрера Р. Гесс. Он был кадровым летчиком, и это способствовало тому, что именно он, тайно, на истребителе, совершил 11 мая перелет в Англию, чтобы передать британскому правительству личные предложения Гитлера о мире, или, на крайний случай, добиться согласия Лондона сохранять нейтралитет при нападении Германии на Советский Союз. Состоя в переписке с видными мюнхенцами, Гесс «исподволь подготовил свой тайный визит к самой реакционной группе английских политиков, надеясь, что они помогут убедить правительство в той или иной форме включиться в антисоветский поход»¹.

Что же побудило тогдашнее германское правительство сделать такое предложение Англии? На этот счет споров нет: это боязнь перед нападением на Советский Союз войны на два фронта. Гитлер все время «заигрывал с идеей урегулирования отношений с Англией, чтобы освободить себе руки для ведения на Востоке войны на одном фронте»². У Гитлера были достаточно веские основания полагать, что его предложения могут быть приняты. В самом деле, разве не английское правительство на протяжении всех предвоенных лет всячески содействовало подготовке Германии к войне, полагая, что это будет война против СССР? Ведь именно такую войну Гитлер и собирался сейчас проводить. Разве не английское правительство вело тайные переговоры во время «странной» войны с различными нацистскими эмиссарами, нащупывая пути для мира с Германией? Разве не английское правительство во время Советско-финской войны прилагало невероятные усилия, чтобы «переключить» войну на СССР, и всячески выражало свою готовность принять вместе с Германией участие в антисоветском походе? И, наконец, разве не занимали в правительстве Черчилля весьма влиятельные посты в государстве те люди, которые организовали в свое время Мюнхен и жаждали содействовать Германии в разгроме Советского Союза?

Английские консерваторы знали, что немецко-фашистские войска уже изготовились для нападения на Советский Союз, и если Советская Россия будет так же быстро разгромлена, как и Франция, то что ждет Англию? Их мучил вопрос —

¹ ЛЕ. Кертман. География, история, культура Англии. М., 1979, с. 323.

² Вопросы истории, №12, 1963, с. 67.

сумеет ли устоять Британия в одиночку против объединенной Европы и побежденной России? А если будет захвачены Иран и Индия — где Англия будет черпать силы? Одновременно в Англии раздавались влиятельные голоса, призывавшие правительство оказывать Советскому Союзу материальную поддержку в войне с Германией, с тем, чтобы оба государства обескровили себя в этой борьбе, а затем навязать им свои условия. С такими заявлениями очень настойчиво выступал в английском парламенте министр авиационной промышленности Мур-Брабазон. Премьер не реагировал на заявления этого министра. Черчилль был более ловким политиком. В день нападения Германии на Советский Союз он выступил с заявлением британского правительства о поддержке Советского Союза в войне против нацистского рейха, однако, по существу, он проводил ту же политику, о которой заявлял Мур-Брабазон.

Гитлер, имевший в правительственных кругах Англии более ста агентов и множество влиятельных сторонников своей политики в правящем классе Британии, знал об этих тревожных раздумьях и колебаниях и надеялся вместе с ними разрешить тревожившую их проблему.

На это указывает и тот факт, что переговоры с Гессом переросли в переговоры между британским и германским правительствами. В середине мая в Дублин выезжал ответственный чиновник министерства иностранных дел Великобритании Айвон Кирпатрик, принимавший в свое время участие в известном Мюнхенском совещании. Через германскую миссию в Ирландии, он связывался с Берлином, уточняя детали соглашения с германским министерством иностранных дел, основное содержание которого сводилось к тому, что после нападения Германии на Советский Союз «правительство Великобритании в течение двух лет будет воздерживаться от открытия второго фронта в Европе»¹.

В Европе уже шла большая война, а с нападением фашистской Германии на Советский Союз, и Японии на США, она переросла в мировую войну. События весны 1941 года были так быстротечны и многолики, что полет Гесса в Англию был мало кем замечен. Но, заполучив его в свои руки, и упрятав Гесса в одном из пригородных лондонских поместий, английское правительство, надежно скрыло от мировой общественности и от своего народа подписанное правительством Черчилля соглашение, что «Великобритания не будет открывать второй фронт в Европе, если Германия начнет войну с Советским Союзом», дав, таким образом, согласие на эту агрессию»².

¹ Военно-исторический журнал, № 2, 1966, с. 22.

² Там же, с. 21.

За несколько месяцев до полета Гесса и после него воздушная война над островами Альбиона была прекращена, и английское правительство сумело использовать это время для увеличения выпуска боевых самолетов, подготовки новых отрядов летчиков и укрепления обороны страны. Насколько спала в то время угроза вторжения немцев на Великобританию, настолько она увеличилась по отношению к СССР. Сейчас известно одно: после полета Гесса и его переговоров с английским правительством нападение Германии на Советский Союз не было ни отменено, ни задержано. Это ставит перед исследователями новый вопрос: рискнул ли бы Гитлер начать войну против СССР, зная, что Англия будет угрожать ему с тыла, и что Германии предстоит война на два фронта? Гитлер и высший генералитет вермахта, являвшиеся участниками Первой мировой войны, никогда не пошли бы на такой шаг, не получив твердых и официальных заверений правительства Черчилля о нейтралитете Англии в течение двух лет, вполне приемлемого срока, за который они собирались покончить с Советским Союзом.

Москва видела нарастание угрозы войны и что она подошла к ее порогу. Советское правительство строило разные догадки о цели полета Гесса на Британские острова, но нельзя было не заметить, что в английской прессе после этого была прекращена антигерманская пропаганда, а в небе над английскими городами перестали появляться самолеты люфтваффе. По всему чувствовалось, что между немцами и англичанами достигнута некая тайная договоренность о прекращении между ними боевых действий на море и в воздухе. Тень Семилетней войны, когда Пруссия и Великобритания объединились в войне против всей Европы, блуждала по коридорам Кремля в Москве. Трудно было предугадать, к какому берегу пристанут США — с Англией у них было много общих интересов в политике и экономике; с другой стороны, американский капитал способствовал возрождению военной и экономической мощи Германии, и было неизвестно, куда он качнется. Это было самое опасное время для Советского Союза, и Сталин стал переводить страну на военный режим работы, опасаясь угрозы войны как с запада, так и с востока.

Тайны дипломатии в Англии раскрываются для широкого пользования через 25 лет, наиболее запутанные и противоречивые — через 50. Тайна полета Гесса и заключенное английским и германским правительствами соглашение о соблюдении Англией нейтралитета при нападении Германии на СССР, и обязательства Британии в течение двух лет не открывать второго фронта в Европе, до сих пор остаются государственным

секретом Англии, потому что, раскрыв его содержание, Лондон испачкает лицо своей аристократии и память о Черчилле грязной сделкой с Гитлером накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз. Именно об этой грязной сделке в своем последнем слове на Нюрнбергском процессе 31 августа 1946 года Риббентроп заявил, что накануне войны с Советским Союзом «Черчилль дал ему дружественные заверения»¹.

С 4 февраля 1941 года началось выдвижение германских вооруженных сил к западным границам СССР. В целях маскировки его намечено было провести ее постепенно, пятью эшелонами, причем войска первых двух эшелонов не должны были выдвигаться восточнее линии Кенигсберг — Варшава — Тарнув². Первый эшелон — семь пехотных и одна моторизованная дивизии — был переброшен в период с 4 февраля по 12 марта 1941 года с темпом около двух поездов в сутки по каждому из шести сквозных железнодорожных направлений, связывающих Центральную Германию с восточными районами Польши. Вторым эшелонам, в период с 18 марта по 8 апреля 1941 года, были переброшены восемнадцать пехотных дивизий со средним темпом примерно 6—7 воинских поездов в сутки по каждому железнодорожному направлению. Перевозка третьего эшелона, состоящего из шестнадцати пехотных дивизий и штабов групп армий «С» и «А», штабов 16-й, 9-й и 6-й армий, 4-й, 3-й, 2-й и 1-й танковых групп началась 10 апреля и по плану должна была закончиться к 1 мая, но задержалась до 10 мая. Темп движения поездов не был увеличен.

В конце апреля Гитлер назначил день нападения на СССР — 22 июня 1941 года. В соответствии с этим решением с 23 мая немцами был введен график максимального железнодорожного движения (график военного времени) и началась переброска четвертого эшелона. В его составе перевозилось 49 дивизий, из них 14 пехотных, 7 охранных, 15 танковых и 13 моторизованных дивизий. Средний темп движения возрос до 20 воинских поездов в сутки по каждому из шести железнодорожных направлений. В первую очередь перевозились пехотные и охранные дивизии. С 10 июня началась переброска танковых и моторизованных дивизий. В это же время на Восток перебазировалась основная масса германских военно-воздушных сил³.

В это же время на флангах стратегического фронта развертывания на границе с Советским Союзом в Южной Финляндии сосредотачивались финские войска, в Северной Финляндии и

¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. VII. М., 1961, с. 271.

² ЦАМО РФ. Ф.15, О.11600, д.1062, л. 22.

³ Там же. О. 11627, д. 1062, л.24.

Норвегии — соединения немецкой армии и военно-морского флота; в Румынии, под прикрытием развертывавшихся вдоль границы с СССР 3-й и 4-й румынских армий, сосредотачивалась 11-я немецкая армия. На советско-венгерской границе перевалы через Карпаты были заняты четырьмя венгерскими бригадами¹. К вечеру 21 июня все приготовления к нападению на Советский Союз закончились. Продолжались лишь перевозки пятого эшелона немецких войск — двадцати четырех немецких дивизий (пехотных — 21, танковых — 2 и моторизованных — 1), сосредоточение которых планировалось осуществить после начала войны.

К утру 22 июня группировка вооруженных сил Германии и ее сателлитов имела следующий вид: сухопутные силы Германии и ее сателлитов были подчинены главнокомандующему сухопутными силами Германии генерал-фельдмаршалу фон В. Браухичу, начальником его Генерального штаба был генерал-полковник Х. Гальдер.

В Восточной Пруссии между Балтийским морем и районом Гольдап, на фронте в 300 км, была развернута группа армий «Север», под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба в составе 4-й танковой группы под командованием генерал-полковника Хепнера, 18-й армии под командованием генерала артиллерии Кюхлера и 16-й армии под командованием генерала пехоты Буша. В группе армий «Север» насчитывалось 31 дивизия, из них: 25 пехотных, 3 танковые и 3 моторизованные дивизии. Группа армий «Север» наносила главный удар своим центром — 4-й танковой группой и примыкающими к ней крыльями 16-й и 18-й армий из района Тильзита и юго-восточнее в общем направлении на Даугавпилс — Остров.

Финским армиям была поставлена задача: прежде всего, овладеть полуостровом Ханко, а после форсирования р. Западная Двина группой армий «Север», атаковать русские войска по обоим берегам Ладожского озера, по возможности, нанося главный удар восточнее озера и поддерживать группу армий «Север» в ее операции по уничтожению советских войск в этих районах. В Северной Финляндии на Мурманском, Кандалякшском и Ухтинском операционных направлениях развертывалась германская армия «Норвегия» под командованием генерал-полковника Фалькенхорст в составе двух горно-егерских, одной пехотной и одной дивизии «СС», с приданным этой армии 3-м армейским финским корпусом в составе двух пехотных дивизий². Севернее Ладожского озера на Петрозаводском

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15, О. 11600, д. 1062, л. 24—25.

² Там же, л. 41.

и Олонекском направлениях развертывалась Карельская армия финнов в составе шести пехотных, одной кавалерийской дивизии и двух пехотных бригад финнов со 163-й пехотной дивизией немцев, а против Карельского перешейка (Ленинградское направление) была сосредоточена Юго-Восточная армия финнов в составе семи пехотных дивизий. Одна финская дивизия сосредоточилась против полуострова Ханко.

Южнее группы армий «Север» до верховий р. Припять на фронте в 500 км была развернута группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала фон Ф. Бока. В ее состав входили: 3-я танковая группа генерал-полковника Гота, 2-я танковая группа генерал-полковника Гудериана, 9-я армия генерал-полковника Штрауса и 4-я армия генерал-фельдмаршала фон Клюге. Она была самой сильной, в ее составе было 62 дивизии, из них: 45 пехотных, кавалерийских — 1, танковых — 10, моторизованных — 6 и 2 отдельные моторизованные бригады. Эта группа армий имела мощные ударные группировки на обоих флангах; в Сувалковском выступе — левое крыло 9-й армии с 3-й танковой группой и в районе западнее Бреста — правое крыло 4-й армии со 2-й танковой группой.

Группа армий «Центр» должна была вбить «танковые клинья» в советские войска, расположенные в приграничной полосе в Белоруссии, с обоих своих флангов в общем направлении на Минск, а затем, имея впереди обе танковые группы, наступать на Смоленск. 2-я танковая группа имела задачу, после прорыва советских укреплений в районе Бреста, быстро продвигаться вдоль северной границы Полесья на Слуцк и Минск. Следом за ней, для закрепления успеха, должна была продвигаться на Слоним своим сильным правым крылом 4-я армия. 3-я танковая группа имела задачу стремительно ворваться в расположение советских войск и захватить переправы через р. Неман в Алитусе и Меркине и через район Вильнюса и южнее его наступать на Минск, чтобы замкнуть кольцо окружения советских войск. Используя успех танковой группы, 9-я армия главными силами выдвигалась в направлении на Вильнюс и Лиду. Этот охватывающий маневр наступательной операции группы армий «Центр» имел своей целью окружить все советские войска в Западной Белоруссии и уничтожить их¹.

После соединения 2-й и 3-й танковых групп в районе Минска, они должны были быстро выдвигаться в районы Смоленска и Витебска, а 4-я и 9-я армии — следовать за ними на рубеж Могилев — Полоцк. Этот маневр, по расчетам герман-

¹ ЦАМО РФ. Ф15, О.11600, д.1062, л.38—39.

ского командования, должен был обеспечить условия для поворота главных танковых сил группы армий «Центр» на север с тем, чтобы во взаимодействии с группой армий «Север» наступать в общем направлении на Ленинград, с целью уничтожения всех советских военных сил в Прибалтике. Повороту крупных сил подвижных соединений группы армий «Центр» на север, для уничтожения, совместно с группой армий «Север» советских войск в Прибалтике, немецким верховным командованием придавалось исключительно важное значение. Директива №21 подчеркивала, что «лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой последует захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операции по овладению Москвой». На совещании 3 февраля 1941 года с высшими государственными чиновниками и военачальниками, Гитлер особо указывал, чтобы «при дальнейшей разработке плана «Барбаросса» не упускали из поля зрения основную цель — захват Прибалтики и Ленинграда», и что «в первую очередь должно быть покончено с севером»¹.

Сейчас нельзя исключать того факта, что гитлеровское руководство владело информацией о готовящемся бездействии войск Западного особого военного округа во главе с генералом армии Д. Павловым при вторжении немецкой армии на нашу территорию и сосредоточило на этом направлении главные подвижные силы — две танковые группы.

Такими глубокими охватывающими ударами своих танковых и моторизованных соединений верховное командование германской армии намеревалось устроить на всех стратегических направления «Канны» для советских войск и полностью их уничтожить в западных приграничных областях Советского Союза.

Удар на Москву намечалось нанести в обход ее с севера, из района Ленинграда, где в результате завершения первоначальных операций должна была сосредоточиться основная масса танковых соединений германской армии, и откуда ведение дальнейшего наступления должно было быть надежно обеспечено подвозом всех видов снабжения Балтийским морем, и с юга, после овладения группой армий «Юг» Украиной и Крымом.

От верховий р. Припять до Карпат на фронте в 450 км была сосредоточена 6-я армия под командованием генерал-фельдмаршала фон Рейхенау, 17-я армия генерала пехоты фон Штюльпнагеля и 1-я танковая группа генерал-полковника

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15, О.11600, д.1062, л.39.

фон Клейста. Эти оперативные объединения входили в состав группы армий «Юг», которой командовал генерал-фельдмаршал фон Рундштедт. Наиболее сильную группировку немцы создали между р. Припять и Карпатами для действий в направлении Луцка, где развернулись часть сил 6-й армии с 1-й танковой группой. Всего в составе группы армий «Юг» было 47 дивизий, из них: 36 пехотных, 6 танковых и 5 моторизованных. В состав группы армий «Юг» входили также занявшие Карпатские перевалы четыре венгерские бригады и германо-румынские войска, заканчивавшие стратегическое развертывание в Румынии, непосредственно у советской границы. Здесь участок от Карпат до Ясс, со всеми находившимися там румынскими войсками, принимала 11-я немецкая армия генерал-полковника Шоберта, южнее Яссы до р. Дунай была развернута 4-я румынская армия, а на ее участке сосредотачивался не подчиненный армии 54-й армейский корпус Германии; по нижнему течению Дуная развертывался 2-й румынский корпус. Общая протяженность фронта германо-румынских войск в Румынии достигала 700 км. 22 июня на этом фронте заканчивалось развертывание восьми германских пехотных дивизий и восьми отдельных румынских бригад (три пехотных, четыре кавалерийских и одна танковая).

Группа армий «Юг» должна была силами 1-й танковой группы, 6-й и 17-й армий прорвать пограничные укрепления между Ковелем и Перемышлем и развить 1-й танковой группой стремительный удар вдоль южной границы Полесья через Житомир и Бердичев, с целью захвата переправ через Днепр у Киева и южнее его, затем танковые соединения должны были развить наступление вдоль правого берега Днепра в юго-восточном направлении с задачей воспрепятствовать отходу через Днепр боеспособных частей Красной Армии, уничтожая их ударом с тыла¹.

Таким образом, против СССР фашистской Германией и ее сателлитами для нападения было выставлено:

- германских — 170 дивизий
- финских — 18 дивизий и 2 бригады;
- венгерских — 4 бригады;
- румынских — 18 дивизий и 8 бригад.

Из них: танковых дивизий — 19,5, моторизованных — 16, кавалерийских — 4,5, остальные — пехотные, горно-егерские, легкие пехотные и охранные². В итоге Германия выставила против СССР более 3/4 всех своих сухопутных сил. При этом в

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, О. 11600, д.1062, л.37.

² Там же, л.27—28.

оккупированных странах и внутри Германии были оставлены войска второго сорта, сформированные в 1940 или в 1941 годах из старших возрастов и не имеющих боевого опыта. Из 23 танковых дивизий германское командование оставило в Западной Европе только две танковые дивизии, и, кроме того, еще две танковые дивизии действовали в Африке. Все моторизованные дивизии были привлечены для действий на советском фронте. Для полного понимания всей мощи фашистской армии следует при этом учитывать, что боевые возможности германской пехотной дивизии и ее численность приравнивалась к стрелковому корпусу Красной Армии, боевые возможности ее армии соизмерялись с возможностями фронтового объединения, а группа армий «Центр» по своей военной силе превышала боевые возможности двух советских фронтов.

Из общего количества 6500 боевых самолетов, состоящих на 22 июня 1941 года в военно-воздушных силах фашистской Германии, против СССР было выставлено 4000 боевых самолетов, или почти 2/3 от общего их числа.

Накануне войны германский Генеральный штаб располагал данными, что Красная Армия имела 179 стрелковых, 33,5 кавалерийских и 10 танковых дивизий и 42 танковых и мотострелковых бригады, что в переводе на дивизии (считая две бригады за одну дивизию) составляло 243,5 дивизий. При проведении полной мобилизации, по мнению Генерального штаба, в Советском Союзе могло быть сформировано еще 30 стрелковых дивизий. При этом немецкое командование рассчитывало если не полностью, то в значительной мере сорвать мобилизацию Красной Армии при помощи внезапного нападения и «молниеносного» развития операций¹.

На основе этих расчетов Генеральный штаб фашистской Германии полагал, что основной и решающей задачей в войне с Советским Союзом, являлось уничтожение его вооруженных сил в приграничной полосе. Остальные силы, по их мнению, были настолько малочисленны, что после победы в пограничном сражении, дальнейшая наступательная операция германских сил должна была свестись к эксплуатации этого успеха. Соотношение сил сторон в немецком генеральном штабе рассматривалось так:

- на северном фланге, в Прибалтике — равенство сил;
- на центральном участке, в Белоруссии — значительное превосходство немецких сил;
- на южном участке, в Украине — превосходство русских сил.

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, О. 11600, д.1062, л.33—34.

На всем фронте противостоящие вооруженные силы были примерно одинаковые по численности, но по качеству вооружений немецкие войска оценивались значительно выше. Особенно большое значение немцы придавали превосходству своих танковых войск и авиации.

Внезапность, превосходство численное и, прежде всего, качественное, по глубокому убеждению Гитлера и высшего германского командования, должны были обеспечить уничтожение советских вооруженных сил, сосредоточенных в западных приграничных округах, одним ударом, проведенным испытанным и проверенным методом «молниеносной операции», подобно осуществленным в 1939 году в Польше и в 1940 году во Франции. Предвоенные приговления свидетельствуют, что немцы не ожидали со стороны советских вооруженных сил сколь-нибудь серьезного сопротивления, не готовили командующих и штабы к контрманеврам и контрударам, к ожесточенным сражениям ни в приграничной полосе, ни в глубине СССР. На это также указывают и запланированные немцами размах действий их танковых групп, которые должны были произвести вторжение на Украине на глубину в 500 км до Киева, а севернее Полесья на глубину в 700 км до Смоленска. Но и после этого успеха танковые группы планировали совершить еще бросок примерно на 600 км для охвата окруженных и уничтожения крупных группировок советских войск на Правобережной Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Этими войсковыми операциями германское верховное командование рассчитывало в основном решить войну против Советского Союза в свою пользу, так как остальные силы Красной Армии они считали слабыми. Никого из германских военачальников не тревожило то, что заданные темпы продвижения техники никак не согласуются с возможностями передвижения пехоты, которая должна была, ведя бои с противником, совершать переходы не менее 80—100 км в сутки, что превышало физические возможности человека.

Для нанесения первого сокрушительного удара германское командование сосредоточило очень крупные силы, что обеспечило ему превосходство над нашими войсками по личному составу в 1,8 раза, по средним и тяжелым танкам — в 1,5 раза, по боевым самолетам новых типов — в 3,2 раза, орудиям и минометам — в 1,25 раза. На направлениях главных ударов превосходство врага было значительно больше¹. Несмотря на это, общее количество сосредоточенных немецким командованием сил для достижения цели молниеносной кампании

¹ Военно-исторический журнал, № 11, 1968, с. 39.

было недостаточно, учитывая то обстоятельство, что по мере продвижения немецких войск на восток, шло расширение фронта, а территории, которыми они собирались завладеть, лежали на тысячекilометровых расстояниях, которые и без боя трудно было пройти из-за бездорожья. Совсем была сброшена со счетов возможность отчаянного русского сопротивления против иноземных захватчиков, так поразившая Наполеона и совершенно не учтенная Гитлером и его генералами. Этих сил не хватило даже для достижения целей первого этапа плана «Барбаросса», не говоря уже обо всей кампании. Таков был первый просчет гитлеровского командования, являвшийся ярким показателем авантюристичности немецко-фашистской стратегии.

Второй просчет гитлеровских стратегов состоял в том, что против наиболее крупной группировки советских войск, находившейся на Украине, должна была наступать недостаточно сильная группа армий «Юг». И хотя в ней числилось на 12,5 дивизии больше, чем в группе армий «Центр», но полоса наступления ее была в два раза шире, и в ее состав входило 17,5 румынских дивизий, имевших невысокую боеспособность, а, кроме того, количество танковых и моторизованных дивизий в группе армий «Юг» было вдвое меньше, чем в войсках, действовавших севернее Припяти.

В резерв главного командования сухопутных войск вермахта выделялось одно армейское, пять корпусных управлений, 21 пехотная, 2 танковые и 1 моторизованная дивизии. Они предназначались, главным образом, для усиления групп армий «Центр» и «Юг» по мере расширения фронта их наступления. Этого резерва было явно недостаточно, учитывая действительную, а не мнимую силу Красной Армии.

Еще хуже обстояло дело с резервами в группах армий. Наиболее сильные из них — группы армий «Центр» и «Юг» — имели в резерве соответственно 2 и 4,7 процента сил, а группа армий «Север» — около 10 процентов. Таких резервов было явно недостаточно даже для поддержания нужной плотности при расширении полос наступления, не говоря уже о невозможности решения ими каких-либо неожиданно возникших оперативных задач.

Но главный просчет гитлеровского командования в большой стратегии заключался в недооценке ими такого важного элемента обстановки, как пространство, с которым неразрывно связан основной фактор «молниеносной» войны — время. По сравнению с западноевропейскими государствами, где до этого вермахту приходилось вести военные действия, территория европейской части Советского Союза была огром-

на. Она имела иное развитие дорожной сети и другие климатические условия. Большие пространства позволяли Красной Армии применять подвижную оборону, сохранять силы и выигрывать время. Более чем 5,5-миллионная немецкая армия была густо насыщена боевой техникой и, ведя непрерывные боевые действия с русскими войсками, она требовала огромного количества боеприпасов, горючего, продовольствия и других средств снабжения. Уже в сражении под Смоленском группе армий «Центр» не хватало боеприпасов, в битве под Москвой — горючего, и вся немецкая армия и их сателлиты не была подготовлены к русской зиме.

Коммуникации, растянувшиеся более чем на тысячу километров, должны были явиться и явились одним из узких мест снабжения гитлеровской армии. Железные дороги надо было перешивать на европейскую колею, на что требовалось немало времени и сил, а подвоз автотранспортом на громадных просторах был связан с огромным расходом горючего и во многом зависел от условий погоды. Нельзя сказать, что немецкие стратеги не учитывали предстоящие трудности снабжения своих войск. Именно поэтому планом «Барбаросса» предусматривалось на первом этапе силами групп армий «Север» и «Центр» в течение одного месяца овладеть Прибалтикой, Ленинградом, уничтожить Балтийский флот и лишить его баз, после чего перенести большую часть снабжения этих групп армий на морские коммуникации через порты Балтики и Финского залива. На южном крыле советско-германского фронта также планировалось быстро уничтожить Черноморский флот и обеспечить снабжение группы армий «Юг» с помощью морских коммуникаций. Таким образом, и решение проблем снабжения было тесно связано с успехом первоначальных операций.

Задолго до нападения на Советский Союз немецко-фашистское командование усиленно вело дезинформационные мероприятия, целью которых было всячески замаскировать и оправдать начавшуюся после поражения Франции переброску соединений и штабов оперативных объединений на территорию Восточной Пруссии и оккупированной Польши — к границам СССР, и тем самым создать у советского руководства неясность относительно намерений Германии. Сразу же после победы над Францией были широко распространены сообщения в печати и слухи о том, что штаб немецкой группы армий «Б» и штабы трех полевых армий и около 30 дивизий перебрасываются на территорию Польши с целью рассредоточения сил, сконцентрированных во Франции, и усиления обороны почти совершенно неприкрытой восточной грани-

цы, хотя, как известно, немцам с востока никто не угрожал. При этом штабы некоторых армий маскировались под «рабочие штабы» строительной организации Тодта. Осуществленную в начале 1941 года переброску в Румынию 11-й армии в составе семи дивизий, германское командование мотивировало необходимостью противодействия английским войскам, высадившимся в Греции¹. В заключительной фазе дезинформации немецкое командование все приготовления к нападению на Советский Союз выдавало за подготовку «к нападению на Англию». Для большей убедительности, основная масса немецких танковых и моторизованных дивизий все еще оставалась на Западе или в центральных районах Германии. В соответствии с оперативными планами, эти подвижные соединения были переброшены для нападения на Советский Союз в самый последний момент — в начале июня 1941 года².

Вермахт перед нападением на Советский Союз все время увеличивал количество дивизий, особенно танковых и моторизованных. «У нас, — констатировал генерал Гальдер, — 33 подвижных соединения; моторизованы артиллерия, инженерные войска, связь и т.п.»³ Военно-экономический потенциал пополнялся огромными трофеями вооружения, боевой техники и транспорта.

Более 8 млн. человек до конца мая 1941 года были призваны в вермахт, и Германия располагала к этому времени самой большой армией в мире. Это сразу сказалось на экономике Третьего рейха. Все больше давал о себе знать недостаток рабочей силы, особенно в угольной и металлообрабатывающей промышленности. Гитлеровское правительство совместно с монополиями пыталось восполнить недостаток рабочей силы, но все их усилия оказались тщетны. Законом от 4 сентября 1939 г. об организации военной экономики отменялись отпуска и положения об ограничении рабочего времени. Предприниматели могли увеличивать рабочий день до 10 часов, а фактически он часто продолжался по 11—12 часов. Уже с сентября запрещалось повышать зарплату и выплату доплат за ночную работу и работу в праздничные дни. Распоряжением от 29 сентября 1939 г. была введена трудовая повинность для незамужних женщин в возрасте 17—25 лет. В конце 1940 г. гитлеровское правительство обязало женщин-домохозяек работать на предприятиях. На работу в промышленность были направлены многие немцы пенсионного возраста. Гитлеров-

¹ Военно-исторический журнал, №3, 1962, с. 41—42.

² Там же, №3, 1962, с. 42.

³ Ф. Гальдер. Военный дневник. Т. 2. М., 1969, с. 337.

цы также пытались восполнить недостаток рабочей силы посредством насильственного ввоза рабочих из оккупированных стран и военнопленных. Если в 1940 г. в Германии находилось 1,2 млн. иностранных рабочих, то в 1941 г. их было свыше 3 млн. человек¹.

С оккупацией Польши, Франции и других европейских стран и вывозом продовольственных ресурсов этих стран положение с продовольствием в Германии несколько улучшилось. Так, только в течение 1940 г. из Польши было вывезено 3 млн. т зерна и 4,3 млн. т картофеля. Однако накануне нападения на СССР, в мае-июне 1941 г., наблюдалось дальнейшее ухудшение продовольственного обеспечения населения. С июня месяца был сокращен рацион мяса на 100 граммов в неделю (с 500 до 400 граммов). В 1941 г. возросла квартирная плата, увеличились всевозможные сборы с населения: на «зимнюю помощь», в «фонд нацистской партии», в «фронт Гитлера», муниципальный налог, взносы на социальное страхование, на трудовой фронт, церковный сбор. Широкое распространение получили эрзац-товары. И все же немцам внушалась, что предстоящая война с противниками Третьего рейха, к которым относились в первую очередь Англия и Советская Россия, принесет Германии большие блага для всего немецкого народа.

Перед нападением на СССР фашистская пресса подняла шумиху о том, что в Германии нет больше политических партий, нет классов и классовой борьбы, нет революционеров, а есть единый немецкий народ, который добивается победы над врагом. Руководитель фашистского «трудового фронта» Лей заявлял, что впервые в истории «война ведется за интересы рабочих»².

Подготовка к войне с Советским Союзом шла с колоссальным напряжением и общий тон в нем задавали генералы — выходцы из прусского юнкерства. В основе предстоящего авантюрного плана «молниеносной победы» лежали те же прусские устремления к переделу мира, неудавшегося во время Первой мировой войны под знаменами кайзера Вильгельма II. Та же прусская каста, ядро которой составляли второй человек в Третьем рейхе Герман Геринг и видные представители фашистского генералитета фельдмаршалы Вернер фон Бломберг, Вильгельм Кейтель, Вальтер фон Браухич, Федор фон Бок, Вильгельм фон Лееб, Герд фон Рундштедт и многие другие генералы и офицеры вермахта, связанные свою судьбу с Гитлером,

¹ *И.М. Файнгар*. Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958, с. 417.

² Вопросы истории, № 1, 1966, с. 66.

снова вознамерилась на новом историческом отрезке времени переписать историю на прусский лад. Все они были участниками Первой мировой войны и вынесли из нее убеждение, что Советский Союз, как преемник царской России, представляет слабое государственное образование, неспособное себя защитить, как это было в правление Николая II. Именно эти благие и совершенно обманчивые видения молодости прусских офицеров, ставших видными деятелями Третьего рейха, о слабости русского государства, толкали их на войну с Советской Россией, которую они надеялись завершить за несколько недель. Ничто их не переубеждало, в том числе и то, что при новой власти в Советском Союзе за двенадцать лет осуществлена индустриализация страны и она, в отличие от царской России, тащившейся в хвосте мирового технического прогресса, создала передовую и вторую по мощности в мире промышленность, которая могла удовлетворить все потребности армии и флота для ведения большой войны. Не останавливали Гитлера и его ближайших советников и предостережения германского посла в Москве графа Шуленбурга и военного атташе генерала Кестринга, возражавших против ошибочного представления, что в случае войны СССР распадется.

Прозрение придет к Гитлеру и его генералам на второй месяц войны, во время Смоленского сражения, но у них не возникло и мысли о приостановке вооруженной борьбы в поисках какого-либо мира или перемирия, потому что война, которую они развязали, была войной на уничтожение народов и гавари Третьего рейха знали, что их преступления не подлежат прощению.

Уверенность немецко-фашистского руководства в успехе осуществления плана «Барбаросса» подтверждается тем, что уже с весны 1941 г. оно приступило к разработке последующих планов завоевания мирового господства. В частности, считалось, что «после окончания Восточной кампании необходимо предусмотреть захват Афганистана и организацию наступления на Индию»¹. Проект директивы № 32 «Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса», разосланный войскам 11 июня 1941 г., предусматривал, что после разгрома СССР вермахту предстоит захватить английские колониальные владения и некоторые независимые страны в бассейне Средиземного моря, Африке, на Ближнем Востоке, вторгнуться на Британские острова, развернуть военные действия против Америки. Немецко-фашистские стратеги предполага-

¹ Вопросы истории, №12, 1981, с. 22.

ли уже с осени 1941 г. приступить к завоеванию Ирана, Ирака, Египта, района Суэцкого канала, а затем и Индии, где намечалось соединиться с японскими войсками. Гитлеровское руководство надеялось после захвата Испании и Португалии овладеть Гибралтаром, отрезать Англию от источников сырья и предпринять осаду островов. Документы также свидетельствуют, что после разгрома СССР и решения «английской проблемы» гитлеровцы намечали в союзе с Японией «устранить влияние англосаксов в Северной Америке». Захват Канады и США предполагалось осуществить путем высадки крупных морских десантов с баз в Гренландии, Исландии, на Азорских островах и в Бразилии — на Восточное побережье Северной Америки, и с Алеутских и Гавайских островов — на Западное¹. Перспективы для осуществления этих планов, как представлялось гитлеровским заправителям, открывал поход против СССР

Готовность вермахта к войне против СССР завершилась серией инспекционных поездок руководителей Германии и Генштаба по войскам, дислоцированным на Востоке, а 6 мая сам Гитлер, в сопровождении Кейтеля, отправился в Восточную Пруссию для проверки состояния войск, где посетил свою ставку «Волчье логово» в Растенбурге. Гальдер подвел общие итоги оценки войск перед началом вторжения: «Общее впечатление отрядное. Войска превосходные. Подготовка операции штабами продумана в общем хорошо»². Находясь в своей ставке, Гитлер определил и время наступления. Он снова избрал, как и во всех предыдущих военных кампаниях, день нападения в воскресенье, начало рассвета, и определил время: 3 часа 30 минут 22 июня. Нападение фашистской Германии на соседние государства было шаблонным и типичным: внезапно, рано утром — перед рассветом, в выходной день, без объявления войны. Такое поведение гитлеровской армии отражало вкусы и характер фюрера — подлое, лицемерное, похожее на удар бандита из-за угла, не считаясь ни с какими дипломатическими условностями. Позднее Риббентропу было поручено, в это же время, через посла Германии в Москве Шуленберга, сообщить народному комиссару иностранных дел СССР В. Молотову об открытии боевых действий и начале войны.

¹ Вопросы истории, №12, 1981, с. 23.

² Служебный дневник Гальдера. Запись от 13.06.1941 г.

ГЛАВА V

Сателлиты фашистской Германии. — Итало-греческая война. — Переворот в Югославии и бездействие правительства Д. Симовича. — Нападение фашистской Германии на Грецию и Югославию. — Схватка немцев с англичанами за остров Крит. — Балканы под пятой фашизма

Вместе с фашистской Германией к нападению на Советский Союз готовились и ряд европейских государств, избравших для себя роль сателлитов, послушно исполнявших волю Гитлера. Безоговорочно согласились участвовать в операции «Барбаросса» Финляндия, Румыния, Венгрия и Словакия и у них под ружьем имелись вооруженные силы, общей численностью до 1 400 000 человек, а их мобилизационные возможности составляли около 3 млн. человек¹. А такие страны, как Болгария и Хорватия, хотя и дали принципиальное согласие на участие в войне против Советского Союза на стороне фашистской Германии, продолжали выторговывать у немцев для себя более весомые вознаграждения за это. Позже, для борьбы с советскими вооруженными силами германским командованием были направлены войска и отдельные дивизии из Италии, Испании, Франции, Словакии, Чехии, Польши, Словении, Хорватии, Дании, Голландии, Норвегии, Бельгии и даже Люксембурга, и их общая численность превышала два миллиона человек.

Финляндии отводилась особая роль по обеспечению левого крыла фронта в подготавливавшейся войне против Советского Союза. Между генеральными штабами Германии и Финляндии переговоры о совместных действиях против СССР начались в декабре 1940 года, причем, Генеральный штаб и правительство Финляндии были посвящены в намерения немцев напасть на СССР, якобы для того, чтобы предупредить готовящееся нападение со стороны Советского Союза. В конце мая 1941 года представители Генерального штаба Финляндии были ознакомлены с частью плана «Барбаросса», касающегося операции в Прибалтике и на Балтийском море. Такое особое отношение к Финляндии со стороны Германии объяснялось тем, что немцы планировали использовать с первых дней войны против СССР все вооруженные силы Финляндии, и, кроме

¹ Военная мысль, №9, 1941, с.10.

того, Берлин добивался согласия финского правительства на передачу на время войны под полный контроль Германии северных провинций Финляндии с ее железными и никелевыми рудниками, имеющими исключительное значение для военной промышленности Германии.

Гитлер был уверен в приверженности главнокомандующего финской армией генерала Маннергейма делу великой Германии. Маннергейм не скрывал своих прусских корней и симпатий к немцам и тщательно отработывал выбор направлений для действий финской армий по обе стороны Ладожского озера и в Карелии. Был даже разработан план совместных операций с финской территории, получивший название «Голубой песок». Финляндия выставила против Советского Союза 18 дивизий и 2 бригады. 2 финские дивизии были при этом отданы в распоряжение командования армии «Норвегия».

Вопрос о привлечении Румынии к войне против Советского Союза, как плацдарма для наступления, был решен еще осенью 1940 года, когда к власти в стране пришел генерал Ион Антонеску, ярый поклонник Гитлера и тайный сотрудник германской разведки. В это же время в Румынию была направлена немецкая военная миссия для реорганизации румынской армии по немецкому образцу и подготовки ее к ведению боевых действий против русской армии. По заявлению бывшего военного министра Румынии К. Пантази, к началу операции «Барбаросса» вся румынская армия была реорганизована и переподготовлена по немецким образцам. 13 октября того же года в страну были введены, по «приглашению» румынского правительства, немецкие, так называемые «инструкторские войска» под командованием генерала Ганзена¹.

В Венгрии и Румынии вся подготовка к войне велась под видом «оборонительных мероприятий» против СССР². В директиве верховного командования Германии от 1 июня 1941 года сообщалось, что «Румыния, по указанию командующего немецкими войсками в этой стране, начала секретную частичную мобилизацию, чтобы иметь возможность защитить свою границу от предполагаемого наступления русских»³. Вначале на Румынию предполагалось возложить задачу по прикрытию стратегического сосредоточения и развертывания в Румынии немецкой армии. Однако потом, по просьбе Антонеску, директивой германского главного командования сухопутными си-

¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 2. М., 1958, с. 694.

² ЦАМО РФ. Ф.15. О.11627, д. 1062, л.20.

³ Там же, л. 80.

лами от 9 июня 1941 года на соединения и части румынской армии была возложена задача совместного ведения операций с 11-й немецкой армией, развертываемой в Румынии, и несение в дальнейшем вспомогательной службы тыла¹. Румынские правящие круги преследовали агрессивные цели, они мечтали о создании «Великой Румынии» путем захвата советских земель. Гитлер обещал «вернуть» им Бессарабию и Северную Буковину и передать другие территории, вплоть до Днестра.

Румыния призвала под ружье около 1 млн. человек, сформировав 24 пехотные и 4 кавалерийские дивизии и около десятка специальных частей. 22 июня румынский король Михай в обращении к нации войну против СССР назвал «священной», а Антонеску в приказе по армии обратился к своим войскам с призывом: «Переходите Прут!»²

Но румынские войска у немецко-фашистского командования считались ненадежными, и за ними всегда действовали немецкие заградительные отряды, безжалостно расстреливавших дрогнувшие в боях с русскими румынские части, и поэтому они несли чрезвычайно высокие потери. Уже к ноябрю 1941 года потери румынской армии убитыми, ранеными и пленными составляли более 300 тыс. человек. 21 ноября одна из центральных румынских газет писала: «Путешественники, которые после войны посетят Украину, просто придут в ужас при виде многочисленных белых могильных крестов, усеивающих всю территорию... Румынские солдаты залили здесь своей кровью каждую пядь земли».

На оккупированных советских землях румынские фашисты устанавливали режим террора, насилия и грабежа. Вместе с гитлеровцами они участвовали в истреблении сотен тысяч советских людей. Только в Одесской и Измаильской областях было уничтожено до 300 тыс. мирных жителей. Общая стоимость награбленного в СССР румынскими фашистами имущества составила более 948 млрд. довоенных лей³.

Ввергнув Румынию в войну против СССР, фашистский режим Антонеску совершил акт предательства национальных интересов румынского народа, которому пришлось заплатить дорогую цену за эту антисоветскую авантюру. Под Одессой румынская армия потеряла 150 тыс. человек, на Дону и под Сталинградом было разгромлено 18 дивизий, на Кубани — 8, в Крыму — 7. За время войны на стороне Германии потери

¹ ЦАМО РФ. Ф.15. О. 11600, д.1062, л.21.

² Военная мысль, № 5—6, 1943, с. 83.

³ Там же, №6, 1974, с. 59.

румунской армии превысили 600 тыс. человек, из них около 400 тыс. — безвозвратные. Огромный ущерб был причинен народному хозяйству страны, он равнялся ее бюджету более чем за 12 лет. В период с 1939 года по 1944 год Румыния поставила фашистской Германии 13,3 млн. т нефтепродуктов, 1378 тыс. т зерна, 75 147 т мяса, 126 605 т овощей и фруктов, 428 522 т лесоматериалов и др¹.

Активным союзником гитлеровской Германии выступала Венгрия, постоянно подчеркивая Берлину свою особую приверженность политике немцев в Восточной Европе. Еще ее короли привязали венгерскую политику к колеснице прусского короля Фридриха Великого, и с тех пор Венгрия неизменно выступала на стороне Пруссии, а потом и Германии. Поражение Австро-Венгрии в Первой мировой войне тяжелым испытанием пало на Австрию, так как, хотя локомотивом по втягиванию Австро-Венгерской империи в Первую мировую войну служила Венгрия, но победители посчитали ее достаточно наказанной большими жертвами, понесенными ею в войне. Нельзя сказать, что в канун нападения на Советский Союз венгры позабыли старинную немецкую поговорку, гласящую: «Свяжись с немцами, и ты узнаешь всю горечь поражения в войне»; они просто пренебрегли ею, и остались верны вековым инстинктам поддержки Пруссии. Регент Венгрии Хорти, выходяц из Германии, стремился присоединить к Венгрии Трансильванию и Словакию, и Гитлер, чтобы привязать Венгрию к себе, при поддержке Италии, присоединил к ней Северную Трансильванию, а Словакию, где были сильны профашистские настроения, оставил в своем прямом подчинении. Выслуживаясь перед Гитлером, Хорти провел через парламент антисемитский закон и выдал нацистскому режиму несколько сот евреев, всех остальных евреев он передал своим фашистским организациям, и все они погибли в Освенциме или были утоплены в Дунае в декабре 1941 года².

В январе 1941 года венгерская делегация под руководством министра обороны К. Барта посетила Берлин, во время визита был уточнен план военно-политического сотрудничества Германии и Венгрии, и достигнута договоренность об участии Венгрии в войне против Советского Союза и выделения ею для этой цели не менее 15 дивизий³.

¹ Освободительная миссия советских вооруженных сил во Второй мировой войне. М., 1971, с. 137—138, 145

² *Г.И. Сорман*. Выйти из социализма. М., 1991, с. 156.

³ Военно-исторический журнал, № 12, 1959, с. 35.

Одновременно с подготовкой к войне в Финляндии, Румынии и Венгрии была проведена мобилизация их промышленности для военных нужд, а также возводились оборонительные сооружения на границах с Советским Союзом, расширялась аэродромная сеть, строились новые и ремонтировались старые дороги. В целях сохранения сроков подготовки нападения на СССР, немцы до июня 1941 года не вели по этому вопросу никаких переговоров с правительствами и генеральными штабами Венгрии и Румынии¹.

В связи с тем, что Берлину было известно о заигрывании венгерского правительства с Англией, Гитлер не разрешал знакомить его членов с планом «Барбаросса». Они были посвящены в него с началом войны, вот почему венгерские войска вступили в войну на несколько дней позже².

Отношение Гитлера к венгерскому лидеру сразу изменилось, когда Хорти, узнав о нападении Германии на Советский Союз, дал фюреру телеграмму с таким восклицанием: «22 года я ждал этого дня. Я счастлив!» Хортистов снедала жажда наживы и приобретения новых территорий, и для этих целей за все годы войны они отправили на советско-германский фронт почти полтора миллиона человек (каждого седьмого венгра); из них погибли 404 700 чел., более 513 767 попали в советский плен.³

25 мая 1941 года в Зальцбурге проходило совещание военных делегаций ряда восточноевропейских государств по согласованию вопросов взаимодействия при ведении войны с Советской Россией, которое проходило под руководством фельдмаршала Кейтеля и генерала Йодля. О войне с СССР говорили как о неизбежном скором событии и подчеркивали при этом, что грядущая война превратится в настоящий крестовый поход, который сметет большевистское «гнилое моральное ядро»⁴.

Напряженная обстановка складывалась для советского правительства и на юге страны. Еще до вероломного нападения немецко-фашистских войск на нашу страну, правящие круги Турции проводили недружественную политику по отношению к Советскому Союзу. 18 июня 1941 года, за четыре дня до нападения фашистской Германии на Советский Союз, Турция подписала с Германией договор о дружбе и ненападении, отказавшись от своих обязательств по договору с СССР о дружбе, заключенном в 1925 году. Пролиты для нас оказались за-

¹ ЦАМО РФ. Ф.15. О.11627, д.1062, л.19.

² Там же, л. 6—7.

³ Советская Россия, 12 ноября 2009 г.

⁴ КГ. Маннергейм. Мемуары. М., 2004, с. 414.

крыты как и перед Первой мировой войной и открыты для «военных и иных судов с вооружением и войсками гитлеровцев и их пособников»¹. Осенью 1942 года турецкое правительство провело мобилизацию и готовилось напасть на Советский Союз с тыла. Реакционные правящие круги Турции вынашивали планы территориальных захватов за счет Советского Союза и уничтожения советского государства. Откровенно эти людоедские планы высказал в августе 1942 года турецкий премьер-министр Сараджоглу в беседе с германским послом. Он заявил, что «как турок, он страстно желает уничтожения России... Русская проблема может быть решена Германией только если будет убита по меньшей мере половина всех живущих в России русских...»² По его словам, Турция была в высшей степени заинтересована «в уничтожении русского колосса» и никакая пропаганда и никакой нажим со стороны не будет в состоянии побудить Турцию сделать хотя бы незначительный шаг, который был бы направлен в ущерб германским интересам.

В 1942 году, перед началом наступления на Кавказ, немецко-фашистское командование потребовало от турецкого правительства сосредоточения турецких войск на советско-турецкой границе, на что турецкое правительство через начальника Генерального штаба генерала Али-Фуод Бакшими дало свое согласие. Это потребовало от Советского правительства усилить оборону Кавказа и вынуждало держать там значительные силы на границе с Турцией. Все это осложняло обстановку для советских войск, действовавших на Кавказе³ Объявление войны было назначено на ноябрь 1942 года, после того «как Берлин объявит о падении Сталинграда». Поражение немцев под Сталинградом остановило исполнение этих планов, и они были отложены.⁴

Перед развязыванием Второй мировой войны и в ходе ее гитлеровскому командованию удавалось вербовать на свою сторону этнических немцев, проживавших в других государствах, и сформированные из них соединения и части направлять на Восточный фронт. В этом деле Берлину помогали различные фашистские организации, расплодившиеся в ряде европейских стран как грибы после дождя, уверовавшие в гений

¹ *И. Васильев*. О турецком «нейтралитете» во Второй мировой войне. М., 1951, с. 47.

² Документы министерства иностранных дел Германии. Германская политика в Турции (1941—1943 гг.). М., 1946, с. 98.

³ Военная мысль, №8, 1952, с. 54.

⁴ *И. Васильев*. О турецком «нейтралитете» во Второй мировой войне. М., 1951, с. 55.

фюрера, как в мессию XX века. В течение всей войны гитлеровским войскам служили: до пяти норвежских бригад, воевавших вместе с финскими и немецкими войсками на севере, немцы из Голландии направили на Восточный фронт 60 тыс. солдат и офицеров, датчане и бельгийцы создали шесть бригад, действовавших в составе специальных формирований Гиммлера и проявивших особенно жестокие зверства по подавлению движения Сопротивления в оккупированных странах Европы. Даже французское правительство Виши отправило на Восточный фронт более 100 тыс. солдат и офицеров и несколько французских подразделений участвовали в сражении под Москвой. Правительство Италии и ее диктатор Муссолини для участия в боевых действиях на Восточном фронте отправили сначала на советско-германский фронт альпийский корпус, а потом и полевую армию, общая численность которых достигала более 400 тыс. человек; диктатор Испании Франко направил в группу армий «Север», действовавших на ленинградском направлении, «Голубую дивизию», которая с частями усиления насчитывала 60 тыс. человек. Всего же, за все годы войны на советско-германский фронт государствами-сателлитами и из стран, оккупированных Германией, было направлено для войны с Красной Армией около 150 дивизий различного предназначения и в военных действиях на стороне вермахта участвовало более 3 млн. человек.

Италии отводилась особая роль в захватнических планах фашистской Германии. Подчинив своей воле итальянского диктатора Муссолини, Гитлер использовал его как передовой отряд для тех дел, которые он хотел впоследствии выиграть для Германии. Он разрешил ему начать войну против Абиссинии, чтобы вслед за ним послать свои войска в Африку для завоевания колоний, которые были отобраны у Германии по Версальскому мирному договору.

В 1935 году вооруженная до зубов итальянская армия напала на Абиссинию, заранее зная, что ей придется воевать с армией, которая не имела современного вооружения и средств боевой техники. Однако абиссинская армия, поддержанная всем своим народом, не только оказала решительное сопротивление захватчикам, но и нанесла им ряд серьезных поражений. Итальянцы сумели оккупировать основные районы Абиссинии лишь после того, как Муссолини разрешил своей армии применить отравляющие вещества. Абиссинская армия вынуждена была отходить под ударами итальянской авиации, поливающей их отравляющими веществами и сбрасывавшей

огромное количество химических бомб¹. Но даже применение этих варварских средств, запрещенных международным сообществом, не помогло итальянцам. Абиссинцы перешли к активной партизанской борьбе, которая поддерживалась Англией, и она продолжалась до полного изгнания итальянской армии с их земель.

Муссолини все время терзало неутоленное стремление к славе и величию, которые, как и древние консулы Рима, он искал в войнах, и он не уставал себя тешить надеждами, что и для него римляне построят триумфальную арку в честь его громких побед. Его пленяла и завораживала популярность Гитлера у немецкого народа, и, зная, что она является результатом его воинственной натуры, он подражал ему во всем.

Одержав сомнительную победу в Альпах над французами, он обратил свой взор на восток — на Грецию, заявившую о своем нейтралитете и строго следовавшую этой политике. Для нападения на нее Италия развернула на албанской границе 9-ю армию генерала Висконти Праска в составе девяти дивизий, численность которой определялась в 200 тыс. человек. На вооружении этой армии состояло 280 танков, 700 полевых орудий, до 120 зенитных средств и около 250 самолетов. К началу наступления итальянской армии греческое командование развернуло на албанской границе пять своих дивизий². Эта война была одобрена Гитлером, а ее начало и характер первых боевых операций итальянской армии всецело совпадали с взглядами германского Генерального штаба на ведение «молниеносной» войны.

В 3 часа 28 октября 1940 года итальянский посол в Афинах Граци вручил греческому правительству ультиматум, в котором потребовал предоставить в распоряжение Италии некоторые стратегические пункты Греции — Корфу, Пиреи и другие — в целях использования их в борьбе с Англией. Ответ требовалось дать не позже шести часов, в противном случае итальянские войска грозились перейти греческую границу и занять указанные пункты силой³. Генерал Метаксас, премьер-министр и фактический диктатор Греции, ответил, что такой ультиматум означает войну, и военные действия между Италией и Грецией начались. Вскоре в греческих водах появилась английская средиземноморская эскадра и обосновалась в бухте Суда (о. Крит), поддержанная своей авиацией, которая ста-

¹ Военная мысль, № 8, 1941, с. 15.

² Там же, с. 17.

³ Там же, № 1, 1941, с. 5.

ла наносить удары по итальянским городам Бари, Бриндизи, Таранто и даже Неаполю. Англичане вывели из строя 3 линкора Италии и упрочили свое господство в Средиземном море. В это же время в Греции высадился английский экспедиционный корпус, с помощью которого был создан сухопутный фронт в Европе для борьбы с гитлеровской Германией, которого после разгрома Франции не было, и одновременно Англия завладело важными стратегическими позициями в восточной части Средиземного моря и на Балканском полуострове.

Вторжение итальянской армии в Грецию сразу натолкнулось на сильное сопротивление греческих войск, и с первых боев становилось очевидным, что итальянцы недооценили силы греческой армии. В македонском секторе войны они терпели одно поражение за другим. Характер местности не позволял итальянскому командованию применить крупные соединения танков, а пехота без их помощи не могла прорвать оборонительные позиции греков.

Группировка итальянских войск и их первоначальные наступательные действия дали повод сделать вывод, что итальянское командование, выполняя предписания германского Генерального штаба, пыталось осуществить в Греции «молниеносную» кампанию и сразу нанести быстрый и сокрушительный удар греческой армии. Схематически ход первых операций итальянской армии напоминал операции германских войск в Польше (1939 год) и во Франции (1940 год) с некоторыми особенностями, вытекающими из своеобразия местности. Предполагалось, что итальянская пехота осуществит прорыв греческой обороны на главном направлении, с тем, чтобы в этот прорыв был введен эшелон развития, состоящий из кавалерии, барсальеров и танков, с задачей нарушить мобилизацию и сосредоточение греческих войск и парализовать работу тыла. Одновременно с этим, итальянская авиация, действуя на всю глубину греческой территории, должна была нарушить работу железнодорожного транспорта, вызвать панику среди населения и затруднить проведение мобилизационных мероприятий.

Однако греческая армия, поддержанная тремя английскими дивизиями, целых пять месяцев упорно оборонялась, нанося итальянцам одно поражение за другим, что заставило итальянское командование сделать вывод, что «войска деморализованы и нуждаются в отдыхе и пополнении»¹. Гитлер, внимательно отслеживавший события в Средиземномо-

¹ У. Кавальеро. Записки о войне. Дневник начальника Генерального штаба. М., 1968, с. 37.

рье и на Балканах, планомерно и последовательно готовил свои войска к войне на этом театре, как плацдарме для подготовки войны против СССР. Захватив Норвегию и сделав Финляндию своим союзником, Германия нависала над Советским Союзом с севера-запада, а овладение Балканским полуостровом выводило немецко-фашистские войска для удара с юго-запада. Кроме того, балканские страны являлись для Германии важнейшей сырьевой и продовольственной базой. 12 ноября 1940 года Гитлер подписал директиву № 18 о подготовке «в случае необходимости операции против Северной Греции», а потом и против Югославии¹, где политические события опрокинули все расчеты Берлина овладеть Балканами без войны.

Гитлер настойчиво стремился овладеть Балканами, и шаг за шагом насаждал в балканских странах фашистские режимы, послушно следовавшие его политике в Европе. Вслед за Румынией к Тройственному союзу примкнула Болгария, где 15 февраля германской резидентуре удалось привести к власти профашистское правительство, и туда сразу были введены германские дивизии. Труднее складывались отношения с Югославией, где профашистским силам не удавалось присоединиться к агрессивному блоку

Правда, правительство Д. Цветковича, несмотря на протесты армии и общественных организаций, 25 марта объявило о присоединении Югославии к Берлинскому пакту, но после этого оно продержалось у власти два дня и было свергнуто армией и восставшим народом. Власть в стране перешла к патриотической организации офицеров, поддержанных английской разведкой, во главе с командующим военно-воздушными силами генералом Д. Симовичем, который был противником курса на присоединения к Оси. Здесь английская и советская разведка действовали как одно целое, и успех их работы был впечатляющим. Новое югославское правительство 5 апреля заключило с СССР договор о дружбе и ненападении, и советское правительство решительно предупредило Берлин о недопущении экспансии против балканских стран, и одновременно начало наращивать свои военные силы на юге страны в надежде, что и Англия сделает такие же решительные шаги. Лондон молчал и 6 апреля Германия и Италия объединенными силами вторглись на территорию Югославии.

В области внешней политики правительство Д. Симовича задалось неосуществимой целью — «выиграть время», и фактически ничего не делало для укрепления обороноспособно-

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т.3. М., 1974, с. 257.

сти страны. Так возник парадокс: правительство, пришедшее к власти на волне протеста против присоединения страны к Тройственному пакту, не заявляло официально о разрыве договорных отношений, связанных с этим пактом. Более того, министр иностранных дел М. Нинчич доверительно сообщил немецкому посланнику, что новое правительство признает венский протокол о присоединения Югославии к Тройственному пакту.

Советский Союз в тот период стоял на пороге вступления в войну на стороне Югославии и Греции, но международное сообщество все еще продолжало придерживаться обманчивой позиции поддержки гитлеровской агрессии на Балканах, а союзников в войне с агрессивным фашистским блоком у Советского Союза не было. Англия по-прежнему вела свою оболваненную линию не сближаясь с Москвой.

Как только в Берлине стало известно о перевороте в Белграде, Гитлер заявил на совещании руководящего состава вермахта, что «Югославия была неопределенным фактором в отношении предполагаемой операции «Марита» и еще больше в отношении плана «Барбаросса». Сербь и славяне никогда не были прогермански настроены... Если бы правительственный переворот произошел во время мероприятий «Барбаросса», то последствия для нас, по-видимому, были бы значительно серьезнее». Далее протокол сообщает, что «Фюрер решил, не ожидая возможной декларации о лояльности нового правительства, сделать все приготовления для того, чтобы уничтожить Югославию в военном отношении и как национальную единицу».¹

Гитлер задолго до переворота в Югославии стал стягивать крупные военные силы в Болгарию и Румынию, потому что пять месяцев безрезультативной греко-итальянской войны убедили его в том, что Италия без Германии не представляет такой силы, на которую она претендовала. Фашистское руководство не без основания рассчитывало, что нападение на Югославию встретит поддержку в Италии, Венгрии и Болгарии, вооруженные силы которых можно было привлечь к участию в военных действиях, пообещав им территориальные приобретения: Италии — Адриатическое побережье, Венгрии — Банат, Болгарии — Македонию².

Захват Югославии предусматривалось осуществить нанесением одновременных ударов с территории Болгарии, Румынии, Венгрии и Австрии по сходящимся направлением на Скопье,

¹ Вопросы истории, №6. 1957, с. 46.

² История Второй мировой войны. 1939—1945, Т.3. М., 1974, с. 260.

Белград и Загреб. Ставилась задача овладеть в первую очередь южной частью Югославии, чтобы не допустить установления взаимодействия между армиями Греции и Югославии, соединиться с итальянскими войсками в Албании и использовать южные районы Югославии в качестве плацдарма для последующего германо-итальянского наступления на Грецию. Для агрессии на Балканах Германия и ее союзники выделили свыше 80 дивизий (из них 32 немецкие, более 40 итальянских, а остальные — венгерские), более 2 тыс. самолетов и до 2 тыс. танков.

Гитлер сразу поставил перед собой большие цели: Греция должна была быть оккупирована, Югославия — уничтожена. Поэтому и методы борьбы с югославами он избрал самые жестокие. Против 25 дивизий югославской армии действовало 31 германская (в том числе 6 танковых и 5 моторизованных дивизий) и 16 итальянских дивизий, не считая венгерских. Подавляющее превосходство фашистских германо-итальянских войск в численности и вооружениях имело важнейшее значение для исхода войны на Балканах. Уничтожив застигнутую врасплох югославскую авиацию прямо на аэродромах, немецкие бомбардировщики всю мощь обрушили на столицу страны — Белград. За три дня, никого не опасаясь и проносясь на бреющем полете над городом, они произвели более 500 самолетовылетов и убили более 17 000 жителей в операции, которой Гитлер дал название «Наказание». Фашистские бандиты не посчитались даже с тем, что Белград был объявлен открытым городом и не защищался. Белград немцы взяли 13 апреля, а 17 апреля югославская армия капитулировала.

Удручающе действовала на югославскую армию внутренняя борьба различных политических группировок правящего класса Югославии и значительное влияние германского фашизма в некоторых прослойках командного состава югославской армии. Это привело к тому, что часть войск югославской армии под влиянием фашистской пропаганды и действий пятой колонны во время решающих оборонительных сражений подняли мятеж и, перейдя на сторону хорватских националистов, прекратили сопротивление и открыли фронт врагу¹. Воспользовавшись изменой, немецкое командование сумело расчленить югославскую армию на части, и не допустило отхода ее главных сил на юг, где они могли соединиться с греческой и английской армиями.

Капитулянтский характер действий хорватских сепаратистов и верхушки словенской клерикальной партии в Слове-

¹ Военная мысль, №8, 1941, с. 24—25.

нии определило распад Югославии на отдельные анклав и, под воздействием этих факторов, 17 апреля, на двенадцатый день войны, бывший министр иностранных дел А. Цинцар-Маркович и генерал Р. Янкович подписали акт о безоговорочной капитуляции югославской армии. Король и правительство Югославии к этому времени уже покинули страну.

6 апреля греческая армия тоже подверглась нападению превосходящих по численности и вооружению сил противника, и она, как и югославская армия, не имела в достаточном количестве противотанковых и зенитных средств. Главный удар немецкие войска наносили по долине реки Струма на Салоники. Но греческая армия имела уже большой опыт ведения войны против итальянцев, и, вместе с англичанами, они вели упорные и напряженные бои с германо-итальянскими войсками, нанеся им большой урон в живой силе и технике. Военные действия на этом фронте затянулись до начала июня.

На греко-болгарской границе в районе Руппель германская пехота, при поддержке танков и авиации, неоднократно атаковала греческие позиции, чтобы прорваться в Салоники, куда отступала английская армия. На три английские дивизии наступало не менее 10 дивизий вермахта, но успеха они не имели. Немецкому командованию так и не удалось прорвать англо-греческий фронт и окружить греческую армию и английский экспедиционный корпус. Но большую опасность греческой армии несли не германо-итальянские войска, а измена в собственных рядах. На сторону врага перешло командование греческой армии «Эпир», воевавшей в Албании, которое отказалось повиноваться греческому правительству. 20 апреля командующий этой армией генерал Цолакоглу подписал с германским командованием соглашение о перемирии между Грецией и Германией. Это событие разлагающе подействовало на всю греческую армию, и решимость к дальнейшему сопротивлению у нее была сломлена. Гитлер его не утвердил и, учитывая настойчивые просьбы Муссолини, он согласился, чтобы Италия была в числе сторон, подписавших капитуляцию греческой армии. Это третье по счету соглашение было подписано генералом Цолакоглу 23 апреля 1941 года в Салониках. В тот же день король и правительство покинули Афины и улетели на остров Крит.

Английское командование, узнав о капитуляции греческой армии, спешно приступило к эвакуации своего экспедиционного корпуса из небольших портов Аттики и Пелопоннеса. Попытка немцев разгромить отступающие английские войска успеха не имела. Разрушая за собой дороги и мосты,

английские части сумели избежать и крупных боев с противником, и окружения. 27 апреля германские части вступили в Афины, а к исходу 29 апреля достигли южной оконечности Пелопоннеса. К этому времени основная масса английских войск, уничтожив тяжелое вооружение и средства транспорта, эвакуировалась морем.

Заключительной операцией Балканской кампании был захват немецко-фашистскими войсками острова Крит. Он имел важное стратегическое значение. Овладев этим островом можно было блокировать вход в Эгейское море и контролировать подступы к восточной части Средиземного моря, Египту, Суэцкому каналу и Палестине. Кроме того, Гитлер хотел показать английскому руководству, что для вермахта не существует непреодолимых водных преград, и тем самым подтолкнуть их к заключению «почетного мира» перед нападением на СССР. Полет Р. Гесса еще только разрабатывался в окружении Гитлера.

Захват острова Гитлер решил осуществить воздушно-десантными войсками, так как германская авиация имела на этом театре подавляющее превосходство в воздухе, тогда как на море господствовал флот Британии. Для этой цели было выделено две дивизии: 7-я воздушно-десантная (15 тыс. парашютистов) и 5-я горнострелковая (8,5 тыс. горных егерей). Для переброски десанта выделялось 550 транспортных самолетов Ю-55 и 60 грузовых планеров¹. Немецкие десантники должны были захватить передовыми эшелонами три аэродрома на острове и затем беспрепятственно обеспечить высадку главных сил.

Английские войска на острове насчитывали около 30 тыс. человек, в основном эвакуированных из Греции солдат экспедиционного корпуса, не имевших тяжелого вооружения. Кроме того, здесь было около 14 тыс. греческих солдат. Оборону острова поддерживали корабли английского флота, развернутые севернее Крита. 20 мая началась ожесточенная бомбардировка английских позиций на острове, вслед за которой последовали высадки воздушных десантов на главных аэродромах острова. Морские десанты итало-немецких войск, следовавших к Криту, должны были усилить действия десантных войск, но английские корабли сумели их своевременно обнаружить и потопить. Тогда вся мощь немецкий авиации была обрушена на английские корабли, что привело к большим потерям британского флота. Это заставило его прекратить

¹ Г. Сафронов. Воздушные десанты во Второй мировой войне. М., 1962, с. 62.

патрулирование в районе Крита и вскоре оставить критские воды. Бои за овладение островом шли до конца мая, и победа склонилась на сторону немцев. Но она досталась им дорогой ценой. И хотя англичане оставили остров, германское командование сделало однозначный вывод, что лучше с английской армией больше не связываться, и это было одно из главных обстоятельств, заставившее Гитлера утвердиться во мнении, что он сделал правильный шаг, отказавшись от вторжения на Британские острова. А в Лондоне не оставалось уже сомнений в том, что страшная опасность нависла над Ближним Востоком, где находился один из важнейших центров Британской империи.

Оккупация Юго-Восточной Европы усилила военно-экономический потенциал и улучшила стратегическое положение фашистской Германии, особенно в преддверии спланированного нападения на Советский Союз. Началась перекройка границ. Северная часть Словении и Краины отошла к Германии; Западная Словения, Далмация, Черногория и области, граничащие с Албанией и некоторые греческие острова аннексировала Италия, Болгария получила Фракию и Восточную Македонию, а Венгрия — районы Бачка и Баранья. Наконец, было образовано марионеточное государство Хорватия и административная область Сербия¹.

Война гитлеровской Германии с Югославией и Грецией на несколько недель отодвинула войну от Советского Союза, но когда в начале мая началась передислокация дивизий вермахта, задействованных на Балканах, в приграничные районы СССР — Советское правительство каждый день ожидало ее начала.

¹ В. Блейер, К. Дрекслер и др. Германия во Второй мировой войне (1939—1945). М., 1971, с. 105—106

ГЛАВА VI

Итоги индустриализации в СССР и создание сильной и независимой экономики страны. — Перевод народного хозяйства страны на режим работы военного времени. — Последствия военного заговора в армии. — Закрытие германских консульств и высылка немцев Поволжья. — Поездка В. Молотова в Берлин. — Сплочение евреев вокруг сталинского режима власти

Все довоенные советские пятилетки были направлены на развитие тяжелой промышленности, которая в царской России не развивалась и поэтому страна плелась в хвосте развитых индустриальных стран. Две первые пятилетки вывели Советскую Россию в число развитых промышленных государств, и это надо было закрепить в третьей пятилетке. В эти же годы были созданы новые отрасли промышленности мирового уровня: авиационная, станкостроительная, тракторостроительная, оборонная и для дальнейшего развития страна ни в чем не нуждалась. Советская Россия имела самые мощные в мире краны и прессы, уникальные станки и оборудование и передовые для того времени научно-технические кадры. К концу второй пятилетки и в первые два года третьей пятилетки СССР сам производил все основные стратегические материалы, сколько требовалось для обеспечения устойчивого и непрерывного развития народного хозяйства страны как в мирное время, так и на случай войн.

В марте 1939 года, когда над миром сгустились тучи войны, состоялся XVIII съезд ВКП(б), который определил, что главным в экономическом развитии страны на текущее пятилетие (1938—1942 гг.) является преимущественный рост тяжелой промышленности. Среднегодовой темп роста производства средств производства (группа «А») должен был составить 15,7 процента, производство предметов потребления (группа «Б») — 11,5 процента. Объем продукции всей промышленности предполагалось увеличить за пятилетие на 92 процента. На последний год пятилетки намечалось произвести 75 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, 243 миллиона тонн каменного угля, 54 миллиона тонн нефти, 22 миллиона тонн чугуна, 28 миллионов тонн стали, 21

миллион тонн проката¹. Но так как во второй пятилетке создалась диспропорция между быстро выраставшей промышленностью и недостаточным вводом новых электрических мощностей, то третья пятилетка должна была ликвидировать эту диспропорцию, и в течение ближайших пяти лет предполагалось ввести в 6 раз больше электростанций, чем план ГОЭЛРО намечал на 10—15 лет.

Накануне войны Советский Союз показывал поразительные достижения в развитии своей экономики. Можно смело сказать, что три довоенных года (1939—1941) заложили надежную базу нашей будущей победы над фашистской Германией.

В народном хозяйстве в 1940 году трудились почти 34 миллиона рабочих и служащих. Десятки миллионов человек занимались производительным трудом в колхозах. Всего в материальном производстве было занято 88,3 процента, в непроизводственных отраслях — 11,7 процента самодеятельного населения. На 1 января 1941 года численность специалистов в народном хозяйстве составляла 2 млн. 401 тыс. человек, из них 909 тыс. имели высшее и 1 млн. 492 тыс. — среднее специальное образование. В последний предвоенный год численность дипломированных инженеров в СССР составляла 295 тыс. человек, в то время как в США — 170 тыс. В 1940 году в системе трудовых резервов и в сети профессионально-технического образования было подготовлено и переподготовлено 3 078 тыс. рабочих².

В стране произошла культурная революция, и СССР вышел на первое место в мире по грамотности населения, по развитию среднего и высшего образования, культуры, науки и искусства. Великие перемены во всех сферах жизни страны нашли свое выражение в новой конституции социализма — законодательно провозгласившей и закрепившей права трудящихся СССР³. За годы третьей пятилетки значительно увеличилось число вузов и техникумов и контингент учащихся в них. В Советском Союзе в 1941 году было больше студентов, чем в Англии, Германии, Франции, Италии и Японии вместе взятых. Намечалось перейти к всеобщему среднему образованию в городах и к семилетнему в деревне, число студентов в вузах должно было возрасти до 650 тыс. человек. В ходе третьей пятилетки был создан единый тип профессионально-технических учебных заведений, призванных готовить квалифицированные кадры для всех отраслей производства и сферы бытового обслуживания. Всего в Советском Союзе всеми ви-

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. V. М., 1970, с. 17.

² История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 3. М., 1975, с. 375.

³ Военная мысль, №5, 1955, с. 36.

дами обучения было охвачено более 47 миллионов человек — около четверти населения страны. Подобного размаха культурного строительства не знала ни одна страна мира.

Третий пятилетний план уделял большое внимание росту благосостояния трудящихся. Народное потребление предполагалось поднять более чем в 1,5 раза, а среднюю заработную плату увеличить на 37%; государственные расходы на культурно-бытовое обслуживание должны были повыситься в 1,7 раза (до 53 млрд. рублей).

Территория Советского Союза быстро покрывалась сетью железных и шоссейных дорог, строительство которых поднимало культурный и материальный уровень жизни населения в ранее отсталых районах СССР. Грузооборот только железнодорожного транспорта увеличился с 93 млрд. тонно-километров в 1928 году до 415 млрд. тонно-километров в 1940 году, или почти в 4,5 раза¹. Планом предусматривалось значительное улучшение работы всех видов транспорта. Предстояло построить и сдать в эксплуатацию 11 тысяч километров железных дорог и произвести укладку вторых путей на протяжении 8 тысяч километров, построить и реконструировать 210 тысяч километров шоссейных дорог, поднять техническое оборудование воздушного транспорта, увеличить возможности водного и автомобильного транспорта².

К началу 1941 года в Советском Союзе в общем объеме промышленно-производственных фондов электростанции и электросеть составляли 8,9 процента, топливная промышленность — 10,6, черная металлургия — 8,5, цветная металлургия — 3,9, машиностроение и металлообработка — 28,1, химическая промышленность — 6,9, легкая промышленность — 7,3, пищевая промышленность — 11,1, промышленность строительных материалов — 3,7 процента. На остальные отрасли промышленности приходилось примерно 11 процентов³.

В третьем пятилетнем плане особое внимание обращалось на создание мощной производительной базы на Востоке. Это было необходимо и для освоения огромных богатств восточных районов страны, и для более правильного размещения производительных сил страны, и для укрепления обороноспособности СССР. Восточным районам отдавалось предпочтение в строительстве электростанций, развитии угольной и нефтяной промышленности. На Урале, в Поволжье, в Сибири и Средней Азии строились дублеры военных заводов. Одно-

¹ Военная мысль, №5, 1955, с. 13.

² XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939, с. 335—336.

³ Промышленность СССР. Статистический сборник М., 1957, с. 17.

временно шло расширение угольно-металлургической индустрии на востоке страны и создание нефтяной базы в районе между Волгой и Уралом. Сталин не уставал повторять слова, ставшие заповедью для всех министров: «Копите резервы! Копите резервы!» Быстрыми темпами там должна была развиваться черная и цветная металлургия. В восточных районах намечалось построить три четверти всех новых доменных печей и там же планировалось развернуть строительство основных предприятий цветной металлургии.

Третий пятилетний план развития народного хозяйства (1938—1942 гг.), над выполнением которого напряженно работала вся страна, накануне войны успешно выполнялся. За первые три года пятилетки валовая продукция всей промышленности увеличилась на 45%, а машиностроения — более чем на 70%. Капитальные вложения в народное хозяйство составили 21 млрд. рублей и было введено в действие 3000 новых крупных заводов и предприятий. Среднегодовой темп роста промышленной продукции в третью пятилетку составил 13 процентов. Таких показателей не знала ни одна из крупных капиталистических стран. Вступили в строй Кураховская, Кувасайская и Ткварчельская районные тепловые электростанции; Угличская и Комсомольская гидроэлектростанции. Были построены Новотагильский и Петровск-Забайкальский металлургические заводы, Среднеуральский и Балхашский медеплавильные заводы, Уфимский нефтеперерабатывающий завод, Московский завод малолитражных автомобилей, Енакиевский цементный завод, Сегежский и Марийский целлюлозно-бумажные комбинаты и сотни других крупных предприятий¹.

Завершалось строительство Магнитогорского комбината, заводов «Амурстали», «Азовстали», «Запорожстали». Начали работать гидроэлектростанции Рыбинская, Чирчикская, Нева-3, Свирь-2; строились Куйбышевская, Усть-Каменогорская, Верхнекамская, Мингечаурская гидроэлектростанции, предприятия легкой и пищевой промышленности. В 1940 году было получено 166 млн. т угля, около 15 млн. т чугуна, свыше 18 млн. т стали.

Угольная промышленность принадлежала к числу ведущих отраслей тяжелой индустрии СССР. По уровню механизации работ на угольных шахтах и разрезах Советский Союз шел впереди Англии, Германии и других европейских государств. Внедрение новой техники и новейшей технологии обеспечивало быстрый рост производительности труда и вы-

¹ Большая Советская энциклопедия. Т. 21. М., 1975, с. 287.

сокие темпы добычи угля. Перед Великой Отечественной войной эта отрасль развивалась особенно быстро. Кузнецкий бассейн был превращен в мощную угольную базу, где добыча угля выросла в 1940 году по сравнению с 1913 годом более чем в 24 раза, в то время как в стране она увеличилась в 6 раз. Но по объему добычи угля Германия, даже без учета использования угольных запасов оккупированных и зависимых стран, значительно превосходила Советский Союз. Шахтеры страны были в большом почете среди народа, и их тяжелый труд очень высоко оплачивался, что побудило однажды А.И. Микояна заявить на одном из заседаний Политбюро, что «шахтеры получают у нас больше, чем члены Политбюро», на что Сталин тут же отреагировал репликой: «Между прочим, у шахтеров еще много вакансий, а в Политбюро их нет»¹.

Металлургическая промышленность СССР, преодолевая отставание прошлых лет, набирала ускоренные темпы. Но все равно, по выплавке черных металлов Германия почти вдвое превосходила Советский Союз.

Набирало темпы станкостроение, совсем не развитое в царской России. Объем станкостроительной продукции в 1940 году превысил уровень 1913 года в 39 раз. Однако германская станкостроительная промышленность являлась в то время самой развитой в мире, давала продукции больше. Если в СССР парк металлорежущих станков в 1940 году составил 710 тыс., то в Германии в 1941 году — почти 1,7 млн. Кроме того, в резольвте оккупации Чехословакии, Франции и других стран Западной и Центральной Европы Германия получила возможность расширить свой станочный парк.

В третьей пятилетке народное хозяйство СССР должно было увеличиться на 270 тыс. металлорежущих станков (24% от наличия), 1 млн. 300 тыс. автомобилей (24% от наличия), тракторов в сельском хозяйстве — 55 270 единиц (66% от их наличия), комбайнов — 140 тыс. единиц (109% от их наличия во второй пятилетке). Накануне войны продукция машиностроения СССР выросла за три года пятилетки с 95,5 млрд. рублей в 1937 году до 137,5 млрд. рублей в 1940 году, или на 44%, в том числе продукция машиностроения и металлообработки на 76%.

Темпы развития и уровень производства в СССР легкой и пищевой промышленности удовлетворяли нужды трудящихся и обороны страны. В 1940 году в стране было выпущено всех видов тканей 4552 млн. погонных метров, 211 млн. пар кожаной обуви, 28 млн. тонн муки, 1 501 тыс. тонн мяса, 226 тыс. тонн животного масла, 2 млн. 165 тыс. тонн сахара.

¹ Правда, № 67, 28—29 июня 2011 г.

Важную роль в укреплении экономической базы страны играло индустриальное строительство. В 1939 году был образован народный комиссариат по строительству, в который органически влились все строительные организации других министерств и ведомств, что позволило при усилении государственного контроля сооружать крупные промышленные предприятия, дороги, каналы, мосты, аэродромы, порты и т.п.

Большое внимание было уделено развитию сельского хозяйства страны. Для того чтобы получать до 8 млрд. пудов зерна, было спланировано создать новую зерновую базу в восточных и юго-восточных районах Советского Союза и резко поднять производство технических культур и продуктов животноводства. Посевные площади сельскохозяйственных культур составили в 1940 году 150,6 млн. га по сравнению с 113 млн. га в 1928 году. На полях страны работали 561 тысяча тракторов, около 129 тысяч зерновых комбайнов и 146 тысяч автомобилей. В стране было 5 818 машинно-тракторных станций, и они обрабатывали более девяти десятых колхозных полей. Советский Союз занимал первое место в мире по сельскохозяйственному машиностроению, валовому сбору пшеницы, ржи, овса, ячменя, льна-долгунца, сахарной свеклы и подсолнечника; второе по производству тракторов и поголовью скота; третье — по производству хлопка-сырца и суперфосфата. Хотя зерновая проблема была решена еще не полностью, крупное социалистическое сельское хозяйство было способно обеспечить страну и армию сельскохозяйственной продукцией в случае нападения врага.

На территории СССР в 1940 году проживало 193 млн. человек, причем городское население по сравнению с 1913 годом увеличилось в 3,4 раза. Если в 1913 году в дореволюционной России рабочие и служащие города и села составляли менее 17% всего населения, то в 1939 году в СССР они составили уже 48%, то есть, почти половину населения страны. Остальные слои населения относились к интеллигенции, к колхозному крестьянству, кооперированным кустарям и ремесленникам¹. Очень большое внимание уделялось поддержанию здорового образа жизни советских людей, а затраты на здравоохранение должны были подняться с 10,3 млрд. рублей в 1937 году до 16,5 млрд. рублей. Продолжалось жилищное строительство и за годы третьей пятилетки намечалось построить 35 млн. кв. м жилой площади.

¹ *Н. Вознесенский*. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947, с. 13, 22.

За несколько месяцев до начала войны, по предложению Сталина, была собрана XVIII Всесоюзная партийная конференция ВКП(б), обсудившая ход выполнения планов третьей пятилетки и неизбежность приближения войны с фашистской Германией. В центре внимания конференции находились вопросы дальнейшего интенсивного развития индустрии, в первую очередь, отраслей оборонного значения. В условиях нарастания военной угрозы и острой потребности усиления обороны страны были проведены: переход на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю, запрещение самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Рабочее время каждого трудящегося увеличивалось в месяц в среднем на 33 часа. За год это равнялось прибавке только в промышленности миллиона рабочих рук.

Нараставшая угроза нападения фашистской Германии на СССР обязывала Советское правительство всемерно развивать оборонную промышленность. Обстановка требовала сделать в третьей пятилетке все возможное для создания второй военно-промышленной базы, недоступной для воздушных ударов агрессора как с Запада, так и Востока. Такая база создавалась в районе Поволжья, Урала, Сибири.

Расширение военного производства вызвало необходимость разукрупнения Наркомата оборонной промышленности. В январе 1939 года этот наркомат был разделен на четыре наркомата: авиационной промышленности, судостроительной промышленности, вооружения и боеприпасов. В ведение этих наркоматов были отданы однородные отрасли оборонной промышленности. На министерские посты и другие высокие государственные должности были выдвинуты молодые руководители производств, которые с честью справились с возложенными на них задачами в годы войны.

Особое внимание руководство страны и лично Сталин уделяли развитию авиационной промышленности. В сентябре 1939 года Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение «О реконструкции существующих и строительстве новых самолетных заводов». В течение двух лет было спланировано построить, главным образом в Поволжье, девять новых заводов и реконструировать девять старых. В результате усилий партии и правительства производственные мощности авиационной промышленности к лету 1941 года почти в полтора раза превысили мощности авиазаводов Германии. В течение 1939—1940 годов авиаконструкторы в содружестве с работниками авиационной промышленности проделали огромную творческую работу по созданию новых типов самолетов для советской авиации. Были созданы истребители Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3,

пикирующий бомбардировщик Пе-2. Новые боевые машины по своим летно-техническим данным были на уровне требований времени, а некоторые — лучшими в мире. Например, МиГ-3 превосходил по боевым характеристикам самолеты такого же типа Англии, США и Германии. Пе-2 был лучше, чем немецкие самолеты такого же типа Ю-87 и Ю-88. Высокими летно-техническими качествами обладал штурмовик Ил-2.

Советский Союз в 1939—1940 гг. производил самолетов больше, чем Германия. Однако Германия выпускала самолеты новых типов, а СССР — боевые машины новых и старых конструкций.

Также настойчиво Советское правительство занималось развитием танковой промышленности. В августе 1938 года в ЦК партии состоялось совещание, на котором рассматривались вопросы дальнейшего развития танкостроения в нашей стране. На это совещание были приглашены все известные конструкторы танков той поры. С ними особенно много лично работал И. Сталин. Конструкторам и известным изобретателям он порой уделял больше внимания, чем министрам. Через общение с этими талантливыми и замечательными людьми он раньше министров узнавал проблемы с внедрением их изобретений в производство и помогал быстрее воплотить их в жизнь. Так, на этом совещании Сталин поддержал коллектив конструкторов во главе с Ж.Я. Котиным, работавших над изобретением тяжелого танка КВ-1, и коллектив конструкторов под руководством М.И. Кошкина, А.А. Морозова и Н.А. Кучеренко, разработавших средний танк Т-34, чтобы эти танки быстрее пошли в производство. Однако различные трудности организационного и технического порядка в первое время сдерживали их выпуск.

В марте 1940 г. в Кремле был проведен смотр опытных образцов танка Т-34. Из Харькова своим ходом прибыли две «тридцатьчетверки». Вес танка 26 т, вооружение — 76-мм пушка В. Грабина и два пулемета В.А. Дегтярева. Броневая защита — 45 мм. Дизель-мотор мощностью в 500 л.с. позволял машине развивать максимальную скорость в 55 км/час. Запас хода по горючему — 300 км, экипаж — 4 человека. Танк был радиофицирован. К этому времени в Харькове вступил в строй первый в мире завод дизельных двигателей. Дизельные двигатели, работающие на нефти и газойле, могли позволить увеличить запас хода танка по топливу в тех же емкостных топливных баках и уменьшить опасность возникновения пожара, а также помех при работе танковой радиостанции.

Создание Т-34 явилось новой ступенью в развитии советской бронетанковой техники, определившей затем целое на-

правление в мировом танкостроении. Впервые на советских танках были установлены длинноствольная пушка и мощные дизельные двигатели, а широкие гусеницы обеспечили «тридцатьчетверкам» хорошую проходимость по бездорожью. Знаменательно, что танк Т-34 оказался единственным танком, который будучи создан еще до войны, морально не устаревал и оставался лучшей боевой машиной на всем ее протяжении.

В 1940 году было изготовлено только 246 танков КВ и 115 танков Т-34 (при плане 600) В Германии за это же время было произведено средних танков 1,4 тыс. В первом полугодии 1941 года производство новых танков в СССР значительно возросло. Промышленность выпустила 393 танка КВ и 1110 танков Т-34. Но для перевооружения армии этого было недостаточно. В 1940 году было принято решение о производстве танков на Челябинском и Сталинградском тракторных заводах и на Сормовском судостроительном. Ряд предприятий получили задание изготавливать танковые моторы, бронекорпуса и башни. В результате этих мер мощности советского танкостроения к лету 1941 года в полтора раза превысили мощности танковой промышленности Германии.

Выдающимся успехом увенчался труд ученых и конструкторов по созданию реактивного оружия. Были усовершенствованы реактивные снаряды калибром 82 мм и 132 мм и боевая установка БМ-13. В декабре 1939 года было решено изготовить первые образцы, чтобы потом пустить их в серию. Но в Наркомате обороны как при маршале К. Ворошилове, так и при маршале С. Тимошенко к этому оружию отнеслись прохладно и его долго не внедряли в войска, мотивируя это тем, что у этого оружия небольшая дальность и невысокая площадь поражения каждой машины в отдельности. Это заставило Сталина за несколько дней до войны в присутствии руководителей страны и высшего военного руководства испытать несколько боевых установок, смонтированных на шасси ЗИС-6, и всем пришлось единодушно признать высокую поражающую эффективность этого оружия, чтобы сразу начать его серийное производство на московских заводах. Удивительно много давала Москва армии. За годы войны руками рабочих и инженеров на московских заводах для фронта было произведено 19 тыс. боевых самолетов, 3 745 реактивных артиллерийских установок, 9 тыс. артиллерийских тягачей, 3,5 млн. автоматов, 34 млн. разного калибра снарядов и 10 млн. мин¹.

Благодаря принятым мерам по развитию оборонной промышленности, рост ее валовой продукции происходил значи-

¹ Военно-исторический журнал, № 10, 1991, с. 38.

тельно быстрее, чем всей промышленности в целом. В 1938 году при общем увеличении промышленного производства на 11,8 процента выпуск военной продукции возрос на 36,4 процента. В 1939 году продукция всей промышленности увеличилась на 16 процентов, а предприятий наркоматов оборонной промышленности — на 46,5 процента. В 1940 году объем военной промышленности возрос более чем на треть.

Красная Армия до 22 июня 1941 года получила свыше 7 тыс. танков, из них КВ и Т-34 — 1861; орудий и минометов — 92 578; боевых самолетов — 17 745, из них 3179 новых типов. К концу 1941 года намечалось увеличить мощность авиационных заводов на 166% к уровню 1939 года.

Нарастали и темпы оснащения военно-морского флота. Только за 11 месяцев 1940 года было спущено на воду 100 кораблей всех классов и около 270 строилось в конце 1940 года.

Угроза войны вынуждала партию большевиков и правительство создавать большие государственные материальные резервы за счет жесткой экономии во всех отраслях промышленности и транспорта. В августе 1940 года Советское правительство приняло постановление «О плане накопления госрезервов и мобзапасов на 1940 год», в июне следующего года — подобное постановление на 1941 год. Резервы и мобилизационные запасы увеличивались по мере усиления угрозы нападения на СССР. Особенно они возросли к началу 1941 года. С января 1939 года по январь 1941 года резервы и мобилизационные запасы выросли: по чугуну — в 5 раз, прокату — в 2 раза, меди — более чем в два раза, цинку — в 2,2 раза, свинцу — в 1,6 раза. Хуже обстояло с углем и нефтепродуктами, ощущалась нехватка высококачественного бензина и авиамасел. Было произведено накопление продовольствия и фуража. Их фонды могли удовлетворить четырех-шестимесячную потребность вооруженных сил в случае войны¹.

В предвоенный период размещение производительных сил Советского Союза осуществлялось с учетом усиления военной мощи и устойчивости экономического потенциала на случай войны. Большое внимание было уделено развитию тяжелой индустрии в восточных районах страны, на Урале, в Западной Сибири, Среднем Поволжье, Казахстане, Средней Азии и других районах. В результате этих мероприятий роль Советского Востока в промышленном производстве СССР резко поднялась. Так, на 1 января 1941 года удельный вес восточных районов в общем производстве СССР составил: по железной руде — 29%, коксу — 25%, чугуну — 28,2%, стали — 29,8%, про-

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. V. М., 1970, с. 121.

кату — 29%, углю — 33,9%, нефти — 12,3%, и выработке электроэнергии — 12,4%¹. Но восточные районы специально не готовились для того, чтобы служить основной военно-промышленной базой в случае войны. То, что произошло в военные годы, оказалось следствием больших неудач Красной Армии в начальный период Отечественной войны.

Особенно напряженные планы в народном хозяйстве страны были составлены на 1941 год. В 1941 году планировалось:

— довести выпуск валовой продукции промышленности до 162 млрд. рублей с ростом против уровня 1940 года на 17—18%;

— увеличить производство чугуна до 18 млн. тонн, выплавку стали — до 22,4 млн. тонн и производство проката до 15,8 млн. тонн;

— обеспечить добычу угля в размере 191 млн. тонн, нефти и газа — 38 млн. тонн;

— обеспечить прирост мощностей электроэнергии на 1,75 млн. квт.;

— обеспечить среднесуточную погрузку на железных дорогах в размере 103 тыс. вагонов;

— увеличить число учащихся в начальных и средних школах до 36,2 млн. человек и в высших учебных заведениях — до 657 тыс. человек с тем, чтобы довести общие расходы на социально-культурные мероприятия до 48 млрд. рублей².

Не все удалось из намеченного выполнить, так как война приближалась быстрее, чем ее ждали, и надежды на то, что Италия и гитлеровская Германия надолго увязнут в Греции и Югославии, не оправдались. Но для будущей победы в войне в государстве были заложены все предпосылки: сильная и крепкая Советская власть, где главенствующую и цементирующую роль играла партия большевиков, передовая и высокоэффективная экономика, ставшая второй в мире после США, великолепно подготовленный правительством и Генштабом вооруженных сил страны проект мобилизационного перевода народного хозяйства страны с мирного на военное положение, и, конечно, умелая работа партии, правительства и всех общественных организаций по поддержанию в советском народе веры в незыблемость советского строя и его нерушимость.

Великая Отечественная война застала советскую военную промышленность в процессе освоения новой техники, одна-

¹ Материалы центральных архивов бывших министерств СССР: черной металлургии, угольной промышленности, нефтяной промышленности и электростанций.

² КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов. М., 1971, с. 459—474.

ко массового выпуска современной для того времени военной техники не было еще организовано. Накануне войны, когда угроза гитлеровской Германии против СССР стала неумолимо приближаться, советское правительство в качестве предупредительной меры приняло «мобилизационный план» по боеприпасам на вторую половину 1941 года и на 1942 год, рассчитанный на военную перестройку промышленности на случай войны. Этот мобилизационный план устанавливал программу перестройки промышленности и особенно машиностроения в случае нападения на нашу страну фашистских агрессоров¹.

С чем начинали войну Советский Союз и Германия? Как известно, важнейшими показателями военно-экономической мощи государства является уровень производства металла, угля, нефти, хлопка и т.д. Усилиями нашего народа к началу Великой Отечественной войны эти отрасли промышленности и сельскохозяйственного производства сделали огромный скачок и по производству продукции превзошли уровень 1913 года: по чугуну — почти в 4 раза, по стали — в 4,5 раза, по углю в 5,5 раза, по нефти — в 3,5 раза, по товарному зерну — на 17 млн. тонн, по хлопку-сырцу — в 3,5 раза. К 1940 году, по сравнению с 1913 годом, продукция тяжелой промышленности в СССР в целом выросла почти в 12 раз, причем доля машиностроения в общей продукции промышленности увеличилась с 6 до 30 процентов и наша страна в этом отношении вышла на первое место в мире.

Но в Германии всегда была хорошо развита промышленность. Если в 1913 году Германия выплавляла металла втрое больше, чем Россия, то в 1940 году выплавка металла советскими и германскими заводами стояла почти на одном уровне. В 1913 году продукция германской промышленности в 5 раз превосходила продукцию царской России, а накануне Второй мировой войны Германия оказалась вынужденной уступить первенство в производстве промышленной продукции Советскому Союзу. Если перед Первой мировой войной продукция промышленности Германии составляла 15,5% мировой промышленной продукции, а России — всего лишь 2,6%, то уже в 1937 году удельный вес СССР в мировой промышленной продукции достиг 13,7%, тогда как на долю Германии приходилось 11,6%. Обогнав Германию по валовой продукции промышленности, Советский Союз еще в предвоенные годы прочно занял первое место в Европе и второе в мире².

¹ Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947, с. 78.

² Военная мысль, № 7, 1954, с. 46—47.

Однако если сравнивать СССР с фашистской Германией, то военно-промышленная база Советского Союза была по объему меньше, чем военно-промышленная база Германии. Известно, что перед нападением на СССР Германия производила стали 31, 8 млн. т; проката — 22,5 млн. т; алюминия — 324 тыс. т; угля — 506 млн. т; электроэнергии — 77 млрд. кВт/ч. Сравнение всей промышленной базы и экономического потенциала Советского Союза с Германией свидетельствует о том, что Германия перед нападением на СССР по важнейшим отраслям производства превосходила Советский Союз по меньшей мере в 1,5—2 раза¹.

Но экономический потенциал Советского Союза имел преимущество перед германским, так как он основывался на планомерном государственном регулировании всех отраслей промышленности, и Советское правительство могло в трудных обстоятельствах войны подчинить всю экономику страны росту военного производства, что нельзя было сделать в капиталистической стране, в том числе и в гитлеровской Германии, где интересы частного капитала главенствовали над государственными интересами.

Накануне Первой мировой войны дореволюционная Россия имела наиболее высокий валовой урожай хлеба — около 4,9 млрд. пудов. В СССР накануне Великой Отечественной войны валовой урожай хлеба составил 7,3 млрд. пудов. При этом товарная продукция хлеба в СССР накануне войны превышала размеры товарной продукции в России накануне Первой мировой войны почти вдвое. В царской России из 367 млн. га сельскохозяйственных земель свыше 80 млн. га владели кулаки, а 152 млн. га находилось в руках помещиков. В СССР из 422 млн. га сельскохозяйственных земель до войны 371 млн. га имелось у колхозного и единоличного трудового крестьянства и 51 млн. га — в государственных совхозах².

Индустриализация страны и коллективизация деревни позволили создать мощную военную промышленность и вполне современные вооруженные силы, оснащенные наиболее передовой техникой. Только за 1933—1938 годы военная промышленность выросла почти в три раза. Насыщенность Красной Армии боевой техникой в 1939 году превосходила уровень 1930 года по танкам свыше чем в 40 раз, самолетам и артиллерии — почти в 7 раз, танковой и противотанковой артиллерии — в 70 раз, пулеметам — в 5,5 раза. Мощность ог-

¹ Военная мысль, № 2, 1958, с. 71.

² Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947, с. 86.

невого залпа танков и боевых машин возросла в 4 раза. Обобщающим показателем степени механизации и моторизации армии является количество механических лошадиных сил, приходящихся на одного солдата, которое увеличилось за тот же период с 3,07 до 13 лошадиных сил¹.

Рост военного производства позволял Советскому правительству увеличивать количественный состав своих вооруженных сил и это стало происходить особенно быстро после захвата гитлеровской Германией Польши

За два года (с июня 1939 г. по июнь 1941 г.) численность советских вооруженных сил увеличилась в 2,8 раза, было сформировано 125 новых дивизий и к 1 января 1941 г. в сухопутных войсках, военной авиации, на флоте, в войсках ПВО было более 4200 тысяч человек². На базе новых типов самолетов намечалось сформировать 106 авиаполков, но к концу мая 1941 года удалось создать только 19 таких полков. Такой большой выпуск средств вооружений для армии осуществлялся за счет высокого темпа роста производительности труда рабочих и инженеров как решающего фактора в развитии экономики страны. За 13 предвоенных лет производительность труда в промышленности СССР увеличилась в 3,4 раза. Среднегодовые темпы роста производительности труда в промышленности Советского Союза в предвоенные годы были выше темпов США, Англии и Франции примерно в 3—4 раза³.

Сталин не скрывал все возрастающего экономического могущества Советского Союза, и зимой 1941 года крупным немецким промышленникам были показаны промышленные объекты и то, что они увидели, поразило их. Техническая оснащенность многих увиденных заводов была выше, чем на заводах Германии, а способы автоматической сварки броневых листов для танков и другие новшества опережали немецкие технологии в этой области на многие годы вперед. Доклады видных промышленников Германии Гитлеру, что советская промышленность не уступает по своей эффективности германской, не произвели на него впечатления — в его сознании устойчиво укоренилось мнение о слабости России. Он продолжал не верить в способность Советов организовать правильное функционирование власти. «Стоит лишь пнуть ногой в дверь, — заявил он генерал-фельдмаршалу Рундштедту, — и все прогнившее здание рухнет»⁴.

¹ Военная мысль, №5, 1955, с. 36.

² Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1990, кн.1, с. 322.

³ Народное хозяйство СССР. Статистический сборник М., 1956, с. 52—55.

⁴ *Бл. Гарт.* Важнейшие стратегические решения. От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М., 1988, с. 59—60.

С приближением войны Советское правительство исключительно много занималось укреплением государственных органов безопасности и решительно вело борьбу с агентурой враждебных государств и их пособниками внутри страны. По опыту прошлых войн и русской истории Сталин знал, что даже хорошо подготовленные органы власти и самая сильная по своему составу армия могут оказаться бесполезными и непригодными к ведению войны, если в их структурах внедрены и способны действовать агенты противника. Перед Первой мировой войной русская армия по своей силе не уступала армии кайзеровской Германии, но она проиграла все сражения и потерпела поражение в войне только потому, что в правительстве царской России и в армии не велось борьбы с германскими агентами, внедренными во все ветви власти и даже в близкое окружение царя¹. Бесцельны усилия народа и целого государства в войне, если хоть один вражеский агент имеет доступ к принятию важнейших правительственных и военных решений.

После разгрома троцкистско-зиновьевских организаций в партии и правительстве и разоблачения вредительской деятельности генералов Красной Армии, во главе которых стояли маршалы Тухачевский и Егоров, германская разведка лишилась очень важных источников информации. Оба высокопоставленных советских военачальника, став на путь измены родине, в середине тридцатых годов прошлого века снабжали командование рейхсвера, а потом и вермахта самой полной и достоверной информацией о состоянии вооруженных сил Советского Союза и мобилизационных возможностях армии на случай войны. Тухачевский даже передал генералу Секту, долгое время возглавлявшему германский рейхсвер, все оперативные планы и составленный им лично план поражения Красной Армии в войне. До разоблачения Тухачевского и его пособников в измене родине, они сумели нанести трудно поправимые удары по армии, раны от которого были залечены только в ходе войны. Одно только наполнение армии негодными для боя танками БТ и Т-26, исполненное Тухачевским в соавторстве с другими изменниками, и задержка выпуска новых образцов оружия стоили нам немало в начальный период войны.

До сих пор не опубликованы документы о роли маршала Тухачевского и его пособников в подготовке военного переворота по свержению Советской власти и установлению в стра-

¹ В. Устинов. Гибель Романовых. Прусский след. М., 2008, с. 331, 340—341, 418.

не военно-полицейского режима по типу нацистского режима в гитлеровской Германии, откуда и шла его политическая и финансовая поддержка. Это был наиболее опасный период в жизни всех европейских народов, и Россия, если бы переворот Тухачевского удался, могла выступить на международной арене в роли союзника и вассала Гитлера, и объединенные усилия двух великих держав, понесших поражение в Первой мировой войне, были бы направлены на пересмотр итогов той войны, вслед за которым мог последовать передел всего мирового устройства, о чем не уставали твердить в нацистской Германии. Основы этого заговора были заложены Троцким и руководителем рейхсвера генералом Г. Сектом, который в начале 20-х годов создавал в Советской России базы по хранению и эксплуатации военной техники, которую запрещалось иметь на территории Германии по Версальскому договору. С помощью Троцкого, давно работавшего на австрийскую разведку, генерал Сект финансировал и завербовал на свою сторону многих советских и партийных работников, отдавая все же предпочтение вербовке военачальников Красной Армии, с помощью которых рейхсвер и германское правительство хотело возродить к жизни немецкое влияние в России, подобное тому, которое они имели в правление Николая II и утраченное ими после Октябрьской революции и гражданской войны. Переговоры с Г. Сектом о финансовой помощи заговорщикам по поручению Троцкого вел в 1921 году Н. Крестинский, нарком финансов РСФСР, результатом этих переговоров явилось подписание договора о том, чтобы Троцкий и его люди «передавали ему хотя бы и не систематически, некоторые секретные сведения военного характера. Кроме того, чтобы ему (Секту. — *Авт.*) оказывалось содействие в выдаче виз некоторым нужным им людям, которых бы они посылали на территорию Советского Союза в качестве разведчиков»¹.

В 1926 году Г. Сект ужесточил требования к заговорщикам: «Шпионская информация, которая давалась ему не систематически, от случая к случаю, должна принять более постоянный характер, и, кроме того, чтобы троцкистская организация дала обязательство, что в случае прихода ее к власти во время возможной новой мировой войны эта троцкистская власть учтет справедливые требования германской буржуазии, то есть, главным образом, требования концессий и заключения другого рода договоров»².

¹ Судебный отчет. Материалы Военной коллегии Верховного суда СССР. М., 1997, с. 229.

² Там же, с. 233.

Не меньший вред нанес обороноспособности страны начальник Генерального штаба маршал А. Егоров, насильно склоненный для работы на германскую разведку с помощью своей жены, являвшейся агентом Пилсудского. Он окружил себя в Генштабе германскими агентами, и через них Егоров передал рейхсверу мобилизационные планы и планы стратегического развертывания вооруженных сил с началом войны. Все эти планы пришлось в предвоенные годы в корне пересматривать, закладывая в них новую организационно-штатную структуру войск, новые стратегические рубежи обороны, и новые оперативные и мобилизационные планы.

После разоблачения заговора генералов в Красной Армии, германская разведка утратила возможность узнавать характер подготовки Красной Армии к войне, а посылаемые в Советский Союз агентурные группы терпели провалы.

Сталин предвидел неизбежность войны с фашистской Германией и готовил народ и армию к этой войне. Все предвоенные годы он старался отвести войну или попытаться отодвинуть ее на более поздний срок, чтобы лучше к ней подготовиться и в чем-то он даже потакал Гитлеру, но ждал войну непременно, особенно после того, как гитлеровские войска оккупировали Югославию и Грецию и начали переброску своих войск в восточноевропейские страны. За несколько месяцев до войны Сталин передал Гитлеру всех немецких деятелей, чьи политические взгляды и симпатии были на стороне Германии¹. Такая же участь постигла венгров, румын, болгар и финнов, работавших в Коминтерне и других международных общественных организациях, чья деятельность не вызывала доверия у советских властей. В Москве оставались лишь те иностранные работники, кто готов был вместе с русским народом разделить все тяготы и лишения предстоящей войны. Совершенно прав был Черчилль, сказавший: «Нужно отдать справедливость Сталину, он всеми силами старался лояльно и верно сотрудничать с Гитлером, в то же время собирая все силы, какие он только мог собрать на необъятных просторах Советской России»².

Чтобы сузить возможность вести разведывательную деятельность в городах СССР, Советское правительство в феврале 1938 года закрыло все немецкие консульства в Советском Союзе. Это явилось форменной катастрофой для немецкого военного атташе в Москве, в обязанности которого входило осведомлять свое правительство о военном потенциале Со-

¹ Советская Россия, № 41, 19 июня 2004 г.

² У. Черчилль. Вторая мировая война. М., 1997, с. 192.

ветской России. С закрытием этих консульств Германия лишилась важного источника информации.

Чтобы не допустить опоры гитлеровских нацистов на русских немцев, которых могли угрозой и насилем заставить служить фашистскому рейху, Советское правительство весной 1940 года приняло решение переселить всех немцев, проживавших в западных и центральных областях Советского Союза, в Поволжье и Казахстан. Тяжелые уроки Первой мировой войны заставляли Советское правительство встать на такой путь. В Первую мировую войну в западных губерниях России, в Петрограде и Москве проживало большое количество немцев, занимавших видные посты в структурах царской власти, в экономике и бизнесе. Да и все близкое окружение Николая II состояло из русских немцев, выходцев из Восточной Пруссии и Прибалтийских губерний. Войну с кайзеровской Германией они рассматривали как столкновение двух родственных династий, и свое предпочтение отдали служению исторической Родине — кайзеровской Германии. Владея крупными капиталами и крупными промышленными предприятиями, эта привилегированная часть русской буржуазии в короткое время обрушила способность России выпускать вооружение для своей армии и приостановила развитие, а потом и работу промышленности. Влияние немцев на политическую и деловую жизнь в Петрограде было подавляющим, так как во главе правительства стояли И. Горемыкин, а потом немец Б. Штюрмер, теснейшими узами связанные с прусской военщиной. А вот в Москве, где тоже было заметно засилье немцев во власти, губернатор Ф. Юсупов в 1915 году попытался испросить разрешения царя на высылку немцев из старой русской столицы в Архангельск, но одобрения не получил. Хуже того, за одну только эту «кромольную» мысль князь был освобожден от должности Московского губернатора. Война с Германией обнажила все язвы царской власти, и высветила ее огромную зависимость от поведения русских немцев. Чтобы не повторить этой ошибки, и было принято решение о выселении немцев в отдаленные районы страны. В новых местах для русских немцев были заранее подготовлены дома для проживания и им предоставлялись большие земельные наделы. Эти меры были значительно мягче, чем те, что применили немцы по отношению к русским подданным, когда началась Первая мировая война. В одном Берлине накануне войны их собралось около 80 тыс. человек. Берлинские власти заставили всех их сдать ценности и деньги в пользу Германии и ее военного фонда. Когда все было изъято, ото всех потребовали связаться с Россией и через испанское посольство востребовать от родственников для своего осво-

бождения еще крупные суммы денег и золота¹. Не менее трудные условия были созданы и для тех пятидесяти тысяч сезонных русских рабочих, которые работали на предприятиях и у частных владельцев, — их стали содержать как рабов.

Очень жестко с началом Первой и Второй мировых войн обращались с немцами англичане и американцы — с японцами, когда Япония напала на США. Правда, есть в этом деле и существенная разница. В Советском Союзе немцев выселяли пусть и в наспех подготовленные, но пригодные для жизни городские и сельские поселения, а в Англии немцев и в США японцев отправляли в концентрационные лагеря, где была очень высокая смертность.

Руководство фашистской Германии поразительно плохо было информировано о фактической экономической и военной мощи Советского Союза, не говоря уже о том, до каких размеров она могла быть увеличена в дальнейшем². До начала войны многое оказалось не увиденным и соответственно не просчитанным в штабах вермахта: создание военно-промышленной базы на Урале и в Сибири, строительство новых дорог и железнодорожных магистралей, образование и развертывание новых соединений в составе Красной Армии и поступление в войска новой боевой техники, превосходящей по своим возможностям технику Германии.

Красная Армия оставалась загадкой для разведывательных служб западных государств. В начале 1941 года Абвер полагал, что СССР располагает не более чем двумястами дивизиями, и уже после войны начальник Генерального штаба Гальдер сказал: «Это был грубый просчет: число дивизий, вероятнее всего достигало трехсот пятидесяти». Не был известен и великолепный мобилизационный механизм советского государства, которое сумело в период с 22 июня по 1 декабря 1941 года сформировать для армии 219 дивизий и 94 бригады³.

За несколько месяцев до нападения Германии на Советский Союз Председатель Советского правительства В. Молотов побывал в Берлине и встречался с Гитлером и Риббентропом. Цель поездки — лично убедиться в приготовлениях Гитлера к новой войне и попытаться ее предотвратить или оттянуть на неопределенный срок. В день приезда советской делегации Гитлер подписал совершенно секретную директиву об усилении подготовки к войне с СССР. «Независимо от результатов этих переговоров, — говорилось в ней, — вся подго-

¹ Русская старина. Вып. VII—VIII. М., 1916, с. 136.

² Л. де Ионг. Пятая колонна в Западной Европе. М., 2004, с. 266.

³ 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968, с. 273.

товка на востоке, о которой уже были даны устные указания, должна продолжаться. Дальнейшие указания будут даны, как только общие оперативные планы армии будут представлены и утверждены мною...»¹

На этих переговорах Гитлер говорил о поражении Англии как о совершенно бесспорном факте, а Риббентроп имел наготове документ — проект договора о присоединении СССР к пакту трех держав: Германии, Италии и Японии. В нем намечался передел мира и, прежде всего, Британской империи. Риббентроп увещевал советского министра: «Россия, несомненно, должна быть заинтересована в выходе к Индийскому океану». Молотов незамедлительно парировал: «Советский Союз совершенно не заинтересован в Индийском океане. Он расположен достаточно далеко от него...» И тут же энергично произнес: «А вот в европейских делах и в безопасности своих южных границ мы заинтересованы... мы обеспокоены судьбой Румынии и Венгрии. Я еще и еще раз спрашиваю немецкую сторону: каковы намерения держав Оси в отношении Греции и Югославии? Что будет в дальнейшем с Польшей? Когда немецкие войска уйдут из Финляндии? Намерено ли германское правительство считаться с нейтралитетом Швеции?»² Тон, каким говорил В. Молотов, свидетельствовал, что Советское правительство было уверено в продолжении агрессии Германии против европейских стран, не строило никаких иллюзий относительно мира. Риббентроп не ответил ни на один из этих вопросов и вновь вернулся к сотрудничеству России и Германии в деле ликвидации английской империи. С Британской империей, уверял Риббентроп, покончено и ее осталось только добить. «Никакая сила на земле, — воскликнул фашистский министр, — не может изменить того обстоятельства, что наступило начало конца Британской империи. Англия разбита, и сейчас лишь вопрос времени, когда она, наконец, признает свое поражение»³. Молотову это надоело и он, прищурив глаза, спросил Риббентропа: «Вы действительно уверены, что с Англией покончено?» — «Несомненно» — «Тогда, — уже не скрывая усмешки сказал Молотов, — разрешите задать последний вопрос: если это так, то почему мы сейчас сидим в бомбоубежище? И чьи это бомбы падают на Берлин?»⁴

Лондон пристально следил за визитом Молотова в Германию и с ожесточением бомбил Берлин. У Черчилль чуть позже писал: «Трудно себе даже представить, что произошло бы в

¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т.1. М., 1954, с. 393.

² Огонек, № 20, май 1970 г.

³ Ф.Д. Волков. Тайное становится явным. М., 1989, с. 94—95.

⁴ Бережков В.С. С дипломатической миссией в Берлине. М., 1966, с. 47.

результате вооруженного союза между двумя великими континентальными державами, обладающие миллионами солдат, с целью раздела добычи на Балканах, в Турции, Персии и на Среднем Востоке, имея в запасе Индию, а Японию — ярого участника «сферы Великой Восточной Азии» — своим партнером».

С облегчением вздохнули в Лондоне лишь после донесения английского посла в Москве С. Криппса, который сообщил: «Результаты встречи были отрицательными», так как «русские хотели сохранить свободу действий и не реагировали на усилия Гитлера, направленные на достижение сотрудничества с Советским Союзом»¹.

После возвращения В. Молотова в Москву и обсуждения на заседании правительства итогов переговоров, партийные и советские органы Советского Союза перестали скрывать от населения угрозу войны с Германией и усилили работу по сплочению народов в единую семью. Самое активное участие в сплочении масс принимали евреи Советского Союза, чье представительство в органах власти было самым заметным.

В Советском Союзе образовался огромный пласт еврейского населения, активно участвовавшего в Октябрьской революции и строительстве социалистического общества, причем они всегда выступали самыми рьяными его защитниками. В 1939 году в СССР проживало 3 020 000 евреев, а с присоединением Прибалтийских республик, восточных областей Польши, Западной Украины и Западной Беларуси, а также Бессарабии их численность возросла до 5 170 000 человек. Это была самая большая диаспора евреев, проживавшая в одной стране. В Советском Союзе, как нигде в мире, для них были созданы самые благоприятные условия для получения образования, проявления творческих инициатив и управления общественными организациями и государством. Пропагандистский аппарат Страны Советов и искусство находилось в руках евреев, и они смогли показать его привлекательное лицо. Много евреев работало в близком окружении И. Сталина и их хорошо знали в стране. Среди них выделялись Л. Каганович, Б. Ванников, л. Мехлис и другие.

Нападение фашистской Германии советские евреи, как и все советские люди, восприняли как личную трагедию, и они откликнулись повсеместным стремлением принять участие в борьбе с ненавистным врагом. Во время Великой Отечественной войны в вооруженных силах Советского Союза воевало 501 тысяча воинов-евреев, в том числе 167 тысяч офицеров и 334 тысячи солдат, матросов и сержантов. Мобилизационное напряжение еврейского населения было одним из самых высо-

¹ Ф.Д. Волков. Тайное становится явным. М., 1989, с. 102.

ких в стране. На 1 января 1943 года, в самый напряженный период боевых действий на советско-германском фронте, евреи составляли 1,5% численности вооруженных сил СССР. Иначе быть и не могло — это была война за существование еврейского народа, ведь фашистская идеология несла им уничтожение как для отдельной личности, так и для всего еврейского народа, и в Сталине они видели единственного в мире руководителя, способного спасти их от физического уничтожения

На оккупированной территории оказались по разным подсчетам более 2,5 миллиона евреев, и они активно участвовали в партизанском движении. По имеющимся данным, в Белоруссии из 370 тыс. партизан 30 тыс. были евреями. Среди командного состава партизанских отрядов процент евреев был очень высок: 39 были командирами, 57 комиссарами, 19 начальниками штабов.

Первым командиром дивизии, получившем звание Героя Советского Союза в Великой Отечественной войне, был генерал Крейзер Я.Г. 1-я мотострелковая дивизия под его командованием остановила в тяжелейших боях продвижение танкового корпуса Гудериана по шоссе Минск — Москва в районе Борисова в начале июля 1941 года.

Сталин продолжал опираться на советских евреев и после окончания войны. Он инициировал необходимость создания еврейского государства на Ближнем Востоке и когда практически встал вопрос об образовании такого государства, Сталин разрешил отлучить от советской присяги шесть тысяч солдат и офицеров еврейской национальности и направил их для работы по формированию государственных структур еврейского государства и армии Израиля. Евреи военного времени чтят и с благодарностью вспоминают заслуги Сталина в разгроме фашистской Германии и спасении еврейского народа от уничтожения и не перестают воздавать ему заслуженную похвалу.

Будет совершенно справедливо сказать, что сталинский режим власти был единственный в Европе, и, пожалуй, в мире, где евреи во время войны чувствовали себя в безопасности, жили в творческом развитии и где они смогли проявить свои лучшие качества в борьбе с ненавистным врагом.

Проводя жесткую политику в интересах своей страны, Сталин сумел перед войной отодвинуть на западе государственную границу на 20—300 км, а население страны увеличить на 20 млн. человек. Это способствовало усилению обороноспособности СССР, и значительно улучшило его стратегическое положение на западной границе и в Балтийском море.

ГЛАВА VII

Характер стратегического построения советских вооруженных сил перед войной. — Кордонный принцип расположения советских войск у государственной границы. — Неготовность механизированных корпусов к войне. — Просчеты высшего командования Красной Армии в планировании первых операций

В конце мая 1941 года, после оккупации фашистской Германией и Италией Греции и Югославии, приближающаяся война неотвратимо нависла над советской страной и Сталин вместе с правительством и всем народом стали ожидать ее со дня на день. Из различных источников, по дипломатическим и разведывательным каналам, в Москву стали поступать неопровержимые сведения с указанием конкретной даты нападения гитлеровской Германии и о том, что фашистская армия завершила подготовку к вторжению, что в любой момент следует ожидать ее нападения. В порядке ответной меры, обусловленной суровой необходимостью, председатель Советского правительства т. Сталин в начале мая дал указание Генеральному штабу передислоцировать в приграничные округа ряд соединений, а 12 мая правительство разрешило выдвинуть на запад войска из внутренних округов.

В мае — июне шла переброска 19-й армии из Северо-Кавказского военного округа в район Черкассы — Белая Церковь; 20-й армии из Орловского военного округа в район Могилев — Смоленск — Орша; 21-й армии из Приволжского военного округа в район Чернигов — Гомель — Остер; 22-й армии из Уральского военного округа в район Себеж — Витебск — Великие Луки; 16-й армии из Забайкальского военного округа в район Проскуров — Хмельники. Нарком обороны маршал Тимошенко и начальник Генерального штаба генерал Жуков планировали их расположить в приграничной зоне, линейно, так же, как располагались другие приграничные армии, и только осторожность и предусмотрительность вождя, посоветовавшего военным чинам расположить их на большей глубине от государственной границы, спасло эти армии от разгрома, и они очень пригодились для отпора врагу в глубине страны. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 июня все эти армии объединялись в группу резервных армий Главного Командования, которую возглавил маршал С. Буден-

ный¹. Этой группе армий ставилась задача приступить к созданию оборонительного рубежа по линии Сушево — Невель — Витебск — Могилев — Гомель — Чернигов — Кременчуг.

Более половины сухопутных войск вооруженных сил Советского Союза — 169 дивизий из 303 были дислоцированы в западных приграничных округах, из них 102 стрелковых, 40 танковых, 20 мотострелковых и 7 кавалерийских дивизий. Остальные 134 дивизии: 96 стрелковых, 21 танковая, 11 мотострелковых и 6 кавалерийских — располагались вблизи южных и дальневосточных государственных границ Советского Союза и во внутренних военных округах. В соответствии с такой дислокацией и был составлен Генеральным штабом «План прикрытия мобилизации стратегического сосредоточения Красной Армии», и, в свою очередь, расположение войск в западных округах было подчинено требованию этого плана.

15 мая правительством были рассмотрены и утверждены «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», но И. Сталину это показалось недостаточным, и он потребовал от наркома обороны маршала С. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. Жукова составить в каждом приграничном округе оперативные планы обороны государственной границы на период отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск. При этом он особо подчеркнул, что к его составлению обязательно должны быть привлечены командующие приграничных округов и армий и все командиры дивизий, которым предстояло участвовать в его исполнении. Основой для составления таких планов явились специальные директивы для каждого приграничного округа, подписанные наркомом обороны маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко и начальником Генерального штаба генералом армии Г.К. Жуковым².

Анализ этих директив, датированных серединой мая 1941 года, показывает, что никаких задач наступательного характера войскам западных приграничных военных округов не ставилось. Войскам прикрытия в этом плане определялись следующие задачи:

— не допускать вторжения противника на территорию Советского Союза;

— упорной обороной занимаемых рубежей прочно прикрывать отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск соответствующих округов;

¹ М.В. Захаров. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989, с. 261.

² ЦАМО РФ, Ф.16А, оп.2951, д.327, л. 33—47; Ф.16, оп.2951, д.243, л.1—3

— своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника¹.

Считался возможным отвод наших войск в глубину страны с эвакуацией гражданского населения, заводов и фабрик, а также ликвидацией тех объектов, которые нельзя было вывезти на восток.²

Получив эту директиву, в приграничных округах буквально до последних мирных дней вели напряженную работу по практическому исполнению этих планов. Соответствующие командиры и штабы изучили предназначенные им участки и полосы обороны, тщательно отработывали вопросы взаимодействия с пограничными войсками и другими родами войск, и определили на первые дни войны расход выделенных центром ресурсов по авиации, боеприпасам и горюче-смазочным материалам³.

Многие командующие армиями и командиры дивизий осуществили подъем войск по боевой тревоге с выходом подразделений в намеченные для них районы обороны, что дало возможность командирам всех степеней установить срок готовности первых эшелонов прикрытия по боевой тревоге в пределах 2—3 часов⁴.

До 20 июня такие детально проработанные планы из приграничных округов поступили в наркомат обороны, где они были рассмотрены и утверждены. Наиболее подготовленные и хорошо отработанные оперативные планы обороны госграницы в своих полосах ответственности представили командующий Прибалтийским Особым военным округом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, Киевского Особого военного округа генерал-полковник М.П. Кирпонос и Одесского военного округа — генерал-полковник Я.Т. Черевиченко. Их отличает высокая достоверность работы командующих непосредственно на местности со всеми командирами, что явилось залогом их успешных действий в момент нападения немецко-фашистских войск на Советский Союз⁵.

А вот «Записка по плану действий войск прикрытия на территории Западного особого военного округа», составленная штабом и подписанная ее командующим генералом армии Д.Г. Павловым, а также членом Военного совета корпусным комис-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15, О. 11600, д. 1062, л. 73—74.

² Военно-исторический журнал, №2, 1996, с. 2—15; №3, с. 4—18; №4, с. 3—16; №5, с. 2—15.

³ Там же, №2, 1996, с. 2—8

⁴ М.В. Захаров. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989, с. 208.

⁵ ЦАМО РФ, Ф. 16. ОП. 2951. Д. 242, л. 1—35; Ф. 16, оп. 2951, д. 262, л. 2—49; Ф. 16, оп. 2951, д. 253, л. 9—46.

саром А. Фоминым и начальником штаба округа генерал-майором В. Климовских, поражает своей беспредметностью и полным отсутствием конкретных мер по организации отражения возможного нападения войск врага, которые уже сосредотачивались у наших границ. Командующий и начальник штаба просто отписались такими ничего не значащими фразами, как например, что «в основу обороны войск положена упорная оборона укрепленных районов и созданных по линии госграницы полевых укреплений с использованием всех сил и возможностей, начиная с мирного времени, для дальнейшего развития», и «в случае прорыва фронта обороны крупными мотомехчастями противника борьба с ними и их уничтожение будут осуществляться непосредственно командованием округа, для чего часть противотанковых артиллерийских бригад, авиации и механизированных корпусов остается в распоряжении округа»¹. Читая этот документ, не трудно сделать вывод, что его подготовили в штабе округа без привлечения тех командующих и командиров, кто, составляя его, должен был его и выполнять. Трагические события первого дня войны показали, что командующие приграничных армий, командиры корпусов и дивизий Западного фронта в составлении этого важнейшего документа не участвовали и содержание его не знали.

Одновременно с разработкой этих оперативных планов наркомат обороны, руководствуясь указаниями правительства, постепенно наращивал приготовления вооруженных сил страны к отражению агрессии.

Известно, что все части и соединения Красной Армии, находившиеся в приграничных округах, и корабли военно-морских сил имели строгие предписания из центра не поддаваться на провокации и не ввязываться в конфликты, способные привести к войне. Так поступает каждое правительство, заботящееся о предотвращении войны, когда обстановка на государственной границе становится напряженной и взрывоопасной. Но в то же время никто и никогда не отменял требования уставов о том, что все войска должны находиться в постоянной готовности к защите отечества. Теперь уже не секрет, что для тех наших командующих и командиров, кто внимательно отслеживал развитие международной обстановки и положение дел на государственной границе в пределах отведенной им зоны ответственности, начало войны не стало неожиданным.

В полной готовности встретили врага 41-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. Еремина (Юго-Западный фронт), 64-я стрелко-

¹ ЦАМО РФ, Ф.16, оп. 2951, д. 243, л. 4—34.

вая дивизия генерал-майора С. Иовлева (Западный фронт), 26-я стрелковая дивизия генерал-майора П. Кузнецова (Северо-Западный фронт), все пограничные заставы и войска НКВД и моряки Северного, Балтийского и Черноморского флотов¹.

Военачальники послевоенной поры, в угоду Н. Хрущеву, оправдывая свои ошибки в подготовке армии к войне, всю вину за неудачный исход первоначальных сражений при нападении фашистской Германии на нашу страну взвалили на Сталина, сняв с себя всякую ответственность за дела, за которые они лично отвечали. При этом все они не перестают упоминать заявление ТАСС от 14 июня, повергшее, как они повествуют, «их в уныние» из-за попыток «Советского правительства примириться с фашистской Германией». В действительности же это заявление и тогда, и сейчас рассматривалось как последняя попытка Советского правительства прозондировать готовность фашистской Германии к нападению на Советский Союз: оно искало последние способы его предотвратить. При этом стоит заметить, что ни один министр правительства того времени, будь то тяжелого или среднего машиностроения, оборонной промышленности или других ведомств, никогда ни на кого не жаловался и ни на кого не сваливал промахи в своей отрасли, потому что все они оказались подготовлены к войне, и они справились с поставленными перед ними задачами, хотя тяжесть их ответственности была нисколько не меньше, чем у военных.

Командующие приграничных округов накануне войны имели неограниченные права и возможности по приведению войск в высшую степень боевой готовности и могли своими распоряжениями прекратить сборы специалистов всех видов и родов войск и возвратить их в соединения и части, вернуть офицеров из отпусков, вывезти боеприпасы и горючее в районы обороны, рассредоточить авиацию и усилить противовоздушную оборону гражданских и военных объектов, как это им предписывалось исполнить еще в середине мая. В большинстве приграничных округов эти требования были выполнены и только в Западном и Киевском Особых военных округах, там, где находились главные силы Красной Армии для отражения вторжения немцев, наблюдалось излишнее спокойствие и просматривалось бесконечное число отступлений от выполнения тех приказов и распоряжений, что шли из наркомата обороны и Генштаба. Это и привело к первым поражениям в приграничных сражениях начавшейся войны.

¹Военно-исторический журнал, №5, 1961, с. 97.

Накануне войны у высшего военного руководства существовало убеждение, что обе стороны начнут боевые действия лишь частью сил и что для завершения развертывания главных сил Красной Армии, равно как и главных сил противника, потребуется не менее двух недель. В Наркомате обороны считали, что в течение этого времени армии прикрытия, располагавшие достаточным количеством сил и средств, смогут успешно справиться с возложенными на них задачами — выдержать силу первоначального удара германской армии, а с вводом в сражения механизированных корпусов — вытеснить их со своей территории. В Генеральном штабе не допускали возможности, что для нападения на Советский Союз Гитлер в невероятно короткие сроки сконцентрирует у наших границ огромные силы — 153 немецкие дивизии и 37 дивизий стран-сателлитов, общей численностью 5 млн. 500 тыс. человек, имевших на вооружении 47 200 орудий и минометов, около 4300 танков и штурмовых орудий и 4 980 боевых самолетов¹.

В соответствии с взглядами советской военной доктрины накануне войны, войска первого стратегического эшелона должны были не только отразить первый удар врага, но и перенести боевые действия на его территорию до развертывания главных сил, а второй стратегический эшелон (рубежом его развертывания намечался Днепр) должен был нарастить усилия первого эшелона и развивать ответный удар на основе общего стратегического замысла². Однако это предположение, лежавшее в основе замысла первоначальных боевых действий, теоретически, безусловно, допустимое, не отвечало сложившимся условиям. Оно не учитывало в достаточной мере уроков первых кампаний Второй мировой войны, в частности того важного фактора, что в них немецко-фашистская армия наносила первый удар главными силами, которые были сосредоточены и развернуты на театре военных действий еще до начала вторжения.

Главный и бесспорно неверный способ отражения нападения фашистской Германии на Советский Союз коренился в самом подходе к искусству применения военных сил государства, избранного народным комиссариатом обороны — применить их не в оборонительных боях и сражениях, чтобы нанести наибольший урон вторгшемуся врагу, а во встречных боях и сражениях у государственной границы путем проведения контраступательных операций армий и фронтов,

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 4. М., 1975, с. 21.

² Военная мысль, № 2, 1979, с. 30.

главной ударной силой которых должны были служить механизированные корпуса. Но при этом военное руководство совершенно не учитывало, что к лету 1941 года все механизированные корпуса были не боеготовы — они находились в стадии формирования. Г. Жуков об этом знал и он доложил в конце мая 1941 года на заседании правительства, что «из 20 намеченных к формированию механизированных корпусов пока создано 9»¹. Организационно механизированные корпуса были громоздки; в них числилось 1031 танк (в том числе 546 танков КВ и Т-34), 358 орудий и минометов, 268 броневедомостей, а управление ими накануне войны не было отработано. Да и о каком управлении войсками можно было говорить, когда радиосеть Генштаба была обеспечена радиостанциями на 39 процентов, приграничные западные военные округа — только на 27—30 процентов от нормы. Но и имеющиеся радиостанции с началом войны в войсках Западного фронта не заработали, так как радисты находились на сборах в окружном центре, а замены им подготовлено не было.

Не были боеготовы и дивизии, входящие в состав механизированных корпусов; ведь они создавались на базе имевшихся танковых бригад, а в мотострелковые дивизии переформировывались кавалерийские и стрелковые дивизии. При этом материальная часть танковых бригад в значительной степени была изношена. Старые танки (Т-26, БТ и Т-28) должны были заменить на новые машины — КВ и Т-34. При этом большинство командиров частей и подразделений, также как и солдаты, пришли в танкисты и мотострелки из других родов войск, и им еще предстояло осваивать новую организационно-штатную структуру и боевую технику. Новая материальная часть лишь начала поступать в некоторые танковые дивизии, дислоцируемые вблизи границ. Остальные танковые дивизии продолжали заниматься боевой подготовкой на легких танках старых систем, в то время как по штатам каждая из них должна была иметь 63 тяжелых танка и 210 средних. В Киевском особом военном округе из 16 танковых дивизий тяжелыми и средними танками были укомплектованы только 4, и то далеко не полностью. В Западном Особом военном округе средние и тяжелые танки имела одна танковая дивизия 6-го механизированного корпуса. Даже старой материальной частью в более или менее достаточном количестве, в пределах 50—80 процентов были укомплектованы только те механизированные корпуса, которые находились вблизи западных границ

¹ В. Дайнес. 1941. Год победы. М., 2009, с. 28.

Советского Союза¹. Старые типы танков до 70 процентов были неисправны, и их техническое обслуживание находилось на уровне гражданской войны, что еще больше усугубляло положение. Вся система технического обеспечения войск, так же как и тыловое обеспечение, не отвечало требованиям того времени и решением Ставки оно коренным образом было пересмотрено в начале войны.

14 мая начальник Главного автобронетанкового управления Красной Армии генерал-лейтенант Я.Н. Федоренко из-за нехватки танков предложил вооружить танковые полки механизированных корпусов, до обеспечения их боевыми машинами, противотанковой артиллерией и сделать механизированные корпуса на случай войны боеспособными. Необходимое количество орудий на складах имелось, но неповоротливая военная машина работала медленно и эту хорошую идею до начала войны так и не начали реализовывать.

Таким образом, главная ударная сила приграничных округов к 22 июня 1941 года — механизированные корпуса — были не боеготовны, и опора на них была заведомо ложна. А ведь на них «возлагалась задача разгрома вторгшихся на нашу территорию крупных мотомеханизированных соединений противника»². Так обстояло дело с механизированными корпусами, входящих в состав приграничных армий. Не в лучшем состоянии была боеготовность механизированных корпусов, непосредственно подчиненных командующим войсками округов, и входивших в состав второго оперативного эшелона.

К началу Великой Отечественной войны из шести механизированных корпусов, которые должны были находиться в непосредственном распоряжении командующих Киевским и Западным особыми военными округами, относительно боеспособным был лишь один — 15-й механизированный корпус КОВО, дивизии же остальных корпусов еще не закончили формирование и имели очень небольшое количество устаревшей материальной части³. В результате этих обстоятельств у командующих фронтами не было боеготовых подвижных сил, с помощью которых они могли воспрепятствовать продвижению танковых сил немцев в глубь советской территории. Оставалась надежда на стрелковые дивизии армий второго эшелона, но в середине июня все фронтовые резервы, как Западного особого военного округа, так и Киевского особого военного округа, по решению Наркомата обороны приступили к «скры-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 11600, д. 1062, л. 55.

² Там же, л. 74.

³ Там же, л. 79.

той перегруппировке внутри приграничных округов. Из всех дивизий, составлявших резерв западных военных округов, более половины были приведены в движение»¹. При этом, выдвигаясь, они располагались не на фронтовых оборонительных рубежах, где они должны были встретить противника и нанести ему наибольший урон, а сосредотачивались в районах, удаленных от государственной границы на 200—300 км. Часть этих соединений неспешно перебрасывалась по железной дороге, а значительное их количество выдвигалось походным порядком ночными переходами². Их задача состояла в том, чтобы нарастить силу нанесения контрударов приграничных армий по вторгшемуся противнику и перенести боевые действия на его территорию. Но через трое-четыре суток после начала войны они сами подверглись разгрому танковыми группами немцев и их остатки поспешно отходили на восток.

Если бы Наркоматом обороны была объективно оценена боевая мощь приграничных армий и правдиво вскрыта неготовность механизированных корпусов к ведению боевых действий, то тогда высшее военное руководство должно было в корне пересмотреть характер ведения боевых действий в начале войны и выстроить ее заново: на других принципах и на других основах военного искусства.

План прикрытия мобилизации и стратегического сосредоточения был отработан без опоры на прошлую военную историю России, и в нем просматривался шаблонный подход к ведению боевых действий на всем протяжении будущего советско-германского фронта от Балтийского до Черного моря. В нем определялись не только участки обороны всех двенадцати приграничных армий, но и оборонительные полосы каждой дивизии первого эшелона, за исключением самого северного 800-километрового участка границы с Финляндией, где наши войска должны были прикрывать лишь отдельные направления. На всем остальном протяжении государственной границы устанавливалась единая система обороны³.

Группировка войск создавалась без достаточного учета вероятных направлений наступления противника. Оборона не имела оперативной глубины, а оперативные резервы были незначительны, и, как правило, их планировалось вводить по частям. Необходимость действовать на широком фронте вызвало стремление военного руководства страны равномерно прикрывать все операционные направления, что приво-

¹ Военная мысль, №2, 1979, с. 31.

² ЦАМО РФ, Ф.15, оп.11600, д.1062, л. 80.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т.1. М., 1960, с. 473.

дило к чрезмерной растянутости сил и средств, к линейности обороны на всей западной границе Советского Союза. Плохая обеспеченность стыков позволили противнику легко осуществить глубокие прорывы и охватывать открытые фланги наших войск.

История обороны русского государства против нашествий врагов с западного направления не знала примеров равномерного распределения сил русской армии в одну линию вдоль государственной границы. Из-за большой протяженности границ это невозможно было сделать, и наши предки всегда старались выявить до начала войны намерения врагов и на основных направлениях его действий выстраивали глубокое эшелонирование войск, а резервы размещали в местах, удобных для маневрирования. Русские военачальники помнили изречение М. Кутузова о том, что «ошибка, допущенная в первоначальной расстановке сил, едва ли может быть исправлена в ходе всей войны». Перед вторжением наполеоновской армии в пределы России, три русских армии располагались на путях вероятного наступления противника: 1-я и 2-я Западные армии генералов Барклая-де-Толли и князя П. Багратиона прикрывали направления Волковыск — Смоленск — Москва, а 3-я обсервационная армия генерала П. Торماسова стояла в районе Луцка с задачей не допустить продвижения французской армии в юго-западные области России.

На такой же основе были составлены планы сосредоточения и развертывания русской армии генералами Д. Милютиным и М. Драгомировым, и они отвечали задачам и целям обороны страны. В тех планах русская армия опиралась на крепости Привисленского края, а основные ее силы были глубоко эшелонированы на направлениях Петрограда и Москвы. В 1912 году военный министр царской России генерал Сухоминов в интересах кайзеровской Германии составил другой план, который относил рубеж стратегического развертывания русской армии в глубь страны, на линию Неман — Западный Буг — Ковно — Белосток — Брест, что делало польский край беззащитным при вторжении со стороны Пруссии и Австро-Венгрии¹. Из-за такого расположения войск Россия с началом Первой мировой войны быстро потеряла Польшу и свои западные губернии.

Нас никогда не покидают ошибки прошлого, и они присутствуют в нашем сознании как занозы, пока новые события, хорошие или плохие, не вытеснят их. Зная историю заведомо неверного стратегического сосредоточения и развертывания

¹ Меликов В.А. Стратегическое развертывание. Т. I. М., 1939, с. 214—215.

русской армии перед Первой мировой войной, военачальники Красной Армии главные силы решили сосредоточить в приграничных округах, выделив большую часть сил в состав армий, расположенных в приграничном поясе, глубиной от 10 до 100 км. Само решение не может вызвать у нас возражения, но способы его выполнения были избраны неверные.

Любой план прикрытия мобилизации имеет своей главной и конечной целью обеспечить стратегическое сосредоточение и развертывание основных сил государства на установленном рубеже. Причем, этот рубеж должен быть более или менее удален от государственной границы. Как правило, указанный план должен был предусматривать, в случае наступления крупных сил противника, возможность перехода войск прикрытия к так называемым сдерживающим действиям или к подвижной обороне. Суть ее в том, чтобы отступая с боем, задерживать противника возможно длительное время на каждом подходящем для обороны и заранее подготовленном рубеже, затем переходить на следующий, а между оборонительными рубежами замедлять продвижение врага при помощи заграждений, разрушений дорог, мостов и всей инфраструктуры коммуникаций, и подкреплять это внезапными ударами из засад.

Если «План обороны государственной границы 1941 года» рассматривать с точки зрения оборонительных задач, какие пришлось фактически решать вооруженным силам Советского Союза в начальный период войны, то он имел ряд существенных недостатков, за которые было заплачено большой кровью. Вдоль всей границы, протяженность 2000 км, в первой линии развертывалось 38 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии. В среднем на одну дивизию приходилось 50 км фронта¹. Эти армии и дивизии, по существу, были растянуты в кордонную линию, построение, которое было осуждено еще Наполеоном в XVIII веке.

Больше того, советское высшее командование продолжало считать, что дислоцированные в приграничной полосе армии смогут сначала одни, а потом усиленные примерно в полтора раза, удержать противника на линии государственной границы, притом в течение длительного времени. В этом и заключался крупнейший просчет наркомата обороны и Генерального штаба перед Великой Отечественной войной.

Во вторые эшелоны каждой приграничной армии назначалось по одному механизированному корпусу. Передний край всех стрелковых дивизий почти точно совпадал с начертанием государственной границы со всеми ее искривлениями

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, оп.11600, д.1062, л. 75.

и уступами. Это значительно увеличивало протяженность линии обороны, а также создавало опасность охвата противником наших войск в имеющихся выступах границы на западе. Она не была сокращена путем оставления ряда выступов территории СССР на западе, например, Белостокского, Львовского и ряда других менее значительных выступов. Совершенно не было взято в расчет, что оборону государственной границы гораздо выгоднее было отнести восточнее на такие естественные преграды, какими являлись река Неман от Юрбурга до района Гродно, на линию Августовского канала и рек Бобр и Нарев. Особенно безграмотно и опасно располагались механизированные корпуса в Западном особом военном округе, где большая часть их дивизий находилась в белостокском выступе. При таком расположении механизированные корпуса могли быть введены в сражение после сложной перегруппировки, осуществить которую с началом войны им так и не удалось.

Все делалось шаблонно, без творческой мысли и без обсуждения в наркомате обороны стратегии обороны страны, как это было сделано в 1812 году, когда императору Александру I и всему правящему классу России стала ясна неизбежность войны с наполеоновской Францией. Тогда в выработке стратегии русской армии участвовали не только русские умы, во главе которых стоял М. Кутузов и Барклай-де-Толли, но и такие видные зарубежные военные теоретики, какими были К. Клаузевиц и А. Жомини, и все они предлагали русскому императору избегать генерального сражения с наполеоновской армией и планомерно отступать в глубь безбрежного русского пространства, на просторах которого иссякнет боевая сила армии Наполеона.

Наиболее правильным в 1941 г. могло стать решение, когда главные силы приграничных округов оставались бы развернутыми на старой государственной границе, а на новую границу, удаленную на 200—300 километров к западу, были бы выдвинуты в качестве прикрытия только конные и механизированные соединения и части для ведения подвижной обороны вместе с пограничными войсками, целью которой было бы сдерживание главных сил врага с помощью огня и массового разрушения всей приграничной инфраструктуры, особенно дорог и мостов, чтобы максимально затруднить действия вражеских сил в продвижении на восток. Такой стратегический маневр можно и нужно было совершить за несколько дней до нападения фашистской Германии на Советский Союз и отодвинуть рубеж развертывания главных сил приграничных округов в глубь страны — на старую государственную границу, как это сделало командование австро-венгерской армии в августе 1914 года. Узнав о готовящемся крупном наступлении

русской армии, австрийское командование отодвинуло рубеж развертывания своих войск на 100—150 км и избежало окружения и разгрома на начальном этапе войны¹.

Выигрыш времени в несколько суток, с одновременным вскрытием главного замысла напавшего противника, давал возможность главным силам приграничных округов подготовиться для нанесения сильных контрударов по вторгшимся войскам фашистской Германии. Наверное, можно было разработать и другие варианты, если бы вопрос надвигающейся войне обсуждался в обществе, как это было перед вторжением наполеоновской армии в Россию. Но в тот исторический период эта тема была запретной — не хотели провоцировать Гитлера в надежде выгадать еще один мирный год жизни для страны. К глубокому сожалению эта наиважнейшая проблема очень мало обсуждалась даже среди высшего командного состава армии, поэтому решение Генерального штаба, каким бы оно ни было, хорошим или плохим, было безвариантным.

В плане же обороны государственной границы на первое место было выдвинуто требование незыблемости границы СССР путем упорной ее обороны армиями, расположенных в приграничной полосе. Именно там предполагалось прикрыть мобилизацию, стратегическое сосредоточение и развертывание остальных сил Красной Армии. Советской военной теории в предвоенные годы не удалось создать последовательной концепции начального периода войны в том ее виде, который вытекал из опыта военных действий на западе. Она допускала возможность проведения мобилизационного развертывания уже после начала войны, и недостаточно конкретно занималась изучением таких вопросов, как ведение стратегической обороны, вывод войск из-под первого удара. Маршал Советского Союза Г. Жуков уже в послевоенные годы, подытоживая деятельность Генерального штаба по подготовке отражения нападения фашистской Германии, вспоминал, что «многие из тогдашних руководящих работников Наркомата обороны и Генштаба слишком канонизировали опыт Первой мировой войны. Большинство командного состава оперативно-стратегического звена, в том числе и руководство Генерального штаба, теоретически понимало изменения, происшедшие в характере и способах ведения Второй мировой войны. Однако на деле они готовились вести войну по старой схеме, ошибочно считая, что большая война начнется, как и прежде, с приграничных сражений, затем уже только вступят в дело главные силы противника. Но война, вопреки ожиданиям, началась

¹ Меликов В.А. Стратегическое развертывание. Т. I. М., 1939, с. 261—265.

сразу с наступательных действий всех сухопутных и воздушных сил гитлеровской Германии»¹.

Из этих взглядов вытекала и неверная трактовка значения первых операций. Начальный период рассматривался как отрезок времени от начала военных действий до вступления в сражение основной массы вооруженных сил. Возможно, что некоторое влияние на указанный замысел оказал и тот факт, что подвижную оборону в Красной Армии стали считать неприемлемым видом боевых действий и в проекте Полевого устава 1939 года раздела о подвижной обороне уже не было².

А ведь война фашистской Германии с Польшей и Францией наглядно продемонстрировала, что гитлеровское командование, используя силу и подвижность танковых и моторизованных войск, не дало ни польскому, ни французскому командованию ни одного дня для передышки, что и привело их армии к быстрому разгрому. Военные газеты и журналы того времени содержали очень ценный материал, позволявший с полной ясностью усвоить основные способы ведения боевых действий немецко-фашистских войск, приводивших их к победе:

— скрытое отобилизование и сосредоточение войск, необходимое, по расчетам гитлеровского командования, для полного разгром врага в короткие сроки;

— внезапность нападения;

— быстрое и одновременное нанесение нескольких ударов, как правило, по сходящимся направлениям с целью окружения главных сил противника;

— ведущая роль в наступательных операциях танковых и моторизованных дивизий и бомбардировочной авиации;

— высокие темпы подвижных соединений вермахта и развитие его на глубину до 300—400 км (например, Варшава и Дюнкерк) в форме клиньев, вершину которых составляли в Польше танковые войска, а в Западной Европе — танковые группы в составе двух-трех механизированных корпусов;

— массированное применение авиации как для поддержки и обеспечения наземных войск, в первую очередь танковых корпусов и групп, так и для борьбы с авиацией противника, которую немцы стремились всегда уничтожить с началом войны на аэродромах в целях завоевания господства в воздухе;

— широкое применение диверсионных групп и десантов для захвата в тылу противника важных объектов, мостов и переправ через водные преграды, удобных для развития наступления в глубину, и удержание их до подхода своих главных сил.

¹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. II. М., 1988, с. 67—68.

² Военно-Исторический журнал, № 10, 1965, с. 27.

Уже перед нападением на Советский Союз в апреле и мае 1941 года гитлеровское командование снова применило такую же форму боевых действий при разгроме Югославии и Греции, и, казалось, советскому военному руководству было достаточно преподано уроков, чтобы их усвоить. Ведь все эти формы и способы ведения боевых действий были применены немецко-фашистскими войсками и при нападении на Советский Союз. Ничего нового и неожиданного для нашей армии немцы на Балканах не показали. Однако наркомат обороны и Генеральный штаб Красной Армии, занятые исследованием тяжело давшейся нам победы над Финляндией, по-видимому, недостаточно внимательно изучали ход военных действий в Европе и рассчитывали навязать противнику свой способ ведения войны, который отработывался на всех командно-штабных учениях с руководством приграничных округов и армий. Они неизменно проходили в одном ключе. Силами войск прикрытия вторгшемуся противнику, как правило, наносились сильные ответные удары, его наступательные возможности резко снижались, и тогда следовали мощные контрудары механизированных корпусов, которые вытесняли врага из пределов Советского Союза, а после подхода главных сил Красной Армии боевые действия переносились на территорию противника и завершались на западном берегу Вислы скрещивающимися ударами Западного и Юго-Западного фронтов.

Накануне войны, будучи достаточно хорошо знакомы с оперативно-тактическими взглядами вероятного противника и его предметными уроками использования танковых войск в войне против Польши и Франции, высшее военное руководство страны должно было выработать стратегию борьбы против массированного применения танков в бою и операции, и наполнить ею жизнь войск. Ничего этого не случилось. Высшее командование советских вооруженных сил так и не сумело овладеть современными для того периода методами противодействия прорыву его крупных танковых группировок, способами ограничения их маневренных действий и разгрома. Этому пришлось учиться уже в ходе войны, и уроки эти были слишком дорого оплачены. Было много недосмотров и недоработок по целому ряду коренных вопросов, от решения которых зависит боеготовность войск. В наркомате обороны просматривалась недооценка роли артиллерии, хотя Сталин неоднократно подчеркивал военным руководителям ее решающую роль как в прошлых войнах, так и современных. «Если мы заглянем в историю, — говорил он, — то увидим, какую важную роль во всех войнах играла артиллерия. Чем по-

беждал Наполеон? Прежде всего, артиллерией. Для успеха войны исключительно ценным родом войск является артиллерия. Я хотел бы, чтобы наша артиллерия показала, что она является первоклассной». Подводя итоги Советско-финской войны, Сталин назвал тогда артиллерию «богом войны»¹.

Военное руководство страны действовало совершенно в ином ключе. За несколько месяцев до войны, по инициативе заместителя наркома обороны и начальника Главного артиллерийского управления маршала Г. Кулика, производство противотанковых пушек было свернуто. Наркому обороны маршалу С. Тимошенко и маршалу Г. Кулику ряд военных специалистов, на основе неверных разведданных доложили, что в Германии идет утолщение брони немецких танков, против которых наша артиллерия калибра 45 мм и 76 мм будет неэффективна. Производство было остановлено, хотя производственники и нарком вооружений Б. Ванников возражали против этого недальновидного решения. Прежде всего, вызывало сомнения исходная посылка, что гитлеровцы за один год способны нарастить толщину брони всех танков, чтобы она оказалась непробиваемой, но, даже допуская такое развитие, инженеры и конструкторы предлагали усовершенствовать эти пушки и сделать их более бронейными за счет увеличения скорости снаряда, но военное руководство приостановило даже выпуск противотанковых ружей, посчитав их непригодными для борьбы с танками. На самом деле, в войсках очень высоко ценилось противотанковое ружье калибра 14,5 мм, с начальной скоростью полета пули 1000 м/сек, которое доставляло много хлопот немецким танкам и появившимся позднее легким бронетранспортерам.

Совсем иначе судили о будущей войне с Советским Союзом в генеральном штабе гитлеровской Германии. Располагая данными, свидетельствующие о советском превосходстве в количестве танков, немецкое командование уделило первостепенное значение насыщению своих войск противотанковыми средствами. С лета 1940 года был налажен массовый выпуск 50-мм противотанковых пушек (пробиваемость брони до 65 мм). Легкие противотанковые ружья калибра 7,92 мм с пробиваемостью брони до 20 мм, заменялись на тяжелые — калибра 28 мм, с пробиваемостью брони до 40 мм. Истребительно-противотанковый дивизион пехотной дивизии стал моторизованным. К июню 1941 года в сухопутных войсках фашистской Германии имелось 1047 50-мм противотанковых

¹ Ю.С. Устинов. Нарком, министр, маршал. М., 2002, с. 31.

пушек, 14,5 тыс. 37-мм противотанковых орудий, 25,3 тыс. легких противотанковых ружей образца 1938/39 года, 183 тяжелых противотанковых ружья образца 1941 года. По сравнению с апрелем 1940 года количество противотанковых орудий увеличилось на 2 674 единицы, а противотанковых ружей — более чем на 20 тыс. Помимо этого, на вооружении имелись чешские противотанковые пушки калибра 37 мм и 47 мм, и часть их них была смонтирована на самоходных лафетах¹. С помощью этих средств военное руководство Германии надеялось полностью нейтрализовать действия советских танков и в первые месяцы войны им это успешно удалось.

В войсках Красной Армии, наоборот, было очень мало противотанковых средств. Знали, что танковые армады врага можно остановить только организацией жесткой обороны, насыщенной противотанковыми средствами, но к этому виду боевых действий в Красной Армии не готовились. В результате принятых неверных решений перед нападением фашистской Германии на Советский Союз в стрелковой дивизии Красной Армии не было ни противотанковых пушек, ни противотанковых ружей, в то время как пехотная дивизия вермахта имела их 81 единицу.

Так же сложно происходило внедрение в войсках противотанковых мин, выпуск которых неоднократно прекращался по требованию маршала Кулика. Он недопонимал роль танков в войне, и потому трудно соглашался на выпуск всякого противотанкового оружия.

Началась война, и этих противотанковых орудий и противотанковых ружей, показавших себя высокоэффективными в борьбе с немецкими танками и бронемашинами, катастрофически не хватало в войсках. Когда в начале августа 1941 года по решению ГКО начали формировать новые дивизии, то этим соединениям недоставало 330 тыс. 45-мм и 220 тыс. 76-мм пушек. Тогда Сталин потребовал от всех министерств, от кого зависело производство противотанковых средств, обеспечить их выпуск любой ценой, предупредив всех министров, что от решения этой проблемы будет зависеть судьба армии и судьба страны. Он лично ежедневно справлялся как идет выполнение решений ГКО, дозваниваясь до всех руководителей заводов и глав областей, помогая и поторапливая их в выполнении заданных планов по производству противотанковых пушек для армии. Выпуск этих орудий быстро рос. В августе он в 6 раз, а в сентябре — в 11,5 раз превысил показатель июля. К концу года

¹ Военно-исторический журнал, №5, 1989, с. 68.

армия стала получать артиллерийские системы в достаточном количестве, и это был подвиг, совершенный ГКО во главе со Сталиным, подвиг наркома вооружений Д. Устинова и руководителей Свердловской, Сталинградской, Молотовской, Горьковской, Ярославской областей и Удмуртской АССР, где развернутые заводы стали в массовом количестве выпускать артиллерийские системы для борьбы с танками¹.

Однако многие виды вооружений, по вине военного руководства, не были своевременно освоены промышленностью для их массового производства. Перед войной у нас совершенно не было самоходных артиллерийских установок, остро не хватало инженерного вооружения и средств связи, зенитных пушек, противотанковых ружей и стрелково-автоматического оружия. Нарком обороны маршал Тимошенко и его заместитель по вооружению маршал Кулик противились внедрению в армию знаменитых артиллерийских установок «Катюша», считая их неэффективным средством для борьбы в тактической зоне, и только личная настойчивость Сталина способствовала их выпуску перед самой войной.

Укрепления ни на старой, ни на новой советской границе практически не стоялись и не совершенствовались. Пример с французской линией обороны Мажино, которую немецкие войска обошли через узкий незащищенный коридор Арденских лесов, подтолкнул советское руководство к решению не строить долговременных укрепленных сооружений по всей западной линии, которую невозможно было обустроить из-за большой протяженности и колоссальных затрат на ее создание. У России ощущался острый недостаток времени для подготовки к войне, неизбежность которой все предчувствовали и ждали, и руководству страны надо было выбирать главные направления, чтобы не увязнуть в мелких и второстепенных делах.

Очень плохо к войне была подготовлена военная авиация. Перед войной и в ее начальный период в командно-оперативные функции Главного управления ВВС входило лишь руководство боевыми действиями дальнебомбардировочной авиации. Фронтная, армейская и войсковая авиация ему не подчинялась, что отрицательно сказалось в самом начале войны на боевом применении различных видов авиации. Командующие приграничными округами в интересах проведения контр наступательных операций стянули всю фронтную и войсковую авиацию как можно ближе к государственной границе, где она с началом войны понесла невосполнимые потери. Взаимо-

¹ Ю.С. Устинов. Нарком, министр, маршал. М., 2002, с. 65

действие между ВВС и сухопутными войсками не было отработано и это губительно сказалось в начале войны. Всю организацию ВВС пришлось переделывать заново, в условиях начавшейся войны. Приказом Ставки Главного Командования 29 июня 1941 года была введена должность командующего Военно-Воздушными силами Красной Армии и создан Военный Совет ВВС, на который возлагалось руководство всей авиацией в системе вооруженных сил страны¹.

Советское правительство справедливо полагало, что в стране созданы все предпосылки для успешного разгрома врага, каким являлась фашистская Германия, и в канун Великой Отечественной войны перед советским политическим и военным руководством не стояло проблемы, какому способу ведения вооруженной борьбы отдать предпочтение: стратегическому наступлению или обороне. Взгляд на наступление как главный способ боевых действий, с помощью которого только и можно добиться победы в вооруженном столкновении, оставался неизменным. Эту задачу предстояло выполнить Вооруженным силам Советского Союза и ее высшему командному составу, которому за три недели до нападения фашистской Германии было достоверно известно об интенсивном сосредоточении немецко-фашистских войск у наших границ. Уже в этот момент простейшие расчеты показывали, что фашистская Германия будет готова к крупным наступательным операциям значительно раньше, чем Красная Армия завершит сосредоточение всех своих сил, предназначенных к выдвижению в случае войны на Западный театр.

В течение трех недель можно было многое сделать для подготовки к боевым действиям тех наших войск, которым предстояло вступить в борьбу с врагом в первую очередь. Однако в этом отношении по существу ничего не было сделано. Войска даже не были предупреждены.

Наш основной стратегический замысел, заключающийся в том, чтобы под прикрытием неизменной обороны государственной границы провести мобилизацию, стратегическое сосредоточение и развертывание сил Красной Армии для решительных операций, оказался сорванным.

¹ Военная мысль, №5, 1972, с. 84—85.

ГЛАВА VIII

Страна готовится к отражению агрессии. — «Шарашки» в системе НКВД. — Строительство советских вооруженных сил. — Административная реорганизация страны. — Убийство Троцкого. — Доклад Г.К. Жукова о состоянии вооруженных сил страны. — Заявление ТАСС от 14 июня 1941 года. — Зловещие приметы приближения войны

По мере обострения военно-политической обстановки в Европе, перед советским государством во всей полноте встала задача морально-политической подготовки народа к вооруженной защите своей Родины. Лозунг «Защита Отечества — священный долг каждого гражданина СССР» все партийные и государственные структуры страны стремились воплотить в жизнь. По мере того, как становилось все очевиднее, что основным противником в предстоящей войне будет Германия, усиливалась пропагандистская работа по разоблачению германского фашизма. Для широкой общественности идеологическое противостояние было временно свернуто после заключения в августе 1939 года известных советско-германских договоров, но среди партийных и советских работников высокого ранга не снижалось требование серьезно готовиться к будущей войне, неизбежность которой никто не отвергал.

Прошедший в марте 1938 года XVIII съезд партии потребовал от партийных и советских органов власти охватить оборонными мероприятиями все фабрики и заводы, предприятия и учреждения, учебные заведения и колхозы. В связи с этим на местные Советы, сфера деятельности которых охватывала организацию аэроклубов, курсов противовоздушной и противохимической обороны, стрелковых тиров и клубов, подготовку граждан допризывного возраста к службе в армии, всю физкультурную работу, была возложена обязанность оказывать всемерную помощь общественным организациям, ведущим оборонную работу, обеспечивать военное обучение населения. Во второй половине 30-х годов значительно расширились оборонные секции Советов всех уровней. После выборов 1939 года они были преобразованы в постоянные оборонные комиссии. Кроме того, городские и районные Советы всячески содействовали бесперебойной работе промышленных предприятий, производящих оборонную продукцию. По объ-

ему выпуска новой техники для нужд народного хозяйства, а также по темпам роста промышленности Советский Союз занимал первое место в мире¹.

Огромную помощь советской власти в военно-патриотическом воспитании и подготовке молодого поколения к защите родины оказывали 10-миллионная армия комсомола и Осоавиахим, объединявший в своих рядах 13 млн. человек. В сентябре 1939 года был принят закон о всеобщей воинской обязанности, закрепивший переход к строительству кадровой армии: за два с половиной года было сформировано 125 новых дивизий, и это был ответ советского правительства на возрастание угрозы войны, исходящей от гитлеровской Германии.

Успехи Советского Союза в индустриализации и коллективизации порождали в народных массах чувство уверенности в завтрашнем дне и еще большей уверенности в силе и прочности советского государства. Радио и страницы как центральных, так и местных газет изо в день пестрели созидательными новостями о вводе в строй новых заводов и фабрик, открытии высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов. Страна славилась воина, рабочего и пахаря, от которых испокон веку приумножалась сила и богатство России. О войне не говорили, как не принято среди людей говорить о возможном несчастье, но ее ждали.

Для решения военно-научных задач в Москве, в республиканских и областных городах образовывались специальные научно-исследовательские центры и учреждения, которые входили непосредственно в оргструктуру вооруженных сил, оборонные ведомства и их промышленные предприятия. В 1936 году на самолетостроительных заводах были развернуты опытно-конструкторские бюро (ОКБ), а потом по их типу такие же инженерные структуры были созданы и на других оборонных заводах. Перед ними стояла задача разработать современные виды боевой техники, оружия и боеприпасов. В составе наркомата вооружения были введены научно-исследовательские институты, отдельные и центральные конструкторские бюро. В Академии наук существовал отдел спецработ.

В системе исправительно-трудовых лагерей НКВД, также была развернута сеть особых конструкторских бюро, в народе шужливо названных «шарашками», в которых работали ученые и изобретатели, совершившие политические, хозяйственные или уголовные преступления, многие из которых впоследствии стали известными в стране. В них соблюдался облегченный режим для поиска и выполнения творческой работы, где единст-

¹ История КПСС. 2 изд. М., 1962.

венным неудобством было нахождение под постоянным надзором властей. В такую облегченную «тюрьму-шарашку» за воинское преступление в конце войны угодил и писатель Александр Солженицын, работавший в ней над проблемой идентификации звуков и использования их в военной области. В 1937 году за крупные нецелевые траты государственных средств было ликвидировано конструкторское бюро А.Н. Туполева, а сам он осужден на 15 лет исправительно-трудовых лагерей. Тем не менее, уже в феврале 1939 года под его руководством в Болшево сформировалось «Особое техническое бюро при НКВД СССР». В спецтюрьме-шарашке ЦКБ-29 он спроектировал бомбардировщик, получивший впоследствии название Ту-2, после чего он был досрочно освобожден и занял видное место среди изобретателей и конструкторов СССР¹.

В конце 30-х годов Советским правительством были приняты меры по преодолению последствий репрессивной политики, проводимой в ходе коллективизации, партийных чисток 1933—1935 гг., проверки и обмена партийных документов в 1935—1936 гг., перетряхивания и чисток военных и гражданских кадров. Перед войной конституционно были ликвидированы существовавшие с 1917 года ограничения прав и свобод для всех граждан по классовому признаку, провозглашены гарантии прав и свобод для всех граждан, их равноправие независимо от расы, национальности, цвета кожи, языка, а также места проживания. Это касалось в первую очередь политических прав, в том числе избирательного, которое с этих пор объявлялось всеобщим, равным, прямым, при тайном голосовании, осуществляемом по единым нормам. Вместе с тем, готовя государство и народ к войне, Сталин и советское правительство зорко следили за тем, чтобы в силовые структуры страны, в ее высшие партийные и советские органы власти не могли попасть люди, заведомо слабые в политических настроениях и тем более те, кто был враждебно настроен к советской власти. В соответствии с директивой народного комиссара обороны от 24 июня 1938 года из армии увольнялись лица командного, начальствующего и политического состава немецкой, польской, финской, корейской, латышской, литовской и эстонской национальностей, а также те, кто имел родственников за границей. Еще более жесткие ограничения были введены в органах НКВД, в оборонной промышленности и там с началом войны и в ходе ее, измен и предательства национальных интересов страны со стороны работников не было.

¹ Военно-исторический журнал, №6, 1955, с. 6.

В последние предвоенные годы советское государство предприняло определенные меры по восстановлению справедливости в отношении пострадавших в коллективизации и других важных социально-политических мероприятиях советского периода. Были ограничены масштабы репрессий, усилен прокурорский надзор, начат пересмотр многих дел.

Было признано, что несправедливые и кощунственные репрессии к советским людям по большей части осуществлялись советскими и партийными чиновниками, являвшихся агентами иностранных государств, и потому всю силу своей ненависти и жестокости они направляли против честных, способных и талантливых работников страны. Выбывая этих людей с помощью доносов, клеветы и подлогов, враги советской республики нарушали работу промышленных предприятий, останавливали перспективные разработки в науке и технике, а страна лишалась хороших специалистов и преданных советской власти работников. Если кто-то из агентов или сторонников массовых репрессий попадался — соратники-подельники спешили утопить его как можно глубже и быстрее, чтобы он не успел выдать сообщников. Обреченному всегда успевали сказать, что он может сколько угодно втягивать в круг своих обличений знакомых видных советских и партийных работников, но не выдавать других агентов: в этом случае гарантировалась жизнь его близких и забота о них. В ответ на эту чудовищную связку врагов отечества Сталин приказал расследовать состав преступлений и смерти всех работников управленческого звена, начиная с районного, а при проведении следственных действий в обязательном порядке стали привлекаться следователи не менее трех заинтересованных в деле министерств и ведомств. Всем противникам советской власти после этого стало невозможно творить свои черные дела. Никто так сильно и беспощадно не обвиняет разоблаченного шпиона-предателя, как сам изменник — еще не разоблаченный. Сталин, глубоко разбиравшийся в человеческих характерах и подспудных пружинах, руководящих порой людьми сильнее, чем явные, великолепно использовал эти низменные качества противников и врагов советской власти для их саморазоблачения на виду у общества. Если следствие подозревало в предательстве интересов родины на пользу другому государству кого-либо из высших чиновников, Сталин предоставлял им общественную трибуну на съездах и пленумах партии и пресил высказаться по поводу уже осуществленных приговоров в отношении разоблаченных шпионов, и нельзя без содрогания читать их выступления накануне их собственного разоблачения. Самыми пламенными обличителями врагов советской власти выступа-

ли маршал Блюхер В.К., генералы Дыбенко П.Е., Гамарник Я.Б., Штерн Г.М. и другие военачальники, сами замешанные в связях с разведками других государств.

В родные места возвращались десятки тысяч крестьянских семей, в свое время незаконно раскулаченных и высланных в отдаленные места, а из заключения — репрессированные по недоразумению, ложному доносу или чьей-то злой воле. Последствия репрессивной политики Н. Ежова, самого отъявленного врага советской власти, устранялись. За один 1939 год были освобождены 837 тысяч человек. В тот же период не только сократилось количество исключаемых из партии коммунистов, но и начался процесс восстановления в рядах ВКП(б) некоторого числа ее бывших членов. Так, если в 1933—1937 гг. было исключено свыше 1 млн. человек, в 1937—1938 гг. — почти 216 тыс., то в 1939 году — 26,7 тыс. членов, а в 1940 году — около 30 тыс. парт йцев. За два года (1938—1940) в партии были восстановлены 164,8 тыс. человек¹.

Эти и другие факты свидетельствовали о том, что длительный период идейно-политической борьбы различных группировок заканчивался, и начиналось примирение всех слоев общества для приумножения народных сил перед надвигающейся войной, а все властные структуры репрессивно-охранительных органов были взяты под строгий контроль партийных и государственных органов страны. В ходе долгой и продолжительной борьбы с троцкистами и их пособниками Сталину удалось разоружить их основное ядро в вооруженных силах, военно-промышленном комплексе, разведке и других органах, связанных с национальной безопасностью. Уже перед самой войной Сталин негласно распорядился, чтобы Троцкий был ликвидирован, так как в ненависти к советской власти он пошел на прямое сотрудничество с гитлеровскими нацистами и по всему миру стал собирать всех ее противников, и вербовать их для вооруженного выступления против Советского Союза вместе с фашистскими войсками. Будь он жив — современники могли бы увидеть его в годы Великой Отечественной войны в роли гауляйтера в одной из оккупированных русских областей, или крупного гестаповского работника в ведомстве Гимmlера — для этого человека не было ни нравственных ценностей, ни ограничений совести. Его убил бывший лейтенант испанской республиканской армии Рамона Меркадер, подготовленный сотрудником НКВД Этингоном².

¹ РЦХИДНИ, Ф.17, оп.7, д.429, л.1; Ф.71, оп.30, д.964, л.16.

² Д. Волкогонов. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Т.2. М., 1989, с. 100.

С необычайной быстротой Сталин перед войной осуществил кадровое обновление партийных и советских органов власти, выдвинув на самые высокие руководящие посты в партии и правительстве молодых работников, как правило, более образованных, чем их «революционные предшественники». Среди них оказалось немало талантливых людей, вынесших на своих плечах всю тяжесть огромной работы по выводу всех отраслей народного хозяйства на самые передовые рубежи в предвоенные и военные годы. Многие из них, как например Вознесенский Н.А., Шахурин А.И., Косыгин А.Н., Малышев В.А., Тевосян И.Т., Устинов Д.Ф., Байбаков Н.К., в возрасте 32—35 лет стали руководителями крупного масштаба, каких не знала дореволюционная Россия. Самые сильные и лучшие умы государства были разысканы посланцами Сталина на необъятных просторах советской империи и при его поддержке они успешно осуществили великое дело подготовки страны к войне. Меньше всего кадровое обновление коснулось армии, где после разгрома большого военного заговора во главе с маршалом Тухачевским, наблюдался недостаток высшего командного состава.

Сталин не рискнул расставить в армии молодые кадры, как это он сделал во всех министерствах и ведомствах; слишком много в его окружении было верных военных соратников еще с времен гражданской войны, на кого он всегда опирался в трудные годы борьбы с оппозицией, в разное время возглавляемой Рыковым, Зиновьевым, Каменевым и неизменно Троцким. Среди его близких соратников особенно выделялись Ворошилов, Буденный Тимошенко и Шаденко, доказавшие как верность советскому режиму, так и верность Сталину. Все четверо активно противодействовали и способствовали разоблачению крупного военного заговора в армии, в который были вовлечены многие генералы из высшего командного звена, не знавшие истинных целей руководителей заговора, но давшие согласие в нем участвовать только из желания угодить своему начальству. Особенно много сделал для разоблачения заговора в армии во главе с маршалом Тухачевским С. Тимошенко. Проходя службу в должности заместителя командующего войсками Белорусского военного округа, и будучи вовлеченным командующим войсками округа командармом 1-го ранга И. Уборевичем в заговор, во главе которого стоял М.Тухачевский, он немедленно сообщил об этом Сталину и получил указание активно в нем участвовать, для чего доверенные люди вождя снабжали его «полезной информацией», касающейся жизни К. Ворошилова и других руководителей страны. И. Уборевич настолько доверял Тимошенко, что по его просьбе нарком обороны Ворошилов направил его служить к И. Якиру для оказа-

ния помощи последнему в сколачивании ядра заговорщиков в Киевском военном округе. Генерал долго ходил среди заговорщиков как по лезвию ножа, но он дал самые ценные сведения о целях заговора, количестве его участников, а после суда над ними нередко вставал на защиту тех генералов и офицеров, чье участие в заговоре носило пассивный характер.

В заговоре против Сталина участвовало на удивление много евреев из высшего командного звена: Гамарник, Уборевич, Якир, Фельдман и много других военных руководителей, которые не могли не знать о притеснениях евреев в фашистской Германии и нарастании там злобнейшей тенденции к их полному физическому уничтожению, что должно было отвратить их от участия в заговоре, в котором они сами отдавали себя на заклатие. Но, видимо, люди, попавшие в сети иностранных разведок, уже не могут распоряжаться сами собой и служить своему отечеству так, как это делают свободные и честные граждане, а предательские узы связывают их вместе крепче, чем узы тамплиерского ордена, за измену которому расплатой была жизнь.

В марте 1941 года Советское правительство, при широком участии работников Наркомата обороны, рассмотрело и утвердило план по ведению мобилизационной работы местных органов СССР, которое в дополнение к указаниям правительства, обязывало местные органы власти подготовить к перепрофилированию большое количество предприятий на выпуск военной продукции на случай войны. Наиболее значимые предприятия в западных областях страны с началом войны подлежали эвакуации в восточные районы, и для этого был составлен продуманный и жесткий график их перевозок по железной дороге, выдержавший испытание войной.

Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти СССР в предвоенные годы являлся Совет Народных Комиссаров — правительство СССР, которое было подотчетно Верховному Совету. Такова была конституционная норма. На самом же деле СНК в своей административно-хозяйственной деятельности не зависел от Верховного Совета, его Президиума. На него в числе прочих задач по управлению страной возлагалась ответственность за организацию защиты интересов государства, руководство общим строительством вооруженных сил страны. Он определял ежегодные контингенты граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу, и в него входили и были подотчетны ему народный комиссар обороны и народный комиссар военно-морского флота. С 1937 года при Совнаркоме был образован Комитет обороны СССР, который возглавил И. Сталин, и важнейшим направлением его деятельности стала орга-

низация работы по созданию и производству новой техники, оружия и боеприпасов для вооруженных сил страны. Можно с полным основанием сказать, что вместе с созданием этого комитета во главе со Сталиным, была предначертана наша победа в Великой Отечественной войне. Под его энергичным и настойчивым нажимом был задан опережающий темп роста военной промышленности и заложены основы развития военного производства в Поволжье, на Урале и в Сибири. Советские военачальники думали в то время воевать на чужой территории, а Сталин смотрел далеко вперед. Он внимательно отслеживал нарастающую военную мощь фашистской Германии и расчетливо, с глубоким предвидением, выстраивал экономику страны для будущей схватки с фашизмом.

Помимо вопросов военно-экономической деятельности, Комитет активно занимался мобилизационной работой и перестройкой всех отраслей промышленности на нужды войны, в неизбежности которой никто из руководителей советского государства не сомневался. 6 мая 1941 года на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК, по настойчивому требованию членов Политбюро и всех министров, и самого В.Молотова, возглавлявшего Совет Народных Комиссаров в течение 11 лет, была высказана просьба к И.В. Сталину, чтобы он возглавил Советское правительство. Все были единодушны во мнении, что в преддверии войны только его организаторскому гению под силу наладить успешную работу правительства и завершить перестройку народного хозяйства на военный лад. И, кроме того, члены Политбюро были убеждены, что среди государственных мужей нет более сильного человека, чем Сталин, кому от природы была дана поражающая всех способность предвидеть развитие событий и принимать адекватные меры, что и в политике, и в жизни ценится дороже всего.

Одновременно, в целях улучшения управления страной шла реорганизация административного деления государства, в основу которой была положена идея централизации власти и повышения ее эффективности. Административно-территориальная реформа проходила почти до самого начала Великой Отечественной войны. Она включала разукрупнение краев, областей и районов, а также создание областного деления в тех республиках, где ранее его не было: в Белоруссии, Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении; разукрупнению подверглись также Западно-Сибирский и Азовско-Черноморский края. В результате нового административно-территориального деления были ликвидированы гигантские, трудно управляемые административные образования, установлены более тесные и мобильные хозяйственные связи внутри ре-

гионов, что дало возможность более продуманно и обоснованно формировать соответствующие военные округа и верстать мобилизационные планы.

Усиление военной опасности, агрессивные устремления фашистской Германии и милитаристской Японии, рост их армий настоятельно диктовали проведение неотложных мер для укрепления Красной Армии и Флота. Важно было привести всю военную организацию в соответствие с требованиями безопасности страны в случае нападения агрессора. Это тем более было необходимо, что после тяжелой войны с Финляндией, партийно-правительственная комиссия во главе с А. Ждановым и Н. Вознесенским, проверявшая состояние вооруженных сил страны, сделала вывод, что «наркомат обороны отстает в разработке вопросов оперативного использования войск в современной войне»¹.

В разработке мер, направленных на улучшение организации и подготовки Красной Армии и Флота к выполнению боевых задач стали активнее привлекаться члены Политбюро и секретари ЦК партии, члены правительства, видные партийные и хозяйственные работники, руководство Наркомата обороны. В состав военных советов округов были введены первые секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов и областей, а во всех местных партийных комитетах были образованы военные отделы. Главное внимание они сосредоточили на улучшении военной подготовки трудящихся, на оказании повседневной помощи местным военным комиссариатам, на военно-патриотическом воспитании.

В конце 1940 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР рассмотрели представленные Наркоматом обороны предложения, направленные на дальнейшее повышение боевой готовности вооруженных сил страны. В феврале 1941 года ЦК партии и правительство утвердили план мобилизации, на основе которого проводились крупные мобилизационные мероприятия. Весной был разработан наркоматом обороны новый план обороны государственной границы.

Важным этапом в организационном укреплении вооруженных сил страны был переход от смешанной (территориальной и кадровой) системы комплектования войск к кадровой системе. Перевод вооруженных сил на кадровое положение был закреплен принятием нового Закона о всеобщей воинской обязанности. Он отменял все классовые ограничения при призыве на действительную военную службу. Закон устанавливал

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т.V. Кн. 1. М., 1970, с. 127.

новые сроки службы для рядового и младшего начальствующего состава: в сухопутных войсках и авиации — до трех лет, на флоте — до пяти лет. Призывной возраст понижался с 21 года до 19 лет, а для окончивших среднюю школу — до 18 лет.

К середине 1941 года общая численность армии и флота превысила пять миллионов человек и была в 2,8 раза больше, чем в 1939 году.

Сухопутные войска вооруженных сил Советского Союза к 1 июня 1941 года были доведены до 303 дивизий. Из этого количества было представлено:

- стрелковых дивизий — 198;
- танковых дивизий — 61;
- мотострелковых дивизий — 31;
- кавалерийских дивизий — 13.

Все советские дивизии, за немногим исключением, во всех приграничных округах содержались по штатам мирного времени, а внутри страны — по сокращенным штатам¹. Растущая мощь социалистической экономики давала возможность развивать и совершенствовать все виды вооруженных сил и родов войск и особенно те, которым отводилась большая роль в будущей войне — танковым войскам и авиации.

Численность дивизий не отражала подлинного состояния советских войск. Перед нападением фашистской Германии на Советский Союз все его вооруженные силы, за исключением военно-морского флота, проходили процесс переформирования и перевооружения, и в этом трудном положении их и застала война. Но кроме этих объективных причин в самом наркомате обороны происходили перед самой войной странные преобразования, пагубно сказавшиеся на боевой готовности армии.

До 1939 года в составе бронетанковых войск Красной Армии имелись механизированные корпуса, представлявшие собой хорошо сколоченные и подготовленные к войне крупные соединения. Однако в конце 1939 года решением народного комиссара обороны СССР маршала К.Е. Ворошилова они были расформированы на основе неправильных выводов, сделанных исходя из опыта гражданской войны в Испании и нашего освободительного похода в западные районы Белоруссии и Украины². Это решение было вызвано ошибочными взглядами советских военачальников на применение танков в бою, хотя уже в конце Первой мировой войны роль танков заметно возрастала. Если в 1918 году в странах Антанты имелось около 8000 танков, то на 1919 год было запланировано их производ-

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, О.11600, д. 1062, л. 52.

² Военно-исторический журнал, №3, 1964, с. 33.

ство в количестве более 20 тыс. единиц¹. Их массовое применение в конце Первой мировой войны английской и французской армиями позволило почти в два раза увеличить ширину полос наступления пехотных дивизий и тем самым расширить фронт активных действий атакующих войск. При наступлении пехоты вместе с танками стало возможным резко сократить продолжительность артиллерийской подготовки, а то и вовсе отказаться от нее, что существенно облегчало достижение внезапности. Наконец, при наступлении с танками, удавалось в первый же день прорывать оборону противника на глубину 8—10 км и быстро развивать успех, то есть, достигать таких результатов, для получения которых при наступлении без танков требовалось длительное методическое прогрызание обороны, что связано с большими жертвами и часто вело к невыполнению боевой задачи.

В Советском Союзе еще в начале 30-х годов были сформированы два крупных танковых соединения: 11-й механизированный корпус в Ленинградском и 45-й механизированный в Киевской военных округах. В 1933-м и 1934 годах были созданы еще два корпуса. В дальнейшем, вместо того чтобы совершенствовать способы применения танковых войск и развивать их организацию, руководство наркомата обороны всячески тормозило решение этих вопросов². Ворошилов открыто и очень энергично выступал против создания крупных танковых соединений. «Для меня, — заявил он на заседании Военного Совета при наркome обороны в 1934 году, — является почти аксиомой, что такое крупное соединение, как танковый корпус, дело надуманное и придется, очевидно, от него отказаться»³.

Такой же неверный взгляд на применение танков укоренился во время гражданской войны в Испании. Бронетанковые войска приобрели в ходе этой войны значительную известность, большей частью не в их пользу. Глубоко ошибочные донесения о сражении под Гвадалахарой 8 марта 1937 года, а позднее о сражении у Брунете 5—27 июля 1937 года и роли в них танков были искаженно представлены как исключительно между военно-воздушными и бронетанковыми войсками или между бронетанковыми войсками и противотанковыми средствами обороны, где верх одерживали летчики и истребители танков. В результате во всех странах, кроме, Германии, победила точка зрения, что дни танков сочтены⁴.

¹ Мировая война в цифрах. М.-Л., 1934, с. 31.

² Военно-исторический журнал, № 1, 1996, с. 31.

³ ЦАМО РФ, Ф.1, оп.2091, д.66, л. 24.

⁴ Р. Алкс. Великие танковые сражения. Стратегия и тактика. 1939—1945. М., 2008, с. 34.

Генерал Д. Павлов, участвовавший в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев и возглавивший в 1938 году автобронетанковое управление Красной Армии, был сторонником этой точки зрения и в подтверждении своих взглядов он ссылаясь на Англию и Францию, где тоже культивировалась мысль, «что независимые танковые силы — иллюзия, и что роль танков более скромна, но в высшей степени важна в поддержке наступления пехоты»¹. Свои взгляды на роль танков в будущей войне он сумел навязать маршалам Г. Кулику и К. Ворошилову, которые приняли решение о расформировании механизированных корпусов, способных самостоятельно действовать в качестве ударной силы, так как их оружием являлись танки. Сталин долго не соглашался с таким решением, но три высоких правительственных комиссии, во главе которых стояли А. Андреев, Л. Каганович, а потом и председатель правительства В. Молотов, согласились с решением военных, и механизированные корпуса были расформированы. Это решение явилось одной из грубейших ошибок предвоенного строительства Красной Армии, которая дорого стоила Советскому Союзу в начале Великой Отечественной войны.

В то время как в Советском Союзе расформировывались механизированные корпуса, в Германии они, наоборот, создавались. Гитлер один из первых мировых лидеров осознал огромное значение танков в вооруженной борьбе и к середине 30-х годов XX века в фашистской Германии приступили к созданию сильных и самостоятельных танковых войск. В немецко-фашистской армии, готовившейся к войнам за предел мира, танковым войскам, как наиболее подвижным среди наземных войск и обладавшим большой ударной силой, было придано первостепенное значение, и им отводилась главная роль в ведении наступлений в высоких темпах. США и Англия к тому времени очень мало сделали в области развития танковой техники, и созданию танковых войск они не уделяли должного внимания. Франция, следуя своей оборонительной доктрине, избрала линию Мажино в качестве защиты своих восточных границ, а Англия полагала, что ее безопасность, как это всегда было в прошлом, обеспечит пролив Ла-Манша и острое положение страны.

Боевой опыт начавшейся Второй мировой войны убедил советское руководство в ошибочности решения Наркомата обороны по ликвидации механизированных корпусов. При очередном докладе т. Сталин спросил маршала Б.М. Шапошни-

¹ Р. Айкс. Великие танковые сражения. Стратегия и тактика, с. 34—35.

кова: «Почему в нашей армии нет механизированных и танковых корпусов? Ведь опыт войны немецко-фашистской армии в Польше и на Западе показывает их ценность в бою. Нам надо немедленно этот вопрос рассмотреть и сформировать несколько корпусов, в которых бы имелось по 1000—1200 танков»¹.

Народный комиссариат обороны был вынужден пересмотреть свое прежнее неверное решение и 9 июня 1940 года наркомат утвердил план формирования новых механизированных корпусов по специально разработанным штатам. Расформировать корпус можно в несколько дней, а вот создать его заново и подготовить к ведению боевых действий — задача неимоверно трудная и долгая, рассчитанная не на месяцы, а на годы. Было решено развернуть 20 механизированных корпусов и для их укомплектования требовалось свыше 30 тыс. танков, в т.ч. 16 600 новых танков Т-34 и КВ, и свыше 7 тыс. бронемашин². К концу 1940 года находилось в процессе формирования восемь механизированных корпусов, а с весны 1941 года начали формироваться еще несколько новых корпусов, но все они оказались не готовы к войне.

Крупные недочеты были заложены Генеральным штабом и в применении механизированных корпусов на случай войны. Большинство механизированных корпусов, решением наркома обороны и командующих войсками приграничных округов, поступили в подчинение общевойсковых армий, на которые возлагалось прикрытие государственной границы, но возможностями для управления корпусами эти армии не обладали. Основные силы механизированных корпусов со своими штабами располагались в 30—40 километрах от государственной границы, в то время как их дивизии находились друг от друга на удалении 50—100 км и более. При таком размещении механизированные корпуса могли быть введены в сражение лишь после сложной перегруппировки, и с началом войны многим из них не удалось ее осуществить. А в том же Западном особом военном округе механизированные корпуса располагались в Белостокском выступе, где их трагическая судьба была заранее предопределена.

Реорганизация армии и флота, в частности, переход войск на новые штаты, вызвала большую перестановку кадров. Многие командиры старшего и среднего звена были повышены в должности или переведены на службу в технические рода войск. К началу войны они не успели приобрести опыта рабо-

¹ М.В.Захаров. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989, с. 186—187.

² Советские вооруженные силы. История строительства. М., 1978, с. 240.

ты в новых должностях. Должности же командующих округами и армиями на 100 процентов были укомплектованы генералами, имевшими боевой опыт, 70 процентов из них закончили высшие военно-учебные заведения.

В августе 1940 года Указом Президиума Верховного Совета СССР в вооруженных силах было установлено единоначалие, упразднен институт военных комиссаров и введен институт заместителей командиров и начальников по политической части. Командир-единоначальник нес полную ответственность за обучение, материально-техническое обеспечение, воспитание личного состава.

Увеличивая вооруженные силы, надо было найти оптимальное соотношение между видами войск. С одной стороны, нужно было продолжить усиленное развитие таких технически емких видов вооруженных сил, как авиация, войска противовоздушной обороны и военно-морской флот. А с другой — необходимо было учитывать, что вероятные противники — Германия и Япония — имеют большие сухопутные армии и военные действия должны были развернуться, прежде всего, на сухопутных фронтах. Был взят курс, на то, чтобы при общем увеличении численности вооруженных сил, приоритет отдавался развитию сухопутных войск.

С началом Второй мировой войны шел быстрый рост числа стрелковых соединений. Если к 1 сентября 1939 г. в Красной Армии имелось 25 управлений стрелковых корпусов, 96 стрелковых и 1 мотострелковая дивизии, то к началу Великой Отечественной войны насчитывалось 62 управления стрелковых корпусов и 198 стрелковых дивизий (из них 19 горнострелковых, 2 мотострелковые) и 3 стрелковые бригады¹.

Важное значение придавалось совершенствованию штатной организации стрелковых соединений. Типовой штат стрелковой дивизии перед войной менялся трижды. В апреле 1941 года по штату в дивизии должно было числиться 14 483 человека, но, практически, высшие военные руководители никогда не добивались такой укомплектованности. Даже перед войной средняя укомплектованность стрелковых дивизий приграничных округов составляла: Ленинградского — 11 985 человек, Прибалтийского Особого — 8712, Западного особого — 9327, Киевского особого — 9327, Одесского — 8400.

По штату 1941 г. стрелковая дивизия состояла из трех стрелковых и двух артиллерийских полков, противотанкового и зенитно-артиллерийского дивизионов, саперного ба-

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 3. М., 1975, с. 418.

тальона, батальона связи, подразделений обеспечения и обслуживания. В ней числилось 558 пулеметов и 1204 пистолета-пулемета, 210 орудий и минометов (без 50-мм), 16 легких танков, 13 бронемашин, 558 автомашин и 3039 лошадей. Советское военное руководство считало, что при полном укомплектовании людьми и штатным вооружением стрелковая дивизия Красной Армии по своим возможностям не уступала пехотной дивизии вермахта. На самом деле равноценной боевой силы не было. Вся артиллерия дивизий вермахта, как и средства связи и инженерные подразделения, были моторизованы, и это придавало им маневренность в сложных условиях боя, в то время как наши дивизии в тех же условиях были скованы конной или людской тягой.

Страна готовилась к отражению нападения фашистской Германии и на морских коммуникациях. Три флота, Северный, Балтийский и Черноморский, пополнялись новыми образцами кораблей и подводных лодок, усиленно развивалась морская авиация. За 11 месяцев 1940 года на воду было спущено 100 миноносцев, подводных лодок, торпедных катеров и тральщиков, отличавшихся высокими боевыми качествами. Около 270 кораблей всех классов было заложено на 1941 год¹. А всего в составе военно-морского флота находилось 3 линкора, 7 крейсеров, 7 лидеров, 49 эсминцев, 211 подводных лодок, 279 торпедных катеров, более 1000 орудий береговой обороны. Усилиями советских флотов была сорвана попытка германского командования завладеть морскими коммуникациями на морях Северном, Балтийском и Черном, чтобы использовать их для снабжения своих групп армий «Север» и «Юг».

Мощную огневую силу представляла советская артиллерия. Накануне Великой Отечественной войны Красная Армия имела 67 335 орудий и минометов (без 50-мм минометов, которых насчитывалось 24 158)². Об артиллерии и артиллерийской промышленности Сталин проявлял постоянную заботу, хотя он уделял много внимания всем отраслям оборонной промышленности. Например, авиационной промышленностью он занимался повседневно и руководитель этой отрасли А. Шахурин бывал у Сталина почти каждый день. Сталин ежедневно изучал сводки о выпуске самолетов и авиационных двигателей, требуя объяснений и принятия мер в каждом случае отклонения от графика, подробно разбирал вопросы, связанные с созданием новых самолетов и развитием авиационной промышленности. Но при всем этом в отношении Сталина к ар-

¹ГК Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1990, кн.1, с. 321.

² 50 лет Вооруженных сил СССР, С.236.

тиллерии и артиллерийской промышленности чувствовалась особая симпатия.

Под стать вождю действовал нарком вооружений Б. Ванников. Он еще в преддверии войны сумел создать крупные мощности по производству артиллерийского и стрелкового вооружения. Благодаря этому, в период Великой Отечественной войны, несмотря на огромные временные потери территории, страна полностью обеспечила Красную Армию всем необходимым для борьбы с вооруженными до зубов врагом. В самом деле, в первые же месяцы войны мы лишились жизненно важных центров оборонной промышленности. Но и в этих условиях производство артиллерийского и стрелкового вооружения даже в первый период войны находилось на высоком уровне и непрерывно росло. Так, если в 1941 году было выпущено 40 647 пушек всех видов, 2 421 тыс. винтовок и 534 тыс. пулеметов, то в 1942 году — соответственно 127 092, 4048 тыс., 1357 тыс¹.

Войскам недоставало зенитной артиллерии. В стрелковых дивизиях и корпусах для противовоздушной обороны штатами предусматривалось зенитные дивизионы, на вооружение которых должны были поступать 37-мм пушки. Однако к началу войны орудий такого калибра насчитывалось 1 382, в то время как по штату их требовалось более 5 тыс². Большинство стрелковых, танковых и моторизованных дивизий встретили войну без зенитных орудий, то есть без основных средств прикрытия боевых порядков от воздушного нападения, и это было серьезным упущением наркомата обороны. Потеряв в первый день войны основанную массу авиации, и не имея зенитных средств, приграничные войска оказались под прицельным огнем фашистской авиации, и это предопределило поражение советских войск в операциях начального периода войны.

Перед войной происходило сокращение кавалерии. Личный состав и боевая техника многих кавалерийских дивизий поступали на формирование механизированных корпусов. К началу Великой Отечественной войны в армии оставалось четыре управления кавалерийских корпусов, девять кавалерийских и четыре горно-кавалерийских дивизии.

Реорганизации подвергались и воздушно-десантные войска. В апреле 1941 г. вместо ранее существовавших шести воздушно-десантных бригад, началось формирование пяти воздушно-десантных корпусов, но к началу войны эти корпуса сформировать не удалось. Боеспособными единицами являлись лишь ранее существовавшие воздушно-десантные бригады.

¹ Вопросы истории, №9, 1968.

² ЦАМО РФ. Ф.81, оп. 116124, д. 296, л. 5.

В ходе советско-финского конфликта выявились крупные недостатки в организации военно-воздушных сил и работе авиационного тыла. Штатная организация авиации на основе бригад не оправдала себя и в июле 1940 г. было принято решение о переводе ВВС на дивизионную организацию. К моменту нападения фашистской Германии на Советский Союз было сформировано 79 авиационных дивизий и 5 авиационных бригад. К сожалению, управление военно-воздушными силами в Красной Армии было поставлено крайне неудовлетворительно. Всю авиацию, за исключением дальнебомбардировочной, разбросали по округам и, подчинив ее общевойсковым командирам, забыли о ее существовании. Было это вредительством или недомыслием — сейчас трудно установить, но от этой организации пришлось срочно отказываться и в ходе войны ГКО пришлось создавать ее на совершенно новой основе.

Трудности реорганизации вооруженных сил приводили к некоторым отступлениям от требований гармоничного развития родов войск. Так развитие транспортной авиации отставало от роста воздушно-десантных сил, а расширение аэродромной сети — от увеличения ВВС; обеспечение войск средствами ПВО, связи, инженерным имуществом не поспевало за возрастанием количества соединений. Увеличение вооруженных сил опережало возможности производства отдельных видов вооружений и боевой техники.

Однако определяющими факторами в развитии Красной Армии были рост их боевой мощи, организационное укрепление и повышение боевой готовности. Среди командного и рядового состава Красной Армии и Военно-морского флота росла уверенность в своих силах, и эта уверенность не покинула их даже в дни самых тяжелых испытаний советских войск в начале войны. Армия и флот являлись гордостью государства и народа. Офицер и солдат были окружены государственной заботой и почитанием в обществе. Все чувствовали приближение войны, и с армией люди связывали надежды на победу в ней. На службу в армию и на флот провожали сельскими и заводскими коллективами, и эта связь, пока служил солдат, не прерывалась, а крепла.

Рост численности вооруженных сил требовал большого количества командно-технических кадров. Только в 1940 году было сформировано 42 училища. Всего к началу войны работало 19 академий, 10 военных факультетов при гражданских высших учебных заведениях, 7 высших военно-морских училищ, 203 военных училища и 68 курсов усовершенствования. В 1941 году в военно-учебных заведениях и на курсах обуча-

лось свыше 300 тыс. слушателей и курсантов. Сеть специальных курсов подготовки командиров запаса увеличилась почти в четыре раза, командиры готовились также из военнослужащих срочной службы, имевших среднее и высшее образование.

В конце декабря 1940 года в Москве состоялось большое совещание высшего командного состава страны с участием Сталина и членов Политбюро. Оно завершилось крупной стратегической командно-штабной игрой, с расстановкой реальных сил, которые могли участвовать в нападении на Советский Союз, и способах отражения этих угроз. Возможная концентрация сил на границах с Советским Союзом и направление главных ударов фашистской Германии и их сателлитов от государственной границы в глубь страны было воспроизведено генеральным штабом на картах и разыграно между «красными», которых возглавлял командующий Западным особым военным округом генерал армии Д. Павлов и «синими», которыми руководил командующий Киевским особым военным округом генерал армии Г. Жуков. Главный удар «синие» наносили из Польши в направлении Минска, Смоленска и Москвы и два вспомогательных удара в направлении на Ленинград и Киев. Была воспроизведена копия гитлеровского плана «Барбаросса» на главном направлении, который был уже известен руководству страны

Игра охватывала полосу действий от Восточной Пруссии до Полесья, соотношение сторон было следующее: «синие» имели более 60 дивизий, красные — более 50 дивизий. В ходе игры «войска» Жукова успешно прорвали оборону «войск» Павлова, овладели стратегической инициативой, и быстро начали продвигаться в глубь Белоруссии. Над «красными» нависла опасность расчленения их войск, окружения и разгрома. «Игра» изобиловала драматическими моментами для восточной стороны, — отмечал Жуков, — они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия»¹.

Разбор военной игры на картах состоялся в Кремле в присутствии членов Политбюро. Во время доклада Павлова Сталин задал ему вопрос: «В чем кроются причины неудачных действий войск «красной» стороны?» Для Павлова выпала редкая возможность поднять в присутствии Сталина и членов Политбюро важные вопросы оборонительного характера, хотя бы проблему белостокского выступления, которая несла в себе опасность будущего «котла»-окружения и расчленения советских войск в начале войны. Однако Павлов не поднял ни од-

¹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1974, с. 207.

ной острой проблемы, а поражение «красных» пытался свести к шутке, будто чего не бывает на военных играх. Сталину не понравилось его поведение. «Командующий округом, — отметил Сталин, — должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведенной игре не получилось».

Причем, Павлов не только сам не поставил перед Сталиным наиболее острые проблемы, но и всячески препятствовал, когда их пытались затронуть другие военачальники. Выступая с докладом о характере наступательной операции, Жуков отметил, что укрепленные районы (УРы) в Белоруссии возводятся близко от государственной границы, и они имеют невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступа. Эти обстоятельства, по его оценке, давали противнику возможность ударить из районов Бреста и Сувалок в тыл нашей белостокской группировке. «Кроме того, — подчеркивал Г. Жуков, — из-за небольшой глубины обороны, укрепрайоны не смогут долго продержаться, ибо насквозь будут простреливаться артиллерийским огнем». Замечания Жукова были справедливыми. Казалось, для Павлова вновь появлялась возможность на высоком правительственном совещании поставить вопрос об отводе войск с белостокского выступа и тем предупредить опасность возможного «котла». Но Павлов поступил совершенно иначе, бросив реплику: «А что, в Киевском округе УРы строятся правильно?» Началась ненужная перепалка, а проблема белостокского и других выступов на западной границе Советского Союза до начала войны так и осталась неразрешенной.

Сталин давал содержание и направление этой игре и лично участвовал в расстановке командных кадров, чтобы лучше присмотреться ко всем военным людям, с которыми он готовился к войне, и особенно к генералу Жукову, в котором он увидел ростки полководческого таланта при отражении японского вторжения на Халхин-Голе и намечал его на выдвижение. При подведении итогов этой игры, в которой убедительную победу одержали «синие», маршал Кулик, которого всегда поддерживал нарком обороны Тимошенко, советовал не спешить с формированием танковых и механизированных корпусов, что заставило И. Сталина прервать выступление Кулика и высказать всем военачальникам свое военное кредо: «Победа в войне, — убежденно заявил он, — будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск»¹.

¹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1990, кн.1, с. 295.

17 апреля 1941 года состоялся Главный Военный Совет, на котором выступил Сталин. Он дал оценку международной обстановке, выразил серьезную озабоченность руководства страны в связи с надвигающейся угрозой войны, вскрыл сильные стороны армии фашистской Германии и призвал высший командный состав Красной Армии и военно-морского флота неустанно готовится к войне. «Война, — сказал он, — подкралась незаметно... Она теперь не объявляется. Агрессор начинает ее внезапным нападением. Договоры и соглашения о мире, нейтралитете, медовые речи на этот счет — все это ширма для отвода глаз. Для СССР война может оказаться на два фронта: на Западе — с фашистской Германией, и на Востоке — с империалистической Японией. Надо умело распределять силы, военные кадры, ресурсы. Все организовать и спланировать — задача Генерального штаба. Разгром Польши показал, что будущая война будет войной моторов и скоростей. Кулик против механизации, он против моторов, которые правительство дает армии, хотя это то же самое, как если бы он был против тракторов и комбайнов, защищая деревянный плуг. Опыт гражданской войны устарел. Ворошилов и Буденный — это история. Кем заменить их? Появились новые имена: Жуков, Мерецков, Павлов, Кузнецов, Еременко, Ватутин. Важнейшей заботой является техническое перевооружение армии: промышленность должна давать в месяц 20 тыс. автоматов и ни на один автомат меньше; надо ускорить массовый выпуск новых танков Т-34, самолетов штурмовиков, истребителей, тактической авиации, принять на вооружение новый вид оружия — реактивные снаряды. Успех военных операций требует массирования сил и средств, двойного превосходства над противником. Нужно хорошо изучать противника и как ведутся им боевые действия, чтобы эффективно противопоставить свою систему борьбы»¹.

В конце мая 1941 года, за месяц до начала войны, на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК рассматривался доклад начальника Генерального штаба генерала армии Г. Жукова о состоянии вооруженных сил страны и их готовности к ведению оборонительных действий по отражению возможного нападения фашистской Германии, который вызвал у присутствующих чувство большой тревоги за положение дел в армии. Жуков принадлежал к редкой категории людей, умевших говорить правду, какой бы она ни была горькой для руководителей страны, и способного отстаивать ее, не взирая ни на какие опасности. Его несгибаемый характер не знал отговорок и уступок, и он, при жизни Сталина и, равняясь на

¹ Н. Червов. Провокации против России. М., 2003, с. 44—46.

него, ненавидел компромиссы, толкавшие людей на перемену взглядов и принципиальных позиций. Нарком обороны маршал С. Тимошенко не знал содержания доклада Г. Жукова и для него многие выводы, сделанные начальником Генштаба, были неутешительны. Прежде всего, Жуков сделал вывод, что если немедленно не будет объявлена всеобщая мобилизация, то вооруженные силы страны встретят надвигающуюся войну в большом некомплекте, что не позволит им выполнить задачи по отражению агрессии. Он заострил внимание на медленном формировании механизированных корпусов, на укомплектовании которых нужно было дать из промышленности более 16 тысячи танков Т-34 и КВ, без которых их мощь носила лишь условный характер¹.

Хорошо владея информацией о способах разгрома фашистской Германией армий Польши и Франции и опираясь на собственный опыт разгрома японских сил на Халхин-Голе, Жуков обратил внимание членов Политбюро и правительства на недопустимо низкую оснащенность советских ВВС новыми самолетами, без которых немыслима была победа на земле. Старые типы самолетов не годились для войны, но авиационные заводы продолжали их производить, что заставляло порой Сталина выходить из себя и требовать от наркома авиапромышленности А. Шахурину: «Прекратите выпускать старые самолеты!». Жуков затронул и такую большую тему, как слабое, а практически совершенно недостаточное количество в стрелковых дивизиях средств противотанковой артиллерии, без чего невозможно было вести борьбу с танками. Наша военная доктрина предвоенных лет, как известно, основывалась на наступательных действиях, с перенесением вооруженной борьбы на территорию противника. Поэтому имела заметную тенденцию «гаубизация» артиллерии за счет сокращения производства пушек. Уже в первые недели войны, когда в боях выявилась острая потребность в 76-мм пушках, их производство было восстановлено в рекордно короткие сроки². Особое внимание начальник Генштаба обратил на недостатки, связанные с управлением войсками и слабую обеспеченность штабов средствами связи. В качестве позитивного момента было отмечено, что на несколько лет созданы стратегические запасы горюче-смазочных материалов, продовольствия и обмундирования, но это была больше заслуга гражданских министерств и ведомств, от которых Сталин неустанно требовал готовить резервы.

¹ В. Да йнес. 1941 год победы. М., 2009, с. 28.

² Военная мысль, №3, 1965, с. 56.

Жуков вскрыл самые злободневные проблемы армии и по другим родам войск и специальных войск, и особенно по нехватке боеприпасов для всех видов вооружений, что вызвало крайнюю обеспокоенность членов Политбюро. В. Молотов, нарком иностранных дел, занимавший до 6 мая 1941 года в течение 11 лет пост Председателя СНК СССР, почувствовав себя ущемленным, с металлом в голосе спросил докладчика: «Почему Генеральный штаб долго мирился с такими большими недостатками в подготовке обороны страны?» В зале повисла зловещая тишина. Ее разрядил Сталин, который сказал, что «Жуков возглавляет Генеральный штаб всего несколько месяцев, а потому не может отвечать за оставленное ему наследство»¹. На этом заседании были приняты ряд ключевых решений по укреплению обороны страны и совершенствованию организационно-штатной структуры советских вооруженных сил. Как председатель Совнаркома СССР Сталин тут же утвердил решение о призыве в советские вооруженные силы из запаса около 800 тыс. человек для пополнения приграничных округов, передислокации в европейскую часть пяти общевойсковых армий из внутренних округов, и в качестве предупредительной меры был принят «мобилизационный план» по боеприпасам на вторую половину 1941 года и на 1942 год, рассчитанный на военную перестройку всей промышленности на случай войны. Этот мобилизационный план содержал программу перестройки промышленности и особенно машиностроения в случае нападения на нашу страну фашистских агрессоров². Призвав 793,5 тыс. военнообязанных из запаса, Генеральный штаб укомплектовал до полного штата военного времени 21 дивизию приграничных округов, а также значительно пополнил другие соединения, части артиллерии, войск ПВО и укрепленных районов³. К 1 июня численность вооруженных сил Красной Армии возросла до 5 млн. человек⁴.

Через несколько дней начальник Генерального штаба, отслеживая ход выполнения правительственных распоряжений, принятых на основе его доклада, снова оказался на приеме у Сталина, где он рискнул доложить подготовленный им лично план по нанесению превентивного удара по изготовившимся к нападению немецко-фашистским войскам, если это сочтет нужным сделать правительство. На такой шаг мог решиться только Жуков, никогда и никому не уступавший первенства в

¹ В. Да йнес. 1941 год победы. М., 2009, с. 31.

² Н. Вознесенский. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947, с. 78.

³ 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968, с. 250.

⁴ Военная мысль, №6. М., 1971, с. 24.

военном противоборстве, если он в нем участвовал. В нем, в этом плане, был весь Жуков, не боявшийся никаких рисков и предлагавший упредить немцев в нанесении первого удара. На плане были показаны все немецко-фашистские войска, дислоцируемые в Восточной Пруссии, Польше и Румынии и их возможное направление действий при нападении на Советский Союз. Сталин очень внимательно и долго рассматривал этот план и, доверительно посмотрев на начальника Генерального штаба, сказал ему: «В принципе план интересен, но нам он не подходит. В мгновение ока на сторону Германии перекинется Англия, а вслед за ней и Соединенные Штаты Америки. На Востоке нам не избежать будет столкновения с Японией. В такой обстановке нам придется воевать со всем миром».

Готовясь к войне с Германией, Советское правительство во все время пыталось наладить политические и экономические отношения с Англией, но Лондон по-прежнему делал вид обиженного и недовольного заключением Советско-германского договора о ненападении, но в то же время считал возможным пойти на сотрудничество с Советским Союзом, если Гитлер будет угрожать высадкой немецких войск на Британских островах. После того, как эта угроза отпала, в Лондоне с особым пристрастием следили за подготовкой нападения фашистской Германии на Советский Союз и чуть ли не одобрил этот шаг Гитлера, но потом, все взвесив, задумался о собственной судьбе, и как она могла для них сложиться в будущем, если СССР потерпит поражение. Весной 1941 г., когда уже шла концентрация германских войск на границах СССР и дело шло к неизбежному нападению, в английском правительстве наблюдалось сильнейшее беспокойство, так как там не могли разрешить трудный для всех вопрос: если немцы предъявят Советскому Союзу свои требования, то как СССР будет реагировать: примет эти требования, полностью капитулирует перед Германией и превратится в его союзника, или же будет воевать за свою свободу и независимость? Английские правящие круги до этого четверть века распространяли об СССР всякие небывалые и теперь оказались жертвами своей пропаганды. А сейчас судьба Англии всецело зависела от судьбы Советского Союза. Поэтому уже к весне 1941 г. английское правительство было твердо убеждено, что его интересам отвечало бы, чтобы Советский Союз оказал сопротивление Германии как случае дипломатического нажима и шантажа, так и военного нападения. Поощрение СССР к этому, временами переходившее в прямое провоцирование его на обострение отношений с Германией с целью вызвать советско-германское столкновение, характерно для политики Англии весной 1941 г.

3 апреля Черчилль на основании сведений, добытых министерством иностранных дел и военной разведкой, направил главе Советского правительства послание, в котором предупредил о возможности нападения Германии на СССР и сообщал некоторые важные сведения, подтверждавших такое развитие событий. По поводу этого послания посол Англии в Советском Союзе Криппс сообщал в Лондон о своих опасениях, что оно может быть истолковано Советским правительством «как попытка с нашей стороны вызвать беспокойство в отношениях между Россией и Германией»¹.

Однако, высказав это суждение, Криппс сам стал действовать вразрез с ним. В ночь с 12 на 13 апреля он направил заместителю иностранных дел СССР письмо, в котором заявил, что «если Советское правительство не примет немедленно решения о сотрудничестве со странами, еще сопротивляющимися державам Оси на Балканах, русские потеряют последний шанс защищать свои границы вместе с другими»². Это обращение, по существу, представляло собой предложение Советскому Союзу немедленно разорвать пакт о ненападении с Германией и выступить против нее. Этот сигнал был рассмотрен в Советском правительстве, и он был оставлен без последствий — ведь оно не могло пойти к подталкиванию войны или к ее развязыванию, и искало пути, чтобы ее всячески отодвинуть на более поздний срок. Показательно, что 22 апреля сам Черчилль комментировал одну из телеграмм Криппса по этому поводу следующим образом: «Советское правительство прекрасно знает о грозящей ему опасности, а также о том, что мы нуждаемся в его помощи»³. Именно осознание английским правительством того факта, что оно крайне нуждается в помощи Советского Союза, определило его позицию в одном из самых таинственных и до сих пор еще не во всех деталях разгаданных событий Второй мировой войны.

А нарастание угрозы войны ощущалась все острее. В конце апреля Германия стала часто отказывать в приеме советских поездов на станцию Тересполь (напротив Бреста) и они целыми сутками простаивали у границы и этому произволу немецкие власти не давали никакого объяснения. Такие факты имели место 24, 26, 28, 29 апреля, 5 и 15 мая и советская разведка вскоре донесла в Москву, что истинная причина срыва пассажирских и грузовых перевозок из Германии в СССР и обратно состояла в том, что в это время в сопредельные с со-

¹ Вопросы истории, №12, 1963, с. 66

² Там же, № 12, 1962, с. 67.

³ Там же, № 12, 1963, с. 67.

ветской границей районы перебрасывались крупные военные силы, участвовавшие в нападении на Югославию и Грецию¹.

Внезапности войны, о которой не уставал предупреждать Сталин, народный комиссар обороны маршал Тимошенко и его заместители не придали должного значения; они оставались привержены один раз избранному методу — отразить возможное вторжение войск противника с помощью контрнаступательных операций и этому способу ведения боевых действий учили войска, не опробывая другие. Командующие и штабы приграничных и внутренних округов весной 1941 года, как и все предыдущие годы, отрабатывали на учениях не оборонительные операции, а наступательные, с выходом войск на реку Висла². В указаниях НКО СССР (в директиве №503138оп «О задачах оперативной подготовки высшего командного состава и штабов на 1941 год») требовалось к 1 июля закончить изучение и отработку фронтовых и армейских операций, а к 1 ноября — оборонительных операций³. В силу таких указаний все приграничные округа учились не обороняться, а проводить контрнаступательные операции, и чтобы сократить время для нанесения таких контрударов в приграничных округах большая часть сухопутных сил и авиации, с согласия наркомата обороны, располагались как можно ближе к государственной границе. Военное руководство рассчитывало дивизиями первого эшелона, дислоцированных непосредственно у государственной границы, отразить удар врага любой силы, а вводом в сражение приграничных механизированных корпусов, а вслед за ними и фронтовых резервов отбросить противника к границе, а в последующем перенести боевые действия на территорию противника.

В Наркомате обороны внимательно отслеживали войну Италии и фашистской Германии с Грецией и Югославией, и когда она закончилась — пристально следили за начавшейся переброской германских войск в Польшу, Австрию, Венгрию и Румынию. Перебрасываемые в эти страны немецкие дивизии и корпуса располагались на удалении 150—300 километров от советской границы с таким расчетом, чтобы пехотные за трое, а танковые дивизии за сутки до начала войны могли сосредоточиться для нападения на Советский Союз. Величайшая скрытность, обман и дезинформация окружали все мероприятия, связанные с переброской фашистских войск с Балкан к границам Советского Союза. В подготовку к войне с Совет-

¹ *А.И. Чугунов. Граница накануне войны. М., 1985. с. 122.*

² ЦАМО РФ. Ф.28, О.11627, д.162, л.1—10.

³ Там же, д. 15, л. 36.

ской Россией были посвящены лишь фашистские заправилы во главе с Гитлером; германскому народу и армии изо в день внушалась опасность нападения англичан и русских и от них неизменно требовалось самоотверженное отношение к труду и наивысшая готовность к отражению нападения ненавистных врагов. В воюющей стране это было делать несложно.

Совсем иная обстановка складывалась в Советской России. Она демонстрировала всему миру созидательный труд, стремление к миру и все свои приготовления к отражению возможной агрессии русские должны были тщательно координировать с целями своей внешней и внутренней политики. Успешно выполнялись планы третьей пятилетки. Она смогла продолжаться только три с половиной года — война оборвала ее созидательный ритм. Но за это время были введены в строй 3000 новых заводов, шахт и других предприятий, то есть, примерно вдвое больше, чем за всю первую пятилетку. В строительном секторе за 3,5 года было построено жилых домов общей площадью 42 млн. кв. м, столько же, сколько было сдано за все годы второй пятилетки. За это же время было построено 5325 школ, детских садов на 98,4 тыс. мест, больниц на 27,7 тыс. коек¹.

Безоговорочно выполняя все торговые обязательства, Сталин умудрился перед войной закупить у германских ВВС ее новейшие боевые самолеты и Гитлер, давший личное разрешение на их покупку, считал это верхом политической прозорливости и обмана русских при явной подготовке вермахта к войне. Однако он просчитался. Сталин, готовясь к войне, вместе с конструкторами, успел перенять конструкторскую новизну германских боевых самолетов и их вооружения, и своевременно внедрить в свою авиапромышленность.

В начале июня германские оккупационные власти в Польше издали распоряжение о подготовке населения приграничных районов и вспомогательных служб к войне. А 15 июня последовал приказ — всем жителям пограничных сел до 4 часов 18 июня эвакуироваться от границы в тыл до трех километров, а на некоторых участках жители отселялись до двадцати километров в глубь польской территории². 15 июня главное командование гитлеровского военно-морского флота отдало приказ уничтожать советские подводные лодки при их появлении к югу от линии Мемель — южная оконечность острова Эланд. Для маскировки действительных причин возможного потопления или повреждения советских подводных лодок, гитлеровское командование заранее решило в таких случаях заяв-

¹ С.З. Гинзбург. О прошлом для будущего. М., 1986, с. 237.

² Пограничные войска СССР. 1939—1941 гг.: Сб. документов. М., 1970, с. 385.

лать, что его корабли считали себя «имеющими дело с англичанами»¹. Еще до начала войны немецкие подводные лодки военно-морской группы «Север» были развернуты на вероятных курсах движения наших кораблей и судов, разведывали их режим плавания, вели наблюдение за узлами морских сообщений, выходами из военно-морских баз. Советские корабли обнаруживали их, так своевременно была замечена постановка немецким и финским флотом минных заграждений в акваториях Балтийского моря, сопрягаемых с советскими базами и гаванями². В период с 16 по 20 июня немцы установили минные заграждения между Мемелем и южной оконечностью острова Эланд. Кроме того, минные заграждения были установлены на подходах к портам и базам Мемель, Кольберг, Галлин, Либава и Виндава. Шведское военно-морское командование в это же время, совместно с финским, преградило минами вход в Ботнический залив³.

Первыми, кто замечал начало враждебных действий со стороны германского командования, были пограничники и в начале июня все подразделения пограничных войск западных округов были приведены в повышенную боевую готовность, а заставы усилены за счет маневренных групп и тыловых подразделений. 16 июня пограничные отряды получили распоряжение: с возникновением военных действий перейти в подчинение командования Красной Армии. 20 июня были отданы приказы об усилении границы. В этой связи отменялись все плановые занятия, личный состав отзывался со всех сборов, на линейных заставах выходные отменялись. 21 июня в 21 час 30 минут на всех пограничных заставах западных особых округов решением наркома НКВД Л. Берии была введена полная боевая готовность⁴.

Зная эти факты, не трудно заметить, как разительно отличалась подготовка к войне войск НКВД, куда организационно входили пограничные войска, от подготовки к войне Красной Армии. Также разительно будут отличаться и действия пограничных войск от действий частей Красной Армии с началом войны. Решительно и смело действовал и нарком военно-морского флота адмирал Кузнецов, своевременно подготовивший все наши флоты к отражению агрессии и ведению войны на море.

Угроза войны нарастала изо дня в день. Концентрация военных сил фашистской Германии вдоль всей советской грани-

¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т.2. М., 1954, с. 237—238.

² Военная мысль, №2, 1959, с. 56.

³ ЦВМА РФ. Ф.103, оп.0385, д.94, л. 11, 12.

⁴ *А.И. Чугунов. Граница накануне войны.* М., 1985. с. 147.

цы на западе была колоссальная, и скрыть ее было нельзя. В невиданных масштабах в первых числах июня в Англии и США и в других странах распространялись самые невероятные слухи и утверждения о скором нападении фашистской Германии на Советский Союз. Отвечая этим предположениям, пропагандистское ведомство Геббельса пыталось дезинформировать мировое общественное мнение, объясняя свои военные приготовления у границ СССР к намерению Германии осуществить «вторжение» в Англию.

Пресса США и Англии называла различные даты готовящегося нападения фашистской Германии на Советский Союз. Советское руководство тоже искало надежные источники информации, и, в связи с этим, вручило 13 июня германскому послу в Москве заявление Советского правительства, которое на следующий день было опубликовано в советской и зарубежной печати. В нем советские дипломаты поставили вопросы так, что германское правительство не могло отделаться молчанием, если в Берлине действительно не готовились к нападению на СССР. Есть достоверные свидетельства того, что этот документ был задуман и лично составлен Сталиным.

В заявлении ТАСС сообщалось, что «... в английской и вообще иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам:

1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера...

2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредотачивать свои войска у границ последней...

ТАСС заявляет, что:

1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий...

2) По данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия Советско-германского пакта о ненападении...

3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия Советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией являются лживыми и провокационными;

4) Проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо»¹.

¹ Известия, 1941, 14 июня.

Сталин внимательно отслеживал реакцию германских правительственных кругов на это заявление.

Это был блестящий и безупречно выверенный дипломатический ход, какие редко встретишь в истории дипломатии, и в Берлине на него не нашлось ответного хода — там хранили гробовое молчание, прямо и косвенно подтверждая скорую дату нападения. Словно сговорившись, молчали в Риме, Будапеште, Бухаресте и Хельсинки; о советском документе нигде ничего не сообщалось в строго контролируемой фашистской прессе. Но в Москве поняли — нападение фашистской Германии следует ожидать со дня на день. 16 июня состоялось заседание Советского правительства, рассмотревшего итоги опубликования заявления ТАСС, и все члены правительства сошлись во мнении, что война подошла к нашему порогу и на просьбу маршала С. Тимошенко усилить приграничные войска правительство разрешило наркомату обороны начать выдвижение к государственной границе тех дивизий что располагались в глубине приграничных округов. При этом членами правительства был рассмотрен и перечень таких соединений — в представленном списке числилось 56 дивизий¹.

Последовавшие вслед за решением Советского правительства директива наркома обороны потребовала от командующих приграничных Особых военных округов «для повышения боевой готовности войск округов к 1 июля 1941 года все глубинные дивизии и управления корпусов с корпусными частями перевести ближе к государственной границе в новые лагеря... Передвижение войск сохранить в полной тайне. Марш совершать с тактическими учениями, по ночам». Указанные в директиве сроки сосредоточения дивизий в новых приграничных районах, обозначенных наркоматом обороны, были запоздалыми, дивизии плохо обеспеченными вооружением и боеприпасами и цели передислокации перед ними были поставлены не боевые, а учебные. Это решение, правильное по замыслу, но неверное по содержанию исполнения, ввергло более 20% соединений Красной Армии в самом начале войны в катастрофу, потому что они оказались неготовыми к войне.

17 июня из Берлина советское посольство сообщало, что «все военные приготовления Германии по подготовке вооруженного выступления полностью закончены и удар можно ожидать в любое время»². В тот же день начальник управления госбезопасности НКВД генерал Судоплатов П.А. сообщил начальнику разведуправления Красной Армии о положении в

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 11600, д. 1062, л. 101, 102.

² Россия. XX век. 1941 год. Документы. Кн. 2. М., 1998, с. 382.

Финляндии: «Мобилизация началась 10—11 июня. 12 июня в Тамиссари объявлено осадное положение, все приводится в боевую готовность. В Хельсинки отмечены признаки эвакуации населения»¹.

Начиная с первых чисел июня Председателю Совета Министров Сталину и народному комиссару по иностранным делам Молотову стали непрерывно поступать сообщения о готовящемся нападении фашистской Германии, одно тревожнее другого. Их достоверность тщательно проверялась — никто не рисковал сообщать в правительство непроверенные факты. 16 июня посол в Великобритании Майский сообщил, что по данным британского Генштаба на границах Советского Союза ведется беспрецедентная концентрация немецких сил: в Польше — 80 дивизий, 30 — в Румынии. Это же сообщение подтверждала и великолепная кембриджская пятерка разведчиков во главе с Кимом Филби, работавшая на советскую разведку

Ответом на эти угрозы явилось решение Советского правительства осуществить в мае досрочный выпуск офицеров из всех военных училищ и военных академий, и всем выпускникам вузов было приказано немедленно убыть в свои части (без отпусков). Придя на ежегодное торжественное собрание выпускников военных академий в Кремле, Сталин предупредил всех об угрозе войны с фашистской Германией и призвал всех генералов и офицеров быть готовыми к ней. 15 мая Генеральный штаб отдал распоряжение, разрешающее командирам частей держать боезапас непосредственно в самолетах и танках.

В середине мая было принято постановление правительства, чтобы все военные училища, расположенные на территориях приграничных округов, в частности, Львовское, Могилевское, Черниговское и другие, передислоцировались в глубь страны — за Волгу и Урал².

18 июня народный комиссар государственной безопасности генерал Меркулов представил Сталину и Молотову записку с весьма тревожными сообщениями: «Наблюдается массовый отъезд в Германию сотрудников посольства, их жен и детей с вещами. Производится спешная отправка в Германию служебных бумаг и сжигание части их на месте... Сжиганием документов уже в течение многих дней заняты инспектор авиационного атташе Тадтке и секретарь этого атташата Радазевская»³. В германском посольстве работал наш агент и там же в осведомителях германского военного атташе числился Николай Куз-

¹ Россия. XX век. 1941 год. Документы. Кн. 2. М., 1998, с. 382.

² МВ. Захаров. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989, с. 250.

³ Россия. XX век. 1941 год. Документы. Кн. 2. М., 1998, с. 384—385.

нецов, ставший в годы войны талантливым русским разведчиком и организатором партизанского движения на Украине. Вся предвоенная переписка посольств Германии, Италии и Японии, как и все телефонные переговоры послов и их сотрудников со столицами своих государств, были известны агентам Л. Берия, и они не были тайной для советского руководства. В это же время сотни и тысячи сообщений и фактов подтверждали вывод Советского правительства о том, что нападение фашистской Германии возможно между 22 и 25 июня.

19 июня состоялось очередное заседание Советского правительства, на котором были обсуждены все тревожные сообщения о приближении нападения фашистской Германии на Советский Союз, и все члены правительства безоговорочно приняли решение о приведении войск приграничных округов из постоянной боевой готовности в полную, для выполнения которой в этих округах не нужно было объявлять мобилизацию¹. В этом не было необходимости, так как армии трех приграничных Особых округов (Прибалтийского, Западного и Киевского) в конце мая были укомплектованы по полному штату. В тот же день вечером, в штабы Прибалтийского, Западного и Киевского Особых военных округов ушла директива за подписью наркома обороны маршала С. Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала армии Г. Жукова о преобразовании Прибалтийского Особого военного округа — в Северо-Западный фронт, Западного Особого военного округа — в Западный фронт, Киевского Особого военного округа — в Юго-Западный фронт. А на следующий день по требованию Сталина и Ленинградский военный округ был преобразован в Северный фронт. В этой же директиве предписывалось всю авиацию рассредоточить по полевым аэродромам и тщательно ее замаскировать. Одновременно было приказано без объявления боевой тревоги скрытно переместить штабы фронтов и армий на полевые командные пункты, а дивизии, предназначенные для обороны государственной границы, выдвинуть в свои районы².

21 июня состоялось очередное заседание правительства, на котором было принято решение о преобразовании Одесского военного округа в Южный фронт, с местопребыванием его штаба в Виннице, а его командующим был назначен генерал армии И. Тюленев, возглавлявший Московский военный округ. Был определен и состав армий стратегического резерва на западном направлении и Главнокомандующим этого крупного

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т.V. Кн. 1. М., 1970, с.145.

² ЦАМО РФ. Ф.221, оп. 142687, д.1, л 3—17.

формирования был утвержден маршал С. Буденный, с местом пребывания его штаба в Брянске¹.

Распоряжение Советского правительства о приведении пограничных округов в полную боевую готовность и преобразовании их во фронты говорило о том, что страна переходит на режим военного времени и всему командно-политическому составу следовало действовать так, как того требовала угроза приближения войны. С получением этой директивы командующие и командиры всех рангов должны были вскрыть имеющиеся в их штабах секретные красные пакеты, в которых были расписаны и детализированы действия соединений и частей на случай войны, и в полной боевой готовности выдвинуться в те районы, где им предстояло встретить вражеское нападение.

Но ничего подобного в войсках приграничных округов не происходило — там просто не знали, что им предстояло делать. В директиве наркома обороны и начальника Генерального штаба, отправленной в приграничные округа с требованием привести войска в полную боевую готовность, в конце этого важнейшего документа внизу стояла короткая приписка: «С получением этой директивы красные пакеты не вскрывать». Это небольшое дополнение в корне перевернуло все отношение военных людей к своему долгу. Как они должны были поступать в той обстановке, какую им предписал нарком — никто не знал, а разъяснений со стороны Наркомата обороны и Генерального штаба не было. Кроме того, командующие армий, командиры корпусов и дивизий Западного фронта содержание красных пакетов вообще не знали, так как их в глубокой тайне от войск готовил штаб Западного Особого военного округа во главе с начальником штаба округа генералом Климовских В.Е. и хранил их в окружных сейфах, хотя в директиве наркома обороны, полученной в Минске, требовалось разработать оперативный план прикрытия границы, от Капчмястис до иск. оз. Свитязь»², с обязательным участием тех командиров частей, кто привлекался к защите границы.

Не понимая истинных целей директивы, командующие округов, преобразованных во фронты, стали беспрерывно звонить в Москву и уточнять задачи по приведению войск в боевую готовность, прося послаблений и уговаривая маршала С. Тимошенко и генерала армии Г. Жукова об отмене ряда требований, связанных с подготовкой войск к войне. И такие послабления были получены. В Западном Особом военном округе его командующим генералом армии Д. Павловым ничего не

¹ Россия. XX век. 1941 год. Документы. Кн. 2. М., 1998, с. 413—414.

² ЦАМО РФ, Ф.16, оп.2952-1, д.243, л.1—3.

выполнялось: фронт не был образован, штаб округа из Минска не выезжал, авиация не была рассредоточена, мероприятия по противовоздушной обороне вообще не проводились, в приграничных армиях ничего не говорило о приближении войны. Наоборот, за две недели до войны в дивизии 4-й армии пришло секретное распоряжение «об изъятии боекомплекта из танков и хранения его в складе «НЗ»¹. Западный округ курировал сам нарком обороны и без его разрешения в дела округа другие ответственные работники Генштаба старались не вмешиваться.

А ведь получив директиву о преобразовании Западного Особого военного округа в Западный фронт командующий войсками генерал Д. Павлов должен был незамедлительно прекратить все сборы военнослужащих и отправить их в свои части, но с разрешения наркома С. Тимошенко, с которым у Павлова были хорошие и доверительные отношения, он не только не прекратил все сборы, а увеличивал их число, спланировав на 22 июня крупные показательные войсковые учения на Гожа-Пореченском полигоне (недалеко от г. Гродно) с привлечением высшего командного звена округа. Командующему войсками и штабу округа уже было известно, что начиная с 15 июня проводная связь с приграничными армиями постоянно нарушалась, а с 20 июня она действовала лишь периодически, но никаких практических мер по повышению боевой готовности войск округа в эти и последующие дни принято не было. Шли плановые сборы специалистов всех военных специальностей, вся артиллерия соединений и объединений округа, в том числе и зенитная, была собрана на полигонах для отработки практических стрельб, а авиация округа в количестве 30 авиационных полков была стянута на приграничные аэродромы, выстроена в образцовые ряды и не замаскирована. Штаб округа также получил распоряжение скрытно переместить основной состав генералов и офицеров на полевой командный пункт в Обуз-Лесновский и вывести дивизии прикрытия к государственной границе, но это распоряжение, как и все другие, в Минске не выполнялось. Все приграничные дивизии Западного Особого военного округа, несмотря на угрозу войны, мирно располагались в городах и крупных населенных пунктах и занимались боевой подготовкой по мирному расписанию. Но еще древние полководцы Рима усвоили простую истину, что римские легионы, где бы они ни находились, при малейшей угрозе нападения или войны, должны были заниматься боевой подготовкой в лагерях, представлявших собой крепость, которую невозможно было взять с ходу. Что ме-

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 977441, Д. 2, л. 371.

шало Наркомату обороны и командующим приграничных военных округов расположить дивизии непосредственно на тех рубежах, где они должны были встретить врага, но уже подготовленных к ведению оборонительного боя? Ведь направления вторжения и наступления ударных группировок противника были известны военному командованию, так же как был известен и состав германских войск, сосредотачиваемых для нападения на Советский Союз.

Причину, почему командующий Западным Особым военным округом и его штаб выпали из общего плана подготовки вооруженных сил к войне, следует искать в складывавшихся на то время отношений между Д. Павловым и наркомом обороны маршалом С. Тимошенко, и между Д. Павловым и Г. Жуковым, начальником Генерального штаба Красной Армии. Д. Павлов был один из известных генералов, имевший опыт боевых действий в Испании, и считавшийся одним из лучших специалистов в области применения танков в войне. Самоуверенности и честолюбия в нем было чересчур много, и она придавала ему особый оттенок в отношениях с военным министром. Павлов не скрывал своих хороших отношений с наркомом, к тому же, если возникало важное и срочное дело, он мог обратиться по телефону к самому Сталину, чтобы разрешить проблему, долго нерешаемую в военном министерстве. Эта способность добиться поставленных целей смелостью, в которой было немало нахальства, одними начальствующими лицами в Павлове ценилась, другими — осуждалась. Пока сложные и трудные обстоятельства обходят таких людей стороной — они всегда на виду, в центре всеобщего внимания и их трудно в чем-либо упрекнуть. И такого характера люди зачастую, при наступлении чрезвычайных событий, нередко первыми духовно и нравственно ломаются, и с них быстро слетает та важность и величавость, что окружала их до этого.

Начальник Генерального штаба генерал армии Г. Жуков соперничал с Д. Павловым за влияние и положение в окружении наркома обороны маршала С. Тимошенко и со временем соперничество переросло у них в неприязнь, выражавшуюся в том, что ни тот, ни другой старались не вмешиваться в дела другого. Так поступали и другие заместители наркома обороны в отношениях с Павловым. Генерал армии К. Мерецков 19 июня был в приграничных городах Бреста, Гродно и Белостока, и видел там размещенную, как для парада, на аэродромах авиацию округа, но его доклад наверх остался не услышанным.

Воспользовавшись доверительными отношениями с маршалом С. Тимошенко, Павлов испросил разрешения у наркома обороны готовить войска округа по своему усмотрению и по-

этому большинство директив и распоряжений Генерального штаба о приведении войск в боевую готовность он просто не исполнял, а Г. Жуков принципиально в дела Западного округа не вмешивался. За неделю до войны генерал Д. Павлов проводил со штабами трех пограничных армий командно-штабные учения, совместив их с полевыми поездками вдоль государственной границы, под предлогом уточнения войскам задач, а на самом деле он отвлекал командующих и штабы от подготовки к войне. Замысел этих учений был типичным для того времени. «Западные», предупредив «восточных» в сосредоточении и развертывании войск, переходили в наступление и были задержаны организованной обороной наших войск. Опираясь на заранее подготовленные рубежи, «восточные» успевали завершить сосредоточение своих ударных группировок, переходили в контрнаступление, громили противника и выходили к Висле. По такому сценарию Павлов провел учение с 3-й армией (с 12 по 15 июня), с 10-й армией (с 17 по 20 июня) и с 26 по 29 июня такое же учение он собирался провести с 4-й армией¹.

Утром 20 июня командующему округом генералу армий Павлову, проводившему полевою поездку с командованием 10-й армией, сделали доклад начальник разведки округа полковник С.В. Блохин и начальник разведки ВВС округа майор Масько, в котором они сообщили о начале крупного сосредоточения немецко-фашистских войск в районах Сувалки — Ортельбург — Бяла — Подляск — Бжеец — Гольдап и о концентрации германской авиации вблизи государственной границы СССР, и что отмечаются частые случаи повреждения линий проводной связи, связывающей приграничные армии со штабом в Минске. В это же время командующий 3-й армией генерал В. Кузнецов запиской доложил Павлову, что немцы ведут «открытую подготовку к войне» и что в «Августовских лесах юго-восточнее Сувалок установлено крупное сосредоточение их войск»².

Павлов прерывает проведение учений, перелетает в Брест, а потом и в Гродно и отдает распоряжение командующему ВВС округа генерал-майору Копцу И.И. всех летчиков на воскресные отпустить к семьям, а все оружие и боеприпасы с самолетов сдать на дивизионные склады. Точно так поступил и великий князь Александр Михайлович из дома Романовых, руководивший русской авиацией перед Первой мировой войной, приказавший снять с самолетов все вооружение, и отправивший на фронт небоеспособную авиацию³.

¹ ЦАМО РФ. Ф.28, оп.11627, д.31, л.3.

² Тайны XX века, №30, июль 2011.

³ Лемке М. 250 дней в царской Ставке. (25 сентября 1915 — 2 июля 1916). Пг., 1920, с. 596—597, 805.

21 июня Павлов возвратился в Минск и вечером этого же дня он, вместе со своими заместителями, смотрел спектакль в Доме Офицеров, куда по его приказу была подведена правительственная связь. Во время спектакля начальник разведки округа полковник С.В. Блохин снова сделал доклад командующему об угрожающем сосредоточении танков и мотопехоты немцев у советских границ, и, видя встревоженное лицо своего заместителя генерал-лейтенанта И.Болдина, Павлов произнес: «Опять чепуху какую-то докладывает»¹. Несмотря на тревожные сообщения, Павлов после спектакля уехал домой, и только вызов наркома обороны маршала Тимошенко заставил его приехать в штаб округа. В этот же период все штабы приграничных округов, преобразованных во фронты, уже три дня находились на полевых командных пунктах и готовили себя и подчиненные им войска к ведению боевых действий.

Дорого стоило доверие наркома обороны к Павлову, совершенно ничего не сделавшему для подготовки войск округа к войне. Округ, представлявший до войны огромную военную силу, на которую рассчитывало правительство и наркомат обороны, с началом войны оказался подобен больному человеку, не способному не только ходить, но и здраво мыслить. В округе к 22 июня для обороны государственной границы было предназначено 25 дивизий, из которых было 12 стрелковых, 8 танковых, 4 мотострелковых и одна кавалерийская, объединенных в три армии: 3-я, 10-я и 4-я, штабы которых располагались в Гродно, Белостоке и Бресте. Основная масса соединений округа сосредотачивалась в Белостокском выступе, самом угрожаемом районе, где они могли быть окружены — и оказались окруженными в первый же день войны. Здесь было собрано 19 дивизий, в том числе все танковые и моторизованные дивизии. Самый сильный 6-й механизированный корпус 10-й армии, имевший на своем вооружении 352 новых танка КВ и Т-34, располагался в центре Белостокского выступа, а самые слабые 11-й и 14-й механизированные корпуса прикрывали фланги этой плохо продуманной группировки войск, и они были быстро смяты противником². В округе имелось три сильных противотанковых бригады и две из них находились в белостокском выступе, а одна — в глубине округа и они не принесли пользы войскам при отражении крупных танковых группировок противника.

¹ Болдин И.В. Страницы жизни, б/д.

² Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Суровые испытания. М., 1995, с. 106.

Непосредственно за этими армиями прикрытия в районе Волковыска находилась только одна 36 кавалерийская дивизия. Все другие крупные воинские формирования округа: 2-й, 21-й, 44-й и 47-й стрелковые корпуса в составе 10 стрелковых дивизий без артиллерии, зенитных средств, саперов и связистов и без боеприпасов с 17 мая осуществляли ночными переходами выдвигание к государственной границе.

Причем дивизии, предназначенные для поддержки приграничных армий, выгружались из железнодорожных эшелонов и располагались в 150—200 км от государственной границы, в то время как другие соединения были удалены от нее на 350—400 км и перебрасывались по железной дороге или выдвигались походным порядком из глубинных районов округа. В момент нападения Германии они сосредотачивались в обширном районе Лида — Бытень (50 км юго-западнее Барановичей), Слуцк — Минск — Молодечно. Всего здесь сосредотачивалось 12 стрелковых дивизий. В этом же районе дислоцировались 17-й и в примыкающих к нему районах — 20-й механизированные корпуса. Оба корпуса танков не имели¹. Читатель может удивленно спросить — а зачем нужно было совершать маневр такими крупными военными силами за неделю до войны без продуманного оперативного и стратегического замысла, который привел к коллапсу в первые же дни войны? И кто за это ответил? Пока это остается тайной, а послевоенные мемуаристы эту тему всячески замалчивали.

Не лучше складывалась обстановка и в Киевском Особом военном округе, который курировал начальник Генерального штаба генерал армии Г. Жуков. Командующему округом генералу Кирпоносу Г. Жуков разрешил штаб фронта, расположенный в Киеве, сосредоточить на полевом командном пункте в Тарнополе не 19 июня, как того требовала директива Наркомата обороны, а к утру 22 июня². Эти послабления и отступления от принятых ранее приказов и распоряжений, просматривались повсюду. 16 июня в Киеве был получен приказ наркома и начальника Генерального штаба с 17 июня начать выдвигание из глубинных районов округа к государственной границе пяти стрелковых корпусов³, не объясняя командно-политическому и рядовому составу для чего это передвижение затевалось. Вместе с корпусными частями в движение пришло около 300 тыс. солдат и офицеров, и высшее военное начальство го-

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, О.11600, д.1062, л.83.

² И.Х. Баграмян. Так начиналась война. М., 1971, с. 83.

³ Там же, с. 77.

ворило, что все эти войска привлекаются для учений. Вслед за этим эшелоном в новые районы, поближе к государственной границе, начали выдвигание еще три окружные дивизии и большое количество вспомогательных частей, общей численностью около 150 тыс. человек. Войска уходили «на учения» с одним неполным боекомплектом боеприпасов на все виды оружия, без запасов ГСМ и продовольствия. Вся корпусная и дивизионная артиллерия и средства противовоздушной обороны были оставлены на сборах артиллеристов, или в пунктах постоянной дислокации из-за отсутствия автотранспорта и тракторов. В предназначенные районы, удаленные от государственной границы на 80—100 км, корпуса и дивизии должны были прибыть 26—28 июня, ночными переходами. Они должны были нарастить силу ударов по вторгшимся войскам противника и перенести боевые действия на его территорию. В Наркомате обороны не допускали другого развития событий, в противном случае рушилась вся стратегическая концепция способа отражения немецко-фашистских войск. Никто в высших военных кругах не задумался над тем, что приграничные армии могут не выдержать первого удара немецко-фашистских войск, что заставило бы Наркомат обороны и Генштаб размещать вторые эшелоны не в районах сосредоточения, а на армейских и фронтовых оборонительных рубежах, где они могли выдержать натиск врага и выиграть время для подтягивания стратегических резервов.

В общей сложности за неделю до войны 56 стрелковых и танковых дивизий Западного и Киевского Особых военных округов, насчитывающих в своем составе, вместе с армейскими и корпусными частями, более полумиллиона солдат и офицеров, «находились в движении и в таком удалении от государственной границы, что они не смогли оказать помощь войскам прикрытия (первому оперативному эшелону) в отражении ударов врага в приграничной полосе, и в первые дни войны они оказались не готовы к организованному вступлению в сражение с прорвавшимися на советскую территорию силами противника, и были быстро разгромлены»¹. А чтобы создать видимость мирной обстановки в приграничных областях Советского Союза, и не «вспугнуть» гитлеровское командование такой масштабной перегруппировкой советских войск и ввести его в заблуждение, Наркомат обороны и Генштаб Красной Армии потребовал от командующих Западным и Юго-Западным фронтами соблюдать тишину на государст-

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 11600, д. 1062, л. 101.

венной границе в такой степени, чтобы немцы не могли заподозрить Красную Армию в приготовлениях к отражению их нападения. Выполняя эти указания командующие переусердствовали в своем рвении и даже потребовали от приграничных соединений и частей изъять из обращения боеприпасы и патроны, и сдать их на склады «НЗ».

Вот в этом применении Наркоматом обороны приграничных войск накануне войны и кроется вся изнанка катастрофы первых дней войны, за которую никто не хотел отвечать, а впоследствии все свалили на Сталина — ведь мертвые кумиры могут выдержать все. Вся эта огромная военная сила к началу нападения немецко-фашистских войск не была подготовлена к войне и безобразно использована с началом войны. Командование корпусов и дивизий для ведения боевых действий не имело ни боеприпасов, ни продовольствия и пополнить их не могло, так как все фронтовые склады с вооружением, боеприпасами, продовольствием и вещевым имуществом были захвачены немцами на второй или третий день войны, потому что бывшие командующие этих округов генералы Якир и Уборевич из вредительских целей сознательно разместили их вблизи границы.

Более организованно и ответственно в предвоенные дни в Киевском Особом военном округе действовал командующий 5-армией генерал-лейтенант Потапов М.И. 20 июня по приказу командарма на наиболее опасные участки государственной границы, проходившие по рубежу Влодава — Крыстиньполь — Сенява — Радымно, были выдвинуты дивизии прикрытия. Из крупных городов и населенных пунктов войска были выведены в свои районы и приступили к их инженерному оборудованию. Из военных городков, расположенных вблизи государственной границы, велась интенсивная эвакуация семей офицеров в глубь страны. Все попытки командарма 5-й армии генерал-лейтенанта Потапова установить взаимодействие с войсками Западного фронта оказались безуспешными из-за полного спокойствия в войсках этого фронта и нежелания его командования действовать так, как действуют соседи.

Совсем иная обстановка складывалась в Прибалтийском Особом военном округе. Еще 17 июня командующий генерал-полковник Ф.И. Кузнецов предупредил командиров соединений о концентрации войск противника вдоль государственной границы и потребовал от них усилить ее охрану на своих участках обороны. К исходу 19 июня штаб Прибалтийского Особого военного округа, переименованный в Северо-Западный фронт, скрытно расположился вблизи небольшого населенного пункта Паневежис, и вместе с ним на заранее подготовленные рубежи обороны вышли дивизии, предназначен-

ные для прикрытия государственной границы. 20 июня из всех приграничных городов, таких как Алитус, Каунас, Плунге и других началась эвакуация семей офицеров в глубь страны. Фронт усиленно готовился к отражению нападению вермахта, и сумел бы сделать это более успешно, если бы его левый фланг не оказался полностью оголенным из-за бездействия командующего Западным фронтом Д. Павлова. Начальник войск связи Северо-Западного фронта полковник П.М. Курочкин, прибыв в Паневежис, 20 июня попытался установить связь и организовать взаимодействие со штабом Западного фронта, но начальник связи генерал-майор А.Т. Григорьев отказал ему в такой поддержке. «Нам это не нужно! — заявил он»¹.

Командующий Северо-Западным фронтом и его штаб усиленно вели разведку противника, и в донесении Генеральному штабу по состоянию на 20.00 часов 21 июня генерал Кузнецов доносил: «По данным, заслуживающим доверия, продолжается сосредоточение немецких войск в Восточной Пруссии. Закончено строительство понтонных мостов через реку Неман в районах: Рус, Таттамишкен, Клокен, Тильзит, Винкел; продолжается в районе Вишвилл и усиленно в районе Винге. В Клайпедской области гражданскому населению предложено эвакуироваться в глубь от границы на 20 км. В Сувалковском уезде жители выселены вглубь от границы на 5 км»². Затем командующий перечислил состав немецко-фашистских сил, что были сосредоточены близи советской границы, и он мало чем отличался от состава частей, вторгшихся 22 июня на нашу территорию.

С началом войны командование Северо-Западным фронтом врага встретило организованно, но командующий фронтом все время отрывал так необходимые ему самому фронтовые резервы, и бросал их на прикрытие своего левого фланга, оказавшегося открытым, и куда неудержимым потоком устремились немецко-фашистские войска.

Одесский военный округ, небольшой по составу войск, прикрывал огромный участок государственной границы, и с началом войны он сформировал 9-ю армию, сил которой явно не хватало для надежной защиты наших рубежей и города Одессы. Отчетливо осознавая все возрастающую угрозу вооруженной агрессии, командование округа во главе с генерал-полковником Я. Черевиченко предприняло все меры по организации прочной, причем активной обороны. Важно заметить, что решать эту задачу войскам округа было не просто. По состоянию на 1 июня румыно-германские войска значи-

¹ Курочкин П.М. Сборник избранных статей. М., 1967, с. 15—16.

² ЦАМО РФ. Ф.221, оп.2467, д.39, л. 70—76.

тельно превосходили войска Одесского военного округа, как по количественным, так и по качественным показателям. Поэтому, подготовив и отправив 20 июня самолетом в Москву «Записку по плану действий войск Одесского военного округа в прикрытии госграницы», командующий войсками Одесского военного округа сделал глубокий анализ возможных действий немецко-румынских войск в зоне своей ответственности и обратил внимание наркома обороны маршала Тимошенко и руководство страны на необходимость усиления сил округа, или создания нового фронта, чтобы румынское стратегическое направление было надежно прикрыто военными силами. Уже на следующий день Сталин прочитал этот документ и днем 21 июня, решением Советского правительства, был образован Южный фронт во главе с генерал-полковником И. Тюленевым, а его штаб был укомплектован генералами и офицерами Московского военного округа.¹

20 июня командующий Одесским военным округом генерал-полковник Я. Черевиченко и начальник штаба округа генерал-майор М. Захаров, еще не зная решения Москвы по представленному ими оперативному документу, оценив сложившуюся обстановку на государственной границе, отдали приказание:

- 1) войска и штабы поднять по боевой тревоге и вывести их из городов и населенных пунктов;
- 2) частям прикрытия занять свои районы;
- 3) установить связь с флотом и пограничными частями и тесно с ними взаимодействовать.

Таким образом, по боевой тревоге в Одесском военном округе были подняты 7 стрелковых, 2 кавалерийские, 2 танковые и 1 мотострелковая дивизия и 2 укрепленных района, и все эти части к началу войны находились в районах боевого предназначения.²

Такое вдумчивое и серьезное отношение к оперативному планированию и подготовке войск к отражению агрессии положительно сказалось на выполнении боевых задач. 22 июня 1941 года войска Одесского военного округа, переименованные в Южный фронт, как и личный состав Черноморского флота, нападение немецко-фашистских войск встретили организованно, проявив мужество и стойкость при отражении натиска превосходящих сил противника и, в отличие от других округов, понесли наименьшие потери. Немалую органи-

¹ ЦАМО РФ, Ф.16, оп.2951,Д.253, л.9—46

² МВ. Захаров. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989, с. 275.

зующую роль в этом важном деле сыграл штаб округа во главе с генералом М.В. Захаровым, нашедшим себе призвание и славу на всех штабных должностях, которые он занимал в годы Великой Отечественной войны¹.

Активно реагировало на проявления признаков надвигающейся войны и командование Ленинградского военного округа, переименованного 21 июня в Северный фронт, хотя его войска меньше всего могли быть подвергнуты внезапному нападению. Финской армии, начавшей от мобилизацию своих войск в середине июня, была противопоставлена система мер приведения приграничных дивизий в высокие степени боевой готовности, но в Заполярье обстановка была более угрожающей. Там, в районе Вадсе, Ганнвил и Петсамо заканчивала сосредоточение немецко-фашистская армия «Норвегия», угрожавшая Мурманску и Северному флоту. Упреждая нападения немцев и финнов, командующий Ленинградским военным округом генерал-полковник М.М. Попов еще 15 июня выдвинул к государственной границе 122-ю стрелковую дивизию и прикрыл ею направление на Кандалакшу, а командующий 14-й армией генерал-лейтенант В.А. Фролов, основные силы которой дислоцировались на Кольском полуострове, подготовил и к исходу 21 июня двумя полками 14-й стрелковой дивизии занял оборонительный рубеж вдоль государственной границы, а 52-ю стрелковую дивизию в полном составе разместил на армейском оборонительном рубеже, проходившем по берегам реки Западная Лица. Эти своевременные и продуманные меры упредили действия немецкой и финской армий и сорвали их замыслы по овладению Кольским полуостровом, потеря которого могла нанести непоправимые ущерб советским войскам.

С приближением дня нападения фашистской Германии на СССР количество нарушений советской границы стремительно нарастало. В мае и за 10 дней июня 1941 года был задержан 461 нарушитель государственной границы². Причем с весны усилилась заброска диверсионных групп, снабженных портативными радиостанциями, оружием и взрывчаткой. Одна из таких групп была задержана 17 июня, и задержанные показали, что они являются диверсионной группой германской разведки и получили задание производить диверсии на железных дорогах с началом военных действий, с целью отрезать пути отхода Красной Армии. По их показаниям, нападение долж-

¹ ЦАМО РФ, Ф.16, оп.295, д.253, л.1—8.

² Пограничные войска СССР. 1939—1941 гг.: Сб. документов и материалов. М., 1970, с. 390.

но было начаться в ближайшие дни¹. А всего перед войной в Советском Союзе было ликвидировано 66 резидентур германской разведки, разоблачено более 6000 агентов².

Еще более интенсивными были нарушения советской границы германскими ВВС. Только за май и 10 дней июня 1941 года на территорию СССР залетал 91 разведывательный самолет люфтваффе. При этом постоянно увеличивалась глубина их проникновения на советскую территорию. Некоторые самолеты углублялись до 100 км, а 15 апреля, приземленный в районе Ровно истребителями Красной Армии немецкий самолет, углубился на нашу территорию до 200 км³. За два дня до начала войны на всех основных направлениях советскую государственную границу нарушили 30 германских самолетов. В ответ на эти массовые нарушения воздушного пространства Советского Союза Сталин 17 и 18 июня, а потом 20 и 21 июня распорядился, чтобы опытные советские летчики вторглись в воздушное пространство Германии, Финляндии, Венгрии и Румынии и произвели разведку действий немецко-фашистских армий и их сателлитов. По возвращении все они доложили о колоссальных скоплениях немецких, финских и румынских войск вдоль всей границы СССР. Гитлер был настолько взбешен этими полетами, что в своем выступлении перед немецким народом утром 22 июня он назвал это одной из причин, заставившего его напасть на Советский Союз

С 17 июня 1941 года начался вывод немецких торговых судов из всех советских портов. Они покидали порты внезапно, никого не уведомляя об этом. С этого же дня стали задерживаться и все торговые суда, следующие в СССР из портов Германии. В восточных районах рейха все школы были закрыты⁴. С середины июня началась мобилизация в Финляндии, 18 июня в Румынии, а 21 июня она была объявлена в Словакии⁵. 18 июня началось массовое выдвижение пехотных дивизий к советской границе, а 20 июня танковых и моторизованных. В эти же дни в Финском и Рижском заливах Балтийского моря немецкие и финские корабли стали устанавливать морские минно-взрывные заграждения, а все подводные лодки фашистской Германии ушли с баз на боевые позиции⁶. Возраста-

¹ А.И. Чугунов. Граница накануне войны. М., 1985. с. 95.

² Красная Звезда, № 71, 18 апреля 2003 г.

³ Пограничные войска СССР. 1939—1941 гг.: Сб. документов и материалов. М., 1970, с. 392.

⁴ Военно-исторический журнал, № 3, 1959, с. 82—93.

⁵ А.М. Некрич. 22 июня 1941 года. М., 1965, с. 148.

⁶ Архив ИО ВМФ 9, д. 33109. л. 1—13; Ф.46, д. 843, л.26

ние угрозы войны заставило наркома военно-морского флота адмирала Н.Г. Кузнецова еще 19 июня, с разрешения правительства, объявить флоту боевую готовность №2, а в 23 часа 37 минут 21 июня была объявлена оперативная готовность №1, и нарком флота лично потребовал от командующих флотами «встретить внезапный удар немцев или их союзников всеми наличными силами»¹. В тот же день, 19 июня, приказом наркома военно-морского флота, войскам предписывалось «замаскировать аэродромы, боевые и транспортные машины, склады, парки и базы, а также рассредоточить самолеты по полевым аэродромам, флоты и флотилии должны были повысить боевую готовность и усилить корабельные дозоры»².

21 июня в 16 ч. 15 мин. главные силы финского флота высадили пятитысячный десант на демилитаризованные, согласно Женевской конвенции 1921 года, Аландские острова, оккупировали его и арестовали там всех сотрудников советского консульства и торгового представительства. Молотов немедленно вызвал финского посла и выразил протест финскому правительству, и предупредил их о последствиях, а в советском правительстве этот шаг был расценен как преддверие войны. В этот же день финские подводные лодки приступили к установке минных заграждений у эстонского побережья, причем командиры этих лодок получили приказ атаковать советские корабли «если попадутся достойные цели»³. В этот же день, 21 июня было замечено, что сотрудники всех рангов немецкого, румынского, итальянского, словацкого и финского посольств стали поспешно уезжать на машинах за город⁴.

Поздно вечером 21 июня на территорию СССР перешел ефрейтор 222-го саперного полка вермахта, и он дал показания, что в этот день его командир взвода заявил солдатам, что в ночь на 22 июня, после артиллерийской подготовки, будет форсироваться река Буг на плотках, лодках и понтонах. В этот же день перебежчики были на советско-венгерской и на советско-румынской границе, и они тоже подтвердили, что нападение на СССР назначено на 22 июня⁵.

Пограничники докладывали — у границы скапливаются крупные силы фашистских войск, разведорганы приграничных округов подтверждали эти сообщения. Война неумолимо

¹ Архив ИО ВМФ, Ф. 506, д. 843, л. 108.

² М.В. Захаров. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989, с. 263—264.

³ Советская Россия, №12, 27 января 2004 г.

⁴ А.М. Некрич. 22 июня 1941 года. М., 1965, с. 151.

⁵ Пограничные войска СССР. 1939—1941 гг.: Сб. документов и материалов. М., 1970, с. 404.

приближалась и каждый день был особенно дорог. Уже после войны заместитель народного комиссара по обороне маршал Советского Союза Мерецков о предвоенных днях напишет дословно: «Наркомату обороны к исходу 21 июня стала ясной неизбежность нападения Германии на СССР в следующие сутки... К сожалению, в оставшиеся до начала войны 5—6 часов Наркомат обороны и Генеральный штаб не сумели решить эти задачи»¹. Но маршал скрыл причину невыполнения распоряжения Сталина о приведении приграничных войск страны в боевой готовность 19 июня и продублированную председателем правительства вечером 21 июня.

Военные руководители не исполнили ряд важных предписаний правительства, отданных еще в мае, которые повышали боевую готовность войск. Правительство требовало:

— рассредоточить всю авиацию и тщательно ее замаскировать;

— привести все средства противовоздушной обороны и зашиты населения в боевую готовность, исключая затемнение городов;

— вывести дивизии из приграничных городов в районы их оперативного предназначения и быть готовыми к отражению вторжения противника;

— усилить бдительность, повысить подготовку войск к ведению боевых действий.

Ничего из этого выполнено не было, и войска приграничных округов в первый же день войны потеряли большую часть своей авиации, а дивизии, расположенные в Бресте, Белостоке, Гродно, Львове и других приграничных городах подверглись внезапным артиллерийским и авиационным ударам и понесли большие потери.

Нарком обороны маршал Тимошенко имел полную и исчерпывающую информацию о наращивании сил вермахта в Восточной Пруссии, Польше, Австрии, Чехословакии и Румынии и, не спрашивая разрешения, а лишь получая одобрение руководства страны, наращивал в Прибалтике, Белоруссии и Украине адекватные военные силы. «Ударному кулаку вермахта противопоставлялся свой кулак, способный отразить нападение врага»². В большом и главном, и в принципе, это была правильная политика наркома обороны Тимошенко и начальника Генерального штаба Жукова. Их в этом поддерживал Сталин и все члены Политбюро. Испокон веку на Руси силе внеш-

¹ *КА Мерецков*. На службе народу. М., 1969, с. 204.

² *НГ Кузнецов*. Накануне. М., 1969, с. 351.

ней противопоставлялась всегда сила внутренняя, способная отразить нападение врага. Но все дело было в том, как это наращивание сил производилось, какие цели при этом ставились и как к этому относились сами военные люди.

Несмотря на явные признаки лихорадочной подготовки фашистской Германии к войне против Советского Союза, все мероприятия Наркомата обороны, связанные с сосредоточением и развертыванием наших войск в приграничных западных округах велись с большой осторожностью и крайне медленно. Наиболее раздражительным к переменам и к малейшим изменениям в оперативном построении войск был сам министр С. Тимошенко. Это была хорошо известная личность не только в армии, но и в стране, уважение к нему неоднократно подчеркивал Сталин (они вместе во время гражданской войны участвовали в обороне Царицына в 1918 году), и мнение маршала было всегда весомым и определяющим при принятии решений в Наркомате обороны. Как и Сталин, Тимошенко ненавидел войну, и в нем всегда присутствовала та государственная осторожность, которая полезна для поступательного движения к миру, а не к войне. Решительности в нем недоставало, как не хватало в нем и самостоятельности в принятии решений; не было у него и бесстрашия перед лицом судьбы и той напряженности и особой страстности, что присуща талантливому военачальнику. Ненавидя войну, он прогивился всяким открытым приготовлениям к ней, полагая, что в нужный час и в нужное время всю подготовку к войне можно будет выполнить за короткое время. Много раз, поднимая штабы и дивизии по учебно-боевой тревоге, он выработал у себя твердое и совершенно неверное убеждение, что достаточно нескольких часов, чтобы войска изготовились для ведения боевых действий, забывая при этом, что перевод всех вооруженных сил на военное положение потребует иного исчисления времени и во многом будет зависеть от действий противника. Маршал слыл волевым человеком, умелым организатором, но в узком кругу знали и его слабость и нерешительность. Он был прекрасным исполнителем по предписанным ему постановлениям партии и правительства, решениям Главного Военного Совета, и совершенно терялся там, где нужно было проявить личную инициативу или почин, а уж о рисках он и не помышлял. При этом он всегда мог умело сослаться на постановления правительства или указания товарища Сталина, которые были уместны и полезны для обстоятельности и событий вчерашнего дня, но никак не для грядущих событий. В быстротекущих событиях, связанных с приближением войны, маршал Тимошенко оказался приверженным старым догмам ру-

ководства и управления войсками, и в первые же дни войны он так и не нашел верных и нужных способов отражения наступления немецко-фашистских войск, а строго следовал старым планам прикрытия государственной границы государства, которые уже устарели и не годились.

Проанализировав огромное количество сообщений и массу фактов о приближении войны, 21 июня, сразу после полудня, из СНК поступило распоряжение, чтобы «все ответственные работники министерств и ведомств оставались в своих служебных кабинетах до особого распоряжения»¹. Все руководители советских и партийных органов власти в Москве, в западных республиках и областях работали по московскому графику, ежечасно информируя друг друга о положении дел в центре и на местах. В это же время Сталин лично переговорил со всеми руководителями приграничных советских республик и Москвы, и передал им просьбу правительства, чтобы руководители высшего ранга в ночь на 22 июня оставались на рабочих местах — из-за опасности приближения войны. Впрочем, он мог это и не делать, так как все высшие советские и партийные работники трудились в том же режиме, по которому работал Сталин — до трех-четырёх часов ночи с последующим отдыхом до 10 часов утра.

Днем 21 июня Сталин лично позвонил командующему Московским военным округом генералу армии И.Тюленеву и командиру 1-го корпуса противоздушной обороны столицы генералу Д. Журавлеву и попросил их держать военные силы собрано, в кулаке, и усилить бдительность². К концу дня 21 июня во всех органах государственной власти, отвечающих за безопасность страны, сложилось твердое убеждение, что гитлеровская Германия завершила переброску всех своих войск к государственной границе Советского Союза, и ее нападение можно было ожидать с часу на час. Зная хорошо повадки Гитлера, и его способы нападения на другие страны, Сталин и его близкое окружение определило день и возможный час нападения — рано утром, в воскресенье, 22 июня, как это доносили советские разведчики, и как об этом сообщали перебежчики немецкой, венгерской и румынской армий. Огромная страна встречала надвигающуюся войну в напряженном деловом ритме и с уверенностью в своей победе, вот только в армии наблюдалось излишнее спокойствие, и чем ближе было к границе, тем ощутимее было это спокойствие среди военных, до-

¹ Военно-исторический журнал, №9, 1961, с. 64.

² И.В. Тюленев. Через три войны. М., 1960.

ходившее до абсурда. Это особенно было заметно в войсках Западного особого военного округа, которым командовал генерал армии Д. Павлов.

Несколько раз 21 июня Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнарком занимались непосредственно военными вопросами. Рано утром было принято решение о создании Южного фронта, ближе к полудню было принято еще одно решение — о серийном производстве реактивных установок БМ-13 («Катюш») на московских заводах¹.

В десятом часу вечера в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР были вызваны секретарь Московского комитета партии А.С. Щербаков и председатель Московского городского исполнительного комитета депутатов трудящихся В.П. Пронин. Сначала их принял Сталин и, обращаясь к ним, он сказал: «По данным разведки и перебежчиков, немецкие войска намереваются сегодня ночью напасть на наши границы. Видимо, начинается война. Все ли у вас готово в городской противовоздушной обороне? Доложите»². Пронин сообщил Сталину, что в городе создано и обучено 19 тыс. команд местной противовоздушной обороны, в которых было задействовано более 600 тыс. человек, преимущественно женщин, более десяти тысяч противопожарных команд и другие военизированные формирования, готовые немедленно приступить к работе³.

Выслушав внимательно их сообщение, Сталин попросил Щербакова и Пронина задержать в городе руководителей районных партийных и советских организаций до полного выяснения обстановки. Приглашенные затем в ЦК, руководители Москвы еще раз доложили, сколько и где в городе имеются бомбоубежищ и сколько находится в стадии строительства, сколько было создано служб городской противовоздушной обороны, добровольных противопожарных и противохимических команд, санитарных дружин и аварийно-восстановительных подразделений. Покинув около трех часов ночи Кремль и зайдя в свои кабинеты, Щербаков и Пронин узнали о начале войны. И уже в 5 часов утра они приняли решение по приведению всех подразделений Московского ПВО в боевую готовность и по переводу предприятий Москвы на выполнение оборонных заданий.

Так же напряженно и деловито работали в эти часы партийные и советские органы Минска, Киева, Галлина, Риги, Вильнюса, всех областных центров западного региона стра-

¹ Военная мысль, № 3, 1965, с. 54.

² В.П. Пронин. Город-воин. В кн.: Битва за Москву. М., 1968, с. 453.

³ Военно-исторический журнал, № 10, 1991, с. 36.

ны. В то время как из Бреста, Белостока, Гродно, Львова и других приграничных городов командиры соединений и частей не могли вывести свои дивизии и корпуса для организации боя с врагом на местности, гражданские руководители под авиаударами, а порой и под прицельным артиллерийским огнем, загружали и отправляли на восток со своих областных и районных центров станки и оборудование, предназначенные для выпуска военной продукции, и организовывали эвакуацию населения по тем мобилизационным планам, что были составлены ими до войны. Незаметный подвиг миллионов таких людей и заложил тот фундамент, на котором созидалась победа, и он же породил лозунг: «Все для фронта! Все для разгрома врага!»

Ночью, перед нападением фашистской Германии на нашу землю, рядом со Сталиным находились члены Политбюро и некоторые члены правительства. Его непрерывно информировали о положении на границе и перемещении вблизи нее сил вермахта нарком НКВД Л. Берия и нарком государственной безопасности В. Меркулов. Первыми о массовом нарушении воздушной границы Советского Союза гитлеровской авиацией наркому НКВД Л. Берии доложили командующие западными пограничными округами, у которых устойчиво работала связь, а потом от пограничников непрерывно пошли сообщения о начале нападения немецко-фашистских войск и завязавшихся смертельных боях вдоль всей государственной границы. Около трех часов ночи фашистские самолеты попытались атаковать силы Балтийского и Черноморского флотов, но они были встречены мощным огнем наших батарей, о чем в 3 часа 07 минут наркомом военно-морского флота Н. Кузнецовым было доложено Сталину¹. По линии партийных и советских органов власти с трех часов утра пошли непрерывные донесения в ЦК ВКП(б) и СНК о вражеских налетах на областные и районные центры, расположенных на западе в Белоруссии и Украине. Как только стали известны первые сообщения о нападении немцев, Сталин несколько раз звонил наркому обороны маршалу Тимошенко и пытался узнать у него обстановку на фронтах западного направления, и что предпринимает наркомат обороны для отражения вражеского вторжения, но получить ясную и содержательную оценку происходящих событий, и ответных решений не удавалось. Маршал просил предоставить ему время, чтобы он луч-

¹ Г.А. Куманев. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999, с. 295—296.

ше мог разобрался в обстановке. Но как он мог разобраться, если связь с командующими и штабами Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов, в полосе которых наступали главные силы немецко-фашистской армии, не работала или работала так плохо, что составить общее представление о масштабах вторжения и ответных действиях наших войск не представлялось возможным. Штабы приграничных округов отрывочными докладами, все время прерываемыми действиями диверсантов абвера и немецкими станциями постановки помех, сообщили о начале бомбардировок городов и аэродромов и о начале вторжения, но каков характер этого вторжения и какие силы в нем задействованы — таких оценок они не давали, да и не могли дать, потому что у них не было связи со своими армиями. В Наркомате обороны маршал Тимошенко долго не решался начавшиеся столкновения советских войск с немецкими у государственной границы признать за начало войны, а не за провокацию, о которых неустанно писала как советская, так и зарубежная печать, и только спустя четыре часа (в 7 часов 15 минут) после оценки событий на западной границе, он подписал первую директиву в войска о «необходимости уничтожить войска агрессора, перешедшие советскую границу». При этом он потребовал, чтобы при выполнении этого приказа, до особого распоряжения, наши войска государственную границу не переходили.¹ Я сообщаю это не для осуждения действий наркомата обороны, а для понимания читателем того мучительного состояния, в каком находятся все государственные деятели, на долю которых выпадает тяжелая и горькая участь признать и сообщить своему народу, что война, которую они всеми доступными способами хотели предотвратить или избежать, пришла.

В 2 часа ночи к министру иностранных дел В. Молотову стал срочно просится на прием посол фашистской Германии в Советском Союзе граф фон Шуленбург с важным правительственным сообщением. Не было сомнений, что германский посол собирался вручить официальную ноту об объявлении войны. В. Молотов, посоветовавшись со Сталиным, не принимал его до 6 часов утра и лишил фашистское руководство международной юридической основы для объявления войны.

В германской ноте безапелляционно утверждалось, что «советское правительство предало и нарушило договоры и соглашения с Германией. Ненависть большевистской Москвы к национал-социализму оказался сильнее политического разу-

¹ Советская историческая энциклопедия, т. 3. М., 1963, с. 75.

ма... Большеви́стская Москва готова нанести удар в спину национал-социалистической Германии, ведущей борьбу за существование. Правительство Германии не может безучастно относиться к серьезной угрозе на восточной границе — поэтому фюрер отдал приказ германским вооруженным силам всеми силами и средствами отвести эту угрозу...»¹

К этому времени в Москве уже было известно содержание речи А. Гитлера, зачитанное в 5 ч. 30 мин. Геббельсом по Берлинскому радио, в котором он обрушился на «международный всемирный заговор» во главе которого стояли Англия и Советская Россия. Гитлер объединил эти две страны как главных врагов Германии, без разгрома которых у немцев «не будет будущего». Лицемерно говоря о необходимости войны с Советским Союзом, он убеждал немцев, что на «протяжении двух последних десятилетий еврейско-большевистские правители Москвы старались поджечь не только Германию, но и всю Европу», и поэтому он «решил снова вложить судьбу Германского рейха... в руки наших солдат». Приказ солдатам Восточного фронта, почти буквально совпадавший с данным обращением, был зачитан в войсках вермахта вечером 21 июня, и в полночь его передавало британское радио, которое с особой тщательностью было прослушано в Кремле.

Если немецко-фашистское нападение не являлось неожиданностью для Советского правительства в общеполитическом и стратегическом смысле, то в тактическом отношении оно было внезапным. Эта внезапность способствовала первоначальному успеху «молниеносных» ударов гитлеровской армии вторжения. Немецко-фашистская авиация в первый день войны нанесла ряд массированных ударов по нашим аэродромам и вывела из строя значительную часть советской авиации. Это позволило врагу получить господство в воздухе, а сухопутные силы немцев захватили стратегическую инициативу. Внезапной война оказалась и для войск Западного фронта, где командующим фронтом генералом армии Д. Павловым велась сознательная вредительская деятельность по подрыву боевой готовности войск, что губительно сказалось на их способности к сопротивлению и привело к крупному поражению советских войск в приграничном сражении.

¹ Нота МИД Германии от 21 июня 1941 г.

ГЛАВА IX

Нападение фашистской Германии на Советский Союз. — Меры Советского правительства по мобилизации народного хозяйства страны на отпор врагу. — Разгром Западного фронта. — Создание Совета по эвакуации. — Образование Государственного Комитета Обороны во главе со Сталиным

21 июня, в конце дня, на прием к Сталину записались нарком обороны маршал С. Тимошенко и начальник Генерального штаба генерал армии Г. Жуков и, придя к нему, они попросили у председателя правительства разрешения отправить в войска директиву о приведении войск в полную боевую готовность. Ее должны были подписать Тимошенко и Жуков, и совсем не обязательно нужно было согласовывать ее текст со Сталиным. Но, хорошо зная обстановку в войсках и, с их разрешения допущенные разные подходы к приведению войск в боевую готовность, два военачальника решили упорядочить содержание работы командующих округами, послав им новую директиву, текст которой они посчитали нужным показать председателю правительства. Прочитав ее содержание, Сталин спросил их:

— Зачем вам эта директива? Ведь правительство еще 19 июня разрешило вам привести приграничные войска в полную боевую готовность. Какие еще нужны вам решения?

Маршал Тимошенко медлил с ответом, но Жуков быстро нашелся:

— Нам это нужно, чтобы в войсках было разрешено вскрыть красные пакеты, в которых расписаны все действия войск на случай войны.

В полном недоумении Сталин спросил:

— Тогда чем же занимались войска все эти трое суток!?

Видя смущение руководителей Наркомата обороны, и не удовлетворившись их ответами, Сталин сказал:

— Директива слишком длинная. Идите и составьте ее покороче, на пол-листа.

Вскоре директива была подготовлена и Сталин, не внося в нее никаких изменений, разрешил отправить ее в войска.

До начала войны оставалось не более семи часов, и этого времени было вполне достаточно, чтобы все боевые части приграничных округов были подняты по боевой тревоге и заняли свои боевые позиции и районы. Приглашенный к исходу

дня к маршалу С. Тимошенко нарком военно-морского флота Кузнецов Н.Г., предвидя обсуждение важной проблемы, взял с собой заместителя начальника военно-морского штаба адмирала Алафузова В.А., а прочтя директиву, он тут же сказал ему: «Беги в штаб и поскорее объяви флотам оперативную готовность №1». Все три флота ждали этого сигнала и они успели провести все подготовительные мероприятия по отражению воздушного нападения и когда фашистские стервятники появились над Севастополем, Николаевым, Кронштадтом и Таллином — их встретили таким сильным заградительным огнем, что они вынуждены были избрать другие цели или вернуться на свои аэродромы.

Совсем не так складывалась обстановка в наркомате обороны. Маршал Тимошенко, несмотря на многочисленные подтверждения фактов, свидетельствующих о приближении войны, по-прежнему не был склонен считать обстановку критической, и продолжал сомневаться в необходимости отдавать приказ о прямых приготовлениях войск к войне. Осторожность была той чертой характера, которая превалировала в нем, и он продолжал верить в мирный исход советско-германских противоречий. И даже когда война началась, маршал в первые часы не хотел в это верить.

Отдав офицерам Генштаба директиву для ее кодирования, маршал Тимошенко предложил Жукову зайти в Главное разведывательное управление, где шла командно-штабная игра с практической отработкой поступавших от резидентов советской разведки и разведывательных отделов округов сообщений о подготовке немецко-фашистских войск к нападению, и где он надеялся найти для себя новые доказательства о неотвратимости войны, чтобы прибавить себе решимости.

Оба руководителя Наркомата обороны вернулись в свои кабинеты в первом часу ночи, и только тогда была подписана директива, содержание которой приводится ниже.

Директива наркома обороны Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала армии Г.К. Жукова:

«1. В течение дня 22—23.6.41 г. возможно нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

*Тимошенко, Жуков*¹.

21.6.41.

Этот важнейший документ поступил в штаб Западного Особого военного округа в 1 час 45 минут 22 июня, но в армии и дивизии это распоряжение поступало уже под грохот вражеской артиллерии и огня атакующих немецких войск².

А в начале второго часа ночи маршал С. Тимошенко, вызвав командующего войсками Западного Особого военного округа генерала армии Д. Павлова на службу, говорил ему: «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может что-нибудь и случится неприятное, но смотрите ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните». Маршал не верил в возможность нападения фашистской Германии на Советский Союз и это неверие дорого стоило нашей стране.

На рассвете 22 июня фашистская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, внезапно, без объявления войны, обрушила на войска приграничных округов удар огромной силы. Сильным бомбардировкам подверглись города Мурманск, Каунас, Минск, Киев, Одесса, Севастополь и другие. Используя значительное общее превосходство в силах и внезапность нападения, немецкое командование имело подавляющее превосходство на направлениях, избранных ими для нанесения главного удара. Они создали четыре основные ударные группировки:

— в районе Тильзита для удара в направлении на Даугавпилс;

— в Сувалкском выступе для удара в направлении на Ораны, Минска;

¹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т1. М., 1978, с. 236—237.

² ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 881474, д. 5, л. 96.

— в районе западнее Бреста для удара в направлении на Барановичи, Минск;

— в районе юго-восточнее Люблина для удара в направлении на Житомир, Киев.

На участках, где были сосредоточены ударные группировки противника, основную силу которых составляли танковые группы, немцы имели трех-пятикратное превосходство в количестве дивизий против развернутых для обороны границы советских войск. А на участке государственной границы, за который отвечал Западный фронт, в обороне не было ни одной дивизии.

Как бы государство, армия и народ ни готовились к войне, для миролюбивой нации ее начало всегда бывает внезапным. Никогда ни один народ и ни одно государство, не готовившееся к нападению, не способно выдержать заранее подготовленный удар противника без потерь и первых поражений, которые нередко приводят к поражению в войне. Выигрывает то государство, где военное руководство страны в предвидении неизбежного вражеского нападения, выбирает несколько путей отражения вторжения противника и учит войска быстро переходить от одного способа ведения войны к другому, если того требует обстановка. Так поступил главнокомандующий французской армией Ж. Жоффри, когда в самом начале Первой мировой войны ему стало ясно, что войска кайзеровской Германии готовят ему второй Седан в Бельгии, где были сосредоточены главные силы французской армии. Проиграв приграничное сражение, он сумел увести французскую армию от окружения и перед Парижем, во время Марнского сражения, сумел переломить ход войны и выйти из нее победителем.

Накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз в Наркомате обороны имелся только один вариант отражения возможной агрессии, и этому способу ведения войны было подчинено стратегическое построение войск, которое в первый же день войны не выдержало испытания

Полная неясность обстановки на фронтах в течение нескольких дней не дала возможности наркомату обороны и образовавшейся 23 июня Ставке Главного Командования во главе с маршалом С. Тимошенко принять другое решение — перейти к стратегической обороне, к которой нужно было прибегнуть в первый же день войны. Сталин совершил большую ошибку, передоверив военным руководителям ведение войны в ее первые дни. Думаю, он был слишком доверчив и перед войной, оставляя за военными право принимать решения о готовности Красной Армии к войне. Его огромная занятость в мобилизации населения и народного хозяйства страны на

нужды войны в первые дни, в какой-то степени оправдывает его и показывает, что уже тогда он предвидел длительную войну и взялся спасти то, что было крайне важно для государства: ее промышленность и кадры, работавшие в ней, чтобы армия для продолжения борьбы могла получать вооружение и боеприпасы. Это было главное. Он, как и все члены ЦК ВКП(б) и правительства, продолжал надеяться, что наркомат обороны и Ставка Главного Командования, в которую в качестве равноправного члена вошел и он сам, смогут имеющимися силами отразить вторжение немецко-фашистских войск и выбросить зарвавшегося агрессора за пределы своей территории. Ведь к войне готовились, и военные руководители убеждали правительство и советский народ, что армия и флот непобедимы, а посягнувший на страну враг будет разбит. Об этом слагались песни. Никто перед войной не мог предположить, что Красная Армия окажется битой в первых сражениях, да еще будет утрачено управление войсками, что приведет к катастрофе. Уделяя много внимания боевым действиям на всех фронтах и занимаясь одновременно переводом всего народного хозяйства страны на военные рельсы, Сталин ежедневно интересовался положением дел на фронтах, пока окончательно не осознал, что без его личного участия в руководстве войной выйти из трудного положения, в каком оказалась армия и Генштаб, потерявший управление войсками просто невозможно. И с 27 июня Сталин практически возглавил руководство боевыми действиями на фронтах, одновременно занимаясь разработкой положения о создании Государственного Комитета Обороны и Ставки Верховного командования.

Как же встретили войска приграничных округов войну? И в каком состоянии они находились?

Северный фронт.

Для защиты государственной границы в полосе этого фронта планировалось выделить 7 полков, которые должны были прикрыть семь операционных направлений и 4 стрелковые дивизии на Карельском перешейке от района Сортавала до Финского залива¹. За несколько дней до войны командование Ленинградского военного округа все эти части и соединения выдвинуло к государственной границе, и когда немецко-фашистская армия «Норвегия» начала вторжение на Мурманском, Кандалакшском и Ухтинском направлениях — они встретили достойный отпор. Перешедшие 26 июня в наступление основные силы финской армии также успеха не имели.

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 11600, д. 1062, л. 65.

Северо-Западный фронт.

Большую часть своих сил враг развернул севернее реки Припять, где в составе наших двух фронтов, Северо-Западного и Западного, имелось более 60 дивизий. Два фронта граничили с друг другом, но положение в них было совершенно разное. 17 июня, получив распоряжение из Москвы о выдвигении вторых эшелонов ближе к государственной границе, Военный Совет Северо-Западного фронта принял решение о приведении войск в полную боевую готовность и к исходу 21 июня его 13 стрелковых и танковых дивизий заняли оборону у государственной границы на предназначенных для них рубежах. Так 125-я стрелковая дивизия 11-го стрелкового корпуса 8-й армии находилась в местечке Баганяй, прикрывая Шяуляйское направление, а 19 июня она, совершив многокилометровый марш, прикрыла государственную границу на своем участке шириной 40 км — Пограмянтя, Тауреге, Бибишкяй, — имея передний край по восточному и северо-восточному берегу реки Юра. Рано утром дивизия была атакована из района Тильзита 4-й танковой группой немцев, имевшей в первом эшелоне три моторизованные дивизии. Весь день части дивизии успешно вели бой против многократно превосходящих сил врага, а один ее полк даже углубился на 8 км на территорию Восточной Пруссии. Удержать свой рубеж без поддержки дивизия не смогла, и она в конце первого дня войны начала медленный отход, ведя непрерывные бои и имея в полках по 200—250 солдат и офицеров. К 28 июня дивизия отошла к Шяуляю, где впервые получила небольшое пополнение.

Из Сувалковского выступа против 126-й и 128-й стрелковых дивизий, оборонявшихся на левом фланге 11-й армии Северо-Западного фронта, наступала 3-я танковая группа с двумя армейскими корпусами 9-й армии. Только в первом эшелоне враг имел десять дивизий, в том числе три танковые¹. Весь первый день войны наши дивизии, неся огромные потери, удерживали назначенные им рубежи и ожидали от армии и фронта поддержке в силах и средствах, но не получив ее, вынуждены были отступать. В день кровопролитного сражения 22 июня, когда потери советских войск были больше, чем потери на Бородинском поле в 1812 году, и когда было необходимо армейскими и фронтовыми резервами оказать поддержку дивизиям, обороняющим государственную границу, Наркомат обороны и Генштаб, не зная истинного положения на фронтах, направил в 21 час 15 мин. директиву №3 за подписью народного ко-

¹ Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1956, с. 20.

миссара обороны маршала С.К. Тимошенко, члена Совета секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова и начальника Генерального штаба Г.К. Жукова, которая требовала «организации решительных контрударов с целью разгрома вклинившихся группировок немецко-фашистских захватчиков»¹. В этой обстановке единственно правильным решением могло быть приказание войскам фронта отходить к Западной Двине, этому естественному рубежу, чтобы закрепиться на нем и с подходом резервов фронта и из центра организовать контрудары по наиболее вклинившимся танковым силам врага. Вместо этого нарком обороны приказал овладеть районом Сувалки.

Командующие и штабы, выполняя эту директиву, совершенно запутавшую действия войск, вместо направления механизированных корпусов и фронтовых резервов на помощь обороняющимся войскам, вынуждены были оставить их на произвол судьбы и заняться организацией контрударов, нанесение которых было бессмысленным и ненужным делом. Для успеха встречного сражения требовалось предвидение и заблаговременная подготовка, которая в мирное время отработывалась небрежно и кое-как. Войска, осуществлявшие встречное сражение, должны были захватить инициативу и упреждать противника во всех его начинаниях. Ничего этого не было видно в первых встречных сражениях начального периода Великой Отечественной войны.

Никакого контрудара не получилось. В небе безраздельно господствовала немецкая авиация, и она, как коршун, следила за малейшим скоплением наших войск и обрушивала на них такой смертоносный огонь, в котором за считанные минуты погибали полки и дивизии. 12-й механизированный корпус, развернувшийся для наступления 23 июня в районе Калжиненай и Немакшай подвергся такому сильному нападению с воздуха и понес такие потери, что в ночь на 24 июня он с трудом вышел из боя, и в нем осталось 35 танков, у которых не было горючего². Та же участь постигла и 3-й механизированный корпус фронта. Не получив поддержки, начали отступать и те дивизии, которые успешно оборонялись против врага у государственной границы. Все приграничные армии в первые же дни войны, выполняя непосильные для себя задачи — нанесение контрударов — лишились своей ударной силы — механизированных корпусов и танков, являвшихся основой их боевой мощи. Вслед за разгромом приграничной авиации это была тяжелая для нас утрата, восполнить которую страна смогла лишь к осени 1942 года.

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 3. М., 1975, с. 38.

² Там же, с. 23.

Передовые части 4-й танковой группы немцев к вечеру первого дня войны прорвались к реке Дубисе (35 км северо-западнее Каунаса), а войска 3-й танковой группы переправились через Неман в 60 км южнее Каунаса. Переправа через Неман была осуществлена немцами по мостам у Алитуса и Меречь, которые не были взорваны Из-за бездействия Западного фронта, не выделившего на прикрытие своего правого фланга ни одной дивизии, положение Северо-Западного фронта уже 23 июня начало резко осложняться. Гитлеровское командование сразу обнаружило незащищенную брешь между двумя фронтами и вместо фронтального наступления направило два корпуса в обход войск Северо-Западного фронта с востока. Теперь войска фронта, чтобы избежать окружения, должны были отбивать атаки противника с трех сторон, что заставило командующего генерал-полковника Кузнецова начать медленный отход в сторону Риги и Новгорода. В воздухе господствовала вражеская авиация, так как в первые три дня войны советская фронтовая авиация потеряла 921 самолет¹.

Командующий фронтом Кузнецов, потрясенный размахом наступления немецко-фашистских войск, в сложившейся обстановке стал утрачивать волю и холодную способность к размышлению и расчетливостью к действиям, а постоянные налеты вражеской авиации на его штаб, как только в нем начинали функционировать фронтовые радиостанции, побудила его ограничить их работу, что повело к окончательной утрате и так плохо поставленного управления войсками. Управление войсками фронта было повсеместно нарушено: армии, корпуса и дивизии отступали по расходящимся направлениям, без связи между собой и с вышестоящими штабами, увеличивая между собой разрывы, теряя последние возможности для организации взаимодействия, под непрерывной бомбежкой вражеской авиации. На третий день войны разрыв между Северо-Западным и Западным фронтами увеличился более чем на 100 км и в этот разрыв несудержимо двинулись подвижные дивизии немцев, охватывая наши войска, отступающие в Прибалтике, с востока. В боевых донесениях и оперативных сводках Северо-Западного фронта того времени часто мелькали слова: «...оперативная сводка от 11-й армии не поступала, сведений о действиях военно-воздушных сил нет... данных об обороне восточного берега р. Неман не имеем...», 5-я, 33-я, 188-я и 128-я стрелковые дивизии неизвестно в каком состоянии и где они находятся... 41-й стрелковый корпус — состояние не знаю...

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 881474, д.5. Л.1

войска СЗФ уже двое суток ведут бои на всем фронте... до сего времени ни в одном из звеньев командования нет сведений о силах и группировке противника...» и т.д.¹

Руководство фронта не сумело использовать выгодный естественный рубеж реки Западная Двина для организации обороны войсками второго эшелона — 27-й армией, и к водному рубежу раньше вышли передовые части группы армий «Север», с ходу овладев Даугавпилсом, а через три дня и плацдармом в районе Крустпилса. Вскоре была потеряна Рига, и это заставило Москву активнее вмешаться в события. Сталин все больше начинает вмешиваться в обстановку на фронтах и отдает распоряжение об усилении Северо-Западного фронта двумя корпусами из резерва. Одновременно он решает освободить командующего Северо-Западным фронтом генерал-полковника Ф.И. Кузнецова и его начальника штаба генерал-лейтенанта П.С. Кленова от их обязанностей и назначить на эти должности новых людей. С генералами, не справившимися с обстановкой, растерявшимися в ней и потерявшим управление войсками, его уже не восстановить — здесь нужны другие решения и совершенно новые люди для их выполнения.

Штаб фронта возглавил генерал Н. Ватутин, работавший рядом со Сталиным и замеченный им как сильный штабист, который вскоре станет талантливым полководцем Великой Отечественной войны. Фронт был усилен двумя корпусами, чтобы нанести контрудар с рубежа Б. Лубянка — Шванибахово в направлении Остров по вклинившейся группировке противника. Один из этих корпусов был механизированный, из состава Северного фронта, но от возлагаемых на него надежд вскоре пришлось отказаться, так как за несколько дней войны командование Северного фронта растаскало этот корпус по частям и воедино собрать его так и не удалось². Но вначале контрудар был успешным и город Остров был освобожден. Хронически не хватало авиации, и этим пользовались фашистские стервятники: они безнаказанно бомбили наши войска, не давая им развить успех. Сталин ежечасно интересовался обстановкой, но фронт не знал ее, так как он утратил связь с подчиненными войсками, не было связи и в частях корпуса. Трагедия первых дней войны происходила из-за потери управления армиями и корпусами, недостаточного обеспечения средствами связи штабов и войск, неумения работать с ними во время бомбежек, порывов, диверсий и помех со стороны противника, но зато устойчиво функционировала и бесперебойно рабо-

¹ Курочкин П.М. Сборник избранных статей. М., 1967, с. 51.

² Там же, с. 40.

тала гражданская сеть радиотелефонной связи страны, и к ней все чаще прибегали военные для своих нужд. Сталин тоже воспользовался гражданской связью и заставил маршала К. Ворошилова, главнокомандующего Северо-Западным направлением и Члена Военного совета А. Жданова разобраться — почему потеряно управление войсками при нанесении контрудара в направлении Остров, и что нужно сделать ГКО и правительству, чтобы войска имели устойчивые средства связи для управления войсками в любых условиях.

Ставка внимательно следила за ходом подготовки к новым схваткам с врагом. Вскрытые недостатки мгновенно устранялись. Северо-Западный фронт был усилен 34-й армией, и, при нанесении ею контрудара в направлении Дно, впервые с начала войны устойчиво и надежно работали радио и проводная связь с Генеральным штабом и со всеми взаимодействующими фронтами и армиями¹. Фронтовой контрудар, проводившийся силами 34-й армии, сначала проходил очень успешно. В первые дни нашим войскам удалось продвинуться на 60 км, создавая угрозу охвата группировки противника, рвавшегося к Ленинграду через Новгород и Чудово. Успех развить не удалось из-за той же острой нехватки нашей авиации, потерянной войсками в первый день войны, а немцы навалились на наши войска всей мощью своей авиации, которая действовала почти безнаказанно. Командование группы армий «Север» спешно перебросило в район Дно несколько танковых и моторизованных дивизий, что резко изменило соотношение сил в пользу противника, и 34-я армия стала отходить на рубеж реки Ловать, где фронт противостояния стабилизировался на несколько месяцев.

Западный фронт.

Войска фронта на прикрытие государственной границы, общей протяженностью 450 км, должны были направить 23 дивизии, в том числе 12 стрелковых, 1 кавалерийскую, 8 танковых и 2 мотострелковые дивизии, организационно входившие в состав 3-й, 10-й и 4-й армий²; но ни одна дивизия к выполнению этих задач не была привлечена.

В войсках фронта командующим войсками генералом армии Павловым в последние предвоенные дни поддерживалась полнейшая тишина: все приграничные армии вели размеренный мирный образ жизни, намеренно подчеркивая свое миролюбие. В это же время более 12 стрелковых дивизий Западного

¹ Курочкин П.М. Сборник избранных статей. М., 1967, с. 48—50.

² ЦАМО РФ. Ф.15, оп.11600, д.1062, л.68—69.

фронта, входивших в состав второго оперативного эшелона, медленно сосредотачивались в обширном районе: Лида — Быхень (50 км юго-западнее Барановичи), Слуцк — Минск — Молодечно. Перемещавшиеся в этот район дивизии были небоеспособны: у них было ограниченное количество боеприпасов к стрелковому вооружению, а артиллерии и зенитных средств вообще не было. В этом же районе дислоцировался 17-й механизированный корпус, а в примыкающем к нему районе — 20-й механизированный корпус. Оба корпуса танков не имели¹. Таким образом, войска Западного округа, дислоцированные в центральных и восточных районах Белоруссии, в момент нападения фашистской Германии находились в процессе сосредоточения, причем дивизии, наиболее выдвинутые на запад, выгружались или располагались в 150—200 км от государственной границы, в то время как некоторые дивизии были удалены от нее на 350—400 км. Весь округ находился в хаотическом движении, без осознанного понимания командным составом того, для чего все это делалось.

На направлении Брест — Барановичи в первый день войны враг не встретил никакого сопротивления — немцы не успевали расстреливать разбегавшихся из военных городков и летних лагерей солдат и офицеров, которые не имели патронов к своему оружию. К тому же немцам, из-за беспечности и ротозейства советского командования, удавалось захватить очень важные объекты в приграничной полосе, которые должны были быть взорваны или разрушены. Ни один мост через Буг, Неман и другие приграничные реки не был подготовлен к взрыву, и по ним проследовали фашистские танки и бронемашины.

Так, начальник Генерального штаба германской сухопутной армии Гальдер в конце первого дня войны записал в своем дневнике: «Утренние сводки сообщают, что все армии, кроме 11-й перешли в наступление согласно плану. Наступление наших войск явилось для противника полной тактической внезапностью. Пограничные мосты через реку Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах покрытые брезентами, части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать»².

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 11600, д.1062, л.83.

² Архив военно-исторического отдела Генерального штаба, № 480, л. 38.

Высокая степень моторизации немецко-фашистских войск позволяла ее ударным группировкам стремительно развивать наступление, с ходу преодолевать водные преграды, обходить с флангов советские соединения, и неожиданно появляться в глубоком тылу обороняющихся войск. Уже к исходу первого дня войны передовые части 2-й и 3-й танковых групп немцев продвинулись в глубь советской территории на 40—60 км, а их разведывательные подразделения на 100—120 км, очертив своим появлением зону окружения 3-й, 4-й и 10-й армий Западного фронта. Сюда, на белорусское направление, где не было сопротивления советских войск, командующий войсками группы армий «Север» 23 июня перенацелил два моторизованных армейских корпуса, и они начали осуществлять угрожающий фланговый маневр против войск Северо-Западного фронта.

В первые дни войны в войсках Западного фронта, не готовившихся к боям и отступающим под ударами превосходящих сил врага, творилась полная неразбериха, переходящая в панику. Отдельные полки и даже дивизии не знали своих задач, и, утратив с первых часов войны проводную связь с вышестоящими командирами и штабами, действовали по своему усмотрению. 3-я армия, штаб которой дислоцировался в Гродно, имела лишь одну исправную рацию, но связь со штабом фронта так и не была установлена. В армии сложилось чрезвычайно тяжелое положение с боеприпасами, по несколько патронов на солдата, и, находясь в штатах мирного времени, они не были обеспечены автотранспортом и тракторами. Артиллерийские склады и базы снабжения командующему армией не были известны, и 4-я танковая дивизия этой армии «пыталась атаковать противника, не имея боеприпасов»¹. Не лучше обстояло дело и в других армиях Западного фронта.

Отступая, наши войска, из-за нехватки средств связи и умения работать с ними, не могли дать никаких сообщений о своем положении, и первая информация о состоянии и положении войск Западного фронта в Генеральный штаб поступила около 20 часов 26 июня, к исходу пятого дня войны². В Бресте, непосредственно у границы, в крепости, располагались две стрелковые дивизии и одна танковая, они в первый же день подверглись разгрому. Все, кто спасся от мощных авиационных и артиллерийских ударов фашистов: военные, пограничники, гражданские и дети — забаррикадировались в Брестской кре-

¹ ЦАМО РФ, Ф. 15, оп. 977444, д. 54, л. 9—11.

² Там же, л. 14—15.

пости и сражались с врагом до конца июля, оттягивая на себя несколько дивизий врага, которых недоставало в других сражениях, где на них рассчитывало германское командование¹.

Когда военные руководители разных рангов Западного фронта оказались неспособными организовать оборону и управление войсками, то в это же время советские и партийные работники областей и республики Белоруссии буквально из рук врага выхватывали ценное оборудование заводов и фабрик и под бомбежками вывозили на восток, согласно мобилизационному плану Советского правительства. Когда на пятый день войны фашистские войска ворвались в Минск, там все заводские корпуса были пусты; все ценное оборудование и станки, необходимые для выпуска военной продукции и вооружения для нашей армии, были вывезены в район Поволжья и Урала. Это был подвиг власти и народа, не побежавших от врага, и не дрогнувших под его авиационными ударами.

Отдельные командующие армиями Западного фронта так плохо и неумело руководили войсками, что это было заметно даже руководителям областей, где эти армии приняли первые бои. 25 июня секретарь Брестского обкома КП(б) Белоруссии М.Н. Тупицын, ставший с началом войны Членом Военного Совета 4-й армии сообщал в Москву: «Обком КП(б) Белоруссии считает, что руководство 4-й армии (командующий армией генерал-лейтенант Коробков А.А. — *Авт.*) оказалось не готовым организовать и руководить военными действиями. Это подтверждается целым рядом фактов, в частности: вторжение немецких войск на нашу территорию произошло так легко потому, что ни одна часть и соединение не были готовы принять боя, поэтому вынуждены были или в беспорядке отступать, или погибнуть. В таком положении оказалась 6-я и 42-я стрелковые дивизии в Бресте и 49-я стрелковая дивизия — в Высоковском районе.

В Брестской крепости на самой границе держали две стрелковые дивизии, которым даже в мирных условиях требовалось много времени для того, чтобы выйти из этой крепости и развернуться для военных операций. Кроме того, несмотря на сигнал военной опасности, командный состав жил в городе и на квартирах. Естественно, при первых выстрелах среди красноармейцев создалась паника, а мощный шквал немецкой артиллерии быстро уничтожил обе дивизии. По рассказам красноармейцев, которым удалось спастись, заслуживает внимание и тот факт, что не все части и соединения имели патроны, не было патронов и у бойцов.

¹ С.С. Смирнов. Герои Брестской крепости. М., 1961.

В 49-й стрелковой дивизии, после первых же выстрелов, также произошло смятение. Разработанный заранее план действий на случай войны не был изучен командирами подразделений и, как рассказывает секретарь Высоковского РК КП(б)Б т. Рябцев, командир 49-й стрелковой дивизии только в его присутствии стал давать распоряжения подразделениям, но было уже поздно...

Можно было привести много примеров, подтверждающих, что командование 4-й армии, несмотря на то, что оно находилось в приграничной области, не подготовилось к военным действиям.

Вследствие такого состояния с первых же дней военных действий в частях 4-й армии началась паника. Застигнутые внезапным нападением, командиры растерялись. Можно было наблюдать такую картину, когда тысячи командиров (начиная от майоров и полковников и кончая младшими командирами) и бойцов обращались в бегство. Опасно то, что эта паника и дезертирство не прекращаются до последнего времени, а военное руководство не принимает решительных мер. Работники обкома партии вместе с группой пограничников пробовали задерживать бегущих с фронта. На шоссе около Ивацевичи нам временно удалось приостановить это позорное бегство. Но здесь необходимо принять более серьезные и срочные меры борьбы со стороны военного командования. Возмутительным фактом является и то, что штаб армии не установил связь с обкомом, выехал на командный пункт за город, потеряв связь со своими частями. Таким образом, многие командиры и политработники вместо организации эвакуации в панике бежали из города, в первую очередь спасая свои семьи, а красноармейцы бежали в беспорядке»¹.

Еще более тревожное положение складывалось в авиационных частях Западного фронта. Военно-воздушные силы фронта состояли из 6 авиационных дивизий, насчитывавших в своем составе 1560 самолетов. Большая часть этих самолетов располагалась на аэродромах, удаленных от государственной границы на 8—20 км и все они в первые часы нападения подверглись мощным и внезапным ударам с воздуха. Их легко было уничтожить: они были покрашены в серебристый цвет и выставлены на аэродромах стройными рядами как на параде. Из состава авиации округа к середине дня 23 июня было уничтожено 806 самолетов, в том числе все 100 самолетов новой конструкции «яков»². Правда, были отмечены сразу и исклю-

¹ Известия ЦК КПСС, №6, 1990, с. 204—205

² ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 8814714, д.5, л. 64, 103

чительные по своей смелости и жертвенности подвиги. В первый день войны советские летчики совершили 15 таранов, и большая часть их была совершена из-за отсутствия у них боеприпасов к летному вооружению и самого вооружения, что подчеркивает безмерную решимость советских летчиков сражаться с врагом до последнего.

Противник, воспользовавшись неразберихой и паникой в войсках первого эшелона, в первые дни войны на путях отхода войск, выбрасывал сотни диверсионных групп в советской форме, чтобы сеять хаос и деморализацию в войсках и нарушать управление. Только в первый день войны десантные группы были выброшены восточнее Белостока, в районах Слепянки, Велико-Берестовицы, Радунь, Зельвы, Домашево — всего до 1600 диверсантов¹, и много солдат и офицеров погибнет от их рук, пока ко всем не придет осознание необходимости высокой бдительности и беспощадности к врагу, подкрепляемой жесткими действиями своих контрразведывательных органов.

Из-за отсутствия связи утренняя директива №2 Наркомата обороны, требовавшая изгнания врага с нашей территории, до приграничных армий Западного фронта доведена не была и командующие этими армиями под давлением превосходящих сил противника начали отводить сохранившиеся войска на восток, что могло улучшить их положение и спасти от разгрома. Но в это время с помощью представителей Генштаба, работавших в штабе Павлова, до командующих 3-й, 4-й и 10-й армий была доведена директива №3, содержание которой вызвало у командармов оторопь. Главный Военный Совет Красной Армии 22 июня в 21 час 15 мин. потребовал «силами армий и авиации Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов перейти к встречным наступательным действиям с решительной целью разгрома ударных группировок вторжения, изгнания их за пределы нашей Родины и перенесения боевых действий на территорию противника»². Для выполнения указанных контрударов на Сувалки и Люблин предусматривалось использование механизированных корпусов всех армий Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов. Некоторым из них до районов боевых действий надо было пройти вдоль линии фронта по 200 и более километров. Но механизированные корпуса армий Северо-Западного фронта и 4-й армии Западного фронта просто невозможно было снять с участка своих армий, так как они оказались уже связанными боями. А войска 3-й армии Западного фронта

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, О.977444, д. 54, л.7

² Военная мысль, №1, 1963, с. 65.

в первый день войны понесли такие большие потери, что это вызвало повальную панику среди солдат и офицеров армии и их беспорядочное бегство в глубь страны.

Вызывает удивление, что проведение такой крупной стратегической наступательной операции, требовавшей взаимодействия и единого управления несколькими фронтами, наркомат обороны возложил на фронты, а не взялся проводить ее сам. Нетрудно заметить, что маршал С. Тимошенко отправлял эту директиву от безысходности, больше для видимости решительных действий и отчета перед правительством о принятых мерах, нежели для пользы дела. Стратегические операции такого масштаба Наркомат обороны и Генштаб научатся проводить под руководством Сталина, которому от роду было дано глубокое понимание сущности вооруженной борьбы и способность сплотить миллионы людей для организованного участия в этой борьбе.

Получив приказы на нанесение контрударов, командиры механизированных корпусов Западного фронта пытались их выполнить, совершенно не задумываясь над тем обстоятельством, что сложившаяся обстановка на второй и третий день войны совершенно исключала необходимость нанесения такого удара. Они наносили контрудар на запад, в то время как подвижные танковые группы противника были у них уже в тылу. Эти контрудары наносились разрозненно, без поддержки авиации и артиллерии и других родов войск и они были похожи на самоубийство — ведь в воздухе господствовала вражеская авиация. Гитлеровское командование даже отводило свои войска в сторону, зная, что через несколько десятков километров вся сила механизированных корпусов иссякнет от нехватки горючего в старых танках и малого количества, или полного отсутствия боеприпасов к ним.

Все попытки командармов приграничных армий и командиров механизированных корпусов хоть как-то изменить сложившуюся обстановку ни к чему не привели, и они, потеряв все танки, с оставшимися силами, были вынуждены с тяжелыми боями пробиваться на восток, к своим. Брестская крепость и Налибокская пуща, куда стягивались отступавшие крупные силы советских войск, не сдавались, вели отчаянную борьбу, и приковали к себе до десяти пехотных дивизий, и это сказывалось на темпах дальнейшего наступления гитлеровских войск на Смоленск и Москву.

Сложившаяся к исходу 22 июня обстановка диктовала наркомату обороне вместо проведения контрударов, дать немедленно указание о переходе к обороне на выгодных рубежах, и к этому виду боевых действий привлечь все войска пригра-

ничных округов. Это тем более необходимо было сделать, так как над полем боя всех встречных сражений господствовала вражеская авиация, а советская авиация, потерявшая в первый день войны более тысячи самолетов, все еще не могла оправиться от этого шока и летчики были в поиске новых способов организации армейской авиации и борьбы с врагом. Помимо господства вражеской авиации, наносившей большой урон советским войскам, вскрылась плохая подготовка командующих и их штабов для управления войсками, неумение командиров высокого ранга организовывать взаимодействие, и полная неготовность оперативного и войскового тыла обеспечить войска всем необходимым.

Уже после нескольких дней войны советские войска стали испытывать острую потребность в обеспечении войск вооружением, боеприпасами и продовольствием. Все основные склады с запасами материальных средств размещались в 30—80 км от государственной границы, и в первые дни войны все они были захвачены немцами. Более 60 окружных складов, в том числе 10 артиллерийских, 25 — горючего, 14 — продовольствия, 3 — автобронетанковых, достались врагу¹. Созданному 30 июня ГКО пришлось в числе первоочередных задач решать проблему жизнеобеспечения действующей армии, и из внутренних округов в короткие сроки были направлены сотни железнодорожных эшелонов для пополнения войск всем. А в конце июля Сталин создал в вооруженных силах совершенно новые структуры тыла, динамично встроенные в армейскую жизнь, и организационно выдержавшие испытание войной.

Армия оказалась самым недееспособным организмом в системе советского государства, и ее надо было воссоздавать заново, на новой основе, на других принципах, которые требовала пришедшая война. И Сталин, возглавивший 30 июня Государственный Комитет Оборона и принявший на себя обязанности Верховного Главнокомандующего, а в июле и должность народного комиссара обороны, за очень короткий промежуток сумел перестроить все организационно-штатные структуры армии на основе опыта войны и сделать их живучими, хорошо управляемыми, с высокой исполнительностью и крепкой дисциплиной. Победу над фашистской Германией одержала не та армия, что встретила войну, а та, что была создана заново.

Положение на Западном фронте было настолько тревожным и по характеру развернувшихся там боев настолько тяжелым, что в семь часов утра 22 июня Сталин, так и не сумевший

¹ Военно-исторический журнал, №8, 1966, с. 18—19.

связаться с командующим Западным фронтом, позвонил первому секретарю ЦК ВКП(б) Белоруссии П. Пономаренко и поинтересовался как в республике идут дела. Услышав, что правительство республики, в соответствии с мобилизационным планом, начало эвакуацию военных заводов из Брестской и Гродненской области на восток, Сталин попытался возразить: «не рано ли?», но потом, после мгновенного осмысления этой проблемы, ответил: «Впрочем, это ваше решение» и продолжал: «Товарищ Пономаренко! Вы ведь являетесь членом Военного Совета Западного фронта и вам нужно выехать в штаб фронта, потому что от Павлова у нас нет никаких вестей. Поезжайте к нему и попробуйте разобраться в обстановке, что сложилась в войсках и его штабе и сообщите мне ее не позднее полудня»¹. Доклад Пономаренко был очень тревожным. Он сообщил Сталину, что генерал Павлов растерян до неузнаваемости и что управление войсками в штабе фронта утеряно.

В полдень 22 июня Тимошенко и Жукова вызвал Сталин, чтобы узнать более подробно обстановку на фронтах и оценить ее, но военные руководители знали ее плохо и по всему было видно, что такое же положение сложилось на всех фронтах. Тогда Сталин распорядился, чтобы на Западный фронт, там, где тревожнее всех была обстановка, для оказания помощи войскам отправились маршалы Б.М. Шапошников и Г.И. Кулик, на Северо-Западный — генерал-полковник О.И. Городовиков, а на Юго-Западный — Г.К. Жуков. Тимошенко попытался оставить Жукова в Москве, однако Сталин не согласился и предложил временно возложить обязанности начальника Генштаба на Н.Ф. Ватутина².

В эти же часы Сталин узнал об огромных потерях авиации в войсках Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов и о ее полном бездействии в первый день войны. Из различных источников в правительство поступили сообщения, что в этих трех приграничных округах со всех боевых самолетов за день до начала войны, по приказу командующих авиацией этих округов, было снято все вооружение и 22 июня летчики взлетали безоружными, и в этой неравной схватке с фашистскими асами они совершили в первый день войны 15 героических таранов.

Никто так больше не занимался в правительстве авиацией и никто так лучше ее не знал, как Сталин, и он был поражен бездействием военной авиации в первые часы войны и за-

¹ Г.А. Куманев. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999.

² Военно-исторический журнал, №3, 1995, с. 42.

подозрил в этом открытую измену со стороны отдельных лиц высшего летного командного состава. Он знал, что по численности самолетов наши ВВС ни в чем не уступали германской авиации. Только в составе ВВС Юго-Западного фронта имелось около 2 тыс. боевых самолетов, (из них 30% — самолеты новых конструкций, ни в чем не уступающих немецким), а в Запорожье еще дислоцировался 4-й корпус ДБА, имевший в своем составе 350 бомбардировщиков, что обеспечивало более чем пятикратное превосходство над противником. Вскоре стало известно, что в составе группы армий «Юг» имелось 109 истребителей и 247 бомбардировщиков.

Арестованный за две недели до начала войны генерал-лейтенант Смушкевич Яков Вольфович, долгое время возглавлявший Главное управление ВВС Красной Армии, подозревался «в ведении вражеской работы, направленной на поражение Республиканской Испании, и снижение боевой готовности ВВС Красной Армии». Он отрицал свою вину в измене родине, хотя у следователей уже были признательные показания бывшего начальника разведывательного управления Красной Армии генерала Берзиня Я.К. о том, что находясь в Республиканской Испании в должности Главного военного советника, он, вместе с генералом Смушкевичем, являвшимся Главным советником ВВС в Испании, принуждал советских летчиков к измене родине. Впоследствии станет известно, что и Берзинь и Смушкевич были выходцами из Курляндии и после Октябрьской революции они были посланы в Советскую Россию как агенты немецкой разведки.

Через несколько часов после начала войны Смушкевич был с особым пристрастием допрошен следователями наркомата безопасности, и выдал целый ряд генералов, предавших свою родину при выполнении интернационального долга в Республиканской Испании. Этим летчиков, при пособничестве Берзиня и Смушкевича, путем обмана и мошенничества, люди Канариса из германского Абвера затаскивали в подвалы Мадрида, или Барселоны и чтобы склонить их к измене родине и к ним применяли такие пытки, которые не снились сарацинам и инквизиторам. Появление в комнатах пыток в минуту наивысших истязаний советских летчиков их непосредственных начальников — Берзиня или Смушкевича, также склонявших их к измене, было последним доводом для истязаемых, чтобы спасти свою жизнь. Упорствующих ждала смерть на чужой земле, а порой еще и подложный документ о предательстве, который абверовцы обещали отпраздновать на родине, если они не согласятся на работу на пользу германской разведки.

Признательные показания Смушкевича тут же заставили власть действовать, а так как механизм госбезопасности, несмотря на начало войны, продолжал работать бесперебойно, то возмездие не заставило себя долго ждать. Уже в полдень 22 июня было дано разрешение на арест командующего авиацией Западного фронта генерала Копца И.И., но он, при появлении чекистов, успел застрелиться. На другой день в телефонном разговоре с Пономаренко Сталин сообщил ему: «Да, чуть не забыл. Смушкевич показал, что Копец является немецким шпионом. Командующим авиацией назначен его заместитель. Присмотритесь к его качествам. Расскажите об этом Павлову...»¹

Через день были арестованы командующий ВВС Красной Армии генерал Рычагов П.С. и командующий авиацией Юго-Западного фронта генерал Птухин Е.С., а 26 июня такая же участь постигла командующего авиацией Северо-Западного фронта генерала Ионова А.П. Все эти генералы воевали в Испании и действовали там под непосредственным руководством Смушкевича.

В прискорбные времена Хрущева, чтобы очернить Сталина и обвинить его в несправедливых репрессиях, всех этих генералов реабилитировали и заставили нас чтить память этих людей. Но как же нам нужно повиниться и чем же нам вознаградить десятки и сотни тысяч солдат и офицеров Красной Армии за те великие потери, которые они понесли из-за измены и предательства отдельных руководителей военной авиации в округах и в Главном штабе ВВС в канун войны и в первые дни ее ведения? В войнах далекого и близкого прошлого не было ни одной без подкупа и предательства должностных лиц государства и счастлива судьба нашей армии и страны, что измена в высших военных эшелонах авиации была своевременно вскрыта и решительна пресечена Сталиным в первые же ее дни.

Председателю правительства и военным руководителям наркомата обороны еще не ясно было, где противник наносит главный удар, но Сталин придавал очень большое значение удержанию Украины, и там же находилась самая крупная группировка советских войск, с которой связывались большие надежды по отражению нападения немцев. Кроме того, Сталин знал, что в плане войны против Советского Союза гитлеровское командование придавало большое значение захвату Украины. Овладение этим важнейшим промышленным и сельскохозяйственным регионом, по мнению гитлеровского командования, должно было привести к быстрой победе над СССР. В своих расчетах они исходили из того, что потеря Ук-

¹ Неман, №7—8, 2008 г.

раины приведет к утрате важных промышленных районов Криворожья, Никополя и Донбасса, лишит нашу страну крупных продовольственных ресурсов и одновременно заметно увеличит военно-экономические возможности фашистской Германии и обеспечит быстрое проникновение немецко-фашистской армии на Северный Кавказ и в Закавказье.

Для выполнения этих целей немецко-фашистское командование сосредоточило на южном направлении крупные силы группы армий «Юг» в составе 6-й, 17-й и 11-й армий и 1-ю танковую группу, 3-ю и 4-ю армию румын и венгерский корпус. На это же направление в начале войны прибыли словацкий и итальянские корпуса. В сражениях на Украине летом 1941 года участвовало более 40 пехотных, 7 танковых и 5 моторизованных дивизий немецко-фашистской армии, 13 пехотных дивизий и 13 бригад стран-сателлитов. Всего на этом направлении противник имел до 80 дивизий и бригад, около 1000 танков и 1300 самолетов¹.

Но и Юго-Западный фронт представлял большую силу. В его составе имелось 957 тыс. человек, 12 604 орудий и минометов (без 50-мм), 4783 танка и 1759 самолетов². По количеству танков Юго-Западный фронт был самым мощным из советских фронтов, и имел в своем составе семь механизированных корпусов.

В тот же день Жуков был в районе Тернополя, где его встречал Н.С. Хрущев. И здесь ход событий шел не так, как их предполагали накануне войны. Немецко-фашистские войска теснили наши приграничные армии, но здесь не было ощущения разгрома и полной неразберихи, что было характерно для Западного фронта. Здесь организованно, с марша дивизии вступали в бой, и огромной ценой им в первые дни войны удавалось сдерживать натиск врага, теремящегося к Луцку и Бродам и наносить ему тяжелые потери. Соотношение сил было явно не в пользу советских войск. В полосе 5-й армии, на 75-километровом участке от Устилуга до Крыстынополя, где враг наносил главный удар, и где решалась судьба приграничного сражения, были лишь части пограничников и две стрелковые дивизии — 87-я и 124-я из состава 5-й армии и на них обрушилось 8 пехотных и 4 танковых дивизии³. Не менее сложная обстановка была на участках обороны 6-й и 26-й армий. Стойкость и упорство войск были символом завтрашней победы. Здесь 8-й механизированный корпус под командованием генерал-

¹ Военная мысль, №6, 1955, с. 50.

² Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Суровые испытания. М., 1995, с. 112—113.

³ Огонек, №25, июнь 1971 г.

лейтенанта Д. Рябышева после трудного марша под непрерывной бомбежкой вражеской авиации на второй день войны подошел в район Броды и с ходу нанес сильный контрудар по вторгшемуся противнику. Натиск был так яростен и стремителен, что враг, бросив технику, убитых и раненых, поспешно отступил. Жуков пытался нарастить контрудар, как это было и предусмотрено довоенными планами, но полное господство противника в воздухе срывало все начинания; потери советской авиации в первый день войны нечем было восполнить в последующие дни и месяцы вооруженной борьбы с наглым агрессором. Не менее решительными были действия 9-го, 15-го и 19-го механизированных корпусов, которыми командовали генералы К. Рокоссовский, И. Карпезо и Н. Фекленко. Благодаря этому немецко-фашистские войска были задержаны на несколько дней в районе Луцка, Дубно и Броды. Время было выиграно. Первоначальный план фашистов с ходу овладеть Киевом провалился. Вводя новые силы, немцы переломили ситуацию в свою пользу, но темп их продвижения был низок.

Южный фронт.

В полосе ответственности этого фронта, проходившему по левому берегу Прута и нижнего течения Дуная, протяженностью около 450 км, на прикрытые границы были выдвинуты 5 стрелковых и 1 кавалерийская дивизия¹, и когда началось наступление немецкой и румынских армий — им был дан достойный отпор. В то время как на всех западных фронтах авиация несла невосполнимые потери, на Южном фронте все было иначе. В Одесском военном округе перед началом войны были проведены крупные авиационные учения и в ходе которых все авиаполки перебазировались со стационарных на полевые аэродромы, где они были рассредоточены и хорошо замаскированы. Поэтому тщательно спланированные и подготовленные удары врага по стационарным аэродромам пришлось фактически по пустому месту. Правда, большая часть из 23 самолетов, потерянных ВВС округа в первый день войны, сгорела на земле во время налетов противника. Но в ходе боев первого дня войны летчики и пехотинцы сбили 40 бомбардировщиков и истребителей врага. На один потерянный самолет пришлось почти два вражеских².

26 июня Жуков бы отозван с Юго-Западного фронта и Сталин возложил на него организацию обороны на рубеже

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 11600, д. 1062, л. 65—70

² Полководцы и военачальники Великой Отечественной войны. Главный маршал авиации Константин Вершинин. М., 1968, с. 208—209.

Полоцк, Витебск, Орша, Могилев, Гомель, чтобы попытаться здесь задержать врага. Ведь на Западном направлении создавалась настолько угрожающая обстановка, что уже через неделю после начала войны, в разгар передвижения войск на театр военных действий из глубины страны, Ставка Главного командования была вынуждена начать крупные оперативные перевозки войск вдоль фронта. Она направила сосредоточенную на Днестре под Киевом 19-ю армию в район Витебска и выгрузившуюся в районе Шепетовки 16-ю армию — в район Смоленска. Кроме того, сосредотачивавшаяся у Чернигова 21-я армия была передвинута на север и развернута на Днестре у Гомеля и севернее.¹ В то же время три корпуса из глубины страны были направлены на рубеж реки Великой для прикрытия направления на Ленинград².

Стал просматриваться и замысел Сталина: сосредоточить подавляющее большинство свободных и вновь формируемых сил на московском стратегическом направлении и развернуть их на рубеже Западной Двины и Днестра, имея в виду в будущем перейти здесь в контрнаступление. Основная часть этого замысла, как известно, была осуществлена в декабре 1941 года.

Несмотря на первые неблагоприятные вести с фронта, в Москве и других крупных городах страны наблюдался невиданный подъем народного духа, проникнутого идеями патриотизма и любви к своей родине, и повсюду ощущалась вера советских людей в то, что война будет недолгой и враг будет разгромлен. Чувство страха перед напавшим врагом советским людям было чуждо — ведь они жили, учились и работали в стране, удивившей мир великими достижениями в науке, промышленности, сельском хозяйстве и культурном строительстве, где каждый человек находил свое место в жизни, был хозяином своей судьбы и с оптимизмом смотрел в будущее.

В 12 часов 22 июня по радио выступил В. Молотов, текст выступления которого редактировал Сталин. Он вставил в него такие слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»³. В самый трагический для нас день он предвидел поражение фашизма и нашу великую победу над ним.

Повсюду в Москве в первый и последующие дни войны царил деловая атмосфера, в которой чувствовалась вера людей в победу над зарвавшимся врагом. Все, кто мог носить оружие — направились в военкоматы и просились на фронт. Война с фашистской Германией несла страшные жертвы и стра-

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 2. М., 1960, с. 37—38.

² Там же, с. 36.

³ Досье. История и современность, № 29, 2004 г.

дания мирному населению, которое фашистские стервятники истребляли огнем и мечом, не разбирая где дети, старики, женщины или солдаты. Это были звери, воинственно настроенные Гитлером против всех европейских народов, а против русских людей в особенности. Молва о зверствах немцев против мирного населения бежала быстрее их моторов и чем дальше они продвигались, тем решительнее и быстрее поднимались советские люди на борьбу с захватчиками. И зарвавшийся враг сполна получил свое. Из каждых десяти немцев и их сателлитов, которые вторглись на рассвете 22 июня на русскую землю, восемь погибли в жестоких боях на необъятных просторах Советской России, каждый девятый — вернется инвалидом и только каждый десятый — живым.

С первого дня военкоматы страны не успевали отправлять на фронт тех, кто подлежал призыву, но были и те, чей возраст не дотягивал до 18 лет, но они настойчиво просились на фронт. Юноши и девушки, окончившие среднюю школу, и кому только перевалило за шестнадцать или семнадцать лет, рвались на фронт и в военные школы с такой настойчивостью и энергией, что она была сравнима с великой и жертвенной любовью, на которую способны только молодые люди. Их, не подлежащих призыву, не сразу отправляли на фронт, а посылали на трехмесячные и полугодичные курсы, где они получали хорошую военную подготовку и знания, как лучше и быстрее надо было уничтожать врага. Большая их часть вольется в действующую армию в конце 41-го и в начале 42-го года и они внесут самый существенный вклад в нашу будущую победу, войну они закончат комбатами и командирами полков. К числу таких молодых людей, раньше срока ушедших на войну, надо отнести Зою Космодемьянскую, маршала Д.Т. Язова, генерала армии В.И. Варенникова, И.М. Третьяка и много сотен тысяч других их сверстников.

Сыновья и дочери партийных и советских государственных деятелей являли в этом пример. Старшему сыну Якову Сталин на вопрос, обращенный к нему: «Что делать, отец?» ответил: «Иди и воюй». Младший сын Василий учился в авиационном училище и по ускоренной программе быстро его закончил и уже осенью участвовал в боях. На фронт ушел и приемный сын Сталина А. Сергеев и приемный сын В. Молотова Г. Скрябин. Ушли на войну сыновья и дочери А. Микояна, К. Ворошилова, А. Андреева, Н. Хрущева и всех других руководителей страны. Прятавшихся от войны людей в стране не было.

В первый день войны, когда генералы Наркомата обороны были в растерянности и не знали, что предпринять и об-

становка в Генеральном штабе среди генералов и офицеров была гнетущая, Совет Народных Комиссаров во главе с И. Сталиным сумел быстро настроить все министерства на дело мобилизации всех отраслей народного хозяйства на нужды войны. Уже в шесть часов утра председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский собрал всех министров, отвечающих за оборонную промышленность, и дал им четкие указания на перестройку всей экономики на войну в интересах армии и флота, и определил сроки на пересмотр всех заданий с учетом этого. Чуть позже, на короткое совещание, было собрано правительство, и И.В. Сталин определил первоочередные задачи, которые должны были выполнить министры:

— во-первых, мобилизовать производственные мощности социалистической промышленности, рабочих и инженерно-технических кадров на нужды Великой Отечественной войны;

— во-вторых, мобилизовать материальные ресурсы сельского хозяйства и труд колхозного хозяйства на обеспечение потребностей Красной Армии и городов, снабжающих фронт военной техникой и снаряжением;

— в-третьих, мобилизовать и перестроить транспорт;

— в-четвертых, мобилизовать строительные кадры и механизмы на строительство военных заводов и кооперированных с ними предприятий, пересмотреть строительные нормы применительно к условиям военного времени;

— в-пятых, мобилизовать всю рабочую силу, осуществить переквалификацию рабочих в промышленности и подготовить новые кадры взамен призванных в Красную Армию;

— в-шестых, мобилизовать продовольственные резервы страны для бесперебойного снабжения городов. Ввести нормированное снабжение населения продовольственными и промышленными товарами (карточная система), сохранить устойчивые сравнительно низкие цены на предметы первой необходимости;

— в-седьмых, мобилизовать средства населения и ресурсы народного хозяйства на финансирование нужд войны. Повысить удельный вес военных расходов в государственном бюджете. Использовать эмиссию как один из дополнительных источников финансирования военного хозяйства;

— в-восьмых, перестроить государственный аппарат для обеспечения мобилизации всех сил на нужды Великой Отечественной войны.

На исходе дня 22 июня в кабинет Сталина зашли члены Политбюро и некоторые члены правительства. Все знали, что

первый день войны не принес хороших вестей из действующей армии, но это не отразилось на их стиле работы — шла ритмичная и деловая работа, которая еще больше их сблизила. После того, как все разместились вокруг длинного стола, Сталин встал и ни к кому не обращаясь заговорил спокойным и твердым голосом: «Что мы нарушили? Какие договора и соглашения с Германией нами не выполнены? Мы исправно и в срок поставляли в Германию все, что мы обязаны были поставлять. Разве мы угрожали Германии? Разве мы сколачивали блоки для войны с Германией? Наша политика внутри страны и за рубежом была открытой и миролюбивой. Что же заставило Гитлера напасть на нас? — ночью, сея смерть и разрушения на каждом шагу продвижения своей армии по нашей земле? Гитлер захотел новых земель, он захотел новых территорий, нового жизненного пространства. Мы предоставим ему такую землю, но только для могил его солдатам, вступивших на нашу землю. Гитлер захотел новой войны, и он ее получит. Он дорого за нее заплатит. Мы раздавим его! Мы уничтожим его в его логове — Берлине!

Энергичная и твердая речь вождя отражала внутреннее содержание мыслей всех присутствующих в кабинете Сталина, и они единодушно встали и произнесли клятву, что будут сражаться до тех пор, пока не уничтожат врага в его логове.

Выполняя указания правительства, подавляющая часть промышленных предприятий переключалась на выпуск военной продукции, а военная производство было усилено путем передачи ему предприятий других отраслей производства. Строгой централизации было подвергнуто распределение и нормирование расходования металла, топлива, электроэнергии и других видов сырья и материалов. Какие бы решения не принимало правительство или органы местной власти — все имело одну направленность — помочь армии выстоять и победить. Одновременно проводилась эвакуация скота, сельскохозяйственных машин и тракторов из районов, оккупированных немцами, и из прифронтовой зоны в восточные районы страны. Увеличивались посевные площади зерна, картофеля и овощей в восточных районах, прежде всего на Урале, на Волге и в Западной Сибири. Было принято решение увеличить количество трудодней, вырабатываемых тружениками сельского хозяйства, и изменить отношение к трудовой дисциплине, приравнивая ее к дисциплине на фронте. К труду привлекалось все неработающее население. Была сохранена и приумножена сеть вузов и техникумов для воспроизводства технических кадров.

На транспорте был сразу введен график перевозок грузов из глубины страны к фронту, военизирован железнодорожный и водный транспорт и на всех маршрутах введен военный дисциплинарный устав. Чтобы ускорить выпуск сложной боевой техники были образованы новые наркоматы по военному производству, в том числе наркомат танковой промышленности и наркомат минометного вооружения. За выполнением военных заказов был организован оперативный контроль Государственного Комитета Обороны¹.

По решению правительства на третий день войны был образован Совет по эвакуации, председателем которого был назначен Н.М. Шверник, а его заместителями — А.Н. Косыгин и М.Г. Первушин. При наркоматах и ведомствах были образованы бюро и комитеты по эвакуации. 27 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества».

Из Белоруссии 109 крупных предприятий были эвакуированы в те дни, когда многие районы республики подвергались бомбардировкам с воздуха и нападению вражеских наземных сил. Из Москвы и Московской области к концу ноября было эвакуировано 498 крупных заводов и фабрик².

Об эффективности работы созданного Совета по эвакуации говорят красноречивые факты: за первые полгода войны из угрожаемых районов страны было вывезено 1523 промышленных предприятия, в том числе 1360 крупных, главным образом военных. В районах Поволжья разместились 226 предприятий, на Урале — 667, в Западной Сибири — 244, в Казахстане и Средней Азии — 308. Лишь некоторые предприятия эвакуировались в Восточную Сибирь и республики Закавказья. На восток по железной дороге было перевезено около 1,5 млн. вагонов с различным оборудованием, сырьем и топливом. В тыловые районы было эвакуировано более 10 млн. человек³. По сути дела, целая индустриальная держава была перемещена на тысячи километров на восток.

Ничего подобного не было в царской России в Первую мировую войну. Тогда эвакуация носила стихийный и затяжной характер, с сопротивлением собственников, готовых работать хоть на врага, лишь бы не трогали их заводы и фабрики. Она

¹ *Н. Вознесенский*. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947, с. 33—37.

² *А.И. Миренков*. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве. М., 2005, с. 36

³ История Коммунистической партии Советского Союза. Т.V. Кн. 1. М., 1970, с. 293.

просто не удалась. Так, например, в одном только Варшавском округе насчитывалось 4189 предприятий с числом рабочих 353,4 тысячи человек, из которых лишь незначительная часть была эвакуирована в глубь страны, остальные остались на местах и стали работать на врага. Да и те несколько заводов, что были перемещены в Поволжье и на Урал так и не заработали.

24 июня Советское правительство в Овальном зале Кремля проводило совещание по итогам первых дней войны. Все стояли, подчеркивая, что времени на заседания ни у кого нет. Стояла особая тишина. Сталин без прикрас, кратко и доходчиво рассказал о тяжелом положении на фронте, и всем министрам и руководителям главков незамедлительно было предложено организовать демонтаж предприятий в западных прифронтовых районах страны, чтобы в кратчайший срок перебазировать их на восток. Сталин, завершая совещание, остановил свое внимание на министре строительства С. Гинзбурге и, подойдя к нему, сказал: «Товарищ Гинзбург, я прошу вас проследить за демонтажем броневых станков в Ленинграде и Мариуполе. Они должны быть направлены в Нижний Тагил и на Магнитку как можно быстрее». Он немного помолчал и продолжил: «А пока эти станы будут доставляться на Урал, дайте все необходимые указания, чтобы были построены соответствующие цеха и сооружения, где в самые короткие сроки можно было бы смонтировать и пустить эти станы. Кроме того, примите все необходимые меры, чтобы в установленные сроки были построены цеха и все, что понадобится для увеличения выпуска танков в Челябинске, Нижнем Тагиле и Сталинграде...»¹ Это лишь один из незначительных эпизодов организующей роли Сталина в развертывании оборонной промышленности на Урале, и его феноменальной способности держать в своем уме миллионы событий и фактов из жизни страны, и организовывать их исполнение качественно и в короткие сроки.

До конца 1941 года, в самые напряженные месяцы Великой Отечественной войны, шло великое перемещение производительных сил СССР на восток. Передвигались миллионы людей, перемещались сотни предприятий, десятки тысяч станков, прокатные станы, прессы, молоты, турбины и моторы. Нескончаемым потоком, с разрывом в одну-две минуты, на восток по Транссибирской магистрали двигались тысячи эшелонов с людьми и оборудованием, чтобы на новом месте заработали новые заводы и предприятия, а с востока на запад, на фронт продвигались вновь сформированные дивизии и боевая техника для воюющей армии.

¹ С.З. Гинзбург. О прошлом для будущего. М., 1986, с. 240—241.

Шла быстрая перестройка всего народного хозяйства СССР, и она воплощалась в военно-хозяйственных планах, рассмотренных и утвержденных председателем правительства т. Сталиным. Через неделю после начала Отечественной войны Сталиным был утвержден «мобилизационный народнохозяйственный план» на III квартал 1941 года. По этому плану программа производства военной техники по сравнению с планом, принятым до войны, была увеличена на 26%. Предусматривалась концентрация капитальных работ и материальных ресурсов на строительстве оборонных предприятий в районах Поволжья, Урала и Западной Сибири. Этот план обеспечил поворот всего народного хозяйства страны на службу Великой Отечественной войны. Однако неудачи на фронте в первые недели войны показали, что в развитие военной промышленности необходимо больше вкладывать государственных средств, чем было запланировано.

А стратегическая обстановка с первых дней войны складывалась для Красной Армии тяжелой и невыгодной. Немецко-фашистские войска к концу июня 1941 года, форсировав реку Даугава и преодолев оборону на Минской возвышенности и реке Случь, осуществили стратегический прорыв на северо-западном и западном направлениях. Группа армий «Север» стремилась в кратчайший срок овладеть Прибалтикой и захватить Ленинград, а группа армий «Центр» — выйти на рубеж Рогачев — Могилев — Орша — Витебск — Полоцк, в середине июля овладеть Смоленском и в августе занять Москву. Из прежнего состава Западного и Северо-Западного фронтов оставалось около 25 дивизий, имевших менее половины своего состава¹. Создалась угроза быстрого выхода подвижных соединений врага к Пскову, Орше и Могилеву. Ставка в это время приняла решение о переходе к стратегической обороне на всем протяжении советско-немецкого фронта. Перед войсками первого стратегического эшелона была поставлена задача: «Подготовить на направлениях главных ударов противника систему эшелонированных полос и рубежей, опираясь на которые упорным и активным противодействием подорвать наступательную мощь врага, остановить его и выиграть время для подготовки контрнаступления»².

К этому времени обстановка в наркомате обороны и Генеральном штабе не стала лучшей — большинство генералов и офицеров были потрясены поражениями на фронтах и рас-

¹ ЦАМО РФ, Ф.208, оп.25, 26, д.3р, л.328; ОП.2511, д.20, л.50.

² История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 4. М., 1975, с. 44.

теряны до неузнаваемости. На заседания Политбюро и Советского правительства, которые проходили по несколько раз в день, маршал С. Тимошенко приходил самым неподготовленным: он плохо владел обстановкой на фронтах и, докладывая о ней, он нередко говорил об удержании городов и населенных пунктов, которые в действительности, по заявлению других наркомов, были уже в руках немцев. Созданная 23 июня Ставка Главного командования в составе С.М. Тимошенко (председатель) и членов Г.К. Жукова, И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного и Н.Г. Кузнецова собиралась редко, так как и нарком обороны, и начальник Генерального штаба в первые дни войны утратили управление войсками, обстановки не знали и они лишь могли предложить меры по предотвращению худших от нее последствий, чем упредить их. 26 июня И. Сталин, узнав об окружении Минска, вместе с членами Политбюро прибыл на станцию метро «Кировская», в нижний ярус, где располагались кабинеты Ставки и Генштаба. Нарком обороны маршал С. Тимошенко, докладывая обстановку, сбивался с привычного ритма и не мог увязать ее по фронтам с действиями вражеских войск. Об окружении и угрозе захвата немцами Минска в Генштабе еще не знали.

По привычке сдержанный, Сталин, на этот раз, не стесняясь в выражениях, в гневе обрушился на военное руководство, обвинив их в плохой подготовке вооруженных сил к войне, потере управления войсками и неумелом управлении войсками в начале войны. Сильный по характеру Г. Жуков, только что вернувшийся с Юго-Западного фронта, не выдержал и со слезами на глазах выскочил из кабинета. Его никто не задерживал. Все генералы, находившиеся рядом с Тимошенко, чувствовали свою вину за случившиеся поражения, и пока никто из них не знал, как выправить создавшееся положение. В. Молотов, предвидя развитие событий, заявил С. Тимошенко: «С этого часа все приказы и распоряжения, отправляемые Ставкой в войска, в обязательном порядке согласовывать со Сталиным».

Возвратившись в Кремль, члены Политбюро, среди которых находились В.М. Молотов, л.П. Берия, А.И. Микоян, л.М. Каганович и А.А. Андреев, выразили глубокое беспокойство положением дел на фронтах западного направления, и чтобы спасти армию и страну от катастрофы, они стали просить Сталина возглавить руководство вооруженными силами. Одновременно ими было высказано предложение создать единый орган военного руководства, чтобы все силы государства и народа были направлены на отпор вражескому нашествию и обеспечение боевых действий армии и флота. В течение нескольких

дней члены Политбюро и сам Сталин много и плодотворно работали над созданием такого органа государственной власти, который, в отличие от других партийных и государственных структур, концертировал бы в своих руках всю полноту власти для быстрого ее применения в условиях войны.

Им стал образованный 30 июня Государственный Комитет Оборона под председательством И.В. Сталина. В его состав вошли члены Политбюро ЦК ВКП(б) и Советского правительства: В. Молотов (заместитель председателя), К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, а несколько позже Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский, Л.М. Каганович, А.И. Микоян¹. Постановления ГКО имели силу законов военного времени и были обязательны для всех государственных и военных органов, для всех ведомств и общественных организаций. В функции ГКО входило решение всех государственных и народнохозяйственных вопросов, связанных с ведением войны. Важнейшими из них были мобилизация людей и материальных ресурсов, перестройка народного хозяйства страны на военный лад, а также решение основных проблем строительства советских вооруженных сил. За годы войны ГКО было принято около 10 000 решений и постановлений военного и хозяйственного характера, послуживших устойчивому росту военной промышленности в Советском Союзе в годы войны².

Война отнимала все больше и больше людей от станков и пашен, и в начале июля 1941 года по решению Политбюро ЦК ВКП(б) при Совете Народных Комиссаров был образован Комитет по распределению рабочей силы. Это было вызвано тем, что общая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве страны уменьшилась с 31,8 млн. человек в первом полугодии 1941 г. до 18,4 млн. в первом полугодии 1942 г. Требовалось рационально распределить оставшиеся трудовые ресурсы, изыскивать новые, с тем, чтобы в первую очередь обеспечить кадрами военную промышленность и связанные с ней отрасли.

Чтобы заменить отцов, мужей и сыновей, ушедших на фронт, на производство во второй половине 1942 года пришли 500 тысяч женщин-домохозяек и 360 тысяч учащихся 8—10-х классов средних школ.

На пятый день войны, 26 июня, в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б), Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О режиме рабочего времени рабочих и

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. V. Кн. 1. М., 1970, с. 164.

² Военная мысль, №2, 1971, с. 24.

служащих в военное время», по которому был увеличен рабочий день, отменялись отпуска, вводились обязательные сверхурочные работы. В результате всех этих мер примерно на треть была повышена загрузка производственных мощностей без увеличения численности рабочих и служащих¹.

В декабре 1941 года был принят Указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», по которому самовольный уход с работы приравнялся к дезертирству в армии. Вместе с действующей армией вся страна была переведена на военное положение, и тем самым каждый ее гражданин вносил свой весомый вклад в будущую победу.

Все в стране было подчинено ведению войны. Она стала народной, в нее были вовлечены все граждане. Все они горячо откликнулись на призыв Советского правительства активно участвовать в борьбе с гитлеровской Германией и ее сателлитами. Это великое чувство народного единства и сплоченности власти и народа лучше всех выразил поэт В. Лебедев-Кумач и композитор А. Александров в песне «Священная война», ставшая народным гимном в годы войны:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашистской силой темною,
С несметною ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война.

С этой песней начинался рабочий день страны и ею он и заканчивался.

К 1 июля 1941 года в армию и на флот было призвано 5,3 млн. новых воинов. Войска получили из народного хозяйства 234 тыс. автомашин и 31,5 тыс. тракторов. К концу 1941 года, т.е. за полгода, было сформировано более 400 новых соединений различных родов войск. В тяжелейших условиях дополнительно и по существу заново были развернуты новые вооруженные силы, превышающие те, которые страна имела до нападения фашистской Германии². История войн не знала такого размаха мобилизационной работы в такие короткие сроки³.

¹ Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984, с. 106.

² 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968, с. 257.

³ Военная мысль, №2, 1971, с. 22.

Для удержания стратегического фронта Ставкой был назначен рубеж, опорой которого служил Псковский и Островский укрепленные районы в полосе Северо-Западного фронта и реки Западная Двина от Полоцка до Витебска и Днепр от Орши до Лоева на западном направлении. От впереди действующих войск он был удален на 150—200 км, что позволяло выиграть несколько дней для занятия здесь обороны армиями резерва Главного Командования. Сложно оказалось изыскать и быстро выдвинуть крупные резервы, чтобы помочь фронтам создать оборону на назначенных рубежах. Только для создания тактической зоны на новом рубеже стратегической обороны требовалось 40—50 дивизий. Ставка в этих целях проявила огромную энергию, настойчивость и организаторское умение. 2 июля Ставка передала Западному фронту четыре армии из резерва Главного Командования, а в последующем и другие армии, прибывающие из глубины страны и с юго-западного направления. В составе этих объединений насчитывалось более 70 дивизий¹. На северо-западное направление выдвигались вначале одна, а затем еще две армии.

Западный фронт по-прежнему приковывал к себе основные силы немецко-фашистских войск, а основную нагрузку в руководстве фронтом нес маршал Б. Шапошников, посланный туда Сталиным еще 22 июня. Генерал Д. Павлов был потерянным для армии человеком, и к его мнению уже никто не прислушивался. 29 июня нарком обороны маршал С. Тимошенко командующим Западным фронтом назначил генерал-лейтенанта А. Еременко, но повальная дезорганизация управления войсками и последовавшее вслед за этим падение порядка и дисциплины в войсках были столь пагубны, что восстановить ее мог только человек с именем и хорошо известный в войсках. Солдаты и офицеры были готовы сражаться и умирать; они лишь ждали сильного человека, способного объединить распавшиеся на отдельные части силы фронта и организовать надежное управление ими. Маршал С. Тимошенко трагедию первых дней войны воспринял как личную и как человек высокого долга он стал проситься у Сталина на фронт, где решалась судьба войны.

Война шла совсем не так, как к ней готовились, и нарком видел в этом и свою вину. В первый же день война высветила ряд крупных проблем и вопросов, которые были плохо проработаны в наркомате обороны при подготовке к войне. Ведь все хорошо знали, что гитлеровская армия победы в войнах

¹ ЦАМО РФ, Ф.219, оп.679, д.1, л. 14; Д.2, л. 70.

против Польши, Франции, а потом и над Югославией и Грецией добивалась за счет массированного применения танковых сил и авиации на избранных направлениях. Знали, но подготовка к этому новому виду боевых действий велась неосмотрительно плохо. Тон должен был задавать нарком обороны маршал Тимошенко, но в нем недоставало широты стратегического кругозора. Маршал лишь обозревал поле применения новых форм военного искусства, показанных вермахтом, но адекватного ответа им не было найдено.

Выстроенная Наркоматом обороны группировка советских войск перед нападением фашистской Германии была ошибочной; главные силы двенадцати приграничных армий были равномерно распределены от Балтийского до Черного морей, протяженностью 2000 км, по кордонному принципу, и нигде в глубине не было сосредоточено достаточно сильного стратегического резерва на случай глубокого прорыва противника. Стратегические резервы были разбросаны по всей европейской части Советского Союза, и их пришлось наспех собирать перед Смоленским сражением. Ошибки, допущенные в первоначальной расстановке сил, Ставке удалось устранить только под Москвой.

Еще более неверным было решение Тимошенко в течение 22—24 июня проводить контрнаступательные операции войсками западных фронтов с целью «разгрома вклинившихся группировок немецко-фашистских захватчиков»¹. Контрудары осуществлялись в условиях полного превосходства гитлеровских войск на земле и в воздухе, и наши войска уже испытывали опасность охвата флангов и окружения. В ходе проведения этих контрударов разгрому подверглись механизированные корпуса, составлявшие основу бронетанковых сил Красной Армии, медленное возрождение которых началось весной 1942 года.

Большая часть танков, имевшихся в их составе, была уничтожена или брошена при отступлении и государство на тот период не имело возможности восполнить такие потери боевой техники. Ведь многие заводы, выпускавшие танки, эвакуировались в это время на восток. Поэтому, решением Ставки ВГК 15 июля 1941 года началось упразднение механизированных корпусов, продолжавшееся до середины сентября. С расформированием корпусов их танковые дивизии передавались в подчинение командующим армиями, а мотострелковые дивизии реорганизовывались в стрелковые. В это же время из

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 9. М., 1975, с. 38.

механизированных корпусов, находившихся во внутренних округах, было создано 10 танковых дивизий. Началось и создание танковых бригад на новой штатной основе, опробованной войной, и уже в битве под Москвой они показали свою высокую боевую эффективность. Ставка позаботилась и о сохранении опытных танкистов, отозвав их в начале осени со всех фронтов для формирования новых соединений.

Очень большие потери понесли и военно-воздушные силы Красной Армии. По данным организационно-мобилизационного отдела штаба ВВС Красная Армия за 9 дней июня и за июль 1941 года потеряла 10 151 самолет, что составило от общего парка самолетов 31,8%¹. Титаническим трудом советского народа государство сумело восполнить эти потери только к весне 1943 года.

После крупного и неприятного разговора с военным руководством на станции метро Кировская, Сталин все больше и глубже вникал в дела армии, так как положение дел на фронтах становилось угрожающим, и нужно было находить новые решения, чтобы спасти войска от разгрома и стабилизировать положение. Маршал С. Тимошенко не мог не видеть, что Сталин глубже и лучше оценивал обстановку и рядом с ним достаточно было генералов и офицеров, способных быть ему советниками и помощниками в военном деле, в то время как на фронтах испытывалась острая нехватка опытных командных кадров. За плечами у маршала был опыт руководства фронтом во время Советско-финской войны, и Сталин поощрительно отнесся к его просьбе. Назначение маршала командующим Западным фронтом отвечало настроению войск, и оно было воспринято с воодушевлением как командным, так и рядовым составом фронта.

2 июля маршал С. Тимошенко возглавил Западный фронт, и на первом же заседании Военного Совета фронта он потребовал арестовать Павлова, его начальника штаба генерала Климовских, и нескольких генералов фронта, которых он считал ответственными за катастрофу с войсками фронта в первые дни войны, и немедленно предать их суду. Состоявшийся в середине июля суд нашел в действиях Павлова и ряда подчиненных ему генералов измену присяге и пособничество врагу в деле разрушения боевой мощи округа. Но для Сталина, уже успевшего в роли председателя Государственного Комитета Обороны вникнуть и понять размах и жестокость пришедшей к нам войны, и смотревшего далеко наперед, наказание

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 881474, д.5, л.104.

еще одного или двух и даже трех предателей ничего не меняло и не служило делу укрепления дисциплины среди высшего командного состава. И он распорядился изменить формулировку приговора Павлову и его приспешникам, потребовав, чтобы они были осуждены за то, что «проявили трусость, бездействие власти, нераспорядительность, допустили развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление позиций Красной Армии...»¹ На этом примере он хотел дать урок всему командному составу Красной Армии, что не все их ошибки могут быть прощены и что каждому военному начальнику надо научиться отвечать за действия своих войск.

22 июля 1941 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Павлова и ряд генералов Западного фронта к смертной казни с конфискацией имущества и лишением их воинского звания. В тот же день они были расстреляны и похоронены на подмосковном полигоне НКВД. Это был урок, крепко усвоенный высшим, средним и младшим командным составом армии и флота, способствовавший повышению их ответственности за положение дел на своем участке и за жизнь десятков и сотен тысяч бойцов, находившихся в их подчинении.

Уже в первых числах июля у немецкого командования вызвало беспокойство тот факт, что в Прибалтике и на Украине советские войска хотя и понесли большие потери, но сумели избежать окружения, сохранили боеспособность, и с тяжелыми боями организованно отходили на восток. Гитлер стал опасаться, что при дальнейшем развитии наступления на Москву группа армий «Центр» может оказаться под ударами советских войск с севера и юга. Правда, командующие группами армий «Север» и «Центр» фельдмаршалы Лееб и Бок не хотели признавать этих угроз и настаивали на продолжении наступления на Ленинград и Москву, однако беспокойство за фланги все время присутствовало в действиях как Гитлера, так и его штаба во главе с генералом Гальдером. Посоветовавшись с командующими, Гитлер не внес каких-либо изменений в ранее разработанные планы, и наступление немцев продолжалось при все увеличивающемся отставании пехоты от подвижных соединений вермахта. Пехота не поспевала за танками и броневыми автомобилями, и это скоро должно было сказаться на темпах их наступления. В молниеносную победу над русскими в окружении Гитлера продолжали убежденно верить, и военное командование вермахта продолжало дорабатывать планы по-

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, О.11600, д.1062, л. 63.

следующих операций против Ирана, Сирии, Турции и Египта. Генерал Гальдер в записях 3 июля отмечает: «Таковыми задачами являются: подготовка наступления через территорию между реками Нил и Ефрат как из Киренаики, так и через Анатолию, а возможно и с Кавказа через Иран»¹.

В то время как немецкое командование не сомневалось в скорой победе над СССР и строило планы по завоеванию мирового господства, на подступы к Западной Двине и Днепру выдвигались советские резервы из глубины страны. В первых числах июля развернулась и вступила в бой 22-я армия, а 6 июля нанесли контрудар северо-западнее Орши два механизированных корпуса. В результате этого контрудара противник отошел на запад на 30—40 км. Вся великая страна поднималась на отпор жестокому и беспощадному врагу, а в окружении Гитлера бытовало мнение, что «формирование противником новых соединений (во всяком случае, в крупных масштабах) наверняка потерпит неудачу из-за отсутствия офицерского состава, специалистов и материальной части артиллерии». В эти же дни Гитлер высказал генералу Гальдеру свои мысли о судьбе Москвы и Ленинграда, которые заключались в непоколебимом решении фюрера сравнить эти города с землей, «чтобы полностью избавиться от их населения, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения городов должна выполнить авиация»².

На восемнадцатый день войны, 9 июля, 4-я танковая группа была остановлена на всем фронте своего наступления от Десны до Жлобина, а в середине июля, из-за появления свежих резервов советских войск в районе Невеля и Великих Лук, возникла серьезная угроза флангам немецких армий. Начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта предложил Гитлеру временно отказаться от проведения стремительного наступления 2-й и 3-й танковых групп в направлении Москвы, чтобы «окончательно ликвидировать возможно более крупные силы противника, действующего против нашего фронта»³. В последовавшей вслед за этими опасениями директиве Гитлера №33 от 19 июля указывается, что немецким войскам «потребуется значительное время для ликвидации сильных боевых групп противника, продолжающегося оставаться между нашими подвижными соединениями». В этом документе Гитлер впервые признает возможность временного замедления операции группой армий «Север» и финскими войска-

¹ Военно-исторический журнал, №7, 1959, с. 85.

² Там же, с. 85.

³ Там же, с. 86.

ми¹. В тяжелых и кровопролитных боях с превосходящими силами врага воины Красной Армии сражались мужественно и стойко. Даже враг был вынужден в те дни признать героизм русского солдата. Так, начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер в своем дневнике 29 июня записал: «Сведения с фронта подтверждают, что русские войска сражаются до последнего человека... Бросается в глаза, что при захваченных батареях... большей частью взяты в плен лишь отдельные люди. Часть русских сражается, пока их не убьют»².

В конце июля Гитлер издал новую директиву, в которой он признал, что «развитие событий за последние дни, появление крупных сил противника перед фронтом и на флангах группы армий «Центр», положение со снабжением и необходимость предоставить 2-й и 3-й танковым группам для восстановления и пополнения их соединений около 10 дней, вынудили временно отложить выполнение целей и задач, поставленных ранее». Наступление 3-й танковой группы на Ленинград отменялось, «пока не будет полностью восстановлена боеспособность и готовность к действиям танковых соединений»³.

Продвижение немцев на Крайнем Севере также было задержано. Здесь действовала армия «Норвегия», в состав которой входило девять пехотных дивизий, две горно-стрелковые дивизии и одна бригада СС «Север». Войска армии имели задачу захватить Мурманск, Кандалякшу и Кировскую железную дорогу, а в последующем овладеть Кольским полуостровом и обеспечить северный фланг германского фронта на востоке. Одновременно с наступлением на суше, велись морские операции в Баренцевом море с целью содействия своим сухопутным войскам, а также блокады морского побережья и нарушения северных морских коммуникаций СССР. Захватчикам не удалось приблизиться к Мурманску и к базам Северного флота; они были остановлены на реке Западная Лица.

Успех на этом направлении был заложен еще перед началом войны, когда командующий 14-й армией генерал-лейтенант В.А. Фролов, отвечавший за оборону Кольского полуострова, несмотря на указания маршала Тимошенко, запрещавшие проводить какие-либо мероприятия «могущие вызвать подозрение у финнов и спровоцировать их на войну», провел ряд мер по переброске войск на угрожаемые направления и своевременно их развернул у государственной границы⁴.

¹ Военно-исторический журнал, №6, 1959, с. 81.

² Дневник Гальдера. Запись от 29 июня 1941 г.

³ Военно-исторический журнал, №6, 1959, с. 84—85.

⁴ Там же, №12, 1960, с. 24—25.

С началом войны дивизии 14-й армии встретили вторгшегося врага на нашу территорию таким организованным огнем и сопротивлением, что он в течение многих дней не имел успеха. Никаких оперативных резервов для наращивания удара из глубины и развития успеха у немцев не было, что явилось следствием явной переоценки своих сил и просчетов в оценке боеспособности соединений Красной Армии. Не добившись успеха, гитлеровское командование было вынуждено в конце июля перебросить из Греции горно-стрелковую дивизию, но и этих сил было явно недостаточно, чтобы преодолеть оборону советских войск.

В ходе двухмесячных боев немецко-финским войскам, действовавшим на кандалакшском направлении, также не удалось решить основную задачу — разгромить советские дивизии и выйти к Кандалакшскому заливу. Ценой огромных потерь они смогли продвинуться в восточном направлении на 70—75 км, где были окончательно остановлены. В начале октября в штаб армии «Норвегия» пришла директива Гитлера за №37 в которой он признал, «что до наступления зимы занять Мурманск или полуостров Рыбачий, или Мурманскую железную дорогу имеющихся войск и времени недостаточно». Армии ставилась задача: «Удерживать захваченные территории, охранять область Петсамо с никелевыми рудниками от нападений с суши, с воздуха и с моря, и приступить к проведению подготовительных мероприятий с тем, чтобы, начав боевые действия зимой, в будущем году окончательно овладеть Мурманском, полуостровом Рыбачий и Мурманской железной дорогой»¹.

Упорная оборона советских войск вызывала чувство восхищения и солидарности правительств и народов Европы и США. Уже 22 июня, в конце дня, выступая по радио, премьер-министр Великобритании У. Черчилль заявил, что «опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам», поэтому Великобритания окажет «России и русскому народу всю помощь, какую только сможет»². О готовности США оказать «всю возможную помощь Советскому Союзу» заявил 24 июня президент США Ф. Рузвельт. Так начали складываться основы антифашистской коалиции стран и народов, ядром которой стали СССР, Англия, а с декабря 1941 года и США.

Англия и США, раньше толкавшие Германию и Японию к нападению на СССР, вынуждены были по другому оценивать международную ситуацию, в которой они оказались из-за сво-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 28, оп. 11627, д. 54-А, л. 134.

² Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984, с. 131.

ей политики неприкрытого антисоветизма. Реальная обстановка, сложившаяся к лету 1941 года, требовала от них отказаться от своих прежних, не оправдавших себя взглядов на отношение с советским государством.

Над Англией, после поражения ее армии под Дюнкерком, постоянно висела угроза вторжения германских войск, и народ долго жил в страхе, потому что в тот период не было сил ее отразить. Черчилль признавал впоследствии, что после поражения Франции Великобритания оказалась почти оголенной, имея несколько плохо снаряженных дивизий, меньше сотни танков и менее 200 полевых орудий.

Испытывали страх перед фашистской Германией и Соединенные Штаты Америки. Газета «Нью-Йорк таймс» 26 июня писала, что быстрая германская победа над Россией будет катастрофой и для Англии, и для Америки, так как она даст возможность угрожать США. А министр внутренних дел США Г. Икес говорил Ф. Рузвельту 23 июня: «Если мы не вступим в войну сейчас, мы окажемся без единого союзника в мире, когда придет наш черед»¹.

Крупным событием в сплочении антигитлеровских сил явилось подписание между СССР и Великобританией 12 июля в Москве советско-английского соглашения о совместных действиях в войне против Германии, которое с тревогой было встречено в нацистских кругах Берлина. Оно содержало обязательство Советского Союза и Великобритании «оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в настоящей войне против гитлеровской Германии»². Это соглашение окончательно устанавливало наличие двух фронтов — на востоке и западе, и холодным душем окатило гитлеровских главарей. Ведь даже сам Гитлер в своей бредовой книге «Моя борьба» вынужден был признать пагубность войны на два фронта для Германии. «Почему Германия проиграла мировую войну 1914—1918 годов?» — спрашивает он и тут же отвечает: «Потому что Германия не может выиграть войну против Англии и России одновременно»³.

Народы СССР и Великобритании объединились для борьбы с гитлеризмом, и одним из ярких конкретных выражений этого союза явилась ликвидация попытки немецких фашистов использовать Иран для нападения на Советский союз с юга. Фашистская Германия после вторжения в Советский Союз усили-

¹ Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984, с. 132.

² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Т.1. М., 1983, с. 82—83

³ Военная мысль, № 9, 1941.

ла антисоветскую деятельность в Иране и открыто готовила вооруженные силы этой страны для нападения на нашу страну. Учитывая реальную угрозу войны в этом регионе, Советское правительство, по общей договоренности с Великобританией, и на основе Советско-иранского договора от 1921 года, в августе 1941 года временно ввело на территорию Ирана свои войска: одновременно сюда вступили английские войска, а в конце 1942 года — американские воинские части. По окончании войны войска союзников были выведены из Ирана.

Совместные действия советских и английских армий в Иране укрепили советско-английские отношения и предопределили изоляцию гитлеровской Германии на мировой арене, что нанесло сильнейший удар по гитлеровским планам разгромить сначала СССР, а затем Англию. К этим двум могучим державам присоединились США, которые заняли своими войсками Исландию, сильно облегчив тем самым борьбу английских морских и воздушных сил за полное господство в Атлантике.

Следующий удар гитлеровскому режиму нанесла опубликованная 15 августа англо-американская декларация, в которой была высказана решимость Великобритании и США бороться до полной победы над Гитлером за такие основы будущего мира, которые являлись полной противоположностью и категорическим осуждением его завоевательных планов. Личное послание президента США Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля Сталину определило новый, важнейший этап в антифашистской войне свободолюбивых народов. Выражая свое восхищение перед великолепным сопротивлением Советского Союза агрессору, руководители двух великих держав предложили созвать в Москве высокоавторитетное совещание представителей США, Великобритании и СССР по вопросу о наиболее целесообразном распределении богатейших ресурсов этих стран, чтобы обеспечить полную победу над общим врагом — гитлеровской Германией. Этим крупнейшим шагом по пути организации и активизации сотрудничества трех великих держав, обладавших громадными и неисчислимыми резервами, было создана поистине непобедимая коалиция, которая бесповоротно и окончательно поставила крест на гитлеровских претензиях на мировое господство и на стремлении Гитлера перессорить своих врагов и разгромить их порознь.

Два важнейших фронта образовались на разных полюсах Европы, они со временем начнут сдавливать фашистскую Германию в неравной борьбе на двух фронтах: один, на востоке, тянувшийся от Северного Ледовитого океана до Черно-

го моря; другой проходил от Северной Норвегии через Исландию, английские острова до Испании, охватывал Средиземное море и протягивался через северное побережье Африки и далее на Восток.

2 августа США согласились оказывать Советскому Союзу экономическое содействие в войне. Но с оказанием военной помощи союзники не торопились. В начале ноября на нашу страну был распространен закон о ленд-лизе, поскольку СССР, признавали в Вашингтоне, сражается и за США. 29 сентября — 1 октября на конференции представителей СССР, Англии и США, состоявшейся в Москве, были согласованы все вопросы, связанные с военными поставками в нашу страну.

Англия за три последних месяца 1941 года поставила 669 самолетов из 800 обещанных, 487 танков из 1000, 330 танкеток из 600. Что касается США, то они поставили за тот же срок 204 самолета вместо 600, 182 танка вместо 750. Стоимость всех американских поставок в СССР до конца 1941 года оценивалась в 545 тыс. долларов. Этой помощи было явно недостаточно. Но то, что она представлялась, являлось реальным подтверждением существования антигитлеровской коалиции. Укрепление антигитлеровской коалиции способствовали: пресечение совместными усилиями СССР и Англии попыток фашистской Германии превратить Иран в своего союзника, успешное завершение Московской конференции представителей СССР, США и Англии о взаимных поставках и предоставление Советскому Союзу беспроцентного кредита в 1 млрд. долларов.

Важными вехами этого процесса явилось опубликование Англией и США Атлантической хартии, провозгласившей их цели в войне и Декларацию СССР от 24 сентября, в которой Советское правительство выразило свое отношение к хартии, выдвинув при этом ряд дополнений, придававших ей более демократический и справедливый характер. Сюда же надо отнести официальное признание Советским Союзом Национального комитета «Свободная Франция», руководимого генералом Шарлем де Голлем.

Число сторонников СССР росло, и оно наглядно отразилось в подписании в январе 1942 года двадцатью шестью государствами Вашингтонской декларации о совместной борьбе против агрессоров. По настоянию Советского Союза во вступительную часть этой декларации было внесено положение о том, что полная победа над врагом «необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости» во всех странах. Все правительства, подписавшие Вашингтонскую

декларацию, во-первых, обязались употребить все свои экономические и военные ресурсы против тех членов Тройственного пакта 1940 и присоединившихся к нему государств, с которыми эти правительства были в состоянии войны. Во-вторых, они обязались сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с общими врагами¹. Жестоким ударом по гитлеровской Германии явилось заключение договора между СССР и Соединенным Королевством Великобритании о «Союзе в войне против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимопомощи после войны» и соглашение между США и Советским Союзом о «принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии»².

Вместе с развертыванием сотрудничества с Англией и США по противодействию фашистской Германии, Советское правительство стремилось наладить новые отношения с Польшей и Чехословакией, правительства которых находились в Лондоне. 30 июля 1931 года в Лондоне было подписано соглашение между правительством СССР и польским правительством, в котором правительство СССР признало советско-германские договоры 1939 года «касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу». Одновременно польское правительство заявило, что Польша не связана никаким соглашением с какой-либо третьей стороной, направленным против Советского Союза. В эти же дни в Лондоне были подписаны правительственные соглашения с Чехословакией и Польшей о создании на территории СССР национальных чехословацких и польских воинских частей под национальным командованием своих стран, но что они будут действовать под руководством верховного военного командования СССР³. На борьбу с фашистской Германией поднималось все больше стран и народов.

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т.1. М., 1946, с. 194.

² Военная мысль, №6, 1942, с. 7.

³ Исторический журнал, №7, 1941, с. 84.

ГЛАВА X

Переход Красной Армии к стратегической обороне. — Смоленское сражение и начало крушения плана «Барбаросса». — Гибель поляков под Катыню. — Неспособность фашистской Германии вести наступление на трех стратегических направлениях. — Ельнинская операция Г. Жукова. — Поворот главных сил вермахта на Киев. — Вмешательство Н. Хрущева в оборону Киева. — Разгром Юго-Западного фронта

Исчерпав на конец июня свои возможности для нанесения контрударов, Ставка приняла решение о переходе на всем советско-германском фронте к стратегической обороне. Перед войсками первого стратегического эшелона была поставлена задача: «Подготовить на направлениях главных ударов противника систему эшелонированных оборонительных полос и рубежей, опираясь на которые упорным и активным противодействием подорвать наступательную мощь врага, остановить его и выиграть время для подготовки контрнаступления»¹.

Для подготовки стратегической обороны Ставкой был выбран рубеж, опирающийся на Псковский и Островский укрепленные районы в полосе Северо-Западного фронта и на реки Западная Двина от Полоцка до Витебска и Днепр от Орши до Лоева на западном направлении. От впереди действующих войск он был на удалении 150—200 км, что позволяло выиграть несколько дней для занятия обороны армиями резерва Главного Командования. Сложным оказалось изыскание и быстрое выдвижение крупных резервов, чтобы они успели закрепиться на предназначенных рубежах. Только для создания тактической зоны обороны на новом рубеже стратегической обороны требовалось не менее 50 дивизий. Ставка в эти исключительно сложные и драматические дни проявила огромное самообладание, энергию, настойчивость и умение в организации управления страной и войсками. Так, 2 июля Западному фронту были переданы четыре армии, сформированные во внутренних округах за первые 8 дней войны, и теперь они переходили к обороне в составе группы армий резерва Главного Командования, а в последующем и другие армии, прибывшие из глубины страны и юго-западного направления.

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 4. М., 1975, с. 44.

В составе всех этих объединений насчитывалось более 70 дивизий¹. На северо-западное направление выдвигались вначале одна, а затем еще две армии. Несмотря на тяжелую обстановку советское руководство продолжало наращивать силы в глубине страны и готовило страну и армию к длительной войне. 18 июля ГКО приняло постановление о мероприятиях по обеспечению Красной Армии теплым обмундированием, так как в вооруженные силы страны к середине июля было призвано 5,3 млн. новых бойцов.

При организации стратегической обороны Северо-Западный фронт вначале создавал один оборонительный рубеж, имевший, в сущности, одну частично оборудованную полосу обороны, а 4 июля по указанию Ставки фронт начал готовить оборону и по реке Луга. Западный фронт, только что прибывшими передовыми соединениям 22-й, 20-й и 21-й армий оборудовал первую полосу обороны, а резервами корпусов и армий — районы их расположения соответственно на второй и третьей армейских полосах. Восточнее Смоленска по Днепру и далее по реке Сож на удалении около 90 км от переднего края первой полосы был намечен фронтовой рубеж обороны, который должны были занять 16-я и отходящая 4-я армии. В 200—250 км фронт резервных армий готовил оборону на рубеже Осташков — Оленино — верхнее течение Днепра и южнее Дорогобужа — по Десне до Брянска. Кроме того, на ближних подступах к Москве началось оборудование Можайской линии обороны, для удержания которой 18 июля был сформирован новый фронт.

Чтобы выиграть время на подготовку обороны на первом рубеже применялись сдерживающие действия отходящими корпусами и дивизиями, а также выдвинутыми на подступы к нему соединениями из подходящих резервов. Упорными боями на ряде позиций и рубежей они смогли задержать противника на 4—7 суток. Некоторую роль здесь сыграли контрудары 5-го и 7-го механизированных корпусов от Орши и Витебска на Лепель. Этот контрудар наносился за пределами дальности огня артиллерии обороняющихся войск, что снизило ударную мощь корпусов, и Ставка тут же потребовала от командующих и командиров всех степеней для повышения эффективности контрударов проводить их при огневой поддержке всех участвующих войск в сражении. Особо было потребовано, чтобы все наступательные операции и контрудары войск, начиная от корпуса и заканчивая фронтом, в обязательном порядке

¹ ЦАМО РФ. Ф.219, О.679, д.1, л.14; Д.2, л. 70.

проводились с одобрения и согласия Ставки. Примером более эффективных боевых действий послужил контрудар, проведенный на Северо-Западном фронте на подступах к Лужскому оборонительному рубежу войсками 11-й армии под Сольцами при поддержке 235 самолетов. Соединения противника понесли здесь ощутимые потери, а их наступление на ленинградском направлении было задержано почти на месяц. Центральным событием в удержании нового рубежа стратегической обороны было Смоленское сражение, которое проходило с 10 июля по 10 сентября в полосе фронта шириной 600—650 км и глубиной 200—250 км. Захват Смоленска рассматривался германским командованием как конечный момент для возможного стремительного движения на восток, так как Красная Армия, по предположению немцев, представлялась им уже уничтоженной, без возможности осуществить мобилизацию. Гитлер продолжал строить радужные планы дальнейшего успешного хода войны, сказав своим генералам, что «после окончания боев в районе Смоленска 2-я и 3-я танковые группы должны были разойтись: одна — вправо, другая — влево для оказания поддержки группам армий «Юг» и «Север». Группа армий «Центр» должна была вести наступление на Москву силами одних пехотных дивизий¹.

Это долгое и кровопролитное сражение начального периода войны представляло собой слоеный пирог, где наступающие немецкие войска переходили к обороне, а обороняющиеся советские войска переходили в наступление, и войска обеих сторон часто оказывались в окружении или полуокружении, бросая на вызволение своих войск последние резервы. В ходе этого сражения впервые в мыслях немецких генералов зародились сомнения в победе над русскими и над ними завитал призрак наполеоновской судьбы. В разное время в этом сражении принимали участие войска Западного, Резервного, Центрального, Брянского фронтов и 3-й корпус дальнебомбардировочной авиации против войск группы армий «Центр» и части сил группы армий «Север».

Первый этап Смоленского сражения, проходивший с 10 по 22 июля, начался в исключительно тяжелых условиях для войск Западного фронта, когда они еще не успели завершить свое сосредоточение и развертывание. На рубеже от Идрица до района южнее Жлобина успели занять позиции только 37 из 48 выдвигающихся сюда дивизий. Свои рубежи эти дивизии нередко занимали под огнем противника, приспособившись к условиям местности и обстановки буквально на ходу.

¹ История Второй мировой войны 1939—1945 гг., Т. 4. М., 1975, с. 73—74.

Противник вначале бросил в наступление 29 дивизий, из которых было 9 танковых и 7 моторизованных, имея превосходство в людях, артиллерии и самолетах в два и танках почти в четыре раза. А всего в составе наступавшей группировки гитлеровцев в ходе сражения было задействовано 62 дивизии и две бригады¹. Замыслом их действий предусматривалось расчленив обороняющиеся войска Западного фронта на три части: невелискую, смоленскую и могилевскую, окружить их и уничтожить, чтобы создать выгодные условия для беспрепятственного продвижения на Москву, захват которой победно, как думало гитлеровское руководство, завершал кампанию 1941 года, а может и всю войну.

В первые десять дней немецко-фашистские войска, действовавшие против правого крыла и центра Западного фронта, наступали успешно. 3-я танковая группа, продвинувшись на 150 км, овладела городами Полоцк, Невель, Велиж, Демидов, Духовщина. Обороняющаяся против нее в районе Полоцка 22-я армия вела бои в окружении, а 19-я, 20-я и 16-я армии — в полуокружении западнее, севернее и восточнее Смоленска. 2-я танковая группа в эти же сроки продвинулась на 200 км, захватив по пути города Оршу, Ельню, Кричев и окружив Могилев. Противостоящая ей 13-я армия частью сил вела бои в окружении в районе Могилева, а остальные ее войска закреплялись на реке Сож.

Передовые танковые и моторизованные части немцев сумели прорваться к Смоленску 15 июля, но они были остановлены 16-й армией и подошедшей ей на помощь 19-й армией. Целых десять дней за Смоленск велись тяжелые, не стихавшие ни днем, ни ночью бои, и только угроза окружения заставила советские войска 24 июля оставить этот старинный русский город². Здесь, под Смоленском, разыгралась еще одна трагедия, отголоски которой по вине своих «трудолобых демократов» дошли до наших дней.

На окраине Смоленска, в районе Катынь, располагались трудовые лагеря для поляков, общей численностью около 20 тыс. человек, их советские государственные органы использовали для строительства шоссейных и железных дорог при подготовке театра военных действий к войне. Костяк этих лагерей составляли польские военнотружущие, полицейские и жандармы, с которыми велась работа по вовлечению

¹ Военная мысль, № 10, 1981, с. 15.

² Великая Отечественная война — день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной Армии. Т.1. Вторжение 22 июня — 30 сентября 1941. М., 2008, с. 130.

их в ряды польской армии, начатая Советским правительством незадолго перед войной. Наступление немецко-фашистских войск в первые дни войны было настолько стремительным, что работавших на строительстве дорог польских военнопленных вывезти в глубь страны не удалось. Тогда даже раненые советские солдаты и офицеры нередко не находили себе места в отправляемых на восток поездах. Находившихся в трудовых лагерях поляков захватили немцы, и они немедленно приступили к их расстрелу.

Для фашистов уничтожение военнопленных в войну стало обычным занятием, ведь правительство Гитлера на их содержание не отпускало ни пфеннинга. После разгрома войск Западного фронта в плен попало 309 110 советских солдат и офицеров¹, которые были согнаны в концентрационные лагеря под открытым небом, где они содержались под стражей: без пищи, воды и медицинской помощи. Жестокость гитлеровцев превосходила жестокость гуннов — умерщвление советских военнопленных велось в массовом порядке.

Поляков фашисты ненавидели сильнее русских, и их убийство они совершили изощренным способом. Расстреливали их из пистолетов, связывая руки каждого военнопленного, в целях своей безопасности, бумажными шпагатами германского производства. Читатель может спросить — а почему расстреливали из пистолетов, ведь у фашистов были винтовки, автоматы и пулеметы. Все дело в том, что в напряженных боях под Смоленском группа армий «Центр» израсходовала весь запас боеприпасов, который им был нужен для развития наступления на Москву. Вот что сообщал фельдмаршал Паулюс в советском плену: «Разыгравшиеся в районе Смоленска боевые действия обусловили чрезмерный расход боеприпасов в такой степени, что запасы ...были израсходованы»². Наступление группы армий «Центр» на две недели было приостановлено, а «экономные и практичные» немцы для убийства военнопленных поляков стали использовать пистолеты, так как расход патронов этого оружия в боях, как правило, незначителен.

Как только началась Великая Отечественная война, Советское правительство еще 3 июля призвало польское эмигрантское правительство, находившееся в Лондоне, начать переговоры о заключении соглашения о взаимопомощи. Могло ли Советское правительство, только что расстрелявшее 20 тыс. польских солдат и офицеров, пойти на такой шаг, и мыслимое

¹ Ф. фон Бок. «Я стоял у ворот Москвы» Дневник командующего группой армий «Центр». М., 2009, с. 116.

² ЦАМО РФ, Ф.15, оп. 11600, д. 1076, л. 4

ли дело так кощунственно думать о советских руководителях того времени, по крупицам собиравших военную силу для отпора врагу, где бы она не находилась?

Не чувствуя за собой вины и не зная ничего о судьбе польских военнопленных под Катынью, Советское правительство 30 июля заключило соглашение с правительством Польши, в котором, во-первых, было признан утратившим силу советско-германский договор 1939 года о территориальных переменах в Польше; во-вторых, были восстановлены дипломатические отношения и состоялся обмен послами; в-третьих, стороны брали на себя обязательства «оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в войне против Германии; в-четвертых, предусматривалось создание на территории СССР польской армии; в-пятых, объявлялась амнистия «всем польским гражданам, содержащимся в заключении в качестве военнопленных или на других основаниях». Повторю пятый пункт этого соглашения — объявлялась амнистия «всем польским гражданам в заключении в качестве военнопленных или на других основаниях».

Сталин принял в Кремле и польского премьера Сикорского, и польского посла Ромера, и генерала Андерса, который был назначен командующим польской армией и быстро разрешал все вопросы, связанные с выполнением данного соглашения. В 20 городах, в том числе и в Смоленске, открылись польские представительства для оказания помощи польским гражданам, открылось 589 благотворительных учреждений (столовых, клубов, детских садов) и на это было выделено 100 млн. рублей. Советское правительство предоставило полякам заем на 300 млн. рублей и еще 15 млн. — в виде пособий офицерскому составу начавшейся формироваться польской армии. В СССР начала выходить газета «Польска»¹.

Кощунственная мысль приписать Сталину и его режиму убийство поляков под Катынью пришла Геббельсу, и он в течение многих дней эксплуатировал эту тему и навязывал ее международному сообществу, чтобы взорвать наметившийся союз трех великих держав в войне против немецко-фашистских захватчиков. Но великие деятели той эпохи — Сталин, Рузвельт и Черчилль распознали фальшивку и они ее даже не обсуждали. На заседании Нюрнбергского трибунала «никто из судей не поставил под сомнение вину немцев в расстреле поляков под Катынью и не потребовал исключения этого эпизода из обвинения»².

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т.3. М., 1946, с. 348—358.

² ГАРФ, ФОНД №21, ОПИСЬ 21, ДЕЛО 2329.

Вызывает сожаление, что в постсоветской России нашлись «свои обличители» и председатель Государственной Думы Б. Грызлов в ноябре 2010 года навязал своим сторонникам из партии «Единая Россия» постановление, в котором вина за расстрел польских офицеров была возложена на Сталина и его близкое окружение. С легкой руки грызловцев, преступление фашистского режима Германии было возложено на Россию, и поляки с особым пристрастием стали эксплуатировать эту тему, забывая об истинных виновниках польской трагедии — немецких фашистах. Летом 1940 года гестапо расстреляло под Варшавой более 7 тыс. представителей польской интеллигенции — цвет нации и в Берлине считали, что с польским возрождением навсегда покончено¹. А всего в лагерях и тюрьмах от болезней и истощений, а также в результате боевых действий фашистами было истреблено свыше 6 млн. поляков — 22 процента численности населения страны. Из каждой тысячи польских граждан, проживающих на территории Польши в 1939 году, 220 человек было убито, 37 получили тяжелые увечья, приведшие к инвалидности, около 100 заболело туберкулезом, свыше 100 вывезено в лагеря и на принудительные работы, 90 лишено всего имущества и выселено, 150 человек потеряли кров над головой².

Никто не ненавидел так поляков, как фашисты и эту ненависть им прививал сам Гитлер. Он не уставал говорить, что «Польша всегда была на стороне наших врагов, всегда пользовалась любым случаем, чтобы навредить нам...» «Поляки — жалкая, ни к чему не способная, хвастливая банда, сброд, которая ничуть не лучше, чем суданцы»³.

В сентябре 1943 года Красная Армия отбила у немцев Смоленск и в январе 1944 года Советские власти опубликовали результаты проведенного ими следствия по «Катынскому делу», в котором принимали участие академик Бурденко, митрополит Московский Николай, писатель Алексей Толстой, нарком просвещения Потемкин, с участием большой группы западных корреспондентов в сопровождении дочери посла США Гарримана. Комиссия предъявила неопровержимые доказательства того, что расстрел польских офицеров был совершен немецкой стороной в сентябре 1941 г., когда эти территории под Смоленском были уже ими оккупированы. Нигде в западной прессе никогда не оспаривалось это убийство немцами и вызывает оторопь от поступков собственных «демократиче-

¹ Военно-исторический журнал, №5, 1991, с. 28.

² Правда, 22 июля 1969 г.

³ Завтра, №32, август 2010 г.

ских» дураков, вознамерившихся испачкать свое прошлое, настоящее и будущее.

Война шла уже два месяца и немецко-фашистские войска, воспитанные Гитлером на ненависти к другим народам, сметали на своем пути все, что мешало им на пути к победе. В первую очередь уничтожались военнопленные, в которых немцы видели своих будущих мстителей, не было у этих варваров, гуннов XX века, и жалости к мирному населению. Вот почему на борьбу с ненавистными врагами поднималась вся великая Россия.

Полной неожиданностью для немецкого командования явился переход 13 июля в наступление 21-й армии на левом крыле Западного фронта с задачей выхода в тыл 2-й танковой группы для разгрома ее резервов и нарушения коммуникаций снабжения. Армия на своем левом фланге продвинулась до 80 км, захватила плацдармы и переправы противника на реках Березина и Птичь, а в центре вернула захваченные немцами города Рогачев и Жлобин и развивала наступление на Бобруйск, а своим правым флангом во взаимодействии с 13-й армией задерживала противника на рославльском направлении. Наступление армии было остановлено лишь вводом в сражение против нее двух армейских корпусов немецко-фашистских войск.

На втором этапе Смоленского сражения, проходившего с 21 июля по 7 августа, Ставка ВГК предприняла попытку организовать контрнаступление на западном направлении в целях разгрома смоленской группировки врага. Созданные для этого армейские оперативные группы, в которые влились остатки 29-й, 30-й, 24-й и 28-й армий, нанесли одновременный концентрический удар из районов Белый, Ярцево и Рославль на Смоленск.

Кроме того, в полосе 21-й армии для действий по тылам могилевско-смоленской группировки противника, в рейд было отправлено три кавалерийских дивизии, действовавших дерзко и смело; в ночные и предутренние часы отряды кавалеристов громили штабы и зазевавшиеся колонны немцев, что вызвало у них дикий страх и навело воспоминания прошлых наполеоновских войн с участием казачьей конницы. В ходе сражения образовалось два очага борьбы: один в районе Смоленска и Ельни, другой — на реке Сож и в междуречье Днепра и Березины. В целях улучшения управления 24 июля из армий левого крыла Западного фронта и поступившей новой 3-й армии резерва был образован Центральный фронт. Казалось, какие могут быть переформирования и переподчинения войск, когда на всем советско-германском фронте шли ожесточен-

ные сражения и бои, когда каждая минута стоили стольких жертв и потерь, а здесь Ставкой образуются новые фронты? Это могло проистекать только от присутствия силы и уверенности Ставки в управлении войсками, и что все ее распоряжения всеми военными инстанциями будут своевременно и точно исполнены. Удары оперативных групп хотя и не привели к разгрому смоленской группировки противника, но они заставили его отказаться от обходящих маневренных действий, сковали его силы на всех участках фронта и способствовали выходу из окружения 20-й и 16-й армий, помогли стабилизировать положение в полосе обороны 22-й армии Центрального фронта.

В самый разгар Смоленского сражения Ставка решила для усиления московского направления создать Резервный фронт, возглавить который было поручено генералу армии Г. Жукову. Неудачный исход начала войны отягчающе подействовал на руководителей наркомата обороны, не сумевших подготовить вооруженные силы к отражению нападения фашистской Германии на нашу страну, и многие генералы просились искупить свою вину на фронтах. Сталин не препятствовал их желаниям, ведь за плечами у них был большой опыт командирской и штабной работы, что всегда высоко ценится в войсках. Первым попросился возглавить Западный фронт нарком обороны маршал С. Тимошенко, потом это сделали ответственные работники Генерального штаба генералы Н.Ф. Ватугин, Г.К. Маландин, А.Ф. Анисов и другие. В конце июля такое же желание изъявил и начальник Генерального штаба Г. Жуков, и Сталин немедленно утвердил его в этой должности, несмотря на недооценку Жуковым роли тыла в современной войне. Сталин смотрел на войну как на тяжелую работу миллионов людей, одетых в военную форму, обеспечивать которых всем необходимым была обязана вся страна, раз на нее выпало такое несчастье. В Русско-японскую и Первую мировую войну в царской России фронт и тыл жил разной жизнью: первый проливал кровь и нес жертвы, второй, основу которых составляла крупная и средняя буржуазия, веселился и наживался на поставках вооружений и продовольствия армии, что привело к поражению русской армии в обеих войнах и гибели той же буржуазии на обломках царской власти.

Первые же дни войны вскрыли полную непригодность существующих управлений Наркомата обороны руководить тылом вооруженных сил и обеспечивать боевые действия войск. На этот недостаток работы тыловых органов было обращено внимание еще в Советско-финскую войну, но должных вы-

водов в военном ведомстве сделано не было. В мирное время Красная Армия не имела тыла в современном его представлении. В Наркомате обороны вопросами тылового и технического обеспечения занимались все главные управления родов войск и специальных войск, за него косвенно отвечали отдельные заместители наркома обороны, взявшие на себя обязанности по обеспечению войск средствами вооружения и продовольствия. Такое же положение было в округах и армиях¹.

30 июня 1941 года Главный интендант Красной Армии генерал-лейтенант Хрулев А.В. докладывал начальнику Генерального штаба генералу армии Г. Жукову: «Дело организации службы тыла действующей армии находится в исключительно тяжелом положении. Мы не имеем никаких данных по обеспечению продовольствием и интендантским имуществом фронтов... Подвоза также нет, так как Главное интендантское управление не имеет данных, куда и сколько нужно и можно завозить»² С присущей ему прямоотой Г. Жуков ответил Хрулеву: «Мы и сами не имеем никаких связей»³.

О проблемах тылового и технического обеспечения действующей армии узнал и Сталин, как только он возглавил Ставку. В начале июня он дал указание группе офицеров из состава Генерального штаба и Главного интендантского управления под руководством А.В. Хрулева изучить опыт управления тылом в период Русско-японской и Первой мировой войн, а также в армиях западноевропейских государств, и в сжатые сроки разработать новое положение о Главном управлении тыла Вооруженных сил, фронта и армий.

28 июля проекты документов лежали на столе у Сталина. Члены ГКО тогда собрались на станции метро «Кировская», так как в эту ночь немцы особенно ожесточенно бомбили Москву. Прочитав документы, Верховный Главнокомандующий молча протянул их начальнику Генерального штаба Г. Жукову. Тот быстро с ними ознакомился и заявил категорическим тоном: «Я не согласен. Авторы этих документов хотят, чтобы органы тыла подмяли под себя Генеральный штаб». Сталин вспылил: «Вы в этом ничего не понимаете. Никакой вы не начальник Генерального штаба, Вы просто кавалерист». При этом он взял документы обратно и тут же их подписал⁴. Это было не первое недовольство Верховного Главнокомандующего рабо-

¹ *А.И. Миренков. Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве. М., 2005, с. 83.*

² Архив ГШ. Ф.10, оп.295, д.001, л.241.

³ Тыл вооруженных сил, №9, 1991, с. 25.

⁴ Военно-исторический журнал, №6, 1961, с. 68–69.

той Г. Жукова, высказанное Сталиным в присутствии членов ГКО и генералов Генерального штаба. Штабная работа никак не подходила Жукову: он не успел ею овладеть до войны и сейчас он просто не охватывал всего размаха и глубины работы Генерального штаба и потому чувствовал себя не на месте. Сталин все чаще и больше стал общаться и работать с маршалом Шапошниковым и генералом Василевским, хорошо знавшими возможности промышленности по выпуску военной продукции и положение дел во внутренних округах, откуда постоянно черпались силы для действующей армии. Шел второй месяц войны и Г. Жуков не мог не видеть, что Сталин обладает превосходными познаниями в военной стратегии, которую он тесно увязывал с возможностями государства, и потому он чувствовал себя в Генштабе лишним. К тому же Жукова не покидало чувство вины за потерю управления войсками в первые дни войны, а понесенные жертвы были так велики, что они взывали к отпущению. Судьба войны решалась на фронтах, и свое призвание Г. Жуков видел на полях сражений с ненавистным врагом и ждал только удобного случая, чтобы попроситься в войска. Такая возможность появилась в конце июля, когда в Ставке было решено создать еще один фронт на направлении наступления немецко-фашистских войск к Москве — Резервный и Сталин с большим одобрением отнесся к его просьбе. Первые же донесения Г. Жукова о положении войск своего фронта в Ставку были настолько глубокими в оценке противника и действий своих войск, что не приходилось сомневаться в его таланте и стремлении диктовать противнику свою волю, которую он и сумел навязать ему в ходе наступательной операции под Ельней. Уже после войны, касаясь переустройства служб тыла в вооруженных силах страны на новой основе, он признался, что «до июня 1941 года он не представлял себе гигантские масштабы и необычайную сложность в работе тыла в современной войне; с этой проблемой ознакомился по-настоящему лишь в ее ходе».¹

Под непосредственным руководством Государственного Комитета Обороны, тыл вооруженных сил был в короткие сроки реорганизован, и уже осенью он стал могучим средством борьбы. Такой образцовой и централизованной организации военно-экономического обеспечения многомиллионных формирований войск еще не знала ни одна армия мира. В тот период организация тылового обеспечения войск рассматривалась как исключительно важная оперативная и го-

¹ Тыл вооруженных сил, №1, 1990, с. 36—37

сударственная задача. При назначении первых начальников тыла фронтов, оклады и положение которых уравнивалось с командующим фронтом, народный комиссар обороны И. Сталин обстоятельно беседовал с ними в своем кабинете, и, напутствуя их, указывал: «Война требует железного порядка в снабжении войск. Этот порядок должен наводиться твердой рукой начальников тыла фронтов и армий. Вам нужно быть диктатором в тыловой полосе своих фронтов, и это каждый должен хорошо усвоить»¹.

За годы войны тыл советских вооруженных сил сложился в мощный и эффективный военно-хозяйственный организм. Он принимал, перерабатывал, распределял, своевременно доставлял, ремонтировал и восстанавливал огромное количество всевозможных предметов военного назначения, обеспечивал их сохранность и эффективное использование войсками. Масштабы работы тыла непрерывно росли. Если среднесуточный расход боеприпасов и горючего в сражении на Волге принять за 100 процентов, то в сражении под Курском он составил соответственно 306 и 417 процентов, в Висло-Одерской операции — 498 и 534, в Берлинской — 876 и 715 процентов. Всего за годы войны войска израсходовали 427 млн. снарядом и мин, около 17 млрд. патронов, более 13 млн. тонн горючего, около 40 млн. тонн продовольствия и фуража, получили свыше 38 млн. шинелей, 73 млн. гимнастеров, 70 млн. шаровар и около 64 млн. пар кожаной обуви². Тыл вооруженных сил был важным звеном в превращении экономических возможностей государства в военную мощь и достижения победы над сильным врагом.

С появлением Г. Жукова на западном направлении резко возросла боевая активность войск Резервного фронта, и противник это сразу почувствовал. Там не только не было успеха у немцев — они не успевали отбиваться ни днем, ни ночью от нестихающих атак бойцов его фронта, часто переходящих в решительное наступление по овладению главенствующими позициями в обороне врага. Разведывательные подразделения фронта стали работать на большую глубину и своевременно вскрыли намерения гитлеровского командования направить подвижные силы на юг, о чем Жуков немедленно сообщил в Ставку. Постоянно тревожа врага, Г. Жуков стал готовить наступательную операцию по овладению Ельней, которую он успешно осуществил в начале сентября.

¹ ЦАМО РФ. Ф.67, оп.12022, д.84, л. 80.

² Военная мысль, №3, 1974, с. 12.

В районе Ельни образовался выступ шириной около 30 км и глубиной 26 км, вклинившийся в линию обороны советских войск. Ставка поддержала предложение Г. Жукова ликвидировать Ельнинский выступ, увязав его с действиями войск Западного фронта, чтобы одновременными контрударами двух фронтов нанести поражение германским войскам на Смоленском направлении. Организовав давление по всему фронту, и заставив врага ввести в бой оперативные резервы, Г. Жуков внезапно в ночь с 5 на 6 сентября нанес сильный удар войсками 24-й армии во главе с генералом К. Ракутиным по войскам противника с направления, откуда враг не ожидал нападения, и, сломив их сопротивление, заставил их поспешно покинуть Ельню. Спасаясь от полного разгрома и окружения, они вынуждены были оставить укрепленный плацдарм южнее Смоленска, с которого планировалось возобновить наступление на Москву. Преследуя бегущего врага, войска Резервного фронта нанесли поражение 6 пехотным и одной танковой дивизиям немцев и захватили 102 орудия. За успешные боевые действия 100-я, 107-я и 120-я стрелковые дивизии были удостоены звания гвардейских¹.

Ельнинская наступательная операция была первым сражением, в котором немецко-фашистские войска потерпели поражение, и всему командному составу Красной Армии стало ясно, что хваленые непобедимые фашистские войска можно бить даже при равном соотношении сил, если в полной мере применять по отношению к ним элементы военного искусства, такие как активная разведка, скрытность и внезапность боевых действий. Здесь, у Ельни, засверкал талант Г. Жукова, как полководца, и Сталин поспешил направить его для защиты Ленинграда, у стен которого разворачивались тяжелые бои с неясным исходом.

Быстрое овладение Ленинградом должно было принести гитлеровцам господство на Балтике и непосредственную связь с союзником — маннергеймовской Финляндией и окончательно развязать руки для наступления на Москву. По мере приближения немецко-фашистских войск к Ленинграду, он стал приобретать облик воюющего города: из добровольцев создали 10 дивизий народного ополчения и 16 отдельных артиллерийских и пулеметных батальонов, вооруженных военной продукцией, изготовленной на заводах города. Обороной города руководил маршал К. Ворошилов, но Сталин решил сменить его на более влевого и сильного военачальника, не боявшегося брать на себя ответственность и способного потребовать от войск решительных и смелых действий.

¹ Советская историческая энциклопедия, т. 5. М., 1964, с. 493.

Отозвав Г. Жукова после успешно проведенной операции под Ельней, Сталин жестко и решительно сказал ему: «Ставка решила направить вас для удержания Ленинграда. Не все понимают, какая опасность подстерегает нас, если фашисты овладеют этим городом. Немцы в своих обозах везут царя и Гитлер, переименовав это город на немецкий лад, Санкт-Петербург, намеревается посадить там его на престол, чтобы попытаться разжечь у нас гражданскую войну, в которую они захотят вовлечь на западе все белогвардейское отребье, занявшее сейчас выжидательную позицию. Повторяю, Ленинград мы должны удержать — другого пути у нас просто нет». Чуть помолчав, Сталин продолжил: «Судьбу Балтийского флота решайте на месте. Во всех случаях он не должен достаться врагу. Черчилль обещал нам восполнить его потерю. Но этого постарайтесь избежать».

Готовясь к овладению городом — колыбелью Октябрьской революции — Гитлер и его окружение носились с идеей посадить на русский престол одного из наследников дома Романовых — великого князя Владимира Кирилловича, вращавшегося в кругу гитлеровской элиты, среди которых были сыновья и внуки последнего императора Вильгельма II и многих других знатных фамилий, чьи предки владели коронами и землями в кайзеровской Германии. Великий князь гневно осудил Советско-финскую войну и участвовал в сборе средств для закупки вооружений для финской армии. Вокруг великого князя перед нападением фашистской Германии на Советский Союз образовался довольно прочный круг людей, являвшихся наследниками старой немецкой (прусской) знати в царской России, среди которых заметную роль играли потомки известных родов Остен-Сакенов, Дрентельнов и Мейендорфов, и они не без бахвальства мечтали о возрождении своего положения в России и старых традиций. В день нападения гитлеровских войск на Советский Союз великий князь опубликовал обращение к верноподданным России с призывом вместе с германскими войсками участвовать в освободительном походе против большевизма.

Жуков оправдал надежды Сталина. В первый же день он вызвал к себе командующего Балтийским флотом адмирала В. Трибуца и приказал: «Корабли поставить на Неву. Всея корабельной артиллерией поддерживать боевые действия 42-й армии. Зенитки — на прямую наводку и бить по танкам. Половину моряков — в окопы. Срок — два дня»¹.

¹ Полководцы и военачальники Великой Отечественной войны. Сборник М., 1986, с. 329.

Вместе с партийным руководителем Ленинграда А. Ждановым, являвшимся одновременно и членом Военного совета Северного фронта, генерал армии Г. Жуков создал из города неприступную крепость, о мощь которой разбилась военная сила группы армий «Север». Были дни, когда Жуков приказал для поражения танков и бронемашин врага направить большую часть зенитных орудий, защищавших небо города, и на удивленный взгляд и последовавший затем вопрос Жданова: «А как же, Георгий Константинович, с защитой Ленинграда от бомбардировок вражеской авиации?» генерал жестко ответил: «А зачем нам город, если им завладеют фашисты?».

На подступах к Ленинграду фашисты нанесли сначала главный удар в направлении Красное Село — Урицк — Ленинград, беспрепятственно атакуя в течение двух недель. Потерпев здесь неудачу они попытались прорваться к Ленинграду через Пушкин, и им удалось захватить северную часть этого города, но дальше продвинуться враги не смогли. 26 сентября разведчики обнаружили, что немцы роют окопы полного профиля и усиливают работы по укреплению своих позиций. Не сумев взять Ленинград прямой атакой, германское командование решило сломить сопротивление обороняющихся осадой, артиллерийскими обстрелами и бомбежками. Варварский план. Тяжелый снаряд сразу убивал с десятков человек. Но ленинградцы приспособили свой город и к этой тяжелой обстановке: жители вырыли щели в цехах заводов, на улицах, в садах и скверах и пережидали в них время артобстрела и бомбежек. Так как основные Бадаевские склады с продуктами питания для жителей города были сожжены фашистской авиацией, голод в городе был самым страшным явлением. Уже 2 сентября началось сокращение выдачи хлеба. С 20 ноября он был урезан до минимума: рабочий в сутки получал 250 грамм, все остальные 125 грамм прогорклой массы, именуемой хлебом. Ежедневно от голода и недоедания умирали тысячи людей¹. Но город продолжал жить и бороться, и он выстоял в этой борьбе. Большая заслуга в этом принадлежит и маршалу Г. Жукову.

В результате больших потерь ударная мощь группы армий «Центр» была серьезно подорвана, укомплектованность их отдельных пехотных дивизий снизилась до 60%, танковых и моторизованных до 50%, немецкая авиация в боях потеряла около 170 самолетов². Продвижение группы армий «Центр» шло крайне медленно, не было его и на севере — в направлении Ленинграда, а на юге 6-я немецкая армия безуспешно пы-

¹ Огонек, №3, январь 1969 г.

² Военная мысль, №10, 1981, с.16.

талась сломить сопротивление советских войск в Коростеньском и Киевском укрепленных районах. При этом, разрыв между группами армий «Центр» и «Юг» шириной более чем в сто километров, все увеличивался, и для Гитлера и командования сухопутных войск Германии становилось очевидным, что вести одновременное наступление на трех стратегических направлениях, какое они применили в первые недели войны, немецкая армия уже не может; каждое из них теряло свою ударную силу, ослабевало и могло совсем остановиться.

Гитлер первым заметил критическую обстановку Смоленского сражения и сделал очень важный вывод, что «в развязанной им войне недооценка сил противника грозит поражением»¹. Нужно было срочно вносить изменения в план «Барбаросса», который начал под Смоленском проваливаться. Его очень встревожил доклад командующего группой армий «Юг» о том, что обстановка на его фронте резко изменилась к худшему и причиной этому, как считал генерал-фельдмаршал Рундштедт, являлось то, что «войска сильно измотаны и несут большие потери»².

Нужно было принимать решение о повороте подвижных сил из состава группы армий «Центр» на помощь войскам действующим на севере и на юге советско-германского фронта, но они так жестко были связаны боями под Смоленском, что у гитлеровского командования на этот счет было разное мнение. Командующий группой армий «Центр» настаивал на продолжении наступления на Москву, другие командующие считали это решение ошибочным и просили подкреплений для овладения Ленинградом и Киевом.

Повороту крупных сил подвижных соединений группы армий «Центр» на север для уничтожения совместно с группой армий «Север» советских войск в Прибалтике, германские стратеги придавали исключительно важное значение. Директива Гитлера №21 подчеркивала, что «лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой последует захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операции по захвату Москвы» и что «только исключительно быстро наступивший развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих задач одновременно»³.

4 августа Гитлер прибыл в Борисов, в штаб группы армий «Центр, и, выслушав доклад командующего генерал-фельдмар-

¹ Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила мир. М., 2003, с. 5.

² Военная мысль, №6, 1968, с. 83.

³ ЦАМО РФ. Ф.15, Оп.11600, д.1062, л.39.

шала фон Бока и доклады командующих танковых групп генералов Гота и Гудериана о больших потерях немецких войск, за которым скрывалось нерастроченная сила Красной Армии, заявил, что «если бы перед войной он бы лучше был информирован о силе советской армии, то принять решение о необходимости нападения на Советский Союз ему было бы значительно труднее»¹. Затем Гитлер стал подробно разъяснять свое намерение сделать Ленинград и Украину центром всех дальнейших стратегических планов верховного командования. Он хотел сначала овладеть северной столицей русских и захватить Крым и Украину, чтобы потом, несмотря на приближение зимы, взять Москву.

Это было возвращение к первоначальному плану «Барбаросса»; с самого начала войны Гитлер стремился к овладению в первую очередь Украиной, Донецким бассейном и Северным Кавказом, жизненные ресурсы которых смогли бы обеспечить возможность фашистской Германии вести длительную и большую войну. На южное направление был поставлен один из самых близких приближенных к Гитлеру генералов — фельдмаршал Рундштедт, откуда же была направлена одна из самых больших и лучших армий вермахта — 6-я во главе с генерал-фельдмаршалом Рейхенау. Впоследствии, под давлением военного крыла и данных разведки, Гитлер изменил направление главного удара, сместив его севернее — на Белоруссию.

После Смоленска Гитлер посетил штаб группы армий «Юг», где он согласился с генерал-фельдмаршалом Рундштедтом, что вырвавшаяся вперед группа армий «Центр» не сможет наступать на Москву, пока не будет решена судьба Ленинграда и Киева, для захвата которых группа армий «Центр» должна была выделить значительные военные силы. В этой поездке Гитлер убедился, что все три группы армий ослабли и измотаны русским сопротивлением, и ни одна из них не могла выполнить в одиночку поставленные цели.

Возвратившись в Берлин, Гитлер продолжал искать решение проблем на Восточном фронте, советуясь как со своим штабом, так и с командующими группами армий. Фельдмаршал Лееб заявил Гитлеру, что он без усиления своих войск не сумеет захватить в конце августа Ленинград; те же мысли высказал и командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Рундштедт, прося перенацелить танковую группу Гудериана ему на помощь для овладения Киевом и Донбассом. Уже в середине августа в штабе командующего группой армий «Юг» ге-

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1975, с. 76.

нерал-фельдмаршала Рундштедта набирало силу мнение, что добиться победы на Восточном фронте в этом году нет никакой возможности и что советско-германский фронт надо стабилизировать и удержать на линии Ленинград — Смоленск — Харьков — Днепр и одновременно предполагалось в зимний период отправить с Восточного фронта до 2 миллионов солдат-специалистов для работы в промышленности, производительность которой должна в течение зимы достигнуть наивысшей точки»¹.

Параллельно таким критическим взглядам среди высшего генералитета фашистской Германии росла тревога из-за намеченного провала плана «молниеносной» войны на Востоке, и начался поиск причин этого. Существовало мнение, что ей помешала война на Балканах, которая нарушила планы нападения на СССР, отодвинув его на шесть недель. Но большинство генералов были убеждены, что германская разведка работала неудовлетворительно и не смогла оценить действительное состояние Красной Армии, особенно как наличие в ней танков и самолетов, так и внутривойсковое положение внутри красной империи, показывающей на фронтах удивительную живучесть и стойкость. В военных кругах вермахта стала обсуждаться идея о необходимости ввода в состав правительства Кейтеля и Браухича, с которыми связывали улучшение и увеличение производства вооружений для действующей армии².

15 августа в штабы групп армий «Север» и «Центр» поступило распоряжение Гитлера, в котором от командующих требовалось:

1. Группе армий «Центр» дальнейшее наступление на Москву приостановить. Оборону вести на таких участках, характер которых исключал бы возможность проведения противником охватывающих атак, и для отражения которых не потребовалась бы поддержка авиации.

2. Наступление группы армий «Север» должно в ближайшее время привести к успеху. Только после этого можно будет думать о возобновлении наступления на Москву. В связи с появлением кавалерии противника в тылу 16-й армии и отсутствием в резерве моторизованных частей в 1-м армейском корпусе, возникла опасность, что несмотря на сильную поддержку авиации, многообещающее наступление севернее озера Ильмень приостановится. Из танковой группы Гота для группы армий «Север» немедленно выделить и подчинить возможно

¹ ЦАМО РФ. Ф.28. О.11627. Д.140.Ч.2. Л.109—110.

² Там же. Л.116—117.

большее количество моторизованных соединений (примерно одну танковую и две моторизованные дивизии), которые будут снабжаться и использоваться группой армий «Север»¹.

Одновременно последовали распоряжения о смещении главного удара группы армий «Центр» на юг, куда устремились 2-я танковая группа и 2-я полевая армия вермахта. С этого начался третий этап Смоленского сражения, продолжавшийся с 8 по 21 августа, в положении войск Центрального фронта были найдены слабые места, куда устремились танки Гудериана, создавая угрозу флангу и тылу Юго-Западного фронта. Чтобы снизить масштаб нависавшей новой опасности, Ставка 16 августа для прикрытия брянского направления образовала Брянский фронт.

17 августа шесть армий Западного фронта перешли в наступление с задачей прорвать тактическую зону обороны противника и, развивая успех, заставить противника израсходовать все оперативные резервы, и притянуть на себя те силы группы армии «Центр», что были направлены германским командованием на юг для удара в тыл Юго-Западного фронта. Хотя оно и не получило развития, но враг затратил на его отражение большие силы. Были потрепаны две танковые, одна моторизованная дивизии и одна моторизованная бригада, которые командованию группы армий «Центр» пришлось заменить пятью пехотными дивизиями². С первых чисел августа из Северной Франции на Восточный фронт почти ежедневно уходили эшелоны для пополнения потерь, которые несли гитлеровские войска на Востоке³.

Все шесть армий Западного фронта практически не имели танков, и у них не было возможностей создать подвижные танковые силы для развития успеха, поэтому прогрызание обороны противника шло медленно, силами одной пехоты, и противник успевал, маневрируя только тактическими резервами, отражать опасность и в центре своей обороны, и на флангах. Одновременно противник готовился к нанесению контрудара по правому флангу Западного фронта, где должна была наступать 22-я армия, которой командовал генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков. Эта армия перешла в наступление 21 августа, на четыре дня позже других армий, не имея достоверных разведанных о силах немцев. В первый день наступления главные силы армии вклинились в оборону противника на 1—3 км, но на второй день рано утром на войска армии об-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 28, оп. 11627, д. 54-А, л.123

² Военная мысль, № 10,1981, С.16.

³ ЦАМО РФ. Ф.28, О.11627, д.81, л.110

рушился сильный контрудар немцев в составе двух танковых и двух пехотных дивизий, что явилось полной неожиданностью для командующего армией и его штаба. Отразить такой силы удар войска генерала Ершакова не смогли, к тому же управление в армии и дивизиях было нарушено, что способствовало быстрому окружению основных сил 22-й армии в районе Великих Лук¹. Из окружения дивизии выходили без вооружения, в ослабленном состоянии, и их нужно было заново переформировывать. На 20 августа в 22-й армии числилось 71 613 человек, на 7 сентября, по неполным данным, вышло из окружения 20 025 человек, выведено раненых 7271 человек, остальные были убиты, или попали в плен². Генерал Ф. Ершаков сумел выйти из окружения, и командующий Западным фронтом маршал Тимошенко доверил ему право принять под свое командование 20-ю армию, которая в сражении под Вязьмой, через месяц, снова попала в окружение. И опять главной причиной поражения и окружения армии, была плохая разведка, неумение вскрыть замыслы и намерения вражеского командования, и беспечность в сохранении собственных планов, в которых противник находил самые слабые и уязвимые места. Генерал Ф. Ершаков попал в плен и вскоре погиб в немецко-фашистском концлагере.

Следует заметить, что ведение разведки в первые месяцы войны для многих наших командующих армиями и фронтами, да и для всех остальных командиров Красной Армии, было самым слабым уязвимым местом в их деятельности. Понадобилось испить горькую чашу поражений в нескольких крупных сражениях и понести много жертв, прежде чем все командующие и командиры всех рангов усвоили простую истину, что без хорошо поставленной разведки противника, без привлечения в ее ряды самых способных и сильных людей, без внимания к ней первых лиц в армии — нельзя рассчитывать на победу над врагом.

21 августа Гитлер издал директиву, в которой войскам Восточного фронта предписывалось:

1. Главнейшей задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Дону и лишение русских возможностей получения нефти с Кавказа; на севере — окружение Ленинграда и соединение с финнами³.

¹ ЦАМО РФ. Ф.208, оп. 4857, д.34, л.86—88.

² ЦАМО РФ. Ф.208, оп. 12930, д.1, л.460—467.

³ Военно-исторический журнал, №12, 1959, с. 75.

2. Благоприятная оперативная обстановка, полученная в результате достижения линии Гомель — Почек, должна быть немедленно использована для проведения концентрированной операции внутренними флангами группы армий «Юг» и «Центр»; их целью является не оттеснение советской 5-й армии за Днепр частным наступлением 6-й армии, а уничтожение противника, прежде чем он отойдет за рубеж Десна — Котоп — Зула.

Только таким образом группа армий «Юг» сможет укрепиться в районе восточнее среднего течения Днепра, а силы, действующие в центре и на левом фланге группы армий, смогут продолжать операции в направлении Ростов — Харьков.

3. Группа армий «Центр» должна ввести в действие такое количество сил, чтобы суметь уничтожить 5-ю русскую армию и быть в состоянии отразить контратаки противника на центральном участке своего фронта. Решение выдвинуть левый фланг группы армий «Центр» на возвышенность в районе Торопца и примкнуть к правому флангу группы армий «Север», остается без изменений.

4. Занятие полуострова Крым имеет колоссальное значение для обеспечения поставок нефти из Румынии, поэтому всеми имеющимися средствами и использованием моторизованных соединений должно быть достигнуто быстрое форсирование Днепра в направлении Крыма до подхода подкрепленный противника.

5. Только окружение Ленинграда, соединение с финнами и уничтожение 5-й армии освободит силы и создаст предпосылки для выполнения задач, изложенных в дополнительной директиве №34 от 12 августа, то есть, успешного наступления и уничтожение группы Тимошенко. А.Гитлер¹.

Гитлер, несмотря на весьма близкое расстояние до Москвы германских войск, все же не рискнул продолжать наступление на Москву. Он опасался упорной борьбы на подступах к ней со стороны советских войск и одновременно фланговых ударов с северо-востока и юго-востока. Весь ход вооруженной борьбы на советско-германском фронте убедил гитлеровское военное командование, что Сталин и его генералы не прощают немцам ошибок, и не хуже их владеют искусством наносить удары противнику там, где он всего слабее — на флангах и стыках, и что продвигаться к Москве, когда с севера и юга над германскими войсками нависали советские войска — было смерти подобно. Это и побудило Гитлера сначала попытать-

¹ ЦАМО РФ. Ф.28, Оп.11627, д.54-А, л. 124—125.

ся решить фланговые задачи, на решение которых гитлеровские войска затратили более месяца, и «молниеносная» война, на которую рассчитывали немецко-фашистские войска, перерастала в затяжную. Так считали и в Советском правительстве. 30 июля в беседе со специальным представителем президента США Г. Гопкинсом, Сталин сказал ему, что зимой фронт борьбы будет проходить под Ленинградом, Москвой и Киевом

В ходе Смоленской оборонительной операции, продолжавшейся два месяца, главная ударная группировка немецко-фашистских войск, хотя и продвинулась на восток от рек Западная Двина и Днепр на 150—200 километров, но, понеся огромные потери, вынуждена была перейти к обороне в 300 км западнее Москвы, не добившись решения ни одной из стоявших перед ней оперативных задач. Если среднесуточный темп продвижения противника в начале войны достигал 30—50 км и более в сутки, то в ходе Смоленского оборонительного сражения он составлял в среднем 3—4 км в сутки¹. Главный итог Смоленского сражения — замысел немецко-фашистского командования разгромить Советский Союз в ходе одной молниеносной кампании был сорван, и фашистское руководство вступало на путь длительной войны, к которой Германия была абсолютно не готова. Гитлеровскому командованию становилось очевидным, что развязанная ими война не будет скоротечной, что в лице русских они встретили не только достойного противника, но врага, который стал их пугать неисчислимостью резервов, лучшими танками и новой боевой реактивной артиллерией — «катюшами», стойкостью и отвагой солдат, с какой они не сталкивались раньше. Во всех германских штабах перестали ожидать быстрой победы и готовились к трудным сражениям. Но главное, что пораживало германское командование, так это большие потери в живой силе и боевой технике. Если до нападения на Советский Союз вооруженные силы фашистской Германии при нападении на Польшу, Францию, Норвегию, Данию, Бельгию, Люксембург, Голландию, Югославию и Грецию потеряли около 300 тыс. человек, то только за первые 53 дня войны в СССР сухопутные войска вермахта потеряли убитыми 389 924 человека, или 11,4 процента своего состава (в среднем по 7000 человек в сутки)². Все предвидели, что напряжение в боях с русскими будет нарастать, а значит, должны были возрасти и потери, восполнить которые можно было только с помощью тотальной мобилизации.

¹ Смоленская оборонительная операция 1941 года. Учебное пособие военной академии им. Фрунзе. М., 1955, с. 42.

² Военно-исторический журнал, №12, с. 81.

После ожесточенного Смоленского сражения, в котором были израсходованы все боеприпасы, имевшиеся в группе армий «Центр» для продолжения наступления, германской военной промышленности нужно было предоставить время, чтобы восполнить их, и Гитлер был вынужден дать войскам двухнедельную паузу в боевых действиях, чтобы войска смогли подготовиться к дальнейшим сражениям. В этом основное значение Смоленской оборонительной операции. Войска Западного фронта, заставив врага перейти к обороне, выиграли время для укрепления дальних и ближних подступов к столице, что имело важное значение для последующих операций под Москвой.

Главные события на советско-германском фронте постепенно стали смещаться на юг, куда усиленно продвигалась 2-я танковая группа генерала Гудериана и 2-я полевая армия генерала Вейхса. Когда в штабе Гудериана узнали о перенесении главного удара в сторону Киева, то специалисты танковых войск усомнились в технических возможностях танков совершить такие дальние перемещения. До поворота главных ударных сил группы армий «Центр» на юг, ее танковые и моторизованные дивизии прошли с боями по 700—800 км, и сейчас им предстояло пройти с боями еще более 500 км, а вместе с возвращением на прежние позиции это расстояние удваивалось и среди танкистов все увеличивался ропот возмущения неслыханными угрозами живучести их боевой техники, которую они не могли поддерживать из-за огромных расстояний продвижения по России. Моторы не выдерживали такой нагрузки, что уж было говорить о пехоте, ногами месившей российские дороги.

Гитлер не считал невозможным совершать крупные перегруппировки танковых сил с одного направления на другое и потребовал «во что бы то ни стало обрушить удар по войскам 5-й армии и действующим западнее и восточнее Киева соединениям советских армий и уничтожить их прежде, чем они успеют отойти на подготовленные в тылу оборонительные позиции». Далее он более подробно разъяснил несогласным с ним генералам свою точку зрения: «Возражение, что в результате этого мы потеряем время, и наступление на Москву будет предпринято слишком поздно или что танковые соединения по техническим причинам не будут тогда в состоянии выполнить эту задачу, является несостоятельным. Ибо после уничтожения русских войск, как и прежде, угрожающих правому флангу группы армий «Центр», наступление на Москву будет провести не труднее, а легче»¹

¹ *И.Х. Баграмян*. Так начиналась война. М., 1971, с. 300.

Поворот части сил группы армий «Центр» на юг не остался незамеченным. 18 августа командующий Резервным фронтом генерал армии Г. Жуков доложил в Ставку ВГК свои соображения: «Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву, и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов. Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и выйдя в район Чернигова, Конотоп, Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта...»¹

Менее чем через сутки Ставка дала Жукову ответ следующего содержания: «Ваши соображения насчет вероятного продвижения немцев в сторону Чернигова, Конотоп, Прилуки считаю правильными. Продвижение немцев ..будет означать обход нашей киевской группы с восточного берега Днепра и окружение наших 3-й и 21-й армий... В преддверии такого нежелательного казуса и для его предупреждения создан Брянский фронт во главе с Еременко. Принимаются другие меры, о которых сообщу особо. Надеемся пресечь продвижение немцев. Сталин, Шапошников»².

Выполнению замыслов гитлеровского командования непосредственно должны были противостоять три фронта: Центральный, вновь созданный Брянский и Юго- Западный фронты. Центральный фронт, которым командовал генерал-лейтенант М. Ефремов, по своему составу оказался слабым, и вскоре его малочисленные армии по решению Ставки влились в состав Брянского фронта.

Для прикрытия образовавшегося разрыва между Западным и Центральным фронтами, восточнее Брянска с 16 августа был создан Брянский фронт, который возглавил генерал-лейтенант А. Еременко. Находясь в резерве Ставки, он неожиданно напросился на открывшуюся должность командующего Брянским фронтом, имея за плечами опыт руководства отдельными войсковыми группами в сражении за Минск и Гомель. И хотя он там не блеснул успехами в боях и сражениях — рекомендации маршалов К. Ворошилова и С. Тимошенко о нем, своем земляке, были положительные, да и сам Сталин обратил внимание на этого честолюбивого генерала. Генерал

¹ ЦА МО РФ. ОП.1174, д.151, Ч.1, л. 232.

² Военно-исторический журнал, №6, 1962, с. 72—80.

А. Еременко заверил Верховного Главнокомандующего, что он непременно разобьет подлеца Гудериана и этот каламбур стал гулять в Ставке до его полной дискредитации. Генерал А. Еременко принадлежал к тому типу энергичных и напористых людей, кто готов был взяться за любое дело и исполнять любую работу, которая наикратчайшим путем вела его к удовлетворению честолюбивых замыслов и вершинам власти, не задумываясь никогда над тем, что она может ему быть не под силу.

От войск Брянского фронта требовалось, помимо удержания рубежа по реке Судость, нанести контрудар во фланг 2-й танковой группе и не допустить ее продвижения на Котоп, Лохвицу. В этой обстановке командующему Брянским фронтом надо было не ждать, когда Гудериан появится перед ним, а искать его и навязывать ему бой на путях выдвижения, проходившим на удалении 30—70 км от линии фронта. Ставка сообщала в штаб фронта направление движения 2-й танковой группы и впервые применила массированные удары авиации по вражеским колоннам, которые несколько замедлили ее продвижение, но остановить не смогли. Танковая группа Гудериана, прикрывшись частью сил с востока, продолжала наступать в южном направлении, и к концу августа вышла к реке Десна восточнее Чернигова¹.

Сталин доверился генералу Еременко, связывая с ним большие надежды на спасение войск Юго-Западного фронта. Сохранились записи его переговоров с командующим Брянским фронтом.

Сталин: «У меня есть к вам несколько вопросов:

1) Не следует ли расформировать Центральный фронт, 3-ю армию соединить с 21-й и передать в ваше распоряжение соединенную 21-ю армию;

3) Мы можем послать вам на днях, завтра, в крайнем случае, послезавтра, две танковых бригады с некоторым количеством КВ в них и два-три танковых батальона;

4) Если Вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?

Еременко:...1) Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечивать, а это значит прочно взаимодействовать с ударной группой, которая будет действовать с района Брянска. Прошу поэтому 21-ю армию, соединенную с 3-й подчи-

¹ Советская историческая энциклопедия, т. 7. М., 1965, с. 215.

нить мне; 2)...Я очень благодарен Вам ...за то, что Вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку, они нам очень и очень нужны. А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараюсь разбить, задачу, поставленную Вами, выполнить, то есть, разбить его.»¹

Центральный фронт был расформирован, две армии этого фронта были переподчинены генералу Еременко, но надежды на сильный удар войск Брянского фронта во фланг наступающей танковой группе Гудериана, чтобы остановить или ослабить ее, не оправдались. Ставка сохраняла надежду на успешные действия Брянского фронта до 11 сентября, бросая на помощь этому фронту все свои оставшиеся резервы, но трагедии с Юго-Западным фронтом избежать так и не удалось.

Тревожные предупреждения о возможном переносе главных усилий гитлеровского командования с московского направления на юг Ставка передавала в войска Юго-Западного направления, которыми командовал маршал Буденный и в войска Юго-Западного фронта, во главе которых стоял генерал Кирпонос. Одновременно она предлагала ускорить оборонительные работы на флангах, опираясь на реки Днепр, Десну и Южный Буг, и перенацелить на угрожаемые направления часть своих сил и поступавшие на усиление фронта дивизии из центра. Главные события разворачивались вокруг Киева, столице Украины, захвату которой гитлеровское командование придавало большое значение. Попытка немцев завладеть им с ходу не удалась, войска и жители города, на защиту которого встало около 250 тысяч киевлян, успешно его отразили. Весь июль гитлеровские войска пытались прорваться к Киеву с запада, а потом одновременно с севера и юга, но успеха не имели. Терпение Гитлера заканчивалось, и он приказал взять Киев 8 августа во что бы то ни стало². Крупные силы немецко-фашистских войск ворвались в юго-западные пригороды города, но здесь они встретили ожесточенное сопротивление народного ополчения и были остановлены. По решению Сталина, внимательно отслеживавшего все события на юге и вокруг Киева, все войска, оборонявшие столицу республики, были объединены в 37-ю армию, которая была усилена двумя стрелковыми дивизиями и тремя воздушно-десантными бригадами из резерва Ставки. Эти вновь организованные войска перешли в наступление и к 16 августа выбросили противника из города. Успешная защита Киева советскими войсками серьезно отражалась

¹ ЦАМО РФ. Ф.202, оп.5, д.63, л.55—60.

² Советская историческая энциклопедия, т. 7. М., 1965, с. 214.

на всем положении гитлеровских войск на Восточном фронте. Киев был занозой в теле вермахта, не выгаташив которую нельзя было чувствовать себя здоровым; отсюда русские армии, и, прежде всего 5-я армия генерала Потапова угрожала нанести удар во фланг и тыл группы армий «Центр, и, отсюда, не покончив с Киевом, группе армий «Юг» невозможно было наступать по направлению к Донбассу и Крыму.

В первой половине сентября на Левобережной Украине северо-восточнее и юго-восточнее Киева разгорелись ожесточенные бои войск Юго-Западного фронта с немецко-фашистскими войсками, стремившимися ударами 2-й танковой группы генерала Гудериана с севера (с рубежа р. Десна) и 1-й танковой группы генерала фон Клейста с юга (с плацдарма, захваченного у Кременчуга) взять в клещи, а затем и окружить войска Юго-Западного фронта.

Угрозе с юга, со стороны 1-й танковой группы штабом Юго-Западного фронта было придано больше внимания и на это направление было направлено соответственно больше сил, а угрозе с севера 2-й армии и 2-й танковой группы придали меньшее значение, надеясь на помощь Брянского фронта, на заверения его командующего генерала А. Еременко, что «подлеца» Гудериана он разобьет. Этим заверениям особенно верил начальник Генерального штаба маршал Б. Шапошников, и ему нетрудно было убедить в этом и Сталина. Даже когда обозначился прорыв танковых сил немцев на левый берег Десны, командующий Брянским фронтом генерал Еременко сумел убедить маршала Б. Шапошникова, что главный удар Гудериан намерен нанести севернее Брянска и туда перебрасывались фронтовые резервы и резервы Ставки. У командующего Юго-Западным фронтом М. Кирпоноса не хватало воли и решимости принимать смелые решения, и также смело их отстаивать перед высшим военным руководством, что вело его к утаиванию горькой правды о положении своих войск, и подталкивало к компромиссам и соглашательским действиям, которые рано или поздно должны были привести к беде.

5-я армия фронта, возглавляемая генерал-лейтенантом М. Потаповым с началом войны все время умело и мужественно противостояла 6-й армии гитлеровской Германии, являвшейся одной из самых сильных армий вермахта как по численности, так и по числу одержанных ею побед. К середине августа она сковала главные силы 6-й армии западнее и севернее Киева, чем вызвала недовольство Гитлера, и он потребовал сломить ее сопротивление и уничтожить в междуречье Припяти и Днепра.

Предвидя угрозу с севера, и готовя силы для ее отражения, генерал Кирпонос приказал 19 августа командующему 5-й армии пятью ночными переходами отвести армию на левый берег Днепра и прочно удерживать оборону на фронте Лоев — Старый Глыбов, выделив три дивизии в резерв фронта. Одновременно командующий фронтом приказал 27-й стрелковый корпус переподчинить 37-й армии, оборонявшей Киевский укрепленный район. Это было одно из тех роковых решений, которое принималось командующим и штабом Юго-Западного фронта, повлекшее за собой в дальнейшем цепь крупных ошибок и просчетов по отражению угроз, нависших над фронтом с севера. Ведь на армию М. Потапова наступали главные силы танковой группы генерала Гудериана, и его армию нужно было не ослаблять, а, наоборот, усиливать.

Взаимодействие между армиями было организовано плохо, и как только 5-я армия стала отходить, за ней последовали подвижные силы 6-й армии вермахта, сумевшие захватить мост и плацдарм на восточном берегу Днепра в районе Окуниново. Положение на фронте сразу резко осложнилось.

Нельзя не сказать и о политической подоплеке, способствующей совершению крупных военных ошибок в штабе Юго-Западного. Командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Кирпонос был смелым и бесстрашным генералом, отличившийся в Финскую войну, когда кавалерийская дивизии, которой он командовал, совершила невероятный переход по льду Финского залива, и вышла в тыл финским войскам, оборонявших Выборг. Это вынудило финнов оставить город, а потом и потерять всякую надежду удержать свою территорию от вторжения на нее советских войск, что подтолкнуло их к поиску мира с Советским Союзом. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза, и он был замечен Сталиным, сразу выдвинувшим его на должность командующего Киевским Особым военным округом. Опыта руководства таким большим округом у Кирпоноса не было, но он быстро учился и хотя война и застала войска фронта плохо подготовленными, быстро набирал опыта, так что немецко-фашистские войска группы армий «Юг» продвигались в центральные области Украины с упорными и ожесточенными боями, неся тяжелые потери, и теряя всякую надежду на овладение своими силами Киевом и Донбассом. У него, правда, не хватало полководческого дарования и способности спокойно оценивать обстановку и принимать решения, но все же это был способный генерал, быстро впитывавший в себя опыт войны.

В работу Военного Совета Юго-Западного фронта постоянно вмешивался Н. Хрущев, являвшийся членом Военного Совета. Перед ним генерал Кирпонос всегда терялся и не мог отстоять своего ранее принятого решения. Встречаясь с Хрущевым, он всегда менял свои оценки событий и соглашался с теми, которые высказывал Хрущев, и принимал к исполнению его советы и рекомендации, в то время как это противоречило создавшейся обстановке. Он всецело подпал под его влияние и боялся принимать самостоятельные решения, предварительно не согласовав их с Хрущевым. Этого крупного партийного деятеля, остававшегося руководить партийной организацией Украины, все боялись как огня. Там, где он появлялся, а тем более работал, никто не смел ему перечить или возражать — слишком многие за это поплатились своей жизнью. Н. Хрущев, проводя чистку на Украине от «врагов народа», вовлек в этот уничтожающий процесс и ряд видных военных работников Киевского и Одесского военных округов, посеяв страх среди командного состава армии, и Кирпонос впитал этот дух, не пытаясь бороться с ним. По вопросу обороны Киева Кирпонос не принимал ни одного решения, предварительно не согласовав его с Хрущевым.

Как бы не было трудно, генерал Кирпонос считал удержание Киева главной задачей фронта, потому что он сковывал семнадцать дивизий 6-й армии вермахта¹. К такому решению было склонно все руководство Ставки Верховного Главнокомандующего. Сталин не хотел оставлять Киев и по политическим соображениям. Всякая уступка своей территории без борьбы, а тем более столицы республики, чревата нравственным поражением боевого духа бойцов, которая по своим последствиям бывает опаснее поражения физического. Ставка предложила Кирпоносу срочно перегруппировать часть своих сил на северный фланг и во взаимодействии с Брянским фронтом решительно атаковать танковые соединения, направленные Гитлером из группы армий «Центр». При этом Сталин в телефонном разговоре с Кирпоносом напомнил ему, что проведенные ранее без должной организации отходы на неподготовленные рубежи, как правило, заканчивались неудачами и что противник, располагая более маневренными средствами, расчленил отступающие войска на части и окружал их. Поэтому в целях выигрыша времени для подготовки обороны на новом рубеже Сталин потребовал «Киев не оставлять и мостов не взрывать без разрешения... Только ...после создания кулака против конотоп-

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 4. М., 1975, с. 83.

ской группы противника и после создания оборонительного рубежа на реке Псел... начать эвакуацию Киева»¹.

На следующий день, 19 августа, Ставка приняла важное решение — отвести все войска Юго-Западного фронта, кроме 37-й армии, оборонявшей Киевский укрепленный район, за Днепр с задачей — удержать за собой рубеж Днепра от Лоева до Переволочной с Киевским укрепленным районом на западном берегу, и надежно прикрыть направления на Чернигов, Конотоп и Харьков. Ставка не жалела сил для усиления Юго-Западного фронта, отдав ему два воздушно-десантных корпуса и около десяти последних дивизий из своего резерва, которых так будет не хватать при обороне Вязьмы и Брянска. Из этих дивизий фронтом была создана 40-я армия под командованием генерал-лейтенанта К. Подласа, сколоченная наспех, плохо управляемая, и она не выполнила возлагаемых на нее задач. На них шла хорошо организованная германские 2-й армия и 2-й танковая группа, с хорошо поставленной войсковой разведкой, крепким управлением и воинственно настроенными солдатами и офицерами. Противостоять этой силе ослабленная 5-я армия генерала Потапова и вновь созданная 40-я армия генерала Подласа не смогли.

Видя, что командование Брянского фронта уделяет недостаточное внимание взаимодействию и укреплению стыка с Юго-Западным фронтом, Ставка забрала у Еременко 21-ю армию и переподчинила ее Кирпоносу с конкретной задачей — не допустить разрыва между фронтами, куда могли устремиться танки Гудериана. Все, что было в силах и даже выше сил, чтобы спасти Киев и войска Юго-Западного фронта от поражения, Ставкой было выполнено, потому что Сталин и Советское правительство придавали огромное значение промышленным районам Украины, с потерей которых страна лишалась выпуска многих видов военной продукции, которые так нужны были для продолжения вооруженной борьбы с фашистской Германией.

Вмешавшийся в эти события Н. Хрущев вообще запретил командующему генералу Кирпоносу снимать какие-либо дивизии с обороны Киева, и его в этом вопросе всецело поддерживал главнокомандующий Юго-Западным направлением маршал С. Буденный, также находившийся под влиянием Н. Хрущева. Нельзя забывать при этом, что Н. Хрущев оставался все это время первым секретарем ЦК КП(б) Украины, был хозяином положения и от него зависело снабжение войск Кирпо-

¹ ИВИ. Документы и материалы. Инв. №77, л.179—181.

нос метался между требованиями Москвы и Киева, и все время опаздывал с принятием решений на отражение сильных танковых ударов немцев с южного и северного направлений, что привело к утрате управления войсками и крушению всей обороны фронта.

И даже когда генерал Кирпонос принял решение об оставлении Киева, Хрущев убеждал Сталина в некомпетентности командующего фронтом в отношении принятого им решения и настойчиво просил Ставку не разрешать ему делать этого. Н. Хрущев был один из самых близких и доверенных лиц И. Сталина, и с его мнением нельзя было не считаться. Киевскую катастрофу тот же Н. Хрущев потом свалил на Сталина, а вслед за ним некоторые советские военачальники услужливо растажиrowали эту ложь.

Киевская катастрофа с войсками Юго-Западного фронта не менее тяжело отразилась на эвакуации предприятий с Украины, которую Н. Хрущев сдерживал в своих же интересах, докладывая Сталину и правительству об ее успехах по выпуску военной продукции. Многие заводы и предприятия Украины просто не успели эвакуироваться. Так, из Сталинской области надлежало эвакуировать 64 предприятия, в том числе такие крупные как Сталинский, Макеевский и Мариупольский металлургические заводы, но времени на их эвакуацию не хватило и они достались фашистским оккупантам¹. Народный комиссар черной металлургии И. Тевосян докладывал И. Сталину: «По важнейшим металлургическим, коксохимическим и огнеупорным заводам Сталинской области фактически эвакуация была сорвана»².

Последние месяцы уходящего 1941 года были самыми тяжелыми как для армии, так и для нашей экономики, испытывавшей тяжелый период перестройки на военный лад. В этот период эвакуированные на восток предприятия уже перестали давать продукцию в старых районах, но еще не были восстановлены и в новых, тыловых районах. Сказывались и огромные потери, которое понесло народное хозяйство страны в результате оккупации гитлеровскими войсками Украины, Белоруссии и ряда западных и центральных областей России.

Ставка требовала отвода войск от Киева, чтобы перебросить их на угрожаемые направления к Чернигову, Конотоп и Кременчугу, а Хрущев вместе с Буденным это решение не вы-

¹ Военная мысль, №2, 1958, с. 73.

² Центральный архив бывшего министерства черной металлургии СССР. Ф.1, д.53, л. 364.

полняли, полагая, что Ставка преувеличивает опасности, и им на месте виднее. Видя полную несогласованность в принятии решения Ставкой и командованием Юго-Западного направления в отношении применения войск, Сталин 12 сентября в спешном порядке, в самый напряженный момент боев на юге, меняет маршала С. Буденного на маршала С. Тимошенко в надежде, что последний справится с Н. Хрущевым и будет принимать те решения, которые согласуются с решениями Ставки. Спасти положение не удалось. Маршалы К. Ворошилов, С. Буденный и С. Тимошенко воплощали в себе военное искусство времен Первой мировой и гражданской войн. Они были усердны, трудолюбивы в выполнении воинского долга и могли без раздумий отдать жизнь за советскую власть — все это было, безусловно, их достоинством. Но, испытывая приверженность к военному искусству прошлого, и канонизируя его, они так и не смогли впитать в себя новые веяния, порожденные стремительным развитием авиации и танковых сил, что соответственно отразилось на формах и способах применения войск, скоротечности операций и быстроте мышления командующих, к которому они оказались просто не готовы.

12 сентября дивизии 1-й танковой группы противника в районе Лохвицы соединились со 2-й танковой группой, завершив окружение четырех армий Юго-Западного фронта, в которых числилось около 200 тыс. солдат и офицеров¹.

Сводки германского главного командования сообщали, что после разгрома войск Юго-Западного фронта и части сил Южного фронта в плен было взято 665 тыс. человек, захвачено 884 танка и 3710 орудий². Можно оспаривать эту цифру, и можно допустить, что немцы преувеличили количество взятых в плен, но все равно число погибших и плененных огромно. Обращая внимание на большое число взятых в плен, следует иметь в виду, что немецко-фашистские войска считали военнопленными всех мужчин, способных носить оружие, и в этот разряд попадали военные строители и просто обычные гражданские люди мужского пола. После начала войны это было второе крупное окружение советских войск, совершенное по вине командующих фронтами и армиями, все еще постигавших уроки войны, но не познавших их. Вспомним, в Отечественную войну 1812 года, когда русские войска вступили в сражение с французской армией во главе с вели-

¹ Военно-исторический журнал, №9, 1964, с. 61—63.

² Энциклопедия военного искусства. Командиры Второй мировой войны. М., 1997, с. 68.

ким полководцем Наполеоном, ни одна русская армия не была окружена и ее командующие, генералы М. Барклай-де-Толли и князь П. Багратион сумели избрать такой путь отступления и борьбы с врагом, что их армии в Бородинском сражении оказались сильнее преследовавших их французских армий. Впереди нас ждало окружение под Вязьмой, еще более тяжелое, чем под Киевом.

Расчлененные на отряды и группы, окруженные войска около двух недель продолжали вести тяжелую борьбу в окружении. Многие из них пробились через вражеские заслоны, но большая их часть погибла в неравных боях или попали в плен. В окружение со своим штабом попал и командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос, и при попытке вырваться из вражеского кольца вблизи села Верхояровка (12 км северо-западнее Пирятино) он был убит в бою как солдат, до конца выполнивший свой долг перед родиной¹.

Поражение войск Юго-Западного фронта тяжело отразилось на положении советских войск всего южного крыла советско-германского фронта. Советский Союз потерял почти всю Левобережную Украину и Киев. Возникла реальная угроза Донбассу. Под непосредственный удар быстро продвигавшихся танковых групп врага попали советские войска Южного фронта, которым командовал генерал-лейтенант Р. Малиновский. Его фронт мог более активно взаимодействовать с Юго-Западным фронтом и помочь ему избежать окружения, но командование Юго-Западным направлением во главе с маршалом Буденным, а потом и Тимошенко плохо руководило войсками и все время опаздывало с принятием нужных и важных решений. Для восстановления обороны на юге страны Ставке пришлось израсходовать значительную часть своих резервов, созданных с огромным трудом и необходимых на других участках фронта. Немецко-фашистское командование получило возможность усилить свою группу «Центр» для возобновления наступления на московском направлении.

¹ Энциклопедия военного искусства. Командиры Второй мировой войны. М., 1997, с. 65.

ГЛАВА XI

Подготовка группы армий «Центр» к наступлению на Москву. — Замысел операции «Тайфун». — Предвидение Г. Жукова. — Окружение советских войск под Вязьмой и Брянском. — Осадное положение в Москве. — Сибирские дивизии вступают в бой. — Собрание Сталиным резервов и подготовка контрнаступления. — Разгром гитлеровских войск под Москвой

Смоленское сражение полуобескровило вермахт, однако, победа под Киевом, в которой были разгромлены основные силы Юго-Западного фронта, вдохновило гитлеровское командование на новое наступление, которое было воспринято в рядах вермахта с большим одобрением. Совместная операция групп армий «Центр» и «Юг» по разгрому войск Юго-Западного фронта лишь отодвинула на время выполнение этой задачи и в начале сентября, как только гитлеровское командование сочло свои стратегические фланги достаточно защищенными, оно приступило к подготовке удара на Москву. В рядах немецко-фашистской армии было распространено всеобщее мнение, что овладение Москвой сулит им надежду на скорое окончание войны на Востоке. Командование группы армий «Центр» не успевало принимать пополнения, идущие к ним со всей Германии и оккупированных стран, но это были уже не те солдаты (в качественном отношении), что были потеряны немцами в сражениях на пути к Ленинграду и Киеву.

Захват Москвы являлся главной целью войны фашистской Германии против Советского Союза. Гитлеровское командование рассчитывало «еще до наступления зимы овладеть всем комплексом государственных, экономических и коммуникационных центров противника в районе Москвы и тем самым лишить его возможности восстановить разгромленные вооруженные силы и нарушить работу аппарата государственного управления»¹. Гитлер и его генералитет намеревались достичь этой стратегической цели последовательно, методом двойного охвата. Первое окружение и разгром советских войск планировалось провести в районах Брянска и Вязьмы, что им практически удалось. Второе окружение и захват столицы замыслилось осуществить путем глубокого обхода Москвы бро-

¹ Военно-исторический журнал, №6, 1959, с. 87.

нетанковыми войсками с северо-запада через Клин и Калинин и с юга — через Тулу и Каширу, с тем, чтобы замкнуть клещи стратегического окружения в районе Ногинска. Это план провалился и закончился разгромом основной ударной группировки вермахта, пытавшейся захватом столицы Советского Союза решить исход войны на Восточном фронте. Руководству фашистской Германии не пришло в голову, что ключи от сердца России и ее могущества находятся не в Москве, а глубинах Урала и Сибири, откуда всегда происходила сила великого русского народа.

Советское правительство после поражения под Киевом ожидало возобновления наступления немецко-фашистских войск на Москву, и Сталин неоднократно обращался к премьер-министру Англии У. Черчиллю с предложением открыть второй фронт в Европе, хорошо зная, что для этого у англичан есть все возможности. Они владели самым большим флотом и к середине 1941 г. на территории английской метрополии находилось около 37 дивизий различного назначения¹. Уже к концу 1941 года Англия превзошла Германию или не уступала ей по производству самолетов, автомобилей, танков, самоходных орудий и некоторых других видов вооружения². Правительство Великобритании в своем ответе Сталину, в который раз сослалось на свою неготовность к таким действиям, оставив Советский Союз один на один в борьбе с сильным врагом. Договоренности с Гессом и правительством Германии о соблюдении Англией в течение двух лет нейтралитета во время советско-германской войны, в Лондоне нарушать не захотели.

Используя фактор бездействия правительства Великобритании, немецко-фашистское командование перебросило из Франции, Бельгии и Голландии часть сил на Восточный фронт,полнило людьми и боевой техникой свои весьма поредевшие в летних боях дивизии, заставило Венгрию и Италию послать на советский фронт несколько корпусов и, произведя перегруппировку своих сил на советско-германском фронте, стало готовиться к новому наступлению. Особенно усердствовал в отправке на советско-германский фронт дуче Муссолини. Первым отправился в СССР экспедиционный корпус в составе трех дивизий. В июле 1941 года 225 эшелонов прошли через Австрию и Венгрию в Советский Союз. Они везли 3000 итальянских офицеров и 59 000 рядовых на восток

¹ Д. Балтер, Гуайдер Дж. Большая стратегия. Июнь 1941 — август 1942. М., 1971, с. 21.

² Кулиш В. История второго фронта. М., 1971, с. 62.

и были переданы 1-й танковой группе фон Клейста. Вслед за ними Советский Союз посетил Муссолини: был в Бресте, потом прибыл в Умань, где вместе с Гитлером принимал парад итальянских частей. В 1942 году к лету начала прибывать 8-я итальянская армия: 7 тыс. офицеров и 220 тыс. солдат, которая глубокой осенью стали прикрывать фланги 6-й армии Паулюса, где она и была разгромлена. Чуть позднее прибыл Альпийский корпус, для укрепления гитлеровских войск в районе Сталинграда. Всех их ждала одна и та же судьба — гибель на русской земле.

Гитлеровское командование спешило подготовить наступление на Москву. Уже в директиве верховного командования №36 от 6 сентября перед группой армий «Центр» была поставлена задача подготовить «решающую операцию против группы армий Тимошенко, чтобы по возможности быстрее (конец сентября) перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах». Далее развивалась мысль о том, что «после того, как основная масса войск группы армий Тимошенко будет разгромлена в этой решающей операции на окружение и уничтожение, группа армий «Центр» должна начать преследование противника, отходящего на московское направление, примыкая правым флангом к реке Ока, а левым — к верхнему течению Волги»¹.

Несмотря на неблагоприятную стратегическую обстановку, сложившуюся для немецких войск под Ленинградом, Гитлер разрешил усилить группу армий «Центр» 4-й танковой группой из состава группы армий «Север», переименованной 6 октября в танковую армию, имевшую в своем составе пять танковых и две моторизованные дивизии, а также 8-й воздушный корпус. Он вернул под командование Бока 2-ю танковую группу и 2-ю армию, а также перевел девять дивизий из группы армий «Юг» в группу армий «Центр». Командующие группами армий «Север» и «Юг» фельдмаршалы Лееб и Рундштедт были противниками наступления на Москву, и, отдав в распоряжение Бока свои основные ударные силы, они обрекали свои войска на угасание наступательных действий на своих направлениях и им оставалось ждать развязки событий в центре советско-германского фронта. Из своего последнего резерва ОКХ передало в состав группы армий «Центр» две танко-

¹ Военно-исторический журнал, №12, 1959, с. 79.

вые дивизии, что было верхом авантюризма и грубых просчетов в оценке боевых возможностей Красной Армии.

В конце сентября в группе армий «Центр» (9-я, 4-я и 2-я полевые армии, 3-я, 4-я, 2-я танковые армии) насчитывалось 77 дивизий, в том числе 14 танковых и 8 моторизованных, или 64 процента всех немецких подвижных соединений, действовавших на советско-германском фронте. В срочном порядке были пополнены пехотные дивизии до 90 процентов, а в танковых дивизиях количество танков было доведено до 70—100 процентов от их штатной численности. На 1 октября группа армий «Центр» имела в своем составе 1 800 тыс. человек, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков и около 1390 самолетов¹. Таким образом, к началу октябрьского наступления противник при незначительном перевесе в живой силе над нашими войсками западного направления имел двукратное численное превосходство в артиллерии и почти пятикратное — в танках².

По замыслу наступательной операции «Тайфун» предусматривалось тремя мощными ударами танковых группировок, поддерживаемых авиацией, из районов Духовщины, Рославля и Шостки расчленить оборону советских войск, оборонявших Москву, окружить и уничтожить войска Западного и Резервного фронтов в районе Вязьмы, и Брянского — в районе Брянска, затем сильными подвижными танковыми группировками охватить Москву с севера и юга и одновременно фронтальным наступлением пехотных дивизий овладеть столицей русских³.

Наступление немецко-фашистских войск на московском направлении должен был поддерживать 2-й воздушный флот, имевший в своем составе 2-й и 8-й авиационные корпуса. По авиации противник имел примерно двукратное численное превосходство. Присвоив этой операции кодовое название «Тайфун», правители Третьего рейха не сомневались в том, что выделенные для этого столь значительные силы и детально разработанный план генерального наступления на Москву, обеспечит им полный, поистине «ураганный» успех.

В день начала наступления, 2 октября Гитлер обратился с приказом ко всем солдатам и офицерам советско-германского фронта, в котором он сообщал: «За несколько недель три

¹ Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1970, с. 115.

² Главное военно-научное управление Генерального штаба Советской армии. Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 7. М., 1952, с. 10.

³ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 4. М., 1975, с. 91—92.

самых основных промышленных района большевиков будут полностью в наших руках. Создана, наконец, предпосылка к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага... Сегодня начинается последнее, большое решающее сражение этого года». Через два дня после этого наступления Гитлер выступил по берлинскому радио с измышлениями об успехах германской армии: «Враг уже разбит и никогда больше не восстановит своих сил...» — так кричал в эфир этот великий авантюрист¹.

Тревога за положение дел на западном направлении никогда не покидала Ставку, и в первых числах июля на заседании ГКО обсуждался вопрос о создании оборонительной линии на дальних подступах к Москве. На этом заседании секретарь ЦК, МК и МГК ВКП(б) А. Щербаков заявил, что Москву вместе с кадровой армией будут оборонять ее жители². А 18 июля, когда еще шло Смоленское сражение, ГКО принял решение о строительстве оборонительных рубежей на дальних подступах к Москве. В этот же день решением Ставки был создан фронт Можайской линии обороны. На Московский военный округ было возложено строительство Можайской линии обороны от Московского моря до Детчино, протяженностью по переднему краю 220 км³. Это должна была быть непрерывная линия батальонных районов обороны с оборонительными сооружениями и мощными противотанковыми препятствиями. Руководство Москвы решило продлить его и создать еще один, Калужский укрепленный район — от Московского моря до р. Оки, а 2 октября, в связи с угрозой Москве со стороны юга, было принято решение о строительстве Тульского оборонительного рубежа. Около двух месяцев десятки тысяч жителей Москвы и Подмосковья (примерно три четверти их составляли женщины) под бомбежкой строили Можайскую линию обороны.

Одновременно с развертыванием работ по созданию оборонительных рубежей на дальних подступах к Москве, в столице по инициативе партийных организаций началось формирование дивизий народного ополчения. Только в течение первых четырех дней в приемные комиссии военкоматов и в партийные органы поступило 168 470 заявлений с просьбой зачислить их в ополчение.

¹ Исторический журнал, №12, 1941, с. 22.

² *П.А. Артемьев*. Непреодолимая преграда на подступах к столице. В кн.: Битва за Москву. М., 1968, с. 111.

³ Военно-исторический журнал, №1, 1962, с. 37.

В состав Можайского оборонительного фронта вошло 12 дивизий народного ополчения и две дивизии, сформированные из частей НКВД, дислоцируемых вне Москвы. Однако обстановка на советско-германском фронте не становилась лучше и в первой половине августа все дивизии, находившиеся на Можайской линии обороны, были выдвинуты на усиление армий Западного и Резервного фронтов, понесших большие потери под Смоленском. После ухода дивизий народного ополчения на Можайской линии обороны войск практически не осталось. В начале сентября только важнейшие направления под Москвой прикрывались укрепленными районами с небольшим количеством пулеметных батальонов и огнеметных рот. Значительная часть Можайского рубежа не имела даже войск для поддержания в порядке построенных оборонительных сооружений. Открытие второго фронта наши тогдашние союзники фактически саботировали. В дни, предшествующие Московской битвы они хвастливо заявляли, что проводят «решающие» операции в Северной Африке. Но ведь и тогда всем было известно, что Гитлер имел на советско-германском фронте 160 дивизий, а на «решающих» фронтах против союзников в Северной Африке действовало всего лишь 3 дивизии немцев.

Генерал армии Г. Жуков, внимательно отслеживавший положение дел на ленинградском фронте, первым заметил погрузку и отправку немцами на московское направление танковых и моторизованных дивизий группы армий «Север», наступавших на Ленинград, и, позвонив Сталину, высказал свое убеждение, что эти дивизии перемещаются для подготовки удара на Москву. Перепроверив эти данные и убедившись в их достоверности, Сталин потребовал немедленного возвращения Г. Жукова в Москву, он хотел возложить на него оборону столицы.

Москва спокойно и деловито готовилась к оборонительным боям, в городе ни на минуту не прекращался выпуск военной продукции, не снижались темпы прокладки подземных туннелей метростроя — 1,5—2 км в месяц, напряженно работало правительство. Правда, основной состав правительства переехал в Куйбышев для активизации работы промышленности в Поволжье и на Урале, а в Москве, вместе со Сталиным, осталось небольшое количество министров и их сотрудников, от кого могла зависеть прочность обороны столицы. Подавляющее большинство жителей столицы были убеждены, что Москву удастся отстоять, нерушимой оставалась и вера в конечную победу над фашизмом. Как и в любой сложной обстановке, не обходилось без трусов и паникеров, но с ними бы-

стро расправлялись по законам военного времени, отчего настроение людей только крепло.

Складывалась трудная обстановка с поставкой войскам вооружений и боеприпасов. К началу зимы эвакуированные заводы еще не успели развернуться, и в производстве военной техники наблюдался спад. Наибольшее снижение уровня производства отмечалось в авиационной промышленности. В ноябре 1941 года было выпущено в 3,6 раза меньше самолетов, чем в сентябре¹. Это случилось потому, что на территории СССР, оккупированной к декабрю 1941 года, находилось до войны около 40% всего населения страны, производилось 63% всей довоенной добычи угля, 68% всей выплавки чугуна, 58% все выплавки стали, 60% всего производства алюминия, 38% всего довоенного валового сбора зерна, 84% всего довоенного производства сахара, находилось 38% ото всей численности рогатого скота и 60% всего поголовья свиней. Длина железнодорожных магистралей, захваченных оккупантами, составляла 41% протяженности всех железнодорожных путей СССР².

В силу резкого уменьшения выпуска вооружений, в связи с перебазированием промышленности на восток и ее перестройкой, а также больших первоначальных потерь боевой техники в ходе летне-осенней кампании, степень обеспеченности Красной Армии вооружением была самой низкой. Выручали запасы, которые готовили все министерства еще до войны.

При организации обороны на московском направлении Ставка ВГК в первый эшелон выделила войска Западного фронта под командованием генерала И. Конева в составе шести армий, занявших полосу обороны шириной 340 километров и Резервный фронт во главе с маршалом Советского Союза С. Буденным, в составе четырех армий, занимавших оборону в тылу Западного фронта по линии Осташков — Селижарово — Спас-Демянск — Киров. Эти четыре армии предназначались для отражения ударов немецко-фашистских войск в случае прорыва через боевые порядки обороны Западного фронта и составляли как бы второй оперативный эшелон. Две армии этого фронта (24-я и 43-я) занимали оборону в первом эшелоне южнее Западного фронта (от Ельни и южнее — ширина полосы 100 км) прикрывая спас-демянское направление. Войска Брянского фронта под командованием генерал-полковника А.

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. М., 1961, с. 160.

² *Н. Вознесенский*. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947, с 41—43.

Еременко в составе трех армий и одной оперативной группы должны были прочно удерживать брянско — калужское и севско — орловско — тульское направления. Передний край их обороны проходил по линии Снопот, Погар, Глухов общим протяжением до 330 км.

Директива Ставки от 10 сентября предписывала Западному фронту прекратить атаки упорно обороняющегося противника, перейти к обороне, прочно окопаться, вывести в резерв шесть-семь дивизий и создать мощную маневренную группировку для последующего наступления¹. В другой директиве Ставки войскам трех фронтов приказывалось мобилизовать все силы на укрепление оборонительных рубежей, накапливать фронтовые и армейские резервы, усилить бдительность и боеготовность войск. Их главная задача состояла в том, чтобы опираясь на подготовленную и строящуюся эшелонированную оборону, обескровить наступающие группировки противника, не допустить захвата столицы, выиграть время для завершения мероприятий по подготовке и сосредоточению резервов и добиться изменения соотношения сил в свою пользу².

В отличие от первых недель войны, когда наши войска не успевали из-за быстротечности боевых действий противника подготовить оборонительные рубежи, сейчас войска трех фронтов располагались на сильно укрепленном рубеже, каким являлась Вяземская линия обороны, и которая готовилась в течение двух с половиной месяцев войсками и гражданским населением. Она проходила в 250—300 км западнее Москвы по рубежу Осташков — Селижарово — Оленино — Дорогобуж — Ельня — Жуковка — Брянск и включала в себе предполье глубиной 30—50 км и три оборонительных рубежа с отсечными позициями между ними. Работы на Вяземской линии обороны начались в середине июля и продолжались до начала октября 1941 года. Ежедневно на строительство выходило 300—400 тыс. человек³. Каждый день сюда приходило до сотни эшелонов со всех ближайших областей и с Москвы со строительными материалами и лесом для возведения оборонительных сооружений на линии.

Вяземской линии обороны Ставка придавала исключительно значение и к началу октября она в основном была готова. Планировалось возвести более 4,5 тыс. железобетонных

¹ Битва под Москвой. М., 1989, с. 31.

² Военно-исторический журнал, №10, 1971, с. 61.

³ Там же, №12, 1966, с. 11.

дотов, но успели построить около 900, вместо них возводились не менее прочные казематированные деревоземляные пулеметные и артиллерийские сооружения, число которых на линии достигало более 10 000. Помимо этого для пехоты были отрыты окопы на отделение, снабженные козырьками, защищавших солдат от осколков, а на открытых местах были проложены хода сообщения. Общая длина заграждений всех видов достигала 10—15 км на батальонный район обороны, и они были расположены на фронте более 600 км. Казалось, что созданный Вяземский оборонительный рубеж обеспечит войска Западного, Резервного и Брянского фронтов от всяких случайностей, так надежно и прочно он был сделан. Однако его не удалось применить с пользой для войск. Там, где он меньше всего был подготовлен, на главных дорогах, ведущих к Москве, вражеские танковые и механизированные войска, легко прорвали оборону стрелковых дивизий на стыке Западного и Резервного фронтов, и вышли в тыл обоих фронтов. Вяземская линия обороны была оставлена нашими войсками почти без боя на всем ее протяжении¹. Еще раз была вскрыта пагубная привычка советских командиров начального периода войны: укреплению местности придавать большее значение, чем укреплению воинского духа, без опоры на который нет никакого смысла возводить сооружения даже из бетона и железа.

Положение со стратегическими резервами оставались напряженными. Сформированные после начала войны резервные армии и отдельные дивизии были израсходованы для ликвидации прорывов немецких войск на Западном направлении, под Ленинградом и Киевом. Несмотря на тревожное положение на нашей дальневосточной границе, Советскому Верховному Главнокомандованию пришлось уже в сентябре начать переброску с Дальнего Востока нескольких дивизий в свой резерв. Из Закавказского военного округа нельзя было взять ни одной дивизии, так как имевшиеся там силы обеспечивали не только неприступность нашей границы со стороны Турции, но и несли службу в Иране, где они находились согласно Советско-иранскому договору, чтобы предотвратить захват Ирана фашистской агентурой и обеспечить безопасность перевозки грузов, которые могли поступать из США и Англии через порты Персидского залива.

Все приказы и распоряжения Ставки войскам на Западном направлении требовали от командующих и штабов усилить разведку противника и своевременно вскрыть его наме-

¹ Военно-исторический журнал, №12, 1966, с. 13.

рения, тщательно готовить оборонительные рубежи на наиболее вероятных направлениях наступления врага, иметь сильные противотанковые резервы и всеми силами оберегать полосу обороны фронтов от действий вражеских лазутчиков и диверсантов.

Но и в этой, казалось бы, ясной для всех задачи маршал С.М. Буденный, пытаясь загладить свою вину за поражение советских войск под Киевом и Одессой, испросил разрешения у Сталина провести частную наступательную операцию силами 43-й армии северо-восточнее Рославля для угрозы Смоленску, а генерал А.Н. Еременко, тяготившийся своей неудачей по задержанию танков Гудериана, добился разрешения провести наступление частью сил левого крыла своего фронта для овладения городом Глухов, чтобы лишить противника тактических преимуществ на своем направлении. Цель этих операций была ничтожная, но на их выполнение были брошены лучшие силы Резервного и Брянского фронтов, и все внимание штабов и разведорганов за несколько дней до генерального наступления немецко-фашистских войск на Москву было приковано к этим второстепенным событиям. Из-за этого не были своевременно установлены районы сосредоточения ударных сил группы армий «Центр» и направления их возможных действий. Брянский фронт, например, сосредоточил свои резервы в районе Брянска, а противник наносил главный удар из района Глухов — Шостка, то есть на 120—150 км южнее Брянска.

Подготавливая план оборонительной операции, командующий Западным фронтом генерал И. Конев определил шесть вероятных направлений действий противника, но ни одно из них не оправдалось; гитлеровцы нанесли главные удары севернее и южнее автомагистрали Смоленск — Москва.

С 20 сентября огромная немецкая армия начала проводить крупную перегруппировку, выдвигая на главные направления танковые и моторизованные дивизии, основную массу артиллерии и авиации. Одновременно, при подготовке к генеральному наступлению на Москву гитлеровскому командованию удалось вскрыть характер обороны войск Западного, Резервного и Брянского фронтов, найти в ней уязвимые места и точно так, как и 22 июня, немцы нанесли сильные удары в стыки между фронтами и армиями и именно там, где она была наиболее уязвима: одноэшелонное построение, слабая насыщенность войск противотанковыми средствами и удаленность резервов. Командующие и штабы трех наших фронтов, из-за недооценки роли войсковой разведки и недостатка анализа действий врага, так и не смогли определить в полосе сво-

ей ответственности состав и силу создаваемых ударных группировок противника, и направление их боевых действий, и удар снова оказался для советских войск неожиданным и внезапным.

Первой операцией «Тайфун» начала южная ударная группировка немцев против войск Брянского фронта, на острие ее находилась 2-я танковая группа генерала Гудериана. И здесь тактика и оперативное искусство немецко-фашистского командования была типичной: сосредоточение на узком участке мощной пробивной силы в лице танковых и моторизованных дивизий, поддерживаемых сильным авиакрылом, и расширение этого удара в глубину обороны противника с как можно большим темпом продвижения.

Командующий фронтом генерал Еременко и его штаб с беспечным благодушием относились к собственной судьбе: разведка противника велась из рук вон плохо, замысел германского командования относительно дальнейших действий немецко-фашистских войск не был разгадан, а оборона фронта строилась по кордонному принципу, изжившему себя еще в XIX веке. Все фронтовые резервы командующий расположил близко к линии фронта, что не позволило совершить ими маневр в сторону флангов. Танковые бригады были равномерно разбросаны по всему фронту, а четыре кавалерийские дивизии были отданы на усиление армий; командующий фронтом не имел резервов, стыки не были обеспечены¹.

Для войск Брянского фронта неожиданным оказался удар 30 сентября 2-й танковой группой врага из района Шостка — Глухов на Севск и Орел, в тыл обороняющихся советских войск. Командование фронта могло силами четырех кавалерийских дивизий, поддержанных группами танков в 100—150 единиц, и гвардейскими минометами остановить танки противника, но с принятием таких решений генерал Еременко все время запаздывал. Армии Брянского фронта оказались расчлененными, а их тыловые коммуникации — перехвачены. Штаб фронта к началу операции располагался на удалении 160 км от передовой линии, а когда к нему прорвались танки противника, его нечем было оборонять. Генерал Еременко вынужден был лично участвовать в отражении нападения немцев на свой командный пункт. Управление во всех звеньях было потеряно. Связь фронта с армиями была нарушена и Ставка вынуждена была, не имея ясного представления о событиях, происходивших на Брянском фронте, взять управление некоторы-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 11600, д.983, л. 93.

ми армиями фронта на себя¹. Командующий фронтом генерал А. Еременко до своего ранения оставался в штабе 3-й армии, сведя свою роль к управлению одной этой армией.

В первый день наступления передовые авангарды танковой армии Гудериана продвинулись на глубину до 120 км, а к исходу 6 октября стремительным ударом немцы овладели Брянском. В тот же день, на его исходе, танкисты Гудериана соединились со 2-й армией Вейхса и окружили 26 советских дивизий 3-й, 13-й и 15-й армий Брянского фронта.

3 октября одна из танковых дивизий Гудериана, действовавшая на правом фланге его армии, легко овладела городом Орел, в котором почему-то не было наших войск. Позже выяснилось, что советские и партийные руководители сбежали с города, и население оказалось беззащитным. Напрасно некоторые политики-дилетанты думают, что народ сам по себе может спасти себя в трудную годину. Такого не бывает. Власть, опираясь на народ, может спасти себя и людей, если сможет их поднять на самоотверженную борьбу. Иного пути просто нет.

Ранним утром 2 октября на восток ринулись главные силы группы армий «Центр»: три пехотные и две танковые армии, насчитывавшие в своем составе 56 пехотных, 8 моторизованных и 14 танковых дивизий, при поддержке 2-го воздушного флота. В наступление на Москву были брошены все силы, что были в распоряжении командующего группой армий «Центр», что было верхом самоуверенности и рискованным шагом фельдмаршала фон Бока, надеявшегося в одном сражении разгромить советские войска и за две недели боев открыть дорогу к овладению русской столицей. В резерве командования группы армий «Центр» имелась одна танковая дивизия, одна бригада и один полк, носивший громкое название «Великая Германия».

На направлениях главных ударов противник имел многократное превосходство в силах и средствах. Так, на духовщинско-сычевском направлении на 50-километровом участке в стык 30-й и 19-й армий Западного фронта наступали 12 дивизий, в том числе 3 танковые (415 танков) и 1 моторизованная². Им противостояли пять советских ослабленных дивизий, и превосходство врага было в живой силе в 5—6 раз, в танках — в 10 раз. Быстро прорвав оборону на стыке двух армий, подвижные части немцев вышли на оперативный простор и развивали

¹ *А.М. Василевский*. Начало коренного поворота в ходе войны. В кн.: Битва за Москву. М., 1968, с. 17.

² Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964, с. 34.

наступление на Сычевку и часть сил на Вязьму. В самый напряженный момент, 2 октября, управление войсками было нарушено, и причиной этого был сильный авиационный удар по командному пункту Западного фронта в районе Касня, местоположение которого стало известно немцам¹. 6 октября ударные танковые группировки немцев вышли к Вязьме, и значительной части войск Западного фронта грозило окружение.

Тем временем южнее, на рославльско — спас-демянском направлении, противник нанес удар в стык Западного и Резервного фронтов силами 17 дивизий, из которых было 7 танковых и моторизованных, и легко прорвал оборону войск Резервного фронта. Выйдя на оперативный простор немецко-фашистские войска двигались по тылам и к 6 октября 4-я немецкая танковая армия через Спас-Демянск вышла к Вязьме, где соединилась с 3-й танковой армией, наступавшей из района Духовщины. К 7 октября 16-я, 19-я и 20-я армии Западного и 24-я и 32-я армии Резервного фронта были окружены западнее Вязьмы. В это же время были окружены и три армии Брянского фронта — 3-я, 13-я и 15-я армии. Это катастрофа была страшнее катастрофы, случившейся 22 июня, когда фашистская Германия напала на Советский Союз. Тогда разгрому подверглись три армии Западного фронта, и после войны маршалы и генералы вину за это поражение и за весь неудачный для советских войск начальный период войны возложили на Сталина, сняв с себя всякую ответственность за неготовность войск к войне. Возложить вину за окружение и разгром советских войск в Вяземском и Брянском котлах на Сталина те же маршалы и генералы не решились, и они пошли по пути умолчания этой трагедии: не называя виновных и, главное, не вскрывая причин, которые к этому привели. Ведь в начале октября 1941 года никакой внезапности не было — и Ставка, и командующие фронтами ожидали наступление немцев и, в отличие от первого дня войны, все войска на западном направлении располагались на хорошо подготовленных оборонительных позициях, ждали наступления немцев и в первый же день не выдержали силы его ударов. Вновь оправдалось массированное применение фашистским командованием танков на узком участке фронта и вновь советское командование оказалось неспособным ему противостоять. По-прежнему плохо изучался противник и местность, на которой он мог массировано применить свои танки и броневые автомобили, по-прежнему фронтные и противотанковые резервы распределялись по

¹ ЦАМО РФ. Ф.208, оп. 2511, д.215, л.13—14.

всему фронту, а не на тех направлениях, где можно было ожидать главного удара врага. Командование Западного, Резервного и Брянского фронтов весь сентябрь занималось укреплением обороны и не позаботилось даже отработать планы отвода войск на ржевско-вяземский оборонительный рубеж, а при угрозе окружения — и дальше на восток.

Маршал Советского Союза Г. Жуков, описывая управление войсками маршала С. Буденного и генерал-полковников И. Колева и А. Еременко, после войны писал: «Несмотря на превосходство врага в живой силе и технике, наши войска могли избежать окружения. Для этого необходимо было своевременно более правильно определить направление главных ударов противника и сосредоточить против них основные силы и средства за счет пассивных участков. Этого сделано не было...»¹ Это окружение можно было предотвратить, «ведь фактор внезапности наступления немцев полностью отсутствовал»².

Наступление немцев в первые октябрьские дни было настолько успешным, что в Берлине начинали поговаривать о близком окончании войны. Узнав о взятии города Орел, генерал Йодль, завершая доклад Гитлеру, подытожил его вескими словами: «Мы, без преувеличения, выиграли войну». Ему вторил пресс-секретарь Гитлера Отто Дитрих, заявивший корреспондентам: «Все военные задачи решены, с Россией покончено»³. А 9 октября 1941 года, через неделю после начала наступления на Москву, сам Гитлер, выступая по радио, провозгласил крах Советского Союза. «Я заявляю сегодня и говорю это без всяких оговорок, — вещал он, — что враг на Востоке повержен и никогда не поднимется вновь... Позади линии наших войск уже лежит пространство, в два раза превышающее территорию рейха, когда я пришел к власти»⁴. 18 октября 1941 года Гитлер издал приказ: «Капитуляцию Ленинграда и Москвы не принимать, даже если она будет предложена»⁵.

Резервов у Ставки, чтобы помочь фронтам на западном направлении, не было и окруженным войскам было приказано пробиваться на восток самостоятельно, но сделали это немногие. Только в середине октября часть наших войск суме-

¹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. 6-е изд. Т. II. М., 1984—1985, с. 192.

² Г.К. Жуков. Воспоминания командующего фронтом. В кн.: Битва за Москву. М., 1968, с. 64—65.

³ А. Буллох. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Т. II. Смоленск, 1998, с. 356.

⁴ Прозектор Д.М. Фашизм: Путь агрессии и гибели. М., 1985, с. 306—307.

⁵ Бл. Гарт. Важнейшие стратегические решения. От «Барбароссы» до «Терминала». Взгляд с Запада. М., 1988, с. 41.

ла прорваться из окружения, остальные, приковав к себе до 28 вражеских дивизий, продолжали сражаться насмерть, и это позволило советскому командованию выиграть время для организации сопротивления на Можайской линии обороны¹. Бои по уничтожению окруженных группировок войск Красной Армии продолжались до 17 октября, в них советские солдаты и офицеры проявили беспредельное мужество и стойкость, о которую разбилась мощь гитлеровской армии. Погибая в неравном бою, советские солдаты выводили из строя не менее двух немецких солдат, рвавшихся к Москве и нашедших свою гибель на подступах к ней. Однако неспособность командующих Западного, Резервного и Брянского фронтов и их штабов выстроить прочную оборону на московском направлении дорого стоило нашей армии. Сражение за Вязьму и Брянск завершилось разгромом всех трех фронтов, стоявших на пути движения гитлеровской армии к Москве. Восемь русских армий, состоявших из 73 стрелковых и кавалерийских дивизий, 13 танковых дивизий и бригад, а также многочисленных батарей армейской артиллерии были уничтожены или рассеяны. В общей сложности было взято в плен 673 098 тыс. человек, захвачено и уничтожено 1277 танков и 4378 орудий и минометов².

Судьба всех пленных была трагичной. В специальной директиве вермахта от 8 сентября об отношении к военнопленным говорилось, что «они потеряли всякое право на отношение к себе как к достойному противнику» и поэтому к ним были приняты самые безжалостные меры. Командование группы армий «Центр», из-за бесперывных разрушений железных дорог, совершаемых партизанами и специально засланными в тыл немцев диверсионных групп, испытывало перебои со снабжением, а так как содержание военнопленных было отнесено к компетенции военного командования, то их питание велось по остаточному принципу. Большое их количество было расстреляно на месте без всякого предлога, чтобы освободить армию от бремени, которое они собой представляли. Десятки тысяч пленных заставляли идти в дождь и в снег до тех пор, пока они не падали и не умирали от изнеможения, или их сгоняли в огромные временные лагеря прямо в поле, где у них не было пищи, медицинской помощи для раненых и крыши над головой. Согласно немецкому донесению от 19 февраля 1942 года, почти три из четырех миллионов совет-

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 3. М., 1975, с. 95.

² Ф. фон Бок. «Я стоял у ворот Москвы» Дневник командующего группой армий «Центр». М., 2009, с. 203.

ских военнопленных, захваченных к этому времени, погибли¹. В историю вошла жестокость гуннов, во главе которых стоял Атилла, но жестокость Гитлера и его подручных превосходят злодеяния древности. Если бы советская власть применяла те же методы к пленным немцам, что и они к нам, то их потери в войне могли неимоверно возрасти. Удивителен и прекрасен нравственный облик славянских народов, и прежде всего русского народа, никогда не имевших в своей истории подобных зверств, что числятся за немцами в разные периоды их исторического существования.

Обстановка на западном фронте складывалась исключительно тяжелой, и она мало чем отличалась от обстановки начального периода войны, так как в окружении или в полуокружении оказались главные силы трех фронтов. На всем пространстве от Ржевско-Вяземского рубежа до Можайской линии не было подготовленных оборонительных рубежей и естественных преград, на которые могли опереться отступающие войска, а других формирований у Ставки не было. Это был один из самых переломных моментов войны, когда решалась судьба Москвы, а возможно и всей России. В такой опасной обстановке мог растеряться и сильный человек, но Сталин не зря взял себе это имя — его стальная воля и полное спокойствие было тем центром, вокруг которого кипела работа по повышению стойкости и упорства войск и населения. В этих условиях, когда все обрушилось, военно-политическим руководством было принято единственно верное решение о защите Москвы, и уже сам Сталин стал лично руководить войсками и обороной на подступах к Москве.

На фронте от Московского моря до Калуги протяженностью 230 км в составе Западного фронта насчитывалось лишь около 90 тыс. человек. Сплошной фронт обороны создать было нечем, и командование фронта стремилось прикрыть только важнейшие дорожные направления, ведущие к Москве: Волоколамское, Можайское, Малоярославское, Калужское, Калининское и Тульское. Было много проявлений трусости, измены и дезертирства. Военные формирования НКВД из бегущих солдат и офицеров в отдельные дни формировали целые дивизии. Нередко проявляли трусость и обращались в бегство целые полки².

¹ А. Буллок. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Т. II. Смоленск, 1998, с. 369.

² ЦАМО РФ. Ф.15, ОП. 11600, л. 23.

Гитлеровские войска, практически без боя, продвинулись по направлению к Москве почти на 250 километров, и им казалось, что могущество и сила русского народа уже иссякла. Но последовали события, которые резко изменили положение дел на Дальнем Востоке, сразу отразившиеся на решениях советского правительства. 14 сентября от Р. Зорге пришло сообщение в Москву: «Японское правительство решило не выступать против СССР»¹ и после этого Генеральному штабу было разрешено направить несколько десятков дивизий с Сибири и Дальнего Востока на защиту Москвы. А крупная переброска войск с Дальнего Востока на западный фронт стала осуществляться после бесед И. Сталина 12 октября с приглашенными в Москву командующим Дальневосточным округом генералом армии И. Апанасенко, командующим Тихоокеанским флотом адмиралом И. Юмашевым и первым секретарем Приморского крайкома ВКП(б) Н. Пеговым, с которыми вождь обсудил порядок и сроки отправки на подступы к Москве дальневосточных дивизий и морских бригад.²

Переброска войск с Дальнего Востока началась почти немедленно и проходила под личным контролем И. Апанасенко. Генерал А. Белобородов, командовавший тогда одной из уходящих на Запад дивизий, писал позднее в своих воспоминаниях: «Железнодорожники открыли нам зеленую улицу. На узловых станциях мы стояли не более пяти-семи минут. Отцепят один паровоз, прицепят другой, заправленный водой и углем, — и снова вперед! Точный график, жесткий контроль. В результате все тридцать шесть эшелонов дивизии пересекли страну с востока на запад со скоростью курьерских поездов. Последний эшелон вышел из под Владивостока 17 октября, а 28 октября наши части уже выгружались в Подмоскovie, в г. Истре и ближайших к нему станциях»³.

В самый напряженный период для организации обороны Москвы в Ставку из Ленинграда был вызван генерал армии Г. Жуков. Принимая Жукова в своей кремлевской квартире, недомагавший Сталин не скрывал своей тревоги сложившейся обстановкой под Москвой: «Я не могу добиться исчерпывающего доклада об истинном положении дел. А не зная, где и в какой группировке наступает противник и в каком состоянии находятся наши войска, мы не можем принять никаких решений. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, тщатель-

¹ *А.М. Василевский*. Начало коренного поворота в ходе войны. В кн.: Битва за Москву. М., 1968, с. 17

² Российская газета, №23, 16 мая 2000 г.

³ Там же.

но разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время суток. Я буду ждать»¹. Это дословно приведенное высказывание Сталина высвечивает всю опасность, нависшую над столицей, и раскрывает начало той титанической работы, какую предстояло выполнить Г. Жукову по организации отпора врагу на подступах к Москве. Нужно было заново воссоздать Западный фронт, на который возлагалась историческая миссия — оборона столицы нашей Родины

Побывав на наиболее опасных участках Западного и Резервного фронтов Жуков пришел к выводу, что «все пути на Москву для врага по существу открыты»². Неутомимый Жуков целыми днями изучал обстановку на двух фронтах, передвигаясь от одного уцелевшего штаба к другому, и, ползая на передовой вместе с комбатами, на картах которых он успевал написать два слова: «Стоять насмерть!» делая размашистую подпись. Ежедневно, поздно ночью, докладывая обстановку Сталину, он всегда умел предсказать замыслы гитлеровских генералов на ближайшие дни, и предлагал лучшие решения для противодействия им. От самой природы в этом человеке была заложена какая-то удивительная сила и энергия, которая мгновенно передавалась подчиненным командирам и штабам, и они начинали верить в свои силы, которые, казалось, уже иссякли. Вместе с появлением Жукова штаб Западного фронта и командующие армиями оживили свою деятельность, в их работе появилась конкретная распорядительность, предвидение событий завтрашнего дня и жесткий спрос со всех командиров за положение дел в своих частях и подразделениях. Сталин, не раздумывая, утвердил Г. Жукова командующим Западного фронта, возложив на него ответственность за оборону Москвы.

Основные силы Западного фронта, в состав которого влились остатки Резервного фронта, под руководством Г. Жукова сосредотачивались на волоколамском, Можайском, малоарoslavском и калужском направлениях.

Завершив разгром окруженных советских войск в районе Вязьмы и Брянска, командование группы армий «Центр» в середине октября отдало приказ о продолжении операции на Московском направлении. 2-я танковая армия должна была прорваться к Туле и захватить дороги для дальнейшего продвижения как к Коломне, так и в направлении на Каширу и Серпухов. 4-я и 9-я армии, продолжавшие заниматься уничтожением советских войск в районе Дорогобуж — Вязьма, должны были

¹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Кн. 2. М., 1988, с. 188.

² Военно-исторический журнал, №3, 1955, с. 44.

высвободить свои моторизованные войска и далее наступать с рубежа Калуга — Медынь в северо-восточном направлении, захватывая переправы на реке Протва у Малоярославца и Боровска; 9-й армии — развивать наступление на Калинин.

Среди гитлеровских солдат и офицеров, рвавшихся к Москве, поддерживался небывалый подъем морального духа и уверенности в превосходстве германского оружия, и приближения скорой победы. Этот всеобщий настрой на победу и вера в предначертание фюрера была так велика, что в рядах атакующих был слышен один мотив: «Хайль Гитлер и Сталин капут», который даже плененные гитлеровцы бросали в уста смершевцев, не боясь смерти и даже презирая ее. Они рвались в бой, невзирая на колоссальные потери солдат, офицеров и боевой техники, и здесь погибали те, кому Гитлер внушил всепоглощающую и совершенно абсурдную идею о превосходстве немца над другими нациями и народами.

Но появлялось и то, что ослабляло порыв немецких войск. Первый снег выпал 7 октября, и хотя он быстро растаял — большинство дорог превратились в непролазные хляби. По ним стало практически невозможно подвозить горючее, боеприпасы, продовольствие, свежие резервы и зимнее обмундирование, которого катастрофически не хватало. Но главное, вверенные фельдмаршалу фон Боку ударные силы стали утрачивать подвижность, этот ключевой фактор всех его предыдущих побед. Моторизованные резервные колонны проходили в день не более 7—8 км, а самолеты люфтваффе не могли взлетать с полевых аэродромов. Артиллерия и танки беспрестанно застревали в грязи. Бок, находившийся в 100—120 км от Москвы, был вынужден 30 октября приостановить наступление и дожидаться морозов, пока почва не промерзла настолько, чтобы можно было подвести продовольствие и боеприпасы. Начались сказываться серьезные просчеты с обеспечением войск пополнением, продфуражем, топливом и, главное, боеприпасами. Для всей группы армий «Центр», — писал Гудериан, — суточный подвоз в середине ноября 1941 года составлял 23 эшелона, в то время как потребность войск достигала 70 эшелонов в сутки¹.

Ведя наступление на Москву, гитлеровское командование центральной группировки стало неспособно поддерживать взаимодействие с группами армий «Север» и «Юг», и увеличение разрыва между ними увеличивало опасности, грозящие им с флангов. Гитлер все время требовал от группы армий

¹ Итоги Второй мировой войны. М., 1957, с. 124.

«Центр» поддерживать локтевую связь с соседними стратегическими группировками, но попытка генерал-фельдмаршала фон Бока расширить фронт наступления на север в сторону Вышний Волочек и на юг в сторону Воронежа была решительно пресечена советским командованием. Имеющихся у немцев сил явно не хватало для развития наступления на широком фронте. Уже тогда германскому командованию нужно было думать о недопустимости дальнейшего продвижения к Москве, где их ожидала опасность неминуемого поражения.

Однако в штабе группы армий «Центр» этих нарастающих как снежный ком угроз не замечали, и 14 октября там был издан приказ, в котором сообщалось о конечных оперативных целях немцев на московском направлении. Из него видно, что гитлеровцы рассчитывали не только захватить Москву, но и выйти на рубеж Рязань — Орехово-Зуево — Загорск — Волжское водохранилище, а своими передовыми частями достигнуть линии восточнее Рязань — Юрьев-Польский — Переяславль-Залесский и далее по реке Нерль до Волги (севернее Кимр). Но этим не ограничивались планы немцев. Его моторизованные соединения заранее нацеливались севернее Москвы для захвата Ярославля и Рыбинска. Разграничительные линии восточнее Москвы в числе прочих городов включали Тамбов. Это говорило о далеко идущих и совершенно нереальных планах врагов¹.

Гитлеровское командование было убеждено, что ему удастся добиться намеченных целей. В преамбуле директивы от 14 октября сообщалось, что «противник перед фронтом группы армий разбит. Остатки отступают, переходя местами в контратаки». Это был грубый просчет. Советские войска не только не были разбиты, но оказались в конце октября способны остановить наступление врага. Октябрьское наступление цели не достигло. Вследствие этого сроки дальнейшего наступления немецко-фашистских войск на Москву были отодвинуты на более поздний срок.

Угроза Москве стала особенно нарастать с севера, где немецко-фашистские войска в составе 3-й танковой армии и части сил 9-й армии пробивались вдоль Волги на северо-восток и 14 октября ворвались в Калинин. Чтобы прикрыть это направление Ставка 17 октября образовала Калининский фронт, который возглавил генерал И. Конев. Его назначение стало возможным после того, как Г. Жуков при встрече с ним убедился, что генерал Конев не утратил своих лучших качеств коман-

¹ Военно-исторический журнал, №10, 1961, с. 83.

дующего, не растерялся и не сник, когда комиссия, посланная Сталиным для разбирательства причин, приведших к катастрофе войск трех фронтов в Вяземском сражении, с В. Молотовым во главе, признала его виновным в разгроме войск Западного фронта. Он продолжал исступленно работать над устранением последствий поражения. Жуков сам нуждался в сильных помощниках и в Коневе он сразу увидел надежного генерала, на которого можно опереться в трудную минуту, и он решительно за него заступился, заметив Сталину, что «за одного битого двух небитых дают». По его же совету и просьбе Конев был назначен командующим Калининским фронтом, откуда начала восходить его полководческая звезда. Он быстро набирался опыта, и активными действиями его фронт сковал силы немцев, а их 9-я армия вынуждена была перейти к обороне на рубеже Селижарово — река Тьма — Калинин — Тургиново. Конев, в обращении к Сталину, докладывал, что его войска подорвали основную мощь 3-й танковой армии, но сам фронт нуждается в усилении, так как численность всех дивизий фронта не превышает 3,5 тыс. человек.¹

Крупным мероприятием Ставки в то время было завершение подготовки новых резервных формирований на рубеже Вытегра — Рыбинск — Горький — Саратов — Астрахань, где создавался новый стратегический эшелон наших вооруженных сил. Здесь, на основании решения ГКО, принятого 15 октября, формировались девять резервных армий².

Непрерывно пополняла Красную Армию сама Москва. Вслед за двенадцатью дивизиями народного ополчения на фронт ушли еще четыре московские стрелковые дивизии. Коммунистические роты и батальоны москвичей-добровольцев заняли оборону на ближних подступах к городу. Туда же были посланы истребительные батальоны, которые тоже состояли из добровольцев и прежде охраняли порядок в городе, вылавливали вражеских парашютистов и шпионов³.

В период с 10 по 15 октября произошла передача функции руководства боевыми действиями на дальних подступах к Москве Западному фронту: Калужский боевой участок был передан 49-й армии; Малоярославский — 3-й армии; Можайский — 5-й армии; Волоколамский — 16-й армии. Московские власти спешно формировали еще 20 танковых бригад, 16 дивизионов и полков реактивной артиллерии и ряда артиллерийских час-

¹ ЦАМО РФ. Ф.28, оп.11627, д.241, л. 132.

² *А.М. Василевский*. Начало коренного поворота в ходе войны. В кн.: Битва за Москву. М., 1968, с. 22—23

³ *А. Карагезов*. Битва за Москву. Первая победа. М., 2003, с. 19—20.

тей, и принимали экстренные меры по размещению и отправке на фронт идущих из глубины страны резервов.

Для укрепления ближних подступов к Москве 12 октября ГКО принял решение о строительстве непосредственно в районе столицы оборонительных рубежей. Главный рубеж строился в форме полукольца в 15—20 км от Москвы. Городской рубеж проходил по Окружной железной дороге. Вся система обороны на ближних подступах к столице получила наименование Московской зоны обороны, которую возглавлял генерал Артемьев.

В середине октября на отдельных направлениях создавалось угрожающее положение, потребовавшее принятия чрезвычайных мер. 15 октября на основные магистрали, ведущие к Москве с северо-запада и юго-запада, было направлено 80 отрядов заграждений для минирования дорог и путей, высланы отряды минеров на железные дороги для подготовки к взрыву железнодорожных мостов, виадуков и путепроводов. С разрешения правительства 16 октября были заминированы 16 городских мостов и выставлены посты саперов, готовых к выполнению приказа, а 19 октября ГКО вынес постановление о введении в Москве осадного положения. За два дня до введения осадного положения секретарь ЦК и Московского городского комитета ВКП(б) А. Щербаков, выступая по радио, сказал: «...За Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови. Планы гитлеровцев мы должны сорвать во что бы то ни стало»¹.

Поскольку столица стала прифронтовым городом, из нее были эвакуированы часть партийных и правительственных учреждений и весь дипломатический корпус — Государственный Комитет Обороны признал необходимым срочно вывезти еще оставшиеся в городе оборонные заводы, научные и культурные учреждения. Это тоже была тяжелая утрата, так как удельный вес выпускаемой военной продукции Москвы с 23% в августе возрос до 94% в ноябре². Исключительно самоотверженным, сравнимым с героизмом на поле боя, был труд рабочих и инженеров, оставшихся в Москве на заводах и предприятиях. Людей было мало, работали на устаревшем оборудовании, так как все ценное было эвакуировано, но военное производство наладили в короткие сроки. На Московском автомобильном заводе организовали производство пистолетов-пулеметов, а затворы к ним поставлял Первый подшипнико-

¹ Выстояли и победили. Документы и материалы. М., 1966, с. 148.

² Советская историческая энциклопедия, т. 9. М., 1966, с. 727.

вый завод им. Серго Орджоникидзе. В декабре от этих предприятий ГКО потребовал дать продукции в 35 раз больше, чем в ноябре и это задание было выполнено. Троллейбусный парк Ленинградского района делал гранаты, а коллектив заводов «Серп и молот» и «Красный пролетарий» ремонтировали танки и одновременно выпускали прославленные «Катюши». Даже небольшие предприятия, снабжавшие до войны население галантереей, теперь отправляли на фронт противотанковые гранаты и взрыватели для боеприпасов. Можно с полным основанием утверждать, что жители Москвы внесли самый заметный вклад в победу над фашистской Германией.

18 октября немцами был взят Можайск, а вечером 19 октября в Кремле под председательством Сталина прошло расширенное заседание Государственного Комитета Обороны, на которое были приглашены партийные и советские руководители города. Без лишних слов Сталин подошел к столу и сказал: «Положение на фронте всем известно. Будем ли защищать Москву?». Все угрюмо молчали. Помолчав немного, он обратился с этим вопросом к каждому члену ГКО и ко всем приглашенным на это заседание. Получив от всех утвердительный ответ, Сталин тут же продиктовал постановление о введении осадного положения в Москве и в прилегающих районах. Верховный главнокомандующий здесь же, на совещании, стал сразу вызывать по телефону командующих войсками внутренних округов и отдал им приказ о немедленном направлении на защиту Москвы дополнительных дивизий. Он называл многие дивизии по памяти, лишь изредка заглядывая в записную книжку¹.

По прибытии на фронт эти дивизии сразу вводились в бой, и темп продвижения немецко-фашистских войск с каждым днем снижался и в конце октября противник был остановлен на рубеже Волжское водохранилище, восточнее Волоколамска, по рекам Нара и Ока до Алексина. Ставка, ожидая усиления наступления немцев, укрепляла Западный фронт резервами и пополнениями, идущими из Сибири и с Дальнего Востока. В связи с созданием Калининского фронта Ставка уточнила задачи всем фронтам, оборонявшим Москву. Войска Западного фронта получили приказ прочно удерживать занимаемые рубежи в центре фронта и не допустить обхода Москвы с северо-запада и юго-запада. Войска Калининского и Юго-Западных фронтов должны были прочно оборонять занимаемые рубежи и активными действиями сковывать силы врага. Координация действий фронтов и Московской зоны обороны была возложена на генерал-полковника А. Василевского. Од-

¹ В.П.Пронин. В кн.: Битва за Москву. М., 1968, с. 471.

нако стабилизировать фронт на дальних подступах к Москве так и не удалось и бои в конце октября шли уже в 80—100 км от Москвы.

Во второй половине октября 1941 года ГКО принял постановление о создании городских комитетов обороны в городах, расположенных в непосредственной близости к фронту. Городские комитеты обороны также являлись чрезвычайными органами, в руках которых сосредотачивалась вся полнота власти в данном городе, районе или области. Городские комитеты обороны были созданы в Севастополе, Сталинграде, Туле, Ростове, Мурманске и некоторых других городах. Обороной крупнейших городов Советского Союза непосредственно руководил Государственный Комитет Обороны.

Городским комитетам обороны предоставлялись широкие полномочия по обороне города. Они имели право объявить город на осадном положении; производить переселение жителей из одних районов в другие; давать промышленным предприятиям специальные задания по выпуску различных видов вооружения, боеприпасов и снаряжения; организовывать народное ополчение и истребительные отряды; производить мобилизацию населения, а также различного вида транспорта на строительство оборонительных рубежей вокруг города и баррикад в самом городе; разрабатывать специальные планы по рассредоточению в городе продовольственных запасов, по созданию неприкосновенных фондов.

Уже на второй день после образования, 22 октября 1941 года, Тульский городской комитет обороны вынес постановление о строительстве вокруг города оборонительных укреплений и о мобилизации на эти работы городского населения. Комитет совместно с военным командованием разработал подробный план обороны города, согласно которому весь город был разбит на несколько строго разграниченных боевых участков, во главе которых были поставлены секретари районных комитетов партии. На дальних и ближних подступах к городу были намечены главные узлы сопротивления. Поддержание строжайшего революционного порядка в городе и пригороде было возложено на военного коменданта Тулы, члена городского комитета обороны. Ему поручалось «всех нарушителей революционного порядка привлекать к строжайшей ответственности и предавать суду военного трибунала. Провокаторов, шпионов, злостных распространителей слухов и других агентов расстреливать на месте»¹.

¹ Из документов Тульской парторганизации. //Партийное строительство, 1942, №17—18, с. 10, 12.

Согласно постановлению комитета обороны, в самом городе приступили к строительству баррикад и противотанковых препятствий, а на окраинах города рыли окопы, возводили блиндажи. По решению городского комитета обороны в октябре 1941 года в Туле был сформирован рабочий полк, наполовину состоявший из коммунистов и комсомольцев.

Когда в конце октября танковая армада Гудериана оказалась под Тулой, сделав попытку взять ее с ходу, чтобы затем прорываться к Москве по наикратчайшему пути, то ни один вражеский танк, ни одна машина, ни один солдат не смогли проникнуть в город. Вместе с военным гарнизоном бесстрашно сражались жители города, что превратило Тулу в несокрушимую крепость, о стены которой разбились хваленые фашистские армады. Очень хорошо показали себя здесь советские танки Т-34, которых немцы стали бояться, а иногда, при виде их, поддаваться панике. В октябре 1941 года генерал Гудериан с горечью отмечал: «Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34... тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех»¹.

Убедившись, что яростные лобовые атаки, предпринимаемые до 6 ноября, не приносят успеха, Гудериан в течение 10—16 ноября пытался обойти Тулу с северо-запада. Однако и этот маневр оказался невыполним. Тогда гитлеровцы двинулись к Москве через Каширу, сосредоточив на этом направлении до 9 дивизий. Здесь им с большим трудом удалось прорвать оборону советских войск и к исходу 25 ноября передовые части Гудериана подошли к Кашире. Но теперь Тула представляла серьезную угрозу флангу и тылу танковой армии, это заставило Гудериана оставить здесь до четырех пехотных дивизий, что значительно ослабило его силы и сыграло немаловажную роль в провале вражеского наступления на Москву.

В Берлине продолжали составлять радужные планы войны на Восточном фронте и 12 ноября, когда наступление на Москву уже затухало, начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер, по совету Гитлера, провел совещание, на котором были составлены «Приказы по осеннему наступлению 1941 года», где танковым группам ставилась задача овладеть Горьким, находившегося в 600 км от Орла и в 400 км к востоку от Москвы, в то время как командующие армий и командиры корпусов группы армий «Центр» предлагали перейти к обороне на подходящих для этого зимних квартирах.

¹ Военная мысль, №12, 1954, с. 90.

Командующие соседними группами армий «Север» и «Юг» Лееб и Рундштедт настаивали на том, чтобы приостановить наступление на Москву и начать заранее подготовку оборонительных рубежей, на которых гитлеровская армия должна была перезимовать, и Гитлер, судя по всему, склонялся к тому же мнению, но Бок упрямо отстаивал свое право завершить наступательную операцию взятием Москвы, и его снова поддержал главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал Браухич и начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер. Под их давлением Гитлер был вынужден отдать приказ о финальном наступлении, назначив его на 15 ноября¹.

Как и в начале октября, гитлеровские генералы разработали план «клещей» — нанесение двух ударов по сходящимся направлениям. На этот раз к наступлению в составе группы армий «Центр» привлекалась 51 фашистская дивизия, в том числе 13 танковых и 5 моторизованных; враг имел до 3300 орудий, его наземные войска поддерживала авиация в составе 600 боевых самолетов, сосредоточенных в основном на аэродромах Смоленска. Красная Армия могла противопоставить врагу примерно равные силы пехоты, у нее было преимущество в авиации, но в артиллерии и особенно в танках превосходство было на стороне гитлеровцев. Советская промышленность испытывала большие трудности со снабжением войск вооружением. Ее валовая продукция с июня по ноябрь 1941 года уменьшилась в 2,1 раза², а заводы, эвакуированные на восток, еще не начали давать продукцию.

Для своего очередного наступления противник создал две ударные группировки. Северная, сосредоточенная в районе Волоколамска, включала две танковые группы (3-ю и 4-ю) и несколько пехотных дивизий 4-й армии; она должна была нанести удар в общем направлении на Клин, Дмитров, переправиться через канал Москва — Волга и выйти в тыл столицы, в район Ногинска. Южная группировка (2-я танковая армия), сосредоточенная юго-западнее Тулы, должна была овладеть Тулой, форсировать Оку и нанести удар на Москву с юга; часть сил этой группы также должна была обойти Москву и соединиться в районе Ногинска с войсками Северной группы. В центре фронта удар на Москву наносила 4-я армия, имевшая задачу окружить советские войска, оборонявшиеся западнее столицы. Против войск Калининского фронта противник си-

¹ С. Митчем. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998, с. 215.

² Вопросы истории, №1, 1957, с. 22.

лами 9-й армии переходил к обороне, а на участке Юго-Западного фронта его 2-я армия должна была наступать на Елец и далее до верхнего течения Дона. Таким образом, гитлеровское командование намеревалось окружить Москву и, перерезав все сообщения столицы с тылом, взять ее штурмом. Оно полагало, что резервы Красной Армии полностью исчерпаны и сопротивление защитников Москвы будет быстро сломлено.

Немецкое командование причину срыва октябрьского наступления стало объяснять осенней распутицей, хотя этот фактор одинаково влиял и на советские войска. Гитлер настойчиво требовал захватить Москву до начала зимы и, как зарвавшийся игрок, бросал для усиления группы армий «Центр» последние свои резервы. Для возобновления наступления на Москву германское командование развернуло 51 дивизию, в том числе 13 танковых и 7 моторизованных. Перевес в силах оказался на стороне противника: в людях в 2 раза, в артиллерии в 2,5 раза, в танках в 1,5 раза. На волоколамском и тульском направлениях превосходство немцев было еще более значительным. Две сильные ударные группировки немцев 15—16 ноября возобновили наступление на Москву, стремясь обойти столицу с севера через Клин, Солнечногорск и с юга — через Тулу, Каширу.

Начавшееся в середине ноября второе «генеральное наступление» немецко-фашистских войск на Москву протекало в основном по прежним планам. Характерно, что германское командование начало его практически без резервов. Как отмечал впоследствии командующий группой армий генерал-фельдмаршал фон Бок, к началу второго наступления на Москву на фронте, протяженностью более 900 км группа армий «Центр» располагала в качестве резерва только одной дивизией с ограниченной боевой способностью¹.

27 ноября по выдвинувшейся к Кашире группировке гитлеровских войск был нанесен контрудар 1-м гвардейским кавалерийским корпусом, и враг стал отходить на юг, к Мордвесу, бросая на своем пути технику и оружие. Тула продолжала быть занозой в теле танковой армии Гудериана, и сам немецкий генерал считал овладение городом своей главной задачей. «Немыслимо было, — писал он после войны, — проводить дальнейшие операции на север или на восток... не овладев предварительно этим важным узлом путей сообщения и аэродромом...»² Гудериан снова бросил свои основные силы на овладение Тулой, но туляки мужественно защищались и со-

¹ Военно-исторический журнал, №10, 1961, с. 84.

² Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984, с. 128.

рвали последние попытки гитлеровских солдат войти в город. А вскоре под ударами перешедших в контрнаступление советских войск остатки бронированных полчищ Гудериана показали назад — на запад.

Во второй половине ноября северо-западнее Москвы вели наступление на нее две ударные группировки группы армий «Центр»: истринская — 4-я танковая армия генерал-полковника Э. Хепнера с подчиненными ей тремя армейскими корпусами стремилась осуществить непосредственный захват Москвы; клинско-яхромская группировка — 3-я танковая армия генерала Г. Рейнгардта совершала глубокий охват Москвы, как и наступавшая с юга 2-я танковая армия генерала-полковника Х. Гудериана. Северным группировкам противника противостояли правофланговые соединения 5-й армии генерал-майора Л.А. Говорова, 16-я армия генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского и 30-я армия генерал-майора Д.Д. Лелюшенко. Вынужденные отступать под натиском превосходящих сил противника, они в этих трудных условиях успешно выполняли поставленную командованием Западного фронта задачу — упорной и активной обороной подорвать наступательные возможности противника и остановить его, сорвав фашистский замысел по овладению Москвой.

Это наше большое военное счастье, что на опасных направлениях оказались такие мужественные и талантливые военачальники. Верховный Главнокомандующий т. Сталин, руководивший и направлявший весь ход вооруженной борьбы на советско-германском фронте, знал пофамильно всех командиров дивизий и командиров бригад, отличившихся в боях с немецко-фашистскими захватчиками, и в трудные дни борьбы с фашистами приходил им на помощь, понимая, что поддерживая самых сильных и смелых командиров, он мобилизует сотни и тысячи других равняться на самых достойных. Он смело выдвигал их на более высокие должности. Тысячи командиров, умевших воевать по-новому, занялись войной с таким упорством и рвением, что уже к концу 1941 года они стали определять лицо армии. Было невероятно трудно, но все центральные, республиканские, областные и районные газеты посвящали свои страницы прославлению подвигов героев войны и труда, их не забывали награждать и славить. Незамеченный властью даже единичный подвиг побуждает других людей не стремиться даже совершать. Рокоссовский, Конев, Ватутин, Говоров, Толбухин, Черняховский, Батов, Белов, Катков, Ротмистров, Покрышкин, Жадов, Чуйков, Антонов, Бело-

бородов, Лелюшенко, Москаленко и сотни других генералов выросли на полях войны и спасли нашу родину от поработщени- фашистской чумой.

Сотни вражеских боевых машин атаковали войска 16-й армии. Впоследствии К. Рокоссовский рассказывал о том дне: «Направление главного удара в полосе нашей армии сразу определилось. Это был левый фланг — район Волоколамска, обороняемый 316-й дивизией генерала И. Панфилова. Атака началась при поддержке сильного артиллерийского и минометного огня и налетов бомбардировочной авиации. Танки лезли напролом. Мороз к тому времени сковал болота, и теперь немецко-фашистские танковые и моторизованные соединения — основная ударная сила врага — получили свободу действий. Мы это сразу почувствовали. Танки теперь двигались вне дорог, обходили населенные пункты, шли по мелкоколесью. В ответ мы применили маневр кочующими батареями и отдельными орудиями и танками»¹.

Именно в этот день выдающийся подвиг совершили 28 панфиловцев во главе с политруком В. Клочковым, которые занимали оборону у разъезда Дубосеково в районе Волоколамска. Герои-панфиловцы в 4-часовом бою подбили 18 вражеских танков, но почти все погибли, в том числе и политрук Клочков. Всем участникам этого боя Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза. Через два дня после этого легендарного боя, 18 октября, на своем наблюдательном пункте был убит генерал-майор И. Панфилов. Всего несколько часов он не дождал до известия о награждении его храброй и стойкой дивизии орденом Красного Знамени и переименовании ее в 8-ю гвардейскую².

А вскоре для обороны Москвы и подготовки контрнаступления начали прибывать сибирские дивизии. В ноябре дальневосточные дивизии уже вели оборонительные бои под Москвой или готовились к наступлению, начавшемуся 6 декабря. Солдаты из этих дивизий не боялись танков с крестами на башнях, смело атаковали их средствами ближнего боя и освобождали дорогу только мертвыми. Здесь на Волоколамском шоссе в районе Бородина на поле сражения, где 130 годами раньше встретился со своей судьбой император Франции Наполеон, 32-я Сибирская и 316-я стрелковая дивизии Красной Армии стояли насмерть, до последнего солдата, когда на них

¹ *К.К. Рокоссовский*. На Волоколамском направлении. В кн.: Битва за Москву. М., 1968, с. 166.

² *А. Карагезов*. Битва за Москву. Первая победа. М., 2003, с. 22.

наступали танковая дивизия СС «Рейх» и 10-я танковая дивизия. Дальше эти фашистские дивизии не прошли.

Без этих свежих и хорошо подготовленных дивизий выиграть битву под Москвой было бы, вероятнее всего, невозможно. Характерной особенностью всех новых пополнений явилась теплая одежда бойцов, помогавшая переносить морозы. Полушубки, валенки, телогрейки, теплое белье и теплые перчатки — все это тоже оружие и в сильные морозы оно становится главным оружием. Солдаты и офицеры Красной Армии в этом вопросе разительно отличались от гитлеровских солдат. К наступавшей зиме германские, итальянские, румынские и венгерские войска не были готовы; зимнего обмундирования у них вообще не было. Только отдельные танковые дивизии немцев перед возобновлением в ноябре наступления получили так называемую зимнюю одежду, не отвечавшую своему назначению. Она состояла из бумажного шлема (для танкистов), наушников, перчаток, теплых чулок и шинели¹.

Московские городские власти продолжали формировать новые части. На 2 декабря в составе Московского военного округа находилось 10 стрелковых дивизий, 17 стрелковых бригад, до 10 дивизионов реактивной артиллерии, более 20 артиллерийских полков и много других специальных частей. Это была внушительная сила, составлявшая боевой эшелон прикрытия Москвы и главная база питания боевыми частями Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов. На их основе были сформированы и переданы фронтам 20-я, 24-я и 60-я армии². Ставка и Генеральный штаб, занятые отражением наступления на Москву, не забывали и о других стратегических направлениях, и постоянно держали в сильном напряжении все фашистские войска, воевавшие на Восточном фронте.

17 ноября началось контрнаступление войск Южного фронта под Ростовом-на-Дону, а 29 ноября наши войска освободили его, заставив бежать из города танковые и моторизованные дивизии 1-й танковой армии генерала Клейста, им разрешение на поспешное отступление дал сам фельдмаршал Рундштедт, командующий группой армий «Юг». В танковых дивизиях этой группы оставалось по 25—30 танков, а потери в живой силе достигали 50%³. Гитлер, узнав об отступлении, тут же снял фельдмаршала Рундштедта с должности, но застувив-

¹ ЦАМО РФ. Ф.8, оп.11627, д.181, л. 332.

² Там же. Ф.6314, оп. 2185, д.1, л. 42

³ Там же. Ф.8, оп.11627, д.181, л.135,136.

ший на его место фельдмаршал Рейхенау подтвердил отход войск, несмотря на все протесты фюрера. Поражение 1-й танковой армии генерала фон Клейста заставило противника на длительное время перейти к обороне на всем южном направлении; был сорван замысел врага еще в 1941 году прорваться на Северный Кавказ. Контрнаступление войск Южного фронта под Ростовом было второй победной операцией Красной Армии в летне-осенней кампании 1941 года. Оно показало, что самые отборные немецко-фашистские войска могут быть успешно биты; оно укрепило веру в свои силы у советских войск, а это имело особо важное значение перед контрнаступлением под Москвой. В эти же дни пришло сообщение об освобождении войсками генерала К. Мерецкова города Тихвина и разгроме при его освобождении одного из лучших армейских корпусов фашистской Германии. Таким образом, попытка немецких войск соединиться с финнами для овладения Ленинградом потерпела полную неудачу и тогда немецко-фашистские захватчики приступили к варварскому обстрелу города тяжелой артиллерией, от которого больше всего страдало гражданское население.

Удары советских войск под Ростовым и Тихвином, завершившиеся поражением ростовской и тихвинской группировок врага, сковали его силы на севере и юге и не позволили ему перебросить под Москву группе армий «Центр» ни одной дивизии. Это облегчило войскам Западного фронта ведение оборонительной операции и способствовало созданию благоприятных условий для перехода советских войск в контрнаступление под Москвой. Таким образом, с середины ноября по 5 декабря стратегическая инициатива постепенно переходила в руки советского командования.

Сил для широкого охвата Москвы у немцев уже не было. Они подходили к той роковой черте, когда наступательный порыв войск угасал, все резервы были израсходованы, и единственное что подгоняло гитлеровских генералов вперед был страх, который они испытывали перед Гитлером, и он был сильнее их страха за свою жизнь. Однако немецко-фашистское командование все еще не хотело считаться с фактом провала своего наступления. Фельдмаршал фон Бок в приказе от 2 декабря писал: «Противник попытается облегчить свое положение, перебрасывая целые дивизии или части дивизий с наименее угрожаемых на наиболее угрожаемые участки фронта. Прибытие нового пополнения было замечено только на одном участке и в небольшом количестве... Оборона противника

находится на грани своего кризиса»¹. Из этой выдержки видно, насколько далеки были фашистские генералы от подлинного понимания обстановки.

От нескончаемых потерь ударные группировки немцев утрачивали свои наступательные возможности, и соединения группы армий «Центр» в первых числах декабря на всех участках фронта стали останавливаться и выжидать развития событий; сил продолжать наступление у них уже не было. Не было и резервов: на всем фронте от Финского залива до Черного моря у гитлеровского командования имелись лишь три-четыре пехотные дивизии, перебрасываемые с одного участка фронта на другой. Все больше командиров дивизий и корпусов докладывали о своей неспособности продолжать наступление из-за больших потерь, которые никак не восполнялись. Потом последовали доклады командующих армиями, общим в них была одна и та же фраза: «Наступательные возможности в значительной степени исчерпаны»².

Однако политические и военные руководители фашистской Германии упорно не хотели считаться с фактами. Даже в последний день ноября, когда немецкое наступление по существу захлебнулось, Гальдер в разговоре с командующим группой армий «Центр» продолжал настаивать на том, что «нужно попытаться разбить противника, бросив в бой все силы до последнего». А на следующий день, оценивая положение под Москвой, он делает в своем дневнике запись: «Сопrotивление противника достигло своей кульминационной точки. В его распоряжении нет больше никаких сил». И это писалось в то время, когда советским командованием было уже сосредоточено под Москвой несколько свежих армий, осуществлявших последние приготовления к переходу в контрнаступление³.

1 декабря командующий группой армии «Центр» дал Верховному командованию сухопутных сил телеграмму, в которой он еще раз обратил внимание на удручающее состояние своих войск и высказал мысль, что «полное уничтожение» противостоящей нам русской армии является не более чем фантазией. «Но даже если невозможное станет возможным, — докладывал генерал-фельдмаршал фон Бок, — у меня все равно не хватит войск, чтобы окружить город и плотно запечатать его с юго-востока, востока и северо-востока. Таким образом, проводящееся сейчас наступление является атакой без смысла и

¹ Вопросы истории, №1, 1957, с. 28.

² Ф. фон Бок. «Я стоял у ворот Москвы». Дневник командующего группой армий «Центр». М., 2009, с. 267—268.

³ Военно-исторический журнал, №12, 1962, с. 80.

цели, особенно учитывая тот факт, что время приближается к роковой черте, когда силы наступающих войск будут полностью исчерпаны»¹. Странно это было слышать от фельдмаршала, настаивавшего еще в середине ноября на продолжении наступления, а сейчас признававшим невозможность его вести.

Даже когда наступление немецко-фашистских войск было приостановлено, и назревала необходимость заранее подготовить в тылу оборонительные рубежи, никто из гитлеровских генералов не осмеливался отдать такое распоряжение в войска. Гитлер «запрещал оборудовать тыловые оборонительные позиции, считая, что их наличие ослабляет у сражающихся воинской части волю к борьбе».² Каждый, кто предлагал Гитлеру готовить в тылу оборонительные позиции и подготавливать захваченные города к обороне, приобретал репутацию пораженца, и фюрер переставал доверять таким генералам.

Не лучше шли дела у гитлеровского командования и с поддержанием своего господства в воздухе. Авиация противника при налетах на Москву несла большие потери и ее эффективность стала сильно снижаться. Первый массированный налет на Москву немцы произвели в ночь с 21 на 22 июля, четырьмя последовательными эшелонами с западного, северо-западного и юго-западного направления, в котором участвовало до 2200 самолетов. Освещенные в небе самолеты противника, были встречены истребительной авиацией и огнем зенитной артиллерии, и лишь одиночным самолетам удалось прорваться к городу и сбросить, главным образом, зажигательные бомбы. 22 самолета было сбито³. В конце июля и в августе продолжались попытки германской авиации нанести ночные бомбовые удары по Москве, но столица была надежно прикрыта. Немецкие летчики несли большие потери, только отдельные самолеты прорывались к городу. Вместе с наступлением на Москву сухопутной группировки немецко-фашистских войск немецкая авиация в октябре совершила 31 налет, в котором участвовало 2018 самолетов; к городу прорвалось 72 самолета. В ноябре, несмотря на смену тактики и полеты к Москве небольшими группами, как в ночное, так и дневное время на разных высотах, потери бомбардировочной авиации продолжали расти, а к городу из 41 воздушного налета прорвалось всего 28 самолетов⁴. Неба над Москвой немецкие летчики стали бо-

¹ Ф. фон Бок. «Я стоял у ворот Москвы» Дневник командующего группой армий «Центр». М., 2009, с. 262.

² ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 11600, д. 1597, л. 24.

³ Там же. Ф.8, оп. 11627, д. 156а Л. 13, 15.

⁴ Там же. Ф.8, оп. 11627, д. 156а, л. 29, 32.

яться, и это был первый признак ожидавшего немцев поражения на земле.

После провала октябрьского и ноябрьского наступлений на Москву и разгрома группы Клейста под Ростовым главнокомандующий сухопутными силами вермахта генерал-фельдмаршал Браухич вместе с другими видными генералами, таких как Лееб, Рундштедт, Гудериан, Шмидт, потребовали от Гитлера приостановить наступление и настаивали на отводе германских войск на более выгодные рубежи, на которых можно было бы закрепиться на зиму и подготовиться к новому наступлению. Кроме того, Браухич возражал против отправки дополнительных сил в Ливию, где германо-итальянские войска вынуждены были отступить под натиском англичан. Гитлер отклонил требования своего генералитета, указав, что отступление германской армии создало бы угрозу фашистской власти и подорвало бы веру союзников в силы Германии. В самый разгар московского сражения Гитлер отстранил генерала Браухича от должности главнокомандующего сухопутными силами вермахта и возложил эти обязанности на себя. Однако расхождение взглядов на продолжение войны обострили противоречия между Гитлером и его генералитетом, и они приняли настолько открытые и резкие формы, что даже немецкая печать вынуждена была обратиться к генералитету с призывом «остаться верными Гитлеру»¹.

Ценою крупных потерь врагу в конце ноября — начале декабря удалось достичь ближних подступов к Москве. Клинско-яхромская группировка дошла авангардным 56-м танковым корпусом до восточного берега канала Москва — Волга в районе Яхромы. Северная ударная группировка противника соединениями 3-й танковой армии в конце ноября захватила Клин и подошла к каналу Москва — Волга в районе Дмитрова и Яхромы. 28 ноября авангард немецко-фашистских войск захватил Яхрому и мост через канал Москва — Волга немецкими солдатами, переодетыми в красноармейскую форму. Нависла угроза обхода Москвы с севера, так как на данном направлении организованной обороны не было. По приказу штаба фронта были взорваны восточные здания управления механизмами верхних и нижних ворот шлюза и для остановки главных сил врага был осуществлен попуск воды с Яхромского и Икшинского водохранилищ, после чего началось затопление поймы реки Яхромы и подходов к мосту. Движение по нему было прекращено и разобщенные силы немцев были быстро уничто-

¹ Военная мысль, № 4—5, 1942, с. 61.

жены подошедшими соединениями 1-й ударной армии, которой командовал генерал-лейтенант В.И. Кузнецов. Передовые части этой армии с ходу нанесли контрудар по переправившемуся противнику и отбросили его за канал¹. Этим контрударом была окончательно ликвидирована опасность развития удара противника в обход Москвы с севера. Истринская группировка, являясь наиболее сильной в группе армий «Центр», в конце ноября достигла наибольшего успеха, ближе всех продвинувшись к советской столице. По Волоколамскому шоссе 40-й танковый корпус гитлеровцев достиг станции Снегири и дер. Рождествено, где был остановлен 9-й гвардейской стрелковой дивизией генерал-майора А.П. Белобородова. По Ленинградскому шоссе 5-й армейский корпус немцев (левый вспомогательный клин истринской группировки), заняв 25 ноября Солнечногорск, устремился к Москве. Здесь, юго-восточнее Солнечногорска врага контратаковал 2-й гвардейский корпус генерала-майора Л.М. Доватора при поддержке подразделений 8-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора В.А. Ревякина и 1-й гвардейской танковой бригады генерал-майора М.Е. Катукова, и заставил перейти к обороне в районе Крюкова, Каменка. 46-й танковый корпус врага, продвигаясь от Истринского водохранилища к Москве вдоль Пятницкого шоссе, был остановлен 18-й стрелковой дивизией полковника П.Н. Чернышева у деревень Бакеева, Горетовка.

Правофланговый 9-й армейский корпус немцев, продолжая в начале декабря наступательные бои, стремился выйти на восточный берег р. Истры в районе Павловской Слободы. Его сдерживали 144-я стрелковая дивизия генерал-майора И.И. Биричева во взаимодействии с 37-й стрелковой и 22-й танковыми бригадами. Наименьшего успеха достиг правый вспомогательный клин истринской группировки — 7-й армейский корпус. Только 25 ноября соединения корпуса смогли выйти к Нарвским прудам, поскольку при организации обороны Л.А. Говоров основную силу своей армии сосредоточил на направлении Дорохова-Кубинка, прочно прикрыв здесь Можайское шоссе и автостраду Минск — Москва. Стремясь наступать на Москву вдоль этих дорог, 7-й армейский корпус врага натолкнулся на упорное сопротивление 50-й стрелковой дивизии генерал-майора Н.Ф. Лебеденко и 82-й стрелковой дивизии полковника Г.П. Карамышева и вынужден был перейти к обороне западнее Кубинки.

¹ Ф.Д. Воробьев, В.М. Крайцов. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945 гг. Краткий военно-исторический очерк. М., 1961, с. 105.

Фашистское командование считало, что истринская группировка занимает превосходные позиции для решающего броска к Москве и командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок, отказавшись от наступательных действий на участке 4-й полевой и 2-й танковой армий, планировал продолжить 6 декабря наступление истринской группировки¹. Выполняя этот замысел, Хепнер в начале декабря произвел перегруппировку своих сил: заменив в районе Крюково — Каменка 5-й армейский корпус более сильным 46-м танковым корпусом, направив высвободившийся корпус восточнее, чтобы перехватить Дмитровское шоссе у станции Лобня и использовать для наступления и эту магистраль. Бок и Хепнер собирали все, что могли для усиления своих войск. Так, дивизия СС «Рейх» в районе Рождествено — Снегири была усилена двумя свежими отдельными частями особого назначения: бригадой СС «Батальон смерти» и бригадой СС «Мертвая голова»². Танковые дивизии на главном, истринском направлении были пополнены личным составом и материальной частью, чтобы решить исход битвы³. На усиление 7-го армейского корпуса прибыли две пехотные дивизии из 4-й полевой армии и это позволило немецкому командованию создать среди наступающих войск «настроение успеха» в предстоящей битве.

Для решающего прорыва к Москве Хепнером были созданы три ударные группировки. Одну он сосредоточил у дер. Рождествено, юго-западнее Дедовска. Наступая в стык наших 5-й и 16-й армий, она должна была, обойдя Дедовск, ворваться в Москву через Нахабино⁴. Главную надежду Хепнер возлагал на свой левый фланг, где на незначительном участке от Крюково до Красной Поляны сосредотачивалась вторая группировка прорыва в составе двух корпусов, включавших три танковые и три пехотные дивизии. Она должна была, прорвав фронт на правом фланге 16-й армии, войти в Москву через Химки. Третья группировка прорыва готовилась к наступлению вдоль Можайского шоссе и Минской автострады. В резерве у Хепнера имелись 10-я танковая дивизия и 900-я усиленная бригада. Последняя находилась возле Клина и легко направлялась либо к Химкам, либо к Нахабино. Таким образом, готовилась «отчаянная попытка еще раз бросить армии в наступление»⁵.

¹ Ф. Гальдер. Военный дневник. Т.3. Кн. 2. М., 1971, с. 96.

² ЦАМО РФ. Ф. 367, оп.5916, д.64, л.156

³ Там же. Ф. 500, оп.12454, ДД.1412, 1420, 1426.

⁴ АЛ. Белобородов. Всегда в бою. М., 1978, с. 107.

⁵ К. Типпельскирх. История Второй мировой войны. М., 1956, с. 201.

Гитлеровское командование обещало в те дни близкий конец войны и большие трофеи. Между дивизиями истринской группировки развернулось даже соперничество за право первой войти в Москву¹. Как вспоминал тогдашний командир одного из батальонов 7-й пехотной дивизии вермахта, «предполагалось начать еще одно наступление на Москву... Видимо, слух об этом распространился со скоростью ветра... Кто только не заявился к нам! Представители самых различных родов оружия, рекогносцировочные группы штабов, представители командования корпуса, которых прежде никогда не было видно так близко к переднему краю, старшие офицеры СС со свитой в виде конвойной команды, представители штабов рейс-комиссаров, зондерфюрер по сельскому хозяйству, управления по вербовке рабочей силы... Каждый явно рассчитывал на то, что здесь, на этом шоссе, ему удастся быть свидетелем события «всемирного значения» — падения Москвы»².

Советское командование внимательно следило за ходом событий. Так, Военный совет 16-й армии доносил 4 декабря в штаб фронта: «Всеми видами разведки установлена подготовка противника к переходу в общее наступление с целью окружения войск 16-й армии и выхода к окраинам Москвы. Наиболее опасными направлениями являются фланги армии»³. Поступали и другие сообщения идентичного характера. Составив общее представление о подготовке немцев к возобновлению наступления на Москву, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение сорвать этот замысел проведением артиллерийской контрподготовки по исходным позициям войск истринской группировки врага, сосредоточенных в районах Можайского, Волоколамского и Ленинградского шоссе. По распоряжению Сталина, детально отслеживавшего всю обстановку на фронте, для организации артиллерийской подготовки с максимальным эффектом использования всех артиллерийских средств в 16-ю армию 5 декабря прибыли командующий войсками Западного фронта генерал армии Г. Жуков и генерал-майор артиллерии Л. Говоров⁴. Из фронтового резерва в 16-ю армию были срочно направлены четыре дивизиона гвардейских минометов («катюш»), артиллерийский полк и танковая бригада. Еще четыре дивизиона «катюш», семь

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500, оп. 12462, д. 118, л. 48.

² Л. Штедле. От Волги до Веймара. Изд. 2-е. М., 1975, с. 120—121.

³ ЦАМО РФ. Ф. 367, оп. 5916, д. 64, л. 156—157.

⁴ А.А. Лобачев. Трудными дорогами. М., 1960, с. 262; Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1975, с. 34.

артиллерийских противотанковых полков, гаубичный полк большой мощности, два пушечно-артиллерийских и три артиллерийских полка прибыли из резерва Ставки¹. Это позволило создать достаточно сильные артиллерийские группы, которые обрушили на врага сильнейший шквал огня.

О том, как выглядела «с той стороны» артиллерийская контрподготовка, проведенная 5 декабря на правом крыле Западного фронта, и каковы были ее результаты, известно, в частности, из немецких мемуаров. Батальон капитана Штейдле, как и другие подразделения 7-й пехотной дивизии, сосредоточенной у Можайского шоссе, готовился к завершающему броску на Москву: «Ранним утром 3 декабря ничто не предвещало катастрофы. Был холодный зимний день... Казалось, что на нашем участке имеются все предпосылки для успешного наступления. Однако через 24 часа все переменялось... Прочесав лес, командиры рот вывели свои взводы для атаки по открытому полю на полтора километра вперед, до окраины крупного населенного пункта, как вдруг внезапно по ним был открыт ураганный огонь. Это последнее наступление моего батальона под Москвой закончилось катастрофой. Почти все офицеры и солдаты погибли. Пехотные и противотанковые орудия, а также саперные взводы, находившиеся на опушке леса в боевой готовности для броска, были полностью уничтожены заградительным огнем. Пятого декабря начались сильные удары с воздуха по тыловым коммуникациям и исходным районам, где до сих пор можно было чувствовать себя в безопасности... Сильным советским боевым группам удалось при поддержке массированного артиллерийского огня прорвать фронт. Захватив пленных, русские исчезли также быстро, как и появились»².

Советское командование, используя маневренные и огневые возможности реактивных установок, сумело создать массированный артиллерийско-минометный удар большой силы и плотности по исходным районам и скоплениям войск противника. Значительный урон тылам и коммуникациям врага причинила, в свою очередь, штурмовая и бомбардировочная авиация. Необходимо учесть при этом и психологический аспект артиллерийской контрподготовки, внезапность ее воздействия на изготовившиеся к наступлению вражеские войска. Начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер отметил вечером 5 декабря в своем

¹ А.А. Лобачев. Трудными дорогами. М., 1960, с. 264.

² Л. Штейдле. От Волги до Веймара. Изд. 2-е. М., 1975, с. 122—123.

дневнике: «В группе армий «Центр» возникла некоторая неразбериха»¹.

В разгар битвы под Москвой резерв ОКХ, имевший к началу войны 24 дивизии, был полностью использован, и оказались израсходованными дивизии, прибывшие из других стран. На 1 декабря в нем оставалась одна словацкая охранная дивизия и несколько венгерских бригад. В резерве группы армий «Север» была одна бригада, в резерве группы «Центр» — 2,5 дивизии, группы «Юг» — 4 дивизии и 3 бригады (в том числе 3 румынские дивизии и 2 венгерские бригады). Эти резервные соединения были разбросаны на огромной территории в тылу групп армий и выполняли, по существу, карательные и охранные функции².

Еще не было контрнаступления наших войск, а по тылам групп армий «Центр» по ночам передвигались кавалерийские группы генералов Белова и Доватора, громившие на своем пути части и штабы немцев, внося страх, растерянность и полную сумятицу в их ряды. Ночные рейды советской кавалерии напомнили гитлеровским генералам и офицерам набег Леклерка и Кульнева в наполеоновскую эпоху и они не находили способов борьбы с кавалеристами, появлявшимися из лесов внезапно и также внезапно исчезающими в предутренней мгле.

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок, блиставший исполнителем, но не талантом полководца, пытался решить исход московского сражения последним батальоном и последним солдатом, которых он с прусским педантизмом гнал на смерть. Все было тщетно. Но уже обреченный на поражение фон Бок скрывал от Гитлера правду о неспособности гитлеровской армии продолжать войну на Востоке и все время искал способы скрасить горечь поражения. Фон Бок дождался полного затухания наступления и 5 декабря сообщил начальнику Генерального штаба сухопутных войск, что «силы иссякли»³.

Это стало очевидным советскому командованию еще в ноябре, потому что наступавшие на Москву немецко-фашистские войска настолько ослабли, что его фланговые группировки, основу которых составляли танковые и моторизованные дивизии, не только не имели продвижения вперед, но и оказались неспособны отражать контрудары советских войск. Уверенность в этом была настолько высока, что в Москву ста-

¹ Ф. Гальдер. Военный дневник. Т. 1. М., 1968, с. 96

² Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. 1941—1945. Т. 1. М., 1958, с. 335.

³ Служебный дневник Гальдера. Запись от 5 декабря 1941 г.

ли возвращаться министерства, в том числе и основной состав работников Генерального штаба. Во второй половине ноября резервные армии, создание которых было одной из основных задач ГКО и Ставки, стали выдвигаться поближе к Москве, в назначенные полосы предстоящих боевых действий. Пять новых армий — 1-я Ударная, 20-я, 24-я, 26-я и 60-я армии сосредотачивались в районе Москвы на правом крыле Западного фронта. Еще две армии — 10-я и 61-я сосредотачивались южнее Рязани и в районе Рязска и Раненбурга¹. Подготовка этих крупных резервов велась в абсолютной секретности и от командующих вновь сформированных армий Ставка потребовала обучить личный состав ведению не только оборонительного боя, но и — главным образом — наступления с учетом накопленного опыта и особенностей действий войск в зимних условиях.

Несмотря на значительное усиление фронтов резервами Ставки и маршевым пополнением, численное превосходство в живой силе, артиллерии и танках оставалось на стороне врага. К началу декабря группа армий «Центр» вместе с военно-воздушными силами имела в своем составе 1 708 тыс. человек, около 13 500 орудий и минометов, 1170 танков и 614 самолетов. В составе трех советских фронтов, привлеченных к контрнаступлению под Москвой, насчитывалось 1 100 тыс. человек, 7 652 орудия и миномета, 774 танка (из них более 500 легких, старой конструкции) и 1000 самолетов².

Переход от обороны к наступлению Ставкой был задуман после того, как советское командование окончательно убедилось в неспособности гитлеровской армии осуществить план по окружению Москвы. Первым командующим фронта, представившим в Ставку свои соображения о проведении контрнаступательной операции был генерал армии Г. Жуков, предложения которого были заслушаны Верховным Главнокомандующим в присутствии руководителей Генштаба и окончательно были утверждены Ставкой 1 декабря³. Жуков в то время принципиально отличался от всех других командующих фронтами своей активной позицией в отношении к немцам и был убежден, что все их успехи на полях сражений достигнуты не превосходством их тактики и оперативного искусства, а являются следствием грубых прощчетов советских генералов в оценке сил и действий врага. Сталин и Жуков в то время были самые

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 4. М., 1975, с. 280.

² Там же, с. 283—284.

³ *А.М. Василевский*. Начало коренного поворота в ходе войны. В кн.: Битва за Москву. М., 1968, с. 25.

близкие единомышленники в ГКО и Генеральном штабе, их объединяла неукротимая вера в силу русского человека и его способность преодолеть тяготы и невзгоды войны. Все в Жукове подчеркивало бескомпромиссную решимость к борьбе, он чувствовал себя непревзойденным военным аналитиком, и, осознавая свое превосходство в этом вопросе, он всегда шел на риски. Готовя войска фронта к контрнаступлению, Жуков, прежде всего, учитывал отсутствие у немцев оперативных резервов, потерю ими ударной силы и усталость немецко-фашистских войск, проблемы материального снабжения войск в условиях суровой зимы, а также то обстоятельство, что главные силы врага — ударные танковые группировки — находились на рубежах, не подготовленных для встречных ударов.

Предложения других командующих фронтами были рассмотрены в эти же дни и, соответственно их роли и задачам, решаемым в контрнаступлении, они были усилены войсками из резерва Ставки. Главную роль в подготавливаемой операции отводилась Западному фронту, которым командовал генерал армии Г. Жуков, к нему поступали основные резервы Ставки. В конце ноября — начале декабря она передала фронту 10-ю армию (8 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии), 1-ю Ударную и 20-ю армии (14 стрелковых дивизий и 1 кавалерийская дивизия, 2 танковые бригады, 4 танковых и 11 лыжных батальонов). Кроме того, фронт получил 9 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии, 8 стрелковых и 6 танковых бригад и большое количество специальных частей¹.

Как известно, общий стратегический план контрнаступления советских войск под Москвой сводился к тому, что «Западный фронт наносил два удара — севернее и южнее Москвы. Основные силы фронта сосредотачивались севернее столицы — на правом крыле, где нависала наибольшая опасность: здесь враг ближе всего подошел к столице, здесь его танковая группа была наиболее ильной»². Тем не менее, конкретный план разгрома северных ударных группировок врага, то есть левого крыла немецкой группы армий «Центр» в истории Московской битвы до конца еще не исследован. Так, принято считать, что замысел операции на правом крыле Западного фронта сводился к тому, чтобы ударами на Клин, Солнечногорск и Истру разгромить клинскую, солнечногорскую и истринскую группировки противника, а в ходе наступления войск Кали-

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1975, с. 281.

² Военно-исторический журнал, №10, 1966, с. 68—85; О некоторых деталях общего плана см. интервью Г.К. Жукова //Огонек, 1971, №51.

нинского фронта разгромить калининскую группировку врага. Между тем, анализ директив и задач, поставленных перед армиями правого крыла Западного и левого крыла Калининских фронтов, тщательное изучение оперативных документов и военных карт, как советских, так и немецких, позволяют установить, что целью разгрома левого крыла группы армий «Центр» советским командованием были спланированы и осуществлены три последовательных фланговых удара, которые, создавая противнику угрозу окружения, как раз и обеспечили в ходе их выполнения его разгром.

Юго-Западному фронту предписывалось разгромить елецкую группировку гитлеровцев и, развивая наступление на орловском направлении, содействовать войскам левого крыла Западного фронта в выполнении их главной задачи. Не сразу и не без трений определились действия войск Калининского фронта в контрнаступлении. Получив директиву о наступлении, командующий фронтом генерал И. Конев доложил, что выполнить ее из-за нехватки сил не может и предложил вместо замышлявшегося Ставкой совместного удара трех фронтов провести частную операцию по овладению Калинином. Ставка заметила, что это предложение противоречит общей цели — решительному контрнаступлению под Москвой¹, а Сталин поручил заместителю начальника Генштаба генералу А. Василевскому переговорить с И. Коневым и разъяснить его ошибку и суть дела. Опираясь на детальное знание оперативной обстановки на Калининском фронте, его составе и возможностей, он сообщил 1 декабря И. Коневу по «Бодо»: «Сорвать наступление немцев на Москву и тем самым не только спасти Москву, но и положить начало серьезному разгрому противника можно лишь активными действиями, с решительными целями. Если мы этого не сделаем в ближайшие дни, то будет поздно. Калининский фронт, занимая исключительно выгодное оперативное положение для этой цели, не может быть в стороне от этого. Вы обязаны собрать буквально все для того, чтобы ударить по врагу, а он против вас слаб. И, поверьте, успех будет обеспечен»². Затем А. Василевский подробно разобрал силы фронта и посоветовал, откуда снять дивизии и как их усилить артиллерией из ресурсов фронта.

Военный совет Калининского фронта пересмотрел свое решение и в соответствии с указаниями Верховного Главнокомандования командующий Калининским фронтом принял

¹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. 6-е изд. М., 1984—1985. Т. 2. с. 135.

² ЦАМО РФ. Ф.96-А, оп. 2011, д. 5, л. 185—190.

решение: продолжая активные оборонительные действия на селижаровском и торжокском направлениях, левым крылом перейти в наступление в направлении Микулино — Городище, с целью выйти в тылы клинской группировки противника и совместно с войсками правого крыла Западного фронта уничтожить ее. Предусматривалось также окружить и уничтожить вражеские войска в Калининe, а затем продвигаться в общем направлении на Ржев.

В соответствии с задачами, которые решали армии правого крыла Западного фронта, а также по характеру и результатам боевых действий, происходивших на северо-западных подступах к Москве в декабре 1941 г. — начале января 1942 г., операцию по разгрому северных группировок группы армий «Центр» можно разделить на три этапа. Первый, с 5 по 12 декабря 1941 г. включает начало наступления войск левого крыла Калининского фронта, сковавшего резервы левого крыла группы армий «Центр»; фланговый удар 30-й и 1-й Ударной армий в направлении Клина; отступление противника на рубеж р. Истра — Истринское водохранилище — Ленинградское шоссе (севернее водохранилища); освобождение Истры и Солнечногорска. Второй этап, с 12-го по 20 декабря, включает попытку врага закрепиться на рубеже р. Истра — Истринское водохранилище — Ленинградское шоссе; фланговый удар советских войск из центра оперативного построения 5-й армии во фланг и тыл истринской группировки противника; освобождении Клина; отступление врага на рубеж р. Лама — р. Руза. Третий этап, с 20 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г. включает неудачные попытки фронтального наступления войск правого крыла Западного фронта с целью вытеснить противника с рубежа р. Ламы — р. Рузы; фланговый удар левого крыла Калининского фронта во взаимодействии с правым крылом Западного фронта на Старицко-Ржевском направлении во фланг и тыл северным группировкам врага, закрепившимся на рубеже рек Ламы и Рузы; завершение поражения главных сил немецко-фашистских войск, наступавших на Москву с северо-запада, и создание условий для дальнейшего наступления советских войск на Ржевско-Вяземском направлении.

Контрнаступление под Москвой началось 5 декабря действиями войск Калининского фронта; 6 декабря перешли в контрнаступление расположенные севернее и южнее Москвы армии Западного фронта и войска правого крыла Юго-Западного фронта. Этот контрудар, нанесенный собранными в кулак столь значительными силами, о существовании которого

немцы даже не подозревали, был стол неожиданным и сокрушительным, что вермахт и Третий рейх никогда полностью от него так и не оправятся. Все что будет происходить в последующие военные годы, будет неудавшейся попыткой Гитлера и его военачальников спасти армию и Третий рейх от поражения.

Этого наступления с нетерпением ждали все солдаты и офицеры Красной Армии, его ждала вся страна. Везде оно проходило по-разному, исходя из условий местности и наличия в войсках боеприпасов для артиллерии и минометов. Было известно, что немцы лихорадочно готовятся к обороне, укрепили все населенные пункты, пытаясь превратить их в крепости, а все местное население выгнали в поле.

Командующие и командиры всех рангов творчески подошли к организации наступления; они учли особенности русской зимы, долгие декабрьские зимние ночи и решили контратаковать врага ночью, без артиллерийской подготовки, без воодушевляющих криков — все было вложено в молчаливую ненависть к фашистам. Было учтено, что танки противника, в условиях плохой видимости, не смогут вести огонь; во-вторых, в темноте немцам было трудно распознать действительные силы русских; в-третьих, авиация была слепа. В передовых эшелонах шли дивизии сибиряков, уральцев и москвичей, тепло экипированных, в белых комбинезонах, и они появились на немецких позициях как призраки мщения.

После шестидневных боев на фронте, протяженностью до 1000 км, вражеское сопротивление было повсюду сломлено, и немецкие дивизии, понесшие большие потери, стали откатываться на запад. Уже в самом начале контрнаступления советских войск в штабах немецко-фашистской армии возникли большая тревога и растерянность. «События этого дня опять ужасающи и постыдны, — записал в дневнике Гальдер 7 декабря. — ...Самым ужасным является то, что ОКВ не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того, чтобы принимать принципиальные стратегические решения»¹.

Германское Главное Командование было встревожено контрнаступлением советских войск и требовало у Гитлера дать разрешение на переход всех войск на Восточном фронте к обороне. Гитлер с трудом дал согласие и его директива №39, изданная 8 декабря, гласила: «Преждевременное наступление холодной зимы на востоке и возникшие в связи с этим затруднения по поводу снабжения, вынуждают к немедленному прекращению всех наступательных операций и переходу

¹ Ф. Гальдер. Военный дневник. Т.3. Кн. 1. М., 1971, с. 103

к обороне. Проведение данной обороны преследует следующие цели:

а) удержать оперативно-важные и военно-хозяйственные районы противника;

в) дать возможность войскам, действующим на Востоке, отдохнуть и пополниться;

г) создать, таким образом, предпосылки для возобновления в 1942 году больших наступательных операций».

Однако потери на фронте были настолько большие, что в этой же директиве Гитлер распорядился отправить на Восточный фронт всех военнослужащих, проходивших службу в тыловых службах вермахта и заменить их старшими возрастами. В армию призывались рабочие, имеющие бронь, и их «в широких масштабах должны были заменить пленные и русские гражданские рабочие»¹. В отношении к советским военнопленным в фашистском руководстве произошла резкая перемена. До этого их судьбой распоряжалось военное командование и службы безопасности Гимmlера, целью которых было их поголовное уничтожение. Ведь фашистское правительство не выделяло на их содержание ни одной марки. Для поддержания в них признаков жизни фашистские изверги каждому военнопленному выдавали одну гнилую картошку. После этой директивы советских военнопленных перестали уничтожать, ими стали активно пополнять ряды рабочих на германских предприятиях, и их труд нашел применение и в сельском хозяйстве.

Возможность сохранить жизнь в немецкой неволе появилась и среди молодых мужчин поработенных стран, которых угоняли в Германию из-за опасности, что они могут пополнить ряды сопротивления оккупантам. Наиболее зверские методы вербовки и угона рабочих в Германию гитлеровцы применяли в славянских странах: оккупированных районах СССР, Польше, Чехословакии и Югославии, устраивая для этого поголовные облавы, обыски, налеты, аресты. Немецкие захватчики преднамеренно объявляли захваченное ими мирное гражданское мужское население военнопленными (особенно практиковалось это в отношении советских граждан), поскольку содержание последних стоило им значительно дешевле, чем содержание гражданской рабочей силы².

8 декабря Ставка фюрера издала документ № 1, в котором командующему группой армий «Центр» предписывалось не допустить никакого «значительного отступления, так как оно приведет к полной потере тяжелого вооружения и матери-

¹ ЦАМО РФ. Ф.28, оп.11627, д.54-а, л.139, 143.

² Там же. Ф.15, оп. 977444, д.124, л. 48

альной части». От командующих армиями, командиров корпусов и дивизий и всех офицеров Гитлер потребовал, чтобы они своим личным примером заставили войска с «фанатичным упорством оборонять занимаемые позиции, не обращая внимания на противника, прорывающегося на флангах и в тыл наших войск. Только такой метод боевых действий позволит выиграть время, которое необходимо для того, чтобы перебросить с Запада подкрепления, о чем мною уже отдан приказ. Лишь после того, как на тыловые отсечные позиции придут резервы, можно будет подумать об отходе на эти позиции»¹.

Однако удары советских войск были настолько сильные, что гитлеровские генералы, отступая, не могли выстроить оборону на тех рубежах, где им предписывалось, и отступление немецкой армии приняло угрожающие размеры. Один за другим освобождались подмосковные города, для овладения которыми гитлеровская армия растратила мощь своих ударных танковых группировок. К 15 декабря были освобождены Рогачев, Яхрома, Солнечногорск и Клин, а на следующий день — Калинин. Освобождение от противника важного участка железной дороги и шоссе Москва — Калинин позволило после их восстановления значительно улучшить связь Западного фронта с Калининским и Северо-Западными фронтами и их снабжение.

Все дни контрнаступления превратились для немцев в ад — наши дивизии наступали днем двумя полками, а ночью вводили в бой третий полк. Как только был освобожден г. Клин, английская делегация во главе с министром иностранных дел А. Иденом, находившаяся в Москве с официальным визитом, изъявила желание посетить этот город, чтобы составить себе представление о масштабах поражения гитлеровской армии на Восточном фронте. Делегация хотела совершить поездку как можно ближе к линии фронта, но на протяжении 10—15 км к передовой вся дорога была заставлена фашистской боевой техникой и убитыми немцами, так что Иден и его спутники долго шли по дороге пешком, наблюдая за погромом фашистских войск. Англичане видели подбитые и сгоревшие танки, исковерканные орудия, бронемшины и транспортеры, и тысячи трупов. Навстречу им то и дело попадались группы пленных немцев — оборванных, голодных и дрожащих от холода. Иден попытался говорить с ними, но пленные отвечали одно и то же: «Гитлер капут!»²

¹ Военно-исторический журнал, №12. М., 1960, с. 70—71, 75.

² Д.Д. Лелюшенко. На полях Подмосковья. В кн.: Битва за Москву. М., 1968, с. 145—149.

16 декабря последовало особое распоряжение Гитлера, где он сам определил рубежи отвода войск, оставление которых грозило высшему командному составу расстрелом. Группе армий «Север» разрешалось произвести отвод войск на рубеж Волхова и железной дороги, проходящей от ст. Волховская на северо-запад. Требовалось: «Оборонять рубеж до последнего солдата, тем самым поддерживать блокаду Ленинграда». Группе армий «Центр» «крупных отступательных операций проводить нельзя. Они ведут к полной потере тяжелого вооружения и технического имущества. Своим личным примером в бою командующие, командиры и офицеры должны заставить части фанатически оборонять свои позиции, не взирая на противника, прорывающегося на флангах». Группе армий «Юг»: «С усиленной энергией бороться за овладение Севастополем с тем, чтобы освободить резервы и перебросить их из Крыма для группы армий «Юг»¹.

Помимо этого распоряжения, последовало и ужесточение карательных мер к тем, кто не выполнял данные требования. За всеми ненадежными немецкими частями Гиммлер расположил войска СС, и в их обязанность входило расстреливать роты и батальоны, отступавшие на запад не по приказу. Это случилось после того, как появились первые признаки паники и разложения в германской армии, напомнимши Гитлеру и его генералам бегство армии Наполеона из России. Так, в журнале боевых действий 3-й танковой армии 14 декабря было записано: «Вокруг то и дело можно видеть поодиночке двигавшихся солдат, кто пешком, кто на санях, кто с коровой на веревке... Вид у людей безразличный, безучастный... О том, чтобы как-то защититься от непрерывных налетов русской авиации, почти никто и не думает... Если даже такие отличные соединения, как 1-я и 7-я танковые дивизии находятся теперь под угрозой почти полного уничтожения, то это является достаточным мериллом того, насколько велико перенапряжение боевых сил наших войск»².

Только жестокость Гитлера к генералам вермахта и предание суду военного трибунала десятков командиров корпусов и дивизий за отход от занимаемых рубежей, и повальные расстрелы простых солдат и сержантов перед строем за попытку покинуть обороняемую позицию, спасло в декабре 1941 года гитлеровскую армию от полного разгрома. Но спасти армию от пораженческих настроений и губительной мысли, что раз-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 28, оп. 11627, д. 54-а, л.144.

² *Рейнгардт*. Поворот под Москвой. М., 1980, с. 246.

ввязанная война с Советским Союзом оказалась вермахту не под силу было уже невозможно.

Тяжелые поражения вермахта в битве под Москвой вызвали резкое столкновение Гитлера с рядом высокопоставленных военных руководителей Германии, поскольку он не без основания усомнился в их компетенции. Ведь потерпели провал именно те планы, которые они ему предлагали и которые он утверждал. В результате первого крупного поражения вермахта в 1941 году были сняты с должностей все три командующих группами армий: фельдмаршалы Рундштедт, Бок и Лееб. Такая же участь постигла и ряд командующих армиями: 2-й танковой армией Гудериана, 17-й армией Штюльпнагеля, 9-й армией Штрауса, «Лапландской армией» Фалькенхорста. Командующий 3-й танковой группой генерал-полковник Хепнер за отдачу «самовольного приказа» об отступлении был разжалован и лишен всех чинов и отличий. От командования сухопутными войсками был отстранен Браухич¹. Прошла чистка командных кадров вермахта и вместо отстраненных генералов и старших офицеров Гитлер заменял их, как правило, командирами СС².

Активно помогали наступающим советским войскам партизаны Калининской, Московской, Тульской, Смоленской, Орловской областей и Белоруссии. Они активизировали диверсионную работу в тылу противника и способствовали войскам Западного направления в успешном решении боевых задач. Только на оккупированной территории Московской области действовало не менее 40 партизанских отрядов и большое количество диверсионных групп³. Используя ошибки и трудности врага, который из-за глубокого снега был привязан к дорогам и населенным пунктам, партизаны, устраивая засады и минирова пути отхода, вызывали большие скопления на дорогах вражеской боевой техники и транспорта, которые становились выгодными объектами бомбардировки для нашей авиации.

Советская молодежь проявила удивительную способность к сопротивлению и, отстаивая родную землю от посягательств немецких захватчиков, шла на осознанные жертвы во имя этой великой цели. Много юношей и девушек, по возрасту еще не подходивших для службы в армии, записывались в диверсионные группы, забрасываемые в далекий и ближний тыл фашистских захватчиков с одной целью — мстить фашистам за

¹ Военно-исторический журнал, № 12, 1962, с. 80.

² Военная мысль, № 4—5, 1942, с. 61.

³ Ф.Д. Воробьев, В.М. Кравцов. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945 гг. Краткий военно-исторический очерк М., 1961, с. 120—121.

поруганную ими русскую землю. Десятиклассница Зоя Космодемьянская, ученица школы №201 Тимирязевского района г. Москвы была одной из таких мстительниц. Она была схвачена фашистами в деревне Петрищево Верейского района Московской области, когда пыталась поджечь большую конюшню с лошадьми гитлеровских солдат. Ее зверски били и пытали, но сломить не смогли. Унтер-офицер Карл Бауэрлейн, попавший к нам в плен, присутствовал при пытках, которым подверг Зою Космодемьянскую командир 332-го пехотного полка подполковник Рюдерер. В своих показаниях он написал: «Маленькая героиня вашего народа осталась тверда. Она не знала, что такое предательство... Она посинела от мороза, раны ее кровоточили, но она не сказала ничего»¹.

На казнь Зои Космодемьянской, для устрашения населения, фашисты согнали всех жителей деревни и, видя их хмурые лица, она крикнула им: «Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!» Стоявший рядом немец-каратель замахнулся и хотел то ли ударить, то ли зажать ей рот, но она оттолкнула его руку и продолжала: «Мне не страшно умирать, товарищи! Это счастье — умереть за свой народ».

Немецкий фотограф снял виселицу издали и вблизи и стал пристраиваться, чтобы сфотографировать ее сбоку, как ему последовала команда:

— Aber doch schneller!²

Тогда Зоя повернулась к коменданту и крикнула ему и немецким солдатам:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен: все равно победа будет за нами!»³

К концу декабря соединения Западного фронта вышли своим правым крылом к вражескому укрепленному рубежу, выстроенному по берегам рек Лама и Руза, что заставило их остановиться и серьезно готовиться к его прорыву. В это же время войска левого крыла фронта форсировали р. Оку и, отбрасывая германские дивизии на запад, 28 декабря освободили Козельск, 30 декабря — Калугу, а 31 декабря — Белев.

В таких условиях Ставка ВГК потребовала от командующих фронтов представить планы боевых действий на зиму 1942 года.

¹ А. Васильев. Великая победа под Москвой. М., 1952, с. 61.

² Да быстрее же!

³ А. Васильев. Великая победа под Москвой. М., 1952, с. 61.

Военный Совет Юго-Западного направления (главнокомандующий маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, член военного совета Н.С. Хрущев, начальник штаба генерал-лейтенант П.И. Бодин) 19 декабря в докладе с «Соображениями на проведение наступательных операций зимой 1942 года» оценивал обстановку следующим образом: «События последнего месяца войны говорят не только о крахе стратегии «молниеносной» войны против СССР, но и свидетельствуют о наличии кризиса грандиозного сражения и перехода инициативы в руки Красной Армии»¹.

Военный Совет планировал наступление с весьма решительными целями. Понимая, что достичь их без значительного усиления нельзя, С. Тимошенко и Н. Хрущев просили на беседе у Сталина в течение декабря и января увеличить приток людских пополнений и вооружений в войска Западного направления. Ход событий, однако, показал, что они исходили больше из благих намерений, чем из реальной ситуации.

Военный Совет Калининского фронта (командующий генерал-полковник И.С. Конев, член военного совета генерал-лейтенант Д.С. Леонов, начальник штаба полковник А.А. Кацнельсон) представляя свои соображения, определили их так: «Завершить окружение и уничтожение 9-й армии противника. Не допустить организации обороны противника на линии бывшего укрепленного рубежа Ржев, Сычевка... В последующем развивать операцию в общем направлении на Смоленск, либо на Великие Луки»². Из этого следовало, что Военный совет планировал глубокий обход группы армий «Центр» с северо-запада, в то время как в войсках фронта остро ощущалась нехватка людей и вооружений. В декабре фронт получил 35 тыс. маршевого пополнения, а потерял более 60 тыс. человек убитыми, пленными, ранеными и больными с эвакуацией из частей фронта³.

Командование Волховского фронта видело свою задачу в том, чтобы «наступая в северо-западном направлении, разбить противника, оборонявшегося на реке Волхов, и во взаимодействии с Ленинградским фронтом окружить и пленить 18-ю немецкую армию, а в случае отказа противника сдать, истребить его». Донесение подписали генерал армии К.А. Мерецков, армейский комиссар 1 ранга А.И. Запорожец, комбриг Г.Д. Стельмах⁴.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 251, оп. 646, д. 269, л. 14—20.

² Там же. Ф.16-А, оп. 936, д. 75, л. 132—137.

³ Там же. Ф. 204, оп.89, д. 8. Л. 1—2.

⁴ Там же. Ф.213, оп. 2066, д.14, л. 3.

Подразделениям Кавказского фронта планировалось совместно с Черноморским флотом завершить освобождение Крыма¹.

Накануне совещания в Ставке 31 декабря 1941 года генерал армии Г.К. Жуков и член военного совета Н.А. Булганин донесли И. Сталину, что в ходе боев войсками Западного фронта разбито 15 пехотных и 1 танковая дивизии, а также 2-я бригада СС, переброшенная на самолетах из Кракова, и что «противник под ударами войск фронта продолжает отступать в западном направлении, оставляя в боях и по пути отхода раненых, артиллерию, оружие и имущество»². В действительности эти данные были завышены и многие из этих дивизий продолжали обороняться и оказывать ожесточенное сопротивление Западному фронту.

Изучив донесения командующих направлениями и фронтами о целесообразности вести наступательные операции с решительными целями, Ставка ВГК приказала не давать немцам передышки и «гнать их на запад без остановки и заставить их израсходовать свои резервы еще до весны...»³

Согласно замыслу Ставки ВГК девяти фронтам, двум флотам и ВВС предстояло перейти в наступление одновременно на фронте от Ладожского озера до Черного моря с самыми решительными целями: окружить и уничтожить главные силы групп армий «Север», «Центр» и «Юг» и к весне 1942 года продвинуться на глубину 300—400 км. В дальнейшем «обеспечить... полный разгром гитлеровских войск в 1942 году»⁴.

Разработанный план имел много недостатков, а проще говоря — он был нереален. На 1 января 1942 года в составе действующей армии более 50 процентов стрелковых дивизий имели до 6000 человек, половину штатного состава. Особенно были обескровлены соединения Западного, Калининского и Брянского фронтов, которые длительное время не имели передышки и наполовину утратили свою боеспособность. Им-то и предстояло нанести главный удар по группе армий «Центр» путем двустороннего охвата с последующим окружением и уничтожением главных сил противника в районе Ржева, Вязьмы и Смоленска⁵.

В войсках остро ощущался недостаток вооружения. Так, укомплектованность Калининского и Западного фронтов на 1

¹ ЦАМО РФ. Ф.251, оп.646, д.147, л.1—4.

² Там же. Ф. 208, оп.2511, д.1035, л.63—64.

³ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т.2. М., 1990, с. 53—254

⁴ ЦАМО РФ. Ф.132-А, оп.2642, д.41, л.75—81.

⁵ Там же. Ф.132, оп. 132-А, д.42, л.6-7; Ф.213, оп. 2022, д.69, л. 141—144.

января 1942 года составляла по винтовкам 66,7%, по пулеметам-пулеметам — 35%, по станковым пулеметам — 36%, по зенитным орудиям — 45,3%, по артиллерии — 66%, и по минометам — 45%¹. Что касается обеспеченности войск танками, то она была еще более низкой. Уровень промышленного производства в СССР к концу 1941 г., в разгар эвакуации промышленности на Восток, был самым низким и за все годы войны ниже никогда больше не опускался.

Простое сопоставление имеющихся сил и средств с задуманным пространственным размахом наступления показывает, что командующие фронтами и Ставка ВКГ не все взвесили и пошли на заранее невыполнимые операции. Если в декабре 1941 года наступление вели шесть фронтов в полосе до 1200 км, то в январе следующего года его предстояло развернуть на фронте в 2000 км с участием девяти фронтов и двух флотов. Действующая армия на 1 января 1942 года насчитывала 4 млн. 199 тыс. человек, 27,7 тыс. орудий и минометов, 1784 танка. На это же время сухопутные войска Германии и ее союзников на Восточном фронте имели 3 909 тыс. человек, около 35 тыс. орудий и минометов, 1500 танков².

Следовательно, общее соотношение сил и средств по отношению к декабрю 1941 года изменилось в пользу Советских Вооруженных Сил, но незначительно, и это за счет резервов Ставки. Фронты получили 55 дивизий, 30 стрелковых бригад и около 270 тыс. маршевого пополнения³, уровень военной подготовки которого значительно уступал фронтовикам.

Приняв план разгрома врага на всех стратегических направлениях, Ставке ВКГ не удалось создать сильных группировок ни на одном из них. Резервы Ставки — девять армий, сформированных накануне наступления, — были равномерно распределены по фронтам почти равномерно.

На Западном стратегическом направлении советские войска к началу января 1942 года занимали охватывающее положение по отношению к противнику, и Ставка рассчитывала, что войска Северо-Западного, Калининского и Брянского фронтов завершат окружение ржевско-гжатско-вяземской группировки и уничтожат ее. Для вермахта это означало бы настоящую катастрофу, поэтому боевые действия в феврале на западном направлении, и особенно в районе Вязьмы, приняли чрезвычайно напряженный характер. 1 февраля Ставка

¹ ЦАМО РФ. Ф.81, ОП.103988, д.2, л. 112—116.

² История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 4. М., 1975, с. 305.

³ ЦАМО РФ. Ф.56, оп. 19179, д.9, л. 223.

для объединения управления действовавших здесь войск и более тесной координации их усилий воссоздала упраздненное ранее главное командование Западного направления. Его возглавил генерал Г. Жуков, остававшийся по совместительству командующим Западным фронтом. Однако окружить и уничтожить гитлеровские войска теми силами, которыми располагал Жуков, сделать было невозможно. Заметно сказывалась усталость советских войск от непрерывных двухмесячных наступлений и отсутствие резервов. Из-за растянутости путей подвоза возникли перебои в снабжении боеприпасами, горючим, продовольствием и фуражом.

Не нужно забывать, что контрнаступление советских войск под Москвой проходило без численного превосходства советских войск над противником и без полноценных танков и механизированных соединений, без которых, «как показала практика войны проводить наступательные операции с решительными целями и больших размахов нельзя»¹. Вот где нужны были механизированные корпуса, бездарно утерянные в первые две недели войны. Их возрождение только начиналось, и на заводах и предприятиях Урала и Сибири самоотверженным трудом рабочих и инженеров готовился массовый выпуск танков Т-34 и КВ, а на танкодромах тысячи танковых экипажей учились искусству бить врага.

Если планы Ставки на западном направлении в какой-то мере и могут быть оправданы, то несоответствие между желаемым и действительным на юге проявилось особенно резко. Ставка утвердила план Военного Совета Юго-Западного направления, собственный замысел которого был еще более обширный: ударом войск Юго-Западного и Южного фронтов прорвать оборону группы армий «Юг», а затем, «выйдя во фланг донбасско-таганрогской группировке войск противника, отрезать им путь отхода на запад и, прижав главную группировку к берегам Азовского моря, окружить и уничтожить ее...»² Эти задачи не были выполнены, и единственное, чего добились войска Юго-Западного направления — сковали значительные силы врага и лишили командование вермахта возможности перебрасывать соединения с южного крыла советско-германского фронта на другие направления.

По этой же причине нереальными оказались и задачи войск Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронта по окружению главных сил группы армий

¹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Кн. 2. М., 1988, с. 293.

² ЦАМО РФ. Ф.251, оп.646, Д269, л.14—20

«Север» и снятию блокады Ленинграда. Волховский фронт, созданный 17 декабря 1941 года, не имел ни времени, ни материальных средств, ни опыта подготовки операций такого масштаба и командующий войсками фронта генерал армии К. Мерецков неоднократно переносил сроки начала операции, а когда она началась, то такой важный фактор как внезапность был утрачен и войска, прорывая хорошо укрепленную оборону врага, несли большие потери. Только за январь-апрель 1942 года фронт потерял убитыми, ранеными и пленными, обмороженными и больными с эвакуацией из частей более 230 тыс. человек¹.

«В ходе общего наступления зимой 1942 года, писал маршал А.М. Василевский, — советские войска истратили все с таким трудом созданные осенью и в начале зимы резервы. Поставленные задачи не удалось решить. Неоправданными оказались надежды... на то, что резервы Германии иссякнут к весне 1942 года. Да, мы все страстно желали этого, но действительность была суровее, и прогнозы не подтвердились»².

Наступление войск на всех фронтах не удалось. Нигде не было создано подавляющего превосходства в силах и средствах, в то время как гитлеровское командование бросало на Восточный фронт все новые и новые дивизии. В период с декабря 1941 года по апрель 1942 года на советско-германский фронт из Германии и оккупированных стран Европы было переброслено 39 дивизий, 6 бригад и около 800 тыс. маршевого пополнения³.

В ходе контрнаступления в декабре 1941 года советские войска нанесли тяжелое поражение 23 немецким пехотным дивизиям. Некоторые из них были полностью разгромлены. Была подорвана и мощь ударных сил гитлеровской военной машины — бронетанковых войска⁴. В наступление на Москву немецко-фашистское командование бросило три танковые группы, из четырех, имевшихся в его распоряжении. Все они понесли большой урон в боевой технике и лишились значительного количества танковых специалистов (водителей танков, башенных стрелков, танкистов-радиостов). Так, например, 2-я танковая армия с 1 декабря 1941 г. по 6 февраля 1942 г., немногим более чем за два месяца, потеряла 29 тыс. человек. Большой урон понесли также входившие в состав немецких

¹ ЦАМО РФ. Ф.204, оп.93, д.7, л. 24, 103, 163, 244.

² *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Т. 1. М., 1988, с. 200.

³ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 4. М., 1975, с. 323.

⁴ *Ф.В. Меллентин.* Танковые сражения 1939—1945 гг. М., 1957, с. 142.

танковых армий моторизованные дивизии. 8 февраля 1942 г. командование 2-й танковой армии доносило: «В армии моторизованных соединений практически больше нет».¹

21 апреля 1942 г. Гальдер констатировал, что потери материальной части танковых войск в результате зимней кампании (с 01.10.1941 по 15.03.1942 г.) составляют 2340 танков. Для определения масштаба этих потерь достаточно сказать, что за второе полугодие 1941 г. в войска из промышленности поступило 1890 танков². Следовательно, потери в танках не были восполнены.

В сражении под Москвой были серьезно ослаблены и силы немецкой авиации. Оборонявшие столицу войска ПВО к апрелю 1942 года сбили 952 и подбили 130 немецких самолетов³. Еще более чувствительными, чем урон в авиационной технике, оказались для гитлеровцев потери в летном составе.

Существенное влияние на боеспособность немецко-фашистской армии оказали серьезные потери в командном составе. К 31 декабря 1941 года германская сухопутная армия на советско-германском фронте потеряла 26 755 офицеров. При этом приблизительно треть потерь офицерского состава под Москвой приходилось на погибших в бою.

Несмотря на большой военный потенциал, которым продолжала располагать фашистская Германия, наступательные возможности ее вооруженных сил в 1942 г. снизились. В то время, как силы Красной Армии значительно выросли, гитлеровское командование не сумело в 1942 году добиться серьезного увеличения немецких сухопутных войск на советско-германском фронте. Хотя ему удалось в период с 1 июля 1941 года по 1 июля 1942 года довести боевой состав сухопутной армии с 202 до 220 дивизий, численность сухопутной армии за этот период все же уменьшилась с 4 025 тыс. до 3 950 тыс. человек⁴.

Но в целом в ходе зимней кампании 1941/42 года Красная Армия добилась таких результатов, которые до основания потрясли экономическую и военную мощь фашистской Германии. На московском направлении враг был отброшен на запад на 100—350 км, около 38 его дивизий были уничтожены или потеряли боеспособность. А всего за 10 месяцев войны потери врага достигли 1,5 млн. человек, около 4 тыс. танков и штурмовых орудий, а потери ВВС к концу января 1942 года состави-

¹ Военно-исторический журнал, №4, 1966, с. 38.

² Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии. 1933—1945 гг., Т.2. М., 1958, с. 145.

³ Военно-исторический журнал, №12, 1959, с. 49.

⁴ Там же, №5, 1960, с. 82.

ли около 7 тыс. самолетов¹. От оккупации было освобождено в ходе кампании 60 городов, тысячи населенных пунктов и выволены из фашистской неволи миллионы советских людей.

Красная Армия, одержав победу под Москвой, обрела уверенность в своих силах, и такое же чувство наполняло настроение всех советских людей. Никто из руководителей страны, и никто из солдат, рабочих и крестьян с первого дня войны не верил в победу фашистов, но в первые недели войны, в череде тяжелых поражений нашей армии, нет-нет да и проскальзывала тревога за судьбу собственную и судьбу страны, а после победы наших войск под Москвой весь наш народ смело смотрел в будущее, веря, что рано или поздно праздник победы придет на нашу землю.

Окончание зимнего периода войны характеризовалось относительным спокойствием. Германское командование, потрясенное поражением под Москвой, лихорадочно искало новые резервы, чтобы пополнить армию личным составом и техникой и воодушевить народ и солдат на долгую войну с Советами, а политическое руководство во главе с Гитлером вело бесконечные переговоры об усилении участия Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии, Хорватии, Словении и Словакии в войне с Советским Союзом. Для поддержания оккупационного режима в завоеванных странах и областях Советского Союза Гиммлер вербовал эсесовские карательные отряды из отбросов общества в Бельгии, Голландии, Дании, Франции и даже в Польше. Гитлер не хотел отказываться от войны и не искал политического решения для выхода из нее, зная, что Сталин никогда не пойдет ни на какие переговоры с ним, а судьба войны теперь зависела только от него.

¹ Военная мысль, №12,1981, с. 21.

ГЛАВА XII

Стратегические планы сторон на 1942 год. — «Инициатива» маршалов С. Тимошенко и С. Буденного. — Провал Крымской и Харьковской наступательных операций. — Опора Ставки на молодых генералов. — Отступление Красной Армии на юге страны. — Приказ №227. — Оборона Сталинграда и подготовка контрнаступления. — Разгром немецких войск и их сателлитов под Сталинградом. — Первые маршалы войны

Победа под Москвой воодушевила народ и армию на доблестный труд и воинский подвиг, и всем советским людям хотелось видеть перспективу дальнейшего развития страны. Словно отвечая этим запросам и настроениям, к 23 февраля Сталин издал приказ за №55 под названием «О дальнейших перспективах войны», напечатанный во всех газетах страны. Главным его содержанием была мысль о том, что «Момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью. Теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии»¹.

А в начале марта 1942 года проходило заседание Государственного Комитета Оборона и Ставка ВГК с участием всех министров, отвечающих за оборонную промышленность, главнокомандующих направлений и ряда командующих фронтами, которое вел И. Сталин, и на котором было предложено обсудить задачи, стоящие перед вооруженными силами в 1942 году. А еще раньше, 23 февраля Сталин, ставя задачи правительству, потребовал от них всемерного усиления подготовки резервов в армии и во всех отраслях народного хозяйства, больших усилий по развертыванию военного производства. «Враг терпит поражение, — говорил он, — но он еще не разбит и, тем более — не добит. Враг еще силен. Он будет напрягать последние силы, чтобы добиться успеха»².

¹ Главное военно-научное управление Генерального штаба Советской армии. Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 5. М., 1951, с. 6.

² *И. Сталин*. Собрание сочинений. Т. XI.

Первый доклад сделал начальник Генерального штаба маршал Б. Шапошников, который предложил на первом этапе стратегических действий «ограничиться только активной обороной, выдержать удар врага, измотать и обескровить его в начале лета, а затем, накопив резервы, перейти к широким наступательным действиям»¹. Генштаб, на основе разведанных предполагал, что гитлеровское командование летом 1942 года будет не в состоянии вести крупные наступательные операции одновременно на трех стратегических направлениях, как это было в начале войны, но что у немцев будет подготовлено достаточно сил, чтобы вести наступление на одном или двух стратегических направлениях — на московском, где у них находилось более 70 дивизий, и на юге страны². Одновременно маршал предложил сосредотачивать основные стратегические резервы на западном направлении, и частично в районе Воронежа, где летом могут разыграться главные события. Генштаб не исключал, что решительное наступление немцев на Восточном фронте может быть поддержано одновременным выступлением Японии и особенно Турции против СССР, нажим на которую немцы могли усилить и она, как и в Первой мировой войне, могла открыто стать на их сторону. В целях противодействия возможному нападению Японии и Турции Советское Верховное Главнокомандование держало на Дальнем Востоке более 40 и на Кавказе 20 дивизий, что существенно влияло на нашу способность вести борьбу с главным врагом на западном направлении.

Маршала Шапошникова поддержало большинство присутствующих на заседании ГКО, и к этому уже склонялся и сам Сталин, но, подытоживая итоги совещания, он как бы между делом сказал: «Но не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми...»³, что вызвало неловкое молчание и замешательство присутствующих. Слово выручая застенчивых военных, слово попросил маршал С. Тимошенко, предложивший провести силами Юго-Западного направления, которым он командовал, наступательную операцию в целях упреждения противника в разворачивании наступательных действий на харьковском направлении и, главное, для поддержания и сохранения за Красной Армией стратегической инициативы. Сталин поддержал маршала и посоветовал Генеральному штабу рассмотреть и другие предложения

¹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1974, с. 64—65

² История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 5. М., 1975, с. 113.

³ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Кн. 2. М., 1988, с. 254.

фронтов по проведению частных наступательных операций на отдельных операционных направлениях.

После зимних наступательных операций Красной Армии обстановка на западном направлении все еще оставалась напряженной. В 200 км от Москвы противник удерживал ржевско-вяземский выступ. И мы, и немцы придавали большое значение этому стратегическому направлению и продолжали держать здесь значительные силы. Командование обеих сторон полагало, что с началом летней кампании на западном направлении можно было ожидать развертывания активных действий. В целом стратегическая обстановка на советско-германском фронте в апреле 1942 года характеризовалась временным затишьем, от которого во время войны солдаты не ждут ничего хорошего.

Ставка продолжала развертывать стратегические резервы, и на 1 апреля в их состав входило: 2 общевойсковые армии, 24 стрелковые и 3 кавалерийские дивизии и другие части общей численностью более 200 тыс. человек. У них на вооружении имелось 1632 орудия, 155 танков, 225 самолетов.¹ А всего вооруженные силы Советского Союза в это время только в действующей армии насчитывали 5,6 млн. человек, из которых в сухопутных войсках было около 4,9 млн. человек, или 87,5 процента². Эта многомиллионная армия нуждалась в огромном количестве вооружения: танках, самолетах, боевых кораблях, артиллерийских орудиях, минометах и другой боевой технике, которой пока поступало очень мало в войска. Этих сил было явно недостаточно для ведения наступления большого масштаба, но и откладывать их на длительный срок было нельзя. После победы под Москвой Красная Армия владела стратегической инициативой, и ее нужно было не только удержать, но и развить.

Напряженно готовилось к летней кампании и гитлеровское командование. В основу нового плана наступления в 1942 году фашистское руководство положило стремление достичь политических целей войны против СССР, которых фашистской Германии не удалось добиться в 1941 году. Немецкие войска не сумели взять Москву, им не удалось овладеть и Ленинградом, где они планировали соединиться с финской армией в районе реки Свирь. Разгром немцев под Москвой имел глубокие последствия. Он не только измотал силы германской армии, но и оставил свой след в настроении штабов

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 4. М., 1975, с. 22.

² Там же.

и войск, принимавших участие в боевых действиях на Восточном фронте. Возможность повторение наполеоновского краха все чаще и чаще посещала умы высшего командного состава вермахта, что лишало их уверенности и перспектив на победу. Сильные контрудары Красной Армии зимой 1941—1942 года под Ростовом, Изюмом и Харьковом напоминали немцам о нерастроченной силе русских, которую они, не имея доступа к советским секретам, по-прежнему считали слабой.

В январе 1942 года в Берлине состоялось совещание руководителей немецкой военной промышленности, на котором обсуждался вопрос, почему сорвался блицкриг. Выступивший на этом совещании начальник военно-экономического управления генерал пехоты Томас сказал следующее: «Раннее наступление зимы в России, упорство русского солдата и ошеломляющие достижения русской военной промышленности привели к тому, что полный крах России, как ожидало верховное командование, не наступил»¹.

Понимая, что имеющихся сил у вермахта недостаточно для наступления на широком фронте, верховное командование вооруженных сил Германии должно было решить — какие операции оно может осуществить в летней кампании 1942 года. Потеря в зимней кампании, по меньшей мере, 50 дивизий, гитлеровская Германия стала интенсивно перебрасывать войска с Запада на Восток. Из 36 дивизий, находившихся во Франции на 1 декабря 1941 года, 6 дивизий было отправлено на Восток; на большее гитлеровское командование не рискнуло — приходилось считаться с возможностью открытия второго фронта на Западе. Всего же для восстановления потерь и стабилизации фронта Гитлеру пришлось к апрелю 1942 года перебросить на Восток из других ранее оккупированных стран и из Германии 39 дивизий, шесть бригад и большое количество маршевых пополнений².

Но главным делом для Гитлера и его окружения была работа по собиранию всех сил Германии и ее сателлитов для войны на Восточном фронте. С невероятным напряжением работала германская промышленность. Шел непрерывный набор в вермахт, который в свою очередь восполнялся мобилизацией рабочих на производствах Франции, Бельгии, Чехии и других государств, оккупированных фашистской Германией. Профашистское правительство Франции во главе с Петеном выпла-

¹ С.З. Гинзбург. О прошлом для будущего. М., 1986, с. 247.

² Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1970, с. 143.

чивало на содержание оккупационной армии 400 млн. франков и около 1,5 млн. рабочих работало в промышленности Германии, которая продолжала все «брать у Франции и не давать ничего взамен»¹. Если до поражения под Москвой Германия в основном переваривала добычу, захваченную у Франции в виде запасов готовой продукции, то сейчас она стала требовать увеличения выпуска военно-промышленной продукции. Одновременно немцы издали указ о закрытии всех предприятий, «деятельность которых не была необходимой для военной машины Германии»².

Несли тяжелую ношу и другие сателлиты фашистской Германии, чьи лидеры связали свою судьбу с Гитлером и теперь они поневоле должны были участвовать во всех военных акциях фашистского вермахта. В феврале 1942 года в Будапешт прибыла большая немецкая делегация во главе с генералом Томасом, и итогом переговоров явилось обязательство венгерского правительства сформировать к лету 1942 года 10 легких пехотных дивизий, одну танковую и одну кавалерийскую дивизию, и 6 дивизий для оккупационных целей, а всего 18 дивизий для Восточного фронта³. В эти же сроки Румыния должна была выдвинуть на Восточный фронт 24 дивизии, но фельдмаршал Кейтель, побывавший в Будапеште и Бухаресте, потребовал от правительств большей мобилизации военно-экономических ресурсов этих стран для поддержания ведения войны Германией. Однако, несмотря на увеличение вооруженных сил Германии и дополнительное привлечение большого количества войск сателлитов, немецкое командование пришло к выводу, что оно все же не располагает достаточными силами, чтобы решить поставленную на лето 1942 года задачу путем одновременного наступления на всех трех направлениях, как это было летом 1941 года.

Давая оценку Красной Армии, гитлеровское командование считало, что она исчерпала свои резервы в сражениях за Москву и теперь они скованы в районе Смоленска. Зимние успехи советских войск в районе Харькова — Изюма — Барвенкова Гитлер объяснял не силой русских, а, главным образом, малочисленностью занимаемых этот участок германских войск. Верховное командование вооруженных сил Германии прогнозировало, что Красная Армия попытается осуществить

¹ А. Верт. Франция 1940—1955. М., 1959, с. 78.

² И.С. Киссельгоф. История Франции в годы Второй мировой войны. М., 1975, с. 125.

³ ЦАМО РФ. Ф.15, О.11600, д.1306, л. 3.

два вероятных альтернативных оперативных решения — развить наступление из района Смоленска на Запад и Юго-Запад. Другие варианты не рассматривались.

После долгих раздумий, и обсуждения с близким окружением целей войны на 1942 год, Гитлер окончательно утвердился в мысли перенести центр вооруженной борьбы с Советской Россией на юг, где результатом германских побед должно было стать овладение нефтяными промыслами на Кавказе, что одновременно привело бы к глубокому разрушению транспортных магистралей, связывающих Москву с южными регионами, и вовлечение Турции в раздел Кавказа и в войну против Советского Союза¹. Гитлер все еще не растерял своих «провидческих качеств», и в него слепо продолжало верить близкое окружение и генералы вермахта, безоговорочно принимавшиеся за выполнение его приказов и распоряжений.

Немецкое командование поставило перед собой далеко идущие цели. Оно не сняло с повестки дня основную цель восточного похода — разбить Советскую Россию, сформулированную еще в плане «Барбаросса». Выступая 15 марта 1942 года на праздновании дня памяти героев, Гитлер заявил, что в течение лета 1942 года Красная Армия будет полностью уничтожена². Об этом же Гитлер говорил 3 апреля 1942 года в беседе с Антонеску: «В это лето, — похвалялся он, — я решил продолжать как можно глубже преследовать русских для их окончательного уничтожения. Американская и английская помощь будет не эффективна, так как новые поражения русских приведут к потере связи с внешним миром. Они потеряли самых лучших солдат и технику, а теперь они только импровизируют».

5 апреля в войска вермахта, действовавшие на юге советско-германского фронта, поступила директива за №41 в которой говорилось: «Зимние операции в России приближаются к концу... Как только метеорологические условия и характер местности создадут благоприятные предпосылки, немецкое командование и войска, используя свое превосходство, должны захватить в свои руки инициативу, чтобы навязать противнику свою волю. При этом должна преследоваться следующая цель: окончательное уничтожение вооруженных сил Советского Союза и лишение страны важнейших военно-хозяйственных центров, с захватом или их уничтожением»³.

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, О.11600, д.1105, л. 3.

² *Титтельскирх К* История Второй мировой войны. М., 1956, с. 229.

³ Главное военно-научное управление Генерального штаба Советской армии. Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 5. М., 1951, с. 7—8.

чивало на содержание оккупационной армии 400 млн. франков и около 1,5 млн. рабочих работало в промышленности Германии, которая продолжала все «брать у Франции и не давать ничего взамен»¹. Если до поражения под Москвой Германия в основном переваривала добычу, захваченную у Франции в виде запасов готовой продукции, то сейчас она стала требовать увеличения выпуска военно-промышленной продукции. Одновременно немцы издали указ о закрытии всех предприятий, «деятельность которых не была необходимой для военной машины Германии»².

Несли тяжелую ношу и другие сателлиты фашистской Германии, чьи лидеры связали свою судьбу с Гитлером и теперь они поневоле должны были участвовать во всех военных акциях фашистского вермахта. В феврале 1942 года в Будапешт прибыла большая немецкая делегация во главе с генералом Томасом, и итогом переговоров явилось обязательство венгерского правительства сформировать к лету 1942 года 10 легких пехотных дивизий, одну танковую и одну кавалерийскую дивизию, и 6 дивизий для оккупационных целей, а всего 18 дивизий для Восточного фронта³. В эти же сроки Румыния должна была выдвинуть на Восточный фронт 24 дивизии, но фельдмаршал Кейтель, побывавший в Будапеште и Бухаресте, потребовал от правительств большей мобилизации военно-экономических ресурсов этих стран для поддержания ведения войны Германией. Однако, несмотря на увеличение вооруженных сил Германии и дополнительное привлечение большого количества войск сателлитов, немецкое командование пришло к выводу, что оно все же не располагает достаточными силами, чтобы решить поставленную на лето 1942 года задачу путем одновременного наступления на всех трех направлениях, как это было летом 1941 года.

Давая оценку Красной Армии, гитлеровское командование считало, что она исчерпала свои резервы в сражениях за Москву и теперь они скованы в районе Смоленска. Зимние успехи советских войск в районе Харькова — Изюма — Барвенкова Гитлер объяснял не силой русских, а, главным образом, малочисленностью занимаемых этот участок германских войск. Верховное командование вооруженных сил Германии прогнозировало, что Красная Армия попытается осуществить

¹ А. Верт. Франция 1940—1955. М., 1959, с. 78.

² И.С. Киссельгоф. История Франции в годы Второй мировой войны. М., 1975, с. 125.

³ ЦАМО РФ. Ф.15, О.11600, д.1306, л. 3.

два вероятных альтернативных оперативных решения — развить наступление из района Смоленска на Запад и Юго-Запад. Другие варианты не рассматривались.

После долгих раздумий, и обсуждения с близким окружением целей войны на 1942 год, Гитлер окончательно утвердился в мысли перенести центр вооруженной борьбы с Советской Россией на юг, где результатом германских побед должно было стать овладение нефтяными промыслами на Кавказе, что одновременно привело бы к глубокому разрушению транспортных магистралей, связывающих Москву с южными регионами, и вовлечение Турции в раздел Кавказа и в войну против Советского Союза¹. Гитлер все еще не растерял своих «провидческих качеств», и в него слепо продолжало верить близкое окружение и генералы вермахта, безоговорочно принимавшиеся за выполнение его приказов и распоряжений.

Немецкое командование поставило перед собой далеко идущие цели. Оно не сняло с повестки дня основную цель восточного похода — разбить Советскую Россию, сформулированную еще в плане «Барбаросса». Выступая 15 марта 1942 года на праздновании дня памяти героев, Гитлер заявил, что в течение лета 1942 года Красная Армия будет полностью уничтожена². Об этом же Гитлер говорил 3 апреля 1942 года в беседе с Антонеску: «В это лето, — похвалялся он, — я решил продолжать как можно глубже преследовать русских для их окончательного уничтожения. Американская и английская помощь будет не эффективна, так как новые поражения русских приведут к потере связи с внешним миром. Они потеряли самых лучших солдат и технику, а теперь они только импровизируют».

5 апреля в войска вермахта, действовавшие на юге советско-германского фронта, поступила директива за №41 в которой говорилось: «Зимние операции в России приближаются к концу... Как только метеорологические условия и характер местности создадут благоприятные предпосылки, немецкое командование и войска, используя свое превосходство, должны захватить в свои руки инициативу, чтобы навязать противнику свою волю. При этом должна преследоваться следующая цель: окончательное уничтожение вооруженных сил Советского Союза и лишение страны важнейших военно-хозяйственных центров, с захватом или их уничтожением»³.

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, О.11600, д.1105, л. 3.

² *Титтельскирх К.* История Второй мировой войны. М., 1956, с. 229.

³ Главное военно-научное управление Генерального штаба Советской армии. Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 5. М., 1951, с. 7—8.

Однако единого мнения на эту летнюю кампанию у высшего командного состава гитлеровской Германии не было. Главнокомандующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Кюхлер предлагал отказаться от захвата Кавказа и на первом этапе предстоящей летней кампании он предлагал сосредоточить на северном участке советско-германского фронта, с целью захвата Ленинграда¹. Такой же позиции придерживался и командующий 6-й армией фельдмаршал Рейхенау, считавший, что с переносом усилий с севера на юг возникнет серьезная угроза флангам германской армии, и он уклончиво сказал Гитлеру, что «если вы приказываете, мой фюрер, 6-я армия начнет наступление, но она будет маршировать не под моим командованием»².

Представители Генерального штаба и сам Гальдер продолжали считать наиболее важным московское направление и настаивали на развертывании решающего наступления на центральном участке фронта в полосе группы армий «Центр», с целью разгрома наиболее сильной группировки советских войск, захвата Москвы и центрального промышленного района. Сторонники этого взгляда полагали, что разгром центральной группировки советских войск и овладение Москвой предопределят исход не только летней кампании, но и всей войны в целом.

Гитлер отверг все эти предложения и распорядился, чтобы главные усилия немецко-фашистских войск в летней кампании 1942 года направить на юг для захвата Кавказа и Поволжья. В директиве №41 указывалось: «...В первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке, с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет»³.

Причиной отказа немецкого верховного командования начать летнюю кампанию 1942 года наступлением на московском направлении явилось не только стремление решить в первую очередь экономические задачи. Оно не могло не учитывать весьма невыгодного оперативного положения войск группы армий «Центр», фланги которой глубоко охватывались советскими войсками, а коммуникации подвергались непрерывным ударам партизан, действовавших в тылу врага. Кроме

¹ Служебный дневник Гальдера. Запись от 4 мая 1942 г.

² ЦАМО РФ. Ф.15 ОП. 977444, д.52, л. 11.

³ Г.Дерр. Поход на Сталинград. М., 1957, с. 127.

того, у немецкого командования были свежи в памяти уроки неудачного наступления на Москву в 1941 году. Оно, видимо, учитывало, что немецкие войска нигде не встретят столь сильного сопротивления советских войск и такой мощной обороны, как под Москвой.

Совершенно иные условия были на юге. Здесь Красная Армия имела меньшее количество сил, чем на центральном участке фронта. Открытая и достаточно ровная местность благоприятствовала широкому использованию крупных бронетанковых соединений и авиации вермахта, а общее начертание линии фронта создавало выгодное оперативное положение для охвата и окружения южной группировки советских войск. Сюда же, на южное крыло советско-германского фронта, могли быть быстрее всего подтянуты войска сателлитов, прибывающие из Румынии, Венгрии, и Италии, а также войска 11-й армии после завершения операции в Крыму. А главное, овладев такими богатыми экономическими районами, как Донбасс, Кубань, Нижняя Волга и Кавказ, гитлеровское командование рассчитывало укрепить свою военно-экономическую базу и в первую очередь значительно пополнить свои нефтяные ресурсы.

В соответствии с этим замыслом была создана группировка немецко-фашистских войск и их союзников. К началу июля 1942 года на советско-германском фронте германское командование имело 237 дивизий, из них действовало на северном участке фронта от полуострова Рыбачий до Карельского перешейка 25,5 дивизии, в группе армий «Север» — 34,5 дивизии, в группе армий «Центр» — 66 дивизий, и в группе армий Юг» — 97 дивизий. Таким образом, для проведения главной операции на южном участке фронта к началу июля было развернуто свыше 40 процентов соединений, находившихся в тот период на советско-германском фронте. Кроме того, на этот участок фашистское командование дополнительно перебрасывало 3-ю румынскую и 8-ю итальянские армии¹.

Чтобы скрыть подготовку крупного наступления на южном участке фронта и ввести советское командование в заблуждение относительно немецких планов на летнюю кампанию, штабом группы армий «Центр», по указанию ОКХ, был разработан план германского наступления под кодовым названием «Кремль». Этой обманной операцией преследовалась цель создать видимость, что немецкие войска начнут летнюю кампанию мощным наступлением на московском направлении.

¹ Военно-исторический журнал, №1, 1961, с. 36.

Характеризуя план немецкого командования на летнюю кампанию 1942 года на советско-германском фронте в целом, следует отметить, что он был плохо отработан, и также как и план «Барбаросса», был построен на переоценке своих сил и недооценке сил и возможностей Советского Союза. Свои расчеты на успех нового наступления немецко-фашистское командование прежде всего основывало на предположении, что Советскому Союзу, потерявшему значительные территории, на которых до войны проживало 40 процентов всего населения страны, и производилась треть всей промышленной продукции, и находилось до 50 процентов всех посевных площадей, не удастся обеспечить свою армию достаточным количеством вооружений и боеприпасов. Действительно, не только в фашистской Германии, но и во многих европейских странах и США считали, что советской промышленности и экономике гитлеровскими войсками нанесен такой ущерб, что его невозможно было восполнить.

Весьма ярким показателем возникших перед нами трудностей являлось значительное снижение капитальных вложений и уровня производства в важнейших отраслях народного хозяйства. Объем капитальных вложений за счет централизованных и нецентрализованных средств, включая вложения колхозов, в довоенном 1940 году достигал 47,2 млрд. руб., в 1941 году — 40,5 млрд. руб., в 1942 году он упал до 25,2 млрд. руб., и оказался примерно на уровне 1934 года¹.

Все это отразилось самым отрицательным образом на состоянии военно-промышленной базы Советского Союза, мощность которой во второй половине 1941 года и особенно в 1942 году резко упала. Так, выпуск важнейших видов продукции стратегического значения в 1942 году относительно 1941 года составил: по добыче железной руды — 39,4%, по выплавке чугуна — 34,8%, стали — 44,7%, по производству проката — 42,8%, кокса — 37,7%, по добыче угля — 49,8%, нефти — 66,6%, по выработке электроэнергии — 61,7%².

Более чем вдвое упало производство тяжелого машиностроения, а выпуск некоторых его видов совершенно прекратился. Грузооборот железнодорожного транспорта в 1942 году по сравнению с довоенным уровнем сократился почти наполовину. Сильно уменьшилось производство грузовых автомобилей и в 1942 году оно равнялось всего лишь 27% по отноше-

¹ Народное хозяйство СССР, 1956, с. 158—159.

² Подсчет произведен по материалам Центрального архива бывшего министерства тяжелого машиностроения СССР. Ф. ПЭО, сводка 32—36 от 15.02.1950.

нию к уровню его в 1941 году. Это отрицательно сказалось на снабжении Красной Армии автотранспортом, а советской артиллерии — механической тягой.

Следовательно, в 1942 году в соотношении мощи военно-промышленных баз СССР и Германии произошло резкое изменение в пользу последней. Если Германия, начиная войну против СССР, имела преимущество перед нами в производстве основных видов военно-промышленной продукции примерно в 1,5—2 раза, то в 1942 году этот разрыв увеличился примерно в 3—4 раза.

Но, несмотря на все эти трудности, просматривались и серьезные подвижки в развитии военно-производственной базы на Урале, в Сибири и Средней Азии. Из тех 1360 крупных военных предприятий, перемещенных с началом войны в эти регионы, большая часть приступила к концу 1941 года к выпуску продукции, а уже в марте 1942 года был достигнут, а затем и превзойден довоенный уровень промышленности, т.е. создана надежная основа для развития военного производства и более полного обеспечения потребностей Красной Армии.

Строили новые заводы в Поволжье и за Уралом так быстро, что до сих пор никто не в состоянии такой трудовой подвиг не только повторить, но осмыслить. Об одном строительстве завода на новом месте нам рассказал министр строительства Семен Захарович Гинзбург. В последних числах декабря 1941 года перед министерством была поставлена задача на базе эвакуированного из Подмосковья оборудования завода «Электросталь» построить на Урале, в Чебаркуле, крупное предприятие черной металлургии и ввести его в действие не позднее 15 марта 1942 года, то есть, построить завод за 75 дней. Непосредственное руководство строительством было лично возложено на министра т. Гинзбурга. В Чебаркуль был направлен эвакуированный с Украины ОСМЧ «Запорожстрой», располагавший квалифицированными кадрами. Многие из них в свое время работали на строительстве Запорожского металлургического комбината.

О масштабах задачи можно было судить по тому, что в пусковой комплекс завода входили 7 основных производственных цехов, 11 вспомогательных сооружений, железнодорожные пути, водовод с двумя насосными станциями и водозабором, воздухопроводы высокого и низкого давления, паропровод и другие инженерные сооружения и коммуникации. Предстояло выполнить большой объем земляных, бетонных и железобетонных работ, изготовить и смонтировать металлические конструкции, возвести промышленные печи, произ-

вести монтаж 6 тысяч сложного технологического оборудования. И все это предстояло осуществить в условиях суровой уральской зимы, при 45-градусном морозе.

Мало кому известный доселе поселок Чебаркуль привлекал внимание многих руководящих органов страны. Совместными усилиями хозяйственных руководителей, специалистов и партийного актива стройки был разработан план всех строительных работ. Его подробно обсудили в коллективах. С самого начала были приняты меры по обеспечению четкой организации работы, соблюдению строгой очередности возведения отдельных объектов, концентрация на них всех необходимых ресурсов. Установили твердый порядок, в соответствии с которым кадры и материальные ресурсы не отвлекались бы на другие работы до полного окончания начатого строительства цеха и монтажа в нем оборудования. Предусмотрели максимальное совмещение строительных и монтажных работ и их последовательность.

С первых же дней строительство и монтаж производились на хорошем инженерно-техническом уровне и высокими темпами. Разрабатывая грунт, который промерзал на глубину до двух метров, применяли электропрогрев, утепляя поверхность опилками, разрыхляя грунт с помощью пневматических лопат, в ряде случаев используя даже взрывы. Для укладки бетона в ответственные конструкции при низких температурах применяли разнообразные способы бетонирования — методы термоса, пропарки, электропрогрева. Кладку стен производственных и вспомогательных объектов проводили методом замораживания и выполняли одновременно по всему периметру зданий.

Всесторонний анализ состояния дел на строительстве, беседы с руководителями стройки, прорабами, бригадирами привели к выводу: имеются все возможности не только уложиться в короткие ударные сроки, но и ввести в действие первые два агрегата 12 марта 1942 года, то есть, на три дня раньше. Конечно, по привычным меркам построить крупный завод тяжелой промышленности за 75 дней невозможно. Естественно, что даже некоторые опытные строители усомнились в этом. Но жизнь показала, что даже в крайне сжатом графике строительства можно отыскать резервы и сделать то, что раньше казалось невозможным. Неукоснительное выполнение графика работ стало незыблемым правилом стройки: оно проверялось ежедневно по окончании дневной смены. При малейшем отклонении от графика тотчас принимались все меры к тому, чтобы в следующую смену отставание было наверстано Строи-

тели Чебаркульского завода, в соответствии с постановлением ГКО, могли быть переведены на казарменное положение. Однако особой нужды в этом не было: многие рабочие и командиры производства сами перешли на казарменное положение и круглосуточно находились там, где решался успех дела.

Большую помощь коммунистам завода оказывал Челябинский обком партии, направивший на стройку свою бригаду. Секретари обкома, инструкторы часто приезжали в Чебаркуль, беседовали со строителями, знали состояние дел на каждый день. Возникшие вопросы решались оперативно. Таков был стиль партийной и хозяйственной работы на большинстве строек первых лет войны. Первый секретарь обкома Н. Патоличев, на которого ЦК возложил ответственность за успех строительства, неоднократно выступал перед коллективом, безотлагательно реагировал на любую просьбу строителей, будь то вопрос об ускорении продвижения железнодорожных составов или об организации питания.

Сильные, талантливые люди составляли костяк строителей завода. Благодаря их настойчивости самоотверженному труду удавалось добиваться почти фантастических результатов. Один из них — пуск Чебаркульского завода в точно назначенный срок. В трудовом рапорте на имя председателя ГКО т. Сталина говорилось: «В суровых условиях уральской зимы, в пургу и метель, мы работали не покладая рук. В огне социалистического соревнования выковывались сотни стахановцев и командиров стройки, которые творили чудеса. Они готовы были по первому зову партии и правительства идти в бой за сооружение новых заводов, которые дали бы стране столько боевой продукции, сколько потребуется фронту»¹.

В июле 1942 года предприятия Наркомата авиационной промышленности произвели продукции в 1,3 раза больше, чем в июне 1941 года. Восток стал главной кузницей оружия и боевой техники: удельный вес размещенных здесь предприятий в июне 1942 года достиг 76%².

Следует заметить, что осуществление неуклонного роста производства вооружений и боеприпасов в больших масштабах в условиях резкого падения военно-промышленной базы страны является случаем беспрецедентным в истории современных войн. Такая задача оказалась по силам лишь Советскому Союзу. Каковы же те основные факторы, что способствовали неуклонному росту военного производства? Ведь в Пер-

¹ С.З. Гинзбург. О прошлом для будущего. М., 1986, с. 247—251.

² Военная мысль, №3, 1975, с. 70.

вой мировой войне, в которую царская Россия вступила не по своей воле, ее военное производство неуклонно падало, и к 1917 году царское правительство даже винтовки закупало за границей, не говоря уже о тяжелом вооружении, которое она не могла производить. Но тогда царское окружение и правительство сплошь состояло из приверженцев кайзеровской Германии, открыто предававших интересы России, а при советской власти врагов в высшем ее эшелоне, в армии и на флоте не было — они были перед войной расстреляны, или сидели в тюрьмах.

Факторами этими были, во-первых, срочные важнейшие меры, предпринятые Государственным Комитетом Оборона в области перестройки народного хозяйства и дальнейшего развития военной экономики, единодушно поддержанные всем трудовым советским народом. Во-вторых, рациональное перераспределение главных производительных сил страны в ходе войны. В-третьих, перераспределение средств государственного бюджета в пользу военного производства. В-четвертых, использование специальных запасов и резервов промышленного оборудования, сырья, топлива и материалов. В-пятых, увеличение производственных мощностей, сырьевых ресурсов, топлива и материалов для военного производства за счет значительного сокращения промышленного производства гражданской продукции. Достаточно сказать, что производство многих видов гражданской продукции в 1942 году было сокращено в 3—4 раза по сравнению с довоенным периодом. В-шестых, дополнительная загрузка производственного аппарата путем увеличения рабочего дня с 8 до 10—11 часов в смену (за счет сверхурочных часов) и перехода многих военных предприятий на круглосуточную работу, а также за счет сокращения сроков, отводимых для капитального ремонта оборудования. В-седьмых, рост производительности труда и снижение себестоимости в военном производстве путем перехода к массовому, крупносерийному производству вооружений, проведения жесткой экономии сырья, топлива, электроэнергии и материалов, перехода на поточное производство, автоматические и полуавтоматические линии и улучшение организации труда. Даже при резком упадке военно-промышленной базы, опираясь на восточные районы, Советский Союз смог в 1942 году увеличить по сравнению с довоенным периодом производство орудий в 3 раза, минометов в 6 раз, танков почти в 9 раз, пулеметов в 5,5 раза и самолетов в 2,5 раза¹.

¹ Военная мысль, №2, 1958, с. 77.

Итак, спустя год после начала войны в основном была закончена перестройка промышленности, восстановлена большая часть перебазируемых на Восток военных предприятий, а во второй половине 1942 года завершился процесс создания слаженного военного хозяйства. В этот период германская военно-промышленная база тоже наращивала производственные мощности и широко пользовалась возможностями оккупированных государств и стран-сателлитов. В 1942 году в Германии выплавка стали достигла 32,1 млн. т; добыча угля — 531 млн.т; производство станков — 290 тыс. шт.; локомотивов — 2637 шт. вместо 1688 в 1940 году; производство транспортного машиностроения — 931 тыс. т вместо 605 тыс. т в 1940 году; электроэнергии было выработано 81,6 млрд. кВт/ч. Парк металлорежущих станков Германии увеличился в 1942 году до 2 млн. штук¹.

Все эти военно-экономические достижения гитлеровской Германии способствовали быстрому восстановлению боевой мощи вермахта, и перед летней кампанией он снова представлял огромную силу, с которой заново предстояло схлестнуться войскам Красной Армии.

К середине апреля в Ставке все увереннее складывалось мнение, что именно на юге гитлеровское командование готовится проводить большое летнее наступление, и в целях его упреждения и облегчения управления войсками на южном крыле советско-германского фронта в предстоящих летних операциях 21 апреля было решено создать Северо-Кавказское направление. В него были включены Крымский фронт, Севастопольский оборонительный район, Северо-Кавказский военный округ, Черноморский флот и Азовская флотилия. Маршал Буденный, возглавив Северо-Кавказское направление, предложил Ставке провести наступательную операцию по освобождению Крыма и, получив разрешение, он передоверил ее проведение командующему фронтом генералу Д. Козлову, штаб которого продолжал находиться в Тбилиси. Этот фронт был сформирован 28 января 1942 года на базе Закавказского военного округа и возглавил его командующий этого округа генерал-лейтенант Д. Козлов. Перед вновь образованным фронтом стояла задача — освободить Крым и придти на выручку защитникам Севастополя, осажденных 11-й армией генерала Манштейна.

27 февраля 1942 года Крымский фронт начал проводить плохо подготовленное наступление на врага, повлекшее боль-

¹ Архив министерства хозяйства Германии.

шие потери. И вместо того, чтобы пересмотреть неудачные итоги наступления и применить танки для прорыва обороны немцев, и лучше использовать артиллерию для поддержки пехоты, командование фронта снова и снова бросало на укрепленную оборону врага одну дивизию за другой, и все они гибли под ужасающим огнем немецкой артиллерии. Остановить эту бойню местное военное начальство не могло, а высшее, во главе с командующим и штабом, продолжало находиться далеко от фронта — в Тбилиси. К. Симонов вспоминал об этом наступлении: «Все завязли в грязи, танки не шли, пушки застряли где-то сзади, машины тоже, снаряды подносили на руках. Людей на передовой было бессмысленно много. Ни раньше, ни позже я не видел такого большого количества людей, убитых не в бою, не в атаке, а при систематических артналетах. На каждом десятке метров обязательно находился подвергавшийся этой опасности человек. Люди топтались и не знали что делать. Кругом не было ни окопов, ни щелей — ничего. Все происходило на голом, грязном, абсолютно открытом со всех сторон поле. Трупы утопали в грязи, и смерть здесь, на этом поле, почему-то казалась особенно ужасной». К 1 апреля потери фронта составили более 200 тыс. человек, наступление захлебнулось в крови.

Чтобы хоть как-то улучшить организацию наступления, Сталин направил на Крымский фронт видного политработника армии армейского комиссара первого ранга Л. Мехлиса, являвшегося официальным представителем Ставки. Он был в особом доверии у Сталина и соответствовал вождю в основных чертах своего характера: бессребреник, жесткий и умный работник, фанатично преданный советской власти и самозабвенно служивший своему народу и стране. Мехлис был евреем, и для него война, как и для всех евреев Советского Союза, была войной на выживание; ведь Гитлер поклялся их всех уничтожить.

Мехлис занялся тем делом, которое он всегда умел хорошо выполнять — помогать фронту вооружением, людьми, продовольствием и одновременно очищать ряды командного состава от неблагонадежных и плохо выполнявших свои обязанности генералов и офицеров. Он причислил к слабым командирам и командующего фронтом генерал-лейтенанта Д. Козлова, прося у Сталина на его место генерала К. Рокоссовского, или другого командарма, имеющего уже опыт войны. К. Рокоссовский в это время находился после тяжелого ранения на излечении в госпитале, а других генералов, с опытом, способных возглавить фронт, у Ставки не было. Все высшее доверенное командное звено Красной Армии, за исключением гене-

ралов Г. Жукова и К. Мерецкова, оказалось в первый год войны не способными вести высокоманевренные сражения, тесно увязанные со всеми родами войск, и особенно с авиацией, боевые действия которой очень часто шли в отрыве от наземных войск. Правда, нехватка опытных кадров завершилась к концу 1942 года. Молодые командиры корпусов и дивизий все громче заявляли о себе, и Сталин с особой тщательностью присматривался к ним и готовил их к высокому служению отечеству.

В Красной Армии, до войны, генералы не учились вести оборонительные сражения — этим видом боевых действий пренебрегали. И хотя уже седьмой месяц шла война — высший командный состав армии оставался инертным к изучению опыта ведения обороны, основанной на системе траншей и ходов сообщения, в которых многократно возрастала защита солдата от артиллерийского и авиационного ударов. Они по-прежнему придерживались взгляда, что солдату достаточно подготовить ячейку — небольшое углубление в земле, из которого он должен был быстро подняться в атаку, а не обороняться. Догмы особенно живучи среди военных и служителей культа. Перед наступлением командование фронта запретило рыть окопы, чтобы не подорвать наступательный дух солдат.

Начало операции было назначено на 8 мая и к этому дню командование фронта ночными переходами подтянуло на передовую, в районы расположения батальонных районов обороны, главные силы фронта. Три армии, численностью в 50—60 тыс. человек каждая, стояли на фронте шириной 16 км, дивизии занимали по фронту 600—700 м и имели глубину построения не более 5—8 км и представляли скопище живой силы, ничем не защищенной. Так можно было воевать еще в эпоху Наполеона, но ни во время Второй мировой войны.

Немецкое командование не могло не заметить такого скопления войск на передовой и 7 мая оно подвергло мощным авиационным ударам командные пункты фронта и армий, нарушив всю систему управления, а рано утром 8 мая нанесло по нашим войскам сильный авиационно-артиллерийский удар, повлекший за собой такие потери, что думать о наступлении уже не представлялось возможным, и нужно было спасать войска фронта от полного разгрома. Наша авиация в это время по приказу Главнокомандующего Северо-Кавказским направлением маршала С. Буденного работала по морским целям и фронту никакой помощи не оказывала.

Через пять дней противник ворвался на западную и южную окраины Керчи, и Ставка разрешила начать эвакуацию войск Крымского фронта с Керченского полуострова. Уда-

лось эвакуировать около 120 тыс. человек, в том числе свыше 23 тыс. раненых¹. Десятки тысяч командиров, солдат и матросов не успели переправиться через Керченский пролив на Таманских полуостров, и тогда, укрывшись в керченских каменоломнях, они повели там самоотверженную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Более пяти месяцев велась эта неравная борьба и неизвестно чем бы она закончилась, если бы фашистские изверги не применили для убийства защитников керченских каменоломен газы, запрещенные мировым сообществом для применения.

В кровопролитных тяжелых сражениях Крымский фронт в течение мая потерял 162 282 человек, свыше 3,4 тысячи орудий и минометов, около 350 танков и 400 самолетов. В результате обстановка на южном крыле советско-германского фронта значительно усложнилась. Вражеские войска, овладев Керченским полуостровом, стали угрожать теперь вторжением на Северный Кавказ через Керченский пролив и Таманский полуостров².

Мехлис нашел в себе мужество признать свои ошибки, заявив на Военном Совете фронта: «Не бойцы виноваты, а руководство... Мы опозорили страну и должны быть прокляты».

4 июня 1942 года Ставка издала специальную директиву, в которой были глубоко проанализированы причины поражения Крымского фронта. В ней отмечалось, что главная причина неудачи Крымского фронта заключается в том, что командование фронта и армий и представитель Ставки Л. Мехлис обнаружили полное непонимание требований современной войны. «Ставка считает необходимым, — указывалось в директиве, — чтобы командующие и военные советы фронтов и армий извлекли уроки из этих ошибок и недостатков в руководстве командования бывшего Крымского фронта. Задача заключается в том, чтобы наш командный состав по-настоящему усвоил природу современной войны, понял необходимость глубокого эшелонирования войск и выделения резервов, понял значение взаимодействия всех родов войск, и особенно взаимодействия наземных сил и авиации...»³

Ставка строго наказала весь командный состав Крымского фронта, понизив в должности командующего фронтом генерала Д. Козлова и командующих армиями, допустивших разгром своих войск. Наибольшее наказание понес предста-

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 5. М., 1975, с. 124.

² Там же, с. 125

³ ЦАМО РФ. Ф.132а, оп. 2642, д.41, л.177—184

витель Ставки Л. Мехлис. Сталин строже всех спрашивал с членов Ставки и с членов правительства, хорошо понимая, что таким образом он дает пример того, как нужно осуществлять строгий спрос с работников по всей вертикали власти в стране. При встрече с Мехлисом Сталин с болью в голосе сказал ему всего три слова: «Будьте вы прокляты!», после чего подписал приказ, в котором Л. Мехлис был понижен как в должности, так и в звании.¹ Но надо отдать ему должное: он не дрогнул и не согнулся под тяжестью своей вины, а продолжал настойчиво учиться военному делу и вскоре был замечен в своем привычном трудолюбии, заметно отличавшего его от других людей. Он был снова выдвинут Сталиным на должность члена Военного Совета фронта и там, где он был — войска снабжались всем необходимым по высшему классу.

Одновременно велась подготовка к наступлению и в центре Украины. 22 марта Военный Совет Юго-Западного направления, во главе которого находился главнокомандующий войсками маршал Советского Союза С. Тимошенко, представил в Ставку непродуманный и плохо осмысленный доклад об обстановке на фронтах Юго-Западного направления, где он утверждал, что активными наступательными действиями войск Юго-Западного, Брянского и Южного фронтов «нам удалось расстроить нормальное оперативное построение войск противника, заставить его не только израсходовать все оперативные резервы, но и раздергать для локализации наших успехов свои дивизии первой линии обороны, вплоть до отдельных батальонов»². В конце своего доклада маршал еще раз акцентировал внимание Ставки, что «противник доведен активными действиями наших войск до такого состояния, что без притока крупных стратегических резервов и значительного пополнения людьми и материальной частью он не способен предпринять операцию с решительными целями»³.

Это благостная картина положения противника виделась глазами члена Военного Совета Н. Хрущева, который умел навязать свое мнение любому военачальнику, кроме Г. Жукова. Она совершенно не отвечала реальной обстановке, где по данным агентуры центра противник сосредотачивал большие резервы со значительным количеством танков восточнее Гомеля и в районах Кременчуг — Кировоград — Днепропетровск.

¹ С. Борзунов. Маршал Конев. М., 2001, с. 271.

² История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 5. М., 1975, с. 126.

³ ЦАМО РФ, Ф. 251, оп. 646, д. 145, л. 34—60.

Военный Совет Юго-Западного направления во главе с Тимошенко, Хрущевым и Баграмяном, ставили перед собой далеко идущие наступательные цели — разгромить противостоящие силы противника и выйти на Средний Днепр с овладением Гомеля, Киева, Черкассы и Николаева¹. В Брянском, Юго-Западном и Южном фронтах, входивших в состав Юго-Западного направления в общей сложности имелось 74 стрелковых и 18 кавалерийских дивизий, 480 танков и 806 самолетов. Против этих фронтов противник выставил 64 дивизии, в том числе: танковых — 7, моторизованных — 6, дивизий СС — 3, в которых по данным разведки насчитывалось до 500 танков и до 1000 боевых самолетов. Таким образом, по количеству дивизий советские войска имели превосходство над противником, но заметного численного превосходства над ним не было, так как в советской дивизии фактически и по штату насчитывалось примерно на 30 процентов солдат меньше, чем в дивизии немецкой.

Генеральный штаб рассмотрел предложения Военного Совета Юго-Западного направления и доложил Сталину о своем несогласии с ними и невозможности проведения наступления на юге весной 1942 года. Поскольку Ставка не располагала в то время достаточными резервами, чтобы усилить ими войска Юго-Западного направления, Сталин согласился с мнением Генерального штаба, но дал указание маршалу С. Тимошенко подготовить соображения о проведении частной, более узкой операции с целью овладения только районом Харькова силами и средствами направления².

К проведению Харьковской наступательной операции Главнокомандующий маршал Тимошенко привлек силы трех фронтов, и на направлении главного удара действовало около 28 стрелковых дивизий против 11 пехотных дивизий и двух танковых дивизий противника в первой линии, и во второй линии у немцев имелось до одной пехотной дивизии и 85 танков, в резерве немцы имели пехотные дивизии³.

Окружение и разгром харьковской группировки противника должны были осуществляться охватывающими ударами 6-й и 28-й армий Юго-Западного фронта, которым из-за нехватки опытных командных кадров также командовал маршал Тимошенко, а обеспечение и поддержка наступательной операции Юго-Западного фронта на харьковском направле-

¹ ЦАМО РФ, Ф. 251, оп. 646, д. 145, л. 35—36, 41.

² Военно-исторический журнал, №12, 1989, с. 19.

³ ЦАМО РФ, Ф. 15, оп. 881474, д. 19, л. 3

нии были возложены на войска Южного фронта во главе с командующим генералом Р. Малиновским. Германской разведке удалось собрать данные о намерениях советских войск, что позволило им заранее создать на флангах наступления войск Юго-Западного фронта подвижные танковые силы, перемещение которых на угрожаемые направления в штабах наступающих войск остались незамеченными¹.

Наступление началось 12 мая и в первые три дня боев войска фронта прорвали оборону 6-й немецкой армии севернее и южнее Харькова, но командование фронта опоздало с вводов в сражение подвижных соединений, что дало возможность германскому командованию перенацелить свои главные силы, сосредотачиваемые для летней кампании, для разгрома наших войск, наступающих на Харьков.

Уже 18 мая Ставка и Генштаб стали предупреждать Тимошенко, что обстановка на флангах опасная и что нужно остановить наступление, а часть сил ударной группировки и резервы направить на предотвращение угрозы сильного танкового удара со стороны Краматорска. Тщетно. Увлеченные первыми успехами Тимошенко и Хрущев сумели уговорить Верховного Главнокомандующего и продолжить наступление на Харьков.

Опасное сосредоточение крупных танковых сил врага своевременно не было вскрыто и 11 танковых и моторизованных дивизий армейской группы «Клейст» нанесли мощный удар из района Краматорск — Славянск и из района восточнее Харькова и южнее Белгорода по обоим флангам фронта.

Танки противника действовали крупными соединениями — на харьковском направлении — две танковые дивизии, и две на барвенковском. Танковые дивизии строили свой боевой порядок в два или три эшелона, сохраняя дистанцию в 150—200 метров, а вслед за ними двигалась мотопехота, активно поддерживаемая авиацией. В отдельные дни немецкая авиация совершала до 2000 самолетовылетов в день, огнем прокладывая дорогу моторам². У нас все еще остро ощущалась нехватка фронтовой авиации, бездарно потерянной в начале войны.

Позорно сбежало с поля сражения все управление 9-й армии во главе с командующим генералом Харитоновым Ф.М. и членом Военного Совета генералом Крайнюковым К.В. в лес в район Изюма, и управление армией было потеряно³. В обороне фронта появилось 80-километровое незащищенное про-

¹ А. Буллок. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Т. 2. Смоленск, 1998, с. 409.

² ЦАМО РФ, Ф.15, оп. 881474, д.19, л. 9, 10.

³ Там же, л. 6.

странство, куда сразу устремились фашистские войска. Эти генералы были вызваны в Ставку и после того, как они дали объяснение своему поступку, их снова направили на фронт, где они искупили свою вину. Следует заметить, что Сталин умел прощать даже крупные ошибки военных руководителей, но он был безжалостен к тем людям, кто вставал на путь измены родине, а Павлов и ряд его штабных генералов были обвинены именно в таком преступлении.

23 мая армейская группа «Клейст», наступавшая из-под Краматорска, соединилась в районе южнее Балаклеи с частями 6-й немецкой армии, перерезав советским войскам пути отхода на восток за реку Северный Донец. Вскоре была окружена и вторая ударная группировка фронта, действовавшая на волчанском направлении. Попытка командования Юго-Западного направления деблокировать окруженные войска успеха не имела. Из окружения вышли около 22 тысяч бойцов и командиров, остальные погибли или попали в плен¹.

Докладывая в Ставку итоги неудавшегося наступления, маршал Тимошенко признал, что главная причина поражения крылась в плохом подборе командующих армиями, корпусами и дивизиями, в незнании сил противника и его замыслов, в недостатке авиации. Н. Хрущев в эту докладную внес свое особое мнение, выражавшееся в том, что «уже утром 18 мая обстановка требовала поворота главных сил на восток»².

Это поражение показало неспособность командования фронтов и направлений планировать и проводить наступательные операции, что побудило Сталина решительно ставить во главе фронтов, армий, корпусов и дивизий молодых генералов и офицеров, уже зарекомендовавших себя на войне, кто не боялся брать на себя ответственность за принятые решения, и кто был способен их выполнить. Главные командования направлений были ликвидированы, и Верховный Главнокомандующий управление фронтами и отдельными армиями взял на себя, потребовав, чтобы во всех объединениях были представители Генерального штаба, а приказы на наступление и оборону командующие и все начальники до командира дивизии включительно представляли в Генштаб.

Тяжелый разговор в Ставке предстал и командующему войсками Южного фронта генералу Р. Малиновскому и члену Военного Совета фронта генералу И. Ларину, проявивших бездеятельность и нерасторопность в оказании помощи Юго-За-

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 5. М., 1975, с. 130—131.

² ЦАМО РФ, ф. 15, оп. 881474, д. 19, л. 11

падному фронту, когда его войска испытывали трудности с отращением наступления немецких войск, повлекшее за собой окружение части его сил.

Вызванные в Москву, они предполагали, что их ждет таковой же суд, какой состоялся в 1941 году над Павловым и другими генералами, виновными в крушении войск Западного фронта. Оба они были размещены в гостинице и ждали вызова к Сталину. В день, когда командующий Южным фронтом и член Военного Совета должны были явиться в Кремль, И. Ларин застрелился. Сталин знал Р. Малиновского, но не встречался с ним и когда командующий Южным фронтом зашел к нему в кабинет — он с ним не поздоровался и сразу спросил: «А почему не прибыл член Военного Совета некто Ларин?» В кабинете воцарилась гнетущая тишина, и, выдержав паузу, Верховный произнес: «А что вам, товарищ Малиновский, помешало застрелиться? — в этом вопросе звучало больше любопытства, нежели угрозы.

Генерал ожидал именно такого вопроса и потому он не застал его врасплох.

— Товарищ Сталин, это было бы дезертирство с поля боя. Я не имею права бросать свой фронт на произвол судьбы.

— Чувство ответственности — хорошее чувство, — согласился Сталин. — Покончить с собой и этим снять с себя ответственность за судьбу фронта — для этого не требуется большого ума, это удел малодушных.

— Товарищ Сталин, — не смущаясь пристальным взглядом вождя, сказал Малиновский, — я обязан доложить вам, что т. Ларин не был трусом, он был храбрым, преданным.

— Преступные действия, которые совершил Ларин, характеризует его в другом свете, — и, словно, подытоживая разговор, Сталин подошел ближе к генералу, еще раз пристально изучая его лицо и статью. Он видел в этом генерале нерастратченную энергию ума и силы, спокойную решимость и волю нести и дальше на своих плечах тяжкий груз войны и, подавая на прощание ему руку, произнес:

— Вопрос о вашей дальнейшей судьбе будет решаться в ГКО¹.

На другой день Малиновскому было объявлено, что он освобождается от должности командующего Южным фронтом и назначается командующим 66-й армией, которая вела бои под Сталинградом. Вскоре он возглавит 2-ю Ударную армию,

¹ Русские полководцы. Малиновский. Анатолий Марченко. Солдаты Отчизны. М., 2005, с. 46—48.

в руководстве которой он проявит незаурядный военный талант, замеченный Сталиным, и его полководческие способности найдут дальнейшее применение в войне.

Беда как всегда не приходит одна. В январе 1942 года, используя результаты Московского контрнаступления, в наступление перешли войска Ленинградского и Волховского фронтов, целью наступления было снятие блокады с Ленинграда и разгром немецко-фашистской группы армий «Север». 2-й Ударной армии Волховского фронта, которой командовал генерал-лейтенант Н.К. Клыков, отводилась роль тарана, пробивающего вражескую оборону в направлении Ленинграда. В начале операции армия успешно прорвала оборону противника в районе населенного пункта Мясной Бор (на левом берегу реки Волхов), но из-за недостатка сил и тяжелых условий местности войска армии были остановлены, а ее коммуникации были перехвачены противником. В самый напряженный период боевых действий армию возглавил заместитель командующего Волховским фронтом генерал-лейтенант А. Власов, имевший опыт выхода из окружения из под Киева, когда он командовал 37-й армией, однако несогласованность действий окруженных войск и действовавшей в их интересах оперативной группы во главе с генерал-лейтенантом М.С. Хозиным, не выполнившим своевременно требования Ставки об отводе войск, усугубила положение 2-й Ударной армии и большая ее часть погибла в болотистой местности.

В начале июля командующий 2-й Ударной армии генерал А. Власов вместе со своим поваром Марией Вороновой пришел в деревню Туховежи, Оредежского района, Ленинградской области и добровольно сдался в плен немцам. Сам генерал Власов не выдержал напряжения боев, а разгром Юго-Западного и Крымского фронтов заставил его поверить в победу гитлеровской Германии над Советским Союзом и уже 3 августа он обратился к германским военным властям с письмом, в котором предлагал для борьбы с советской властью приступить к созданию русской армии из советских военнопленных и белогвардейских формирований, находившихся на территории Германии и в оккупированных ею странах¹. Было в этом человеке что-то рабское и низменное, выразившее всю его суть в поговорке, которую он любил употреблять среди своих людей: «Пусть по шеру в грязи, но быть хозяином!»

Но как ни холуствовал Власов перед немцами — они ему не доверяли и его «освободительная» армия состояла из не-

¹ Неотвратимое возмездие. М., 1974, с. 216.

скольких тысяч таких же дрогнувших и пошатнувшихся в вере людей, как и он сам, и их всех ждала тяжелая расплата. Сам Власов советским судом был приговорен к высшей мере наказания и повешен. Несколько десятков советских генералов, попавших в плен ранеными или контужеными, отказались служить как немцам, так и Власову, и по возвращению на родину все они были прощены и нашли свое место в строю и на политическом поприще.

Подводя итоги поражения Красной Армии в Харьковской операции, Сталин сказал на заседании Ставки: «В течение каких-нибудь трех недель Юго-Западный фронт, благодаря своему легкомыслию, не только проиграл наполовину Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18—20 дивизий... Это катастрофа, которая по своим пагубным результатам равновесна катастрофе с армиями Ренненкампа и Самсонова в Восточной Пруссии». Крупные поражения заставили Сталина пересмотреть кадровую политику: Ворошилов, Буденный, Тимошенко и другие ветераны Первой мировой и гражданской войны были переведены на должности, не связанные с подготовкой и проведением наступательных операций, а занимались подготовкой резервов, были представителями Ставки на фронтах, или занимались наставнической работой в войсках и с допризывной молодежью. На передний план борьбы с немецко-фашистскими захватчиками были выдвинуты молодые генералы, уже успевшие проявить себя на полях войны. Приходилось считаться с тем фактом, что в результате неудач советских войск под Харьковом и в Крыму стратегическая инициатива вновь перешла к противнику. Теперь, как в начале войны, нужно было искать и находить новые способы борьбы с фашистской Германией, чтобы остановить ее опасное продвижение на Кавказ и к Сталинграду.

Поражение советских войск на Керченском полуострове и в районе Харькова в мае 1942 года облегчило немецко-фашистскому командованию подготовку большого летнего наступления на Восточном фронте. Неудача Крымского фронта на Керченском полуострове резко осложнило положение Севастопольского оборонительного района. Несмотря на массовый героизм его защитников, Севастополь не мог выстоять без помощи Москвы, а ее можно было оказать только по морю и воздуху, где наши силы были явно не равны. Более 8 месяцев сражались защитники Севастополя за город, вторично за два века покрыв его славой русского оружия. Только в ночь на 2 июля последние его защитники прекратили сопротивление и были эвакуированы. Сообщая об этом Сталину, Военный совет

Севастопольского оборонительного района констатировал, что «захватив Севастополь, противник никаких трофеев не получил. Город как таковой ...представляет груды развалин»¹.

Кавказ был главной целью Гитлера в летнюю кампанию 1942 года, а Сталинград рассматривался первоначально как вспомогательная цель. В соответствии с общим планом летней кампании гитлеровское командование разработало план захвата Кавказа под кодовым названием «Эдельвейс». По нему войска Паулюса после захвата Сталинграда должны были взять Астрахань, выйти в Заволжье, отрезать центральную Россию от важнейших сырьевых, продовольственных, людских и промышленных резервов юга страны, и в течение короткого времени установить свой контроль над всем Кавказским регионом. Такова была цель официально изложенных планов гитлеровского руководства для командного состава вермахта. Однако Сталин с самого начала наступления немецко-фашистских войск на юге советско-германского фронта увидел стремление Гитлера «обойти Москву с востока, отрезать ее от волжского и уральского тыла и потом ударить на Москву. Продвижение немцев на юг в сторону нефтяных районов имело своей вспомогательной целью не только и не столько занятие нефтяных районов, сколько отвлечение наших главных резервов на юг и ослабление Московского фронта, чтобы тем легче добиться успеха при ударе на Москву. Этим собственно и объясняется, что главная группировка немецких войск находится теперь не на юге, а в районе Орла и Сталинграда»².

Фашистское командование прекрасно сознавало, что только завоевание Кавказа позволит сохранить реальные шансы на победу на Восточном фронте: в случае успеха Гитлер получал в свое распоряжение нефтяные источники и богатейшие сельскохозяйственные районы, добивался полного господства на Черном море, создавал условия для вторжения в страны Ближнего и Среднего Востока, добивался вступления Турции в войну (ее 26 дивизий уже были развернуты на границе с СССР).

Одновременно с началом наступления на Сталинград и Кавказ немецкое командование решило сковать советские войска на других участках фронта, чтобы лишить их возможности маневра своими резервами. Так, группа армий «Север» должна была подготовить и в начале сентября осуществить наступательную операцию с целью захвата Ленинграда, и на уси-

¹ Отделение ЦВМА, Ф.72, д.1264, л. 218.

² *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946, с. 59.

ление этой группы Гитлер распорядился перебросить из Крыма основные силы 11-й армии, которую раньше намечалось использовать для развития наступления на Черноморском побережье. Общее руководство операцией по овладению Ленинградом было возложено на командующего 11-й армией фельдмаршала Манштейна, задачу которому лично поставил сам Гитлер: «Ближайшая задача — окружить Ленинград и установить связь с финнами, последующая задача — овладеть Ленинградом и сравнять его с землей»¹.

В связи со сложной стратегической обстановкой, создавшейся на советско-германском фронте, немецко-фашистское командование не могло начать летнюю кампанию с наступления своей основной группировки. До начала «главной» операции оно решило провести ряд частных операций с целью улучшения оперативного положения войск и высвобождения максимального количества сил для решающего наступления.

В течение мая и июня было проведено несколько армейских операций по овладению Керченским полуостровом, выпрямлению выступа в районе Барвенкова и наступление в направлении на Волчанск и Купянск. Выполнив эти операции, в ходе которых было окружено, пленено и уничтожено более двадцати советских дивизий, войска групп армий «Б» и «А» стали разворачиваться для действий на севере и юге. На северном участке линия фронта стала проходить по реке Дон — севернее и южнее Воронежа, на юге и в центре — по хорде излучины Дона, примерно по линии устья реки Донец — Нижне-Астахов — Вешенская и предмостная позиция через Дон и южнее Ростова². Попытка германских войск овладеть Воронежем была пресечена отчаянным сопротивлением советских дивизий, которые оставили его юго-западную часть, но насмерть удерживали другую половину города, что отражало возросшее мастерство русских войск в обороне крупных населенных пунктов. Первые операции летнего наступления немецких войск показали, что количество пленных и трофеев, захваченных в большой излучине Дона, были незначительны. Не удалось также окружить и уничтожить советские войска в районе Ростова, как было предусмотрено планом. Русские отступали на восток организованно, избегая охватов с флангов.

Однако гитлеровское командование продолжало строить крупные планы по завоеванию новых областей на юге Советской России и намечало овладеть: Борисоглебском — 5—10

¹ Военно-исторический журнал, №1, 1961, с. 41.

² ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 11600, д. 1105, л. 7

июля, Сталинградом — 25 июля, Саратовом — 5—10 августа, Куйбышевым — 10—15 августа, Сальском — 1 августа, Уральском — 1 сентября, Новороссийском — 15 августа, Баку — 20—25 сентября. Октябрь — ноябрь 1942 года немцы намеревались использовать для завершения кампании и решительных действий по окружению Москвы¹.

1 июля 1942 года Гитлер прибыл в Полтаву и в главной квартире группы армий «Юг» провел совещание со всеми главными участниками предстоящей летней кампании германских войск на Восточном фронте, на котором он одобрил план подготовки к ведению наступательной операции на юге, и среди главных целей предстоящего наступления он заявил: «Если мы не получим Майкопа и Грозного — я вынужден буду закончить эту войну»². Один из видных участников этого совещания генерал-полковник Паулус, непосредственно участвовавший в разработке плана «Барбаросса», а сейчас назначенный действовать на направлении главного удара в роли командующего 6-й армией, вспоминал в советском плену, что генералы, выслушав Гитлера, не могли не задуматься над тем, что все главные цели войны, которые они преследовали вместе с ним в последние годы, сводились сейчас к удержанию экономических возможностей Германии ее вести, и что настало время размышлять не о мировом господстве, а о своем спасении.

В середине июля произошло разделение группы армий «Юг» на две группы армий. Группа армий «А» с 17-й армией и 1-й танковой армией должны были достичь Кавказа и овладеть нефтеносными районами Майкопа и Грозного. Группа армий «Б», в которую входили, 2-я и 6-я немецкие армии, 4-я танковая армия, 3-я румынская армия, 8-я итальянская армия, должна была обеспечить с севера операцию по захвату Кавказа, и, продвигаясь на восток выйти к Волге южнее и севернее Сталинграда, чтобы овладеть им. После этого она должна была разрушить все промышленные объекты в городе, перерезать крупную транспортную магистраль на Волге и пресекать всякие попытки Москвы восстановить утраченные коммуникации с южными районами страны и воздушными ударами нарушать связи с Уралом.

В состав немецко-фашистских войск непрерывно поступали подкрепления. К июню 1942 года пополненная румынская армия в составе 26 дивизий вновь была брошена на советско-германский фронт. Внутри страны осталось 5 дивизи-

¹ Вопросы истории, №2, 1948, с. 29.

² ЦАМО РФ. Ф 15, оп. 11600, д. 1105, л. 9.

зий, которые еще не успели пополнить и дать практические навыки ведения современного боя. На этот раз румынская армия действовала не компактной массой, а была разбросана по всему фронту от Харькова до Кавказа и использовалась немцами для «затыкания дыр», что было сопряжено, как правило, с большими потерями. Спустя некоторое время на это направление прибыла венгерская, а потом и итальянская армии. Это разношерстное воинство было плохо подготовлено к войне и гитлеровское командование, как правило, использовало их на флангах, для прикрытия своих группировок от неожиданных ударов советских войск.

С началом операции немецких войск, начавшейся в июле, роль Сталинграда, как опорного пункта советских войск, стала резко возрастать. Советское командование выдвинуло на это направление три общевойсковые армии — 62-ю, 63-ю и 64-ю¹. 12 июля был создан Сталинградский фронт, в состав которого вошли, помимо указанных армий, 21 общевойсковая и 8-я воздушная армия из состава Юго-Западного фронта. Сталинград представлял собой не только важный стратегический пункт. Это было индустриальное сердце Нижнего Поволжья. Его заводы — Тракторный, «Баррикады», «Красный Октябрь», Судостроительный и другие — выпускали танки Т-34, 76-мм орудия, минометы, авиаснаряжение, боеприпасы и многое другое.

Вначале германское продвижение к городу преследовало, прежде всего, задачу уничтожения советских армий, находящихся в междуречье Волги и Дона. Однако к августу захват «города Сталина» стал для Гитлера ключом к победе на Восточном фронте. Географическое месторасположение города для обеих сторон имело решающий характер. Оно позволяло контролировать волжский маршрут транспортировки бакинской нефти, а Баку был главным источником горючего для Красной Армии. Захватив Сталинград и организовав на Волге мощную линию обороны, германское командование получало возможность перебросить значительные силы на кавказское направление. Более того, выход германских войск к Волге перерезал важнейшие линии снабжения советских войск, оборонявших Кавказский хребет. Таким образом, падение города приближало германскую победу в борьбе за достижение главной цели южной кампании — в борьбе за нефть.

Кроме стратегического фактора, битва за Сталинград имела и огромное морально-психологическое значение. Город в начале века носил название Царицын и во время граждан-

¹ СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1970, с. 248.

ской войны будущий советский лидер Иосиф Сталин в июле 1918 года организовал его успешную оборону от нападения белоказачьих войск генерала П. Краснова, а потом проявил недюжинный талант по собиранию на юге бурлящей России топлива и продовольствия для спасения голодающей Москвы и Петрограда и дела революции¹. В 1925 году, в знак признания заслуг Сталина в революции, городу Царицын было присвоено его имя. Захват Сталинграда гитлеровскими войсками нанес бы тяжелый удар по престижу Сталина и лишил бы страну доступа к нефти.

Это хорошо понимали и в Ставке, и поэтому подготовка города к обороне началась согласно решению Государственного Комитета Оборона от 13 октября 1941 года на дальних подступах к Сталинграду (по Дону, Иловле и в междуречье Дона и Волги). Были сооружены три оборонительных рубежа общим протяжением 1060 км, из которых 810 км приходилось на противотанковые рвы и эскарпы².

23 сентября 1941 года Сталинградский городской комитет обороны приступил к строительству оборонительных рубежей вначале на дальних, а затем и на ближних подступах к городу. Это строительство приняло огромные размеры. Уже через месяц на сталинградских оборонительных рубежах работало 70 тыс. человек, а в январе 1942 года — около 200 000 тыс. человек. Строительство обслуживали 516 машин, 478 тракторов и более 5 тыс. подвод, и оно продолжалось до приближения к Сталинграду фронта³. За это время населением под руководством комитета обороны было построено 2 850 км всевозможных укреплений, 1 170 км противотанковых рвов, 85 тыс. огневых точек, 125 тыс. стрелковых окопов и укрытий⁴. Одновременно строились дополнительные паромные переправы через Волгу, прокладывались новые железнодорожные ветки и шоссейные дороги, которые в дни обороны сыграли важную роль. По этим дорогам и переправам в осажденный Сталинград доставлялись продовольствие, боеприпасы, подходило пополнение.

Большая работа была проделана комитетом обороны, при непосредственном участии органов государственной власти и управления, по переселению части городского населения из Сталинграда. С 23 августа по 28 октября 1942 года из Сталин-

¹ Южный фронт. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1962.

² Вопросы истории, №2, 1973, с. 102.

³ *М.А. Водолагин*. Сталинград в Великой Отечественной войне. Сталинград, 1949, с. 96.

⁴ *А. Чуянов*. Сталинград — город боевых традиций. // Партийное строительство, 1945, №9—10, с. 63—64.

града было вывезено 333 тыс. человек вместе с их имуществом. В эти же дни в ряды действующей армии влилось 75 тыс. сталинградцев¹. Еще в середине 1941 года по решению Сталинградского областного комитета партии и Исполнительного областного Совета депутатов трудящихся в городе было начато формирование корпуса народного ополчения в составе кавалерийской дивизии, танкового батальона, артдивизиона и минометной роты. Позже городской комитет создал еще несколько воинских формирований. Все они приняли активное участие в обороне города.

В связи с приближением фронта к Сталинграду встал вопрос: как быть с заводами? Эвакуировать их заблаговременно или оставить на месте, используя до последней возможности? В городе уже находились уполномоченные наркоматов с заданиями подготовить заводы к эвакуации. В ночь на 20 июля 1942 года Сталинградскому обкому партии была передана по телефону телеграмма И.В. Сталина с изложением требований директивы Центрального Комитета партии, обязывавшая партийные и советские органы пресечь эвакуационные настроения и принять все меры к повышению темпов военного производства.

Когда враг вторгся в пределы самого города, городской комитет обороны призвал население покрыть все улицы города баррикадами, превратить каждый квартал, каждую улицу в неприступную крепость. «Все на строительство баррикад! — говорилось в воззвании. — Все, кто способен носить оружие, на баррикады, на защиту родного дома»². По призыву городского комитета обороны на защиту Сталинграда встали многие тысячи советских патриотов, и они помогли частям Красной Армии отстоять город и разгромить врага.

В самый напряженный период борьбы за удержание волжских рубежей и Кавказа Ставка издала знаменитый приказ №227 за подписью народного комиссара обороны т. Сталина. В нем главным лейтмотивом была мысль, что «отступать некуда», а дальше приказ ужесточал требования к лицам старшего командного состава, трусам, паникерам и дезертирам. Этот приказ требовал «создать в пределах армий 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и тру-

¹ А. Чупянов. Сталинград — город боевых традиций, с. 66.

² Партийное строительство, 1943, №3, с. 24.

сов и тем самым помочь честным бойцам выполнить долг перед Родиной»¹.

Создание заградительных отрядов было как нельзя вовремя и они сыграли большую роль в цементировании дисциплины в войсках и принуждении слабых следовать долгу сильных. С 1 августа по 15 октября 1942 года всеми заградительными отрядами, действовавшими на Сталинградском направлении, было задержано 140 755 военнослужащих, сбежавших с линии фронта. Из числа задержанных арестовано 3 980 человек, расстреляно 1 189 человек, направлено в штрафные роты 2776 человек, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 131 094 человек. Приказ неукоснительно применялся ко всем воинам, независимо от их звания и должности. Такая жестокость к трусам, паникерам и дезертирам вскоре оправдала себя полностью. Число дрогнувших в бою сокращалось не по дням, а по часам. После окружения немцев под Сталинградом заградительные отряды были переведены на службу в органы «Смерш», где они защищали войска тыла от диверсантов и вражеских десантов, а осенью 1944 года они были расформированы, потому что надобность в них совершенно отпала.

5 августа Сталинградский фронт был разделен на два: Юго-Восточный (командующий генерал-полковник А.И. Еременко) и Сталинградский (командующий генерал-лейтенант В.Н. Гордов). «Но, — пишет А.М. Василевский, — уже в первые дни выявилась вся ошибочность такого решения», так как перед обоими фронтами стояла одна задача — оборона «одного исключительного по своей важности объекта, каким являлся в то время для страны Сталинград». Исправляя ошибку, Ставка 9 августа приняла решение подчинить Сталинградский фронт командующему Юго-Восточным фронтом².

Командование немецко-фашистских войск ставило задачу овладеть Сталинградом не позднее 25 июля, захватив город с ходу, однако советские войска заставили врага в течение месяца вести изнурительные бои в районе большой излучины Дона, затем еще месяц шли еще более яростные бои на подступах к Сталинграду. Слабостью всех немецких армий, наступавших на юге, являлась неимоверная растянутость их коммуникаций. Так, например, группа армий «Б», которая вела бои на Воронежском и Сталинградском направлениях растянулась до 1300 км. А это 82 дивизии и 4 бригады, ослабленные в ходе

¹ Спецназ России, №6, июнь 2004 г.

² 28 сентября Сталинградский фронт был переименован в Донской, а Юго-Восточный — в Сталинградский.

наступательных боев, которые нужно было снабжать вооружением боеприпасами, горючим и продовольствием. Почти тысячу километров составлял фронт и группы армий «А», которая забуксовала на Северном Кавказе. При планировании летней кампании гитлеровское командование снова не учло фактор пространства территории Советского Союза, который все больше и больше давал о себе знать.

После провала попытки 6-й армии с ходу захватить Сталинград с запада, гитлеровское командование наметило новый план по овладению этим городом внезапным ударом с юго-запада. Для выполнения этой задачи с кавказского направления была спешно повернута 4-я танковая армия. Эта армия, перейдя 31 июля в наступление, прорвала оборону наших войск и, развивая наступление вдоль железной дороги Сальск — Сталинград на север-восток, 6 августа вышла к нижнему фасу внешнего оборонительного сталинградского обвода, но дальше ее продвижение было остановлено.

Темпы наступления германских войск были невысокими и Гитлер был недоволен действиями своих военачальников, опасаясь, что и эта летняя кампания может завершиться так же, как и все кампании 1941 года. Всю вину он перекладывал на главнокомандующих армиями, которые постоянно испытывали нехватку резервов из-за увеличивающегося по своей ожесточенности сопротивления советских войск. Генерал-фельдмаршал фон Бок получил выговор и был снят с должности главнокомандующего группой армий «Б» за то, что в боях за овладение Воронежем, на второстепенном участке фронта, по мнению фюрера, он непозволительно долго использовал большие силы 4-й танковой армии, так что армия опоздала для операции на юге, восточнее Ростова, в результате чего не был достигнут предполагаемый успех. Главнокомандующему группой армий «А» генерал-фельдмаршалу Листу было предъявлено обвинение, что он нецелесообразно много использовал сил на второстепенные задачи, в результате чего нефтяные промыслы Майкопа не были заняты своевременно, а Грозный вообще не был занят¹. Бесконечная череда снятий опытных немецких генералов возвышала выскочек и карьеристов, кто и на войне искал выгоды и славы не для Германии, а для себя лично и это вело вермахт к катастрофе. Гитлер считал себя непревзойденным знатоком стратегии и не хотел выслушивать другие мнения, и силой предоставленной ему власти

¹ ЦАМО РФ. Ф15, О. 11600, д.1308, л.15.

он создал вокруг себя обстановку доминирования собственного мнения, угнетающе действующую на других людей.

В момент наивысшего напряжения схватки советских и немецко-фашистских войск на юге страны в Советский Союз в середине августа с официальным визитом прибыл премьер-министр Великобритании У. Черчилль. Всю свою сознательную жизнь Черчилль ненавидел общественный строй, установившийся в Советском Союзе, но сейчас, волею обстоятельств, от способности этого государства выстоять в жестокой борьбе с фашистской Германией, зависела и судьба Великобритании. Побыв несколько часов со Сталиным, Черчилль вынес убеждение, что перед ним великий государственный деятель чужой страны, чужой идеологии, но единственной в мире, способной помочь Англии в борьбе с фашизмом. И Черчилль попытался загладить перед Сталиным свою непримиримую позицию в прошлом, и, прежде всего, за интервенцию против молодой советской республики в 1918 году. Он попросил у Сталина прощения за ошибки прошлого английского правительства, косвенно прося прощения и за свои ошибки в том правительстве, где Черчилль отвечал за все военные компании. Сталин не стал углубляться в анналы истории и коротко ответил: «Бог простит!»¹

Советское руководство рассчитывало, что ему удастся убедить английского премьер-министра открыть второй фронт в Европе и в Москве владели информацией, что в Англии имеются достаточные военные силы, чтобы это сделать.

На 1 апреля 1942 года в вооруженных силах Великобритании уже имелось:

	Метрополия	Вне метрополии	Всего
Пехотных дивизий.	32	40	72
Отдельных пехотных бригад	36	3	49
Кавалерийских дивизий	1	1	2
Танковых дивизий	7	5	12
Отдельных танковых бригад.	5	—	5
Самолетов	5760	1620	7380

Общая численность английской армии составляла 4 млн. человек, и мобилизационные возможности государства составляли 2—2,5 млн. человек.

¹ А. Уткин. Мировая Холодная война. М., 2005, с. 51.

Создав такую сильную армию и имея военно-морской флот, который безраздельно господствовал в Северной Атлантике, Англия могла уже в 1942 году выделить для открытия второго фронта в Европе до двадцати пехотных дивизий и до двадцати пехотных бригад, семь танковых дивизий и пять танковых бригад против 16 немецких дивизий, дислоцированных в Бельгии и Франции. Однако Черчилль стал убеждать Сталина в невозможности открыть второй фронт в Европе из-за нехватки десантных судов и, кроме того, потому, что прибытие миллионной американской армии на английские острова «ожидаются весной 1943 года, что составит экспедиционную армию США в 27 дивизий, к которым английское правительство готово добавить 21 дивизию»¹.

В облегчение этой вести Черчилль сообщил Сталину о готовности США и Англии провести в ближайшее время десантную операцию под названием «Торч», чтобы овладеть Северной Африкой. Внимательно выслушав план этой операции, Сталин мгновенно оценил ее стратегические преимущества для союзников, поочередно назвав каждое из них. Это стратегическое видение советского вождя произвело неизгладимое впечатление на Черчилля. Он говорил впоследствии, что «очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно»².

Сходство взглядов на продолжение войны с фашистской Германией и сила ума обоих государственных деятелей перешла в плоскость быстрого принятия решений по всем вопросам, что лежали в сфере переговоров советско-английских делегаций. В какой-то момент отношения двух лидеров были настолько искренни, что Черчилль даже принял участие в неформальном ужине на небольшой квартире Сталина в Кремле. Там он, в ожидании коммунике, задал советскому вождю вопрос:

«— Скажите мне, на вас лично так же тяжело сказываются тяготы этой войны, как и проведение политики коллективизации?»

— Ну нет, — сказал Сталин, — политика коллективизации была страшной борьбой». Борьбой «с 10 миллионами, — продолжил он, подняв руки. — Это было что-то страшное, это дли-

¹ Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Кордзэлла Хэла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М., 1990, с. 165.

² Там же, с. 168.

лось четыре года, но для того, чтобы избавиться от периодических голодовок, России было абсолютно необходимо землю пахать тракторами. Мы должны были механизировать наше сельское хозяйство». Тяжелые воспоминания прошлого несколько замедлили ход мыслей Сталина, но после непродолжительной паузы он продолжал: «Мы не только в огромной степени увеличили снабжение продовольствием, но мы неизмеримо улучшили качество зерна. Раньше выращивались всевозможные сорта зерна. Сейчас во всей нашей стране никому не разрешается сеять какие бы то ни было другие сорта, помимо стандартного советского зерна. Это еще больше увеличило снабжение населения продовольствием»¹.

Встреча двух лидеров завершилась принятием коммюнике, в котором они заверили мировое сообщество, что «справедливую освободительную войну оба правительства исполнены решимости вести со всей силой и энергией до полного уничтожения гитлеризма и всякой подобной тирании». Для Гитлера это было первым серьезным приговором двух великих держав, связавших себя едиными целями в войне.

События на советско-германском фронте продолжались оставаться главными, за ними внимательно следил весь мир. Несмотря на то, что сопротивление советских войск нарастало, обстановка под Сталинградом по-прежнему оставалась сложной и Ставка боевым действиям на этом направлении придавала первостепенное значение. В конце августа Сталин вызвал Г. Жукова с Западного фронта и объявил о решении Ставки направить его для укрепления войск, действовавших в районе Сталинграда. «У нас плохо идут дела на юге, — сказал Верховный Главнокомандующий, — и может так случиться, что немцы возьмут Сталинград. Не лучше складывается обстановка и на Северном Кавказе»². Как вспоминал Г. Жуков, Сталин понимал, что неблагоприятная обстановка, сложившаяся летом 1942 года являлась следствием и его личных ошибок, допущенных при утверждении планов наших войск в летней кампании этого года. К чести вождя, он не искал виновных среди членов Ставки и Генерального штаба, а напряженно работал вместе со всеми над устранением ошибок. Вместе с отправкой Г. Жукова на Сталинградское направление Ставка направляла в этот район все, что тогда было возможно. Только вновь формируемые стратегические резервы, предназначенные для ведения дальнейшей борьбы, пока не вводились в действие.

¹Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля... С. 178—179.

²Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1988, С. 267.

Решительными действиями, которыми в совершенстве владел Г. Жуков, советские войска в районе Сталинграда в начале сентября изменили стратегию и тактику борьбы: они беспрерывно, днем и ночью, контратаковали врага как крупными силами, так и мелкими подразделениями, и сумели навязать немецко-фашистским войскам и их сателлитам сплошной активный фронт борьбы, для удержания которого нужно было растрчивать резервы, которых у немцев было немного. Досконально изучив состав и положение немецко-фашистских войск и их союзников, действовавших на Сталинградском направлении, и избранный немецким командованием способ овладения Сталинградом и Поволжьем, Г. Жуков нашел в их решении глубокую стратегическую ошибку, заключающуюся в том, что гитлеровские генералы позволили втянуть все свои войска в городской каменный мешок, где у них была утрачена всякая возможность для ведения маневренных действий и отступления. Второй Верден, только еще более пагубный для немецких войск, гитлеровские генералы подготовили сами, не проявив осмотрительности и осторожности при попытке овладеть крупным городом на Волге, втянув в Сталинград главные силы 6-й полевой и 4-й танковой армий вермахта. У Г. Жукова мгновенно созрел план: упорной обороной продолжать удерживать Сталинград и одновременно подготавливать удар по сходящимся направлениям для разгрома главных сил вермахта в этом районе.

После обмена мнениями с другим представителем Ставки генералом армии А. Василевским, у Г. Жукова в начале сентября окончательно родилась идея предложить И. Сталину следующий план действий: первое — активной обороной продолжать изматывать противника; второе — приступить к подготовке контрнаступления, чтобы нанести врагу в районе Сталинграда такой удар, который резко изменил бы стратегическую обстановку на юге страны и привел к краху весь летний план гитлеровского командования. Это был настолько смелый план, что даже И. Сталин поостерегся его сразу утвердить — нужна была огромная концентрация ресурсов и сил страны, чтобы подготовиться к такому решительному повороту событий. Но в конце сентября план контрнаступления советских войск под Сталинградом был утвержден, и к его выполнению был допущен очень узкий круг ответственных лиц государства, что дало возможность сохранить его в тайне от врага.

Немецко-фашистские войска, ввязавшись в бои под Сталинградом, не имели успеха. Новых немецких войск для перегруппировки в район Сталинграда у фашистского командова-

ния уже не было. Тогда оно пошло на усиление этого направления техникой и на развертывание румынских и итальянских войск на флангах 6-й и 4-й армий¹.

К осени 1942 года обстановка на этом направлении для вермахта стала приобретать угрожающий характер: пять армий из семи, находившихся на Дону и Кавказе, оказались скованными борьбой за район Сталинграда. Активные действия советских войск заставили гитлеровское командование превратить Сталинград в главный участок всей борьбы на советско-германском фронте. А втянувшись в затяжные бои за овладение Сталинградом 6-я и 4-я армии потеряли возможность маневра и о свободном их отходе на запад с середины августа не могло быть и речи, так как это вело к крушению всех немецких сил на Дону и Кавказе.

12 сентября в Винницу, в Ставку верховного командования вооруженных сил Германии, были вызваны главнокомандующий группой армий «Б» генерал-полковник Вайхс и командующий 6-й армией генерал-полковник Паулюс, где они высказали Гитлеру свою озабоченность большой протяженностью фронта борьбы и указали на недостаточную прочность линии обороны немецких войск по реке Дон, и на опасности, вытекающие из этого. Выслушав их мнение, Гитлер в ответ им заявил, что, по «его мнению силы русских находятся на грани истощения, что сопротивление их под Сталинградом имеет лишь местное значение, что они уже не способны предпринять какой-либо для нас стратегический контрманевр»². Главную цель он видел в том, чтобы немецкие войска возможно быстрее, используя все имеющиеся силы, захватили Сталинград и прилегающий к нему берег Волги.

Но обстановка на полях сражений на юге советско-германского фронта складывалась совсем не такой, какой она виделась Гитлеру. В то время как он доказывал генералам, что русские не способны предпринять какой либо «стратегический контрманевр», шесть общевойсковых и одна танковая армии сосредотачивались в районах Калинина, Тулы, Тамбова, Борисоглебска и Сталинграда. Еще четыре резервные армии располагались в более глубоком тылу — на линии Вологда — Горький — Саратов³.

Через руководителя германской военной разведки, опытного разведчика адмирала Канариса, начальник Генерально-

¹ Военная мысль, №1, 1959, с. 90.

² ЦАМО РФ. Ф.15. ОП. 11600, д.1391, л.1—2.

³ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 5. М., 1975, с. 143.

го штаба сухопутных войск генерал Гальдер знал об этой концентрации советских войск и в середине сентября он доложил Гитлеру, что «в районе Саратова русские сконцентрировали войска численностью до миллиона человек, а восточнее Кавказа полмиллиона, и что Сталин будет вести в этом районе такое же наступление, какое он вел во время русской революции против Деникина». Гитлер от этих предостережений взорвался и в злости воскликнул: «Увольте меня от такой идиотской болтовни!». Однако, невзирая на гнев фюрера и непонимание им сути происходящих процессов, Гальдер добавил: «Русские производят ежемесячно 1500 танков, немецкое производство составляет только 600 танков. Я предостерегаю о кризисе, он определенно наступит».¹

Гитлер перестал объективно оценивать силы противника и поэтому совершал много ошибок при принятии своих решений. Советская контрразведка, сорганизованная лично Сталиным в структуре Ставки Верховного Главнокомандующего, наглухо закрыла все возможные пути для проникновения германских агентов на территорию Советского Союза, и Гитлер никогда не владел достоверной информацией о положении дел в советской экономике и состоянии дел в Красной Армии. Из-за этого Гитлеру, чтобы не вызвать в нем гнева, часто докладывали ложные сведения о Советском Союзе и он жил в мире догадок и предположений о советских возможностях.

И действительно, в Советском Союзе успешно решалась главная задача — организация производства средних и тяжелых танков в восточных районах страны. К началу 1942 года вступили в строй и непрерывно наращивали мощности восемь танкостроительных, шесть корпусных и три дизельных завода². В первой половине 1942 года производство танков значительно возросло; Красная Армия получила свыше 11 тыс. боевых машин, а всего к концу 1942 года танковая промышленность, возглавляемая министром В.А. Малышевым, дала фронту 24 446 танков³. Улучшенный и модернизированный танк Т-34 стал грозой немецких танков и был лучшим танком Второй мировой войны.

Увеличение производства танков создало все предпосылки для восстановления корпусного звена в организационной структуре бронетанковых войск. С весны 1942 года начали формироваться танковые корпуса, каждый в составе трех тан-

¹ ЦАМО РФ, Ф.15, оп. 974444, д.52, л. 55—56.

² История КПСС, Т.5, Кн. 1. С. 296.

³ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 5. М., 1975, с. 92.

ковых бригад и одной мотострелковой бригады. Корпус имел 168 танков. В мае-августе создаются четыре танковые армии: 1-я, 2-я, 3-я и 5-я. Кроме двух танковых корпусов, в армию входили отдельные танковые и мотострелковые бригады и артиллерийско-минометные части. Такой состав армий обуславливался стремлением создать сильные оперативные объединения, которые способны были не только взламывать вражескую оборону, но и развивать достигнутый успех в операции.

В сентябре 1942 года начали возрождаться механизированные корпуса на совершенно новой технической базе. Они отличались от танковых корпусов наличием большого количества мотопехоты. В корпус входили три механизированных бригады (в каждой из них был танковый полк), танковая бригада, зенитные и противотанковые полки. Всего в корпусе имелось 175 танков. В это же время формировались отдельные танковые бригады (53 танка), отдельные танковые полки (39 танков) и отдельные танковые полки прорыва (21 тяжелый танк). Они предназначались для усиления стрелковых дивизий при организации наступления на сильно укрепленную оборону противника¹.

Значительно расширилось производство реактивных минометов БМ-8 и БМ-13 («катюши»). На вооружение армии в 1942 году поступило 3237 пусковых установок².

Разгромленную в первые дни войны авиацию было очень трудно восстанавливать, но с этим успешно справился наркомат авиационной промышленности во главе с А.И. Шахуриным, который пополнял авиационный парк армии новыми самолетами, по своим качествам превосходившими немецкие образцы. Наша промышленность в короткие сроки наладила крупносерийный выпуск истребителей Як-1, ЛАГ-3, пикирующих бомбардировщиков Пе-2, штурмовиков Ил-2. Всего в 1942 году было произведено 25 436 самолетов всех типов³.

В мае 1942 года ГКО принял решение об объединении авиации фронтов в воздушные армии. Это дало возможность Верховному Главнокомандующему и командующим фронтами централизованно управлять авиацией и увязать ее боевые возможности с действиями войск на земле. Шла коренная реорганизация всех вооруженных сил страны, начатая Сталиным в июле 1941 года. Совершенно справедливо нужно отдать должное Сталину, что после того, как он стал Верховным

¹ Советские вооруженные силы. История строительства. М., 1978, с. 284.

² История Великой Отечественной войны. 1941—1945. Т. 2. М., 1963, с. 512.

³ История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 4. М., 1974, с. 150.

Главкомандующим и одновременно народным комиссаром обороны, в течение одного военного года вся организационно-штатная структура вооруженных сил нашей страны была перестроена и создана заново, и она стала отвечать требования маневренной войны и уверенно вести нашу армию к победе над фашистской Германией. Но главное, что стало заметно отличать армию, так это дисциплина и порядок. повсеместно утвердившаяся в ее рядах.

Шли крупные и качественные изменения во всех родах войск и специальных войск и Сталин, подобно опытному врачу, следил и усиливал воюющий организм армии, уделяя самое пристальное внимание управлению войсками, основу которых составляли войска связи. Количество полков связи увеличилось к осени 1942 года в 4 раза, радиодивизионов почти в два раза; в войсках существовала и надежно действовала засекреченная аппаратура связи и Сталин быстро дозванивался до любого командира дивизии, если того требовала обстановка.

Стратегия Сталина всегда базировалась на одном непреломном условии — не давать наступающему передышки и все время наносить ему контратаки и контрудары. Разгром наступавших казачьих сил под Царицыном во главе с генералом Красновым, позднее переметнувшимся на службу фашистской Германии, был проведен в стиле стремительного контрнаступления.

При разгроме Деникина Сталин отстоял свое решение наносить главный удар Южным фронтом, где он был членом Военного Совета, под Орлом и Воронежем в направлении Донецкого района, где Красная Армия овладевала угольным регионом и населением, благожелательно расположенным к красным, и развитой железнодорожной сетью. «Мы получим уголь, — говорил Сталин, — а Деникин останется без угля». Он отверг предложение Троцкого наносить контрудар от Царицына на Новороссийск¹. В результате такого наступления армия Деникина в районе Ростова-на-Дону была разобщена на две части и ее остатки были разгромлены в Крыму и на Кавказе. Гальдер боялся повторения событий прошлого: ударом в направлении Сталинград — Ростов-на-Дону советские войска могли закупорить немецко-фашистские войска, воевавшие на Северном Кавказе, а в дальнейшем подвергнуть угрозе разгрома все германские силы, действовавшие на юге советско-германского фронта. Но Гитлер верил в свое предвидение и не хотел знать аналогий и выслушивать предупреждения о надви-

¹ А.Б. Кадисhev. Сталинский план разгрома Деникина. М., 1946, с. 13—15.

гающей катастрофе и 24 сентября, при очередном докладе генерала Гальдера фюреру о положении на советско-германском фронте, Гитлер заявил ему: «Ваши и мои нервы пострадали, половина моих потерь нервов за ваш счет. Что еще можно поправить на Востоке, не требует уже специальных умений, а лишь национал-социалистического убеждения. Этого я от вас не могу требовать»¹. В тот же день Гальдер был отстранен от дел, но его предвидение сбылось: советские войска, как и при разгроме Деникина, вели наступление одновременно в направлении Ростова и Кавказа, чтобы разъединить войска противника на части и разгромить их порознь. Только поспешное бегство фашистских армий с Северного Кавказа спасло их от окружения и полного разгрома.

Наступление немецких войска на Сталинград шло медленно: в середине сентября была захвачена южная часть города, в октябре — его северная часть и соответствующие небольшие участки берега Волги. Центральная часть города, с прилегающим к нему берегом Волги, продолжала удерживаться русскими. Что удивительно — заводы города в это время продолжали работать и давать войскам вооружение и боеприпасы. За июль-август они дали фронту в общей сложности 4 800 танков, орудий и крупнокалиберных минометов. Тракторный завод, например, в августе, несмотря на бомбежку, выпустил для фронта 390 танков². В сентябре, когда передний край обороны проходил уже в сотнях метров от завода, еще 200 танков и 150 артиллерийских тягачей отправились с Тракторного на передовую³. До 15 сентября производил сборку 76-мм орудий завод «Баррикады». Полигона уже не было — его захватил противник; пристрелку новых орудий вели прямо по фашистам.

Несмотря на тяжелые, кровопролитные бои в Кировском районе Сталинграда, который обороняли войска 64-й армии, продолжали работать судоверфь, хлебозавод, СталГРЭС. Немцы постоянно бомбили и обстреливали СталГРЭС, а здание станции было заминировано. «Труднее всего было привыкнуть, — говорили дежурные электрики, — к тому, что под главным щитом управления лежало полтонны взрывчатки. Стоило только одному снаряду попасть в нее, и все мы моментально взлетели бы в воздух». На героическую станцию часто оглядывались бойцы. «Посмотришь, а СталГРЭС дымит, и на сердце становится как-то веселее»⁴.

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 977444, д.52, л. 55—56

² Вопросы истории, №2, 1973, с. 105—106.

³ Битва за Волгу. Сталинград, 1958, с. 295.

⁴ «РАССКАЗЫ СТАЛИНГРАДЦЕВ». СТАЛИНГРАД, 1948, с.118.

Мамаев курган — господствующая над городом высота — стал местом самых ожесточенных боев. С вершины кургана, как на ладони, виден город, израненный, обугленный, но не поверженный, сражающийся. Тысячи километров прошли фашистские захватчики, чтобы достичь великой русской реки. От вершины Мамаева кургана до берега Волги — 800 метров. И вот она на виду. Чего только не предпринимали гитлеровцы, чтобы взять курган, преодолеть оставшиеся до Волги метры. Противник вводил в бой силы размером до пехотной дивизии, до 100 танков, перепахал склоны кургана взрывами снарядов и авиабомб, а пройти вперед так и не смог. Воины 284-й дивизии полковника Н.Ф. Батюка и гвардейцы генерала А.И. Родимцева стояли насмерть.

Не прошли фашисты и правее, там, где вдоль волжского берега выстроились заводы-гиганты: «Красный Октябрь», «Баррикады», и Тракторный завод. С 4 октября начались бои непосредственно за заводы. Наши воины сражались за каждый цех, а в цехе — за каждый пролет, за каждый агрегат. Завод «Красный Октябрь» обороняли 39-я гвардейская дивизия генерала С.С. Гурьева, 193-я дивизия генерала Ф.Н. Смехотворова и 45-я дивизия полковника В.П. Соколова. Вместе с солдатами держали оборону и рабочие завода. Штаб отряда ополченцев находился в дымоходе мартеновской печи №14, а позиции были оборудованы в развалинах 8-й, 9-й и 10-й мартеновских печей. В районе завода, в сотнях метров от переднего края обороны находился и штаб 62-й армии. В те дни ее командарм писал: «Здесь храбрость советского воина переросла в боевое мастерство, отвага — в осмысленное действие, боевая дружба воинов и рабочих заводов... дала такой прочный сплав стойкости и упорства, что никакие ударные силы врага не смогли сломить воли советских воинов к победе»¹.

Паулюс вспоминал, что «начавшиеся с этого времени отдельные бои за каждый дом не принесли германской стороне существенных успехов, вследствие удесятенного сопротивления и постоянных контратак с советской стороны»². В конце сентября 6-ю армию посетил новый начальник Генерального штаба сухопутных сил генерал Цейтцлер, который с уверенностью сообщил генералу Паулюсу, что «русские не полагают больше достойными упоминания оперативными резервами, так как основная масса их уже израсходована в летних боях 1942 года. Конечно, — утверждал он, — русские

¹ Красная Звезда, 1 декабря 1942 г.

² ЦАМО РФ. Ф.15, оп.11600, д.1391, л. 2.

смогут еще вести местные контратаки, но на контрудар оперативного масштаба они уже не способны»¹.

Но не так думали простые солдаты и офицеры гитлеровской Германии. «Сталинград, — писал ефрейтор Вальтер домой, — это ад на земле, Верден, Красный Верден с новым вооружением. Мы атакуем ежедневно. Если нам удастся утром занять 20 метров, вечером русские отбрасывают нас обратно»².

Германское командование продолжало наращивать силы в направлении Сталинграда, и у Гитлера родилась мысль сформировать новую группу армий под названием «Антонеску» и в нее должны были войти 4-я танковая и 6-я немецкая армии и 3-я румынская армии с задачей оборонять фронт южнее Сталинграда до района Вешенская. Это была идея Гитлера, чтобы еще больше связать Румынию с ведением войны и лично заинтересовать Антонеску в ее победном окончании. Генштаб был против этой идеи Гитлера, но генералы не осмеливались возражать фюреру, однако сама эта идея оказалась неосуществимой, так как 19 ноября русские начали мощное наступление, в котором румынская армия была разгромлена первой, и германскому командованию пришлось создавать новую группу армий, но уже под названием «Дон», которую возглавил генерал Манштейн³.

Осенью 1942 года стало ясно, что планы летне-осенней кампании немецко-фашистского командования рухнули. Хотя германские и союзные им войска вышли к Волге, стояли у предгорья Кавказа, они не достигли основной цели, ради чего и затевалось это наступление: Сталинград не был взят, не были захвачены нефтепромыслы, а Турция продолжала выжидать. Продвижение летом 1942 года стоило фашистской Германии около 1 млн. убитыми, ранеными и пленными и потери громадного количества боевой техники⁴.

Немецко-фашистское командование даже не подозревало о том, что над его сталинградской группировкой нависла серьезная опасность. Будучи уверен в успехе своих войск, Гитлер 14 октября издал приказ по немецкой армии, который гласил: «Приготовления к зимней кампании находятся в полном разгаре. Вторая русская зима застанет нас готовыми и лучше подготовленными. Русские силы, которые значительно уменьшились в результате последних боев, не смогут уже в течение зимы 1942/43 года ввести в бой такие силы, как в прошлую

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, оп.1160, д.1308, л.13.

² Исторический журнал, №4,1944, с.6.

³ ЦАМО РФ. Ф.15, О.11600, д.1308, л.11.

⁴ Всемирная история, Т.10. М., 1965, с.205.

зимнюю кампанию. Чтобы не произошло, более жестокой и трудной зимы уже не может быть»¹.

В середине октября воздушным наблюдением немцы обнаружили первые признаки подготовки наступления советских войск как северо-западнее Сталинграда на левом фланге 6-й армии, так и южнее Сталинграда в районе расположения 4-й танковой армии. Об этих опасениях Паулюс сообщил главнокомандующему группой армий и получил ответ, что «Верховное командование вооруженных сил Германии не считает серьезной опасностью наступление русских на участке Донского фронта и что нужно быстрее захватить остальную часть Сталинграда, и для этого у вас есть резервы»².

9 ноября в адрес Главного командования от генерала Паулюса пришла радиограмма: «Окончательный захват города имеющимися силами невозможен ввиду крупных потерь, армия просит подбросить ей ударные части и специалистов по ведению уличных боев». Ответа командующий 6-й армии до начала контрнаступления советских войск так и не дождался. В этот же день Гитлер держал свою ежегодную речь перед «старой гвардией» в «Бюргерброй», в которой он, словно перед кем-то оправдываясь, говорил: «Я хотел достигнуть реки Волга, причем в определенном месте и в определенном городе. Случайно он носит имя Сталина. Этот город я хотел захватить, и вы знаете, мы скромны, мы его имеем, там имеется лишь пара небольших районов, которые удерживают русские. Теперь иные люди говорят: «Почему же вы не воюете быстрее? — потому что захвачу город совсем небольшими ударными частями. Время при этом не играет никакой роли».³

Гитлер совершенно не знал состояния военной промышленности в Советском Союзе и не имел представления о громадной работе, проводимой Ставкой по мобилизации сил страны на разгром немецко-фашистских захватчиков. К концу 1942 года были созданы мощные стратегические резервы, и они в значительной степени определили успех всех зимних операций Красной Армии. Так, в ходе зимней кампании 1942/43 года Ставка передала фронтам из своего резерва: 4 танковых армии, 29 танковых и механизированных корпусов, 108 стрелковых дивизий, 23 артиллерийских, 26 зенитно-артиллерийских и 19 авиационных дивизий и большое количество специальных соединений и частей⁴. Такого мас-

¹ Вопросы истории, №2, 1948, с. 37.

² ЦАМО РФ. Ф.15, О.11600, Д. 1391, л. 3.

³ Там же, оп. 977444, д.52

⁴ Советские вооруженные силы. История строительства. М., 1978, с. 328.

штабного и огромного восполнения войск во время войны история государств еще не знала. Основным источником пополнения армии и флота офицерскими кадрами оставались военно-учебные заведения. Во второй период Великой Отечественной войны командно-политический состав готовили 250 учебных заведений, в том числе 30 высших, а также 200 различных офицерских курсов. Как тут не вспомнить, что в Первую мировую войну в царской России все военно-учебные заведения были закрыты, и действующая армия была брошена своим правительством на собственное выживание, что и привело к гибели царской власти в России.

125 дней, с 17 июля по 18 ноября, продолжалось оборонительное сражение у стен Сталинграда. За это время наши войска нанесли по врагу 17 контрударов¹. На Сталинградском направлении они вывели из строя до 700 тыс. солдат и офицеров противника, уничтожили свыше 1000 танков, 2 тыс. орудий и минометов, до 1400 самолетов². И хотя фашисты направляли в этот район ежемесячно почти 250-тысячные пополнения, массу военной техники, наступление немецко-фашистских захватчиков было остановлено. Упорными оборонительными боями под Сталинградом закончился первый период Великой Отечественной войны. К исходу осени 1942 г. стало ясно, что наступательные возможности немецко-фашистских войск в основном исчерпаны, резервы истощились, но главная цель летней кампании осталась недостигнутой. Героическая оборона Сталинграда имела международное значение. В ту грозную для судеб человечества осень, битва за Сталинград была в центре внимания мировой общественности: «Эпопея Сталинграда переживет века» (английская газета «Рейнольдс ньюс»); «Это такого рода битвы, какие выигрывают войны» (американская «Нью-Йорк геральд трибюн»)³.

В дни разглагольствования Гитлера о скором овладении Сталинградом, в Ставке и во фронтах, сжавших гитлеровскую армию с востока и на флангах, шла усиленная подготовка к контрнаступательной операции

План подготовки контрнаступательной операции советских войск был строжайше засекречен. Сталин требовал от представителей Ставки генералов Г. Жукова и А. Василевского, чтобы кроме них никто не был в него посвящен. Он категорически требовал никому об этом плане не сообщать, даже чле-

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг. Т.6. М., 1965, с. 194.

² Сталинградская эпопея. М., 1968, с. 43.

³ Из обзора зарубежной печати // Правда, 27 октября 1942 г.

нам ГКО. Командующим фронтами и армиями он сообщался только в той части, что касалось их лично — и не единого слова больше.

Благодаря этой скрытности, гитлеровское командование удалось ввести в полное заблуждение. Советские войска накануне контрнаступления под Сталинградом предприняли активные действия, направленные против группы армий «Центр». Немцам внушалось: именно здесь, на западном участке фронта, советское командование сосредотачивает свои основные силы, и здесь готовится нанести главный удар. Врага удалось обмануть. Он спешно перебросил из-под Ленинграда в район Великих Лук танковую, моторизованную и пехотную дивизии; в район Витебска и Смоленска было вызвано семь дивизий из Франции и Германии; в район Ярцево и Рославля — две танковые дивизии из-под Воронежа и Жиздры. Всего для усиления немецкой группы армий «Центр» было направлено 12 дивизий¹.

К началу Сталинградской операции в работе советского тыла наступил перелом. Во второй половине 1942 г. почти вдвое вырос выпуск танков Т-34, повысилось качество боевых самолетов новейших образцов, производство орудий и минометов, главным образом пушек ЗИС-3, 82-мм и 120-мм минометов². Были перевооружены части и соединения Красной Армии, созданы запасы боевой техники и боеприпасов. На 20 ноября 1942 г. на Сталинградском, Донском и Юго-Западном (воссоздан 25 октября 1942 г.) фронтах находилось 1 015 299 солдат и офицеров, в том числе в боевых порядках войск — 719 702, имелось пулеметов всех систем — 22 258, противотанковых ружей — 17 662, орудий — 6 582, минометов — 11 546, зенитных орудий — 1041, установок реактивной артиллерии — 1 400, танков — 1560, боевых самолетов — 1115, автомашин — 41 413³.

Практическая разработка Сталинградской наступательной операции под кодовым названием «Уран» осуществлялась лично Верховным Главнокомандующим т. И. Сталиным и Генеральным штабом в абсолютной секретности. Руководство подготовкой командования и войск на местах к операции Ставка возложила по Юго-Западному и Донскому фронтам на Г. Жукова, а Сталинградского — на А. Василевского. По стратегическому замыслу Сталинградская операция не имела себе равных. Основная ее идея сводилась к последовательному выполнению двух задач: первая — нанесение ударов по сходящимся

¹ Русские полководцы. Малиновский. Анатолий Марченко. Солдаты Отчизны. М., 2005, с. 59.

² Военно-исторический журнал, 1968, №3, с. 64.

³ «ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА НА ВОЛГЕ». М., 1965, с.254.

направлениям с целью соединиться у поселка Калач-на-Дону и окружить главную группировку противника в районе Сталинграда; вторая — отодвинуть фронт от кольца окружения как можно дальше на запад, а окруженного противника уничтожить. Планирование операции исходило из учета использования благоприятно сложившейся конфигурации под Сталинградом и самого размещения по фронту немецко-фашистских армий и войск их сателлитов. Советские войска занимали охватывающее положение. На флангах противника, где намечался прорыв фронта, находились две румынские и одна итальянская армии, уступавшие и по вооружению и по боеспособности немцам.

Все ожидали, что Красная Армия развернет свое зимнее наступление с целью облегчить положение осажденного Сталинграда. Но никто не предполагал, что оно будет иметь такой размах и масштабы. Немецко-фашистские войска и их сателлиты 19 и 20 ноября были атакованы сразу тремя советскими фронтами: Юго-Западным (командующий генерал-лейтенант Н. Ватутин), Донским (командующий генерал-лейтенант К. Рокоссовский) и Сталинградским (командующий генерал-полковник А. Еременко), в состав которых входило около 750 тыс. человек.

16 ноября в Сталинградских степях выпал первый снег и в тот же день был получен приказ фюрера: «Необходимо построить защищенные от морозов отапливаемые бункера для танков»¹, что было издевательством над солдатами — ведь они не имели таких бункеров даже для себя. Венгры, румыны и особенно итальянцы вторжение в русские просторы и их морозную зиму считали немецким делом и мало заботились о своем быте в поле. Ледяной ветер дул из Казахстана, пронизывал тело сквозь одежду и, как говорится, через кожу. Все это произошло внезапно.

19 ноября началось мощное наступление Красной Армии на район западнее 6-й армии, занимаемый 3-й румынской армией, фронт которой был прорван в тот же день. Перед этим, в полночь, началась снежная буря, температура понизилась до 6 градусов, погода была нелетная. Солдаты немецкой и румынской армий сидели в земляных бункерах — безмянных на местности, в безмянных окопах и всех их ждала безмянная смерть. В 4 часа утра загредел «бог войны», как назвал Сталин артиллерию. Наступление начали 3500 орудий, минометов и реактивных установок «катюша» и они одним только залпом выбрасывали сотни тонн боеприпасов на немецкие и румын-

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 977444, д.52, л.58.

ские позиции. Четыре часа неистовствовал огневой вал с востока и медленно катился на запад¹. Где он вгрызался в тыловые позиции врага, в воздух поднимались столбы песка, взлетали от взрывов балки, металлические части, доски и тела немцев и румын. Блиндажи разрушались как карточные домики, и земля огромными фонтанами взлетала вверх. Над землей поднимались стены раскаленного добела пламени и на протяжении трех-пяти километров все близлежащие позиции противника были объяты огнем, так что многие сходили с ума. Один румынский полковник, выйдя из легковой машины, очумело спрашивал у бегущих солдат: «Кто мне покажет дорогу на Бухарест!». Вперемежку между советскими танками, крушивших вражескую технику, в четыре и пять рядов бежали по огненной степи солдаты и офицеры немецкой, румынской и итальянской армий, пытаясь сбежать от этого ада. Как и во время контрудара под Москвой здесь, в степях между Волгой и Доном, наступал час расплаты Гитлера и его нацистского режима за все преступления, совершенные немцами на европейской и русской земле.

Советское наступление развивалось столь стремительно, что уже 21 ноября — два дня спустя после начала операции — Паулюс сообщил Вейхсу, командующему группой армий «Б», что 6-я армия «полностью окружена». На самом деле советские войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов встретились в районе Калача 23 ноября, и именно тогда они полностью замкнули кольцо окружения вокруг 6-й немецкой армии. Численность окруженной группировки немцев и их сателлитов составляла около 300 тыс. человек, в которой имелось 3200 орудий и минометов и 900 танков

На второй день после окружения своих войск Паулюс телеграммой попросил Гитлера «предоставить ему свободу действий», но фюрер ему ответил, что он создает новую группу армий под наименованием «Дон» во главе с фельдмаршалом Манштейном, которая поможет 6-й армии выйти из окружения. «...Я сделаю все, чтобы армию снабжать и своевременно деблокировать»².

План контрнаступления советских войск предусматривал не просто создание кольца вокруг 6-й армии, но окружение и уничтожение войск союзников Германии, оборонявших самое уязвимое место — фланги немецких войск на Дону. Отсюда советские войска должны были ударить в направлении Рос-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 977444, д. 52, л. 67.

² Там же, л. 124.

това, с целью захвата в ловушку 450-тысячной группы армий «А», действующей на Кавказе. Последующие действия Красной Армии предусматривали уничтожение обоих немецких объединений — групп армий «А» и «Б», что вело к полному краху всего южного фланга германского Восточного фронта.

На направлении главного удара советских войск севернее Сталинграда находилась 3-я румынская армия (10 дивизий, 100 тыс. человек), а южнее города — 4-я румынская армия (7 дивизий, 70 тыс. человек). Скрепляла фланги венгерской и румынской армий 8-я итальянская армия. Румынские дивизии имели старое вооружение, более того, румынские войска плохо снабжались, поскольку немецкое командование, прежде всего, заботилось об обеспечении своих собственных войск. Румыны занимали оборону на большом прострaнстве в открытой степи, не имея достаточного количества фортификационных сооружений. Их разгром стал следствием того, что немцы не имели практически никаких резервов для поддержки своего союзника¹.

8-я итальянская армия прикрывала левый фланг 6-й армии, устремившейся к Сталинграду, и на нее обрушился удар 1-й гв. армии под командованием генерала Кузнецова В.И. и 6-й армии генерала Харитонов Ф.М. Итальянцы устали от непопулярной для них войны и у них не было той злости и ожесточения к врагу, какое испытывали русские солдаты к пришедшим захватчикам, и их сопротивление было быстро сломлено. Управление армией было потеряно и длинные колонны итальянских и немецких частей, перемешиваясь между собой, беспорядочно отступали, бросая артиллерию, а недостаток горючего заставлял бросать их и автотранспорт. Воинские и штабные колонны итальянцев, как правило, старались двигаться поблизости от немецких частей, у которых были противотанковые орудия и командиры которых поддерживали дисциплину среди солдат. Вслед за 8-й армией к концу декабря был разгромлен и итальянский Альпийский корпус.

По данным итальянского Генерального штаба с 11 декабря 1942 г. по 31 января 1943 г. из 57 тысяч солдат и офицеров Альпийского корпуса из окружения удалось вырваться 27 тыс. человек. 8-я армия потеряла убитыми, пропавшими без вести и пленными 84 830 человек, 29 695 человек ранеными и обмороженными. Это составляло 60% офицеров и 43% рядового состава армии².

¹ Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила мир. М., 2003, с. 99.

² Военно-исторический журнал, №4, 1968, с. 51.

Немецкое командование приказало направить остатки итальянской армии для переформирования в район Гомеля и Жлобина и отказало в предоставлении им автотранспорта, и большую часть пути колонны итальянских солдат шли пешком. Из остатков итальянских войск гитлеровское командование хотело сформировать новую армию для Восточного фронта, но Гитлер резко возразил: «Это не имеет смысла. Давать им оружие — значит обманывать самих себя... Нет никакого смысла давать итальянцам вооружение для организации армии, которая побросает его перед лицом врага при первом же случае. Точно также ни к чему вооружать армию, если нет уверенности в ее внутренней прочности... Я не дам обмануть себя еще раз»¹. Это было началом конца. Итальянцы сразу почувствовали к себе разительную перемену, словно они были военнопленные вермахта. Их стали отправлять на родину в закрытых вагонах, пригодных для перевозки скота, и гневу итальянцев не было предела. Они нашли ему выход по приезде на родину, вставая в ряды итальянского Сопротивления, сыгравшего немалую роль в крушении фашистского режима в Италии.

Верховное командование, заручившись поддержкой Гитлера, потребовало от Паулюса: «6-й армии удерживать занимаемый ею плацдарм в Сталинграде и ее теперешние позиции. Контрмеры приняты»². Предвидя полное окружение своей армии, Паулюс тогда обратился к Гитлеру, прося у него разрешения произвести отвод 6-й армии в район южнее излучины рек Дона и Чир с тем, чтобы с освободившимися путем такого маневра силами атаковать на флангах армии и восстановить утраченные связи с соседями. Но что значила для Гитлера судьба 6-й армии по сравнению с его судьбой, угроза над которой обозначалась все больше и больше, по мере того как ему становился ясным масштаб советского контрнаступления под Сталинградом. Эта опасность была пострашнее опасности под Москвой. Гитлер сразу увидел стратегическую ловушку, в которую увлекал его Сталин, разреши он оставить Паулюсу позиции под Сталинградом, после чего вся группа армий, действующая на Кавказе, попадала в окружение, и, как следствие небывалого разгрома, весь германо-советский фронт мог в считанные дни развалиться на отдельные части с гибельными последствиями для всей Германии.

Все усилия гитлеровского верховного командования спасти положение на юге советско-германского фронта ока-

¹ Военно-исторический журнал, №4, 1968, с. 52.

² ЦАМО РФ. Ф.15, О. 11600, д. 1391, л. 6.

зались безрезультатными. Положение в 6-й армии становилось критическим, и чтобы дать для сотен тысяч солдат хоть какую-то надежду, Гитлер 12 декабря пригласил в свою Ставку в Восточной Пруссии одного из самых верных почитателей нацистских идей командира 14-го танкового корпуса генерала Хубе, которому он поведал дальнейшие планы ведения войны на Восточном фронте. 7 января 1943 года Хубе вернулся на фронт и сообщил командованию 6-й армии, что «фюрер возлагает большие надежды на Сталинград. Он видит историческую миссию 6-й армии в том, чтобы она до последнего держалась в районе Сталинграда, хотя бы в ее руках оставался лишь бы район самого города. 6-я армия, сковывая крупные силы русских, должна помочь выиграть время для создания прочного фронта на юге. Он предполагает бросить новые мощные соединения, взяв их из армейской группировки «Кавказ», чтобы нанести новый мощный контрудар и этим победно разрешить теперешний кризис...»¹

Паулюс вновь обратился к Гитлеру с просьбой о помощи и одновременно просил от него разрешения на организацию прорыва из советского кольца, но фюрер был неумолим: «Битва за Сталинград, — телеграфировал он в ответ, — в декабре достигла своего высшего напряжения. Противник прорвался в тыл наших частей и в отчаянии пытается вернуть важную для него крепость на Волге. Вы должны удержать позиции Сталинграда, завоеванные такой большой кровью. Что касается моей власти, я сделаю все, чтобы поддержать вас»².

На следующий день в штаб 6-й армии пришли другие известия — советское командование предлагало капитуляцию и гарантировало всем окруженным сохранить жизнь, что никогда не делало германское командование при окружении советских войск. Оно было отвергнуто, и 10 января 1943 года началось наступление советских войск на окруженную группировку немцев с запада и юга, что заставило группу армий «Дон» отступать на запад. 20 января командующий 6-й армией, предвидя неизбежную катастрофу, обратился по радио к главнокомандующему группой армий «Дон» и к главнокомандующему сухопутными силами вермахта, прося у них разрешения на свободу действий, но получил в ответ телеграмму, которая точь-в-точь отражала взгляды Гитлера, высказанные им генералу Хубе: «Капитуляция исключается. 6-я армия выполняет свою историческую миссию, давая возможность своей

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, О. 11600, д.1391, л.18—19.

² Исторический журнал, №4,1944, с. 7.

стойкостью создать новый фронт и отвести армейскую группу «Кавказ»¹.

24 января передатчик 6-й армии передал последнее донесение в ставку Гитлера: «Войска не имеют ни боеприпасов, ни пищи. Контакт поддерживается только с подразделениями шести дивизий. Очевидное разложение на южном, северном и западном фронтах. Не имеется никакой возможности для осуществления эффективного командования. На восточном фланге изменения небольшие: 18 000 раненых не обеспечены перевязочными материалами и лекарствами. 44-я, 75-я, 100-я, 305-я и 348-я пехотные дивизии уничтожены. Фронт разорван в результате сильных прорывов с трех сторон. Опорные пункты и убежища имеются лишь в самом городе. Продолжать оборону бессмысленно. Крах неизбежен. Армия просит немедленно разрешить капитулировать для спасения оставшихся войск»².

Ответ Гитлера не заставил себя долго ждать: «Капитуляция воспрещается. 6-я армия должна удерживать свои позиции до последнего человека и последнего патрона и своей героической стойкостью внести незабываемый вклад в дело создания оборонительного фронта и спасения западного мира»³.

Ежедневно число военнопленных достигало 30—35 тысяч человек. Всего за время операции по окружению взято в плен свыше 130 тыс. немецких офицеров и солдат. Истощенные, оборванные, в ботинках на босую ногу, многие из них не доходили до сборных пунктов, до наших ближайших санучреждений, да и всех обмороженных и больных солдат немецкой армии они не в состоянии были охватить⁴. В плен попало также 30 тысяч хиви — так называли немцы рабов из военнопленных, прислуживавших им.

Когда Гитлер узнал, что фон Паулюс сдался русским, а с ним еще одиннадцать других немецких и пять румынских генералов, он пришел в бешенство. На дневном совещании были запечатлены его комментарии слово в слово: «Этот человек должен был застрелиться, как в старину командиры бросались на свои мечи, когда видели, что проиграли. Это само собой разумеется. Даже Вар велел своему рабу: «Теперь убей меня!»... Представьте себе, его доставят в Москву. Там он подпишет все что угодно. Он будет делать признания, заявления. Вы увидите: теперь они покатаются по спирали банкротства до самых низов... Индивид так или иначе умирает. Выше жизни индивида

¹ ЦАМО РФ. Ф15, оп. 11600, д. 1391, л. 20.

² Там же, оп. 977444, д. 52, л. 202.

³ Там же, оп. 977444, д. 52, л. 203

⁴ Там же, оп. 11600, д. 1329, л. 43—44.

нация. Но как может кто-нибудь бояться этого момента смерти, который не может освободить его от этих страданий, если долг не привязывает его к этой юдоли слез. Нет! Что меня лично больше всего ранит, так это то, что я сделал его фельдмаршалом. Мне хотелось дать ему это последнее удовлетворение. Это последний фельдмаршал, которого я сделаю в эту войну. Нельзя считать цыплят, пока они не вылупились. Я совершенно этого не понимаю. Стольким людям приходится умирать, а потом один человек, вроде этого, в последнюю минуту очерняет множество других. Он мог бы освободиться от всех печалей и отойти в вечность и национальное бессмертие, а он предпочел отправиться в Москву. Ну, что это за выбор? Не вижу никакого смысла»¹.

В зимней кампании 1942/43 годов под Сталинградом советские войска разгромили сильную группировку врага на юго-западном направлении. Немецко-фашистские оккупанты и их союзники потеряли полностью 32 дивизии и три бригады; кроме того, 16 дивизий понесли огромные потери. Советская армия развернула зимой 1943 года общее наступление на всех направлениях советско-германского фронта. В труднейших климатических условиях зимы наши войска продвинулись на запад на некоторых участках на 600—700 км и освободили от врага большую территорию в 480 тыс. кв. км. В эту зимнюю кампанию советские войска полностью разгромили две немецкие, две румынские, одну итальянскую и одну венгерскую армии. После окончания Сталинградской битвы Антонеску сообщал в Берлин, что из оставшихся румынских войск ему удалось сформировать одну дивизию в Мелитополе. Он обещал сохранить на советско-германском фронте восемь румынских дивизий и в меморандуме, посланном в германский Генеральный штаб констатировал, что Румыния за неполных два года войны потеряла в войне с Советской Россией 370 206 солдат и офицеров, из них свыше 286 332 убитыми, пленными и тяжелоранеными². Всего в ходе наступления было разгромлено до 40 процентов всех дивизий противника, находившихся на советско-германском фронте, приковавшем к себе, как известно, подавляющую часть вооруженных сил фашистской коалиции.

Сталинградская битва стала университетом оборонительных и наступательных сражений, школой мужества, стойкости и побед. Эту школу прошли более 1 млн. солдат и офице-

¹ А. Буллок. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Т. II. Смоленск, 1998, с. 423—424

² Военно-исторический журнал, №2, 1961, с. 37.

ров. В Сталинградской битве участвовало на разных ее этапах около 320 соединений и более 200 отдельных полков всех родов войск¹.

Чтобы иметь представление о размерах того невиданного в истории побоища, которое разыгралось на полях Сталинграда, необходимо знать, что по окончании Сталинградского сражения было подобрано и похоронено 147 тыс. 200 убитых немецких солдат и офицеров и их союзников и 46 тыс. 700 советских солдат и офицеров².

Блестяще справились с организацией контрнаступления советских войск представители Ставки генералы армии Г. Жуков и А. Василевский. Заслуженно отмечая их роль в разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом, Президиум Верховного Совета СССР 18 января 1943 года вынес решение о присвоении Г.К. Жукову высшего воинского звания — маршала Советского Союза, а 16 февраля такого же звания был удостоен и А.В. Василевский. Оба прославленных генерала не стали надевать маршальские погоны, пока не добились от высшего органа государственной власти страны согласия присвоить звание маршала Советского Союза Председателю Государственного Комитета Оборона товарищу И.В. Сталину, являвшемуся Верховным Главнокомандующим, проделавшему колоссальную работу по мобилизации сил страны на отпор вражескому нашествию. Два прославленных военачальника хорошо знали, что все великое в выработке стратегии войны рождалось под неоспоримым влиянием идей и взглядов Сталина, что благодаря его непревзойденным организаторским талантам к концу 1942 года произошла военная перестройка всего народного хозяйства страны и Советская армия смогла не только восстановить понесенные потери в боевой технике, но и вооружить ею новые соединения, и создать резерв оружия, что являлось предпосылкой коренного перелома в ходе войны. К пожеланию маршалов присоединились командующие фронтами, которые на себе чувствовали постоянную заботу и помощь Верховного Главнокомандующего.

6 марта 1943 года Президиум Верховного Совета СССР, идя навстречу пожеланиям высшего военного звена Советской армии, присвоил т. Сталину И. В. звание маршала Советского Союза. Весть эта вызвала в народных глубинах высокое одобрение. Все, кто воевал в действующей армии и трудился тогда в тылу, все время чувствовали надежную и сильную руку

¹ В. Гуркин. 214-я стрелковая дивизия в битве на Волге // Военно-исторический журнал, 1964, №7, с. 97.

² Военная мысль, №10—11, 1943, с. 7.

своего вождя, славившего сильных, поддерживавшего слабых и немощных, и строго каравшего переступавших закон и мораль.

Гитлеровская военная машина после Сталинградской катастрофы была потрясена до основания, и ее руководство металось в поисках выхода из тупика. Гитлер признал, что «возможности окончания войны на Востоке посредством наступления не существует»¹. Милитаристская Япония и Турция, готовившиеся после захвата немецко-фашистскими войсками Сталинграда вступить в войну против Советского Союза, отказались от своих намерений и в начале 1943 года даже попытались выступить в качестве посредников для заключения хоть какого-то перемирия между Советским правительством и правительством нацистской Германии. Сталин решительно отверг всякие попытки международных посредников склонить нашу страну на переговоры с агрессором.

Сталинградская победа оказала воздействие не только на весь последующий ход Великой Отечественной и Второй мировой войны в целом, не только на положение Германии и ее сателлитов, но и на всю обстановку в мире. Она укрепила положение СССР и его союзников по антифашистской коалиции. Если в первый год Великой Отечественной войны, вплоть до начала Сталинградской битвы, дипломатические отношения с СССР установили 5 стран, с которыми ранее такие отношения не поддерживались, то после победы под Сталинградом дипломатические отношения с СССР были установлены еще 30 странами². До Сталинградской битвы фашистская Германия находилась в состоянии войны с 15 государствами. После победы под Сталинградом Германии объявили войну еще 23 государства³.

В те незабываемые дни всенародного подъема, царившего в Советском Союзе, ликования в странах антигитлеровской коалиции, повсеместно окрепла вера в окончательную победу над фашизмом.

¹ Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984, с. 205.

² Мировое хозяйство и мировая политика, 1946, №3. Приложение.

³ Там же.

ГЛАВА XIII

Замысел сторон на 1943 год. — Курский выступ. — Переход советских фронтов к преднамеренной обороне. — Создание Ставкой резервного Степного фронта. — Упреждение врага в нападении. — Прохоровское сражение. — Контрнаступление советских войск. — Тегеранская конференция союзников

В середине января Сталин проводил большое совещание с членами ГКО и Ставки, на которое были приглашены министры и видные военачальники. Оно посвящалось ускорению развертывания военного производства и выпуску новой боевой техники. За несколько дней до этого совещания Сталин рассмотрел и утвердил планы министров, отвечающих за военное производство. При этом Сталин с особым вниманием рассматривал план развития военной промышленности на 1943 год, составленный наркомом обороной промышленности Д.Ф. Устиновым, где количество вводимых новых заводов было наибольшим. В этом плане числился и Омский завод, который к 1 ноября 1943 года должен был начать выпуск танков Т-34 для фронта.

Совещание началось с оценки Сталиным общей обстановки, сложившейся на советско-германском фронте и его видению, какой она может сложиться к лету 1943 года.

«Нам доподлинно известно, — заявил он, — что летом этого года Гитлер постарается перехватить у нас стратегическую инициативу и готовится нанести по нашим войскам мощный удар. Где он будет нанесен — Генштаб пока не знает, но чтобы успешно этот удар отразить — нам надо больше выпускать танков и САУ». И, подойдя поближе к наркому оборонной промышленности Д. Устинову, Сталин многозначительно заявил: «Вот и Омский завод к 1 апреля начнет поставлять танки на фронт». Министр, зная и без того свой напряженный график работы, поднял удивленные глаза, и, глядя в лицо председателю ГКО, сказал: «Товарищ Сталин! Омский завод начнет выпускать танки осенью, к 1 ноября, как Вы утвердили». — «Товарищ Устинов, вас не будет, но с Омского завода танки начнут поступать на фронт к 1 апреля сего года», — жестко и требовательно ответил Сталин.

Как вспоминал впоследствии Д. Устинов, он прямо с совещания заехал в свое министерство, чтобы уточнить состав

ударных групп, направляемых в Омск из министерства и с заводов, которые выпускали танки Т-34, и взять свой тревожный чемодан. Не теряя ни минуты времени, он тут же убыл на аэродром Чкаловский, где стоял его служебный самолет «Дуглас», и взял курс на Омск. Более двух месяцев нарком оборонной промышленности провел на Омском танковом заводе, круглые сутки работая бок о бок с инженерами и рабочими в цехах и на участках, быстро решая технические и технологические проблемы по ускорению выпуска танков. А проблем этих была масса, но воля и энергия советских людей, ковавших на трудовом фронте победу над врагом, была сильнее встречаемых преград на их пути. Вместе с наркомом такую же тяжелую ношу несли партийные и советские работники Омской области, помогавшие заводу выполнить задание Сталина. В конце марта Д.Ф. Устинов позвонил в Москву и доложил, что первые эшелоны с танками Т-34 ушли на фронт. «Вот видите как все просто», — сказал Сталин и, чуть помолчав, добавил: «Завтра я вас жду в Москве».

В годы войны все советские люди работали, надрываясь в непосильных трудах и невзгодах, и когда мы пытаемся бросить камень в адрес своих предков — надо взглянуть на себя и спросить — а достойны ли мы их?

В ходе зимней кампании 1942—1943 годов Советская армия разгромила около 100 дивизий противника, или до 40 процентов всех дивизий, действовавших на советско-германском фронте¹. Только безвозвратные потери противника за период с июля 1942 года по 30 июня 1943 года, по данным Генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии, составили 1 млн. 135 тыс. человек. В тяжелом положении находились бронетанковые войска гитлеровской армии, являвшиеся главной ударной силой вермахта. В целях преодоления острого кризиса германской армии, руководство фашистской Германии пошло на чрезвычайные меры. В стране была объявлена «тотальная мобилизация», с помощью которой в вермахт было призвано еще 2 млн. человек.

В 1943 году продолжался рост промышленности Германии. Увеличилась выплавка стали, производство алюминия, синтетического каучука, нефти, добыча каменного угля. На этой базе возрос выпуск военной продукции. Производство танков, орудий и минометов по сравнению с предшествующим годом увеличилось более чем в два раза, боевых самолетов — в 1,7 раза. Однако потери военной техники на со-

¹ Военная мысль, №2, 1961, с. 58.

ветско-германском фронте были настолько велики, что даже значительный рост производства военной промышленности Германии и оккупированных ею стран не мог их восполнить. На советско-германский фронт гитлеровское командование направляло лучшие дивизии и все маршевое пополнение, но все равно в июле 1943 года до 60 дивизий были укомплектованы по сокращенному штату.

К лету 1943 года общая численность вооруженных сил фашистской Германии составила 10 300 тыс. человек, против 10 549 тыс., имевшихся летом 1942 года. Кроме того, в распоряжении гитлеровского командования находились десятки дивизий сателлитов, хотя их боевой уровень неуклонно падал.

Проведя с чрезвычайной жестокостью и настойчивостью «тотальную мобилизацию» ресурсов большей части Европы для нужд дальнейшего ведения войны, гитлеровское командование с присущей ему дерзостью и самоуверенностью пришло к выводу, что оно располагает необходимыми материальными ресурсами для продолжения активных наступательных действий против Советского Союза, и может взять реванш за поражение под Сталинградом, и вновь захватить стратегическую инициативу на Восточном фронте в свои руки.

Радужные иллюзии, господствовавшие в то время в руководящих кругах фашистской Германии, нашли отражение в докладе фельдмаршала Кейтеля, сделанном им 5 июня 1943 года в Зонтхоффене на сборах генералов и офицеров, проводившемся за месяц до начала сражения за Курский выступ. Опираясь на данные, представленные генеральным штабом сухопутных войск, Кейтель утверждал, что в 1943 году потери мощностей военной промышленности Советского Союза, по сравнению с довоенным временем, составили 50 процентов производства боеприпасов, 40 процентов танкостроения, 25 процентов самолетостроения. Он в самой категоричной форме предсказал неизбежность дальнейшего падения военной промышленности Советского Союза, «так как должны возникнуть серьезные затруднения в экономике СССР и в первую очередь на транспорте; признаки этого уже налицо...»¹

Это было глубокое заблуждение. В 1943 году советская промышленность произвела средних и тяжелых танков значительно больше, чем фашистская Германия. А ведь с использованием поступающих на Восточный фронт танков немецкое командование связывало свои далеко идущие планы. Значительно превзошел Советский Союз фашистскую Германию

¹ Военная мысль, №2, 1961, с. 60.

и по выпуску боевых самолетов, орудий и минометов, автоматического оружия. Производство танков в нашей стране в 1943 году увеличилось по сравнению с 1940 годом более чем в 8,5 раза, самолетов — почти в 4 раза, орудий — почти в 3,5 раза, боеприпасов — более чем в 2,5 раза¹. При этом, наряду с большим ростом производства вооружений были достигнуты выдающиеся результаты в области разработки новых образцов военной техники.

Крупные успехи в развитии военной экономики дали возможность Ставке осуществить ряд важных мероприятий в области организационного строительства советских вооруженных сил и оснащении их новой боевой техникой. К началу битвы под Курском было создано большое количество танковых и механизированных соединений и объединений, увеличилось число крупных артиллерийских соединений, что позволило иметь значительные стратегические резервы и сосредоточить большое количество артиллерии и танков на решающих участках фронта. Очень сильно вырос военно-воздушный флот и господство в воздухе переходило к советским летчикам. Роль авиации в борьбе с бронетанковыми войсками противника все более возрастала.

На активные наступательные действия летом 1943 года гитлеровское командование подтолкнул не только грубый просчет в оценке соотношения сил на Восточном фронте. Следует также учитывать и то, что новая крупная победа на советско-германском фронте была жизненно необходима гитлеровскому государству. Только она могла вдохнуть новые силы в германский народ и восстановить пошатнувшееся доверие к немецко-фашистской армии среди союзников и предотвратить нарастающий кризис фашистского блока. Отсутствие второго фронта и в 1943 году благоприятствовало фашистской Германии в выполнении ее планов. К началу летне-осенней кампании 1943 года на советско-германском фронте было сосредоточено 196 лучших немецких дивизий (68 процентов от их общего числа), а также 32 дивизии и 8 бригад союзников Германии. На действующем же фронте против англо-американских войск в Северной Африке в это время находилось 8 немецких дивизий — 2,7 процента общего состава сухопутных войск Германии. В оккупированных фашистской Германией странах имелось 92 немецких дивизии. Примерно в такой же пропорции по театрам военных действий распределялись и

¹ Военная мысль, №2, 1961, с. 61.

ВВС врага. К июлю 1943 года на советско-германском фронте имелось 3100 боевых самолетов.

В ходе успешных наступательных операций Брянского, Центрального и Воронежского фронтов весной 1943 года был захвачен так называемый Курский выступ, образованный изгибом фронта, проходившего по линии Мценск — Малоархангельск — Дмитровск-Орловский — Севск — Рыльск — восточнее г. Сумы — Томаровка — Белгород — Волчанск и далее на юг, по восточному берегу реки Северный Донец. Курский выступ глубоко вклинивался в расположение противника на юго-западном стратегическом направлении.

Наличие в наших руках такого выгодного плацдарма создавало исключительно благоприятные условия для нанесения мощных ударов по флангу и тылу основных немецких группировок, сосредоточенных как в районе Орла, так и в районе Белгорода и Харькова, а также для последующего развития генерального наступления с целью очищения от немецких оккупантов Украины и Белоруссии. Поэтому Курский выступ привлекал серьезное внимание немецкого командования как «заманчивый исходный рубеж для русских и ворота для вторжения на Украину».

Немцам удалось удержать в своих руках орловский плацдарм, который находился в 270 км от Москвы, и район Харькова, который являлся ключевой позицией всего южного стратегического направления. Вследствие такого важного положения, Курск стал тем притягательным маяком, куда устремились намерения как германского, так и советского командования. К тому же в этом районе были сосредоточены главные силы противоборствующих сторон, предназначенные решить исход летней кампании 1943 года.

На путь наступательной операции на Восточном фронте Гитлера настойчиво склоняли генералы вермахта. Началось это ранней весной 1943 года. Генерал Манштейн, как только им была успешно проведена Харьковская наступательная операция, выдвинул идею «использовать слабость противника, обусловленную поражениями, которые он потерпел в конце зимней кампании и немедленно перейти в наступление против советских войск, находившихся в районе Курского выступа». Однако предложенный план немедленного перехода в наступление на курском направлении явно не соответствовал возможностям немецких войск и был отложен. Не встретил одобрения в военных и политических кругах и другой план, выдвинутый командованием группы армий «Юг». Считая, что удар советских войск летом 1943 года будет нацелен против

донбасской группировки, оно предлагало «с боями отойти и пропустить армии противника на запад... приблизительно до линии Мелитополь — Днепропетровск. Одновременно... предлагалось подготовить крупные силы в тылу северного фланга группы армий. Эти силы должны были разбить наступающие группировки противника, чтобы оттуда нанести удар на юго-восток, или на юг в глубокий фланг советских войск, наступавших через Донбасс и на нижний Днепр и уничтожить их на побережье. После этого предусматривалось нанести второй удар на север против центральной группировки противника».¹

За решительное сражение стояли руководители немецко-фашистских армий, действовавших на советско-германском фронте. 18 июня командующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге в телеграмме начальнику Генерального штаба сообщил свое мнение о готовящейся наступательной операции в районе Курской дуги: «Это решение, по моему мнению, является наилучшим. Оно вынудит противника попасть под удар наших клещей. Само наступление будет развиваться быстро благодаря наличию крупных танковых сил в обеих группах армий. Имея большой размах, оно неизбежно вовлечет в свою орбиту основные силы всех русских войск, в том числе и находящиеся севернее Орла. В случае удачи, оно должно принести максимальный успех. Последнее является решающим... лучшим решением будет осуществление нашего наступления в соответствии с планом «Цитадель»². Его поддержал и командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн, утверждавший, что «после победы у Курска мы сможем покончить с кризисом и в Донбассе и, может быть, добьемся здесь большой победы»³.

В конечном итоге большое влияние на выбор направления главного удара и характер стратегического использования немецким командованием вооруженных сил фашистской Германии летом 1943 года оказало очертание линии фронта в районе Курской дуги. Курская дуга не только глубоко вклинивалась в немецкий фронт обороны на стыке групп армий «Центр» и «Юг», но и удлиняла протяженность фронта почти на 500 км, что требовало от немецкого командования привлечения дополнительных значительных сил. И Гитлер, и его генералы надеялись повторить успешные наступательные операции немецко-фашистских войск 1941 года с помощью сильных танковых ударов, подержанных авиацией.

¹ Военная мысль, №2, 1961, с. 63—64.

² Военно-исторический журнал, №6, 1959, с. 91.

³ Там же, №2, 1961, с. 91.

Как на предшествующих этапах Второй мировой войны, в основу плана стратегической наступательной операции на советско-германском фронте летом 1943 года гитлеровское командование положило взаимосвязанные идеи внезапности и высоких темпов наступления. В этом вопросе руководство фашистской Германии оставалось верным своей концепции «молниеносной» войны, которая рассматривала внезапность нападения как «самый действительный залог победы». Они хотели, используя внезапность наступления и стремительные удары мощных группировок бронетанковых сил, вызвать «стратегический паралич» советского командования и вновь овладеть инициативой на советско-германском фронте. В оперативном приказе Гитлера №6 от 15 апреля 1943 года на проведение операции «Цитадель» требование достижения внезапности наступления было сформулировано в самой категорической форме. Пункт второй приказа гласил: «Необходимо широко использовать момент внезапности и держать противника в неведении, прежде всего, в отношении времени начала наступления... Осуществить наступление в возможно быстром темпе с тем, чтобы противник не смог избежать окружения и подтянуть мощные резервы с других участков фронта»¹.

Очень интересный факт связан с подготовкой этого важного документа в гитлеровской штаб-квартире. За три дня до его официального утверждения Гитлером, он был положен на стол Сталина, завизированный всеми службами вермахта, но еще не подписанный фюрером. Копия этого документа была передана в Москву разведчиком под именем «Вертер», и есть предположения, что Вертер был личным фотографом А. Гитлера.

Шло обсуждение плана летних кампаний и в Ставке, где шел непрерывный обмен мнениями относительно плана операций на лето 1943 года. Было запрошено мнение авторитетных военачальников, представлявших Ставку в действующей армии, а также некоторых командующих фронтами. Все были едины во мнении, что главные события должны были развернуться на Курской дуге. Ведь именно в этом районе находились главные ударные силы противника, таившие для нас две опасности: глубокий обход Москвы или поворот на юг. С другой стороны, и советское командование могло с наибольшей пользой применить здесь свои главные силы, в первую очередь крупные танковые объединения. Все другие направления, даже при условии усиленных действий, не сулили советским вооруженным силам таких перспектив, как Курская дуга. К та-

¹ Военная мысль, № 7, 1963, с. 62.

кому выводу, в конечном итоге, пришли и Ставка, и Генеральный штаб и командующие фронтами.

Второй проблемный вопрос — как решать главные задачи войны, вставшие перед нами к лету 1943 года — был более сложным, и ответы на него последовали не сразу и далеко не одинаковые. 8 апреля маршал Г. Жуков, находившийся в то время на Воронежском фронте, писал Верховному Главнокомандующему т. Сталину:

«1. Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы.

Исходя из наличия в данный момент группировок против наших Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против трех этих фронтов, с тем, чтобы разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению.

2. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13—15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с юго-востока.

Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выьем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходим в общее наступление и окончательно добьем основную группировку противника»¹.

Поражает глубина проникновения маршала Г. Жукова в замыслы противника, которые он за три месяца до начала наступления немецко-фашистской армии под Курском изложил с такой детализацией, как будто это он, а не гитлеровские генералы разрабатывали план операции «Цитадель».

Сталин своего мнения не высказывал, а распорядился созвать 12 апреля специальное совещание для обсуждения плана летней кампании. К этому дню пришло донесение от командующего Центральным фронтом генерала К. Рокоссовского, который высказывался за упреждение противника и считал возможным и необходимым разгромить его орловскую группировку, пока она еще не подготовилась к наступлению. 12 апреля, на совещании в Ставке, к исходу дня, после тщательного анализа обстановки все сошлись во мнении, что наиболее

¹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 3. М., 1988, с. 13—15.

вероятной целью летнего наступления немецко-фашистских войск будет окружение и уничтожение Центрального и Воронежского фронтов на Курской дуге. В последующем не исключалось развитие успеха наступления противника в восточном и юго-восточном направлениях, а также на Москву. Обсудив всесторонне предстоящую летнюю кампанию, Ставка решила основные усилия вооруженных сил Советского Союза сосредоточить в районе Курска, обескровить здесь противника в оборонительных сражениях, а затем перейти в контрнаступление и окончательно довершить его разгром.

Одной из причин, обусловивших решение Ставки начать летне-осеннюю кампанию 1943 года оборонительными действиями, явилось огневое преимущество немецких танков и самоходных орудий, вооруженных 88-мм пушками, которые пробивали броню наших танков с расстояния 1000—1500 метров. Наши танки, вооруженные в то время 76-мм пушками такими возможностями не обладали¹. В ответ на это 15 апреля ГКО принял специальное постановление «О мероприятиях по усилению противотанковой обороны», в котором предписывалось перевести ряд заводов на производство усовершенствованных противотанковых и танковых пушек, обеспечив одновременно производство подкалиберных снарядов. Сроки для такого важного дела ставились весьма жесткие, и в конце апреля производство новой военной продукции уже началось.

К сражению на Курской дуге в войсках уже имелись новые советские 57-мм противотанковые пушки — одна из лучших систем подобного калибра. Бойцы любовно называли ее «зверобой»; она успешно пробивала броню «тигров» и «пантер». В начале года наша промышленность на основе танка KB освоила тяжелую самоходную установку САУ-152, которая также успешно действовала на полях Курской битвы. Одновременно советские конструкторы создавали и другие новые артиллерийские орудия и усовершенствовали уже имевшиеся системы. Если возникали проблемы с их выпуском — немедленно вмешивался Сталин. Приведу лишь один пример. Во второй половине апреля генерал А.М. Никитин на совещании в штабе ВВС поднял вопрос о том, что новая противотанковая авиабомба, изобретенная конструктором И.А. Ларионовым, очень медленно внедряется на производстве. В этот же день, в полночь, генерала вызвали на заседание ГКО, где ему было предложено рассказать о новой противотанковой бомбе. Он доложил, что кумулятивная авиационная противотанковая бом-

¹ Военная мысль, №1, 1969, с. 44.

ба обладает большим поражающим действием, малым весом (1,5—2,5 кг) и небольшим габаритом, не требует больших затрат на изготовление.

— Можете ли вы нарисовать бомбу? — прервал его Сталин.

Никитин нарисовал на листе из большого блокнота общую схему бомбы, кратко рассказал об ее устройстве и действии.

— Вы считаете, что такая бомба нужна нашей авиации?

— Да, тов. Сталин.

— Сколько же штук нам нужно?

Никитин немного посчитал в уме — к этому вопросу он, зная конкретный характер обсуждений в ГКО, подготовился.

— Миллион штук к середине мая.

— Почему именно миллион и к середине мая?

— Ранее середины мая немцы, видимо, не станут наступать — дороги не просохнут. А миллион — не так уж и много; Ил-2 может брать до 300 таких бомб, значит, миллион хватит на 3500 самолетов-вылетов.

Сталин через секретаря Поскребышева велел пригласить Б. Ванникова. Пока нарком вооружений не прибыл, в ГКО обсуждались другие дела. Пришел Ванников, и Сталин сразу же его спросил:

— Знакомы ли вы с бомбой? И сможете ли вы для ВВС через месяц выпустить миллион таких бомб?

Ванников ответил, что знает эту бомбу, но затрудняется дать точный ответ о возможности ее изготовления в массовом количестве и просит разрешения посоветоваться со своими помощниками. Разрешение, как и всегда в таких случаях, было дано. Возвратившись, Ванников доложил, что Наркомат вооружений берется изготовить к 15 мая только 800 тыс. бомб.

— Хорошо, пусть будет так, остальные изготовите позднее.

Тут же было принято соответствующее решение ГКО об изготовлении новых бомб, отлично зарекомендовавших себя в Курском сражении. Когда первые десятки тысяч бомб были готовы, генерал Никитин доложил Верховному Главнокомандующему, и тот велел их отправить на Воронежский и Центральный фронт. 17 июня при очередном докладе Сталин приказал организовать изучение ПТАБ с летным составом и подготовить инструкцию по ее применению.

— Инструкцию пришлите и мне, я хочу ее прочитать.

23 июня при разговоре по телефону Сталин вновь интересовался, каким фронтам и сколько подано ПТАБ и еще раз повторил запрещение применять их до особого распоряжения¹.

¹ Военно-исторический журнал, № 9, 1969, с. 70—74.

Вот так предельно конкретно, расторопно и быстро, в согласии с членами правительства и военными руководителями, Сталин решал все крупные и мелкие дела по обеспечению армии и флота новыми видами вооружений.

Немецкое командование, планируя летнее наступление 1943 г., своей ближайшей задачей поставило ликвидацию Курского выступа двумя мощными концентрическими ударами на Курск: один — из района Орла, второй — из района Белгорода. В случае успешного проведения этой операции немцам удалось бы сократить свой фронт на 250 км и высвободить для дальнейших операций до 20—25 дивизий. Кроме того, по расчетам германского командования, Курский выступ мог явиться выгодной исходной позицией для возобновления наступления на Москву с целью разгрома главных сил Красной Армии и вывода Советского Союза из войны.

К подготовке наступательной операции на Курск, которая по замыслу гитлеровского командования, должна была стать «реваншем» за Сталинград, немцы приступили еще в марте 1943 года. В район Орла немцами была переброшена 9-я пехотная армия, а в район Белгорода — 4-я танковая армия. Сюда же были направлены основные резервы из Германии, полученные путем «тотальной» мобилизации. Здесь также были сосредоточены основные силы немецкой авиации.

Против Курского выступа от Малоархангельска до Волчанска немцы к лету развернули три свои армии: 9-ю и 2-ю пехотные и 2-ю танковую, насчитывавшие 433 тыс. человек, 3155 танков, 6763 орудия и 3200 минометов. С воздуха эту группировку поддерживал 4-й воздушный флот, насчитывавший 1850 самолетов, в том числе 1000 бомбардировщиков. Главная группировка, предназначенная для наступления на Курск с севера, была сосредоточена на 32-километровом фронте в районе Тагино — Похвальное, между железной дорогой и шоссе Орел — Курск, в составе 5 пехотных, 6 танковых, и 2 моторизованных дивизий. На этом узком участке фронта немцы сосредоточили до 1500 танков, в том числе большое количество тяжелых («тигров»), и до 3 тыс. орудий. Плотность немецких войск на один километр фронта на направлении главного удара достигала 4500 солдат, 42 танков и 70—80 орудий.

Для наступления на Курск с юга изготавливалась часть сил 2-й пехотной и самая сильная 4-я танковая армии вермахта, которые поддерживала оперативная группа «Кемпф», и эти крупные силы перед наступлением были развернуты на фронте протяженностью около 80 километров. Здесь было сосредоточено 10 танковых, 7 пехотных и 1 моторизованная ди-

визии, которые имели в своем составе 1700 танков и около 2 тыс. орудий. Плотность немецких сил на километр фронта на этом направлении составляла 3 тыс. человек, 42 танка и 50 орудий. В район Курска были стянуты несколько элитных дивизий СС: 1-я дивизия Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер», 2-я танковая дивизия СС «Дас Райх» и 3-я танковая дивизия СС «Тотенкопф» — «Мертвая голова». Обращает на себя внимание количественное превосходство танковых дивизий над пехотными, что объяснялось отсутствием крупных резервов у немцев и их боязнь ввязаться в затяжное и дорогостоящее сражение, и потому основную ставку Гитлер и его генералы сделали на быстрый, молниеносный прорыв нашей обороны посредством мощных танковых ударов. Всего в конце марта в районе Курского выступа германские войска включали двадцать бронетанковых дивизий, из них четыре танковые дивизии СС, на которые Гитлер возлагал особые надежды, ожидая от них проявления истинного национал-социалистического боевого духа. С этого времени обе стороны накапливали силы. Советское военное производство находилось теперь на уровне, недоступном для Германии — 2000 танков и самоходных орудий в месяц и 2500 самолетов. 1 апреля 1943 года в районе выступа были 1200 танков, через два месяца их число утроилось.

Путь немецким танкам должна была расчистить бомбовыми ударами немецкая авиация. Ряд показаний пленных и захваченные документы говорят о том, что немецкое командование рассчитывало замкнуть клещи и захватить Курск на пятый день наступления, т.е. 9 июля¹. Замысел гитлеровского командования был бесхитростен и он свидетельствовал об исчерпывании у фашистской Германии как военной силы, так и творческой мысли немецких генералов, уставших от войны и не веривших уже в победу германского оружия в войне с русскими.

Советская внешняя и войсковая разведка работали исключительно успешно, и планы гитлеровского командования были своевременно вскрыты, и Ставка уже зимой 1943 года приступила к подготовке летней кампании на этом направлении. Все основные решения были приняты заблаговременно, и они определили всю деятельность наших войск на период весны и первых летних месяцев 1943 года. Перед нашими войсками, действующих на юго-западном направлении, Верховным Главнокомандующим т. Сталиным была поставлена задача — разгромить орловскую и белгородско-харьковскую группировки врага и ликвидировать их плацдармы, вслед за

¹ Исторический журнал, №7—8, 1944, с. 4.

которыми должно было начаться освобождение Украины и Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Решение этой задачи достигалось умелым сочетанием оборонительных и наступательных операций.

Войска Центрального и Воронежского фронтов, в случае перехода противника в наступление, должны были измотать, обескровить и остановить противника. Одновременно Западному и Брянскому фронтам было дано указание подготовить наступление в общем направлении на Орел, с тем, чтобы нанести удар по тылу всей орловской группировки немцев, разгромить ее и ликвидировать орловский плацдарм. Наступление войск этих фронтов должно было осуществляться в тесном взаимодействии с войсками Центрального и Воронежского фронтов, которые также должны были перейти в контр-наступление после того, как наступающая орловская и белгород-харьковская группировки немцев будут обескровлены в предшествующих оборонительных боях.

Интересным было построение обороны войсками Центрального фронта, которым командовал генерал армии К. Рокоссовский. Он определил, что противник обязательно нанесет главный удар по орловскому выступу и в полосе шириной 95 километров Рокоссовский сосредоточил 60 процентов всех стрелковых дивизий фронта, 70 процентов артиллерии и около 90 процентов танков. Здесь же у него находились войска второго эшелона и фронтовые резервы¹. Командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Н. Ватутин наступление немцев ждал на более широком фронте и потому его войска были равномерно распределены по всей линии фронта.

В соответствии с указаниями Ставки Верховного главнокомандования войска Центрального и Воронежского фронтов создали мощную, глубоко эшелонированную оборону, которая могла противостоять концентрированным ударам крупных танковых группировок немцев. Общая глубина обороны Курского выступа превышала 100 километров. Эта полоса была пересечена несколькими заранее подготовленными рубежами, которые соединялись между собой рядом промежуточных и отсечных позиций. Кроме того все крупные населенные пункты были превращены в мощные узлы сопротивления и подготовлены к длительной и упорной обороне. Вокруг особо важных в оперативном отношении населенных пунктов были созданы обводы. Каждый оборонительный рубеж состоял из широко развитой системы траншей и большого ко-

¹ *А Карчмит*. Русские полководцы. Рокоссовский. М., 2001, с. 356.

личества подготовленных к круговой обороне противотанковых опорных пунктов, противотанковых и противопехотных минных полей.

К обороне готовился и Степной округ, находившийся в резерве Ставки, и переименованный в Степной фронт, в который в начале июля входили 4-я гвардейская, 5-я гвардейская, 27-я, 47-я, и 53-я общевойсковые армии, 5-я гвардейская танковая, 5-я воздушная армия, а также один стрелковый, три танковых, три механизированных и три кавалерийских корпуса. Ставка поставила этому фронту задачу не допустить возможного прорыва крупных группировок противника в восточном направлении как со стороны Орла, так и со стороны Белгорода, для чего подготовить контрудары в направлениях Малоархангельск, Щигры, Курск, Обоянь, Белгород. В то же время войскам округа ставилась задача быть в готовности к переходу в наступление¹. Перед Курским сражением войска Степного фронта инспектировал генерал армии Антонов и он докладывал Сталину, что созданные крупные резервы живут напряженной боевой учебой, хорошо подготовлены и способны выполнить стратегическую задачу большого масштаба.

Готовясь к летним боям, блестяще работала советская авиация. Планируя разгром гитлеровских войск в районе Курского выступа, Ставка осуществила две самостоятельные воздушные операции ВВС с целью подавления вражеской авиации перед летним сражением 1943 года. В процессе выполнения этих операций, проведенных в мае силами трех воздушных армий, противник потерял свыше 700 самолетов. В ходе Курской битвы война в воздухе с гитлеровской авиацией продолжалась с неослабевающим напряжением. В воздушных боях и на аэродромах было уничтожено более 3700 самолетов противника и господство в воздухе перешло к советской авиации².

2 июля Верховный Главнокомандующий маршал Советского Союза т. Сталин специальной телеграммой предупредил войска, что немцы могут перейти в наступление в период с 3 по 6 июля. О намерениях противника перейти в наступление свидетельствовало также и то, что немецкие саперы пытались делать проходы в наших минных полях. Наконец, 4 июля были захвачены пленные, которые показали, что с утра 5 июля обе немецкие группировки перейдут в наступление на Курск. Внезапности немецкого наступления не было, а вот внезапность

¹ ЦАМО РФ, Ф.48А, оп.2, д. 8, л. 123—125; Ф.132А, оп.2642, д.13, л.183.

² Военная мысль, №1, 1969, с. 43.

обороняющихся была проявлена очень эффективно. В ночь на 5 июля на ожидаемых направлениях наступления противника, там, где скапливались для атаки танки и пехота, с разрешения Ставки, командованием Центрального и Воронежского фронтов была осуществлена мощная артиллерийская контрподготовка, в которой приняли участие и огневые средства пехоты¹. Этот удар был так внезапен и ошеломляющ, что некоторые немецкие генералы хотели перенести время атаки на другой день, но им не позволили это сделать.

Стремясь окружить и разгромить советские войска, оборонявшие Курский выступ, противник с утра 5 июля перешел в наступление одновременно на Орловско-Курском и Белгородско-Харьковском направлениях.

Чтобы прорваться к Курску по кратчайшему направлению, немцы наносили удар своей главной группировкой в составе 41-го и 47-го танковых корпусов с рубежа Глазуновка — Тагино на Ольховатку. На Ольховатском направлении противник одновременно бросил в бой до 4 пехотных и 3 танковых дивизий, насчитывавших свыше 500 танков, в том числе более 100 тяжелых — «тигров». В первом эшелоне группами по 10—15 машин шли тяжелые танки «тигры» и самоходные орудия «фердинанды»; во втором эшелоне группами по 50—100 машин на большой скорости двигались средние танки, за которыми на бронетранспортерах следовала пехота. В небе, над нашими боевыми порядками, появлялись большие группы немецких бомбардировщиков, которые бомбовыми ударами пытались проложить путь своим танкам.

Немецкие войска всюду встречали массовый и организованный огонь нашей обороны. Вражеские танки, пытавшиеся на большой скорости прорваться в нашу оборону, один за другим подрывались на минных полях. С каждой минутой на поле боя появлялось все больше и больше черных столбов дыма от горевших немецких танков, подорванных на минах и подбитых меткими выстрелами наших артиллеристов. Четыре раза немцы начинали атаки и четыре раза, оставив на поле боя сотни трупов и десятки подбитых танков, откатывались назад. В каждую новую атаку враг вынужден был бросать часть своих резервов. Только после пятой атаки, к исходу дня, на отдельных участках этого направления немцам удалось вклиниться в нашу оборону на 6—8 километров. Попытки немцев прорвать фронт наших войск на вспомогательных направлениях успеха тоже не имели.

¹ С. Куличкин. Ватутин. К 100-летию генерала армии Н.Ф. Ватутина. М., 2001, с. 255.

6 июля противник, подтянув за ночь свежие резервы, возобновил наступление, но силы его были уже явно не те. Командующий Центральным фронтом генерал армии К. Рокоссовский почувствовал это и нанес по вклинившемуся врагу сильный контрудар, и он был для немцев так внезапен и неожиданен, что для его отражения германское командование даже не использовало свои резервы — 12-ю танковую и 10-ю моторизованную дивизии. В результате внезапного контрудара главная немецкая группировка была настолько деморализована и понесла столь значительные потери, что в последующие дни оказалась уже не в состоянии продолжать активное наступление. Достаточно сказать, что за день боев 6 июля немцы потеряли свыше 10 тыс. солдат и офицеров, свыше 110 танков и 113 самолетов.¹

Гитлер, отслеживавший сражение за Курский выступ, жестко и неустанно требовал от командующих не снижать давления на русские войска и бросать в бой все наличные силы. У него не уставала рука жертвовать людьми, как будто он был создан для их уничтожения. Следуя воле фюрера, немецкое командование сделало еще ряд попыток прорвать нашу оборону и выйти в район Курска. Ожесточенные бои развернулись в районе Ольховатки и Понырей. Особого напряжения бои достигли в районе Понырей, превращенном нашими войсками в мощный узел сопротивления и преграждавшем путь на Курск по железной дороге. К исходу 7 июля немцам удалось ворваться на северную окраину Понырей, но сильной контратакой наших частей утром 8 июля они были с большими для себя потерями отброшены. На этом и закончилось наступление орловской группировки немцев. За два дня боев немцам, несмотря на большие потери, удалось продвинуться только на 2—4 километра.

8 июля накал боев и их масштабы достигли апогея. В этот день враг предпринял 12 крупномасштабных атак, поддержанных сотнями самолетов. Были критические моменты: отдельные танки противника прорывались через вторую полосу обороны. Фронт обороны советских войск гнулся, но нигде не был сломлен. И каждый километр продвижения давался врагу ценой огромных потерь. Впервые советское командование использовало танковые армии и танковые корпуса для удержания полос в глубине обороны. Дело это было не только новым, но и исключительным. Ведь танковые войска в оборонительных боях предназначались для нанесения контрудара

¹ Исторический журнал, №7-8, 1944, с. 10.

ров, а не непосредственно обороны. Ход Курского сражения заставил временно, по нужде, применить танковые соединения в обороне.

К исходу 8 июля потери немцев достигли 42 тыс. человек, более 800 танков и самоходных орудий. Наступающая мощь этой группировки оказалась исчерпанной, новых крупных резервов в распоряжении немецкого командования не было, перебросить дивизии с других участков оно не решалось, так как опасалось активных действий наших войск, расположенных восточнее и севернее Орла. Поэтому уже к исходу 8 июля немецкое командование вынуждено было отказаться от продолжения наступления и перейти к обороне.

Не успели немцы закрепиться на этом направлении, как 15 июля войска левого крыла Центрального фронта перешли в мощное контрнаступление против вклинившейся в нашу оборону вражеской группировки. Оборона противника была прорвана и к 17 июля войска генерала армии Рокоссовского вышли на тот оборонительный рубеж, который они занимали до начала немецкого наступления.

В это же время удар с юга в направлении на Курск вела 4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф», развернув свои главные силы на фронте около 100 км, и оно продолжалось с неослабным напряжением до 23 июля. Немцы здесь наносили одновременно два сильных удара: 52-м танковым корпусом СС из района Томаровки, Борисовки, Казацкого на север вдоль шоссе Белгород — Обоянь, а 3-й танковый корпус и 11-й армейский корпус наступали из района Белгорода на Корочу. Стремясь достигнуть быстрого и решительного успеха, немецкое командование бросило в бой 5 июля около 1000 танков, из них 700 действовало на главном направлении вдоль Обояньского шоссе. Но, несмотря на наличие таких мощных танковых групп, врагу не удалось достигнуть сколь-нибудь значительных успехов ни на одном направлении. Вражеские танки всюду встречали сильный огонь наших отважных артиллеристов и бронебойщиков. Там, где им удавалось прорваться в нашу оборону, их уничтожали огнем артиллерии, зарытых в землю танков, противотанковыми гранатами и зажигательными бутылками. К исходу первого дня боев противнику удалось вклиниться в нашу оборону на 3—4 километра, потеряв при этом более 10 тыс. солдат и офицеров, около 200 танков и 180 самолетов¹.

¹ Исторический журнал, №7—8, 1944, с. 11.

8-го и 9 июля немецкое командование, стянув основные силы танкового корпуса СС и 48-го танкового корпуса в район севернее Яковлева, сделало последнюю попытку прорваться к Курску по кратчайшему пути, через Обоянь, непосредственно вдоль шоссе Белгород — Курск. Но и эта попытка провалилась. В результате ожесточенных пятидневных боев к 9 июля противнику на Обояньском направлении удалось продвинуться в глубину нашей обороны на 30—35 километров и выйти на рубеж Бубны — Сырцево — Кочетовка — Ясная Поляна — Ерик. Однако развить тактический успех в оперативный и получить свободу маневра танками, ради чего и затевалось это сражение, враг так и не сумел. Резервов у немцев не было и для возобновления наступления 4-я танковая армия была усилена 17-й танковой и 198-й пехотной дивизией, действовавшими против Юго-Западного фронта. Об упорстве боев за Курский выступ нам оставил воспоминания командир 19-й танковой дивизии генерал Шмидт, написавший в своем отчете: «Мы слишком мало знали до начала наступления об укреплениях русских в этом районе. Мы не предполагали здесь и четвертой части того, с чем нам пришлось встретиться. Каждый кустарник, каждый колхоз, все рощи и высоты были превращены в опорные пункты. Эти пункты были связаны системой хорошо замаскированных траншей. Всюду были оборудованы запасные позиции для минометов и противотанковых орудий. Но труднее всего было представить упорство русских, с которым они защищали каждый окоп, каждую траншею».¹

Наступление на Обоянь захлебнулось, но перейти к обороне не разрешал сам Гитлер, а генерал Манштейн уверял верховное командование, что если он получит подкрепления, то непременно выиграет «третье наступление на востоке»². Лучшие танковые силы Германии, эсэсовские дивизии «Райх», «Мертвая голова», «Адольф Гитлер», вооруженные самыми современными танками и оружием, начали перегруппировку. Манштейн поворачивал основные силы на северо-восток, чтобы, двигаясь вдоль железной дороги Белгород — Обоянь — Курск, выйти в район Прохоровки, захватить переправы на реке Псел и с прохоровского плацдарма ударить на Обоянь уже с востока, чтобы затем выйти на шоссе Обоянь — Курск. Сам Гиммлер прибыл в район Курского выступа, чтобы лично воодушевить дивизии СС на новые сражения.

¹ Исторический журнал, №7—8, 1944, с. 13.

² С. Куличкин. Ватутин. К 100-летию генерала армии Н.Ф. Ватутина. М., 2001, с. 261.

На Прохоровку, рядом с которой протекала речушка Псел, нацеливались танковые дивизии СС, а с юга оперативная группа «Кемпф» в составе трех танковых и трех пехотных дивизий. Советское командование своевременно вскрыло подготовку наступления врага на Прохоровку и скрытно направило в этот район 5-ю танковую армию Степного фронта, которой командовал генерал П. Ротмистров. Появление нашей танковой армии под Прохоровкой было полной неожиданностью для немцев. Они следили за железной дорогой, бомбили станции и мосты, а армия пошла по степи по шести маршрутам, надежно прикрытая с воздуха своей авиацией, а в обратную сторону двигались десятки тракторов, тянувших за собой огромные сосны и ели, и они подняли такую пыль, что немецкая авиация приняла их за выдвижение танкового корпуса.

В 8 ч. 30 мин. четыре танковых корпуса 5-й армии, после короткого артналета, ринулись в атаку. Танковые колонны врага шли им навстречу. Солнце было на стороне русских, оно слепило немецких танкистов. Внезапная атака русских танков была так стремительна и неожиданна, что передние ряды советских танков пронзили боевой порядок противника, внеся в него сумятицу и беспорядок. Немецкие «тигры», лишенные в ближнем бою преимуществ своего вооружения, расстреливались нашими танками с коротких расстояний, в упор. Маневр и тех, и других ограничивался рекой Псел с одной стороны и железнодорожной насыпью с другой. Вернуться и перестроить свои боевые порядки не было ни места, ни времени¹.

Снаряды, посылаемые почти в упор, пробивали танки насквозь. Иногда взрывались боеприпасы и танковые башни отбрасывало от машины на десятки метров в сторону. Дым и дизельная гарь закрыли небо: теперь авиация бомбила по тылам, так как отличить своих от чужих стало невозможно. Только к вечеру 12 июля победа склонилась на сторону наших танкистов. Сотни танков горели на искалеченной и оплавленной земле. За день боя противник потерял около 400 танков, из них 70 «тигров». Потери в живой силе — свыше 10 тыс. вражеских солдат и офицеров. Это сражение враг проиграл. Здесь полетели не только башни с фашистских танков, но и головы эсэсовских танкистов. Командующего эсэсовским танковым корпусом обергруппенфюрера Хауссера Гиммлер тут же снял с должности. Были большие потери и с нашей стороны, но их увенчивала победа над фашистами и вера в ее окончательную победу над ненавистным врагом.

¹ Огонек, №32, 1963 г.

Курское сражение, закончившееся победой советских войск, высветило и ряд серьезных ошибок, совершенных командующими фронтами в использовании танковых войск. Впервые советское командование использовало танковые армии и танковые корпуса для удержания оборонительных рубежей, хотя по замыслу Курской операции они должны были применяться для нанесения контрударов по противнику, преодолевшему тактическую зону обороны наших войск. Первым неудачно применил танковые войска Центральный фронт, направивший 2-ю танковую армию генерала Каткуова на усиление главной полосы обороны, но при выдвижении один ее танковый корпус понес большие потери на своих минных полях, а второй был остановлен и посажен в оборону на направлении главного удара противника.

Неудачное применение танковых армий продолжилось при проведении контрнаступления ряда фронтов, оборонявших Курский выступ.

Первый опыт применения танковых армий в наступлении был получен в Орловской операции, которая проводилась войсками Западного, Брянского и Центрального фронтов с 12 июля по 18 августа 1943 года. К началу операции только Центральный фронт имел в своем составе 2-ю танковую армию, которая вплоть до перехода в наступление вела тяжелые оборонительные бои. Она была введена в сражение в первый день наступления 15 июля для прорыва глубоко эшелонированной обороны во взаимодействии с общевойсковыми соединениями 13-й и 70-й армий. Ведя тяжелые бои с противником, в ходе которых приходилось прогрызать одну позицию за другой, армия потеряла более 300 танков, имея к концу операции в строю 36 машин¹. Не лучше обстояло дело с применением танковых армий и на других фронтах. 3-я гвардейская танковая армия передавалась Брянскому фронту, а 4-я танковая армия вошла в состав Западного фронта. Их применение не принесло пользы войскам, так как они вводились не для развития успеха, а для ускорения прорыва обороны противника. Во взаимодействии со стрелковыми дивизиями 3-я гв. танковая армия прорвала оборону противника на реке Олешня и к исходу дня продвинулась на 8—10 км². В тяжелых боях она понесла большие потери. 4-я танковая армия Западного фронта должна была вводиться в сражение после прорыва обороны про-

¹ Красницкий Н.Ф. 2-я танковая армия в Орловской наступательной операции Центрального фронта. М., 1947, с. 45.

² История бронетанковых и механизированных войск Советской армии. Т. 1. М., 1953, с. 286.

тивника, но вместо этого по приказу командующего фронтом ей пришлось совместно с 11-й гв. армией прорывать заранее подготовленные четыре рубежа обороны противника, плотно насыщенные огневыми средствами, живой силой и заграждениями. За 9 дней наступления 4-я танковая армия вклинилась в оборону противника на 25—30 км. Среднесуточный темп ее продвижения равнялся всего лишь 3,3 км.

Неправильное и совершенно неверное применение танковых армий встревожило советское командование. В Ставку были вызваны командующие фронтами и танковыми армиями, и с ними досконально были рассмотрены причины неудачного применения танковых армий в операциях и намечены конкретные пути их эффективного использования. Сталин потребовал от командующих, чтобы танковые армии вводились в сражение только после прорыва общевойсковыми армиями тактической зоны обороны противника на всю ее глубину, а их подвижность и силу использовать для разгрома врага в оперативной глубине. Это сразу сказалось на стремительности их действий в оперативной глубине, и наступательные операции советских фронтов приобрели большую ударную силу¹.

Ставка внимательно отслеживала все события вокруг Курского выступа и как только иссяк наступательный порыв немецко-фашистских войск заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г. Жуков на совещании с командующими фронтами и армиями 22 июля подробно изложил им замысел крупной наступательной операции Воронежского и Степного фронтов, вошедшей в историю под названием Белгород-Харьковской. Она являлась составной частью контрнаступления советских войск в Курской битве и имела целью разгромить белгород-харьковскую группировку противника и создать условия для освобождения Правобережной Украины. В этой операции 1-я и 5-я танковые армии своими передовыми отрядами помогли пехоте завершить прорыв главной полосы обороны противника, а затем через узкий коридор они вырвались на оперативный простор, рассекая войска немцев на две части и отрезая им пути отхода на запад.

Первые освобожденные города вызывали у советских солдат бурю негодования и мщения. 20 июля был освобожден город Мценск, и нашим войскам предстала картина жестоких разрушений. Историк Александр Верт, побывавший в городе в день его освобождения, оставил нам такую жуткую исповедь:

¹ *А.И. Радзиевский. Танковый удар. М., 1977, с. 115—120.*

«Чертополох стоял в рост человека. Густые заросли чертополоха и другой сорной травы образовывали полосу шириной примерно в три километра... Руины на холме были развалинами Мценска. Две старухи и четыре кошки — вот все живые существа, которых советские солдаты нашли там, когда немцы отошли 20 июля. Прежде чем уйти, фашисты взорвали или сожгли все...»¹ Все взывало к мщению, потому что ни один город не уцелел. Старинный русский город Белгород был полностью разрушен фашистскими варварами: из 3420 жилых домов не уцелел ни один. Жителей на момент освобождения в городе оставалось только 150 человек. После его освобождения советское командование стало разбрасывать над немецко-фашистскими войсками листовки с поименным перечислением генералов вермахта, которых Советское правительство обязалось привлечь к уголовной ответственности за совершенные ими преступления на советской земле.

Успешное продвижение танкистов способствовало войскам Степного фронта при освобождении Харькова. Темп продвижения танковых сил с одновременным разгромом встречавшихся немецких сил в этой операции достигал до 20 км в сутки, а в последующем до 30—40 км. К этому времени все командиры танковых дивизий усвоили простую истину, что освобождение населенных пунктов не является главной задачей для танкистов. Перерезать коммуникации противника, внести хаос в его оборону, вызвать панику в тылах, перекрыть пути отхода его передовых частей или пути переброски его резервов — вот задача, которую танкисты с лета 1943 года стали успешно решать в первую очередь.

Ставка следила за движением войск на запад и своевременно усиливала те направления, где намечался большой успех, в то же время строго спрашивая с командующих фронтов и представителей Ставки Жукова и Василевского за ошибки при подготовке и ведении наступательных операций. При освобождении Харькова войска Воронежского фронта так увлеклись наступлением, что Манштейном были нанесены сильные удары по флангам наших войск, что привело к тяжелым потерям и ненужным жертвам. Немедленно на имя командующего Воронежским фронтом генерала Ватутина пришла директива Сталина, которая констатировала, что «стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией, без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок, является наступлением огуль-

¹ *Верт А.* Россия в войне. 1941—1945. М., 1957, с. 495—496.

ного характера. Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед частям и не обеспеченным с флангов группировкам и бить их по частям»¹. Верховный Главнокомандующий решительно потребовал исправить допущенные ошибки и нести за них ответственность. Досталось и представителю Ставки генералу А. Василевскому, когда от него в течение суток Генштаб не получил информации о положении войск Воронежского фронта.

«Маршалу Василевскому. Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа с Вашей оценкой обстановки. Я давно уже обязал Вас как уполномоченного Ставки обязательно присылать в Ставку к исходу каждого дня операции специальные донесения. Вы почти каждый раз забывали об этой своей обязанности и не присылали в Ставку донесений.

16 августа является первым днем операции на Юго-Западном фронте, где Вы опять изволили забыть о своем долге перед Ставкой и не присылаете в Ставку донесений.

Последний раз предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз еще позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта. И. Сталин»².

За пятьдесят дней жесточайших боев на Курской дуге Красная Армия разгромила 30 дивизий, в том числе 7 танковых. Вермахт потерял более полумиллиона солдат и офицеров, 1500 танков, более 3000 орудий и минометов, свыше 3700 самолетов³. Один из создателей германских танковых сил генерал Гейнц Гудериан впоследствии признал: «В результате провала операции «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на Восточном фронте, а также для организации обороны на Западе, на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос... И уже боль-

¹ С. Куличкин. Ватутин. К 100-летию генерала армии Н.Ф. Ватутина. М., 2001, с. 271.

² Русские полководцы. Малиновский. Анатолий Марченко. Солдаты Отчизны. М., 2005, с. 108.

³ С. Куличкин. Ватутин. К 100-летию генерала армии Н.Ф. Ватутина. М., 2001, с. 273.

ше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику».

Поражение под Курском повлекло за собой и падение дисциплины в войсках вермахта и этому способствовали неправомерные действия высших военных чинов фашистской Германии. После Курской битвы командующие крупными объединениями гитлеровской армии стали самовольничать, вводя в отведенных им полосах ответственности свои законы и порядки. Фельдмаршалы Э. Манштейн и Г. Клюге могли конфисковать и присвоить все, что им было нужно, в том числе людей, оружие и боеприпасы, если положение на их фронтах становилось угрожающим. Они даже позволяли приостанавливать и разгружать целые поезда отпускников, следовавших на другие фронты, не слушая никаких протестов. Они придерживались той точки зрения, что задержанные солдаты и офицеры, боевые и материальные средства у них будут лучше использованы, чем в других армиях¹.

Ничего подобного не было в войсках Советской армии. Высокая ответственность и строгое соблюдение законов было той повседневной нормой государственных чиновников любого ранга, переступить которую никто не решался. Распоряжением Сталина всех солдат и офицеров после отпусков, кратковременной учебы, или долгого излечения в госпиталях, в обязательном порядке отправляли в ту часть, откуда он прибыл — ведь это был его дом, ставший родным, где мужал и креп характер солдата и офицера и где все знали его достоинства и недостатки. Это помогало во многом определять нравственный климат в военном коллективе на примерах высокого долга, на преемственности традиций, что в армии ценится превыше всего. В силу приверженности таким традициям боевая спайка в советских подразделениях была выше, чем в германской армии. Никто из высоких военных начальников даже мысленно не допускал иного толкования указаний Сталина, и они неукоснительно им следовали.

Но так как в жизни любого государства пример в исполнении законов и следование нормам нравственности государственных чиновники и простые граждане берут с первого лица, то Сталин в этом отношении служил образцом порядочности.

После поражения гитлеровской армии под Курском и стремительного продвижении Красной Армии к границам Германии у народов Европы появилась уверенность в избавлении от фашистского ига, а правительства великих держав ста-

¹ ЦАМО РФ. Ф.15, оп. 11600, д.1597, л. 26.

ли задумываться о послевоенном устройстве мира. Но на первой конференции глав правительств трех союзных держав — Сталина, Рузвельта и Черчилля — прошедшей в Тегеране с 28 ноября по 1 декабря 1943 года основным вопросом остался вопрос о втором фронте.

Конференция проходила в то время, когда советские войска одержали ряд крупных побед над немецко-фашистскими захватчиками, очистив от врага половину оккупированной территории. Но фашистская Германия еще была сильна. Она обладала значительными военными силами и под ее контролем находились обширные территории Советского Союза, Восточной и Западной Европы.

Перед участниками конференции стояла задача усиление борьбы с гитлеровской Германией и ее сателлитами и прежде всего, обсуждался вопрос об открытии второго фронта в Европе, установлении твердого срока высадки англо-американских войск во Франции. Руководители США и Англии не могли уже откладывать эту проблему надолго, потому что им становилось ясно, что советские войска в состоянии будут одни, без помощи союзников, освободить всю Европу от фашизма. Рузвельт, накануне конференции, говорил своему сыну, что «если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то, возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится»¹.

Рузвельт и Черчилль были согласны открыть второй фронт в Европе, но расходились во мнении, где он должен быть открыт. Первый выступал за высадку англо-американских войск на побережье Франции (план «Оверлорд»), второй настаивал на высадке войск на Балканах, и, усложняя эту проблему, переносил эту операцию на более поздний срок. Добиваясь высадки войск союзников на Балканах премьер-министр Великобритании хотел вовлечь в войну против Германии Турцию и с помощью ее войск овладеть Болгарией и Румынией до прихода туда советских войск.

Американская делегация, из-за угрозы террористического акта со стороны гитлеровских агентов, по предложению Сталина, была размещена в советском посольстве, и между двумя руководителями вскоре установились доверительные отношения. Ф. Рузвельт ценил в Сталине искренность и глубину проявляемого им доверия и отвечал ему тем же. Два великих и талантливых государственных деятеля по достоинству оценили друг друга. Советская делегация настаивала на том, чтобы операция «Оверлорд» была начата в мае 1944 года, и это предложение был принято.

¹ Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984, с. 249.

При обсуждении германского вопроса английская делегация предлагала разделить Германию на пять государств, что встретило поддержку Рузвельта. Делегация Англии рассчитывала при этом поставить под контроль английского капитала Рурскую область с ее развитой промышленностью в надежде обеспечить для себя доминирующее положение в Европе. Одновременно глава английской делегации выступал за создание дунайской федерации в составе южных германских провинций и придунайских стран Восточной Европы. Вскоре с таким разделом Германии согласилась и американская делегация, но Сталин был категорически против, заявив, что ему «не нравится план новых объединений государств» и предложил продолжить обсуждение этого вопроса в Европейской консультативной комиссии, созданной на Московской конференции министрами иностранных дел трех великих держав.

На конференции были обсуждены и согласованы вопросы дальнейшего сотрудничества, и в принятой декларации отмечалось, что согласованы масштабы и сроки операций, которые «будут предприняты с востока, запада и юга», и что «союзники будут работать совместно, как во время войны, так и в последующее время»¹.

Сталин отклонил план вторжения англо-американских войск через Балканы, или, «мягкое подбрюшье» Европы, как называл этот регион премьер-министр Англии, как бесперспективное направление для разгрома фашистской Германии. Была отклонена и попытка президента США оспорить законность вступления Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза.

Серьезные разногласия между союзниками возникли по вопросу возрождения Польши, в которой советская делегация отстаивала целостность сильной и независимой Польши, управляемой демократическими силами и находящейся в дружбе с СССР. Советский Союз, взявший на себя всю тяжесть войны с гитлеровской Германией, не мог допустить, чтобы на польских землях вновь мог возникнуть очаг напряженности и вражды, и ратовал за сохранение границы 1939 года на востоке и возвращения Польше ее исконных земель на западе. Черчилль всячески поддерживал эмигрантское польское правительство в Лондоне и стремился утвердить в послевоенной Польше реакционный режим, снова превратить ее в антисоветский плацдарм. Излагая позицию СССР, Сталин заявил: «Россия не меньше, а больше других держав заинтересована в

¹ Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984, с. 250.

хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России. Мы — за восстановление, за усиление Польши. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне»¹.

Одновременно Сталин высказал мысль, что территория Польши на западе должна простираться до р. Одер и что Советский Союз готов помочь Польше добиться такой границы. Что касается восточных рубежей, то украинские земли должны входить в состав Украины, а белорусские — в состав Белоруссии. Эту идею Сталину удалось практически осуществить на последующих конференциях глав союзников.

В то время Англия и США, в конечном итоге, согласились с советскими предложениями, рассчитывая при этом, что им удастся утвердить в Польше власть эмигрантского правительства, находящегося в Лондоне. Но то, что освобождалось Красной Армией в кровопролитных боях с немецко-фашистскими войсками, Сталин никому уже не отдавал. Те границы, что сейчас имеет Польша — лучшие за время существования польского государства. Они были созданы кровью более 600 тыс. советских солдат, павших за освобождение Польши, и об этом никому не надо забывать.

Последним вопросом, обсуждавшимся на Тегеранской конференции, стал вопрос о войне с Японией. США и Англия неоднократно обращались к Советскому правительству, чтобы склонить его к войне против Японии. В связи с этим Сталин заявил на конференции, что война с гитлеровской Германией требует от него привлечения всех военных сил государства. «Но когда мы заставим Германию капитулировать, — сказал он, — тогда мы повернемся фронтом на Японию».

Тегеранская конференция удалась. Она нанесла удар по надеждам правящей верхушки Германии на возможность разлада между тремя великими державами, как только они приступят к обсуждению проблем дальнейшего ведения войны и послевоенного устройства мира. Провалились и планы фашистской разведки организовать террористические акты против глав делегаций союзников, чтобы сорвать работу Тегеранской конференции.

¹ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.), с. 164.

ГЛАВА XIV

Освобождение правобережной Украины и Крыма. — Крах южного фронта гитлеровской армии. — Наступление в Белоруссии и выход советских войск к границам Польши. — Восстание в Варшаве и его последствия. — Муки с открытием второго фронта в Европе. — Операция «Оверлорд». — Покушение на Гитлера. — Поражение Финляндии и выход ее из войны

Военно-политическая обстановка, в которой шла подготовка зимней кампании 1944 года, прежде всего определялась крупными победами Красной Армии в 1943 году и успехами, достигнутыми нашей страной в укреплении своей военной и экономической мощи.

Стратегическая обстановка на советско-германском фронте складывалась весьма благоприятно для советских вооруженных сил. К началу 1944 года в составе нашей действующей армии было 6 млн. 165 тыс. солдат и офицеров, 92 650 орудий и минометов, 5357 танков и самоходно-артиллерийских орудий, 8500 самолетов. Противник же имел в боевых войсках 4 млн. 906 тыс. солдат и офицеров, 54 570 орудий и минометов, 5400 танков и 3073 самолета. Таким образом, Советская армия превосходила врага по людям в 1,3 раза, по артиллерии — в 1,7 раза и по самолетам — в 2,7 раза.¹

Существенно изменился и характер военно-политических планов врага. После тяжелых поражений в летне-осенней кампании 1943 года немецко-фашистское командование перешло к оборонительной стратегии, возлагая свои основные надежды на раскол антигитлеровской коалиции.

При выработке замысла зимней кампании 1944 года и определении срока ее начала, в первую очередь учитывалось то обстоятельство, что войска вермахта понесли тяжелые потери, и гитлеровское командование крайне нуждалось в оперативной паузе для пополнения своих войск, восстановления утраченной боеспособности соединений и создания оперативных и стратегических резервов, а также укрепления обороны. Эти мероприятия противнику особенно необходимо было осуществить на юге, где основная группировка вражеских войск понесла наиболее ощутимые потери.

¹ Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1970, с. 312.

Необходимо было сорвать замыслы врага и продолжать наступление без оперативной паузы. Это была вполне выполнимая задача, поскольку к концу 1943 года Ставка располагала крупными стратегическими резервами в составе пяти общевойсковых, двух танковых и одной воздушной армий, девятью танковыми и механизированными корпусами, общей численностью более полутора миллионов человек¹

Впервые Ставка предполагала достичь намеченных целей проведением последовательных и одновременных стратегических наступательных операций на Юго-Западном, Западном и Северо-Западном театрах военных действий. Выбор такого способа действий был подготовлен ростом экономических возможностей страны по обеспечению всем необходимым операций действующей армии. Опыт ведения фронтовых операций показал, что фронт за месяц наступления в среднем расходовал 40 тыс. тонн боеприпасов, а уровень их производства в 1944 году позволял ежемесячно направлять в действующую армию 160 тыс. тонн, обеспечивая одновременно наступательные операции не более 4—5 фронтов.

Главный удар в зимней кампании 1944 года Ставка определила нанести на Юго-Западном направлении силами 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов, которыми командовали генералы Н.Ф. Ватутин, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский и Ф.И. Толбухин с привлечением Приморской армии и Черноморского флота с целью разгрома крупнейшей стратегической группировки противника (группы армий «Юг» и «А»), освобождения важных в экономическом и стратегическом отношении районов Правобережной Украины и Крыма, а также улучшить оперативное положение нашего Черноморского флота и выйти на балканское направление и на подступы к Южной Польше и Чехословакии.

Немецко-фашистское командование учитывало военнополитическое значение Правобережной Украины с ее богатыми продовольственными ресурсами, марганцем Никополя, железной рудой Криворожья, первоклассными морскими портами на Черном море, а также близость фронта в этом районе к самому чувствительному месту гитлеровской коалиции — Юго-Восточной Европе. Гитлеру и его нацистскому окружению приходилось считаться с тем, «что если события и дальше будут развиваться с такой же быстротой, то Румыния, Болгария и Венгрия, несмотря на свой страх перед большеви-

¹ Великая Отечественная война Советского Союза. Т. 4. М., 1962, с. 20.

ками, станут ненадежными союзниками. Пример Италии был в этом смысле весьма показательным»¹.

Важное место в плане Ставки на зимнюю кампанию занимало наступление на Северо-Западном направлении. Здесь нашим войскам предстояло разгромить группу армий «Север», освободить Ленинградскую область и выйти на подступы к советской Прибалтике. Активные действия наших войск под Ленинградом и Новгородом также имели целью обеспечить успех операций на направлении главного удара. Для выполнения этой задачи привлекались Ленинградский, Волховский, 2-й Прибалтийский фронты и Балтийский флот.

Одновременно с главными операциями на Северном и Южном направлениях Ставкой было спланировано наступление с ограниченной целью и на Западном направлении силами 1-го Прибалтийского, Западного и Белорусского фронтов. Они преследовали главным образом цель сковать силы врага и ограничить его возможности для маневра.

Разгром немецко-фашистских группировок на Правобережной Украине осуществлялся в два этапа. Вначале, с 24 декабря 1943-го по 29 февраля 1944 года, были проведены Житомирско-Бердичевская, Кировоградская, Корсунь-Шевченковская, Ровно-Луцкая и Никопольско-Криворожская операции. Командующие советскими фронтами и армиями, словно соревнуясь между собой в знаниях и практике применения военного искусства, без передышки громили лучшие дивизии вермахта.

Особенно показательным образцом оперативного искусства советского командования явилась Корсунь-Шевченковская наступательная операция двух фронтов — 1-го и 2-го Украинских, которыми командовали генерала армии Н.Ф. Ватутин и И.С. Конев. Координировал их действия представитель Ставки маршал Г. Жуков.

Гитлеровское командование рассчитывало восстановить оборону на Днестре, оставленную ими в прошлых сражениях, и задумало использовать Корсунь-Шевченковский выступ для нанесения ударов во фланги 1-го и 2-го Украинских фронтов. Ставка своевременно разгадала замысел командующего группой армий «Юг» фельдмаршала Э. Манштейна, который выжидал хорошей погоды, и решила упредить противника переездом в наступление, невзирая на сильнейшую распутицу, осложнявшую действие и снабжение войск. Ставка потребовала встречными ударами смежных флангов 1-го и 2-го Украин-

¹ К. Титтельсбах. История Второй мировой войны. М., 1956, с. 323.

ских фронтов в общем направлении на Звенигородку окружить и уничтожить фашистские войска, создав для противника два кольца окружения — внешнее и внутреннее. К операции привлекалось 27 стрелковых дивизий, 4 танковых корпуса и 1 механизированный. Советские войска превосходили врага по артиллерии и танкам в 2,5 раза.

24 января началось наступление 2-го Украинского фронта, а через два дня удар нанесли войска 1-го Украинского фронта. Прорвав оборону противника, ударные группировки фронтов устремились навстречу друг другу. На острие ударов продвигались танковые армии — 5-я гвардейская, которой командовал генерал П.А. Ротмистров и 6-я танковая армия под командованием генерала А.Г. Кравченко, которые 28 января вошли в соприкосновение друг с другом, образовав в тот же день внешнее кольцо окружения, а к 3 февраля было образовано и внутреннее. В окружении оказались управления 11-го и 42-го армейских корпусов, семь пехотных и одна танковая дивизия, моторизованная бригада, а также части и подразделения усиления¹.

Командование сухопутных войск вермахта не считало возможным наступление советских войск в такую непогоду и Гитлер, поддавшись их заверениям, 27 января собрал в Познани всех ведущих командующих Восточного фронта, чтобы на протяжении двух дней заново разжечь у генералов «боевой дух и веру в дело национал-социализма». Однако всем присутствующим было ясно, что победный путь вермахта иссяк, и это подтвердило выступление Гитлера: «Если случится, — вещал он, — что в один прекрасный день он как верховный главнокомандующий останется в одиночестве, первейший долг офицерского корпуса собраться вокруг него с обнаженными кортиками, точно так же, как долг вверенных им полков, дивизий и армий сплотиться вокруг своих командиров в минуты кризиса»².

Спасая положение немецких войск под Корсунь-Шевченковским, Гитлер разрешил Манштейну использовать все резервы, имеющиеся на южном фланге советско-германского фронта и к 10 февраля против советских войск действовало уже восемь танковых и шесть пехотных дивизий врага. 12 февраля окруженная немецкая группировка подготовилась к решающей попытке вырваться из котла. Сталин в этот же день направил телеграмму Г. Жукову, указав маршалу, что у него нет «продуманного общего плана уничтожения корсуньской

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 5. М., 1977, с. 73.

² С. Митчем. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998, с. 348.

группировки немцев совместными усилиями 1-го и 2-го Украинских фронтов» и что «не было принято решительных мер к выполнению моих указаний». В этот же день в разговоре с Верховным Главнокомандующим командующий 2-м Украинским фронтом генерал И. Конев заверил Сталина, что немецкая группировка сдавлена со всех сторон надежно, и что он перебросил 5-ю гвардейскую армию с внешнего на внутренний фронт окружения, что гарантирует успех разгрома немцев. После этого разговора Сталин поручил И. Коневу лично возглавить все войска, действовавшие на внутреннем фронте, а маршалу Г. Жукову было приказано координировать действиями войск только на внешнем фронте.

В ночь на 17 февраля остатки немецко-фашистской группировки решили вырваться из окружения. Они бросили все танки, артиллерию, автомобильную технику и одной колонной пошли на прорыв. Наступившая снежная буря помогла немцам скрыть все приготовления к выступлению, и он им в какой-то мере удался. Тридцать километров пути было устлано их трупами, и спастись удалось 30 тысячам немцам из 54 тысяч. Так сообщают иностранные источники. Но пленных и убитых было много, еще больше было брошенной тяжелой техники и военного снаряжения, что дало право маршалу Г. Жукову и командующим фронтами генералам И. Коневу и Н. Ватутину доложить в Ставку, что группировка немецко-фашистских войск уничтожена полностью. Ведь солдаты, бросившие вооружение — солдатами уже не являются.

Результаты Корсунь-Шевченковской операции далеко превзошли ее первоначальные цели. Сражения развернулись на участке, не превышающем одной девятой общей протяженности советско-германского фронта на Правобережной Украине, а приковали к себе до половины всех танковых и более двух третей воздушных сил, которыми располагали обе стороны южнее Припяти. Войска двух Украинских фронтов не только окружили и уничтожили крупную группировку врага, но и нанесли поражение еще 15 дивизиям, в том числе 8 танковым. Такие потери бронетанковых войск существенно ослабили силы вермахта. После завоевания господства советской авиацией в воздухе, господство и на полях сражений окончательно перешло к советским танковым войскам.

За умелое руководство войсками генералу армии И.С. Коневу было присвоено высшее воинское звание маршала Советского Союза. И. Конев долго шел к признанию своего военного таланта, пройдя через тернии к славе, которая заслуженно к нему пришла. Это был крупный полководец, способный предвидеть и до мелочей продумывать действия всех родов войск,

и он, готовя миллионную группировку войск к боям, мог заставить всех с воодушевлением работать над выполнением своего замысла. Он начал войну в составе Западного фронта и завершал ее на Западе, добывая фашистского зверя в его логове — Берлине.

Наступление на различных участках четырех фронтов продолжалось безостановочно, днем и ночью, при крепком морозе или при сильнейшей распутице. Даже Гитлер обронил фразу «...когда-нибудь же русские перестанут наступать. С июля прошлого года они непрерывно ведут наступление. Долго это не может продолжаться»¹. Требовались срочные меры по спасению Южного фронта и гитлеровское командование провело ряд мер, которые лишь отдалили на какое-то время крушение Третьего рейха.

Во-первых, немецко-фашистское командование приказало как можно быстрее оборудовать рубеж, на который были отброшены войска вермахта к концу февраля 1944 года, а также строить оборонительные позиции по Южному Бугу, Днестру и на границе Румынии. Ряд городов, таких, как Ковель, Тернополь, Хотин, Каменец-Подольский, Яссы и другие, гитлеровское командование объявило «крепостями», начав срочно приспособлять их к упорной обороне. Комендантами крепостей назначались самые фанатичные нацисты, в их подчинение передавался весь состав гарнизонов этих городов.

Во-вторых, в ставку Гитлера были вызваны венгерские и румынские правители и от них потребовали выделения новых сил для укрепления обороны южного участка фронта. В то же время немецко-фашистское командование наметило для переброски в группы армий «Юг» и «А» 14 дивизий (в том числе три танковые) из Франции, Югославии, Дании и Германии. Среди них значился и танковый корпус СС, который согласно записи в журнале боевых действий ОКВ составлял последний боеспособный резерв на Западе. Гитлеровское командование не останавливалось перед резким ослаблением сил на других театрах военных действий, чтобы укрепить положение на юге советско-германского фронта. «На Восток должны быть направлены отовсюду какие только будет возможно силы», — таково было требование Гитлера и этим принципиальным указанием руководствовался Генеральный штаб. Сюда шли основные маршевые пополнения людьми и боевой техникой.

В-третьих, в войска направлялись грозные приказы нацистского руководства с требованием упорно оборонять каждую

¹ Э. Манштейн. Утерянные победы. М., 1957, с. 524.

позицию немецких войск. Резко усилились репрессии против солдат и офицеров.

Однако этим расчетам гитлеровцев было противопоставлено неоспоримое превосходство советского командования, которое прочно удерживало в своих руках стратегическую инициативу и неуклонно диктовало свою волю противнику.

Почти в это же время началось наступление на северо-западном направлении. Войска Ленинградского и Волховского фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом сериями мощных ударов взломали долговременную оборону противника и концу февраля продвинулись на 220—280 км. Они нанесли тяжелый урон группе армий «Север» и окончательно избавили Ленинград от вражеской блокады.

В период 15—18 февраля, когда еще шли тяжелые бои под Корсунь-Шевченковским и Кривым Рогом, в Ставке Верховного Главнокомандования был выработан замысел на второй этап операции по освобождению Правобережной Украины, предусматривающий наступление с целью дробления и уничтожения по частям остальных сил врага на широком 1200-километровом фронте от Припяти до Черного моря. Замысел этой операции в полной мере учитывал сложившуюся обстановку и положение сил противника, которые почти равномерно располагались по всему советско-германскому фронту. Соответственно этому была избрана и форма ведения операций — дробящие удары на ряде направлений с последующим уничтожением изолированных группировок врага по частям. Четыре фронта одновременно наносили десять сильных ударов, заставляя противника теряться в определении главного удара, что рассредоточивало его внимание и не позволяло рационально использовать имеющиеся резервы.

Отличительной чертой наступательных операций наших сухопутных войск на направлении главного удара явилось широкое применение крупных сил бронетанковых и механизированных войск. В истории Великой Отечественной войны нет другой стратегической операции, в которой бы одновременно действовали шесть танковых армий. Так, на направлениях главных ударов фронтов создавался мощный эшелон развития из двух-трех танковых армий. В Житомирско-Бердичевской операции 1-го Украинского фронта он состоял из двух (1-й и 3-й гвардейской) танковых армий. Эшелон развития 2-го Украинского фронта состоял из трех танковых армий (2-й, 6-й и 5-й гвардейской).

Ввод танковых армий на главном направлении 1-го Украинского фронта обеспечивал разгром противостоящих сил

врага. Наши войска в стремительном темпе вышли на Днестр, в район Черновицы и в предгорья Карпат. В это время на Уманском направлении сокрушительный удар врагу нанес 2-й Украинский фронт. Здесь в обороне гитлеровских войск образовалась брешь, через которую советские соединения двинулись на Ямполь, Могилев-Подольский и далее на Яссы, что создавало угрозу глубокого охвата и уничтожения путем прижатия к Черному морю 6-й немецкой и 3-й румынской армий. Развернул успешное наступление 3-й Украинский фронт в направлении Николаев — Одесса — нижнее течение Днепра.

Результаты наступления Советской армии на втором этапе операции были впечатляющими. Наши войска выдвинулись на государственную границу и вступили на территорию Румынии, начав осуществлять историческую освободительную миссию в отношении европейских государств. С выходом к Карпатам стратегический фронт врага был разорван на две части: группировка гитлеровцев, действующая в Румынии, утратила оперативное взаимодействие с остальными силами и была вынуждена базироваться на коммуникациях, идущих южнее Карпат. Советские войска глубоким вклиниванием южнее Припяти создали угрозу группе армий «Центр» с юга, а с освобождением Одессы крымская группировка противника лишилась коротких морских коммуникаций и была плотно блокирована.

Постоянное отступление немецко-фашистских войск на запад вызвало страшную тревогу среди правящего класса Румынии, Венгрии и Болгарии, да и в самой Германии, и Гитлеру надо было объяснить их лидерам и внутри страны причины, породившие ослабление германской мощи и неспособность ее армии остановить продвижение советских войск к границам Третьего рейха. 30 марта Гитлер вызвал к себе командующего войсками группы армий «Юг» генерал-фельдмаршала фон Манштейна и командующего группой армий «А» генерал-фельдмаршала фон Клейста, вручил им по Рыцарскому кресту и отправил обоих в отставку. Это решение созревало в голове Гитлера давно. Еще летом 1943 года он сказал об обоих фельдмаршалах: «Я не могу доверять ни Клейсту, ни Манштейну. Они умны, но они не национал-социалисты»¹. Но сейчас их отставка была использована для успокоения режимов подвластных фашистской Германии стран и собственного успокоения, с надеждой, что новые генералы вермахта лучше справятся с теми задачами, с которыми не справились их предшественники.

¹ С. Митчем. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998, с. 142.

Но времена победных реляций для немецко-фашистской армии были уже позади; сейчас вермахт действовал под диктовку Советской армии, и изменить эту стратегическую ситуацию у гитлеровского руководства не было ни сил, ни возможностей.

За наступлением на Правобережной Украине в апреле последовала Крымская операция 4-го Украинского фронта, которым командовал генерал Ф.И. Толбухин и Отдельной Приморской армии во главе с генералом А.И. Еременко. Она проводилась при содействии Черноморского флота и Азовской военной флотилии. Гитлер требовал во что бы то ни стало удерживать Крым, как базу для завоевания Кавказа. Перед наступлением в Крыму советская тяжелая артиллерия в течение пяти суток разрушала долговременные сооружения врага на Перекопском перешейке, а перед атакой в течение нескольких часов длилась авиационная и артиллерийская подготовка, подорвавшая способность немецких и румынских солдат к сопротивлению. Семь дней понадобилось советским войскам, чтобы изгнать врага с Керченского полуострова и из Крыма и зажать остатки 17-й полевой армии в районе Севастополя, где они по приказу Гитлера собирались держать прочную оборону. Всего пять дней понадобилось советским войскам, чтобы город русской славы был очищен от захватчиков, тогда как гитлеровцы в 1941—1942 годах затратили 250 дней на борьбу с защитниками героического города. Более 60 тыс. немецких и румынских солдат оказались в плену, около 40 тыс. их погибли в водах Черного моря при эвакуации из Крыма.

Колоссальные потери в людях и боевой технике, которые понесли группы армий «Юг» и «А» в течение марта — апреля 1944 года, вынудили немецко-фашистское командование перебросить на Украину и в Молдавию 38 новых дивизий и 4 бригады, в том числе 2-й танковый корпус СС (9-я и 10-я танковые дивизии СС), 1-ю венгерскую армию (6 дивизий и 1 бригада) и 4-ю румынскую армию (18 дивизий и 3 бригады)¹.

Выход Советской армии на ближние подступы к границам Польши, Чехословакии и в пределы Румынии решительным образом изменил всю военно-политическую обстановку, сделав ее для Германии особенно угрожающей. В военно-политическом плане эта победа полностью опрокинула расчеты гитлеровского командования закрепиться на днепровских рубежах и попытаться удержать оставшиеся районы Украины,

¹ Сборник материалов по составу и группировке войск фашистской Германии. Вып.4, с. 48—68

чтобы не допустить быстрого выдвижения советских войск к границам стран Юго-Восточной Европы.

Военно-экономическое значение проведенной операции состояло в том, что в ходе ее была освобождена огромная территория с плодороднейшими землями, железной рудой Криворожья, марганцем Никополя, первоклассными портами Николаевым и Одессой. Через несколько месяцев на Украине заработали все заводы, а плодородные нивы к осени 1944 года дали стране высокий урожай зерновых.

Стратегические результаты этой операции также были исключительно велики. В течение января — апреля советские войска разгромили две группы армий, в составе которых имелось пять полевых и две танковые армии. 10 дивизий и одна бригада были полностью уничтожены, 5 дивизий из-за больших потерь расформированы, 60 дивизий потеряли половину и 10 дивизий — более 70 процентов своего состава. Полмиллиона убитыми, ранеными и пленными потеряли немецко-фашистские войска в этих боях. По свидетельству гитлеровского командования поражение сил вермахта на Правобережной Украине явилось самым крупным с того времени, когда «немецкие армии шли тернистым путем от Волги и Кавказа, отступая к Днепру...»¹

Советские войска, выдвинувшись в результате проведения стратегической операции в район Ковель — Тернополь — Станислав — севернее Ясс и на нижнее течение Днестра, получили возможность наносить удары на люблинском направлении во фланг и тыл группы армий «Центр» на Львов, а также через Румынию на Балканы. С овладением районом Одессы и освобождением Крыма наш Черноморский флот установил контроль над большей частью Черного моря, вследствие чего балканский стратегический фланг врага стал уязвимым не только с суши, но и с моря.

Хотя общее стратегическое положение Советской армии к лету 1944 года было выигрышным, но в нем таилось немало подводных камней. Одержав крупную победу на Правобережной Украине и в Крыму, советские войска затратили много людских и материальных средств, и продолжать здесь наступление не представлялось возможным. Гитлеровское командование сумело стянуть на это стратегическое направление все свои резервы и на львовском, яссском и кишиневском участках фронта столкнулись мощные, почти равные по силам войска. Советские танковые армии были втянуты в борьбу против

¹ К. Титтельсбах. История Второй мировой войны. М., 1956, с. 356.

основной массы немецких танков, которые тоже находились здесь. Войска устали, снабжение их нуждалось в серьезном улучшении. Противник приготовился к отражению наших ударов. Внезапность действий исключалась. Если бы на этих направлениях советские войска попытались снова наступать, то им предстояла бы длительная и кровопролитная борьба в невыгодных условиях и с сомнительным исходом.

Таково было положение на юго-западном направлении и к лету 1944 года Ставка не считала здесь возможным добиться нового стратегического успеха.

Не сулил больших перспектив и выход советских войск непосредственно к границам Прибалтики. Здесь тоже нельзя было рассчитывать на внезапность действий, так как противник ожидал наступления крупных сил Красной Армии и принимал меры для его отражения. Кроме того, у врага было преимущество маневра по внутренним операционным линиям по хорошо развитой железнодорожной сети и шоссейным дорогам, в то время как для наших бронетанковых сил существовало много препятствий и ограничений. В Ставке существовало твердое мнение, что в сложившейся обстановке Прибалтийское направление в то время являлось второстепенным и с его разрешением можно было и подождать.

Не было особых перспектив и на севере, где разгром противника мог привести к выводу Финляндии из войны, но непосредственно не создавал опасного положения для гитлеровской Германии.

Совершенно иная обстановка складывалась на западном направлении севернее Полесья. Образовавшийся в ходе боевых действий так называемый Белорусский выступ, обращенный в нашу сторону, занимался противником и прикрывал путь Советской армии на Варшаву. Он мог быть использован немецкой армией как плацдарм для фланговых ударов в случае наступления Советской армии к границам Восточной Пруссии, или в направлении Люблина — Кракова. Отсюда осуществлялись авиационные налеты на Москву. Общая глубина подготовленной противником в инженерном отношении обороны достигала 250—270 км. Все инженерные оборонительные сооружения строились в сочетании с очень выгодными для обороны естественными преградами — реками, озерами, болотами и многочисленными лесами. Все города и крупные населенные пункты враг превратил в сильные узлы сопротивления, укрепленные системой хорошо развитых траншей, дотов и дзотов. В апреле Гитлер обозначил Витебск, Оршу, Могилев и Бобруйск как «крепости», которые надлежало защищать до

последнего человека. К каждому из названных городов «была приписана фронтовая дивизия, за исключением Витебска, который должен был защищать корпус, из, по меньшей мере, трех дивизий»¹.

Фашистский фронт в Белоруссии оборонялся войсками группы армий «Центр» в составе 3-й танковой, 4-й, 9-й и 2-й армий, из них в первой линии находилось до 38 дивизий, во втором эшелоне и резерве — 14 дивизий с большим количеством спецподразделений и команд. А всего к лету 1944 года вооруженные силы Германии насчитывали 324 дивизии и 5 бригад, из них 179 дивизий и 5 бригад сражались на Востоке. Кроме того, здесь же действовали 49 дивизий и 18 бригад сателлитов Германии. Таким образом, на советско-германском фронте к лету 1944 года вели борьбу 228 дивизий и 23 бригады немецко-фашистской коалиции, насчитывавшие 4 млн. человек, около 49 тыс. орудий и минометов, 5250 танков и штурмовых орудий, около 2800 боевых самолетов², представлявших, несмотря на тяжелые потери, понесенные немецко-фашистскими войсками от ударов Красной Армии, все еще огромную силу.

Готовясь к летней кампании, фашистское руководство одновременно с приведением в порядок своих войск, принимало меры к тому, чтобы мобилизовать все ресурсы своего государства и оккупированных стран Европы для максимального увеличения производства вооружения, боеприпасов и других видов боевой техники. И надо сказать, что к середине 1944 года немцам удалось значительно поднять рост производства по сравнению с 1943 годом даже по таким видам вооружений, как самолеты, танки и штурмовые орудия. Но все же этот рост не мог восполнить тех огромных потерь, которые понесли немецко-фашистские армии на советско-германском фронте, а, следовательно, не мог полностью удовлетворить всех их потребностей.

В дальнейшем, со второй половины 1944 года, под влиянием резко осложнившейся обстановки, из-за недостатка рабочей силы на производстве (сказались многократные мобилизации для пополнения армии), саботажа и неповиновения рабочих из оккупированных стран, а также из-за недостатка сырьевых и продовольственных ресурсов, рост производства вооружения и боевой техники в фашистской Германии начал падать.

В сложившейся обстановке, по свидетельству начальника штаба вермахта генерал-фельдмаршала В. Кейтеля, «Германия

¹ С. Митчем. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998, с. 380.

² 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968, с. 406.

вела войну за выигрыш времени, в ожидании тех событий, которые должны были случиться, но не случились»¹. Под этими «событиями» гитлеровский генерал подразумевал расчет Гитлера и его клики на возможный раскол и столкновение внутри антигитлеровской коалиции.

В это же тяжелое и трудное время в Советском Союзе, опиравшийся на собственные силы, наблюдался небывалый подъем в промышленности и сельском хозяйстве за счет ввода в строй новых производственных объектов и восстановления предприятий в освобожденных от врага районах. В 1944 году производство черных металлов и добыча каменного угля по сравнению с 1943 годом возросли примерно на треть, значительно увеличились мощности нефтяной и энергетической промышленности. Особенно вырос удельный вес Урала. Он давал 40 процентов всей продукции военной промышленности Советского Союза. В обеспечение военных потребностей армии включились и многие восстановленные заводы оккупационных районов, валовая продукция которых увеличилась за это время в три раза.

В 1944 году военная промышленность Советского Союза уже выпускала самолетов в 4 раза больше, чем в начале войны, танков — в 8 раз, артиллерийских орудий — в 7 раз и минометов — в 8 раз². Только за первое полугодие 1944 года она выпустила 16 тыс. самолетов, около 14 тыс. тяжелых и средних танков и САУ, 26 тыс. орудий калибра 76-мм и выше. Характерной особенностью являлось то, что в войска поступала все более совершенная техника. Так, все 100 процентов бомбардировщиков и 80 процентов истребителей были новых конструкций, по своим качествам намного превосходившие немецкие образцы³.

В вооруженных силах значительно увеличился удельный вес танковых, артиллерийских и авиационных соединений и частей. Артиллерия, танки и авиация стали применяться в более крупных масштабах, были созданы крупные стратегические резервы. В этом году советское командование имело возможность сосредотачивать на участках прорыва на 1 км фронта до 200—250 орудий и минометов и до 50 танков непосредственной поддержки пехоты⁴.

¹ Военно-исторический журнал, №9, 1961, с. 80.

² Лаговский А. Стратегия и экономика. М., 1957, с. 61—62.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т.4. М., 1962, с. 108.

⁴ Военно-исторический журнал, №6, 1961, с. 65.

Замысел на проведение белорусской наступательной операции в Ставке возник в начале 1944 года при планировании операций на зимнюю кампанию. Причем обязательным условием было выполнение не позднее апреля задач, поставленных перед войсками 1-го, 2-го и 3-го Украинских фронтов по освобождению Правобережной Украины, и перед войсками 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии по освобождению Крыма. Собственно только после этого Ставка и Генштаб фактически начали осуществлять мероприятия по материальному обеспечению предстоящей летне-осенней кампании. Предстояло направить во фронты, которые должны были принять участие в освобождении Белоруссии от фашистских захватчиков, десятки тысяч эшелонов с боевой техникой, вооружением, боеприпасами, горючим, снаряжением и продовольствием. Государственный Комитет Оборона, основываясь на расчетах Генштаба, сумел организовать дело так, что советская промышленность и сельское хозяйство успешно справлялись с этой нелегкой задачей.

В основу плана наступательной операции был положен замысел Верховного Главнокомандующего маршала И. Сталина, которым предусматривалось мощными ударами по флангам белорусского выступа — с севера, от Витебска в направлении Борисов, Минск, и с юга, с фронта Нов. Быхов — Озаричи через Бобруйск также на Минск, разгромить и уничтожить главные силы фашистской армии «Центр».

Предполагалось, что успешное выполнение такого замысла позволит отбросить все еще нависавший над Москвой весьма опасный для нас фронт под Смоленском и Витебском, полностью освободить всю территорию Белоруссии и выйти на побережье Балтийского моря и к границам Восточной Пруссии. Это поставило бы в крайне тяжелое положение действовавшую в Прибалтике группу армий «Север» и создало бы выгодные предпосылки для нанесения последующих ударов по врагу в Прибалтике, в Западной Украине и для развития новых операций на самых уязвимых для него восточно-прусском и варшавском направлениях.

Для выполнения задач по разгрому группы армий «Центр» привлекались войска четырех фронтов: 1-го Прибалтийского во главе с генералом армии И.Х. Баграмяном, 3-го Белорусского во главе с генерал-полковником И.Д. Черняховским, 2-го Белорусского во главе с генерал-полковником Г.Ф. Захаровым и 1-го Белорусского во главе с генералом армии К.К. Рокоссовским, Днепровская военная флотилия во главе с капитаном 1 ранга В.В. Григорьевым и крупные силы партизан, активно действовавших на территории Белоруссии.

Замыслом предусматривался одновременный переход этих фронтов в наступление на витебском, богушевском, оршанском, могилевском, бобруйском направлениях с тем, чтобы мощными и неожиданными ударами раздробить стратегический фронт обороны врага, окружить и уничтожить его группировки в районах Витебска и Бобруйска, после чего стремительно развить наступление в глубину, окружить и ликвидировать войска 4-й немецкой армии восточнее Минска и тем самым создать благоприятные условия для развития операции всех четырех фронтов в глубину.

Ставка не ограничилась этой крупной операцией и по требованию Верховного Главнокомандующего Генеральный штаб совместно с командованием Ленинградского и Карельского фронтов разработали наступательные операции на Карельском перешейке и в Южной Карелии. Необходимость их проведения вызывалась политическими и стратегическими соображениями, так как успех советских войск в этих операциях мог побудить правящие круги Финляндии к выходу из войны. Ставкой было принято решение эти операции провести до Белорусской, чтобы отвлечь от нее внимание фашистского командования.

Ведя активную подготовку к летне-осенним наступательным операциям в Генеральном штабе считали, и расчеты это подтвердили, что до начала наступления в Белоруссии понадобится некоторая оперативная пауза для перегруппировки сил и средств, накопления и подвоза фронтам всего необходимого. Особенно остро войска нуждались в боеприпасах и горючем, что требовало их накопления и самой жесткой экономии. А перегруппировка двух армий из Крыма в Белоруссию и подвоз материальных средств на фронт должны были неминуемо вызвать огромное напряжение в работе железных дорог, которого можно было избежать переходом к временной обороне. Сталин долго не соглашался с таким мнением, и он был настроен продолжать наступательные действия силами отдельных фронтов. «Подумаем еще», — говорил он, хотя знал, что многие командующие фронтами были против этих, как правило, малоуспешных частных операций. После некоторого раздумья Сталин дал согласие на переход к обороне на северо-западном и западном направлениях, и в середине апреля в войска ушла директива, предписывающая постепенный переход фронтов к оборонительным действиям и жесткую экономию расходования боеприпасов артиллерии крупного калибра.

Фронтам представилась возможность привести войска в порядок, приступить к занятиям по боевой подготовке, ремон-

ту техники и вооружения, к подвозу материальных средств, а, в общем, обороняясь, они готовились к наступлению. В это время командующих фронтами вызвали в Ставку и с ними подробно уточнялись главные, и даже второстепенные вопросы предстоящего наступления и их всестороннего обеспечения. Очень интересное решение по организации наступления 1-го Белорусского фронта представил ее командующий генерал армии К. Рокоссовский, настаивавший на нанесении по врагу двух равноценных по мощи ударов: первый — по северному берегу реки Березина с выходом на Бобруйск, второй — по южному берегу, в обход его с юга. Вспомогательные действия намечались на направлении Паричи, Слуцк, Барановичи. Члены Ставки, да и сам Сталин, какое-то время не соглашались с решением К. Рокоссовского. Это было отступлением от общих правил военного искусства, предписывающего наносить один главный удар, чтобы не распылять силы. Командующий фронтом настаивал на своем решении даже тогда, когда в правильности избранного им пути усомнился даже заместитель Верховного Главнокомандующего Г. Жуков, но Сталин дал согласие на этот эксперимент.

В период подготовки к наступательной операции в Белоруссии, Ставка постоянно занималась дезинформацией противника, пытаясь убедить его, что наступление советских войск следует ожидать в Прибалтике и на юге, где для большей достоверности оставались все шесть танковых армий. И нужно сказать, что эти меры оправдали себя. Командующий группой армий «Северная Украина» фельдмаршал В. Модель убедил Гитлера, что наступление советских войск ожидается севернее Карпат и придется именно на расположение его войск, и он сумел с помощью фюрера вырвать для себя из группы армий «Центр» ее самый боеспособный 56-й танковый корпус¹.

Таким образом, предстоящая летняя кампания советских войск выстраивалась как серия непрерывных ударов, которые должны были до основания потрясти гитлеровскую Германию и побудить ее сателлитов выйти из войны и повернуть оружие против Гитлера. Открывал ее Ленинградский фронт, развернув в начале июня наступление на Выборг. Затем подключался Карельский фронт с целью разгрома свирско-петрозаводской группировки противника. В итоге этих операций северный сателлит фашистской Германии должен был выйти из борьбы. Вслед за началом наступления Карельского фронта без промедления должны были последовать главные в летней кампа-

¹ С. Митчем. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998, с. 379—380

нии действия в Белоруссии, где можно было достигнуть внезапности и нанести поражение группе армий «Центр». Затем, в период развития решающих событий в Белоруссии, когда гитлеровское командование сделает вывод, что здесь наносится главный удар советских армий, и направит сюда свои резервы с юга, должно было развернуться сокрушительное наступление 1-го Украинского фронта на львовском направлении. В это же время планировалось проводить активные действия силами 2-го Прибалтийского фронта, чтобы сковать войска вражеской группы армий «Север», которая, несомненно, должна была сделать попытки обеспечить устойчивость соседа справа — группы армий «Центр». Только потом, когда силы врага подвергнутся этим могучим ударам и будут разгромлены, Ставка считала возможным начать генеральное наступление в Румынии, Болгарии, Югославии, а также в Венгрии, Австрии и Чехословакии.

Для осуществления операции создавались две группы войск: группа «А», куда входили 1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронты, всего 39 дивизий, два танковых и один кавалерийский корпуса, шесть артиллерийских дивизий, из которых две дивизии гвардейских минометов. Координировать действия фронтов от имени Ставки должен был начальник Генерального штаба маршал А. Василевский

В группу «Б» входили 2-й Белорусский фронт и правофланговые армии 1-го Белорусского фронта, всего 38 стрелковых дивизий, один танковый, один механизированный корпуса, три артиллерийских дивизии, в том числе одна дивизия гвардейских минометов. Координировать действия фронтов должен был заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г. Жуков.

Представители Ставки, располагая всеми данными о возможностях, замыслах и планах Верховного Главнокомандующего, оказывали быструю и конкретную помощь командующим фронтами в выработке и принятии наиболее правильного оперативного решения, вытекавшего из общего плана стратегической операции; разрешали на месте сложные вопросы стратегического взаимодействия фронтов и видов вооруженных сил, исходя из общего замысла Ставки на операцию; оказывали помощь фронтам в получении всего необходимого для решения поставленных задач; способствовали быстрому решению вопросов, требовавших компетенции Верховного Главнокомандующего и наркома обороны¹.

¹ Военно-исторический журнал, №5, 1970, с. 67.

Продолжая разрабатывать все тонкости предстоящей операции в Белоруссии, Ставка и Генеральный штаб пересмотрели прежние методы окружения и ликвидации окруженного противника, и пришли к единому мнению, что поражение основной массы обороняющегося противника в тактической зоне нужно осуществить мощными артиллерийскими и авиационными ударами, вслед за которыми должна была последовать стремительная атака советской пехоты с целью отбросить остатки врага с оборудованных позиций в леса и болота, где они вынуждены были действовать в неблагоприятной для них обстановке и подвергаться атакам партизан. Естественно, попавшего в такие условия противника легче было изолировать, раздробить на части и уничтожить.

Операция в Белоруссии по предложению И. Сталина получила название «Багратион» в честь прославленного генерала Отечественной войны 1812 года князя П.И. Багратиона. Начало наступления намечалось на 15—20 июня, но из-за большой перегруженности железнодорожного транспорта оно было перенесено на 23 июня.

И. Сталин вникал во все мельчайшие детали подготовки фронтов к предстоящим операциям. Он помнил все, что касалось положения фронтов и их задач на ближайшее время, знал всех командующих и командиров до командира дивизии включительно и превосходно разбирался в военном искусстве. Такого работника и такого хозяина страны как И. Сталин досоветская Россия не знала. Известно трудолюбие Петра Великого, Александра III, оставивших заметный след в истории страны, но Сталин превзошел их не только делами в управлении государством и экономикой, но, вместе с армией, он совершил немеркнущий подвиг в годы Великой Отечественной войны, сумев сплотить все народы Советского Союза на борьбу с фашистским нашествием и завершить его великой победой.

Главной опорой И. Сталина в принятии стратегических решений являлся Генеральный штаб. Доклады Верховному Главнокомандующему маршалу И. Сталину начальник Генерального штаба делал три раза в сутки по телефону и лично. Первый доклад обычно имел место в 10—11 часов утра по телефону. Вечером в 16—17 часов Сталину обычно докладывал первый заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А.И. Антонов, так как начальник Генштаба маршал А.В. Василевский, являясь представителем Ставки, как правило, работал в войсках, где ожидалось крупное наступление наших войск. Ночью уже делался подробный доклад с итогами за прошедшие сутки. Для этого доклада подготавливалась

обстановка на картах масштаба 1:200 000 отдельно по каждому фронту с показом положения войск до дивизии, а в иных случаях и до полка. Перед этим Сталин всегда имел продолжительные телефонные разговоры с командующими фронтами, и он знал их настроение, просьбы и планы на ближайшую перспективу. Главной особенностью всех докладов, что делались Сталину, было стремление изложить ситуацию правдиво, не приукрашивая ее. Вот этот поиск справедливой оценки событий и их правдивое освещение и был той главной силой, на которой держалось могущество власти Сталина. Подражая Сталину, к поиску правды были устремлены министры, генералы, ею дорожили рабочие и крестьяне, солдаты и студенты, ее учились говорить в школах и детских садах. Правда была могучим средством воспитания советских людей, помогавшая растить молодое поколение, стойкое в испытаниях и смелое в отстаивании своих жизненных позиций и нрав.

Сталин работал по двадцать часов в сутки, не зная выходных и праздничных дней; его можно было увидеть нездоровым, даже больным, но всегда работающим. О том, как он устал за время войны, сохранились для потомков его слова, сказанные генералу Шарлю де Голлю, прилетевшему в Москву в декабре 1944 года, и пригласившему Сталина посетить Париж и освобожденную от врага Францию. «Нет, нет, — ответил тогда ему Сталин, — В Париж я уже не попаду. Я стар, я скоро умру!»¹

Разносторонний талант Сталина в стратегических вопросах был дан ему от бога, и он поражал членов Ставки и генералов Генштаба своим предвидением возможных событий на советско-германском фронте, заранее выстраивая навстречу ожидаемой опасности силы и средства, и подтягивая туда ближайшие резервы. В то же время Сталин «в годы войны был членом команды — руководителем, чье лидерство было непрекаемым, но не подавляющим. Оно не стало похожим на то угнетающее доминирование, которое практиковал со своим окружением Гитлер»².

Наступление советских войск в Белоруссии началось с действий белорусских партизан, число которых к лету 1944 года превысило 140 тыс. человек. Ставка и командующие фронтами, участвующие в Белорусской операции, разработали четкий план взаимодействия с партизанскими соединениями и поставили им конкретные задачи. 20 июня, за три дня до

¹Ш. де Голль. Военные мемуары. Т. 2. М., 1960.

²Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила мир. М., 2003, с. 32.

общего наступления советских войск в Белоруссии, загремели взрывы в тылу врага, полетели под откос воинские эшелоны, взлетели в воздух железнодорожные мосты и станционные пристройки. Народные мстители почти полностью парализовали движение по железнодорожным линиям Минск — Орша, Полоцк — Молодечно, Минск — Брест, Пинск — Брест¹. Партизаны срывали организованное отступление врага, громили гарнизоны и штабы, захватывали переправы на реках и удерживали их до подхода советских войск, занимали отдельные населенные пункты, доставляли советскому командованию ценные разведывательные данные.

В ночь на 23 июня началась главная операция четырех фронтов, которую открыли авиация дальнего действия и фронтовые бомбардировщики. В эту ночь они совершили более тысячи самолетовылетов, нанося прицельные удары по узлам обороны и артиллерии противника на участках прорыва советских войск. С утра во всех фронтах была проведена мощная артподготовка. Немецко-фашистские войска не могли устоять перед той силой огня и ударов, которые обрушили на них передовые эшелоны советских войск, и они повсеместно дрогнули, оставляя одну позицию за другой. В образовавшиеся разрывы были введены подвижные соединения фронтов и армий, которые сразу устремились к крупным узлам сопротивления гитлеровцев, расположенным в городах Витебск, Бобруйск, Орша, Могилев и Минск.

Развивая наступление на полоцком направлении войска Прибалтийского фронта во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом на третий день операции в районе Витебска окружили пять пехотных немецких дивизий, которые пытались прорваться на запад, но через два дня, утратив всякую на это надежду, сложили оружие. При освобождении Витебска противник потерял 20 тыс. убитыми, более 10 тыс. пленными и много оружия и боевой техники².

На левом фланге советских войск, наступавших в Белоруссии, активно действовали войска 3-го и 2-го Белорусского фронтов, под скрещивающимися ударами которых гитлеровские войска попали в окружение в районе Могилева, Орши, а потом и под Бобруйском. Здесь войска 9-й немецкой армии, которой командовал генерал Н. Форман оказались обойденными с северо-запада и юго-запада. В окружение попало 6 дивизий — более 40 тыс. солдат и офицеров гитлеровской армии

¹ Военно-исторический журнал, №6, 1969, с. 86.

² История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 9. М., 1978, с. 49.

и большое количество вооружения и боевой техники¹. Эти дивизии пытались вырваться из окружения, чтобы вместе с 4-й армией создать оборону на Березине и на подступах к Минску. Командование фашистских войск стало выстраивать на дороге Жлобин — Бобруйск колонны для прорыва из окружения, но концентрация таких больших сил была замечена воздушной разведкой, и по приказу командующего 3-м Белорусским фронтом генерала К. Рокоссовского на них была обрушена вся мощь 16-й воздушной армии, которой командовал генерал С. Руденко. 526 самолетов последовательными волнами в течение часа нанесли мощный удар по скоплению противника. В стане врага возникла невообразимая паника, обезумевшие гитлеровцы метались по дороге и близлежащему полю, среди горящей техники, неся огромные потери, и проклинали войну и Гитлера. Бросившие все танки и около 5 тыс. орудий и 1 тыс. автомашин, остатки разбитой немецкой армии были ликвидированы северо-западнее Бобруйска².

Наступление советских войск в Белоруссии в период с 23 по 28 июня поставило группу армий «Центр» на грань катастрофы. Оборона врага была повержена на всех направлениях 520-километрового фронта, в боях и сражениях было окружено и уничтожено 13 дивизий вермахта, и перед нашими войсками открывалась возможность развить наступление на Минск и Барановичи. Отдавая должное героизму советских воинов, советское правительство наградило десятки тысяч солдат и офицеров орденами и медалями, а командующему 1-м Белорусским фронтом К.К. Рокоссовскому было присвоено звание маршала Советского Союза.

Этот военачальник пользовался особым уважением у Сталина и большой любовью среди офицеров и солдат своего фронта. В нем прекрасно сочетался великий ум полководца и скромность человека, не старавшегося выделиться среди людей. В нем была заложена величавая простота, и он был доступен в общении. Воздействие обаяния маршала К. Рокоссовского на окружающих людей было так велико, что в обращении с ними он никогда не повышал голоса, и ему достаточно было сказать два слова: «Я вас прошу», что побуждало офицеров и солдат исполнять его приказы даже с риском для своей жизни.

Видя полный развал обороны группы армий «Центр», Гитлер 28 июня снял ее командующего фельдмаршала Э. Буша и назначил на его место фельдмаршала В. Моделя, еще две неде-

¹ ЦАМО РФ, Ф.48-А, оп. 1795, д. 449, л. 15—19.

² Военно-исторический журнал, №6, 1969, с. 88.

ли назад утверждавшего, что советские войска будут наступать на группу армий «Северная Украина».

Оценив обстановку и удостоверившись, что от группы армий «Центр» остались одни обломки, Модель «избрал очень простую стратегию: быстрое отступление и спасение того, что еще осталось, до тех пор, пока у русских возникнут проблемы со снабжением армии, а он, в свою очередь, сможет пополнить войска новыми дивизиями, в это время формировавшимися в Германии»¹. Гитлер был в бешенстве от такой стратегии Моделя, но у него уже не было других генералов, кому он мог доверить спасение положения на Восточном фронте, откуда исходила главная угроза Третьему рейху.

Ставка советского Верховного Главнокомандования 28 июня приказала наступающим войскам сходящимися ударами окружить противника в районе Минска. Задача сомкнуть кольцо вокруг 4-й армии вермахта была возложена на 3-й и 1-й Белорусские фронты. Им предстояло стремительно продвигаться на Молодечно и Барановичи, чтобы создать подвижный внешний фронт окружения, одновременно частью своих сил они должны были создать прочный внутренний фронт окружения. 3 июля столица Белоруссии была освобождена стремительным ударом танковых корпусов 3-го и 1-го Белорусских фронтов, а восточнее Минска было завершено окружение 105 тысяч вражеских солдат и офицеров. Их попытка прорваться на запад или юго-запад была решительно пресечена; противник потерял 70 тыс. человек убитыми и около 35 тыс. пленными². В котлах в районах Витебска, Орши, Могилева, Бобруйска и Минска сдались в плен 39 генералов — командиров корпусов и дивизий.

Таким образом, советские войска, нанеся тяжелое поражение группе армий «Центр», за 12 дней операции (с 23 июня по 4 июля) продвинулись до 250 км от исходного положения и с выходом на фронт оз. Дривяты — оз. Нарочь — Вилейка — Молодечно — Столбцы — Несвиж почти полностью освободили от фашистского ига Белорусскую ССР. В результате этого продвижения в центре германского стратегического фронта образовалась 400-километровая брешь, быстро заполнить которую германское командование не могло. Перед советским командованием встала задача не допустить образования сплошного фронта врага и немедленно развить дальнейшее наступление 1-го Прибалтийского и Белорусских фронтов,

¹ С. Митчем. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998, с. 446.

² ЦАМО РФ, Ф.458-А, оп. 1795, д.449, л. 86—95.

чтобы выйти на побережье Балтийского моря и создать угрозу полной изоляции и окружения группы армий «Север», и вывести советские войска к границам Восточной Пруссии и Польши — на кратчайшее расстояние к сердцу фашистской Германии — Берлину.

4 июля Ставка поставила задачу: преследуя отступающего противника, вступить на территорию Литвы и выйти к границам Польши. А 17 июля по центральным улицам Москвы было проконвоировано 57 600 немцев, взятых в плен в Белоруссии, во главе с генералами. Гитлер и его подручные мечтали о победном параде своих войск в Москве, теперь они прошли его под игом победителя.

13 июля был освобожден Вильнюс, а к середине июля советские войска вышли на подступы к Двинску, Каунасу, Гродно, Белостоку и Кобрину. При освобождении Вильно и Львова советские войска столкнулись с частями польской Армии Крайовой, воевавшими на стороне гитлеровских войск, и пытавшихся изобразить из себя союзников Советской армии. При этом немецкое командование, по договоренности с польским военным руководством, применяло одну и ту же тактику: покидая под ударами советских войск крупные города, они оставляли в них части Армии Крайовой, в задачу которых входило организация диверсий в тылу советских войск и овладение рычагами местной власти в интересах польского правительства в изгнании, находившегося в Лондоне¹. Уловка эта не удалась. По указанию Советского правительства все части Армии Крайовой, как пособники вермахта, разоружались, а солдаты и офицеры отправлялись в освобожденные районы Белоруссии для исправительных работ.

17—18 июля советские войска на широком фронте пересекли государственную границу Польши и вступили на ее территорию. Войска 1-го Белорусского фронта освободив Люблин и Брест, в конце июля вышли на реку Висла, форсировали ее и вели бои за удержание Магнушевского и Пулавского плацдармов на его западном берегу. Была освобождена Прага — предместье Варшавы. Вместе с войсками 1-го Белорусского фронта в освобождении восточных районов Польши участвовали войска 1-й польской армии. На освобожденной польской земле уже 22 июля начало работу Временное правительство Народной Польши — Комитет национального освобождения. В этот же период времени войска 1-го Прибалтийского фронта овладели Шяуляем, а 31 июля вышли к Рижскому зали-

¹ Б. Чипра. История Армии Крайовой во II мировой войне. Мюнхен, 2003.

ву в районе Тукумса, перерезав все сухопутные коммуникации группы армий «Север».

С выходом Советской армии к границам Восточной Пруссии и на Вислу перед советскими войсками возникли серьезные трудности. Гитлеровское руководство, спасаясь от неизбежного краха, бросало навстречу советским войскам все резервы, которые у них имелись на советско-германском фронте, в оккупированных странах и внутри Германии. В сражение было брошено 46 дивизий и 4 бригады, и среди них опора фашистского режима — четыре танковые дивизии СС. Этими силами фельдмаршал В. Модель провел ряд контратак, вернул предместье Варшавы — Прагу и потеснил некоторые советские дивизии на восток.

В советских войсках, действовавших на главном направлении, стало ощущаться стратегическое перенапряжение, вызванное: во-первых, растянутостью коммуникаций и удаленностью баз снабжения; во-вторых, переходом железнодорожного транспорта на европейскую колею, требовавшее новых технических решений и времени; в-третьих, Советское правительство для восстановления народного хозяйства в Белоруссии, Литве и Латвии направляло в эти республики много грузов с техникой и оборудованием из других районов страны, и транспорт не справлялся с этими задачами.

Цели, поставленные Ставкой в Белорусской операции, были успешно выполнены. Стратегический фронт врага был сокрушен на глубину 600 км, немецко-фашистские войска под ударами Советской армии были деморализованы, и к сопротивлению советским войскам многих офицеров и солдат вермахта гнал страх наказания, а не долг. У немцев 17 дивизий и 3 бригады были полностью разгромлены, а 50 дивизий потеряли от 60 до 70 процентов своего состава, и гитлеровское командование стало сводить их в боевые группы¹.

Никаких перспектив переломить ход войны у Гитлера и его окружения не было, в то время как советские войска, освободив Белоруссию и часть Прибалтики, создали благоприятные условия для наступления на львовско-сандомирском направлении, в Восточной Пруссии и последующего удара на варшавско-берлинском направлении.

Между тем на политической сцене нелегкого военного года, да еще в период его самых трудных и сложных дней — окончания Белорусской операции и собирания Ставкой сил

¹ Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1970, с. 365.

для нового наступления, заявил о себе польское правительство в изгнании, затеявшее восстание в Варшаве. Оно готовилось в Лондоне и нити его тянутся в глубь истории Польши, во времена президента Й. Пилсудского, у которого с Гитлером были установлены самые тесные политические и экономические связи. Недаром сразу после захвата Польши, Гитлер приказал поставить в Кракове почетный военный караул у гробницы Пилсудского в Вавельском замке, как бы отдавая дань благодарности его профашистской политике, и, видимо, вспомнив, что в 1933 году Польша была первым государством, признавшим нацистский режим и подписавшим с Германией договор о ненападении, чем поспособствовала его международному признанию.

Свое правительство Пилсудский наспиговал людьми, согласившимися работать на германскую разведку, и они были в составе правительства в изгнании в Лондоне и в Армии Крайовой, исправно снабжавших гестапо информацией о ходе подготовке к восстанию и его силах. Немцы достоверно знали время выступления Армии Крайовой и не препятствовали ей, чтобы иметь повод снова разделаться с предавшими их поляками. Для этого они заранее подтянули к Варшаве танковые дивизии СС и части, сформированные за счет предателей всех мастей из числа мусульман, украинских националистов и казаков.

Советское правительство не возражало против готовящегося восстания и планировало объединить усилия советских войск с восставшими и частями Армии Крайовой, пока во время освобождения ряда польских городов не вскрылась тесная связь руководителей этой армии с гитлеровским командованием. Дальнейшее сотрудничество с пособниками гитлеровской армии не представлялось возможным — они были замаскированные враги Советской армии.

В польском правительстве в изгнании существовал план одновременного выступления Армии Крайовой, как только части Советской армии вступят на землю Польши. План был рассчитан на то, что польские силы сумеют освободить основные города, и прежде всего Варшаву, до вступления в них советских войск и, таким образом, они явочным порядком собирались установить там власть польского правительства в изгнании, с которой пришлось бы считаться советской военной власти. Премьер-министр У. Черчилль знал об этом плане и всячески его поддерживал; он все еще надеялся урвать у Сталина плоды побед и сделать Польшу оплотом английской политики на востоке.

К вооруженному выступлению против гарнизона гитлеровских войск в Варшаве солдаты и офицеры Армии Крайовы

не были готовы и ее командующий генерал Бур-Комаровский сообщал в Лондон, что «восстание не имеет перспектив на успех»¹. Но эмигрантскому правительству надо было заявить о себе, и оно подтолкнуло варшавян к восстанию, хотя за сутки до его начала премьер-министр С. Миколайчик имел беседу со Сталиным, в которой ни по одной позиции польский лидер не захотел уступить, и упрямо отказывался от обоюдного сотрудничества на благо двух государств, в то же время прося для своего правительства помощи и поддержки от Советского Союза. Ни по вопросу послевоенных границ Польши, ни по вопросу центральной власти в ней, которую Сталин предлагал сформировать из лондонских министров и членов Люблинского комитета, никакой договоренности достигнуто не было.

Выполняя указание правительства, генерал Бур-Комаровский 1 августа все же отдал приказ о начале восстания, в котором по разным подсчетам участвовало от 23 до 50 тысяч активных бойцов, имевших на вооружении около 2 тыс. винтовок и не более 400 станковых и легких пулеметов. Намечалось захватить более 200 объектов, но сил, а главное, оружия не хватало. Восставшие сумели овладеть старинным центром города Варшавы — Старым Мясом, однако атака на казармы не удалась, аэродром не был взят, а в Праге восстание было сразу подавлено, и в результате мосты через Вислу остались под контролем немцев. 5 августа гитлеровское командование приступило к подавлению восстания, применив против их участников танки, артиллерию и ударную авиацию. В первом же взятом районе Воля, немцы совершили массовые убийства мирных жителей, давая понять восставшим, что такая же судьба ждет всех их. Деятельное участие в подавлении восстания принимали украинские националисты из дивизии СС «Галичина» и казаки-коллаборационисты.

Сталин ни для кого не таскал каштаны из огня, но даже он попытался помочь восставшим, разрешив провести воздушную операцию по оказанию им помощи с воздуха. В первой из таких операций участвовало 282 самолета. А всего советская авиация совершила в Варшаву 2243 полета и сбросила восставшим 155 минометов, 505 противотанковых ружей, 2667 автоматов и винтовок, 42 тыс. гранат, 1123 тонны продовольствия и 500 кг медикаментов².

Была сделана и серьезная попытка помочь восставшим полякам организацией наступления советских войск на Вар-

¹ Яковлева Е.В. Польша против СССР. 1939—1950. М., 2007, с. 292.

² Кардашов В.И. Рокоссовский. М., 1980.

шаву. 14 сентября войска 1-го Белорусского фронта и действовавшие в их составе части Войска Польского после продолжительных боев овладели правобережной частью Варшавы — Прагой. На второй день части Войска Польского, взаимодействуя с частями Советской армии, с ходу форсировали Вислу в пределах Варшавы и создали несколько плацдармов на ее левом берегу. Вместо объединения усилий двух польских армий командование Армии Крайовой эвакуировало свои силы подальше от Войска Польского и принудило их сложить оружие перед немецкими фашистами. Понеся большие потери, части Войска Польского были вынуждены оставить левобережные плацдармы¹.

2 октября Бур-Комаровский подписал продиктованные ему гитлеровским командованием условия капитуляции, дававшее оставшимся в живых участникам восстания право на статус военнопленных. За 63 дня восстания погибло 10 тыс. повстанцев, 17 тыс. попало в плен, 7 тыс. человек пропали без вести. Но наибольшие потери понесло гражданское население Варшавы; погибло около 200 тысяч, более 500 тысяч варшавян оккупантами были выгнаны из города, а сама польская столица фашистами была разрушена до основания. Такова была дорогая цена Варшавского восстания, правдивую оценку которому дал Сталин в своем послании президенту США Ф. Рузвельту:

«Ваше и г-на Черчилля послание относительно Варшавы я получил. Хочу высказать свои соображения. Рано или поздно, но правда о кучке преступников, затеявших ради захвата власти варшавскую авантюру, станет всем известна. Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию. Создалось положение, когда каждый новый день используется не поляками для дела освобождения Варшавы, а гитлеровцами, бесчеловечно истребляющими жителей Варшавы.

С военной точки зрения создавшееся положение, привлекающее усиленное внимание немцев к Варшаве, также весьма невыгодно как для Красной Армии, так и для поляков. Между тем, советские войска, встретившиеся в последнее время с новыми значительными попытками немцев перейти в контратаки, делают все возможное, чтобы сломить эти контратаки гитлеровцев и перейти в новое наступление под Варшавой. Не может быть сомнения, что Красная Армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков. Это будет лучшая и действительная помощь поля-

¹ Советская историческая энциклопедия, т. 2. М., 1962, с. 983.

кам-антинацистам»¹. Ф. Рузвельт разделял многие взгляды Сталина на послевоенное устройство Польши, и он сдерживал У. Черчилля в его стремлении использовать польское эмигрантское правительство для разжигания вражды между союзниками, которое своими непродуманными действиями могло взорвать мир новыми осложнениями, не менее трагичными, чем те, что были совершены руководителями панской Польши в 1939 году, накануне Второй мировой войны.

Наступление в Польше могло продолжиться Красной Армией только после серьезного накопления сил и средств, подтягивания тылов и восстановления коммуникаций, которые были взорваны и разрушены отступающими гитлеровскими войсками. Командующий 1-м Белорусским фронтом маршал К. Рокоссовский расширял плацдармы на западном берегу Вислы, и к середине ноября там планировалось сосредоточить до пяти армий, и по замыслу маршала они должны были нанести сильный удар в направлении на Лодзь и Познань, обойдя Варшаву с юго-запада и севера.

В Ставке знали об этих планах, и под руководством Верховного Главнокомандующего Генеральный штаб приступил к планированию последних наступательных операций, выполнение которых должно было привести к полному разгрому немецко-фашистских войск и принятию Гитлером всех условий безоговорочной капитуляции. Работа над этими замыслами привела Сталина к решению поставить командующим 1-м Белорусским фронтом, острие которого было нацелено на Берлин, маршала Г. Жукова, чей вклад в победу над врагом он считал самым весомым. И хотя он питал большую симпатию к Рокоссовскому, интересы дела для Сталина были всегда выше всего. Такое перемещение как в военно-политическом, так и в стратегическом отношении было оправданным. Сталин до последнего дня войны не исключал возможность сговора Гитлера с западными союзниками, или какого-либо другого недружественного акта, прежде всего, со стороны правительства У. Черчилля, по отношению к Советском Союзу, и поэтому на главное направление он поставил маршала Г. Жукова, человека с твердым и непреклонным характером, который лучше других подходил для выражения решимости Сталина закончить войну победным аккордом.

Вечером 12 ноября, когда маршал К. Рокоссовский вернулся в штаб фронта с поездки на Пулавский плацдарм за Вислой, на проводе его ждал разговор со Ставкой. Сталин начал разговор с главного:

¹ С. Борзунов. Маршал Конев. М., 2001, с. 242.

— Вы, товарищ Рокоссовский, назначаетесь командующим 2-м Белорусским фронтом.

Это было так неожиданно, что маршал не удержался от вопроса:

— Почему меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

— Вы ошибаетесь, — Сталин как будто ждал такого вопроса, — этот участок входит в общее западное направление и от тесного взаимодействия 1-го и 2-го Белорусских фронтов, а также 1-го Украинского зависит успех предстоящей решающей операции. На подбор командующих мы обращаем особое внимание. На ваше место назначен Жуков. Как вы смотрите на эту кандидатуру?

— Кандидатура вполне достойная.

— На 2-й Белорусский фронт мы возложим ответственную задачу, усилим его, разумеется, соединениями, средствами. Если вы и Конев не продвинетесь, то никуда не продвинется и Жуков.

— Я понимаю, товарищ Сталин, — ответил маршал, но Верховный Главнокомандующий не мог не почувствовать разочарования Рокоссовского.

Питая особое уважение к Рокоссовскому, и зная, что у маршала остался осадок от разговора с ним, Сталин во второй половине ноября вызвал К.Рокоссовского в Ставку и доверительным тоном еще раз попросил его самым тесным образом взаимодействовать с войсками 1-го Белорусского фронта, которым командовал маршал Г. Жуков.

Завершая встречу, Сталин сказал:

— Еще раз подчеркиваю, что ваш фронт — один из трех важнейших. 1-му и 2-му Белорусскому и 1-му Украинскому — именно этим трем фронтам, предстоит закончить войну с фашистской Германией.

В то время как Сталин занимался проблемами завершения войны с фашистской Германией, в Вашингтоне и Лондоне к лету 1944 года была подготовлена операция по высадке англо-американских войск на севере Франции. Дорога к открытию второго фронта была очень длинной и долгой, насыщенной политической борьбой и противоречиями между союзниками. Следуя букве договоренностей между правительством Черчилля и правительством Германии, достигнутыми Гессом при его полете в Британию, Англия в течение двух лет всячески уклонялась от открытия второго фронта в Европе. Лондон принимал для этого всевозможные дипломатические хитрости. В июле 1941 года Советский Союз подписал с Англией соглашение о

совместных действиях в войне против Германии, в котором Советское правительство обратило внимание английского правительства на то, что второй фронт необходимо создать в Северной Франции. 3 сентября 1941 года Советское правительство вновь подчеркнуло, что второй фронт должен быть открыт во Франции, так как это заставило бы Гитлера оттянуть с Восточного фронта 30—40 немецких дивизий. 12 июня 1942 года, в Москве и Вашингтоне было опубликовано коммюнике, в котором заявлялось, что «достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году»¹. В беседе с советским представителем в США Литвиновым президент Рузвельт и генерал Маршалл утверждали, что американское командование усиленно готовится к созданию второго фронта в Европе, и он будет открыт в 1942 году. Президент, однако, сообщил Литвинову, что из-за малого количества морских судов, медленного развертывания военного производства и необходимости усилить помощь Англии ранее обещанный объем военных грузов для России придется сократить на 2/3. В то же время Рузвельт заверил советского представителя, что военные штабы США и Англии уже обсуждают практические проблемы высадки, хотя Черчилль все время подчеркивал трудности высадки в 1942 году в Европе и «устремлял свой взор на Французскую Африку»².

Вместо высадки во Франции англо-американские штабы договорились о подготовке вторжения в Северную Африку. Речь шла об овладении Марокко, Алжиром, Тунисом, а в перспективе — всем бассейном Средиземного моря. Помимо того, что эта операция могла быть представлена общественности как «второй фронт», она устраивала Англию и потому, что укрепляла ее позиции на важнейших ее имперских коммуникациях.

Черчилль сумел склонить президента США в сторону защиты морских коммуникаций Средиземноморья и 23 июля Рузвельт известил премьера Великобритании «об отказе от крупных операций на Европейском континенте в 1942 году» и пообещал убедить Комитет начальников штабов в необходимости вторжения в Северную Африку»³. Генерал Эйзенхауэр назвал день, когда Рузвельт принял решение о высадке в Северной Африке «самым мрачным днем в истории»⁴.

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т.1. М., 1946, с. 248.

² Военно-исторический журнал, №7. М., 1972, с. 44.

³ Д. Балтер, Гуайдер Дж. Большая стратегия. Приложение IV. М., 1967. с. 519—520.

⁴ Второй фронт. М., 2000, с. 363.

Это была большая уступка Гитлеру. Фашистская Германия на целых два года отодвинула свое поражение в войне, а Советскому Союзу и другим европейским народам она стоила многих миллионов жизней. Гитлер не только увеличил количество своих войск на Восточном фронте, но привлек сюда основные силы авиации с Аппенинского полуострова, обеспечивая американцам и англичанам спокойное выполнение десантно-высадочной операции под названием «Торч». Для проведения этой операции англичане и американцы затратили вдвое больше средств, чем это требовалось для форсирования Ла-Манша. В этой необычайно грязной военно-политической игре победу одержал Черчилль. У всех европейцев была утрачена надежда на помощь из-за океана, все их взоры теперь были обращены к Москве — только оттуда ждали избавления от фашизма жители Парижа, Варшавы и других столиц.

8 ноября шесть американских и одна английская дивизия высадились одновременно в портах Алжир, Оран и Касабланка и повели наступление на итало-германские войска с запада. Пытаясь удержать свои позиции в Африке, германское командование срочно перебросило несколько дивизий из Италии в Тунис, и уже в декабре 1942 года им удалось продвижение американско-английских войск с запада остановить. Установившееся там затишье дало возможность Гитлеру опять вернуть эти дивизии на советско-германский фронт. Лишь в марте — апреле 1943 года развернулись крупные бои в Тунисе: 8-я английская армия с востока, а американские дивизии с юга и запада прорвали оборону итало-германских войск и в начале мая овладели городами Тунис и Бизерта. Эта была первая крупная победа союзных войск, имевшая стратегическое значение, положившая начало капитуляции 250-тысячной армии противника.

Наступление англо-американских войск в Северной Африке сковало лишь три немецкие дивизии, в то время как на советско-германском фронте в этот период действовало более 160 дивизий гитлеровского вермахта. Гитлер не был серьезно заинтересован в Африке и не собирался посылать туда крупные силы. «Его внимание, — пишет Лиддел Гарт, — было целиком сосредоточено на России».

В июне 1942 года во Франции, Бельгии и Голландии было дислоцировано 24 пехотные дивизии вермахта и все они считались ограниченно боеспособными — это были дивизии, перемолотые на советско-германском фронте. В то же время американское и английское командование в 1942 году располагали достаточно сильными вооруженными силами, которые по своим возможностям намного превосходили силы

вермахта, размещенных в оккупированных странах Западной Европы. Американская армия насчитывала свыше 70 дивизий и 160 боевых авиационных групп; всего же в вооруженных силах состояло 5,5 млн. солдат и офицеров. Английская армия имела 50 дивизий. В течение 1942 года две эти страны произвели свыше 70 тыс. самолетов и 33 тыс. танков, увеличили водоизмещение своих флотов на 9,3 млн. т.¹ Многие политические и военные руководители в Вашингтоне и Лондоне были уверены в возможности открыть второй фронт в Европе. По оценке военных специалистов, транспортных морских средств было вполне достаточно для проведения любой операции. 13 августа Советское правительство с полным основанием заявило, что «именно в 1942 году возможно и должно создать второй фронт в Европе»². Но второй фронт не был открыт и в 1943 году.

19 октября 1942 года Сталин сообщил советскому послу в Англии Майскому: «У нас всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны. Без такого предположения трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе, по вопросу о поставках вооружения для СССР, которые прогрессивно сокращаются, несмотря на рост производства в Англии, по вопросу о Гессе, которого Черчилль, по-видимому, держит про запас, наконец, по вопросу о систематической бомбежке англичанами Берлина в течение сентября, которую провозгласил Черчилль в Москве и которую он не выполнил ни на йоту, несмотря на то, что он, безусловно, мог это выполнить»³.

Летом 1943 года вооруженные силы США и Англии высадили небольшой десант на Сицилии. В этот период гитлеровской Германии был нанесен жесточайший удар в битве под Курском. На советско-германском фронте действовала подавляющая часть сил вермахта и союзников Германии — свыше 230 дивизий, из них — 196 немецких. На западе — в оккупированных немцами странах — по-прежнему располагалось 27 ослабленных дивизий противника. «Неприступность «Атлантического вала» продолжала оставаться геббельсовским пропагандистским трюком. Зато значительно расширилось и активизировалось движение Сопrotивления народных масс во

¹ Военно-исторический журнал, №7. М., 1972, с. 46.

² Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. М., 1957, с. 59.

³ Второй фронт. М., 2000, с. 388.

Франции и других оккупированных странах. Однако в это период лишь небольшие силы англо-американских войск участвовали в боевых действиях в Европе, в частности, на юге Аппенинского полуострова, где проводили, по определению Д. Эйзенхауэра, «сугубо вспомогательную операцию». Осенью 1943 года несколько возросла интенсивность налетов союзной авиации на немецкие города, однако производство в Германии танков и самолетов продолжало неуклонно расти; так, если в 1943 году было выпущено 19 800 танков и 2480 самолетов, то в 1944 году — соответственно 27 300 и 40 593¹.

Таков был более чем скромный вклад США и Англии в ход боевых действий на Европейском континенте в 1943 году. Между тем за этот же год американская промышленность произвела более 85 тыс. самолетов, 29 тыс. танков, водоизмещение американского флота увеличилось на 19 млн. т., т.е. более чем в два раза превзошло тоннаж судов, построенных в 1942 году. Хотя Англия отставала от США и СССР в объеме и темпах роста военного производства, она, тем не менее, занимала одно из ведущих мест среди стран антигитлеровской коалиции и не была столь маленькой и «бессильной», как это пытался изображать У. Черчилль. «В Тегеране, — заявил он в палате общин после возвращения из Ирана в декабре 1943 года, — я впервые познал, какая маленькая наша страна. По одну сторону там сидел со мной огромный русский медведь, по другую — мощный американский бык; между ними я — маленькая британская обезьянка»².

В первой половине 1944 года обстановка в Западной Европе была еще более благоприятной для открытия второго фронта. К началу года 198 немецко-фашистских дивизий находились на советско-германском фронте, менее 30 дивизий, плохо укомплектованных, — во Франции, Голландии, Люксембурге и Бельгии, 21 дивизия — в Италии. Таким образом, общая численность немецких дивизий в Западной и Южной Европе составляла весьма малую величину по сравнению с огромными вооруженными силами США и Англии, насчитывавших около 150 дивизий, в составе которых числилось свыше 17 млн. солдат и офицеров.

Грандиозное наступление Советской армии в первой половине 1944 года вызвало заметное беспокойство среди руководства западных союзников. Правительство Черчилля стало «смертельно бояться, что Англия вступит в Европу слишком

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!». М., 1967, с. 727—729.

² Военно-исторический журнал, №7. М., 1972, с. 47.

поздно». В Вашингтоне опасались, что «продвижение Красной Армии приведет к доминированию Советов в Западной Европе». Только опасение, что СССР собственными силами сможет разгромить гитлеровскую Германию раньше, чем будет открыт второй фронт, заставило США и Англию поторопиться с высадкой своих войск во Франции, которая и была осуществлена 6 июня 1944 года.

Ведя подготовку к вторжению во Францию, англо-американские войска в то же время продолжали операции на Средиземном море. Поражение гитлеровцев на советско-германском фронте, где была разгромлена 8-я итальянская армия и Альпийский корпус, а также нарастание внутреннего кризиса в Италии, и полное господство флота союзников на Средиземном море делали сравнительно легким захват о. Сицилии. Дальнейшее продвижение союзников в Италии шло под аккомпанемент блестящих побед Советской армии зимой и весной 1944 года, когда для спасения от полного разгрома вермахта Гитлер бросал на советско-германский фронт все резервы и свои лучшие дивизии из Италии и Франции. Тем не менее, весной 1944 года англо-американские войска по Аппенинскому полуострову продвигались крайне медленно. Только к концу мая им удалось вытеснить противника из Центральной Италии. 4 июня союзные войска без боя вступили в оставленный немецким командованием Рим.

Для высадки в Северную Францию и ведения дальнейших наступательных действий союзники сосредоточили на Британских островах крупную группировку войск — 39 дивизий, 12 отдельных бригад и 10 отрядов специальных десантно-диверсионных подразделений морской пехоты. К обеспечению высадки привлекались значительные воздушные силы — около 11 тысяч боевых машин, 2316 транспортных самолетов и 2591 планер. Внушителен был и состав экспедиционных военно-морских сил, включавший 1213 боевых кораблей и катеров, 4126 десантных судов и высадочных средств, 736 вспомогательных и 864 торговых судна. В операции участвовали также канадские, чехословацкие и польские соединения и части. Всего союзные экспедиционные силы на 6 июня насчитывали в строю 2 876 439 человек, более половины из них — 1 млн. 533 тыс. человек — составляли американцы.

Планом операции под названием «Оверлорд» предусматривалось высадить морской и воздушный десанты на побережье залива Сены, на участке от банки Гран-Ве до устья реки Орн, протяженностью около 80 км, и на двадцатый день создать плацдарм в 100 км по фронту и 100—110 км в глубину.

Здесь намечалось сосредоточить силы, достаточные для ведения наступательных действий в Северной Франции. Союзные войска к исходу первого дня операции создали три плацдарма глубиной от двух до девяти километров. На побережье Нормандии сконцентрировались силы пяти пехотных дивизий и трех воздушно-десантных дивизий с частями усиления — всего свыше 156 тыс. человек. Сюда же было доставлено 900 танков и бронемашин, 600 орудий и большое количество транспортных средств. Успеху высадки во многом способствовало полное господство англо-американского флота и авиации, которые непрерывно наносили удара с моря и воздуха. В течение первых суток десантной операции только стратегическая авиация союзников совершила 14 тыс. самолетовылетов, в то время как немецкая только 50¹.

Интенсивная переброска новых экспедиционных сил продолжалась все последующие дни. С утра 9 июня союзные войска перешли в наступление с целью захватить единый плацдарм и расширить фронт борьбы. К исходу 12 июня им удалось занять побережье протяженностью 80 км по фронту и 13—18 в глубину, и на плацдарме теперь находилось 16 дивизий и бронетанковые части, эквивалентные по мощи трем бронетанковым дивизиям. В составе союзных сил в Нормандии насчитывалось 327 тыс. человек, 54 тыс. боевых и транспортных машин.

Германское командование высадку союзников в Европе ожидало с осени 1942 года, и имело твердое убеждение, что оно непременно должно было осуществиться через пролив Па-де-Кале, где находились главные военные силы немцев. При этом Гитлер утверждал, что союзные войска свои операции смогут начать, если им удастся сразу захватить какой-либо порт на побережье Франции — другого варианта для проведения успешной десантной операции он не допускал. Поэтому он был сторонником тактики окружения крупных портов поясом боевых сооружений, а между ними разместить закрытые наблюдательные пункты, в которых должны были размещаться подразделения вермахта. Гитлер предполагал, что пятнадцать тысяч блиндажей надежно укроют германских солдат от артиллерийского огня вражеских кораблей и авиации противника, а затем они вступят в бой уже под открытым небом. Эскизы этих оборонительных сооружений и даже проекты отдельных опорных пунктов создавал сам Гитлер и на их строительство были затрачены огромные средства и много метал-

¹ Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984, с. 412.

ла, которого так не хватало для производства вооружений. Но уже через две недели после высадки союзных войск в Нормандии оказалось, что всего лишь одна техническая идея сделала эти сооружения и затраченные на них огромные расходы совершенно бесполезными. Англо-американские солдаты установили прямо на берегу близ Арроманша разгрузочные платформы, смонтировали доставленные сюда по частям на кораблях другие портовые сооружения и создали временный порт, через который пошла бесперебойная доставка на плацдарм боеприпасов, вооружения, продовольствия и новых частей. План обороны немцами морского побережья сразу оказался непригодным.

Когда 6 июня началась высадка союзников, в штаб-квартире Гитлера не обратили на это серьезного внимания. Все находилось под впечатлением высказываний Гитлера о том, что первая десантная операция англо-американских войск будет отвлекающим маневром перед другой — главной, и поэтому никому не хотелось докладывать фюреру о серьезном вторжении противника с моря, чтоб не «навлечь на себя обвинение в неверной оценке оперативной обстановки»¹.

Только к полудню был решен важнейший вопрос о вводе в бой войск из резерва штаба верховного командования во Франции. Связанные предупреждениями Гитлера о недопущении самостоятельных действий — бездействовали и генералы вермахта, ожидая указаний из Берлина. И лишь только после настоятельных требований командующего Западным фронтом генерал-фельдмаршала Г. Рундштедта началось запоздалое выдвижение немецких войск в район высадки десанта союзников. Однако в результате крупных ошибок в оценке обстановки, допущенных высшим командованием гитлеровской армии и задержки с принятием решения, контрнаступление немецких войск началось только 9 июня, и оно провалилось.

12 июня гитлеровская ставка предприняла очередную попытку рассеять группировку союзных войск между реками Орн и Вир, подтянув к плацдарму три танковые и одну моторизованную дивизию, но при полном господстве англо-американской авиации в воздухе эти дивизии понесли такие потери, что от контрнаступления пришлось отказаться. В ночь на 13 июня гитлеровское командование впервые применило против Англии новое оружие — самолеты-снаряды Фау-1, которое геббельсовская пропаганда назвала «чудодейственным», способным повернуть ход событий в пользу Германии. Однако новое

¹А. Штеер. Воспоминания. Смоленск, с. 484.

оружие, хоть и причинило вред англичанам, оказалось далеко не таким эффективным, как рассчитывали в Берлине. Английская авиация и зенитная артиллерия довольно успешно научились сбивать немецкие ракеты, и через три месяца в воздухе уничтожалось более 70 процентов Фау-1.

К концу июня плацдарм англо-американских войск был расширен до 100 км по фронту и до 40 км в глубину. На нем было сосредоточено свыше 25 дивизий, из них четыре танковые, которым противостояли 23 ослабленные немецкие дивизии, в том числе 9 танковых. Оперативных резервов немцы не имели, а начавшееся в июне грандиозное наступление Советской армии в Белоруссии потребовало от гитлеровского руководства бросать на это направление все дивизии, что оставались еще в Германии и вновь формируемые.

Спустя 30 лет после Первой мировой войны Германия вновь оказалась в положении, которого больше всего боялись ее правящие круги — вело войну на два фронта, на Востоке и на Западе. Вести войну на два фронта Германия не могла, и союзники ожидали, что в Берлине найдутся политические силы, способные спасти государство от неизбежного краха путем отстранения Гитлера от власти, или принуждения его пойти на заключение пусть тяжелого, но необходимого для немцев мира. Летом 1944 года все предпосылки для такого развития событий в Германии были, и 20 июля там была совершена попытка государственного переворота, в котором прямо или косвенно приняли участие видные военачальники вермахта, понимавшие неизбежность крушения Третьего рейха и поставившие перед собой цель спасти страну как от поработившего ее гитлеровского режима, так и от полного краха в войне.

Во главе заговора стояли генерал-полковник Л. Бек, фельдмаршал Э. фон Вицлебен, генералы Х. фон Тресков и Х. Остер. К заговору в разное время примыкали фельдмаршалы Г. фон Клюге и Э. Роммель, руководитель Абвера адмирал В. Канарис и бывший посол Германии в Советском Союзе граф В. фон Шуленбург. Решительные шаги по физическому устранению Гитлера взялся исполнить начальник штаба Резервной армии граф полковник Клаус фон Штауффенберг, по делам службы посещающий ставку фюрера. Это был боевой офицер, потерявший на фронте в Африке руку и глаз и сплотивший вокруг себя таких же смелых и бесстрашных людей, как и он сам. Самая большая ошибка этих мужественных офицеров состояла в том, что взявшись за устранение Гитлера, они доверили генералам задачу по захвату правительства и власти в Берлине, с которой, из-за нерешительности и трусости эти генералы не справились.

Покушение было организовано в Ставке Гитлера, куда Штауффенберг выезжал для доклада и где он оставил в бетонном бункере портфель со взрывчаткой. Но из-за сильной жары оперативное совещание было перенесено в фанерное строение барачного типа, которое принадлежало министру вооружений А. Шпееру, и Штауффенберг не придавал этому значения. Взрыв в бетонном бункере не давал никаких шансов выжить никому, кто бы там ни находился, но в деревянном строении сила взрывной волны, отразившись от крепкой тумбы стола, ушла в раскрытое окно, что сохранило жизнь Гитлеру. Но в самом Берлине активные участники заговора, получив сообщение о произведенном Штауффенбергом взрыве, долгое время бездействовали. У них было достаточно военных сил, чтобы арестовать всех министров, участвовавших в совещании в помещении министерства пропаганды и занять Берлинскую телефонную станцию, Центральный телеграф, Главный узел связи, Дом радио и объявить о низложении Гитлера даже после того, как они узнали, что он остался жив. Командующий Резервной армией генерал-полковник Ф. Фромм в решающий момент заговора дрогнул и, стремясь скрыть свое участие в заговоре, проявил показную преданность Гитлеру, расстреляв во дворе штаба своих ближайших помощников генерала Ф. Ольбрихта и полковника К. фон Штауффенберга, самых активных участников заговора, и прервал все передвижения частей для выполнения целей заговора. В первые дни после пресечения заговора он был героем, спасшим режим Гитлера, но гестапо раскопало следы его активного участия в заговоре и он был предан такой же жестокой смерти, как и все другие его участники.

Приехавший срочно в Берлин Гитлер на большом совещании ликующим голосом заявил, что «близится долгожданный коренной перелом в ходе боевых действий, ибо место удаленных с высших командных постов предателей отныне займут одаренные генералы». Он вспомнил 1937 год и рассказал, что располагает конкретными данными тайного сотрудничества между генеральными штабами Германии и России и что Сталин «сумел раньше его избавиться от предателей и привести к руководству вооруженными силами генералов, не обремененных пороками прошлых изменнических уз».¹

По приказу Гитлера большинство осужденных казнили не на гильотине, как гражданских преступников, и не через расстрел, как военных, — их вешали на ролевых струнах, при-

¹ А. Шпеер. Воспоминания. Смоленск, с. 532.

крепленных к крюку мясника на потолке в тюрьме Плетцензее. Эта смерть была долгой и мучительной, и она была придумана в ведомстве Гимmlера, любившего, как и Гитлер, «утонченные» зверства, отвечавшие их нравственному облику и душевному состоянию. Был даже заснят фильм об этих казнях, который показывали в нацистских кругах и солдатам на фронте, чтобы поднять их «боевой дух». Был арестован по делу о заговоре и бывший начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер, но, отсидев в концлагерях, он сумел дождаться окончания войны и выйти на свободу. Тяжелее была судьба двух фельдмаршалов — Г. фон Клюге и Э. Роммеля. Первый, всегда сочувствовавший участникам заговора, но не принимавший в нем активного участия, был обвинен в том, что он своевременно не донес властям о нем, и, уязвленный недоверием Гитлера, фельдмаршал приехал в город Мец, у стен которого он воевал в Первую мировую войну, и там принял яд. Он был похоронен без воинских почестей, но гроб его несли военные. Второй тоже попал в подозрение гестапо и Гитлер, следуя Нерону, распорядился, чтобы фельдмаршал ушел из жизни добровольно, приняв из рук адъютанта фюрера ампулу с цианистым калием. За беспрекословное выполнение воли Гитлера фельдмаршал был похоронен со всеми воинскими почестями¹.

Всего по делу о заговоре против Гитлера 4800 человек было казнено и более 7000 человек арестовано и предано различным формам наказания. В соответствии с «древнегерманскими» законами о кровной вине репрессиям подверглись и родственники заговорщиков: многие были отправлены в концлагеря, а детей нацисты под новыми фамилиями помещали в детские дома². Жестоко расправившись с военной оппозицией, Гитлер привел в состояние паники все германское общество, которое и до этого было придавлено в своем развитии, а теперь все немцы автоматически выполняли указания властей, никому не веря и ни на кого не надеясь, и лишь уповая в своей судьбе на промысел божий, который всегда был милостив к их нации. И в стане союзников, после жестокой расправы Гитлера с заговорщиками, утратили всякую надежду на возможность прихода в Германии к власти прогрессивных сил, а вести какие-либо мирные переговоры с гитлеровским режимом никто не хотел. Да и сам Гитлер и его близкое окружение, запятнав себя страшными преступлениями против челове-

¹ С. Митчем. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск, 1998, с. 263, 432.

² Шипер У. Взлет и падение Третьего рейха. М., 2009, с. 596.

ства, не ждали для себя снисхождения, и потому готовились сражаться до последнего солдата.

Закрепившись на севере Франции союзники утром 15 августа начали высадку в Южной Франции и к 19 августа американо-английские войска создали общий плацдарм до 90 км по фронту и 60 км в глубину. На нем было сосредоточено до 160 тыс. человек, 2500 орудий и минометов, 600 танков и около 21 500 автомашин¹. Французские силы Сопротивления до подхода войск союзников освободили многие южные провинции и немецко-фашистское командование было вынуждено отвести свои войска из Южной Франции к западным границам Германии. Лишь в Марселе, Тулоне и некоторых других пунктах оно оставляло гарнизоны, приказав им продолжать сопротивление.

Набирали силу выступления патриотов в столице Франции — Париже. Всеобщая забастовка рабочих переросла в лозунг: «Бейте беспощадно наших поработителей!» и оно переросло в восстание. В середине августа волнениями был охвачен весь город. К вечеру 21 августа восставшие освободили три четверти кварталов Парижа и его пригородов. В этой обстановке жителям Парижа стал известен приказ Гитлера, в котором говорилось, что оборона горда имеет решающее значение в борьбе на Западном фронте и подчеркивалась необходимость удерживать его всеми средствами. «Мосты через Сену подготовить к взрыву, — требовалось в приказе, — Париж не сдавать или же он должен попасть в руки противника только как груды развалин»². Эта весть еще больше воодушевила парижан на борьбу и 23—24 августа они почти полностью разгромили немецкий гарнизон Парижа, который насчитывал более 20 тыс. человек.

Вечером 24 августа в Париж вошли подразделения 2-й бронетанковой дивизии под командованием генерала Ф. Леклерка, а 25 августа генерал принял безоговорочную капитуляцию немецкого гарнизона. В тот же день в столицу Франции прибыл глава Временного правительства Французской республики Шарль де Голль.

После высадки союзников в Нормандии, а потом и на юге Франции, и выхода Советской армии к границам Польши, Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии, руководители этих стран, сателлитов Германии, лихорадочно искали выхода из политического тупика, куда их загнала безоглядная вера в мо-

¹ Вторая мировая война 1939—1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1958, с. 65.

² История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 9. М., 1978, с. 264.

гущество нацистской Германии, и крах которой был уже неизбежным.

Первой страной из фашистского блока, ставшей искать мира с СССР, была Финляндия. В середине февраля 1944 года ее правительство обратилось к правительству Советского Союза с целью выяснить условия, на которых Финляндия могла бы прекратить военные действия и выйти из войны¹. Изложенные мирные условия правительства Советского Союза финскому руководству, которые во многих странах расценивались как умеренные, под давлением Берлина оказались отвергнутыми. Тогдашнее финское руководство все еще надеялось, что фашистская Германия в критический момент окажет Финляндии военную и экономическую поддержку.

Готовясь к продолжению войны, финское командование решило максимально усилить оборону на захваченных территориях в Карелии и на Карельском перешейке. Здесь оборонялись основные силы финской армии в составе 15 дивизий, 8 пехотных и 1 кавалерийской бригад. В них насчитывалось 268 тыс. человек, 1930 орудий и минометов, 1110 танков и 248 самолетов. Глубина обороны на Карельском перешейке достигала 120 км, а в Южной Карелии — до 180 км. Особое внимание уделялось строительству долговременных укреплений на Карельском перешейке².

Для разгрома финской армии и вывода Финляндии из войны, Ставка Верховного Главнокомандования спланировала провести Выборгско-Петрозаводскую наступательную операцию, для проведения которой привлекались войска Ленинградского и Карельского фронтов, Балтийский флот, а также Ладужская и Онежская военные флотилии. По разработанному Ставкой замыслу разгрому подлежали все финские войска, проникшие на территорию Советского Союза в 1941 году, после чего планировалось выйти на рубеж Тикшеозеро — Соргавала — Котка, с овладением которых Финляндия теряла способность к дальнейшему сопротивлению.

Советская авиация и артиллерийские войска к тому периоду располагали такой сильной огневой мощью, что она стала главным средством при организации прорыва финской обороны. Командующий Ленинградским фронтом генерал армии А. Говоров для разгрома финской армии на Карельском перешейке внес существенные изменения в оперативное

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 2. М., 1946, с. 89.

² История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. 9. М., 1978, с. 27.

построение войск: вместо второго эшелона был создан сильный фронтовой резерв из десяти дивизий, нескольких танковых и самоходно-артиллерийских частей. За сутки до начала наступления, которое было спланировано на 10 июня, фронтовой авиацией и тяжелой артиллерией началось разрушение долговременных сооружений в оборонительной линии финских войск. Финны не выдержали такого огня, и стали поспешно отходить на вторую полосу обороны. Штурм ее не дал положительных результатов, и Сталин распорядился приостановить наступление и пересмотреть его характер. Командующий фронтом пошел на смелый шаг: в тот же день он усилил артиллерию и нанес по финнам такой мощный удар, что заставил их в панике отступать в глубь своей территории. Преследуя противника, войска Ленинградского фронта 20 июня овладели Выборгом, заставив финское правительство принять советские условия выхода Финляндии из войны. Сталин высоко оценил заслуги А. Говорова, и 18 июня ему было присвоено звание маршала Советского Союза.

Это был человек с очень высоким пониманием долга и ответственности за судьбу родины. Внешне суховат, неразговорчив, он в то же время притягивал к себе людей своей простотой и отзывчивостью к их делам и проблемам. Маршал блистал талантом творческого применения военного искусства и фашистские, и тем более финские генералы, не могли разгадать его смелых решений даже тогда, когда они ждали наступления его войск. На Невском проспекте в Санкт-Петербурге после Отечественной войны 1812 года благодарные потомки воздвигли пантеон Кутузову М.И. и Барклаю-де-Толли, в знак признательности за спасение земли русской от наполеоновских войск. Такой же, если не большей участи достойны и маршалы Г. Жуков и А. Говоров, отстоявшие в Великую Отечественную войну город Ленинград от уничтожения его немецко-фашистскими захватчиками и их финскими сателлитами.

ГЛАВА XV

Зимнее наступление Советской армии в 1945 году. — Немецкое наступление в Арденнах. — Письмо Черчилля Сталину. — Висло-Одерская операция. — Ялтинская конференция глав союзных государств. — Замысел Берлинской операции. — Смерть Рузвельта. Взгляды Трумэна на сотрудничество с СССР. — Подготовка Черчиллем операции «Немыслимое». — Капитуляция Третьего рейха

Во всемирно-исторической победе Советского Союза над гитлеровской Германией выдающаяся роль принадлежит зимнему наступлению 1945 года, в результате которого Советская армия нанесла сокрушительное поражение немецко-фашистским войскам и вышла на ближние подступы к Берлину для нанесения решающего удара по врагу.

Необходимые условия для успеха зимней кампании 1945 года были созданы знаменательными победами 1944 года. Десять сокрушительных ударов Советской армии решающим образом изменили стратегическую обстановку на советско-германском фронте в нашу пользу, поставив врага перед неминуемым окончательным разгромом.

Фашистская Германия понесла огромные потери в людях и боевой технике. За 1944 год Красная Армия разгромила и вывела из строя 136 вражеских дивизий, а всего за три года войны на советско-германском фронте гитлеровцы потеряли 7,8 млн. человек убитыми и пленными, 70 тыс. танков, 60 тыс. самолетов, более 90 тыс. орудий¹. В результате к концу 1944 года на советско-германском фронте после пополнений и всевозможных формирований было всего 204 вражеских дивизии, из которых 180 немецко-фашистских, тогда как в 1943 году у противника на нашем фронте было 257 дивизий, в том числе немецко-фашистских — 207. В Западной Европе гитлеровское командование имело всего 75 дивизий, причем и после высадки англо-американского десанта в Северной Франции в июне 1944 года оно не только не сняло с советско-германского фронта ни одной дивизии, а, наоборот, перебрасывало на Восток новые дивизии.

¹ Военный вестник, №1, 1955, с. 31.

Советская армия в 1944 году, пройдя с боями на запад от 550 до 1110 км, полностью очистила от гитлеровских оккупантов всю нашу землю, вывела из строя союзников гитлеровской Германии фашистскую Финляндию, королевскую Румынию, царскую Болгарию и хортистскую Венгрию, освободила значительную часть Польши, Югославии, часть Чехословакии и Норвегии. Значение этих фактов было огромным не только в сфере политической, но и в сфере экономической. С развалом гитлеровского разбойничьего блока враг лишился как военных союзников, так и крупных источников важного стратегического сырья, рабочей силы, производственных мощностей. Вся территория Германии, а также оккупированные ею промышленные районы Чехословакии и Австрии оказались в зоне боевых действий нашей авиации. Все это резко снизило военно-промышленный потенциал фашистской Германии, приведя, в частности, к огромному — от 40 до 70% — сокращению выплавки стали, чугуна, меди, а, следовательно, и к значительному уменьшению выпуска вооружений. Под влиянием непрерывных поражений на фронте и тяжелого положения в тылу среди немецкого населения и в армии все больше и больше нарастали ожидания неминуемого и близкого поражения гитлеровской Германии.

В этих условиях фашистское руководство строило планы на всемерное затягивание войны. Не надеясь уже на победу, Гитлер и его окружение рассчитывали вызвать развал антифашистской коалиции и за спиной Советского Союза заключить сепаратный мир с США и Англией. Повод к таким настроениям давало само англо-американское командование. Не желая нести большие потери, союзное командование избрало стратегию медленного продвижения, все время соизмеряя его с наступлением советских войск на советско-германском фронте. Немецкая группа армий «Б», оборонявшие 600-километровый участок фронта, располагала 239 танками, а действовавшая против нее войска союзников имели 2300 танков. В течение осени силы союзников на Западном фронте продолжали расти, и в декабре 1944 года там находилось уже 63 дивизии, из которых 16 были бронетанковыми. Тем не менее, как и прежде, союзники не планировали решительных боевых действий для прорыва в глубь Германии, откладывая их начало на май 1945 года¹.

Нерешительность англо-американского командования пробудила у военно-политического руководства Германии стрем-

¹ Дж. Эрман. Большая стратегия. Октябрь 1944 г. — август 1945 г. М., 1957, с. 48—49.

ление подготовить и осуществить стратегическую контрнаступательную операцию по разгрому англо-американских войск и таким путем избежать полного военного поражения, или, на крайний случай, заставить Англию и США признать наличие сильной Германии и побудить их к сепаратному миру. Главная ставка делалась на антисоветизм правящих кругов США и Англии. «Они должны понять, в конце концов, что мы боремся и за них», — заявил Гитлер 19 августа 1944 года. Основной целью стратегической контрнаступательной операции вермахта было «добиться перелома в свою пользу и вынудить англо-американские политические круги пойти на переговоры. Подготовка наступательных действий на Востоке считалась нецелесообразной, так как они «не могли бы иметь решающего значения»¹.

Эту операцию лично готовил Гитлер, и он возлагал на нее большие надежды. Он был уверен в успехе, направив в это сражение оставшиеся лучшие корпуса и дивизии. «Если оно не даст ожидаемых результатов, войну можно считать проигранной... Но мы своего добьемся!» — уверял Гитлер и свое окружение, и генералов вермахта. «Достаточно будет осуществить один-единственный прорыв на Западном фронте! Вот увидите! Американцы в панике бросятся бежать. Мы прорвемся на центральном участке и захватим Антверпен. А без этого порта они не смогут снабжать свои войска по морю. Все англо-американские армии окажутся в огромном котле. Мы возьмем сотни тысяч пленных, как в России»². Гитлер надеялся повторить «Дюнкерское чудо», хотя обстановка на фронтах войны была совершенно другая.

Замысел операции, разработанной лично Гитлером, состоял в том, чтобы, нанося удар через Арденны, прорвать оборону противника, форсировать с ходу реку Маас, двинуть танковые войска на Антверпен, отсечь от остальных сил союзников 21-ю английскую группу армий и часть американских войск к северу от Арденн, затем прижать их к морю и разгромить. Для выполнения этой задачи германскому командованию удалось скрытно сосредоточить группу армий «Б» под командованием генерал-фельдмаршала В. Моделя, в которую входили 5-я и 6-я танковые армии СС и 7-й полевая армия, которые в течение двух дней обязаны были выйти на рубеж Мааса, а в течение последующих пяти дней танковые дивизии немцев должны были прорваться к Антверпену.

¹ Военно-исторический журнал, №3, 1972, с. 86.

² А. Штеер. Воспоминания. Смоленск, 1998, с. 565—566.

Со стороны союзников на 120-километровом фронте в Арденнах оборонялись четыре дивизии 1-й американской армии. Наступление немецких войск началось 16 декабря 1944 года. Все расчеты строились на внезапности удара и были далеко не беспочвенными. В расположение американских войск утром 16 декабря был направлен специальный отряд из нескольких сотен немцев, переодетых в американскую форму и говоривших на английском языке, для проведения диверсионных акций, создания дезорганизации и паники в тылу противника. Застигнутые врасплох, американские войска пришли в полное замешательство и не смогли в первые дни оказать серьезного сопротивления.

Разгромив противостоящие американские дивизии, немецкие войска к 26 декабря вклинились в оборону противника на глубину до 90 км, но дальше им продвинуться не удалось. Подвергаясь ударам союзной авиации и контрударам американско-английских войск, выдвинутых на фланги, и испытывая недостаток в горючем, немецкие части оказались не в состоянии развить первоначальный успех, и даже не смогли взять опорный пункт Бастонь, оставшийся у них в тылу. Авантюризм расчетов гитлеровского руководства стал очевиден, однако, на совещании в ставке верховного командования германских вооруженных сил было принято решение продолжать наносить внезапные удары на различных участках Западного фронта. Положение союзных войск ухудшилось, когда 1 января 1945 года 1035 немецких самолетов внезапно обрушились на 27 прифронтовых аэродромов, уничтожив и повредив за один вылет до 500 самолетов противника¹.

В ночь на 1 января 1945 года, когда все резервы и все силы, которые можно было снять с прилегающих участков фронта, союзное командование бросило в Арденны, немецкая группа армий «Г» силами восьми дивизий начала новое наступление в Эльзасе против 7-й американской армии. Нанося удары из района Битш в южном направлении на Страсбург немецкие войска 4 января продвинулись на 30 км, угрожая американцам окружением и разгромом в районе города Виссамбург, северо-восточнее Вогец. Для развития успеха в Эльзасе немецкое командование выделило еще 5 дивизий, из них две танковые. Положение утративших инициативу англо-американских войск стало настолько тревожным, что командующий 3-й армией Д. Паттон 4 января записал в своем дневнике: «Мы еще можем проиграть эту войну».

¹ Военно-исторический журнал, №3, 1972, с. 99.

Положение союзных войск на Западном фронте продолжало оставаться напряженным. Своими силами они не могли отбросить гитлеровские войска на исходные рубежи — им нужно было время, чтобы перебросить в Европу новые контингенты. Гитлер продолжал играть военно-политическую игру на двух фронтах: на Западном — он остатками своих армий вел наступление на американско-английские войска в надежде подтолкнуть союзников к любому приемлемому для его режима сепаратному миру, с другой стороны, на Восточном фронте, воспользовавшись там затишьем, он зондировал почву и с советским руководством относительно заключения любого перемирия в военных действиях, чтобы спасти Германию от полного разгрома, а главное, добиться раскола в стане союзников.

В этих условиях премьер-министр Англии У. Черчилль 6 января обратился к И.В. Сталину с просьбой начать новое крупное наступление Советской армии, чтобы заставить германское военное командование ослабить давление своих армий на Западном фронте. «На Западе, — писал он, — идут очень тяжелые бои, и в любое время от верховного командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы... я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января... Я считаю дело срочным».

На другой день Сталин сообщил Черчиллю: «Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января».¹

Советским войскам, подошедшим к границам Восточной Пруссии и готовившим наступление на Берлин, в начале ноября 1944 года была дана передышка, чтобы пополнить наступающие армии вооружением и боеприпасами, потому что им предстояло вступать в самое логово врага. Трем глав-

¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. М., 1976, с. 348—349.

ным фронтам — 1-му и 2-му Белорусским и 1-му Украинскому — предстояло разгромить группировку противника и выйти к Одеру, отсечь и уничтожить немалые силы врага в Восточной Пруссии. С XIII века на побережье Балтийского моря, между Вислой и Неманом, обосновался Тевтонский орден. Пруссия была превращена в плацдарм для осуществления широко известного «Натиска на Восток»¹. Отсюда на протяжении семи столетий одно за другим следовало вторжение на земли соседей. Здесь издревле строилась система крепостей. Они являлись исходным рубежом для нападения и спасительной стеной для обороны.

Теперь Восточная Пруссия оказалась осажденной советскими войсками с северо-востока и на ее территорию вышли войска 1-го Прибалтийского фронта генерала армии Баграмяна и 3-го Белорусского во главе с генералом армии Черняховским, а с юга, в пределах польской области Мазовии, готовились к наступлению войска маршала Рокоссовского. Но главные силы советских войск были нацелены на варшавско-берлинское направление

В начале января 1945 года стояла сухая морозная погода, сменившаяся к середине месяца дождями и мокрым снегом. Войска продолжали пополняться личным составом и вооружением и напряженно учились захватывать построенные на местности точные копии оборонительных рубежей немецких войск. Ставка внезапно потребовала ускорить подготовку войск к боям и быть готовым перейти в наступление раньше намеченного срока.

Честно выполняя свой союзнический долг, Ставка Верховного Главнокомандования передвинула срок перехода советских войск в наступление с 20 января на 12-е. Исходя из сложившейся обстановки, Ставкой была поставлена задача завершить разгром вермахта и принудить гитлеровскую Германию к безоговорочной капитуляции. Достичь этих целей советское командование намечало в одной кампании путем одновременного наступления на всем советско-германском фронте. Основные силы советских войск развертывались в полосе шириной 1200 км от Балтийского моря до Карпат. Здесь планировалось провести две крупнейшие взаимосвязанные друг с другом стратегические операции — Висло-Одерскую и Восточно-Прусскую. Главный удар предусматривалось нанести на варшавско-берлинском направлении, которое выводило советские войска кратчайшим путем в центральные районы Гер-

¹ Рорбах П. Война и германская политика. М., 1975, с. 100—101.

мании и к ее столице — Берлину. Важную роль в решении этой задачи должны были сыграть войска 1-го Белорусского фронта, которым командовал маршал Г. Жуков и 1-го Украинского фронта во главе с маршалом И. Коневым, вышедшие на Вислу и захватившие три плацдарма на ее левом берегу.

Ставкой Верховного Главнокомандования был осуществлен ряд мер по отвлечению немецко-фашистских войск с центрального направления. В частности, советские войска, продолжая активные боевые действия в конце 1944 года в Курляндии, Восточной Пруссии и Венгрии, заставили гитлеровское командование перебросить значительную часть сил и средств на фланги советско-германского фронта, особенно в Венгрию. Но главные силы гитлеровское командование держало на берлинском направлении, сосредоточив здесь в начале января 1945 года основные силы группы армий «А» в составе 4-й танковой, 9-й и 17-й полевых армий. С учетом резервов в их составе насчитывалось 31 дивизия, 560 тысяч солдат и офицеров, 5 тысяч орудий и минометов, 1220 танков и штурмовых орудий и 630 самолетов¹. Стремясь удержать в своих руках Польшу, немецко-фашистское командование создало между Вилой и Одером глубоко эшелонированную оборону: было подготовлено семь хорошо развитых в инженерном отношении оборонительных рубежей с наличием укрепрайонов на германопольской границе. Такая оборона на глубину 500 км создавалась немцами впервые.

Командование группы армий «А» и сам Гитлер считали реку Вислу серьезной преградой, на преодоление которой советские войска потратят много сил и средств, а наше наступление с плацдармов предполагалось сорвать, опираясь на хорошо подготовленную оборону перед ними. Поэтому основные силы противника были сосредоточены на первом вислинском рубеже, где в главной полосе находилось до 60 процентов всех войск. Считая, что наиболее мощные удары советские войска нанесут с занимаемых ими плацдармов навстречу друг другу с целью ликвидации выступа фронта в районе Радома, командование группой армий «А» расположило четыре танковые и две моторизованные дивизии, свои оперативные резервы, также ближе к вислинскому оборонительному рубежу в районе этого выступа. Удерживать последующие оборонительные рубежи немцы намеревались силами отходящих войск и перебрасываемых из глубины резервов.

¹ Военно-исторический журнал, №2, 1970, с. 17

Чтобы сломить сопротивление противника, Ставка выделила фронтам крупные силы. Необходимо подчеркнуть большую их насыщенность танками и самоходными орудиями, а также артиллерийскими корпусами и дивизиями прорыва, обладавшими большой огневой мощью. Соотношение сил перед началом операции было: по личному составу — почти четырехкратное, шестикратное — по танкам, по авиации — восьмикратное. Кроме этого, во фронтах имелось 2 198 реактивных установок и 3 552 зенитных орудия¹.

Замысел Висло-Одерской операции предусматривал нанесение мощных фронтальных ударов с завоеванных плацдармов, за которым следовало рассечение стратегического фронта противника в Польше на всю глубину от Вислы до Одера на отдельные изолированные друг от друга части. Войска маршала Г. Жукова должны были нанести три удара: главный — с магншевского плацдарма четырьмя общевойсковыми, двумя танковыми армиями и кавалерийским корпусом в направлении на Кутно, второй — с пулавского плацдарма двумя общевойсковыми армиями, усиленными двумя отдельными танковыми корпусами и одним кавалерийским корпусом в общем направлении на Лодзь и вспомогательный — из района севернее Варшавы одной 47-й армией, которая должна была тесно взаимодействовать с 1-й армией Войска Польского. 1-я армия Войска Польского должна была, используя успех советских армий севернее и южнее Варшавы, перейти в наступление на четвертый день операции и совместно с советскими войсками освободить столицу своей родины.

1-й Украинский фронт по замыслу маршала И. Конева должен был нанести один мощный удар силами семи общевойсковых и двух танковых армий, а также трех отдельных танковых корпусов с сандомирского плацдарма в направлении на Радомско и Бреславль. Одновременно усилия двух фронтов направлялись на разгром кельце-радомской группировки противника, оборонявшейся на их стыке, что являлось высшей формой взаимодействия наступающих войск. Особое внимание при планировании и подготовке Висло-Одерской операции Ставкой и командующими фронтами было уделено освобождению Варшавы, Кракова и Силезского промышленного района. Уточняя задачу фронтам Сталин, очертив карандашом Силезский район и, глядя на маршала И. Конева, произнес одно слово — «золото», подчеркивая его важное значение для будущего развития Польши.

¹ Военная мысль, №1, 1975, с. 84.

Как показал весь опыт войны, одной из труднейших задач всегда является прорыв сильно укрепленной тактической зоны обороны противника. При планировании и подготовке операции этому уделялось особое внимание. Для успешного ведения прорыва было осуществлено решительное массирование сил и средств на направлении главных ударов. 1-й Белорусский фронт прорывал оборону на трех участках общей протяженностью в 34 км, а 1-й Украинский — на одном участке шириной в 39 км, что составляло 15 процентов всей линии фронта. Искусным массированием сил и средств на участках прорыва было достигнуто 9—10-кратное превосходство над противником по пехоте, артиллерии и танкам.

Быстрый и безостановочный прорыв обороны обеспечивался ее надежным поражением и действиями значительной массы танков непосредственной поддержки пехоты. Плотность этих средств на участках прорыва составляла: 230—250 орудий и минометов, 20—25 танков на 1 км фронта. Наиболее тесное взаимодействие пехоты и танков достигалось путем подчинения стрелковым батальонам подразделений танковых, самоходно-артиллерийских полков и бригад на все время прорыва. Следует подчеркнуть, что удар стрелковых дивизий в первый же день наступления был поддержан всеми танковыми корпусами, подчиненными общевойсковым армиям, а в 1-м Украинском фронте — и обеими танковыми армиями.

Наращивание усилий войск в ходе операции осуществлялось за счет мощных подвижных групп, вторых оперативных эшелонов и резервов. На 1-м Белорусском фронте подвижную группу составляли 1-я и 2-я гвардейские танковые армии, второй эшелон — 3-я ударная общевойсковая армия и в резерве — два кавалерийских корпуса; на 1-м Украинском фронте в подвижную группу входили 3-я гвардейская и 4-я танковые армии, во втором эшелоне — две общевойсковые армии, один механизированный и один кавалерийский корпуса. Для противовоздушной обороны фронты имели 2303 истребителя, которые безраздельно господствовали в воздухе, а также 26 зенитно-артиллерийских дивизий. Немцы должны были испытать то, что испытали русские 22 июня 1941 года: подавляющее превосходство советских войск в танках и авиации и, главное, что чувствовалось, так это превосходство духа и полная уверенность командиров всех рангов и солдат в победе над врагом.

При подготовке операции важное место занимали вопросы достижения внезапности. Противник, безусловно, ждал наступления советских войск, но командующие фронтами суме-

ли ввести немцев в заблуждение относительно места и времени нанесения главных ударов. С этой целью на 1-м Белорусском фронте имитировался отвод войск с вислинских плацдармов, чтобы у противника создавалось впечатление о переходе советских войск к длительной обороне, а на 1-м Украинском проводились ложные сосредоточения войск на левом фланге. Сосредоточение и перегруппировки войск, а также все работы по инженерному оборудованию плацдармов осуществлялись только ночью. Разведку боем планировалось провести не как обычно за день до начала операции, а на рассвете в день наступления. Все эти меры позволили советскому командованию добиться тактической внезапности наступления.

Напряжение, с каким готовились войска к наступлению, подкреплялось поставками войскам боевой техники и материальных средств. Достаточно сказать, что только по железным дорогам в период подготовки операции во фронты был доставлен 2551 эшелон, или 133 085 вагонов с воинскими грузами¹. Наличие такого крупного водного рубежа, как Висла, потребовало создание перевалочных баз и приближения материальных средств к войскам. Большая часть их была передана в войска и сосредоточена на плацдармах. До 2,5 боекомплекта находилось на огневых позициях. Медицинские учреждения были приближены к линии фронта.

Войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление 12 января, а войска 1-го Белорусского фронта — на два дня позже — 14 января. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, наступление развивалось успешно. Противостоящие соединения противника были разгромлены, а их остатки вынуждены были отходить. Намерение немецко-фашистского командования удержать рубеж на Висле потерпело полный провал. Как пишет бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх, «удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего наступления вообще не удалось использовать их согласно плану»².

Преследование противника осуществлялось на широком фронте. Главную роль в нем играли подвижные соединения,

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т.5. М., 1963, с. 64.

² К. Типпельскирх. История Второй мировой войны. М., 1956, с. 508.

которые как бы вели за собой общевойсковые армии. С вводом в сражение и выходом на оперативный простор, танковые армии и корпуса развивали наступление с полным напряжением сил, днем и ночью. Сильными и стремительными ударами они дробили вражеский фронт, выходили на коммуникации противника, захватывали переправы и узлы дорог, дезорганизовывали управление войсками. Отходившие вражеские соединения и части и их штабы не могли закрепляться на подготовленных рубежах обороны в тылу своего фронта, так как туда раньше подходили советские танковые части, срывая всякие попытки немцев выстроить там оборону.

Освобождение Варшавы велось несколькими фронтами под руководством Ставки, четко отслеживавшей все события на советско-германском фронте, и связывавшей их действия в единое целое, и поддерживающее их всеми видами резервов и материальными средствами. С севера войска 2-го Белорусского фронта маршала К. Рокоссовского и 3-го Белорусского фронта генерала армии И. Черняховского, решая общую задачу по уничтожению восточно-прусской группировки немцев, умело содействовали 1-му Белорусскому фронту маршала Г. Жукова в разгроме варшавской группировки противника. Для этого во взаимодействии друг с другом войска обеих фронтов очистили междуречье Вислы и Западного Буга севернее Варшавы. Кроме того, часть сил левого крыла фронта К. Рокоссовского нанесла удар в обход Модлина с запада, и не допустила отхода варшавской группировки противника за реку Висла¹.

Маршал Г. Жуков направил в обход Варшавы с севера одну общевойсковую армию, а после прорыва магнусhevского плацдарма южнее польской столицы бросил два танковых корпуса, зажав немцев в стальные тиски. 1-я армия Войска Польского, находившаяся в составе 1-го Белорусского фронта, не привлекалась для прорыва вислинского рубежа обороны, а имела задачу, используя успех советских армий южнее и севернее Варшавы, перейти в наступление на четвертый день операции и совместно с советскими войсками освободить Варшаву. В ночь на 17 января ее главные силы, переправившись через Вислу в полосе 61-й армии, подошли к городу с юга. Утром, при поддержке авиации, они одновременно с частями 61-й и 47-й советских армий завязали бои на улицах Варшавы. К полудню были ликвидированы остатки вражеских войск, и многострадальная столица Польши была освобождена².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, л. 277—280

² Там же, л. 279—280

Освобожденный город был мертв. «Клубы дыма окутывали остовы разрушенных зданий... — вспоминал командующий 1-й армии Войска Польского генерал С.Г. Поплавский. — Удручающей была картина зверски разрушенной фашистами красавицы Варшавы»¹. Оккупанты уничтожили и разграбили богатейшие исторические, архитектурные памятники и культурные центры города. Они взорвали собор Святого Яна — самый большой в столице, разрушили Королевский дворец, театр оперы и балета, сожгли библиотеки, насчитывающие тысячи польских и иностранных рукописей, старых печатных фолиантов, карт и атласов. К моменту освобождения в городе оставалось всего 162 тысячи человек, тогда как в конце 1939 года в нем проживало 1 млн. 310 тыс.².

В освобожденную Варшаву стали возвращаться оставшиеся в живых жители. С помощью советских войск и армии Войска Польского и при активной помощи населения город оживал: велась очистка города от мин, завалов, восстанавливались коммуникации и коммунальное хозяйство. Учитывая тяжелое положение жителей Варшавы, Советское правительство безвозмездно выделило значительное количество продовольствия, в том числе 60 тыс. тонн хлеба и медикаментов, и оказало материально-техническую помощь в восстановлении польской столицы.

Вслед за Варшавой войска 1-го Украинского фронта приступила к освобождению Кракова. Эту древнюю столицу Польши должен был освобождать 4-й Украинский фронт, которым командовал генерал армии И. Петров, но после того, как Ставка заметила замедление темпов наступления этого фронта, она потребовала от 1-го Украинского фронта для обеспечения своей главной группировки нанести удар силами двух армий и одного танкового корпуса по левому берегу Вислы в общем направлении на Краков и при благоприятных условиях овладеть городом. Для маршала И. Конева в конце войны не было невыполнимых задач — он был в расцвете своего полководческого таланта и пользовался непререкаемым авторитетом у Сталина. Командующий знал, что немцы приготовили Краков к полному разрушению и Конев лично возглавил группировку войск, на которую выпала задача по спасению этого старинного польского города. По его приказанию над городом были разбросаны листовки, в которых прозвучало поименное суровое предупреждение гитлеровским генералам, если они

¹ Военно-исторический журнал, № 1, 1965, с. 53.

² История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 10. М., 1979, с.74—75.

вздумают разрушить город. Благодаря стремительным действиям войск фронта, а также помощи советских разведчиков и польских подпольщиков, немцам не удалось осуществить свой варварский замысел. 19 января 59-я и 60-я армии 1-го Украинского фронта в результате умелого обходного маневра в сочетании с фронтальной атакой освободили крупный политический и культурный центр Польши — Краков. Благодарные поляки в центре Кракова в пятидесятых годах XX века установили памятник маршалу И. Коневу в знак признания его заслуг в спасении города, но нынешнее поколение, подталкиваемое недружелюбием польского правительства к России и к русским людям, убрало его на задворки, проявив неблагодарность к его памяти и к памяти всех тех людей, кто спасал город Краков от уничтожения.

Освобождение Кракова открыло путь в Верхнюю Силезию. Маршал И. Конев помнил слова Сталина о том, что Силезский промышленный район представляет собой «золотой клад», и сделал все возможное, что было в его силах как командующего фронтом, чтобы выдворить из него немецко-фашистские войска и уберечь его в целости и сохранности. Силезский промышленный район по выпуску продукции занимал после Рура второе место в Германии и для его удержания гитлеровское командование подтягивало остатки разбитых частей и соединений 4-й и 17-й армий, а также резервные пехотные дивизии.

В этой обстановке маршал И. Конев принимает смелое и единственно правильное решение: «Глубоко обходить Силезский промышленный район танковыми соединениями, а затем во взаимодействии с общевойсковыми армиями, наступающих на Силезию с севера, востока и юга, заставить гитлеровцев под угрозой окружения выйти в открытое поле и там их разгромить»¹. Три атакующие армии фронта, охватившие Силезию с трех сторон, явили немцам такую мощную силу, что они вынуждены были спастись бегством по предоставленному им коридору, в конце которого их ждал неминуемый разгром. К 29 января весь Силезский промышленный район был очищен от противника и захвачен целым и неразрушенным. Многие предприятия были на полном ходу и продолжали работать, не останавливая производственного процесса.

В последующем наступление развивалось еще более стремительными темпами. Преследуя отходящего врага, войска двух фронтов 19-го и 26 января пересекли старую польскую

¹ И.С. Конев. Записки командующего фронтом. М., 1981, с. 353.

границу и продолжали продвижение по территории фашистской Германии. К концу месяца они вышли к Одеру, форсировали его и захватили плацдармы на западном берегу. Были окружены крупные гарнизоны в Познани и Шнайдемюле, советские войска оказались в 60 км от Берлина.

С выходом советских войск на Одер и захватом плацдармов 3 февраля 1945 года Висло-Одерская операция была успешно завершена. Как важнейшая составная часть единого сокрушительного удара, нанесенного советскими вооруженными силами зимой 1945 года, она сыграла исключительно важную роль в окончательном разгроме военной машины гитлеровской Германии. Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов к началу февраля освободили от фашистских захватчиков почти всю территорию Польши, вышли в центральные районы Германии и на ближайшие подступы к Берлину. Всего 23 дня потребовалось, чтобы продвинуться на глубину до 500 км. Средний темп наступления достигал 25 км в сутки. За это время 35 дивизий противника были уничтожены, 25 — потеряли от 50 до 70 процентов своего состава. Советские войска захватили большое количество боевой техники.

Чтобы спасти положение и продлить агонию Третьего рейха, гитлеровское командование перебросило крупные силы с других участков и из Германии, создало на фланге 1-го Белорусского фронта группу армий «Висла» и прекратило наступление в Арденнах. Не словами, а конкретными делами Советское правительство помогло своим союзникам.

Советские войска вышли на восточный берег рек Одер и Нейсе в полосе от Балтийского моря до Герлица. Они находились в 60 км от Берлина, заняв выгодные исходные рубежи для завершающего удара по берлинской группировке врага. Овладев Верхней Силезией и районом Вены, наши войска глубоко охватили крупную вражескую группировку в Чехословакии и изготовились для наступления в глубь Австрии и в южные районы Германии.

Одновременно с Висло-Одерской операцией проводилась Восточно-Прусская операция войсками 2-го и 3-го Белорусских фронтов, которыми командовали маршал К. Рокоссовский и генерал армии И. Черняховский.

Восточная Пруссия являлась оплотом прусской военщины и конкеров, укрепленным плацдармом для ведения захватнических войн на Востоке, прежде всего против Советского Союза. Географическое положение Восточной Пруссии было выгодным и для нанесения фланговых ударов по нашим войскам, наступавшим в направлении Варшавы, Берлина. Поэто-

му зимнее наступление Советской армии в 1945 году на главном стратегическом направлении было бы крайне затруднено, если бы не обеспечивалось одновременным ударом по восточно-прусской группировке врага.

Советские войска еще в июле 1944 года на ряде участков вторглись в Восточную Пруссию, захватив на западном берегу реки Нарев два плацдарма — в районах Рожаны и Сероцк и сейчас они были использованы для развития наступления.

Гитлеровское командование, стремясь во что бы то ни стало удержать Восточную Пруссию в своих руках, сосредоточило здесь в начале 1945 года крупную группировку войск в составе 2-й и 4-й полевых и 3-й танковой армий, насчитывавших до 38 дивизий и много специальных частей общей численностью свыше полумиллиона человек. Заблаговременно созданные укрепленные рубежи опоясывали территорию Восточной Пруссии и прилегающую часть Северной Польши многочисленными сплошными линиями траншей. Полевые и долговременные сооружения сочетались с модернизированными крепостями. Наиболее важными укреплениями были: приграничная укрепленная полоса, Летценский, Хайльсбергский и Млавский укрепленные районы, крепости Кенигсберг, Пиллау, Модлин, Торунь. Между этими укреплениями были оборудованы позиции полевого типа, которые получили особое развитие на направлении Гумбинен, Инстербург, Кенигсберг¹.

Перед войсками 2-го и 3-го Белорусских фронтов Верховным Главнокомандующим была поставлена следующая задача: отрезать восточно-прусскую группировку от центральных районов Германии, осуществить ее окружение в стратегическом масштабе, раздробить на изолированные друг от друга группы и уничтожить их по частям. 3-й Белорусский фронт должен был разгромить тильзитско-инстербургскую группировку противника, развивая в дальнейшем наступление на Кенигсберг. 2-му Белорусскому фронту было приказано провести операцию с целью разгрома пшеаснышко-млавской группировки противника, наступая в дальнейшем на Мариенбург.

Как и на берлинском направлении, наступление пришлось начать ранее намеченного срока — 20 января, поскольку приходилось спасать американско-английские войска в Арденнах от грозившей им катастрофы. Утром 13 января после мощной артиллерийской подготовки началось наступление войска 3-го Белорусского фронта, а на следующий день перешел в наступление и 2-й Белорусский фронт.

¹ Военный вестник, №1, с. 38.

Войсками обоих фронтов была проведена всесторонняя подготовка предстоящих операций. Боевая подготовка проводилась на специально оборудованных учебных полях, в условиях, максимально приближенных к боевой действительности. Все войска, когда не была боев, напряженно учились военному делу по 14—16 часов в сутки, и бойцы нередко шутили, что в бою им бывает легче, чем на тактических занятиях, на которых отрабатывались вопросы прорыва обороны противника с преодолением речных преград, наступления ночью, ведения боя в траншеях и ходах сообщения и штурма укрепленно-района.

Не без тяжелых и кровопролитных боев оборона врага через несколько дней был прорвана, и в образовавшиеся бреши командующие фронтами ввели подвижные войска, которые развили тактический успех в оперативный. К началу февраля под сокрушительными ударами двух фронтов вся восточно-прусская группировка врага была разъединена на три разобщенные друг от друга группы: земландскую — в составе 4 пехотных дивизий и 2 отдельных полков, оборонявшихся в западной части Земландского полуострова; кенигсбергскую — в составе 4 пехотных и 1 танковой дивизии, 3 крепостных полков и 6 отдельных батальонов «фольксштурма», оборонявшихся в районе крепости Кенигсберг; хайльсбергскую, находившуюся юго-западнее и южнее Кенигсберга и включавшую в себя основное ядро (до 20 дивизий) всей восточно-прусской группировки. Здесь, при ликвидации этой группировки фашистских войск, погиб командующий фронтом генерал армии И. Черняховский. Это был самый молодой полководец Великой Отечественной войны, замеченный Ставкой в первые же дни войны, и Верховный Главнокомандующий смело доверял ему проведение крупных наступательных операций на советско-германском фронте. В нем сочеталось обаяние молодости с бесстрашием и риском старого бойца, превосходно знавшего солдатский труд и не брезговавшего подчеркивать в себе эту черту. Его учителем и наставником был маршал А. Василевский, прививший ему любовь к глубокому анализу обстановки, к всесторонне взвешенным решениям, победоносные атаки которого никогда не могли отразить гитлеровские генералы. Повинуясь светлой памяти И. Черняховского и долгу довести блестяще начатую Восточно-Прусскую операцию до победного конца, маршал А. Василевский попросился у Сталина возглавить войска 3-го Белорусского фронта, и такое согласие Верховного было сразу дано. Это было тем более важно, что главные усилия 2-го Белорусского фронта были направлены на проведение Восточно-Померанской операции.

В феврале и марте шли ожесточенные бои по ликвидации 3-м Белорусским фронтом хайльсбергской группировки, которую фашистское командование во что бы то ни стало пыталось спасти. Борьба осложнялась тем, что противник опирался на заблаговременно созданный сильный Хайльсбергский укрепленный район, а наступившая распутица усложняла снабжение войск. Но, несмотря на все трудности, к 29 марта эта крупная группировка врага была уничтожена.

С уничтожением хайльсбергской группировки усилия 3-го Белорусского фронта были сконцентрированы на овладении крепостью Кенигсберг. Штурм крепости начался 6 апреля после мощной артиллерийской подготовки, а через три дня гарнизон Кенигсберга капитулировал. Это была внушительная победа. Пал оплот прусского могущества, откуда в течение первой половины XX века было развязано две мировых войны и где были истоки милитаризма и реваншизма.

Вслед за разгромом кенигсбергской группировки к концу апреля была ликвидирована и земландская группа немецко-фашистских войск. Успех Восточно-Прусской и Померанской операций, лишивший противника значительной части побережья Балтийского моря, позволил нашему военно-морскому флоту проводить эффективную блокаду с моря курляндской группировки немецко-фашистских войск, лишив ее всякой возможности эвакуироваться в Германию.

В итоге Восточно-Прусской операции была ликвидирована большая стратегическая группировка немецко-фашистских войск, что приблизило сроки окончательного разгрома фашистской Германии, и благоприятно повлияло на ход боевых действий советских войск на главном берлинском стратегическом направлении.

Фашистская Германия оказалась накануне политического и военного краха, однако у нее еще оставались крупные силы для обороны Берлина. На советско-германский фронт и оборону Берлина Гитлер приказал стягивать все оставшиеся военные резервы. Из 325 дивизий против Советской армии действовало 195 (из них 32 танковых и 13 моторизованных), а против англо-американских войск на западе — лишь 70, в том числе 4 танковые и 3 моторизованные.

Проведение советскими войсками блестящей Висло-Одерской операции совпало с Крымской конференцией союзников. Три союзных лидера встретились второй раз в Крыму в Ялте с 4 по 11 февраля 1945 года. На ней были определены и согласованы военные планы трех союзных держав в целях окончательного разгрома фашистской Германии и намече-

ны основные принципы общей политики в отношении послевоенной организации мира. Было определено, что в течение длительного периода времени Германия будет оккупирована войсками США, СССР и Великобританией, а также Франции. Цель — искоренение милитаризма и нацизма и создание гарантий того, что Германия никогда больше не будет нарушать мир во всем мире, а также «разоружить и распустить все германские вооруженные силы и навсегда уничтожить германский Генеральный штаб»¹. Оплот милитаризма всегда была Пруссия, и Сталин пообещал участникам конференции этот оплот разрушить до основания, что было с удовлетворением воспринято У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом.

Принципиально было решено создать Организацию Объединенных Наций (ООН) и на 25 апреля была назначена конференция Объединенных Наций для подготовки текста Устава ООН.

Значительное место было уделено польской проблеме: будущим границам Польши и составу ее правительства. Черчилль даже добился от Сталина, чтобы на конференцию в Ялту прибыли премьер-министр Миколайчик и два других члена эмигрантского правительства в Лондоне. Но все попытки Черчилля навязать Сталину свои взгляды на послевоенное устройство Польши оказались безуспешными. Сталин настоял на признании союзниками линии Керзона, с включением в нее Львова, в качестве русско-польской границы и на временном правительстве, составленном на широкой основе, с включением в его состав демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Приращение территории Польши на западе должно было произойти за счет Германии. Черчилль долгое время отказывался признавать линию Керзона в качестве послевоенной границы Советского Союза и включения в его состав города Львова. Он с неподдельным пафосом восклицал: «Но ведь Львов никогда не был русским городом!», на что Сталин ему очень спокойно отвечал: «А Варшава была».

Первоочередная цель, которую преследовал Сталин, заключалась в том, чтобы обезопасить Советский Союз от любой новой угрозе извне. Путь, на котором он предлагал добиться этого, лежал через расширение границ Советского Союза за счет включения новых территорий, которые в недалеком историческом прошлом находились под властью России, и через создание за пределами ее границ государств, как в Европе, так и в Азии, с дружественными для него режимами власти.

¹ Советская историческая энциклопедия, т. 8. М., 1965, с. 203.

Со Сталиным, после непродолжительных споров, как, правило, всегда соглашались и Рузвельт, и Черчилль. Он производил «впечатление на всех, кто сидел с ним за круглым столом или слушал его выступления, своим знанием дела, восхижительной памятью — он никогда не прибегал к бумажке и не делал пометок, — своим полемическим искусством и быстротой, с которой мог переключаться с «грубости», которую критиковал Ленин, на обаяние, которое чувствовал Черчилль, даже когда боролся с ним»¹.

В Ялте стороны договорились о линиях разграничения союзных войск при проведении завершающих операций против немецко-фашистских войск на территории Германии, и зонах своих действий: куда могли заходить войска той или иной страны, а куда нет. Конференция закончилась 11 февраля, а в ночь с 12 на 13 февраля англо-американская бомбардировочная авиация в пух и прах разбомбила Дрезден, который входил в зону действий советских войск. Союзное командование решило показать Советскому Союзу мощь своей авиации. Вскоре американцы уничтожили три моста через Эльбу, чтобы сдержать наступление советских войск на запад, и подвергли разрушению все крупные промышленные объекты в Чехии и Словакии, чтобы они не достались русским, что заставило Сталина по дипломатической и военной линии предупредить англо-американское командование, что такие полеты союзной авиации будут решительно пресекаться советской авиацией. Предупреждение подействовало, а последовавшее мощное наступление советских войск в Висло-Одерской операции продемонстрировало англо-американскому командованию огромную силу сухопутных войск Советской армии, с которой нельзя было не считаться.

Конференция проходила под аккорды могучей поступи советских фронтов, громивших остатки хваленной и непобедимой армии фашистской Германии, и под руководством Сталина Советская Россия шла навстречу величайшей в русской истории победе, затмевающей все победы Наполеона, и две самые могущественные в мировой политике фигуры — Рузвельт и Черчилль — считали за честь быть рядом с этим великим человеком и обсуждать с ним насущные вопросы мировой политики.

Идя навстречу просьбе президента США Рузвельта, Советское правительство взяло на себя обязательство вступить в

¹ А. Буллок. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Т. II. Смоленск, 1998, с. 537—538.

войну против Японии через 2—3 месяца после окончания войны с Германией. Сталин настоял, чтобы в соглашении было предусмотрено, что по окончании войны СССР будут возвращены южная часть о. Сахалина и все прилегающие к нему острова, а также Курильские острова. Вся политическая воля союзников и их огромная военная сила по окончании этой конференции была направлена на скорейшее окончание войны и овладение столицей фашистской Германии — Берлином, откуда были развязаны Первая и Вторая мировые войны.

Первые планы овладения германской столицей появились на картах Генерального штаба Красной Армии осенью 1944 года. Генеральный штаб предполагал завершающую кампанию против Германии провести в два этапа. На первом этапе, продолжительностью пятнадцать дней, советские войска должны были разгромить противника в Восточной Пруссии, Польше, Чехословакии, Венгрии и Австрии. На втором этапе, продолжительностью тридцать дней, Красная Армия должна была овладеть Берлином и Прагой, и, соединившись с войсками союзников, завершить полный разгром фашистской Германии¹.

Сам ход боевых действий не подтвердил этих прогнозов. Наступление в Восточной Пруссии было тяжелым и кровопролитным. Между войсками, наступавшими на приморском и варшавско-берлинском направлениях, образовался большой разрыв, без ликвидации которого наступление не могло идти успешно. Медленнее, чем ожидалось, шло наступление в Карпатах.

Успешнее других действовали войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, которыми командовали маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и И.С. Конев. Стремительными ударами они разгромили противника в Польше, вторглись в пределы Германии и к концу января вышли на Одер — последнюю крупную водную преграду на подступах к Берлину.

26 января Г.К. Жуков направил И. Сталину свои соображения о дальнейших действиях своего фронта, где главной целью ставилось форсирование Одера и организация наступления на Берлин. Сроков овладения столицей Германии Г.К. Жуков в Москву не сообщал, но, определяя подчиненным задачи и цели, он дал им предварительную ориентировку — «15—16 февраля взять Берлин»². Однако эти планы, которые настойчиво пытался осуществить маршал Г.К. Жуков, нельзя было осуществить в намеченные сроки, так как войска 2-го Бело-

¹ Шметко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1985. Кн. 1. С. 350—353.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 2, с. 305.

русского фронта, которыми командовал маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, увязли в тяжелых боях в Померании. Там буквально каждый город и даже маленький поселок немцами был превращен в крепость, взять которую можно было при наличии большого количества тяжелой артиллерии.

Одно время, по завершению Белорусской операции, маршалы Г. Жуков и А. Василевский намечали сразу начать подготовку к наступлению по овладению Восточной Пруссией, на что Сталин им возразил: «Немцы будут до последнего драться за Восточную Пруссию. Мы можем там застрять. Надо в первую очередь освободить Львовскую область и восточную часть Польши»¹. Сейчас предвидение Верховного Главнокомандующего сбывалось и это накладывало свой отпечаток на ход всей завершающей Берлинской операции.

Советскому командованию стало известно, что противник спешно перебрасывает свои войска на берлинское направление и готовит крупное контрнаступление с Померанского и Силезского плацдармов по ослабленным, открытым флангам войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Необходимо было выделить значительные силы и средства для обеспечения этих флангов и парирования возможных ударов врага. Обстановка заставила советское командование провести новые операции по разгрому вражеских группировок в Восточной Померании, Нижней и Верхней Силезии с тем, чтобы обезопасить фланги и обеспечить благоприятные условия для нанесения последнего решающего удара по Берлину.

Все это заставило Советское Верховное Главнокомандование «временно отложить непосредственное наступление на Берлин, не проводить его с ходу, как это мыслилось ранее, а перенести завершающий штурм столицы фашистской Германии на более поздние сроки»². При этом взятие Берлина оставалось важнейшей целью советского командования на протяжении всей заключительной кампании Великой Отечественной войны в Европе.

Согласовав сложившуюся обстановку со Сталиным, Г.К. Жуков повернул свои основные силы на север. К концу марта войска 2-го и 1-го Белорусских фронтов и часть сил Балтийского флота разгромили противника в Восточной Померании и, выйдя в низовье Одера, создали все условия для продолжения наступления на берлинском направлении.

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 3, с. 146

² Ф.Д. Воробьев, И.В. Поротькин, А.Н. Шиманский. Последний штурм. (Берлинская операция 1945 г.) М., 1970, с. 44.

Все операции советских войск были тесно скоординированы с действиями западных союзников, чему способствовала только что прошедшая Крымская конференция. Форсировав Рейн и окружив 1 апреля крупные силы немцев в районе Рура, англо-американские войска развивали наступление к Эльбе. Верховный главнокомандующий силами союзников в Европе генерал Д. Эйзенхауэр 28 марта направил И.В. Сталину через военную миссию в Москве послание, в котором он сообщил план дальнейших действий своих войск. Он намеревался сконцентрировать основные усилия своих войск вдоль оси Эрфурт — Лейпциг — Дрезден, где предлагал встретиться с советскими войсками и просил сообщить основные задачи советских войск и направлении их действий. Сталин знал о потаенных настроениях западных политиков с помощью англо-американских армий овладеть Берлином раньше советских войск и потому в ответе Эйзенхауэру он дал неточную информацию относительно направления главного удара и времени начала наступления советских войск¹.

Советские вооруженные силы к апрелю 1945 года имели самую высокую за все время войны техническую оснащенность. По сравнению с началом 1944 года она увеличилась по автоматическому оружию на 23,6%, зенитным орудиям — на 54%, танкам и САУ — на 41,1%, боевым самолетам — на 209%, по автомашинам — на 72%². Советское Верховное Главнокомандование, прочно державшее в своих руках стратегическую инициативу и диктовавшее волю противнику, имело все необходимые силы и средства для осуществления мощного завершающего удара по врагу.

Германское верховное командование, ожидая главного удара советских войск на берлинском направлении, в конце марта — начале апреля спешно приступило к всесторонней подготовке решающих сражений. Почти все танковые и моторизованные дивизии были выведены с первой линии во второй эшелон, где доукомплектовывались личным составом и материальной частью. Создавались резервы, формировался фольксштурм, группы армий «Висла» и «Центр» усиливались за счет расформирования всех запасных частей, военных училищ и высших военно-учебных заведений. На берлинском направлении немцами была создана мощная, многополосная и глубоко эшелонированная оборона. К началу наступления

¹ Военно-исторический журнал, №3, 1995, с. 13.

² Ф.Д. Воробьев, И.В. Порогъкин, А.Н. Шиманский. Последний штурм. (Берлинская операция 1945 г.) М., 1970, с. 13

советских войск между Одером и Берлином был подготовлен одерско-нейсенский оборонительный рубеж (три полосы глубиной в 20—40 км каждая) и Берлинский оборонительный район (три оборонительных обвода и сам город). Общая глубина вражеской обороны на берлинском направлении достигала 100 км. До каждого солдата вермахта и жителей Берлина был доведен приказ Гитлера о «выжженной земле», который обязывал войска и население «оборонять столицу до последнего человека и до последнего патрона»¹.

Руководители фашистской Германии и верховное командование немецких войск, выдвинув провокационный лозунг «лучше сдать Берлин союзникам, чем пустить в него русских» приняли решение прекратить фактически сопротивление англо-американским войскам, но любой ценой удерживать Восточный фронт, оборонять Берлин и сражаться, даже если американцы будут стрелять в спину².

Таким образом, сущность стратегического замысла гитлеровского командования сводился к тому, чтобы любой ценой выстоять на Востоке, сдержать наступление Красной Армии, попытаться войти в сделку с США и Англией и тем самым избежать безоговорочной капитуляции.

В этот период велась напряженная дипломатическая борьба по спасению нацистского режима в Германии. Гитлер и его ближайшее окружение надеялись расколоть фронт союзников, нацеленных на взятие Берлина, связывая свои надежды с закулисными играми английского правительства с отдельными представителями Третьего рейха. В истории Пруссии, во время правления короля Фридриха Великого, были не менее трудные и опасные периоды крушения его режима и государства в развязанной им Семилетней войне, но «чудесная» сила, в лице английского правительства, спасала тогда Пруссию от поражения и полного развала. Гитлер, поклонявшийся Фридриху Великому, неистово верил в исторические повторения великих событий, и убеждал себя и свое окружение, что их режим будет спасен. Люди Гитлера, Геринга и Гиммлера перед крушением Третьего рейха искали дипломатические контакты с видными представителями Великобритании и США, предлагая им добровольно сложить оружие на западе в обмен на усиление их сопротивления на Восточном фронте, пугая Запад в противном случае большевизацией Европы и распро-

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!» М., 1967, с. 572—575.

² Ф.Д. Воробьев, И.В. Поротькин, А.Н. Шиманский. Последний штурм. (Берлинская операция 1945 г.) М., 1970, с. 21.

странением коммунизма на континенте. Это были не праздные мечтания, и если бы на тот исторический период во главе США был не президент Ф. Рузвельт, а другой, более консервативный и воинственный человек, каким был его преемник Трумэн, нацистский режим в Германии мог и выжить.

Для такого видения событий были все основания. 1 апреля премьер-министр Великобритании У. Черчилль писал президенту США Ф.Д. Рузвельту: «Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создаться ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германию как можно дальше на восток, и в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять»¹. У. Черчилль, следуя вековой традиции Англии, не допускавшей возвеличивания какой-либо державы на Европейском континенте, уже думал над тем, как подорвать мощь Советского Союза, становившегося в результате победы над фашистской Германией первой державой в Европе, и второй в мире, и готовил для этого почву. В описываемые дни командующий британскими вооруженными силами в Европе фельдмаршал Монтгомери получил секретную директиву от Черчилля: «Тщательно собирать германское оружие и боевую технику и складывать ее, чтобы легко можно было снова раздать это вооружение германским частям, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось»².

Еще идут тяжелые бои на берлинском направлении, а Черчилль записывает в своем дневнике программу дальнейших действий английского правительства на будущее: «Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира» и намечает меры по ее сдерживанию. Необходимо, пишет он, «немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения», причем, «этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток». Влияние Британии и США, по мнению английского премьера, должны были обеспечить: взятие Берлина именно англо-американской армией, к чему следовало стремиться как к главной цели на заключительном этапе войны; освобождение Чехословакии американцами и

¹ Советская Россия. 25 марта 2010 г.

² Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 3. 10-е изд. М., 1990, с. 311.

вступление их войск в Прагу; управление Австрией западными державами, по крайней мере, на равной основе с Советским Союзом¹. А буквально в день победы, пробираясь сквозь толпы ликующих лондонцев, Черчилль, по его собственному признанию, был обуреваем одним чувством — опасением за будущее: «В моих глазах советская угроза уже заменила собой нацистского врага»².

Рурская группировка немцев 14 апреля была разрезана армиями союзников на две части и командующий окруженными войсками генерал-фельдмаршал Модель отдал приказ прекратить сопротивление, но вмешавшиеся в этот процесс карательные силы гестапо, по распоряжению Гимmlера, этот приказ отменили, а Моделя заставили, как и фельдмаршала Роммеля, покончить жизнь самоубийством. Западный фронт перестал существовать, но главные его силы были брошены на помощь Берлину.

Завершив уничтожение окруженной в Руре немецкой группировки, англо-американские войска основными силами продолжали наступление на восток и 11 апреля их передовые части вышли к Эльбе в районе Магдебурга, от которого до Берлина оставалось около 120 км. И У. Черчилль опять настойчиво просит президента США Ф. Рузвельта взять столицу Германии раньше русских. Эти пожелания не соответствовали возможностям англо-американских войск, о которых генерал Д. Эйзенхауэр доносил в Вашингтон: «...было бы глупо предпринимать немедленные действия против Берлина... Хотя верно то, что мы захватили небольшой плацдарм за Эльбой, однако следует помнить, что на эту реку вышли только передовые части; основные же силы находятся далеко позади»³.

Безупречная советская разведка, доискивающаяся до самых глубоких правительственных тайн западных стран, своевременно сообщила Сталину о тайных переговорах представителей нацистского режима с дипломатами и разведчиками США и Англии в Берне, способных взорвать согласие союзников на завершающем этапе разгрома Германии. 3 апреля глава советского государства, разуверившись в искренности англичан, утверждавших, что такие переговоры не ведутся, обратился с посланием к Рузвельту, в котором писал: «Мне непонятно... молчание англичан, которые предоставили Вам переписку по этому неприятному вопросу, а сами продолжают молчать, хотя

¹ Итоги Второй мировой. Покушение на великую победу. М., 2005, с. 205.

² Черчилль У. Триумф и трагедия. М., 2004, с. 322.

³ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 10. М., 1979, с. 258.

известно, что инициатива во всей этой истории с переговорами в Берне принадлежит англичанам». Ставя так резко вопрос, Сталин давал понять, что, нарушая союзнические обязательства в Европе и идя на контакты с представителями Гитлера, Соединенные Штаты ставили под угрозу выполнение союзнических обязательств, взятых СССР в Ялте об участии в военных действиях против Японии. Ведь этого Рузвельт добивался от СССР с конца 1941 года.

Сталин достиг своей цели. США прервали переговоры с представителями немецкого военного командования, а 13 апреля в своем ответном послании Рузвельт благодарил Сталина за «искреннее пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошел в прошлое, не принеся какой-либо пользы». Одновременно Рузвельт выражал надежду на то, что в будущем «не должно быть взаимного недоверия, и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать». Он выражал уверенность, что «когда наши армии установят контакт в Германии и объединятся в полностью координированном наступлении, нацистские армии распадутся»¹.

В тот же день в Москву пришла весть о кончине Рузвельта, погрузившая Сталина в глубокие раздумья относительно путей и способов окончания войны, и выстраивания политики с новым президентом США, которым должен был стать Г. Трумэн, о котором уже были хорошо информированы в советском правительстве, и с кем не связывали надежд на продолжение плодотворного сотрудничества и согласия. Сразу после вступления в должность президента США Трумэн издал распоряжение, что все документы, подписанные Рузвельтом, не подлежат исполнению. 23 апреля новый президент США проводит большое совещание в Белом Доме, итоги которого он завершает такими выводами: «Хватит, мы не заинтересованы больше в союзе с русскими, а стало быть, можем и не выполнять договоренностей с ними. Проблему Японии решим и без помощи русских». Он задался целью «сделать Ялтинские соглашения не существующими». Ему вторил исполняющий обязанности государственного секретаря США Дж. Грю, представивший президенту США 19 мая 1945 года меморандум, в котором заявлял, что война с Советским Союзом неизбежна. «Надо, — писал он, — чтобы американская политика по отношению к Советской России немедленно ужесточилась по всем линиям. Гораздо лучше и надежнее иметь столкновение преж-

¹ История Второй мировой войны. 1939—1945, Т. 10. М., 1979.

де, чем Россия сможет провести восстановительные работы и развить свой огромный потенциал военной, экономической и территориальной мощи»¹.

Трумэн был близок к тому, чтобы немедленно и официально объявить о разрыве всякого сотрудничества с Советским Союзом, но против этого решительно восстали военные, за исключением генерала Патона, командовавшего американскими бронетанковыми войсками в Европе. Они были крайне заинтересованы во вступлении Советского Союза в войну с Японией. Их аргументы Трумэну: если СССР не выступит на стороне США, то японцы перебросят на острова миллионную Квантунскую армию и будут сражаться с таким же фанатизмом, как это они делали при защите Окинавы. Комитет начальников штабов предупредил президента, что без помощи русской армии в войне с японцами армия США может потерять от одного до двух миллионов американских солдат. К тому же США на тот период еще не испытали атомной бомбы, и у них не было достаточных военных и морских сил, чтобы быстро завершить войну с Японией. Да и общественное мнение в самой Америке не поняло бы такого предательства. Граждане США тогда в основном сочувствовали Советскому Союзу, вынесшему на своих плечах основную тяжесть в войне с фашистской Германией. В итоге, по свидетельству очевидцев, Трумэн немного поломался, но вынужден был согласиться с доводами военных, завершив обсуждаемую проблему словами: «Хорошо, раз вы считаете, что русские должны помочь нам в войне с Японией — пусть помогают, но мы с ними на этом кончаем дружбу».

В Берлине весть о смерти Рузвельта вызвала ликование, а в логове нацистской верхушки породила угаснувшие надежды на спасение. Гитлер буквально метался по бункеру и каждому входившему приближенному возбужденно сообщал: «Я всегда говорил, что скоро совершится восьмое чудо, и мое предсказание наконец-то сбылось. Ну и кто оказался прав? Война еще далеко не проиграна... Скончался Рузвельт»². Все опять вспомнили чудодейственное спасение своего кумира — Фридриха Великого — в Семилетней войне, когда вслед за смертью царицы Елизаветы русская армия, после большой победы при Кунерсдорфе и овладения Берлином, поспешно отступила в пределы России, а вступивший на престол Петр III, будучи ярым поклонником Фридриха II, прекратил войну и возвратил Прус-

¹ Итоги Второй мировой. Покушение на великую победу. М., 2005, с. 215.

² А. Шнейр. Воспоминания. Смоленск, 1998, с. 630—631.

сии завоеванные русской армией территории без всякой компенсации. В бункере рейхсканцелярии строили планы, кого и с какими полномочиями отправить как представителя Гитлера для переговоров о возможном прекращении войны на Западном фронте.

У гитлеровской верхушки вновь возникла уверенность в возможности внесения разлада в стан союзников. В первые дни после смерти американского президента такие поползновения были обозначены довольно четко, что могло вызвать резкую смену политических ориентиров в Вашингтоне и Лондоне. Талантливый Ф. Рузвельт не видел опасности в распространении социализма и коммунизма в развитых демократических странах, какими являлись США и Великобритания, и справедливо полагал, что смена политического строя в любой стране зависит не от вмешательства других государств и порождаемых ими идей, а от правящего класса страны, разложение и упадок которого всегда ведет к потрясениям и революциям.

Смерть Рузвельта и объявление Г.Трумэна президентом США вдохновила У. Черчилля на возможность изменить послевоенное европейское мироустройство, начертанное умершим президентом и Сталиным, и попробовать переписать итоги войны, отодвинув Советский Союз на задворки европейской политики, отобрав у него лавры победителя. Не таким уж далеким был опыт лишения России лавров победителя наполеоновской Франции, после блестяще проведенной политической акции по дезавуированию итогов войны, проведенное правительствами Англии и Австрии на Венском конгрессе, где они были признаны европейским сообществом главными архитекторами победы над Наполеоном.

Зная Трумэна и стоящие за ним в американском обществе реакционные силы, У. Черчилль рассчитывал на понимание со стороны правительства США его политических взглядов на послевоенное переустройство Европы, где главным врагом для «передовых демократических стран» становился Советский Союз. Определившись с направлением послевоенной политики, Черчилль в середине апреля поставил задачу объединенному штабу планирования военного кабинета разработать план военной операции по разгрому советских вооруженных сил, и был намечен срок ее начала — 1 июля 1945 года¹. Общеполитической целью планируемой операции было «навязать русским волю Соединенных Штатов и Британской империи». Во-

¹ Кульков Е., Мягков М., Ржещевский О. Война 1941—1945. Факты и документы. М., 2001, с. 268.

енная кампания должна была первоначально носить сухопутный характер, и разворачиваться в Северо-Восточной Европе и наилучшим стратегическим направлением рассматривалась территория к северу от линии Цвиккау — Хемниц — Дрезден — Герлиц. При этом предполагалось, что остальная часть фронта будет находиться в обороне. В операции предполагалось задействовать 47 английских и американских дивизий. Также рассматривалась возможность участия в операции 10—12 немецких дивизий, дополнительно оснащенных американским вооружением. Допускалось участие в войне против Советского Союза Польши, в случае переноса боевых действий на ее территорию. При этом премьер-министр Великобритании дал военным следующие исходные установки:

— операция будет проводиться в условиях ее полной поддержки общественным мнением в Британской империи и США, а, следовательно, высокого морального состояния англо-американских вооруженных сил;

— Великобритания и США получают полную поддержку вооруженных сил польского правительства в Лондоне и могут рассчитывать на использование людских резервов Германии и остатков ее промышленного потенциала;

— не следует рассчитывать на поддержку сил других союзных европейских стран, но вероятно использование их территории и ресурсов;

— надо иметь в виду возможность союза СССР с Японией.

Когда британские штабисты принялись за разработку плана, то они сразу исключили возможность выполнить поставленные цели путем проведения локальной войны. В качестве единственного средства была спланирована тотальная война, главными целями которой являлись:

1) оккупация тех районов Советского Союза, лишившись которых он утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления;

2) нанесение советским вооруженным силам решающего поражения, которое лишит СССР возможности вести войну.

22 мая британскому премьеру штабом был представлен план экстренной военной операции под кодовым наименованием «Unthinkable» («Немыслимое»), в котором были сформулированы цели операции, привлекаемые силы, направления ударов союзников и их вероятные результаты. Основная цель операции, согласно установкам Черчилля, заключалась в том, чтобы «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи»¹.

¹ Итоги Второй мировой. Покушение на великую победу. М., 2005, с. 206.

Большие пространства России, на преодоление которых была затрачена огромная сила наполеоновской и гитлеровской армий, заставила авторов нового плана нападения на русских высказать свои соображения по этой проблеме. «Практически, — говорилось в документе, — нет предела того расстояния, которое потребуется союзникам преодолеть в глубь России, чтобы сделать ее дальнейшее сопротивление невозможным. Весьма сомнительно, что союзники смогут проникнуть так глубоко и за столь короткое время, как это сделали немцы в 1942 году, не достигнув решающих результатов». Сомнения авторов плана нарастали при рассмотрении вопроса о силах сторон. Советские вооруженные силы в Европе были эквивалентны 170 дивизиям союзников, из которых 30 были бронетанковые. Имея такое неравенство сил — примерно в соотношении два к одному в бронетанковых войсках и четыре к одному — в сухопутных, нельзя было рассчитывать на успех.

Главные разработчики операции «Немыслимое» Дж. Грантхем, Дж. Томпсон и У. Ауосон сделали заключение:

а) начиная войну с русскими, мы должны быть готовы к тотальной войне, длительной и дорогостоящей в одно и то же время;

в) численный перевес русских на суше делает крайне сомнительным возможность достижения ограниченного и быстрого успеха, даже если сообразно политическим взглядам, это будет соответствовать достижению наших политических целей. В любом случае, — констатировалось в документе, — потребуются очень длительное время, чтобы попытаться ее выиграть¹.

Англо-американскому командованию в Европе на тот период противостояло шесть советских фронтов, которыми руководили прославленные военачальники, среди которых выделялись маршалы Советского Союза Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, А.В. Василевский и И.С. Конев, представлявшие собой загадку полководческого гения, неразгаданного лучшими умами генералов Третьего рейха, и их нахождение во главе фронтов увеличивало силу советских войск в несколько раз. И, кроме того, всеми советскими войсками и страной продолжал успешно руководить, хоть и состарившийся за войну, но все же способный на борьбу, неутомимый И.В. Сталин. В выработке стратегии вооруженной борьбы ему не было равных и это главное, что заставляло и ястребов, и реакционеров, и генералов из правительств и армий США и Великобритании отринуть предлагаемый У. Черчиллем способ открытого противоборства с Советским Союзом.

¹ Итоги Второй мировой. Покушение на великую победу. М., 2005, с. 208.

В середине июля 1945 года Черчилль потерпел поражение на выборах и ушел в отставку. К власти в Великобритании пришло лейбористское правительство во главе с К. Эттли. Это правительство продолжало разработку планов войны с СССР, привлекая для этой цели США и Канаду. Ведение переговоров было поручено руководителю британской военной миссии в Вашингтоне, участнику Ялтинской и Потсдамской конференций фельдмаршалу Х. Вильсону, который обсуждал английский военный проект с президентом Г. Трумэнном, генералом Д. Эйзенхауэром, в то время главнокомандующим союзными силами в Европе, и канадским премьером М. Кингом. В сентябре произошла встреча на яхте вблизи побережья США генерала Д. Эйзенхауэра с британским фельдмаршалом Б. Монтгомери. Стороны в конечном счете пришли к выводу, что если Советская армия предпримет в Европе контрнаступление, то западные союзники не смогут его остановить. План операции «Немыслимое», точнее то, что от него осталось, был отправлен в архив, и последующие планы войны против СССР разрабатывались на уровне руководителей НАТО.

Пока шла разработка планов войны союзников против Советского Союза, приближенные к Гитлеру видные деятели Третьего рейха вели активные политические переговоры в нейтральных столицах с представителями союзных стран.

Сталину было известно об этих закулисных переговорах, и он решил ускорить наступление на Берлин, чтобы никому не дать времени на осуществление планов по пересмотру Ялтинских соглашений и сорвать все попытки недругов Советского Союза украсть у нас победу.

В первых числах апреля в Ставку были вызваны командующие фронтами Г.К. Жуков и И.С. Конев с планами наступательных операций по овладению Берлином и Сталин, ознакомив их с выводами резидентов советской разведки о разработке плана англо-американского командования по захвату столицы Германии раньше Советской армии, шутливо спросил у маршалов: «Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?» Два прославленных полководца заверили Сталина, что они возьмут Берлин раньше союзников¹. В этот же день в Ставке Главного Командования был заслушан доклад генерала армии А. Антонова об общем плане Берлинской операции, а затем доклады о плане наступления войск 1-го Белорусского маршала Г. Жукова и 1-го Украинского маршала И. Конева. У Сталина было развито какое-то удивительное чутье на ход и

¹ Конев И.С. Сорок пятый. М., 1966, с. 88.

развитие предстоящей операции и, подойдя к карте Генштаба, он изменил разграничительную линию между двумя фронтами, заштриховав ее от Нейсе до Потсдама, и прочертил линию только до Люббека (60 км юго-восточнее Берлина) и тут же указал маршалу И. Коневу: «В случае упорного сопротивления противника на восточных подступах к Берлину, что наверняка произойдет, и возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта, 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин»¹. Это стратегическое предвидение, десятки и сотни раз предугаданное вождем в других операциях, воспринималось маршалами и генералами как бесценный дар, данный Сталину свыше, дар, которым обладал лишь он один, и они неукоснительно, и даже свято, выполняли его указания и советы. Сила ума и компетентность т. Сталина в стратегических военных вопросах была настолько велика, что маршалы беспрекословно подчинялись его приказам и считали за честь образцово их выполнить. История справедливо занесла в свои анналы Сталина и как великого государственного деятеля, и как великого полководца, с именем которого связана победа Советского Союза во Второй мировой войне.

Стратегический замысел Берлинской операции состоял в том, чтобы «мощными ударами войск трех фронтов при содействии дальней авиации в полосе от Штеттина до Пенциха сокрушить вражескую оборону на ряде направлений, расчленив берлинскую группировку на несколько изолированных частей, уничтожить их и овладеть Берлином. На 12—15-й день операции наступающие войска должны были на широком фронте выйти к Эльбе и соединиться там с американско-английскими войсками»². В основу осуществления этого замысла была положена идея молниеносных боевых действий с решительными целями, массированного использования сил и средств всех родов войск и видов вооруженных сил при их тесном взаимодействии, дробления сил противника с одновременным окружением и уничтожением их, широкого маневра подвижных войск.

Окружение непосредственно берлинской группировки врага (9-й и 4-й танковой армий) и их отсечение от Берлина возлагалось на фронты, которыми командовали маршалы Г. Жуков и И. Конев. При этом войска Жукова обходили Берлин с

¹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Т. 3. М., 1974, с. 215

² Ф.Д. Воробьев, И.В. Поротькин, А.Н. Шиманский. Последний штурм. (Берлинская операция 1945 г.) М., 1970, с. 47.

севера и северо-запада, а Конева с юга и юго-запада, не оставляя германскому командованию никаких шансов на спасение или бегство на запад.

На направлениях главных ударов фронтов были сосредоточены основные силы и средства, достигнуто решающее превосходство над противником, что обеспечивало быстрый разгром врага на одеро-нейсенском оборонительном рубеже, а также всех его резервов. В составе главных ударных группировок 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов имелись мощные эшелоны развития успеха, включавшие по две танковые армии, а также армии второго эшелона, предназначенные для наращивания силы ударов в ходе операции.

В результате напряженной деятельности Ставки ВГК, командования фронтов, армий, соединений и частей к началу Берлинской операции 2-й и 1-й Белорусские, 1-й Украинский фронты насчитывали в своем составе 2 млн. 500 тыс. человек, 41 600 орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7500 боевых самолетов. Это позволило добиться общего превосходства над противником: в людях — в 2,5 раза, в орудиях и минометах, в танках и САУ — в 4 раза, в боевых самолетах — в 2,3 раза¹.

Чтобы обеспечить такую массу войск и боевой техники всем необходимым для успешного проведения стратегической операции огромного размаха, потребовалось значительное количество материально-технических средств. О масштабах снабженческих железнодорожных перевозок говорит тот факт, что в период с 1 по 20 апреля только 2-му Белорусскому фронту было подано 897 вагонов боеприпасов, 4 250 цистерн горюче-смазочных материалов, 400 вагонов продфуража, 6 700 вагонов военно-технического имущества и строительных материалов. Всего фронт за это время получил 127 263 т различных грузов².

В этой заключительной кампании советские войска должны были взломать оборону немцев на дальних и ближних подступах к Берлину, и в самой столице. Это была нелегкая задача. Берлин являлся не только политическим оплотом фашизма, но и одним из крупнейших центров военной промышленности страны. На берлинском направлении немецко-фашистскому командованию удалось сосредоточить крупную группировку войск и боевой технике, насчитывающей в своем составе около 1 млн. человек, 10,4 тыс. орудий и минометов, 1 500 танков и штурмовых орудий, 3 300 боевых самолетов.

¹Ф.Д.Воробьев, И.В.Поротькин, А.Н.Шиманский. Последний штурм, с. 129—130.

² Там же, с. 102—108.

Была подготовлена глубоко эшелонированная оборона. Ее основу составляли одерско-нейсенский оборонительный рубеж и Берлинский оборонительный район. Одерско-нейсенский рубеж включал три полосы обороны глубиной 20—40 км каждый. Кроме того, используя шлюзы реки Одер и многочисленные каналы, противник подготовил ряд районов к затоплению. Берлинский оборонительный район состоял из трех кольцевых обводов (внешнего, внутреннего и городского), подготовленные к упорной обороне. Внешний оборонительный обвод проходил в 20—40 км от центра города, внутренний — по окраинам берлинских пригородов. Он готовился как главная полоса Берлинского оборонительного района. Городской обвод создавался по линии кольцевой железной дороги. На всех улицах, ведущих к центру города, были возведены баррикады, а на перекрестках и площадях оборудовались позиции для артиллерии и минометов, зарытых в землю танков. Метро находилось в городской черте и подлежало затоплению¹.

При вынужденном отступлении немецко-фашистских войск как на Восточном, так и на Западном фронте, Гитлер требовал от всех командиров вермахта разрушать системы жизнеобеспечения Третьего рейха, чтобы они не достались врагам. Вслед за этим последовал еще один приказ Гитлера, который обязывал гаулейтеров земель эвакуировать население из всех районов, которые «мы не в состоянии удержать и которые могут быть захвачены врагом»². Выполняя это бесчеловечное распоряжение, многотысячные потоки людей заполнили все дороги Германии, приумножив трудности немцев, потому что они лишались крова, медицинской помощи и питания. Спасло немецкую нацию лишь то, что многие гаулейтеры земель в конце войны не стали выполнять эти чудовищные приказы Гитлера.

16 апреля ударные группировки 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, после мощной артподготовки, перешли в наступление, которое с тревогой ждали руководители Третьего рейха, бросая навстречу советским войскам все оставшиеся от разгрома армии, а на оборону Берлина были мобилизованы подростки с 12 лет и мужчины непризывных возрастов. Войска Г.К. Жукова атаковали врага за два часа до рассвета при свете мощных прожекторов, ослепивших немцев, и заставивших их поверить в новое сверхоружие русских, от которого они бежали целыми подразделениями. Главной за-

¹ Военно-исторический журнал №4, 1985, с. 9.

² А. Штеер. Воспоминания. Смоленск, 1998, с. 610.

дачей данного приема было удлинить самый ответственный день начавшейся операции. Применение прожекторов для ослепления противника было впервые осуществлено немцами при захвате плацдарма на р. Днепр в 1941 году у Кременчуга, оно демонстрировало превосходство немцев и их презрение к врагу. В конце войны с подсветки прожекторами началось немецкое наступление в Арденнах.

Легко взломав передовую оборону, атакующие танки и пехота встретили вторую полосу обороны, проходившую по Зееловским высотам, возвышающимся над местностью на 40—50 метров. Они были сильно укреплены и насыщены массой огневых средств. Их крутые склоны заставляли танковые подразделения продвигаться только вдоль дорог, по обе стороны которых были расставлены скорострельные зенитные пушки и фаустпатроны, пробивавших лобовую броню танков. Пехота, без прямой поддержки танков, несла большие потери, которые можно было бы избежать, избрав фланговые обходы немецкой обороны, но, с другой стороны, германское командование бросало из Берлина на Зееловские высоты все наличные военные силы, и когда они были войсками Жукова и Конева отсечены и разгромлены, то защищать столицу Третьего рейха стало некому. Берлин пал без больших потерь с нашей стороны. К фронту, которым командовал Г. Жуков, и имя которого приводило в страх гитлеровских генералов, было приковано все внимание окружения фюрера, и сам Гитлер требовал направлять навстречу 1-му Белорусскому фронту все имеющиеся в наличии военные силы. «Борьба за Берлин, — телеграфировал в эти дни адмиралу Деницу Гитлер, — является роковой битвой Германии. По отношению к ней все другие задачи и фронты имеют второстепенное значение... По мере возможности необходимо перебрасывать войска воздушным путем в город, а морем и по суше — к фронтам, сражающимся под Берлином»¹. Войсковые разведчики среди обороняющихся войск Берлина стали все чаще обнаруживать соединения, действовавшие раньше на западном фронте и только потом советскому командованию стало известно, что на совещании в имперской канцелярии 22 апреля генерал Йодль выдвинул предложение, которое никто официально сделать не решался: снять все войска с Западного фронта и бросить их на защиту немецкой столицы. Гитлер принял это предложение и взял на себя руководство этой операцией. 24 апреля была издана особая директива, предписывающая командующим групп армий

¹ А.Шнеер. Воспоминания. Смоленск, 1998, с. 305.

направить все имеющиеся у них силы против «смертельного врага, против большевизма»¹.

Как и предвидел Сталин, успешнее наступали войска 1-го Украинского фронта, где обороняющихся войск было меньше, и где крепость своей обороны немцы пытались связать с двумя водными преградами на пути наступления советских войск: с началом атаки — р. Нейсе, и через 30 км — р. Шпрее. Несмотря на эти преграды, к 18 апреля прорыв подготовленной обороны немцев был завершен и перед войсками маршала И. Конева открылся путь на Берлин, до которого оставалось 100 км. Внимательно отслеживавший события на завершающем этапе войны, Верховный Главнокомандующий т. Сталин лично отдал приказ маршалу И. Коневу оказать помощь войскам маршала Г. Жукова в разгроме противостоящих его фронту сил немцев, направив к Берлину две танковые армии. И. Конев немедленно повернул 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии под командованием генералов П. Рыбалко и Д. Лелюшенко на север, и за два дня танкосты продвинулись на 80—90 км и к вечеру 20 апреля их передовые подразделения неожиданно появились на подступах к Цоссену, где располагались высшие штабы вермахта. Генералы и офицеры штабов в панике покидали заглубленные бетонные укрытия командных пунктов, направляясь, кто в Берлин, кто в Альпы, где на территории Австрии сосредотачивалась часть штаба, предназначенная для управления войсками в Южной Германии².

Узнав об успехе соседнего фронта, Г. Жуков вечером 20 апреля поставил командующим своими танковыми армиями «историческую задачу первыми водрузить Знамя Победы». Он потребовал от генералов М. Катукова и С. Богданова выделить от каждого корпуса по одной лучшей бригаде и «не позднее 4 часов утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада И.В. Сталину и объявления в прессе»³. Однако выполнить такую задачу в указанный срок никто не сумел. Лишь отдельным передовым частям 2-й гвардейской танковой, 3-й и 5-й Ударных армий удалось прорваться к северо-восточным окраинам Берлина. 1-й танковой армии до юго-восточной окраины столицы Германии оставалось не менее 20 км.

Все ближе подходили к Берлину и войска 2-го Белорусского фронта маршала К. Рокоссовского, приковав к своему

¹ С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. М., 1973, с. 420.

² Военно-исторический журнал, №3, 1995, с. 14.

³ ЦАМО РФ. Ф.233, оп.2307, д.103, л. 88.

направлению крупные силы противника, что способствовало боевым действиям всех советских войск.

Преодолевая возрастающее сопротивление противника, три танковые армии маршалов И. Конева и Г. Жукова протаранили оборону немцев и к исходу 25 апреля взяли Берлин в кольцо, из которого нельзя было выйти и нельзя было войти. Главные силы 9-й армии немцев были окружены в лесах юго-восточнее Берлина, численностью более полумиллиона человек, и советское командование дало ей наименование франкфуртско-губенская группировка противника. В этот же день, 25 апреля произошла встреча войск 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта с частями 1-й американской армии в районе Торгау на Эльбе, что разрезало германские войска на две части, южную и северную.

В итоге столицу «тысячелетнего рейха» обороняли фольксштурмисты, гитлерюгендовцы, полицейские и остатки разбитых на одерском рубеже немецких частей. Они насчитывали в своем составе около 100 тыс. человек, что для обороны такого крупного города явно было недостаточно. Население Берлина смотрело на агонию нацистского режима равнодушно, и оно не выказало желания принимать участие в защите столицы. Берлин был разбит на девять секторов обороны. Численность гарнизона каждого сектора по плану должна была составлять 25 тыс. человек, в реальности их было не более 10—12 тыс. человек. Ни о какой обороне каждого дома не могло быть и речи, оборонялись только ключевые здания кварталов.

Три танковые армии, штурмовавшие Берлин, потеряли примерно по сотне танков, из них около половины были уничтожены фаустпатронами. Танки были нужны — они служили щитом и мечом наступавшей пехоте на улицах Берлина.

Окруженная франкфуртско-губенская группировка получила задачу прорваться на Запад, чтобы соединиться с 12-й армией, которую сняли с Западного фронта, чтобы она наступала на восток. Соединившись, эти войска должны были нанести удар на север, в тыл вышедшим к Берлину войскам 1-го Украинского фронт. Командование фронта вскрыло замысел немцев и на участках, где группировка готовилась вырваться из окружения, была спешно подготовлена оборона. На остальном фронте советские войска продолжали наступление, сжимая и рассекая окруженного противника

Напряженные бои с франкфуртско-губенской группировкой продолжались шесть суток и они, пожалуй, были самыми тяжелыми боями перед окончанием войны. Атакуя днем и но-

чью, немцы отчаянно рвались на запад. Их гнал «страх перед угрозой расстрела, ужасы сибирского плена», которыми запугивали солдат, и сплошные пожары, охватившие лесные массивы. Как вспоминал И. Конев «они прорывались, их зажимали, окружали; они снова прорывались, их снова зажимали; они двигались постоянно в кольце наших войск»¹.

Обстановка в Берлине и на подступах к нему не давала оставшимся в бункере рейхсканцелярии никаких надежд на спасение. Гитлер хотел уйти из жизни сразу же после своего дня рождения, но перетасовав в очередной раз высших военачальников в должностях, он понадеялся, что новый комендант Берлина командующий воздушно-десантными войсками генерал Штудент сумеет сплотить оставшиеся силы для сопротивления и подтянет новые. Гитлер даже приказал Кейтелю и Йодлю перебросить к Берлину все имеющиеся в их распоряжении дивизии. Но из этого ничего не вышло. Путь к Берлину был наглухо перекрыт советскими танками².

27 апреля в бункере Гитлера обсуждался план прорыва из Берлина тремя волнами с двух сторон через Шпандау. В третьей волне должен был находиться Гитлер со своим штабом. Прослушав до конца план прорыва, Гитлер усталым голосом сказал: «Чем может помочь этот прорыв? Нужно ли мне скитаться где-нибудь по окрестностям и ждать своего конца в крестьянском доме или в другом месте? Уж лучше в таком случае я останусь здесь».

В ночь на 30 апреля генерал-фельдмаршал Кейтель сообщил Гитлеру, что план деблокады Берлина не удался и в который раз предложил ему покинуть город и продолжить борьбу в горах Австрии. Близкое окружение все время подталкивало Гитлера к такому шагу, с потаенной надеждой спасти и свою жизнь от карающего меча правосудия союзных стран. Но сам Гитлер не надеялся спастись, так как преступления, совершенные им лично и его нацистским режимом, союзниками были объявлены преступлениями против человечества, и кара за них не давала ему никаких шансов на прощение. У Черчилль вообще был склонен к убийству всех фашистских руководителей без суда, но Сталин еще в августе 1942 года предложил юридическую процедуру наказания гитлеровских руководителей, и он возразил Черчиллю: «Что бы ни произошло, но это должно быть соответствующее судебное решение. Иначе люди скажут, что Черчилль, Рузвельт и Сталин просто отомстили своим по-

¹ Конев И.С. Сорок пятый. М., 1966, с. 202.

² А.Штеер. Воспоминания. Смоленск, 1998, с. 646.

литическим противникам»¹. Кроме того, Сталин был не согласен и с жесткой расправой над Германией. «Слишком жесткие меры возбудят жажду мести». Список главных преступников фашистской Германии начал составляться после Сталинградской битвы, и он постоянно пополнялся новыми фамилиями, а 29 августа 1945 года он был официально опубликован. В него вошли 24 видных нацистских преступника, оставшихся в живых после окончания Второй мировой войны: Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, Кейтель и другие.

В ночь с 28 на 29 апреля Гитлер зарегистрировал свой брак с Евой Браун, а 30 апреля в 15 часов 50 минут он покончил с собой, предварительно умертвив жену и собаку. Сам он сумел одновременно раскусить ампулу с цианистым кальцием и выстрелить себе в голову. Гестаповцы тут же завернули тела в плащи, вынесли их во двор рейхсканцелярии, и, облив их бензином, сожгли в воронке из-под разорвавшегося снаряда. В погибающем бункере рейхсканцелярии весть эта вызвала новую волну самоубийств среди гестаповцев и эсэсовцев, и заставила оставшихся руководителей Третьего рейха искать выход из тупика в переговорах с советским командованием. К этому их побуждали и бесперывные атаки частей Советской армии на правительственные здания.

30 апреля стрелковые подразделения полка, которым командовал Герой Советского Союза полковник Зинченко, первыми ворвались в здание рейхстага. При этом особую находчивость и инициативу проявил бывалый воин старший сержант Сьянов. Он заменил геройски павшего в бою командира роты и, умело выбивая немцев с лестничных клеток и из комнат, загонял их в подвал. Тем временем отважные разведчики полка Михаил Егоров и Мильтон Кантария водрузили над рейхстагом Знамя Победы². Появление алого знамени над рейхстагом подорвало моральный дух берлинского гарнизона, как и всей немецкой армии, и гитлеровское командование стало искать пути к капитуляции.

В конце дня командующему 8-й гвардейской общевойсковой армии генерал-полковнику В. Чуйкову стало известно, что группа немецких парламентариев пробивается к нему на переговоры, имея полномочия германского верховного командования. В ночь на 1 мая В. Чуйков вместе с писателями Всеволодом Вишневским, Евгением Долматовским и Максимом Блантером выехал на свой командный пункт и разрешил туда

¹ Советская Россия, №136, 10.12.2009 г.

² Военный вестник, № 9, 1946, с. 6.

доставить представителя верховного командования Германии. Москва и командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Г. Жуков предвидели эти переговоры, и было заранее выработано требование — безоговорочная капитуляция.

В 3 ч. 55 минут в комнату В. Чуйкова вошел немецкий генерал с железным крестом на шее и фашистской свастикой на рукаве, представившийся как начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Кребс. С ним был начальник штаба 56-го танкового корпуса полковник Генерального штаба фон Дувфинг и переводчик. Кребс, стараясь быть спокойным, произнес:

— Буду говорить особо секретно. Вы первый иностранец, которому я сообщаю, что тридцатого апреля Гитлер добровольно ушел от нас, покончив жизнь самоубийством.

Советская разведка работала превосходно и это сообщение не вызвало интереса у генерала В. Чуйкова и он только поинтересовался в котором часу это случилось¹. Затем Кребс зачитал обращение Геббельса и Бормана к советскому Верховному командованию, в котором говорилось: «Согласно завещанию ушедшего от нас фюрера мы уполномочиваем генерала Кребса в следующем:

— Мы сообщаем вождю советского народа, что сегодня в 15 часов 50 минут добровольно ушел из жизни фюрер. На основании его законного права фюрер всю власть в оставленном им завещании передал Деницу, мне и Борману. Я уполномочен Борманом установить связь с вождем советского народа. Эта связь необходима для мирных переговоров между державами, у которых наибольшие потери. Геббельс».

Кребс, зачитав это заявление, вручил генералу Чуйкову еще два документа: полномочие, выданное ему на право ведения переговоров с русским Верховным Командованием и завещание Гитлера со списком нового имперского правительства и верховного командования вооруженных сил Германии.

В завещании фюрера, в частности, сообщалось:

«Своим душеприказчиком я назначаю своего самого преданного товарища по партии Мартина Бормана. Он имеет право принимать любые решения.

Перед своей смертью я исключаю из партии и лишаю прав бывшего рейхсмаршала Геринга и лишаю его всех прав, которые были ему даны указом от 29 апреля 1941 года и в моей речи в рейхстаге 1 сентября 1939 года. На его место я назна-

¹ Военно-исторический журнал, №5, 1975, с. 82.

чаю адмирала Деница президентом рейха и главнокомандующим вооруженными силами.

Перед своей смертью я исключаю из партии и лишаю прав бывшего рейхсфюрера СС и министра внутренних дел Генриха Гимmlера. На его место я назначаю гауляйтера Карла Хенке рейхсфюрером СС и начальником германской полиции и гауляйтера Пауля Гислера министром внутренних дел.

Помимо того, что Геринг и Гимmlер были неверны мне, они покрыли несмываемым позором нашу страну и нацию тем, что секретно и против моего желания вели переговоры с противником и пытались захватить власть в государстве.

Чтобы Германия имела правительство, состоящее из честных людей, которые будут продолжать войну всеми средствами, я, как лидер нации, назначаю членами правительства следующих лиц...»¹

Далее шел перечень состава правительства: президент Дениц, канцлер Геббельс, министр партии Борман, министр иностранных дел Зейс-Инкварт, министр внутренних дел гауляйтер Гислер, военный министр Дениц, командующий сухопутными войсками Шернер, командующий военно-морским флотом Грей. Однако после гибели Гитлера власть среди нацистского руководства была неустойчивой и на нее претендовали Геринг и Гимmlер, находившиеся вне Берлина и не знавшие как о завещании Гитлера, так и о том, что происходит в столице Германии, осажденной советскими войсками. Кребс знал об этих настроениях и настаивал перед советским командованием, чтобы вопрос о капитуляции немецко-фашистской армии решало новое правительство во главе с Деницем, с которым у немецкого руководства, находившегося в полуразрушенной рейхсканцелярии, не было связи. При этом, начальник Генерального штаба генерал Кребс особо подчеркивал, что правительство во главе с Геббельсом желает принять условия капитуляции от Советского Союза, так как, в противовес позиции Англии и США, Сталин совершенно определенно заявил, что он «против уничтожения Германии» и против ее раздела². В то время действительно были известны жесткие высказывания премьер-министра Англии У. Черчилля и ряда членов правительства США о полном разделе Германии, по типу того, какой ей был учинен после окончания Тридцатилетней войны в Европе, и в Берлине ценилось твердое убеждение Сталина, что, несмотря на все жертвы, которое понесли народы Совет-

¹ Военно-исторический журнал, №5, 1975, с. 83.

² В.И. Чуйков. От Сталинграда до Берлина. М., 1980, с. 655.

ского Союза и стран Европы от гитлеровского режима, великая история Германии достойна того, чтобы это государство оставалось целым и неделимым. Нет вины Советского Союза в том, что Германия после окончания войны была разделена на отдельные зоны оккупации — этого добивались правительства США и Англии.

Советское командование не желало иметь дело ни с каким правительством нацистской Германии, требуя от берлинских властей выполнить согласованное решение союзников о безоговорочной капитуляции, и в 13 часов 08 минут генерал Кребс был отправлен в рейхсканцелярию, чтобы сообщить эти требования Борману и Геббельсу.

Они включали всего пять пунктов:

1. Капитуляция Берлина.
2. Всем капитулирующим сдать оружие.
3. Офицерам и солдатам, на общих основаниях, сохраняется жизнь.
4. Раненым обеспечивается помощь.
5. Предоставляется возможность переговоров с союзниками по радио.

В тот же день в плен сдался заместитель министра пропаганды доктор Фриче и предложил обратиться по радио к немецким войскам с обращением о прекращении всякого сопротивления. Такая возможность ему была предоставлена, но, не получив ответа, советское командование снова открыло огонь на полную мощность, а войска, штурмующие Берлин, докладывали об овладении многими правительственными заданиями и о взятии квартала 152, где размещалось гестапо. Немецкие подразделения стали массово сдаваться в плен.

В 0 часов 40 минут 2 мая советское командование получило еще одну немецкую радиограмму на русском языке: «Алло!.. Алло! Говорит 56-й германский танковый корпус. Просим прекратить огонь. В ноль пятьдесят по берлинскому времени высылает парламентариев на Потсдамский мост. Опознавательный знак — белый флаг. Ждем ответа». Командование берлинского гарнизона просило прекратить огонь и соглашалось принять все условия победителя. Вышедший на Потсдамский мост начальник штаба танкового корпуса полковник Генерального штаба фон Дюфвинг заявил, что он уполномочен заявить советскому командованию о прекращении сопротивления. В 6 часов 2 мая командир 56-го танкового корпуса генерал артиллерии Вейдлинг в сопровождении двух генералов своего штаба перешел линию фронта и сдался в плен. Вейдлинг показал документ, что он является одновременно и комендантом

Берлина, и что решение о капитуляции Берлина было принято им самостоятельно, без ведома Геббельса и Деница¹.

Генерал В. Чуйков от имени советского командования согласился принять капитуляцию и отдал приказ о прекращении военных действий, пообещав сохранение жизни солдатам, офицерам и генералам и населению города, и оказание медицинской помощи раненым.

В 12 часов дня берлинский гарнизон, а также войска СС, охранявшие имперскую канцелярию, общей численностью более 134 тысяч человек, и остатки гитлеровского правительства капитулировали. Радостная весть об окончании боевых действий в Берлине была недолгой для соединений и частей 1-го Украинского фронта. Уже в полдень, 2 мая, они были подняты по боевой тревоге, и им было приказано начать продвижение на Прагу.

Падение Берлина совпало с новыми попытками нацистской верхушки во главе с адмиралом Деницем выйти из войны на Западе с меньшими для себя потерями и усилением сопротивления немецко-фашистских войск, действовавших на юге Германии, в Австрии и Чехословакии. На пост главнокомандующего сухопутными войсками, незадолго перед своей смертью, Гитлер назначил Ф. Шернера, командующего группой армий «Центр», одного из оголтелых поклонников нацизма, прославившегося необычайной жестокостью в обращении с солдатами и офицерами, и особенно с военнопленными и населением оккупированных стран. Как только пал Берлин, Шернер стал отводить войска в район Праги с намерением превратить город «во второй Берлин». Не подчинился приказу о капитуляции и командующий группой армий «Австрия» генерал-полковник Л. Рендулич. В своем приказе, переданном 7 мая войскам группы армий «Центр» Шернер указал на то, что «... неприятельская пропаганда распространяет ложные слухи о капитуляции Германии перед союзниками...» и предупреждал войска, что «... война против Советского Союза будет продолжаться»². У гитлеровского командования в Чехословакии и Австрии имелось еще достаточно сил для продолжения борьбы: 1-я и 4-я танковые армии, 8-я и 17-я полевые армии и 6-я танковая армия «СС», в которых имелось около 62 дивизий, из которых значительная часть были сведены в боевые группы численностью до 4 тыс. человек. В составе ВВС имелось око-

¹ В.И. Чуйков. От Сталинграда до Берлина. М., 1980, с. 664.

² ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 11600, д. 1762, л. 31.

ло 1000 самолетов¹. Шернер решил до последнего удерживать территорию Чехословакии и Австрии, и одновременно искал пути соприкосновения с союзниками, чтобы капитулировать перед ними.

Однако Ставка предвидела такое развитие событий и еще 1 мая приказала командующему войсками 1-го Белорусского фронта маршалу Г. Жукову сменить все войска 1-го Украинского фронта, задействованные в наступлении на Берлин, а маршал И. Конев в тот же день получил распоряжение использовать высвобождаемые войска, прежде всего 3-ю и 4-ю танковые армии, для стремительного наступления на Прагу².

Владея уже информацией о том, что по указанию Черчилля капитулировавшие перед англичанам немецко-фашистские дивизии сдавали свое оружие на склады, но продолжали содержаться в тех же военных формированиях, Сталин усомнился в искренности союзников приверженности Ялтинским соглашениям и отдал распоряжения, чтобы командующие советских фронтов не допустили отхода германских войск на запад.

Ставка в короткие сроки разработала Пражскую наступательную операцию, замысел которой состоял в том, чтобы нанесением нескольких ударов по сходящимся направлениям на Прагу окружить, расчленить и в короткие сроки разгромить основные силы немецко-фашистских войск на территории Чехословакии, и не допустить их отхода на Запад³. К ее проведению привлекались силы трех фронтов — 1-й, 4-й и 2-й Украинские фронты. При этом 1-й Украинский фронт, которым командовал маршал И. Конев, должен был отрезать пути отхода гитлеровских войск на запад и юго-запад, создать северный и южный фасы кольца окружения войск Шернера, сидевших в Рудных горах и Судетах. С востока ударом на Оломоуц должен был продвигаться 4-й Украинский фронт генерала А. Еременко, а с юга — войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р. Малиновского. Совершив сложные перегруппировки, три фронта начали наступление вглубь Чехословакии, где 5 мая, в полдень, восстала Прага. Восстание было подготовлено советскими разведчиками и патриотами города, уставшими от жестокой оккупации, и узнавшими о готовящемся разрушении немцами своей столицы. Немецкие солдаты, окружив город, рвались в центр Праги, расправляясь с жи-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 11600, д. 1762, л.10.

² Там же, л. 11,12.

³ Там же, л. 24.

телями так же жестоко, как они это делали при подавлении восстания в Варшаве. На помощь восставшим были брошены 4-я и 3-я гвардейские танковые армии 1-го Украинского фронта, которые утром 9 мая своими передовыми отрядами вошли в Прагу.

11 мая войска 1-го Украинского фронта в районе Клатовы и Карлсбада вошли в соприкосновение с американскими войсками¹.

Сопротивление немецких войск было окончательно сломлено, и они в массовом порядке стали сдаваться в плен. За период с 3-го по 17 мая войсками Советской армии взято в плен 1 390 978 солдат и офицеров. До 100 тыс. офицеров и солдат сдалось в плен войскам союзников². Захвачено и взято по акту о капитуляции до 1230 самолетов. Сдались Советской армии: один командующий группой армий, три командующих армиями, десять командиров корпусов, и тридцать пять командиров дивизий. Фашистская армия прекратила свое существование. В советском плену оказался и командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Шернер, больше всех струсивший в бою и сменивший генеральскую форму на тирольскую одежду австрийского обывателя. Он пытался скрыться, но его обнаружили в горах американские солдаты и по обоюдной договоренности он был передан советским властям.

Пока советские войска добивали крупные силы вермахта на юге Германии, в Чехословакии и Австрии, союзное англо-американское командование вело переговоры с высшими представителями гитлеровского командования об окончании войны и условиях капитуляции. 4 мая в штаб-квартире Деница состоялось совещание высшего военного руководства фашистской Германии, с участием Кейтеля и Йодля, на котором обсуждались вопросы о капитуляции германских войск перед англо-американскими войсками и, выполняя решение этого совещания, генерал Йодль был спешно направлен в штаб генерала Д. Эйзенхауэра в г. Реймсе. Во второй половине дня 6 мая генерал Йодль начал эти переговоры и откровенно заявил союзникам о намерении «сохранить для германской нации возможно большее число немцев и спасти их от большевизма». Мало того, он в категорической форме заявил, то ничто не может заставить войска Шернера, Лера и Рандулича исполнить

¹ ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 11627, д. 1762, л. 41.

² Там же. Ф. 38, оп. 11627, д. 54-А, л. 198.

приказ о капитуляции, пока они имеют возможность уйти в районы, оккупированные американскими войсками¹.

Однако никто из высшего военного командования англо-американской армии не пожелал нарушить Ялтинские соглашения, которые требовали безоговорочной капитуляции фашистской Германии и все предложения генерала Йодля были Эйзенхауэром отклонены. Немецкое командование было вынуждено согласиться на безоговорочную капитуляцию всех войск.

В ночь на 7 мая в Реймсе был подписан предварительный протокол о капитуляции Германии, в котором германское командование обязывалось отдать приказ о прекращении военных действий в 00 часов 01 минута (по московскому времени) 9 мая. В протоколе специально оговаривалось, что он не является всеобъемлющим договором о капитуляции Германии и ее вооруженных сил. Тем не менее на Западе войну посчитали уже законченной, но не решились это объявить без согласия Сталина.

В послании главам союзных держав И. Сталин обратил их внимание на то, что сопротивление немецко-фашистских войск на советско-германском фронте не ослабло, и указал на необходимость выждать момент, когда вступит в силу капитуляция немецких войск, то есть, до 9 мая. Черчилль противился и всячески стремился избежать подписания Акта о безоговорочной капитуляции в занятом советскими войсками Берлине. Перспектива для СССР получить большой политический резонанс от этой акции никак не устраивала английского премьера, не желавшего признавать решающей роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии. Такой же позиции придерживался и Трумэн, и союзники оповестили мир о капитуляции Германии перед американскими и английскими войсками, хотя в войне на западном фронте действовали французские, канадские и другие войска.

Подписание в Реймсе в штабе Эйзенхауэра пакта о капитуляции германской армии было поспешным и недружественным актом по отношению к Советскому Союзу. Советская армия еще продолжала вести боевые действия с фашистскими войсками на Восточном фронте, несла потери, и принятие капитуляции не в Берлине, откуда было развязано две мировые войны, а в Реймсе, делало это событие мало значимым.

Рано утром 8 мая Сталин в присутствии членов правительства и работников Генерального штаба обсуждал капитуляцию

¹ *С.М.Штеменко*. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М., 1973, с. 431.

в Реймсе, и сразу отметил, что союзники организовали односторонне соглашение с правительством Деница. «Такое соглашение, — заметил он, — похоже на нехороший сговор. Кроме генерала И. Суслопарова никто из государственных лиц СССР в Реймсе не присутствовал. Выходит, что перед нашей страной капитуляции не происходит, и это тогда, когда именно мы больше всего потерпели от гитлеровского нашествия и вложили наибольший вклад в дело победы, сломав хребет фашистскому зверю. От такой капитуляции можно ожидать плохих последствий».

Чуть помедлив, Сталин, не прерывая размышлять и прохаживаться вдоль ковровой дорожки, продолжал: «Договор, подписанный союзниками, нельзя отменить, но его нельзя и принять. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический акт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия: в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции. Пусть ее подпишет кто-то из главарей бывшего фашистского государства, или целая группа нацистов, ответственных за все их злодеяния перед человечеством»¹.

Здесь же Сталин поручил маршалу Г. Жукову организовать подписание в Берлине акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии с приглашением представителей всех союзных держав, направив в Берлин в тот же день ему на помощь заместителя народного комиссара по иностранным делам А. Вышинского. Было решено уполномочить Г. Жукова, как заместителя Верховного Главнокомандующего, подписать от имени СССР протокол о безоговорочной капитуляции Германии и назначить его на последующее время главнокомандующим советской зоной оккупации. Сталин лично позвонил Г. Жукову в Берлин и сам сообщил ему о принятых решениях, и потребовал от него не снижать усилий по поддержанию высокой боевой готовности вверенных ему войск.

Закончив с Жуковым разговор, Сталин сказал генералам Генерального штаба во главе с Антоновым: «Война еще не закончена!», и приказал подготовить соответствующую директиву в войска, чтобы не снижалось напряжение боевой учебы.

В полдень 8 мая в Карлхорст, восточное предместье Берлина, прибыли представители верховного командования союзников. Командование экспедиционных сил союзников в Европе представлял заместитель Эйзенхауэра британский главный

¹ С.М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М., 1973, с. 442.

маршал авиации А. Теддер, вооруженные силы США — командующий стратегическими ВВС генерал К. Спаатс, французские вооруженные силы — главнокомандующий армией генерал Ж. де Латр де Тассиньи.

Из Фленсбурга под охраной английских офицеров была доставлена в Карлхорст германская делегация: бывший начальник штаба верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршал В. Кейтель, главнокомандующий ВМС адмирал флота Г. Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Штумпф, имевшие полномочия подписать Акт о безоговорочной капитуляции.

Церемония подписания акта проходила в здании военно-инженерного училища, где был подготовлен специальный зал, украшенный государственными флагами СССР, США, Англии и Франции. За главным столом располагались представители союзных держав. В зале присутствовали советские генералы, войска которых брали Берлин, а также советские и иностранные журналисты. Церемонии подписания капитуляции поверженного врага открыл маршал Жуков. Он приветствовал представителей союзных армий в занятом Красной Армией Берлине в исторический момент капитуляции общего врага — фашистской Германии. «Мы, представители Верховного Главнокомандования советских вооруженных сил и верховного командования союзных войск... уполномочены правительствами антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования», — торжественно произнес маршал. После этого по распоряжению Жукова в зал ввели германскую делегацию. По предложению советского представителя, Кейтель предъявил главам союзных делегаций документ о своих полномочиях, подписанный Деницем. Затем немецкой делегации был задан вопрос, имеет ли она на руках Акт о безоговорочной капитуляции и изучила ли она его. После утвердительного ответа Кейтеля представители германских вооруженных сил по знаку маршала Жукова подписали акт, составленный в 9 экземплярах. Затем свои подписи поставили Теддер и Жуков, а в качестве свидетелей — представители США и Франции. Процедура подписания капитуляции закончилась в 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года. Немецкая делегация по распоряжению Жукова покинула зал.

По согласованию между правительствами СССР, США и Великобритании была достигнута договоренность считать процедуру в Реймсе предварительной. Тем не менее, в западной историографии подписание капитуляции германских воору-

женных сил, как правило, связывается с процедурой в Реймсе, а подписание Акта о капитуляции в Берлине именуется «ратификацией». К сожалению, все это делается с целью принизить решающий вклад СССР в достижение победы над агрессором. День победы в Европе отмечается 8 мая.

Мирная жизнь на территории Германии вступала в свои права, и Советское командование приняло активное участие в ее восстановлении. Погибая, Гитлер хотел, чтобы и все немцы ушли за ним в иной мир. Он до последнего часа требовал от своих партийных функционеров и гестаповцев убивать людей и разрушать города и оставить после себя не только поверженную, но и разрушенную Германию. Наибольшие разрушения были в Берлине. Транспорт, водопровод, почта и телефон не работали. Полностью нарушилось продовольственное снабжение Берлина. Люди голодали. Те склады и хлебопекарни, что уцелели от бомбежек, озверевшие эсесовцы взорвали до вступления в город советских войск. Из довоенных полутора миллиона квартир в Берлине уцелело только 870 тыс., 12 городских электростанций общей мощностью 1 359 тыс. кВт/ч производили электроэнергию только в 20 тыс. кВт/ч, 16 водонапорных станций, дававших до войны 600—700 тыс. куб. м воды в сутки, поставляли теперь только 60 тыс. куб. м; из 1 100 вагонов метрополитена исправными оказались лишь 400, а из 77 км подземных тоннелей метро одна треть была затоплена; из 56 телефонных станций 16 имели значительные повреждения¹.

Советское военное командование приняло срочные меры, чтобы спасти берлинское население от голодной смерти и эпидемий. Первоочередным делом было тушение пожаров, разминирование, уборка и захоронение трупов, организация снабжения жителей города. Для того чтобы решить эти задачи, нужно было как можно быстрее закончить формирование военной администрации, которая приняла бы меры к созданию немецких органов управления. 23 апреля 1945 года, когда еще шли бои за Берлин, Военный Совет 1-го Белорусского фронта издал приказ №5, в котором излагались основные принципы построения и деятельности органов власти. В нем говорилось, что вся власть управления на территории, занятой Советской армией, осуществляется военным командованием через посредство военных комендантов городов и районов, которые назначают в каждом городе и селе исполнительную власть из местных жителей: в городах — бургомистров, в более мелких населенных пунктах — старост. 28 апре-

¹ ЦАМО РФ. №333, оп.4894, д.60, л. 327—330.

ля был опубликован приказ №1 военного коменданта Берлина генерал-полковника Н.Э. Берзарина о переходе всей власти в городе в руки советской военной комендатуры. Этим приказом запрещалась деятельность фашистской партии и ее организаций, устанавливался порядок поведения для населения и определялись основные положения, необходимые для нормализации жизни в городе.

В это же время в Берлине создавались первые немецкие органы самоуправления. Их возглавили представители антифашистских демократических сил, коммунисты, вышедшие из подполья, освобожденные из тюрем, концлагерей или возвратившихся из эмиграции. Так, в начале мая вернулись в Германию известные коммунисты и социал-демократы Эрих Хонеккер, Отто Бухвиц, Оттомар Гешке, Макс Опиц и другие. 11 мая Военный Совет 1-го Белорусского фронта принял постановление «О снабжении продовольствием населения Берлина» и предоставил из резерва необходимые продукты, а для их доставки выделил два армейских автомобильных полка — более 2000 машин, часть которых передавалась в распоряжение магистрата.

В конце апреля и в первые дни мая каждый день на улицах Берлина можно было наблюдать одну и ту же картину: полевые солдатские кухни раздают горячую пищу голодающим жителям. В то время как восточная часть района Рейникендорф еще находилась под обстрелом, в других районах города советские интенданты распределяли продовольствие среди населения. Берлинцы ожидали всего, но только не этого. Командование 1-го Белорусского фронта в начале мая докладывало Ставке ВГК: «Мероприятия советского командования по продовольственному снабжению, налаживанию жизни в городе ошеломили немцев. Они удивлены великодушием, быстротой восстановления порядка в городе, дисциплиной войск»¹.

Советское правительство распорядилось послать в Берлин 96 тыс. т зерна, 60 тыс. т картофеля, до 50 тыс. голов скота (для убоя), сахар, жиры и другие продукты. К 18 мая продовольственные карточки были распределены, и по ним берлинцы начали получать продукты². Прямым результатом всех этих дел была ликвидация угрозы голода и создание прочной базы для дальнейшего снабжения столицы Германии. Советское государство, проявляя подлинный гуманизм, присущий нашему народу, спасло от голодной смерти огромное население Берлина.

¹ ЦАМО РФ. Ф.32, оп.11306, д.623, л. 130.

² Военно-исторический журнал, №7, 1976, с. 67.

Незамедлительные меры были приняты как с советской, так и с немецкой стороны против спутников голода — эпидемий. Медицинское обслуживание населения в дни боев за город и в первое время после его освобождения осуществляли полевые госпитали и медсанбаты Советской армии. Однако они не в силах были оказать помощь в нужной мере многомиллионному Берлину. В первых числах мая в комендантуры прибыли наши военные врачи с задачей восстановить совместно с районной администрацией органы здравоохранения. Под их руководством были локализованы очаги инфекции, убраны тысячи трупов людей и животных. Постепенно возобновляли работу больницы и аптеки. К 21 июня было открыто 96 больниц, из них 4 детские, 10 родильных домов, 146 аптек, 6 пунктов по оказанию скорой помощи.

Налаживая жизнь в Берлине, советское командование и антифашисты не ограничивались удовлетворением только насущных материальных потребностей населения, а занимались и вопросами возрождения немецкой культуры. 13 мая началось работать берлинское радио, а 27-го в театре «Ренессанс» состоялся первый спектакль. 18 мая оркестр городской оперы дал свой первый послевоенный концерт, а 26-го его примеру последовала берлинская филармония. К середине июня в городе уже работало 120 кинотеатров, их посещали десятки тысяч берлинцев. В июле началось объединение берлинских демократических культурных сил, а 8 августа был создан «Культурбунд» — культурный союз демократического обновления Германии. Его возглавил известный немецкий поэт Иоганнес Р. Бехер.

Жизнь в Берлине налаживалась и в конце июня в городе шли обычные занятия в 580 школах, где обучалось 233 тыс. учащихся. Стали работать 88 детских домов и 210 библиотек¹.

К 1 июня, то есть, ко времени появления в западных секторах Берлина войск и администрации союзников, в городе в основном была налажена нормальная жизнь и созданы условия для успешного развития экономики и дальнейших демократических преобразований в Германии.

¹ Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 693.

ГЛАВА XVI

Парад Победы в Москве. — Конференция в Потсдаме: от союза к конфронтации. — Подготовка СССР к войне против Японии. — Применение США атомной бомбы. — Разгром Квантунской армии. — Атомный шантаж США и меры Советского правительства по сдерживанию ядерной угрозы. — Образование Китайской Народной Республики. — Итоги войны: потери людские и материальные

По окончании войны у Сталина родилась идея провести парад в честь победы над фашистской Германией, который должен был подвести итоги великой победы и продемонстрировать всему миру величие и могущество Советского Союза и ее армии-победительницы. В параде должны были участвовать все фронты с прославленными командующими, шедшими во главе колонн, составленных из героев и орденосцев, отличившихся в войне.

После завершения подготовительных работ было созвано совещание, на которое были приглашены командующие фронтами. Когда был доложен подробный ритуал парада, возник вопрос: кто будет принимать парад, и кто им будет командовать. Маршалы считали, что парад должен был принимать Верховный Главнокомандующий, чей непререкаемый военный талант высоко ценили военные люди. Сталин, посасывая свою любимую трубку, молча ходил по кабинету и внимательно слушал выступавших. Затем он подошел к столу, где сидели маршалы, оглядел их и сказал:

— Принимающий парад Победы должен выехать на Красную площадь на коне. Я же на коня садился только один раз в жизни, и то, когда убежал из ссылки. Я уже стар, чтобы гарцевать на коне.

Некоторые маршалы, и среди них К. Рокоссовский, предложили Сталину принимать парад на машине, как это делалось в США президентом Рузвельтом.

— Рузвельт другое дело, — усмехнулся Сталин, — у него были парализованы ноги. Мы же не будем отклоняться от традиции. На Красную площадь нужно въехать на коне.

Никто из военных не возразил. Все знали, что Сталину шел 67-й год, он много работал, и его силы были на исходе. Сталин

прошелся, раздумывая по кабинету, и сказал маршалам то, что было предварительно уже им осмысленно:

— У нас есть старые кавалеристы — Жуков и Рокоссовский — пусть один принимает парад, другой им командует.

Решено было парад победы провести 24 июня.

Сводные полки фронтов, по тысячу человек в каждом, самозабвенно тренировались на Центральном аэродроме, а военные ателье шили и подгоняли всем участникам парада новое обмундирование. День парада Победы оставил у всех его участников и зрителей незабываемые впечатления. Два прославленных маршала, один на белом, другой на вороном конях, объехали войска, приветствуя их. Потом один за другим в том порядке, в каком были расположены фронты с севера на юг, шли и шли по площади сводные полки.

Первым шел полк Карельского фронта во главе с маршалом К.А. Мерецковым. Следом полк Ленинградского фронта, который вел маршал Г.А. Говоров. Далее полк Прибалтийского фронта, возглавляемый генералом армии И.Х. Баграмяном. Сводный полк 3-го Белорусского фронта вел маршал А.В. Василевский. Полк 2-го Белорусского фронта вел заместитель маршала К. Рокоссовского генерал-полковник К.П. Трубников. Во главе 1-го Белорусского фронта — генерал армии В.Д. Соколовский, заместитель маршала Г.К. Жукова. Потом шла колонна Войска Польского под руководством начальника Генерального штаба В.В. Корчица.

Твердо чеканя шаг прошел полк 1-го Украинского фронта во главе с маршалом И.С. Коневым. Фронтное знамя нес прославленный летчик трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин. За ним 4-й Украинский фронт с генералом армии А.И. Еременко, затем 2-й Украинский фронт со своим командующим маршалом Р.Я. Малиновским, и, наконец, 3-й Украинский фронт во главе с маршалом Ф.И. Толбухиным. Это грандиозное шествие замыкал сводный полк военных моряков, возглавляемый вице-адмиралом В.П. Фадеевым.

После того, как умолк оркестр, несколько минут стояла тишина, взорванная тревожной дробью барабанов, и на площади появилась необычная колонна. Двести советских воинов несли прижимаемые к земле двести фашистских знамен, в разное время захваченных в боях с гитлеровской армией. Под этими знаменами они ворвались четыре года назад в нашу страну, под этими знаменами они мечтали маршировать на Красной площади. Что ж, эти знамена попали на Красную площадь! Но несут их советские солдаты, солдаты-победители, несут склонив их к земле, так что полотнища со свастикой почти

волочатся по мокрой брусчатке. Вот они поравнялись с Мавзолеем, внезапно поворот направо, несколько шагов — и вражеские знамена брошены к подножию Мавзолея. Это был очень символический эпизод, завершивший парад Победы и оставивший у всех его участников и зрителей неизгладимый след.

Вместе с победой к Сталину пришло ощущение большой усталости, и он стал чаще в близком кругу поговаривать о смерти. Он спокойно и рассудительно воспринимал свалившиеся на него почести и старался сделать для солдата и труженика больше различных социальных льгот и гарантий, и развернул невиданную кампанию по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства страны. На вечере, устроенном в честь победителей, он в своих здравицах воздал хвалу русскому народу и простому человеку, являвшемуся главным исполнителем всех сложных дел в стране.

Маршалы Победы заставили руководство страны присвоить Сталину звание Генералиссимуса. Вождь искренне противился такому награждению, но маршалы и все командующие фронтами и армиями были упрямы и настойчивы — их погонам и орденам не хватало блеска погон высшего воинского звания, которое, как они единогласно считали, достоин носить их великий полководец — И.В.Сталин. Вождь и после этого не менялся характером и не менял костюм; он лишь сменил погоны, оставаясь простым и незаметным в своем величии и одиночестве.

После парада правительством был устроен большой прием в честь его участников, а на следующее утро Сталин собрал всех военачальников и, войдя к ним в зал, и не садясь за стол президиума, обратился к ним с короткой речью:

— Дорогие наши маршалы, генералы и адмиралы! Всем известно, что война принесла советскому народу неисчислимые страдания и была одной из величайших трагедий, какую когда-либо переживала наша страна. Между тем, некоторые из вас на войне стали наживать.

Сталин сделал многозначительную паузу и, посмотрев в зал, сказал:

— Остановитесь, строго спросим, — и сразу покинул зал.

Сталину стали известны факты присвоения отдельными генералами трофейных материальных ценностей, и это известие покорило его. Главный маршал авиации Новиков был особенно склонен к стяжательству, и, давая согласие на предание его суду, Сталин пригласил маршала к себе и с глубокой досадой сказал:

— У вас и у меня есть не одна, а две машины для выполнения служебных обязанностей. Вы же привезли из Берлина в свое личное пользование еще двенадцать легковых машин «Мерседес». Я хочу понять вашу психологию — зачем вы это сделали?

Пришлось держать ответ и маршалу Г. Жукову, на даче которого люди В. Абакумова нашли большое количество ценных картин, дорогих сервизов и украшений, которые маршал «не успел» передать на содержание домов инвалидов войны. Жуков был понижен в должности, а так как у него было много недоброжелателей, то они попытались свалить его с пьедестала почета как можно ниже и глубже, но Сталин не позволил им этого сделать. Но несколько генералов были отданы под суд и получили справедливое наказание.

С окончанием войны и переустройством Восточной Европы возникло много проблемных вопросов вокруг новых границ и государственного устройства тех государств, которые в течении многих лет следовал в русле фашистской Германии. Трем великим державам — Советскому Союзу, США и Великобритании — надлежало определиться с направлением послевоенной политики, прежде всего, в отношении Германии и других европейских стран. Этим целям служила Потсдамская конференция глав государств, проходившая с 17 июля по 2 августа в пригороде Берлина — Потсдаме. Рузвельта уже заменил Трумэн и его государственный секретарь Бирнс, и в самый разгар встречи Черчилль и Иден были смены Эттли и Бевином, так что Сталин и Молотов оказались единственными участниками прошлых конференций.

Центральное место в работе конференции занял вопрос о Германии. Советская делегация выступала за сохранение единства Германии и предлагала создать Временное общегерманское правительство, которое обеспечило бы координацию деятельности немецких органов власти и единообразия экономических и политических мероприятий на территории всей Германии. США и Великобритания это предложение отвергли и пошли по пути создания общегерманских административных департаментов по основным отраслям экономики, которые должны были действовать под руководством Контрольного Совета для Германии.

Серьезные разногласия возникли при обсуждении вопроса о репарациях. СССР и США удалось выработать компромиссное предложение, в соответствии с которым Советский Союз получал репарации из своей зоны оккупации и за счет германских вложений за границей (а также дополнитель-

но 25% промышленного оборудования из западных зон). При этом из своей доли СССР обязался удовлетворить и репарационные претензии Польши.

24 июля Трумэн при личной встрече, в присутствии Черчилля, сообщил Сталину об испытании в США нового «оружия невиданной разрушительной силы», но не раскрывал его характера действий¹. Трумэн надеялся этим новым оружием ошеломить советского руководителя и заставить его идти на уступки в переговорах по переустройству послевоенного мира. Сталин никак не прореагировал на сообщение Трумэна и не поступился принципами советской политики, а по возвращении в Москву пригласил к себе крупного учено-атомщика Курчатова и спросил его: «Сколько будет стоить для нашей страны изобретение атомной бомбы в течение трех-четырёх лет?» Ученые страны уже изучали этот вопрос, и, недолго думая, Курчатов ответил: «Она будет стоить ровно столько, товарищ Сталин, сколько нами было потрачено на всю войну с фашистской Германией». Лицо Сталина помрачнело и, чуть помедлив в своих раздумьях, он сказал Курчатову: «Мы найдем эти средства. Готовьте постановление правительства о развертывании исследований в атомной области». И через четыре года в Советском Союзе было успешно взорвано первое советское ядерное устройство.

Несмотря на разногласия по вопросу о сохранении политической и экономической целостности Германии, на Потсдамской конференции СССР, США и Великобритания достигли соглашения по вопросу об основных направлениях общей политики в отношении Германии. Они предусматривали полное разоружение Германии и ликвидацию в ней всей промышленности, которая могла быть использована для военного производства. Участники Потсдамской конференции договорились о необходимости «уничтожить национал-социалистическую партию и ее филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме и предотвратить всякую нацистскую или милитаристскую деятельность или пропаганду»². Три державы обязались принять также и другие меры для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире. Потсдамским соглашением была определена новая польско-германская гра-

¹ А. Буллок. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Т. II. Смоленск, 1998, с. 569.

² Советская историческая энциклопедия, т. 11. М., 1968, с. 482.

ница по линии Одер — Западная Нейсе. И Трумэн, и Эттли пытались протестовать против включения в состав Польши Силезии, но Сталин поставил их перед свершившемся фактом, и никто с этой территории уже не мог заставить русских и поляков уйти.

По настойчивому требованию Сталина довоенная территория Польши, площадью в 212 тысяч кв. км, получила приращение на западе, за счет древних польских земель, более чем в 100 тысяч кв. км (территория, равная Голландии, Бельгии и Албании вместе взятым). До Второй мировой войны Польша имела выход к Балтийскому морю протяженностью 71 км, то стала иметь — 526 км. Без сталинской инициативы никто из западных союзников не собирался давать полякам такие приращения территории и приходится сейчас только удивляться, что в Польше забыта память этих его добрых дел.

Установление этой новой польско-германской границы было подкреплено решением Потсдамской конференции о переселении немецкого населения, оставшегося в Польше, Чехословакии и Венгрии на свою историческую родину. Потсдамская конференция подтвердила передачу Советскому Союзу Кенигсберга (с 1946 — Калининград) и прилегающему к нему района. Она учредила Совет Министров иностранных дел (СМИД), возложив на него подготовку мирного урегулирования. В качестве немедленной задачи на СМИД возлагалось составление мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией. Три правительства подтвердили на Потсдамской конференции свое намерение передать главных военных преступников суду международного военного трибунала.

Американская делегация была крайне заинтересована в скорейшем вступлении СССР в войну против Японии. Утверждения, будто ко времени Потсдамской конференции Соединенные Штаты уже не видели в этом необходимости, не соответствует действительности. После того, как советская делегация подтвердила свое обязательство вступить в войну против Японии, Трумэн признался в частном письме, что «получил без напряжения то, ради чего сюда прибыл, — Сталин вступит в войну... Теперь можно сказать, что мы закончим войну на год раньше, и я думаю о тех парнях, которые не будут убиты»¹.

Потсдамская конференция не сблизила союзников, а, наоборот, разъединила их. Возвращаясь на крейсере «Аугуста» с Потсдамской конференции в США, президент Трумэн дал ге-

¹ Итоги Второй мировой. Покушение на великую победу. М., 2005, с. 201.

нералу Д. Эйзенхауэру распоряжение: подготовить план ведения атомной войны против СССР. Ее первые наброски были составлены в декабре 1945 — январе 1946 года. Впоследствии он детализировался, уточнялся и развивался, но всегда был готов к применению. Планировалось вначале сбросить на самые крупные советские города 20 атомных бомб, а по мере увеличения производства — число их возрастало до 40 атомных бомб, а потом и до 200¹. И только создание советской атомной бомбы, отодвинуло на задворки истории саму мысль об атомной войне против СССР.

Не менее напряженная и даже воинственная обстановка складывалась и в Англии. Результаты войны в Европе в английских кругах были восприняты сдержанно и такие настроения исходили, прежде всего, от премьер-министра Черчилля, который не устал пугать правящий класс Великобритании возросшей военной мощью Советского Союза и его растущим политическим влиянием в европейских делах. Примириться с тем, что Советский Союз стал главным политическим и экономическим оппонентом Англии в делах Европы, в Лондоне никак не хотели. Такого же характера настроения существовали и в США, и речь Черчилля в Фултоне в марте 1946 года, в которой он призвал к превентивной войне Англии и США против СССР и стран народной демократии, вызвала в вашингтонских кругах одобрение. Политическая мысль в Вашингтоне все больше вращалась вокруг идеи столкновения с СССР. Сталин, ознакомившись с речью У. Черчилля в Фултоне, назвал его поджигателем новой войны и это лучше всего характеризует облик английского премьер-министра в послевоенные годы. Черчилль был инициатором устройства послевоенного блокового мира и в поисках превосходства одного блока над другим был запущен механизм гонки вооружений, не меньший, а даже больший, чем он был перед Второй мировой войной.

Советское правительство никогда не покидала тревога за положение дел на Дальнем Востоке, так как Япония продолжала держать в Маньчжурии, Корее и Китае почти миллионную по численности Квантунскую армию, предназначенную для агрессии против Китая, СССР и Монголии. На протяжении многих лет японские правящие круги осуществляли захватническую политику в странах Азии и вынашивали агрессивные планы против Советского Союза. Японский посол в гитлеровской Германии Иосима 18 апреля 1943 года заявил Риббентропу:

¹ РФ сегодня, №9, 2005.

«Одно неоспоримо, что уже 20 лет все планы японского Генерального штаба разрабатывались для нападения на Россию...»¹

В 1942 году японский Генеральный штаб разработал новый план войны против СССР, не изменявшийся до 1944 года. По этому плану предусматривалось внезапное нападение морского флота и авиации во взаимодействии с сухопутными силами на Владивосток. Одновременно Квантунская армия должна была нанести удар на Благовещенск². Первоначальной задачей этой армии считался захват Приморского края и уничтожение всех советских авиационных баз, чтобы обеспечить полное превосходство в воздухе японской авиации при ведении дальнейших операций по захвату советской территории. Для выполнения этой оперативной задачи намечалось использовать 30 пехотных дивизий, две танковых дивизии и 15 пограничных гарнизонов при поддержке четырех авиадивизий, с общим числом более 800 самолетов³. После нападения Германии на Советский Союз Квантунская армия, в соответствии с японским планом «Кантакоуэн» развернулась на Маньчжурской границе и в Корею для нападения на СССР, выжидая удобного момента для начала боевых действий в зависимости от исхода борьбы на советско-германском фронте.

Победа советских войск под Сталинградом и в Курской битве сорвала агрессивные планы империалистической Японии, направленные против СССР. Но японская военщина продолжала постоянно нарушать заключенный 13 апреля 1941 года пакт о нейтралитете. С лета 1944 года и до конца 1944 года японский военно-морской флот задержал 178 советских судов. Только в 1944 году было отмечено 144 случая нарушения границы СССР и 39 случаев обстрела советской территории. По сути дела, на Дальнем Востоке хотя и не действовал, но существовал фронт⁴.

Учитывая реальную обстановку в этом районе, Советский Союз вынужден был держать на границе с Маньчжурией 40 дивизий, отвлекая их от борьбы против немецко-фашистских захватчиков.

7 декабря 1941 года нападением Японии на военно-морскую базу США в Перл-Харборе (Гавайские острова), на Филиппинах, островах Гуам, Уэйк, и Мидуэй, началась война меж-

¹ Военно-исторический журнал, №8, 1975, с. 3.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 5. М., 1963, с. 526.

³ ЦАМО РФ. Ф.15, О. 11600, д. 1188, л.1—2.

⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. М., 1970, с. 623.

ду двумя морскими державами. 11 декабря 1941 года Германия и Италия, выступив на стороне Японии, объявили войну США. В первые месяцы войны Япония одерживала одну победу за другой, что вызвало в правящем классе США растерянность и тревогу за исход войны. Под впечатлением этих неудач и настроений в обществе президент Ф. Рузвельт, после победы Советской армии под Москвой, обратился к Сталину с просьбой, чтобы Советское правительство объявило войну Японии, и вместе с американской и английской армиями приняли участие в боевых действиях на Дальнем Востоке. Сталин тактично и вежливо уклонился от принятия такого решения, заявив, что все усилия Советского Союза сконцентрированы на войне с фашистской Германией и до ее разгрома не может быть никакой речи от отвлечения советских войск с главного фронта борьбы. И только 30 октября 1943 года в беседе с госсекретарем США Корделлом Хэллом Сталин сообщил ему, что «после того, как удастся разгромить Германию, Советский Союз примет участие в разгроме Японии»¹. Вопрос о количестве войск, объеме материальных средств и сроках их переброски на Дальний Восток в принципе был решен в общих чертах в октябре 1944 года во время переговоров в Москве с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и послом США в СССР А. Гарриманом. В ходе переговоров председатель ГКО И.В. Сталин и начальник Генерального штаба А.И. Антонов отметили, что Советский Союз располагает на Дальнем Востоке 30 дивизиями и 19 стрелковыми бригадами против 24 японских дивизий и 42 бригад, находившихся в Манчжурии и Корее. Для того чтобы обеспечить необходимое превосходство в силах, и быть в состоянии начать наступательные действия, на Дальний Восток нужно было перевезти еще около 30 дивизий².

С разгромом фашистской Германии и ее сателлитов в Европе, империалистическая Япония продолжала военные действия. Она отклонила совместную декларацию США, Великобритании и Китая от 26 июля 1945 года о безоговорочной капитуляции и тогда правительства США и Англии обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против Японии. Советский Союз, верный своему союзническому долгу, принял это предложение

Детализацией перегруппировки Генеральный штаб начал усиленно заниматься после Крымской конференции глав

¹ Вторая мировая война в воспоминаниях Уинстона Черчилля, Шарля де Голля, Кордэлла Хэла, Уильяма Леги, Дуайта Эйзенхауэра. М., 1990, с. 395.

² Военная мысль, №9, 1975, с. 67.

правительств трех союзных государств, на которой 11 февраля 1945 года было подписано соглашение о вступлении Советского Союза в войну против милитаристской Японии. В конце апреля Ставка определила и окончательно утвердила для перегруппировки армии, имевшие опыт ведения боевых действий в условиях, сходных с условиями Дальневосточного театра¹. Для выполнения поставленной задачи предусматривалось развернуть три фронта. На западной границе Маньчжурии — Забайкальский фронт под командованием маршала Р.Я. Малиновского, 1-й Дальневосточный фронт под командованием маршала К.А. Мерецкова и 2-й Дальневосточный фронт под командованием генерала армии М.А. Пуркаева. К участию в кампании привлекались также силы Тихоокеанского флота, которым командовал адмирал И.С. Юмашев. В Монголию перебрасывалась конно-механизированная группа генерал-полковника И.А. Плиева.

По количеству перебрасываемых сил и средств, пространственному размаху, это была первая в истории войн стратегическая перегруппировка. В русско-японскую войну царское правительство при подготовке к войне и в ходе ее ведения так и не сумело осуществить переброску войск на Дальний Восток в необходимом количестве, а материальные средства расхищались работниками военного ведомства и местными чиновниками на пути следования эшелонов, что привело страну к позорному поражению.

Переброска войск осуществлялась в течение трех месяцев на расстояние от 9 до 12 тыс. км и она потребовала, при начавшейся демобилизации действующей армии, отвлечь, на длительный период большое количество подвижного железнодорожного состава из ресурсов страны. Только за май-июль 1945 года на Дальний Восток и в Забайкалье было отправлено сто тридцать шесть тысяч вагонов с личным составом, техникой и различными военными грузами².

Готовясь к такой напряженной перевозке войск, ГКО 13 апреля 1945 года приняло постановление «Об улучшении работы железных дорог Дальнего Востока», которое предусматривало увеличение движения поездов на направлении Новосибирск — Владивосток до 30 пар в сутки. Этим постановлением был образован специальный округ железных дорог Дальнего Востока для руководства Восточно-Сибирской, За-

¹ *А.М. Василевский. Дело всей жизни. М., 1974, с. 504—505.*

² *Русские полководцы. Малиновский. Анатолий Марченко. Солдаты Отчизны. М., 2005, с. 239.*

байкальской, Амурской, Дальневосточной и Приморской железными дорогами.

Первым на Дальневосточный театр военных действий было переброшено по железной дороге Полевое управление Резервного (бывшего Карельского) фронта, имевшего богатый опыт организации и ведения операций на театре, во многом схожем по условиям местности с Приморско-Маньчжурским стратегическим направлением¹. Да и сам командующий фронтом маршал Советского Союза К.А. Мерецков хорошо знал это направление по прежней службе на Дальнем Востоке.

Массовая переброска войск на Дальний Восток началась перевозкой по железной дороге 5-й общевойсковой армии под командованием генерал-полковника Н.И. Крылова из Восточной Пруссии². Наибольшее количество войск перегруппировывалось в Забайкальский фронт. В его состав из Восточной Пруссии прибыли 39-я и 53-я общевойсковые армии генерал-полковника И.И. Людникова и генерал-полковника И.М. Манагарова, а также 6-я гвардейская танковая армия генерал-полковника танковых войск А.Г. Кравченко.

Таким образом, в результате успешно проведенной перегруппировки сил и средств с запада и центральных районов страны общее количество войск, действовавших на Дальневосточном театре, увеличилось: по личному составу — более чем на 500 тыс. человек, по боевому составу — более чем на 100 соединений различных родов войск, по танкам — на 1500, по САУ — на 1840, по орудиям — на 7,5 тыс., по минометам — на 3600, по реактивным установкам — более чем на 1100, по боевым самолетам — почти на 1400 единиц³. Это количество сил и средств было эквивалентно одному крупному фронтовому объединению, действовавшему на советско-германском фронте. Такое усиление войск на Дальнем Востоке обеспечивало достижение целей Дальневосточной кампании в короткие сроки.

Государственный Комитет Оборона, по предложению Сталина, для стратегического руководства военными действиями на Дальнем Востоке, учитывая его большую удаленность от Ставки, огромную территорию, сложные природные условия, а также необходимость использования Тихоокеанского флота, создал Главное Командование советских войск

¹ ЦАМО РФ. Ф. 234, оп.3213, д.375, л. 5—32; Д.385, л. 1—17.

² Там же. Ф. 326, оп.5047, д.701, л.1—99; ОП.5085, д.14, л.1, 75—91

³ Военная мысль, №9, 1975, с. 75.

на Дальнем Востоке, во главе которого был поставлен маршал Советского Союза А.В. Василевский.

Перегруппировка войск на Дальний Восток Ставкой была осуществлена с предельной осторожностью и скрытностью, и японская агентура так и не сумела проникнуть сквозь расставленную советской контрразведкой завесу секретности.

При подготовке к войне с Японией были уточнены все разведданные о силе и боевой возможности японской армии. К началу 1945 года ее сухопутные силы и авиация насчитывали 5,5 млн. человек, 10 тыс. самолетов и около 500 боевых кораблей. При этом в Китае находилось 1 млн. 500 тыс. человек, в Юго-Восточной Азии — 601 тыс., на островах Тихого океана — 233 тыс., и в самой метрополии — 2 млн. 400 тыс. человек. Здесь был сосредоточен почти весь личный состав военно-морского флота, насчитывающий 1 млн. 700 тыс. матросов и офицеров¹.

Это была внушительная сила и совершенно очевидно, что без участия Советского Союза война с Японией, как считал Сталин, могла продлиться не менее полутора лет и потребовала бы перебросить на Японские острова несколько миллионов американских и английских солдат, что было сопряжено с большими для них потерями.

Из всех группировок японских войск наиболее сильной считалась Квантунская армия, сосредоточенная в Маньчжурии. На нее правящий класс Японии возлагал большие надежды. Квантунская армия насчитывала 871 тыс. человек, 6700 орудий и минометов, 1200 танков, 1900 самолетов. Противник имел 17 укрепленных районов, протяженностью 1000 км, в которых было около 8 тыс. долговременных огневых сооружений. В оперативной глубине японцы возводили два оборонительных рубежа: один — по линии Муданьцзян — Янцзы фронтом на восток, второй — по линии Гирин — Чанчунь — Мукден.

В состав Квантунской армии входило четыре фронта: Восточно-Маньчжурский, развернутый вдоль границ нашего Приморья, Западно-Маньчжурский, предназначенный для действий на монголо-маньчжурском направлении, затем фронт в районе портов Кореи, являвшийся резервом командующего Квантунской армии, и, наконец, фронт на Южном Сахалине и Курильских островах. Квантунской армии подчинялись местные марионеточные войска — армия Маньчжоу-Го в составе восьми пехотных и двух кавалерийских дивизий, и армия

¹ Военно-исторический журнал, №8. М., 1975, с. 4.

Внутренней Монголии под командованием князя Дэ Ванна, имевшего в своем подчинении шесть кавалерийских дивизий.

5 июля маршал А. Василевский, прилетевший в Читу, где размещался штаб Забайкальского фронта, привез с собой директиву Ставки, в которой требовалось провести три операции. Главная операция — Хингано-Мукденская возлагалась на Забайкальский фронт, которому при содействии войск Монгольской Народной Республики, предстояло преодолеть Большой Хинган и главными силами нанести удар на Мукден. 1-й Дальневосточный фронт должен был провести Харбинско-Гириинскую операцию с нанесением главных ударов на Харбин и Гирин. 2-му Дальневосточному фронту досталась вспомогательная, Сунгарийская операция, в ходе которой предполагалось сковать Квантунскую армию ударом из Приамурья. Оба Дальневосточных фронта должны были тесно взаимодействовать с Тихоокеанским флотом при освобождении Южного Сахалина и Курильских островов.

6 августа стало известно, что США сбросили атомную бомбу на Хиросиму: одной бомбой была разрушена треть города, погибло сразу 80 тысяч человек и 40 тысяч были ранены. Спустя три дня последовал второй удар, на этот раз по г. Нагасаки. Применение принципиально нового оружия, причем огромной разрушительной силы, действительно оказалось неожиданным для японцев. И все же, как говорят факты, атомные удары не привели к немедленной капитуляции. Даже Черчилль признавал, что «было бы неправильно полагать, будто атомная бомба решила судьбу Японии». Сталин отлично понимал, что атомная бомбардировка Японии больше преследует политические цели, чем военные. Нужно было запугать мир новым оружием и особенно — СССР. В этот же день Сталин позвонил Василевскому и сказал ему, что «действия американцев не вызваны военной необходимостью и не повлияют на способность Японии к сопротивлению»¹.

Применение атомной бомбы не отразилось на способности японцев к сопротивлению. Они ужаснулись зверству американского командования против мирного населения, и с еще большим ожесточением и упорством стали готовиться к продолжению войны, исход которой зависел и от Квантунской армии, защищавшей на дальних подступах национальные интересы Японской империи.

¹ Русские полководцы. Малиновский. Анатолий Марченко. Солдаты Отчизны. М., 2005, с. 244.

Предстоящая советская военная кампания против Японии не рассматривалась американским командованием в качестве решающего фактора, а представлялась как возможность втянуть Советский Союз в длительную и кровопролитную войну, что приведет к ослаблению ее вооруженных сил. Но Советское правительство оставалось, во-первых, верным союзническому долгу, а во-вторых, понимало, что Квантунская миллионная армия после поражения Японии могла быть использована бывшими союзниками для шантажа СССР и против Китайской Народно-Освободительной армии, тесно сотрудничавшей с Советской армией.

8 августа 1945 года Советское правительство заявило японскому послу в Москве, что со следующего дня Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией и присоединяется к декларации США, Англии и Китая от 26 июля 1945 года. «Советское правительство, — говорилось в заявлении, — считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции»¹.

В правящем классе Японии заявление Советского правительства вызвало полное замешательство. 9 августа на заседании Высшего военного совета премьер-министр Судзуки, выражая общее настроение, заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза... делает невозможным продолжение войны»².

К началу военных действий группировка советских войск насчитывала более 1,5 млн. человек и на ее вооружении было 27 тыс. орудий и минометов, 5500 танков и самоходных установок, 3800 боевых самолетов. Советские войска превосходили японские: в живой силе — почти в два раза, в орудиях — в четыре, в танках и САУ — в 4,6, в авиации — более чем в два раза.

Замысел Ставки заключался в том, чтобы силами Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов при содействии Тихоокеанского флота и Амурской речной флотилии окружить Квантунскую армию, одновременно расчленив ее на части и уничтожить каждую из них в отдельности.

¹ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 3. М., 1947, с. 362—363.

² История современной Японии. М., 1955, с. 264.

Внезапность начала войны с Японией зависела, прежде всего, от сохранения в секрете замысла операции и степени готовности советских войск к наступлению. Срок начала боевых действий никому не объявлялся. Генеральный штаб исходил при этом из следующего предположения: японское командование, учитывая относительно слабую пропускную способность Транссибирской магистрали, и сезонные дожди в августе в Маньчжурии, считает, что советские войска будут готовы начать боевые действия только осенью. Впоследствии выяснилось, что Генеральный штаб не ошибся в своих предположениях. Японское командование действительно ожидало начала войны в середине сентября — начале октября 1945 года.

Ход операции показал, что оперативная маскировка, осуществленная на всех фронтах, дала большой эффект. Сила и напряжение основных ударов наших войск оказались для японского командования в большинстве случаев внезапными. «Мы не ожидали, — говорил командующий 5-й японской армии генерал-лейтенант Семидзу, — что русская армия пойдет через тайгу, и наступление внушительных сил русских со стороны труднодоступных районов оказалось для нас совершенно неожиданным»¹.

9 августа в ноль часов по местному времени войска Забайкальского фронта перешли границу. Его передовые отряды вместе с пограничниками атаковали многочисленные опорные пункты противника и его укрепленные районы. Особенно больших успехов добилась 6-я гвардейская танковая армия. За два дня она преодолела 300-километровую полупустынную местность и на третий день — хребет Большого Хингана. Местами этот горный хребет достигал высоты 800—1200 метров над уровнем моря, а его проходимость усложняли многочисленные отроги, склоны были покрыты густыми лесами. Отроги разделялись широкими равнинами, реками с болотистым дном. К тому же с началом наступления на Хинган обрушились дожди. Неприхотливые и ко всему привычные экипажи танков Т-34 за семь часов преодолели Большой Хинганский хребет и вышли на Маньчжурскую равнину, на оперативный простор. Сообщение об этом поразило японское командование; они даже в страшном сне не могли себе представить, что такое может произойти.

Не менее рискованным и смелым было наступление конно-механизированной группы во главе с генералом И.А. Плиевым, пересекавшей безводную пустыню Гоби, где жара в это

¹ ЦАМО РФ. Ф.294, оп.36402, д.3, л.87.

время года достигала 50 градусов, а песок накалялся и до 70. Группа стремительно вышла к Калганскому укрепленному району японцев, который своими флангами упирался в Великую Китайскую стену, и с ходу овладела им.

На 1-м Дальневосточном фронте советские войска встретили ожесточенное сопротивление гарнизонов укрепленных районов. Трудность наступления усугублялась тем, что оно велось в тайге и при полном бездорожье. Впереди шли танки, они валили деревья, а автоматчики и саперы растаскивали их и расчищали путь шириной до 5 м. За шесть дней боев части и соединения 1-го Дальневосточного фронта прорвали укрепленные районы, продвинулись на 100 км и завязали бои за сильный узел сопротивления город Муданьцзян.

Ночью 9 августа перешли в наступление и войска 2-го Дальневосточного фронта на сунгарийском и жаохэйском направлениях. В течение 9 и 10 августа они при поддержке кораблей Амурской флотилии форсировали Амур, захватили плацдармы на противоположном берегу и в последующем стали развивать удар вглубь страны.

Через пять дней после начала боевых действий войска Забайкальского фронта под командованием маршала Р. Малиновского продвинулись на 400 км и вышли в центральные районы Маньчжурии, стремительно приближаясь к ее столице Чанчунь и к крупному промышленному центру Мукден. Войска 1-го Дальневосточного фронта, ведя наступление в труднодоступной горно-таежной местности, прорвав сильно укрепленную оборону, напомнившую командующему фронтом маршалу К. Мерецкову финскую линию Маннергейма, продвинулись в глубь Маньчжурии на 150—200 км и повели бои на подступах к городу Муданьцзяну. Войска 2-го Дальневосточного фронта генерала М. Пуркаева завязали бои на подступах к Цицикару и Цзямусам.

14 августа японское правительство приняло решение о капитуляции, но приказ о прекращении боевых действий вооруженным силам отдан не был. В связи с этим советские войска получили указание продолжать наступательные действия¹.

К 17 августа войска трех фронтов вошли в центральные районы Северо-Восточного Китая, овладели портами в Северной Корее и соединились с 8-й армией Народно-освободительной армии Китая в районе Калгана. В результате Квантунская армия оказалась отрезанной от метрополии.

¹ Правда, 1945, 16 августа.

Советские войска, сметая на своем пути оборонительные позиции японской армии, менее чем за неделю расчленили Квантунскую армию на отдельные части, заставив ее главнокомандующего генерала Ямада начать 17 августа переговоры об окончании боевых действий. К этому времени уже были высажены советские десанты в Мукдене, Чанчуне, Порт-Артуре, Дальнем, Харбине и Гирине, а вслед за ними в эти города прорвались передовые отряды и соединения 6-й гвардейской танковой армии генерала Кравченко. Японские войска были буквально парализованы и целыми соединениями сдавались в плен.

Маршал А. Василевский направил генералу Ямаде радиogramму, в которой потребовал «с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен». Положение Квантунской армии было настолько тяжелым, что предложения советского командования были приняты к исполнению безоговорочно. В советском плену оказалось 148 японских генералов, 594 тысячи офицеров и солдат. Вся кампания длилась 24 дня, а боевые действия — вдвое меньше. Военные действия советских вооруженных сил завершились блистательной победой. Японцев выбили с Южного Сахалина и Курильских островов. На Южном Сахалине капитулировали 18 тыс., а на Курильских островах — 54 442 японских солдата и офицера.

Быстрый разгром японских войск в Маньчжурии и Корее не оставлял Токио никаких надежд. 18 августа японское командование отдало приказ о безоговорочной капитуляции. Фактически же японские войска прекратили сопротивление на 23-й день Дальневосточной кампании.

Победа советских вооруженных сил на Дальнем Востоке имела всемирно-историческое значение. Разгром Квантунской армии и капитуляция империалистической Японии коренным образом изменили соотношение сил во всей Восточной и Юго-Восточной Азии. Империалисты Японии потеряли все плацдармы и военные базы, с которых они в течение многих лет готовили агрессию против Советского Союза.

Потери противника были огромными: свыше 667 тыс. солдат и офицеров, из них около 84 тыс. убитыми и более 595 тыс. пленными. Были взяты большие трофеи. Лишь войска Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов захватили 1 565 орудий, 2 139 минометов и гранатометов, 600 танков, 861 самолет, 9 508 легких и 2 480 тяжелых пулеметов, 2 129 автомашин. Войска 2-го Дальневосточного фронта и Амурской флотилии захватили все корабли Сунгарийской военно-речной

флотилии¹. При этом победа над таким сильным врагом была достигнута сравнительно малыми жертвами. Общие потери советских вооруженных сил составляли около 32 тыс. человек. Это было наглядное свидетельство высокого уровня руководства войсками со стороны советского командования, штабов, а также высокого искусства и мастерства советских войск.

Сталин распорядился, чтобы все вооружение Квантунской армии было передано Китайской Народно-освободительной армии, которая с помощью этого оружия нанесла поражение гоминьдановской армии, и 1 октября 1949 года в Пекине было торжественно провозглашено создание Китайской Народной Республики, приступившей к строительству социализма.

Мир после поражения Японии не стал лучше. США, воспользовавшись правом единоличного владения грозным атомным оружием, попытались разговаривать с Советским Союзом не языком союзника и равного партнера в международных делах, а с позиции силы и высокомерия. Свою американскую демократию они силой навязывали всем государствам Европы и Азии, и с такой же меркой подходили и к общественному устройству в СССР. Советское правительство знало о планах применения атомного оружия против Советского Союза и все время содержало достаточно большие военные силы, способные компенсировать мощь атомной бомбы, если война станет неизбежной, и одновременно вело усиленные разработки по созданию своего атомного оружия.

После разгрома Квантунской армии позиции Советского Союза на Дальнем Востоке еще более окрепли, но угроза атомного нападения оставалась, что заставило Сталина оставить на Дальнем Востоке крупный контингент советских войск и довести до ста единиц численность авиационных полков, базирующихся на Сахалине, Чукотке, Камчатке и Курильских островах. Для скрытности эти авиационные части назывались полками, хотя по числу в них боевых самолетов они приравнивались к дивизиям и в них был собран весь цвет советских асов, отличившихся в воздушных боях с фашистскими летчиками.

А в начале 1946 года начали усиленно формировать 14-я Особую Десантную армию на полуострове Чукотка. Командующим этой Особой армией был назначен генерал-лейтенант Н.Н. Олешев, который, командуя 113-м стрелковым корпусом, заставил заговорить о себе как об одном из самых способных военачальников в конце войны. Его корпус стре-

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т.5. М., 1965, с. 581.

мительно преодолел Большой Хинган и за 15 дней продвинулся на 900 км по занятой противником территории Северного Китая. 8 сентября ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Эта армия была создана по личному указанию Сталина и имела стратегическую задачу: если американцы совершат на нас атомное нападение, она должна была высадиться на Аляске и, двигаясь вдоль морского побережья, развивать наступление в глубь США. Ее боевые действия должны были поддерживать сто авиационных полков и Тихоокеанский флот, пополнявшийся крупными кораблями. Задача на первый взгляд была слишком рискованной, но ведь ее должны были выполнять испытанные в боях и сражениях опытные офицеры и солдаты армии, служба которых была продлена, и им выплачивалось высокое денежное содержание. В США политическое руководство и военное командование предполагало возможность нанесения удара по их территории 14-й Особой Десантной армией через Аляску, и это сдерживало их от проявления воинственных амбиций и атомного шантажа. С появлением в Советском Союзе атомной бомбы отпала надобность в содержании крупного контингента советских войск на Дальнем Востоке, в том числе и 14-й армии, которая была расформирована. Показательно, что успешное испытание первой советской атомной бомбы в Советском Союзе не сопровождалось никаким особым пропагандистским эффектом, тем более нагнетанием атомного психоза. Все это зримо свидетельствовало о трезвом подходе Москвы к изменившемуся характеру войны в ядерный век и одновременно служило предостережением против ее развязывания.

На протяжении всей войны советско-германский фронт был главным и решающим фронтом всей Второй мировой войны. Именно здесь была решена судьба народов, государств и всего человечества. История не знает примера, когда государство, подобно СССР, оказавшись в начале войны в такой сложной ситуации, смогло в короткий срок перестроить экономику на военный лад, мобилизовать все материальные средства, людские ресурсы и моральные силы и добиться коренного изменения в ходе войны в свою пользу. Ни одна страна не смогла сдержать напора фашистской военной машины: Франция пала за 44 дня, Польша — за 35. Советское государство и его вооруженные силы испытали все: и тяжесть первого внезапного удара, и горечь отступления в первые дни, и месяцы войны, и гигантское напряжение всех сил и ресурсов для дос-

тижение коренного перелома в войне, и гордость за выполненный патриотический и интернациональный долг.

Огромные вооруженные силы фашистской Германии, и, прежде всего, их основная часть — сухопутные войска, были перемолоты в сражениях на Восточном фронте. Советские вооруженные силы уничтожили, взяли в плен и разгромили 507 из 587 немецко-фашистских дивизий. Это более чем втрое превышает численный состав фашистской сухопутной армии, вторгшейся на нашу родину в 1941 году. Кроме того, разгрому подверглись 100 дивизий сателлитов Германии. Союзники же разгромили в Западной Европе, Северной Африке и Италии не более 176 дивизий. На советско-германском фронте было уничтожено значительное количество вражеского оружия и военной техники — 167 тысяч орудий, 38 тысяч танков, до 77 тысяч самолетов, что составило около 70 процентов этих видов вооружений, выпущенных Германией в годы войны. Германия лишилась в войне против СССР 10 млн. человек. Это три четверти общих ее потерь во Второй мировой войне, составивших 13 600 тыс. человек¹.

Уже после войны германское руководство стало всячески принижать свои потери во Второй мировой войне, а потери Австрии вообще не учитывать в своей статистике, и, наоборот, увеличивать потери Советской армии, что «любезно» подтверждалось диссидентами из новой России. Но правда состоит в том, что еще и до сих пор ни в Германии, ни в России не восстановлен тот человеческий потенциал, который был утрачен во время той войны и неизвестно, когда он будет восстановлен.

Более года за пределами своей страны вели боевые действия советские вооруженные силы, насчитывающие в своих рядах около 8,5 млн. человек. В завершающей кампании 1945 года в Европе Советская армия (без резерва Ставки) имела 6,7 млн. человек, 107,3 тыс. орудий и минометов, 12,1 тыс. танков и САУ и 14,7 тыс. боевых самолетов. В действующей армии находилось 473 стрелковые, воздушно-десантные и кавалерийские дивизии, а также 21 танковый, 12 механизированных корпусов и большое количество других соединений и частей.

Вместе с Советской армией сражались болгарская, польская, две румынские армии и чехословацкий армейский корпус. В феврале 1945 года началось создание новой венгерской армии в составе восьми дивизий и ряда частей специальных войск. К концу войны эти союзные армии насчитывали око-

¹ Военная мысль, №5, 1975, с. 16.

ло 350 тыс. солдат и офицеров, и имели на своем вооружении 3979 орудий и минометов, 181 танк и САУ, 14,7 тыс. боевых самолетов¹.

Красная Армия освободила от фашистской оккупации полностью или частично территорию десяти стран Европы общей площадью 1 млн. кв. км с населением 113 млн. человек и частично от японского порабощения территории двух стран Азии общей площадью более 1,5 млн. кв. км с населением около 70 млн. человек².

Советские вооруженные силы в борьбе за освобождение европейских народов от фашистского ига понесли самые большие потери: 69 тыс. наших воинов погибло на территории Румынии, более 140 тыс. — в ходе боевых действий в Венгрии, почти 26 тыс. — на австрийской земле. Неся свободу польскому народу, отдали свою жизнь 600 тыс. советских солдат и офицеров, более 140 тыс. погибло за независимость Чехословакии. При освобождении стран Европы сложили голову более 1 млн. советских воинов, а общее число убитых и раненых составило 3 млн. человек³.

Государства, участвовавшие в войне, поставили под ружье 110 млн. человек и расходовали на нее ежегодно от 43 до 68 процентов своего национального дохода. Боевые действия развернулись на территории в 22 млн. кв. км. В состоянии войны находилось 61 государство. Их военные расходы, по ориентировочным подсчетам, составили 935 млрд. долларов. Война обошлась в 50 млн. убитых и оставила после себя 35 млн. инвалидов — вот та страшная дань, которая человечество уплатило за непринятие решительных мер по обузданию гитлеровского режима на этапе его возникновения. Особенно большой урон был причинен Советскому Союзу, на плечи которого легла главная тяжесть борьбы. Наша страна потеряла 27 млн. своих сыновей и дочерей. Три четверти из них составляют мирные жители и военнопленные, замученные гитлеровцами на оккупированных территориях.

На службу этой войны были поставлены гигантские производительные силы. Сотни тысяч предприятий, сотни миллионов рабочих строили самолеты, танки, изготавливали пулеметы, винтовки и другие орудия смерти и разрушения. Не меньшее количество крестьян напряженно трудились на полях, снабжая воюющие армии продовольствием.

¹ Военная мысль, №4, 1979, с. 69.

² Военно-исторический журнал, №9, 1981, с. 9—10.

³ Там же, №6, 1981, с. 9.

Первая мировая война поглотила материальных ресурсов на 260 млрд. долларов, вторая — на 3 300 млрд. долларов, то есть, в двенадцать раз больше. Во Второй мировой войне только четыре главных воюющих государства — Германия, США, Англия и СССР произвели военной техники во много раз больше, чем все государства, участвовавшие в Первой мировой войне, а именно: 653 тыс. самолетов, 287 тыс. танков, свыше миллиона орудий¹.

В целом Вторая мировая война крайне отрицательно сказалась на народном хозяйстве большинства воевавших государств. Особенно значительные затраты и потери понесли народы тех стран, на территории которых развертывались военные действия. Но даже те государства, которые находились на значительном удалении от основных театров военных действий, не смогли избежать негативных последствий войны.

Опыт Второй мировой войны напоминает, что не только сама война и ее последствия, но и подготовка к ней, гонка вооружений ведут к серьезному обострению проблем народонаселения, к подрыву экономики. Только прочный мир может создать необходимые условия для развития экономических и демографических процессов в направлениях, которые отвечают интересам всех государств в этом мире. Созданная сразу после войны Организация Объединенных Наций в течение многих десятилетий сдерживала агрессивные устремления отдельных государств к развязыванию новых войн и коллективной волей миролюбивых государств поддерживает мир во всем мире. Пусть это стремление к миру станет притягательной силой человечества и станет тем вечным маяком, к которому устремятся все народы и государства в поисках мира и спокойствия.

¹ Великая Отечественная война 1941—1945. Краткая история. М., 1970, с. 562.

ОБ АВТОРЕ

Автор книги Устинов Виктор Иванович родился 14 июля 1937 года в городе Краматорске, Донецкой области, Украина. В этом же городе он пошел в первый класс школы № 6, а 10-й класс заканчивал в Риге. В 1955 году поступил, а в 1958 году окончил Тюменское военно-инженерное училище и много лет служил в инженерных войсках Белорусского, Сибирского, Ленинградского и Дальневосточного военных округов. Был нештатным корреспондентом армейской газеты и в 1966 году заочно окончил факультет журналистики Белорусского Государственного университета. Для повышения своих военных знаний учился в Военно-инженерной, а потом и в Академии Генерального штаба СССР, по окончании которых занимал высокие должности в штабах Красной Армии. Написал ряд интересных очерков о великих людях России — князе Г.А. Потемкине, М.И. Кутузове, Н.В. Гоголе, В.И. Дале и других видных деятелях истории и культуры, а в 2008 году издал книгу «Гибель Романовых. Прусский след».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Глава I

Создание национал-социалистической партии в Германии и приход Гитлера к власти. — Диктатура вождя и начало милитаризации политической и экономической жизни страны. — Денонсация Версальского договора. — Промышленные «четырёхлетки» Геринга. — Аншлюс Австрии. — Мюнхенское соглашение и оккупация Чехословакии 8

Глава II

Ю. Пилсудский и его режим «санации» в Польше. — Нарастание угроз Польше со стороны гитлеровской Германии и предоставленные ей «гарантий» Англией и Францией. — Переговоры военных делегаций в Москве по противодействию агрессии Германии и их срыв. — Позиция Польши. — Пакт Молотова — Риббентропа . . 42

Глава III

Нападение Гитлера на Польшу и объявление Англией и Францией «странной» войны Германии. — Разгром Польши и вступление советских войск в Восточную Польшу. — Вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР. — Советско-финская война. — Захват Гитлером Норвегии, Голландии и Дании и нападение на Францию. — «Дюнкерское чудо». — Капитуляция Франции 56

Глава IV

Зарождение замысла нападения фашистской Германии на Советский Союз. — Разработка плана «Барбаросса». — Авантюристичность плана на «молниеносную» войну. — Мобилизация экономики Германии и оккупированных ею стран на войну с СССР. — Тайна полета Гесс в Англию. — Характер развертывания и сосредоточения немецко-фашистских войск у границ Советского Союза . . 95

Глава V

Сателлиты фашистской Германии. — Итало-греческая война. — Переворот в Югославии и бездействие правительства Д. Симовича. — Нападение фашистской Германии на Грецию и Югославию. — Схватка немцев с англичанами за остров Крит. — Балканы под пятой фашизма 135

Глава VI

Итоги индустриализации в СССР и создание сильной и независимой экономики страны. — Переход народного хозяйства страны на режим работы военного времени. — Последствия военного заговора в армии. — Поездка В. Молотова в Берлин. — Закрытие германских консульств и высылка немцев в Поволжье и за Урал. — Сплочение евреев вокруг сталинского режима власти 150

Глава VII

Характер стратегического построения советских вооруженных сил перед войной. — Кордонный принцип расположения советских войск у государственной границы. — Неготовность механизированных корпусов к войне. — Просчеты высшего командования Красной Армии в планировании первых операций 172

Глава VIII

Страна готовится к отражению агрессии. — «Шарашки» в системе НКВД. — Строительство советских вооруженных сил и доклад Г. Жукова о состоянии армии. — Убийство Троцкого — Заявление ТАСС от 14 июня 1941 года. — Зловещие приметы приближения войны. 191

Глава IX

Нападение фашистской Германии на Советский Союз. — Меры Советского правительства по мобилизации народного хозяйства страны на отпор врагу. — Разгром Западного фронта. — Создание Совета по эвакуации. — Образование Государственного Комитета обороны во главе со Сталиным 242

Глава X

Переход Красной Армии к стратегической обороне. — Смоленское сражение и начало крушения плана «Барбаросса». — Гибель поляков под Катынью. — Неспособность фашистской Германии вести наступление на трех стратегических направлениях. — Ель-

нинская наступательная операции Г. Жукова. — Поворот главных сил вермахта на Украину. — Вмешательство Н. Хрущева в оборону Киева. — Разгром Юго-Западного фронта 285

Глава XI

Подготовка группы армий «Центр» к наступлению на Москву. — Замысел операции «Тайфун». — Предвидение Г. Жукова. — Окружение советских войск под Вязьмой и Брянском. — Осадное положение в Москве. — Сибирские дивизии на подступах к столице. — Собрание Сталиным резервов и подготовка контрнаступления. — Разгром гитлеровских войск под Москвой 318

Глава XII

Стратегические планы сторон на 1942 год. — «Инициативы» маршалов С. Тимошенко и С. Буденного. — Провал Крымской и Харьковской наступательных операций. — Опора И. Сталина на молодых генералов. — Отступление Красной Армии на юге страны. — Приказ № 227. — Оборона Сталинграда и подготовка контрнаступления. — Разгром немецких войск и их сателлитов под Сталинградом. — Первые маршалы войны 374

Глава XIII

Замысел сторон на 1943 год. — Курский выступ. — Переход советских фронтов к преднамеренной обороне. — Создание Ставкой резервного Степного фронта. — Упреждение врага в нападении. — Прохоровское сражение. — Контрнаступление советских войск. — Тегеранская конференция союзников 429

Глава XIV

Освобождение правобережной Украины и Крыма. — Крах южного фронта гитлеровской армии. — Наступление в Белоруссии, выход советских войск к границам Польши. — Восстание в Варшаве и его последствия. — Муки с открытием второго фронта в Европе. — Операция «Оверлорд». — Покушение на Гитлера. — Поражение Финляндии и выход ее из войны 456

Глава XV

Зимнее наступление Советской армии в 1945 году. — Немецкое наступление в Арденнах. — Письмо Черчилля Сталину. — Висло-Одерская операция. — Освобождение Варшавы и помощь Советского правительства в ее восстановлении. — Замысел Берлинской операции. — Смерть Ф. Рузвельта. — Взгляды Трумэна на сотрудничество с СССР. — Подготовка Черчиллем операции «Немыслимое». — Капитуляция фашистской Германии 498

Глава XVI

Парад Победы в Москве. — Потсдамская конференция: от союза к конфронтации. — Подготовка СССР к войне против Японии. — Применение США атомной бомбы. — Разгром Квантунской армии. — Атомный шантаж США и меры Советского правительства по сдерживанию ядерной угрозы. — Образование Китайской Народной Республики. — Итоги Второй мировой войны: людские и материальные потери 549

Об авторе 571

Массово-политическое издание

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Устинов Виктор Иванович

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Редактор *В. Манягин*
Художник *Ю. Щербаков*
Компьютерная верстка *А. Кувшинников*
Корректор *В. Авдеева*

В коллаже на переплете использована фотография: Архив РИА Новости

ООО «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-izdat@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.poliitkniga.ru>

Подписано в печать 22.03.2012. Формат 84x108^{1/32}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24.

Тираж 3 000 экз. Заказ 5039.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15.
Home page – www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4438-0029-5

9 785443 800295 >

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Вторая мировая война – историческое событие такого масштаба, что оказывает огромное влияние и на современную политику ведущих государств планеты. Стоит вспомнить хотя бы скандал вокруг Катюни, нескончаемые споры по поводу так называемого пакта Молотова–Риббентропа и прочие будоражащие умы вопросы, так и не получившие на сегодняшний день ответа. Несмотря на то, что прошло уже более 70 лет со дня начала Второй мировой войны, многие политические события, сопровождавшие ее, так и остались тайной за семью печатями. Автор этой книги – политик, журналист, военачальник – попытался приподнять таинственный покров, скрывающий истину, и рассказать читателю подлинную политическую подоплеку самой кровавой войны в истории человечества.

ISBN 978-5-4438-0029-5

9 785443 800295 >